

Николай Троицкий

1812 ВЕЛИКИЙ ГОД РОССИИ

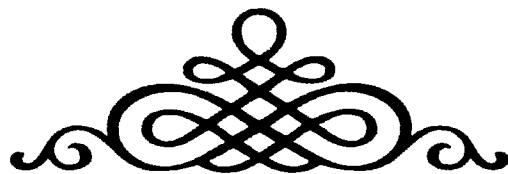

НОВЫЙ ВЗГЛЯД
на Отечественную войну 1812 года

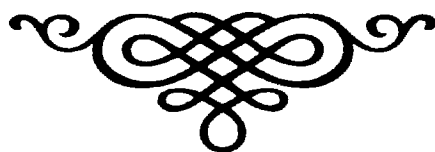
- Наша уверенность в достаточно
знакомстве с историей своего
государства является
преждевременной

В. Ключевский

1812

ВЕЛИКИЙ ГОД
РОССИИ

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524
Т 70

Серия основана в 2005 году

Ведущий редактор серии **Георгий Пилиев**

Предисловие д. и. н. **Игоря Шеина**

Внутренний дизайн и верстка **Артура Вардересяна**

Дизайн обложки **Виктора Попова**

*В оформлении обложки использована картина
А. Шепсюка «М.И. Кутузов на командном пункте
в день Бородинского сражения» (1951)*

Т 70 Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. — М.: Омега, 2007. — 560 с. (С цв. вклейками) — (Серия «Загадочная Россия. Новый взгляд»).

ISBN 978—5—465—01475—5

В книге доктора исторических наук Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» впервые предпринят критический пересмотр официозно-советской историографии «Двенадцатого года» с ее псевдопатриотическими штампами, конъюнктурными домыслами, предвзятым истолкованием причин, событий и даже цифири «в нашу пользу».

Тщательно воспроизведенная хроника событий, поверенная множественными авторитетными источниками, делает эту книгу особенно ценным пособием по истории Отечественной войны 1812 года.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Игорь Шеин. «Н.А. Троицкий: "Я ни разу не пожалел о сделанном выборе..."». (К выходу нового издания книги Н.А. Троицкого «1812. Великий год России»)</i>	7
ВВЕДЕНИЕ	69
Глава I. ПРОЛОГ.	95
Перед грозой.	97
Причины и характер войны 1812 г.	112
Подготовка к войне	120
Глава II. НАШЕСТВИЕ.	133
Начало войны.	135
Соотношение сил	144
Планы сторон.	171
Глава III. ОТСТУПЛЕНИЕ	181
От Немана до Смоленска	183
Смоленск	209
От Смоленска до Бородина	226
Глава IV. БОРОДИНО.	249
Накануне	251
День Бородина	265
Итоги	289
Глава V. ПЕРЕЛОМ	303
Наполеон в Москве	305
Тарутинский маневр	327
Народная война.	347
Глава VI. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ.	383
От Тарутина до Малоярославца.	385
Малоярославец	396
Параллельный марш	406
Глава VII. ИЗГНАНИЕ	423
По пятам за Наполеоном	425
Березина	439
Конец войны.	452
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	475
ПРИМЕЧАНИЯ	483
АЛФАВИТНЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.	553

Н.А. ТРОИЦКИЙ:
«... Я НИ РАЗУ НЕ ПОЖАЛЕЛ
О СДЕЛАННОМ ВЫБОРЕ...»

(К выходу нового издания книги Н.А. Троицкого
«1812. Великий год России»)

ИГОРЬ ШЕИН

Уважаемый читатель!

Перед тобой 2-е, исправленное и дополненное с учетом новых фактов, взглядов и суждений издание книги, вышедшей в свет во времена горбачевской «перестройки» под названием «1812. Великий год России» (М.: Мысль, 1988). Монография подготовлена замечательным российским историком Николаем Алексеевичем Троицким и в свое время имела этапное значение для развития отечественной историографии Отечественной войны 1812 г.

Следует заметить, что история изучения данной темы также масштабна и зачастую наполнялась драматизмом, как и само нашествие Наполеона на Россию. Трудно отыскать историческое событие, которое исследовалось бы больше, чем Отечественная война 1812 г. Количество посвященных ей специальных работ превысило более 10 тыс. наименований. В течение 195 лет со времени окончания войны ученые по-разному пытались воспроизвести и объяснить события тех далеких лет. В итоге формировались различные, порой диаметрально противоположные взгляды и суждения. Совокупными усилиями историков каждое

из новых поколений россиян получало свою историю борьбы с наполеоновской агрессией. В силу различных условий и обстоятельств в историографии темы утверждались многочисленные мифы и предрассудки даже в отношении хорошо известных событий. Парадоксально, но, несмотря на огромное количество литературы о войне 1812 года, мы еще не имеем её полной и объективно-научной истории. Ключевые аспекты темы до сих пор остаются предметом научных дискуссий. «Гроза двенадцатого года...» превратилась в неисчерпаемую исследовательскую проблему, положение которой в отечественной историографии определяется, в первую очередь, значимостью исторических событий, обусловивших пути дальнейшего развития русского общества и сыгравших судьбоносную роль в послевоенном устройстве Европы.

Книга «1812. Великий год России» появилась не вдруг, а явилась результатом длительной борьбы ее автора за утверждение в исторической науке новых научных идей. Она ознаменовала собой определенный рубеж, положивший начало кардинальному пересмотру официальной концепции этой войны в сторону её критического осмысления и более объективного изучения.

Мы еще более подробно охарактеризуем первое издание и проследим динамику развития авторских суждений, сравнив его с новой работой. Но по-настоящему оценить значимость данного труда невозможно без хотя бы краткого ретроспективного взгляда на научное творчество Н.А. Троицкого, на его непростой путь в истории «Двенадцатого года» и на его научные достижения в этой области.

За время своей творческой деятельности он подготовил более 400 научных и методических трудов, включая 28 книг, которые развивают несколько научных направлений.

Участие России в коалиционных войнах против Наполеона и в первую очередь Отечественная война 1812 г. — лишь одно из этих направлений, которое отражено более чем в 50 статьях и в трех монографиях.

Первая проба пера и первые испытания историей «Двенадцатого года» для Н.А. Троицкого пришлось на период хрущевской «оттепели». К этому времени в историографии темы прочно утвердилась и получила статус официальной концепция, основные положения которой нашли развитие после победы советского народа над нацистской Германией в конце 40-х — 50-х гг. прошедшего столетия. Большое влияние на ученых того времени оказали замечания, высказанные И.В. Сталиным в его ответе на письмо полковника Е.А. Разина*. В литературе постепенно наметилась и упрочилась линия на проведение исторических аналогий между Отечественной войной 1812 г. и Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. Такой сравнительный анализ актуализировался сложной международной обстановкой и вытекающими отсюда пропагандистскими задачами, предполагающими демонстрацию в историческом аспекте бесперспективности любой широкомасштабной агрессии против СССР.

Под влиянием этих причин ведущее положение в официальных воззрениях занимал тезис о стремлении Наполеона к мировому господству, захвату новых территорий, угнетению европейских народов. Не менее важное место в официальной концепции войны отводилось утверждению идеи о миролюбивом характере внешней политики царской России в начале XIX в., которая представлялась защитницей западноевропейских государств от посягательств агрессора

* См.: Большевик. 1947. № 3. С. 4—8.

на их суверенитет. При такой характеристике международной обстановки, сложившейся накануне войны 1812 г., французский Император однозначно оценивался как захватчик, вынашивавший цели порабощения народов России и превращения её в колонию Франции. В официальной советской историографии на него возлагалась вся ответственность за вооруженный конфликт между двумя державами.

В соответствии со сталинскими замечаниями М.И. Кутузов сыграл главную роль в разгроме Наполеона, «загубив» его хорошо подготовленным контрнаступлением. Поэтому главной темой большинства исследований стало контрнаступление русской армии в 1812 г. Вступление Кутузова в должность главнокомандующего русскими армиями по этой концепции знаменовало смену стратегии: стратегическая линия Кутузова — активные наступательные действия, направленные на разгром и уничтожение врага, чему якобы препятствовало вмешательство Императора Александра I. Начальный период войны, действия на флангах, некоторые вопросы внешней и внутренней политики оставались вне поля зрения историков. Тенденциозно оценивалась и роль М.Б. Барклая де Толли.

Перспектива научных исследований, заданная И.В. Сталиным, нашла отражение в работах П.А. Жилина*, А.Г. Бескровного и особенно Н.Ф. Гарнича. Пересмотру подверглись соответствующие разделы в школьных и вузовских учебниках. Именно в это время сложились многочисленные стереотипы и домыслы, которые на протяжении последующих десятилетий, вплоть до конца 80-х гг., определяли лицо советской историографии «Двенадцатого года».

* См.: Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950; Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 1951; Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1952 и др.

Несмотря на общую тенденцию к сохранению основных концептуальных положений, разработанных в послевоенное время, борьба с преодолением последствий культа личности И.В. Сталина в исторической науке вызвала к жизни стремление отдельных историков к более объективным и взвешенным оценкам Отечественной войны 1812 года.

Это новое явление в историографии темы появилось в конце 50-х гг. Например, А.В. Фадеев указал на наличие односторонних оценок и субъективистских взглядов при изучении внешней политики царизма в начале XIX в. В понимании А.В. Фадеева война со стороны России носила не только прогрессивный, но и реакционный характер, направленный на реставрацию монархий, низвергнутых Наполеоном. «Царизм преследовал в этой войне свои собственные и отнюдь не только оборонительные цели», — замечал по этому поводу ученый*.

К 150-летию Бородинского сражения в литературе отмечались попытки осуществить критический подход к изучению этого центрального события Отечественной войны 1812 г. Например, А.Н. Кочетков в статье «О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения» отметил беспринципность тех историков, которые выдавали просчеты русского командования за проявление полководческого мастерства**.

Под таким углом зрения А.Н. Кочетков критически проанализировал замысел М.И. Кутузова на сражение. В публикации справедливо отмечалось трудное положение русской армии, в котором она оказалась из-за ошибок в её боевом

* См.: Фадеев А.В. Дореформенная Россия (1800—1861 гг.): Лекции из курса истории СССР, прочит. на истафе МГУ. М., 1960. С. 42.

** См.: Кочетков А. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 36—44.

построении. А.Н. Кочетков выступил против очевидных нелепостей, распространяемых в советской литературе об итогах Бородинской битвы. Он подверг критике точку зрения Н.Ф. Гарнича, согласно которой русская армия на последнем этапе сражения перешла в общее контрнаступление, вынудив французов к обороне, а затем и к отступлению. Правда, в своем аналитическом разборе историк не сделал вывода о победителе в сражении, сославшись на необходимость дальнейшего изучения этого вопроса.

Свои сомнения в правильности распространенной версии о полной победе русских войск в Бородинском сражении, независимо от А.Н. Кочеткова, высказал Н.И. Казаков. На юбилейном заседании ученого совета Института истории АН СССР 13 сентября 1962 г. он вступил в полемику с Л.Г. Бескровным по данному вопросу, высказав мысль, что у Бородино ни одна из сторон не сумела решить поставленных перед ними стратегических задач. Отсюда делался вывод, что «можно говорить о влиянии Бородинского сражения на весь ход войны, а вот говорить о победе — очень сомнительно»*. Подобные принципиальные оценки Бородинского сражения указывали на понимание среди части историков несостоятельности господствовавших в изучаемый исторический период научных взглядов.

Однако обмен мнениями в открытой печати допускался лишь по вопросам, не затрагивавшим утвердившихся в исторической науке социально-политических характеристик Отечественной войны 1812 г. Отдельные попытки кардинальным образом изменить сложившиеся в годы правления И.В. Сталина методологические подходы к освещению темы тогда оказывались безуспешными.

* Архив Российской Академии наук (далее: АРАН), ф. 1577, оп. 2, д. 487, л. 64 — 65.

По свидетельству Н.А. Троицкого, «интересы науки приносились в жертву политической конъюнктуре или даже личным амбициям ученых сановников»*. Этот вывод опирался на собственный жизненный опыт историка. В 1963 г. он подготовил для журнала «Вопросы истории» большую статью под названием «Не отступать от классовых позиций! (Против лакировки так называемой Отечественной войны 1812 года)»**, в которой с учетом положений марксистско-ленинской теории поднял вопрос о возможности существования отечественных войн в дооктябрьский период истории России. Автор статьи пришел к выводу о том, что «понятие "Отечественная война" к войне 1812 г. неприменимо». Одновременно он настаивал на пересмотре распространенной схемы причин вооруженного столкновения России и Франции, выставившей Наполеона агрессором и единственным виновником конфликта. Здесь же молодой ученый выступил против вульгарной идеализации М.И. Кутузова, тезиса о «полной победе» русских при Бородине, подтасовке «в нашу пользу» соотношения сил и потерь противоборствующих сторон и по некоторым другим важнейшим аспектам исследуемой проблемы.

По образному выражению самого автора указанной статьи, редакция журнала «отшатнулась» от его критических выводов. Тогда Н.А. Троицкий переслал свое сочинение в отделение истории АН СССР и в Идеологическую комиссию при ЦК КПСС. В комиссии заинтересовались (или сделали вид, что заинтересовались) статьей и предложили историкам обсудить ее. Несмотря на неоднократные заверения со стороны руководства Отделения истории

* Троицкий Н.А. Глагол времен. С. 21.

** Копии статьи и отзыва на нее, любезно предоставленные Н.А. Троицким, имеются в личном архиве автора.

АН СССР, «ввиду крайней занятости», проблему не вынесли на широкое обсуждение. Вместо научной дискуссии автору статьи отослали «развернутый отзыв», подписанный И.В. Бестужевым и А.В. Черепниным.

В отзыве признавалось, что «в советской исторической науке имело место известное упрощение в освещении характера внешней политики царизма и допускалась идеализация роли отдельных государственных деятелей и полководцев царской России». Вместе с тем Н.А. Троицкому указывалось на «известную односторонность и упрощение» в трактовке поставленных им проблем. Далее с опорой на положения классиков марксизма-ленинизма все авторские суждения были признаны «противоречивыми» и «бездоказательными».

Сравнительный анализ публикации А.Н. Кочеткова и официального отзыва на статью Н.А. Троицкого указывает на совпадение точек зрения указанных ученых по ряду вопросов истории Отечественной войны 1812 г. В отличие от Н.А. Троицкого А.Н. Кочетков критически оценивал только военное искусство. Он не касался социально-политической стороны проблемы и поэтому получил возможность излагать свои взгляды в научной печати.

В свою очередь, Н.А. Троицкий высказал сомнения в объективности наиболее важных, системообразующих положений официально-патриотической концепции войны. По данной причине в официальных научных кругах они были признаны несостоятельными. Н.А. Троицкий, несмотря на сделанное ему приглашение «присоединить свои усилия... для разработки проблем Отечественной войны 1812 года», хорошо прочувствовал негативное отношение к своей позиции. «Я понял тогда, — отмечал он в своих воспоминаниях, — что тема «Двенадцатого года»

для меня закрыта и на два десятилетия, до перестроечных времен, отошел от работы над ней»*.

В приведенном примере обращает на себя внимание новое отношение партийного и научного руководства к альтернативным к официальной точке зрения убеждениям. По сравнению с предыдущим этапом развития историографии оно отличалась гораздо большей терпимостью. В историографии темы, например, известны кризисные ситуации, которые создавались вокруг академика Е.В. Тарле по поводу его работ, связанных с наполеоновской эпохой. После разгромных статей в центральной партийной печати от полной научной дискредитации его спасало только личное знакомство и заступничество И.В. Сталина. Многие другие даровитые ученые, не имевшие такой мощной поддержки, зачастую оказывались причисленными к категории «врагов народа», «космополитов», «антиленинцев» и т.п. со всеми вытекающими отсюда последствиями**. В начале 60-х гг. демократизация общественной жизни в стране стала приносить свои плоды. В исторических исследованиях допускалась дискуссия, что сделало возможным в известных пределах выражать собственное критическое отношение к уже устоявшимся взглядам.

К открытому обсуждению темы «Двенадцатого года» в периодической печати Н.А. Троицкий вернулся во второй половине 80-х гг. под влиянием тех изменений в обще-

* Троицкий Н.А. Глагол времен // Историки России о времени и о себе. Вып. 2. М., 1998. С. 22.

** Показательной в данном отношении может служить судьба исследователя истории Древней Греции С.Я. Лурье. Подобно Е.В. Тарле, в конце 40-х гг. XX в. его научные взгляды были признаны «антипатриотическими» и «космополитическими». За «чрезвычайное преклонение перед иностранной буржуазной наукой» и нежелание признать партийную критику С.Я. Лурье был исключен из состава членов ученого совета Института истории АН СССР и освобожден от работы в институте. (АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 211, л. 60б; д. 212, л. 110).

ственной жизни, которые происходили в нашей стране. Используя представившуюся возможность высказывать свое мнение в печати, он начал борьбу против официальной историографии. По сути дела, трудами Н.А. Троицкого в исторической науке стала утверждаться новая концепция Отечественной войны 1812 г. Принимая во внимание сложность и многофакторность исторических событий и явлений, ученый призывал к отказу от их однозначных оценок. В своих публикациях историк подверг жесткой критике господствовавшие в исторической науке взгляды. Чтобы не быть голословным, свою точку зрения Николай Алексеевич аргументировал введением в научный оборот новых первоисточников. Наконец, целостное представление об авторской концепции войны формировалось путем подготовки и публикации обобщающей монографии «1812. Великий год России».

Критику традиционных подходов к освещению темы Н.А. Троицкий осуществлял через публикацию острых, полемических отзывов на новые официозные научные труды.

В конце 80-х гг. Н.А. Троицкий выступил в периодической печати с резкими рецензиями по поводу выхода в свет иллюстрированного издания «Бородино, 1812», книги О.В. Орлик «Гроза двенадцатого года...» и монографии П.А. Жилина «Отечественная война 1812 года»*. Ученый не отрицал положительных моментов в ряде авторских суждений, композиции или художественном оформлении указанных сочинений. Главное внимание он обращал на характерные недостатки методологического и содержа-

* См.: Два мнения об одном издании // Вопросы истории. 1988. № 4. С. 118–120; Его же. Кладезь ошибок: О книге О.В. Орлик «Гроза двенадцатого года...». М., 1987. // В мире книг. 1988. № 4. С. 86–87; Его же. Повторение пройденного // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 155–162.

тельного плана. Критик указывал на наличие в перечисленных работах положений, сформулированных в годы культа личности И.В. Сталина и в период жесткого администрирования исторической науки. Отсюда своей главной задачей он считал критику негативных историографических традиций, прочно утвердившихся в советской исторической науке.

Историк решительно выступил против односторонних подходов к объяснению причин военного конфликта между Россией и Францией. На основе архивных документов он критиковал распространенные в литературе субъективистские суждения о силах и средствах, потерях противоборствующих сторон, итогах сражений и по другим вопросам.

Н.А. Троицкий считал тенденциозной подборку фактов и документов, используемых при подготовке официозных научных трудов. Оппонент оспаривал выводы, вызванные стремлением приукрасить все русское, «наше», хотя бы и феодальное. В качестве основного предмета критического разбора выделялись многочисленные стереотипные суждения, искажавшие подлинную картину событий. В результате в рецензиях Н.А. Троицкого «список оплошностей», допущенных авторами, оказывался гораздо длиннее перечня имевшихся достоинств. Так, например, единственной заслугой труда О.В. Орлик критик считал «лишь компилятивное изложение общеизвестных фактов о героизме народа и воинства российского в 1812 году...». В этой же монографии он нашел «кладезь ошибок» методологического, историографического и конкретно-исторического характера. Наиболее слабые места рецензент видел в узкой источниковой базе исследований, в предвзятых характеристиках отечественной и зарубежной литературы. В рецензиях критиковались лакировка внешней политики

царизма, упрощенчество в трактовке причин войны и московского пожара, субъективизм в оценках политических и военных деятелей 1812 года. Н.А. Троицкий выявил изобилие «фактических ляпсусов» в описании хода военных событий. Высказывались им и другие замечания по поводу официально-патриотического мышления авторов рецензируемых работ. В конечном итоге ученый пришел к выводу, что новые книги представляли очередное «переложение взглядов на 1812 год, которые сложились в советской историографии за последние десятилетия», являлись «памятником уже пройденного этапа».

Свои замечания Н.А. Троицкий тщательно аргументировал, поэтому его неллицеприятные для авторов перечисленных книг выводы были в достаточной мере обоснованными.

В свою очередь, критический отзыв Н.А. Троицкого на книгу О.В. Орлик «Гроза двенадцатого года...» вызвал громкий резонанс в научных кругах. Выражая принципиальное несогласие с оценками рецензента, О.В. Орлик совместно с академиком И.Д. Ковальченко и профессором А.А. Преображенским направила в редакцию журнала «В мире книг» соответствующее письмо. В послании указывалось на «недобросовестность «реплики» Н.А. Троицкого, «с точки зрения его «работы» над текстом книги», подчеркивались «бестактность и разнузданность» её тона. Основные возражения, высказанные в письме, сводились к попыткам доказать порочность взглядов научного оппонента по вопросам внешней политики российского правительства накануне 1812 г. и целей похода Наполеона в Россию. Авторам письма представлялось бездоказательным мнение об итогах Малоярославского сражения, характере боев под Красным в ноябре 1812 г. и по некоторым другим вопросам.

В итоге О.В. Орлик и поддержавшие ее ученые обвинили Н.А. Троицкого в необоснованных придирках, фальсификации приведенных в книге положений. Более того, полагая, что поднятый вопрос выходит за рамки только оценки конкретной научно-популярной работы, авторы письма попытались перевести проблему из научной плоскости в идеологическую. По их мнению, «реплика Троицкого» отражала более глубокую тенденцию опубликования критических материалов «без тщательного отбора и проверки фактов». В этом отношении редакции журнала ставилось в вину уклонение от партийной линии, осудившей подобную практику научных публикаций. Свою позицию О.В. Орлик, И.Д. Ковальченко и А.А. Преображенский посчитали необходимым довести до сведения ЦК КПСС и руководства Госкомиздата.

Редакция ознакомила Н.А. Троицкого с письмом и обратилась с просьбой к А.Г. Тартаковскому выступить в качестве независимого арбитра в споре ученых. Н.А. Троицкий продолжил дискуссию, написав ответное послание своим оппонентам. Вся переписка вместе с «Взглядом со стороны» А.Г. Тартаковского была опубликована в очередном номере журнала*.

В своей новой публикации Н.А. Троицкий начисто отменил все выдвинутые против него обвинения в необъективности и предвзятости. Подтверждая свое категоричное мнение о низком научном уровне монографии О.В. Орлик, он назвал её редким «с точки зрения современных требований примером дилетантизма». Не спасовав перед запугиванием партийными санкциями, ученый напомнил своим оппонентам, что «сейчас не то время, когда удавались ам-

* См.: Почтовая «дуэль» // В мире книг. 1988. № 11. С.11–12.

бициозные попытки высокопоставленных лиц из научного мира оградить от критики себя и свои опусы».

С позицией Н.А. Троицкого солидаризировался А.Г. Тартаковский. В упомянутом «Взгляде со стороны» он признавал, что оценки рецензента в отношении монографии О.В. Орлик действительно «суровы и резки». Но «ничего «бестактного» и «разнузданного» и вообще задевающего личность автора» А.Г. Тартаковский в них не обнаружил. В содержании своей небольшой статьи он отверг «раздраженные инвективы» авторов письма в защиту книги, «изобилующей ошибками, само количество которых превышает всякую меру». Вслед за Н.А. Троицким А.Г. Тартаковский подчеркнул, что «Гроза двенадцатого года...» О.В. Орлик выполнена в «устаревших традициях». Именно поэтому он считал опубликованную Н.А. Троицким рецензию «принципиально важной и своевременной», поскольку «настала пора называть вещи своими именами».

Вступая в полемику со своими научными противниками, Н.А. Троицкий с целью большей доказательности собственных положений проводил серьезную источниковедческую работу. Например, дополнительный анализ архивных материалов позволил историку уточнить численность группировки русских войск, сосредоточенных вдоль западной границы империи. Полученные показатели дали основание Н.А. Троицкому опровергнуть утверждение П.А. Жилина о трехкратном превосходстве противника в полосе вторжения*.

Соответствующим образом изучив происхождение главного русского первоисточника о потерях французов в Бородинской битве, исследователь высказал сомнение в

* См.: Троицкий Н.А. Повторение пройденного. С. 158.

достоверности указанных в нем данных — 52 482 человека. На этом основании он считал, что «вопрос о подлинных размерах этих потерь остается открытым». Всесторонне изучив архивную штабную документацию, Н.А. Троицкий упрекнул некоторых советских историков в занижении общих потерь русских войск в генеральном сражении*.

Ученый провел сопоставительный анализ зарубежных исследований с отечественными документами, опубликованными в дореволюционной и советской историографии, по вопросу о внезапности нападения Наполеона на Россию. В итоге был документально подтвержден факт объявления Францией войны России в 1812 г.** Историком уточнились и некоторые другие аспекты проблемы, перечень которых можно было бы продолжить.

Итогом многолетней кропотливой научной работы Н.А. Троицкого, начатой еще в начале 60-х гг. XX в., стала обобщающая монография «1812. Великий год России»***. По признанию самого автора, ее выход в свет оказался возможен только в условиях перестройки советского общества.

Необходимость данного труда Н.А. Троицкий обуславливал традиционной задачей — «обобщить данные источников и результаты исследования всех сторон эпопеи 1812 года на современном уровне исторической науки». Не претендуя на последнее слово по каждому из вопросов темы, ученый поставил себе целью обновление «Грозы двенадцатого года» как исследовательской проблемы. По его мнению, накопившиеся в литературе концептуальные

* См.: Троицкий Н.А. Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 186—187.

** См.: Троицкий Н.А. К истории нашествия Наполеона на Россию: Объявление войны // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 216—218.

*** См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.

несообразности, оценочные заблуждения и фактические ошибки делали такую работу актуальной. Автор считал важным провести системный анализ изучаемой проблемы, «самостоятельно решить еще не решенные или спорные вопросы».

Из массы книг второй половины 80-х гг., посвященных наполеоновскому нашествию в Россию, монография Н.А. Троицкого выделялась рядом особенностей в содержании материала. Они указывали на новый подход автора к решению поставленных перед ним задач. Книга «1812. Великий год России», как и предшествующие ей научные труды советских исследователей, методологически ориентировалось на марксистско-ленинское наследие о войнах наполеоновской эпохи. Автор монографии отметил, что высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина оставались для него «основополагающими» при обосновании выдвигаемых им новых концептуальных положений.

Такое авторское заявление нельзя считать случайным, поскольку среди советских историков 1812 г. взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина по истории наполеоновских войн имели значение важнейших методологических ориентиров, которые определяли основные направления научного поиска.

Вследствие данного обстоятельства работы классиков марксизма-ленинизма тщательно изучались и анализировались. Вместе с тем важно отметить, что взгляды основоположников диалектического материализма на изучаемую проблему советские историки оценивали субъективно, в контексте заданных идеологических установок.

В частности, Л.Г. Бескровный одним из первых наиболее полно и последовательно рассмотрел суждения классиков марксизма-ленинизма на историю нашествия Наполеона в

Россию*. Он считал, что в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса имеется ряд «ценнейших для нас указаний относительно характера войны 1812 года». В его интерпретации теории марксизма не считали Наполеона прогрессивным деятелем, войну 1812 года охарактеризовали как национальную, в причинах войны главенствующим видели экономический фактор. По мнению историка, классики одобряли оборонительный образ действий русских, высоко оценивали полководческие способности М.Б. Барклая де Толли. Вместе с тем А.Г. Бескровный высказал несогласие с критическими взглядами Ф. Энгельса на полководческие способности М.И. Кутузова в Бородинском сражении. Он полагал, что такие оценки стали результатом использования в качестве основного источника фальсифицированных «Мемуаров генерала Толя», изданных Т. Бернгарди.

Можно предположить, что критический подход к суждениям наиболее авторитетного в вопросах военной истории основоположника марксизма, вообще не свойственный советским историкам, отвечал официальной линии на утверждение в историографии темы выдающихся заслуг М.И. Кутузова в спасении Отечества от иноземных захватчиков.

В более поздний период Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский считали, что предшествующие им исследования советских историков не давали «четкого и суммарного представления» о взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на 1812 г. Они провели свое более основательное изучение сочинений основоположников марксизма. При этом была выявлена вся совокупность работ, содержащих оценки наполеоновской эпохи, и те источники, которые использовались для напи-

* См.: Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 41.

сания этих трудов. Историографы обстоятельно изложили взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на характер российско-французских отношений в первом десятилетии XIX в., на войну 1812 года. Вместе с тем общие выводы Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского фактически дублировали точку зрения А.Г. Бескровного*.

Н.А. Троицкий проявил новое отношение к научной позиции К. Маркса и Ф. Энгельса. Он обратил внимание на то, что Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский лишь уточнили «бытующие у нас представления о К. Марксе и Ф. Энгельсе как историках 1812 года»**. По его мнению, «наши историки не только перетолковывают это ценнейшее наследие, но и плохо знают его».

Принципиальное несогласие у Н.А. Троицкого вызвал общепринятый в советской литературе тезис, согласно которому «К. Маркс и Ф. Энгельс не считали Наполеона прогрессивным деятелем». Исследователь на конкретных примерах показал, что основоположники марксизма рассматривали Наполеона не только как «завоевателя по отношению к соседним народам», но и как политика, который «разрушал феодальные устои Европы...». При этом, как подчеркивал ученый, К. Маркс и Ф. Энгельс особо выделили царскую Россию в качестве станового хребта «объединенного европейского деспотизма» и проводника агрессивной внешней политики.

Соответствующим образом в работах В.И. Ленина советскими исследователями Отечественной войны 1812 г. наибольшее значение придавалось характеристике наполеоновских войн как империалистических, захватнических,

* См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990. С. 19.

** См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 5–6.

породивших, «в свою очередь, национально-освободительные войны против империализма Наполеона»*. На базе этого тезиса с середины 30-х гг. строилась общая концепция советской историографии, односторонне представлявшая Наполеона агрессором, а Россию — защитницей европейских народов, страдавших от ига наполеоновского деспотизма.

Н.А. Троицкий также считал подобное толкование ленинских воззрений упрощенным. Историк не отрицал ленинских оценок национально-освободительного характера войны 1812 г. с российской стороны. Вместе с тем ученый полагал, что суждения вождя пролетарской революции по этому вопросу были более многогранны. Проанализировав ленинские труды, он убедительно доказал, что «внешнюю политику царизма в эпоху наполеоновских войн Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, разоблачал», а царскую Россию конца XVIII—XIX вв. считал оплотом всей европейской реакции, одной из «самых варварских в Европе деспотий». Н.А. Троицкий справедливо указывал на те замечания В.И. Ленина, в которых «грабитель Наполеон» ставился в один ряд с «грабителем Александром и грабителями английской монархии».

Проиллюстрировав опору на марксистско-ленинскую методологию, Н.А. Троицкий тем самым обеспечил себе свободу выражения собственных оригинальных суждений. Например, с учетом мнения классиков он сформулировал главный системообразующий тезис своей концепции, объяснявший генезис русско-французского конфликта. По его мнению, «столкновение глобальных претензий Наполеона с агрессивными расчетами царизма и конфликт между Россией и Францией из-за континентальной блокады по-

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 5—6.

родили войну 1812 года. Ускорили же развязывание войны русско-французские противоречия в конкретных политических вопросах».

Экспансионизм внешнеполитического курса российского самодержавия в отечественной литературе признавался и ранее в 20-х — начале 30-х гг. После критики взглядов М.Н. Покровского об этом говорилось в самых общих чертах, полунамеками, без должной аргументации. Н.А. Троицкий, перестав изображать Россию в качестве невинной жертвы наполеоновской агрессии, первым из советских историков убедительно доказал, что такая трактовка не противоречит положениям марксизма-ленинизма. Реально ученый сделал решительный поворот к возрождению идей, получивших широкое распространение в дореволюционной историографии накануне столетнего юбилея Отечественной войны.

Анализ работы Н.А. Троицкого позволяет судить еще об одной особенности в его методологии, которая состояла в критических подходах к утвердившимся в советской историографии стереотипным суждениям. Эта характерная черта, отчетливо проявившаяся в рецензионной практике ученого, получила широкое распространение при написании им обобщающей монографии. Полемичный характер изложения материала, смелое развитие дискуссии, развенчание ложных авторитетов прослеживаются на протяжении всего авторского повествования.

Н.А. Троицкий подверг критическому анализу все концептуальные вопросы 1812 года. Собственное отношение к большинству из них историк уже высказывал в своих рецензиях и журнальных статьях. Как указывалось, по-новому оценивались причины, цели и социально-политический характер войны. С учетом накопленных дореволюционны-

ми и советскими историками фактов он заново проанализировал ход военных действий, исправив ряд неточностей и неверных суждений при их описании. Это касалось не только Бородинской битвы, но и сражений под Смоленском, Малоярославцем, Вязьмой, Красным, Березиной и других.

Большое значение Н.А. Троицкий придавал объективной оценке роли полководцев и политических деятелей, принявших участие в войне. Например, историк высказал глубокое убеждение в ущербности одностороннего рассмотрения такого исторического феномена, как Наполеон. Свою точку зрения о личности французского Императора Н.А. Троицкий основывал на марксистских оценках и других определениях, изложенных в трудах отечественных и зарубежных мыслителей. В такой интерпретации автор монографии считал Наполеона «гигантом», великим государственным деятелем, «который чрезвычайно расширил обычные представления о человеческих возможностях». Историк признавал в этом гении деспота и тирана, героя и грабителя: «Такое сочетание придавало ему (Наполеону. — *И.Ш.*) многоликость, не умаляя его масштабности».

В подобном ключе в книге проводилась линия на объективный подход к оценкам места и роли отечественных полководцев и политических деятелей в войне. Автор монографии продолжил переоценку полководческого мастерства М.Б. Барклая де Толли. Вопреки расхожему мнению о том, что полководцу «стратегическое руководство войной было не под силу», Н.А. Троицкий отстаивал противоположную точку зрения. В свою очередь, отмечались ошибки М.И. Кутузова при планировании генерального сражения под Малоярославцем, при преследовании французов, в ходе Березинской операции. В отличие от большинства

советских историков Н.А. Троицкий не отрицал положительного влияния Александра I на исход войны. Решимость Императора вести борьбу с Наполеоном при любых условиях обстановки историк расценивал как важный фактор победы России.

Необходимая мера объективности соблюдена в монографии при объяснении причин московского пожара. В книге была предпринята попытка подвести итог многолетней дискуссии по данному вопросу. На конкретных первоисточниках автор показал, что спланированные Ф.В. Ростопчиным и М.И. Кутузовым поджоги избранных объектов, «при вывозе всего "огнегасительного снаряда"» означали обречение деревянной Москвы на грандиозный пожар. Принимая во внимание многочисленные французские свидетельства, историк считал, что Москву жгли из патриотических побуждений и сами жители столицы. Н.А. Троицкий отмечал, что «пожар Москвы с политической и военной точки зрения поставил Наполеона прямо-таки в безвыходное положение».

В противовес бытовавшему в советской историографии мнению в монографии Н.А. Троицкого не отрицалось влияния пространственно-климатических условий на разгром наполеоновских войск. Историк не возводил этот фактор в абсолют, считая главной причиной победы России в войне общенациональный подъем народных масс. Он отмечал сильное, хотя и неоднозначное, влияние поражения Наполеона в России на судьбы всей Европы. Развивая мысль с таких позиций, историк, с одной стороны, подчеркивал ослабление гегемонии Наполеона. С другой стороны, им признавались контрреволюционные цели 6-й антинаполеоновской коалиции, направленной на возрождение «рабства собственных феодалов».

При всей убедительности и доказательности выдвигаемых положений автор все же допустил определенные противоречия при освещении частных вопросов. Например, страдают неопределенностью его выводы о том, кто владел стратегической инициативой в Бородинском сражении. Согласно авторским суждениям, «Наполеон диктовал ход сражения» и в то же время Кутузов являлся «хозяином битвы».

Историк явно недооценил итоги рейда русской кавалерии в сражении при Бородине. По его мнению, «восторги историков по поводу рейда Уварова и Платова лишены оснований». Нужно признать, что этот рейд оказался не просто, как полагал Н.А. Троицкий, полезным для русской армии, а фактически спас русскую армию от полного разгрома. Ведь следствием этого манёвра послужил отказ Наполеона от введения в сражение своего гвардейского резерва. Такое решение, как указал сам автор, являлось серьезной ошибкой французского полководца. Впоследствии в связи с этим эпизодом Н.А. Троицкий сделал еще более категоричное заявление: «Русских под Бородином сражалось больше, чем французов, ибо гвардия Наполеона (19 тыс. лучших бойцов) простояла весь день в резерве...»*. Следовательно, рейд Ф.П. Уварова и М.И. Платова не допустил в критическую минуту сражения резкого изменения соотношения сил в пользу французов.

Вместе с тем подобные недостатки, неизбежные при освещении такой сложной темы, не могли умалить общего значения этой работы. «1812. Великий год России», несомненно, знаменовал собой новый шаг в сторону возрождения прогрессивной традиции взвешенного и объективного отношения к этой исследовательской проблеме.

* Троицкий Н.А. [Рецензия] // Отечественная история. 1992. № 2. С. 189. Рец. на кн.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990.

Новый взгляд на историю Отечественной войны 1812 г. в сочинении Н.А. Троицкого привлек внимание общественности. 50-тысячный тираж книги был реализован в короткий срок. В научной среде монография получила противоречивые оценки. Часть рецензентов приветствовала нетрадиционные для советской историографии авторские выводы. При этом подчеркивалось умение ученого безошибочно направлять курс своих рассуждений к наиболее обоснованным и корректным оценкам 1812 г., выраженным в исследованиях отечественных и зарубежных историков. Кроме того, достоинства книги виделись в широком охвате материала, всестороннем освещении войны и в научной добросовестности автора работы. Некоторые из современных исследователей темы считали этот «парадоксальный и полемичный» научный труд «вехой в нашей историографии». Такой серьезный аналитик, как А.Г. Тартаковский, назвал монографию «лучшей из работ этого жанра, появившихся в нашей литературе после замечательных книг Е.В. Тарле»*.

Высказывались и альтернативные точки зрения, согласно которым в книге Н.А. Троицкого преобладали «эмоциональные оценки, противоречащие логике изложения событий той героической эпопеи». На этом основании делался явно предвзятый вывод о том, что «Н.А. Троицкому, увлекшемуся "обновлением" выводов и оценок событий войны 1812 года, не удалось пересмотреть традиционные представления о ней»**.

* См.: Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 116.

** См.: Галактионов И.В., Соколов Ю.Ф. [Рецензия] // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 91. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1987.

Противоречивые суждения об обобщающей монографии Н.А. Троицкого, как и жесткая полемика, развернувшаяся на страницах журнала «В мире книг», свидетельствовали о складывании в конце 80-х гг. XX столетия нового этапа в советской историографии Отечественной войны 1812 г. Его наиболее отличительной чертой стало начало открытого пересмотра официально-патриотических положений, доминировавших в исторической науке. Как уже отмечалось, этот процесс инициировал Н.А. Троицкий, взгляды которого поддерживались и некоторыми другими исследователями темы. В целом в «перестроечные» годы в изучении Отечественной войны 1812 г. наметились кризисные явления, которые стали прогрессивно развиваться в 90-е гг. XX в., после смены политического режима в нашей стране.

На рубеже тысячелетий Н.А. Троицкий активно продолжал свою научную деятельность, связанную с пересмотром советской официально-патриотической историографии нашествия Наполеона на Россию. Наиболее ярко она проявилась в монографии «Отечественная война 1812 года: История темы»*. В данном труде историк не ограничился одним только выявлением важнейших направлений в развитии темы, характеристикой различных концептуальных положений и содержания наиболее значимых работ. Популярный историк считал более важным продолжить начатую им во второй половине 80-х гг. борьбу за преодоление субъективистских взглядов, «которые... от многократного повторения приобретали силу научной традиции».

Такие целевые установки предопределили отличительные черты работы Н.А. Троицкого от схожей по тематике

* См.: Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года: История темы. Саратов, 1991.

монографии Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского «1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987 гг.», посвященной развитию советской историографии войны 1812 г. Ученый принципиальней и непримиримей, чем его коллеги, отнесся к тем исследованиям, в которых отражалось «квазипатриотическое стремление большинства отечественных историков непременно приукрасить боевую славу русского оружия...». В этой связи острой критике были подвергнуты официальные труды дореволюционной и советской историографии, в особенности популярные в 60–80-е гг. сочинения Л.Г. Бескровного и П.А. Жилина. В монографии высказывалась мысль об их субъективизме и прямой зависимости от постулатов, сформированных в период культа личности И.В. Сталина.

Критический анализ господствовавшей концепции сопровождался утверждением альтернативной точки зрения, отражавшей общую тенденцию к пересмотру основных положений войны 1812 г.

Отметим, что при всей оригинальности авторских суждений новая работа осталась сориентированной на марксистско-ленинские подходы к освещению темы, которые, по мнению историка, составляли «надежную методологическую опору для изучения наполеоновских войн вообще и Отечественной войны 1812 года в частности». Отсюда, как и в обобщающей монографии «1812. Великий год России», ученый в качестве отправных точек своих рассуждений считал замечания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина.

Критическая позиция Н.А. Троицкого к советской официальной историографии определила его отношение к упомянутому историографическому исследованию Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского. В журнале «Отечественная история» Н.А. Троицкий поместил свой отзыв об этой

монографии, в котором в целом положительно оценил работу*. Вместе с тем рецензия содержала обширную критику по уже обозначенным в его предшествующих сочинениях дискуссионным аспектам проблемы. Проанализировав содержание научного труда, рецензент пришел к выводу, что «Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский вслед за своими предшественниками обходят самые острые вопросы истории 1812 года, ... не смогли в полной мере преодолеть инерцию квазипатриотического мышления».

Подобные критические оценки Н.А. Троицкого оказались неприемлемыми для авторов книги. «Обруганные», по их собственному выражению, ученые не пожалели «терпеливо сносить хулу» и подготовили ответ своему оппоненту. Их возражения привели к очередной острой полемике в периодической печати. Через директора Музея-панорамы «Бородинская битва» вместе с сопроводительным письмом ответ был передан в отделение истории РАН. Как и в случае с монографией О.В. Орлик, в письме обращалось внимание на «неоднократные оскорбления авторов рецензируемого труда... развязанный тон» рецензента. Также ставился вопрос «о недостаточном профессионализме саратовского профессора». Соответствующим образом члены редколлегии журнала обвинялись в предвзятом отношении к монографии и даже нежелании ознакомиться с её содержанием. Поэтому в письме высказывалось сомнение в том, что журнал «Отечественная история» «... поместил бы на своих страницах развернутый ответ авторов книги...»**.

Обращение Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского с апелляцией в Академию наук, скорее всего, объясняется желанием авторов рецензируемого научного труда привлечь

* Троицкий Н. А. Б. [Рецензия] // Отечественная история. 1992. № 2. С. 195—197.

** См.: От редакции // Отечественная история. 1992. № 6. С. 192.

внимание научного руководства к положению дел в историографии Отечественной войны и позиции Н.А. Троицкого в частности. Высказанные при этом опасения, что ответ авторов письма будет проигнорирован редколлегией периодического издания, возможно, служили формальным предлогом для такого обращения в руководящую инстанцию.

Кружным путем, через Российскую Академию наук, ответ Н.А. Троицкому поступил в редакцию журнала «Отечественная история» и был опубликован в одном из ближайших номеров*. В публичном обращении к читателям Б.С. Абаляхин и В.А. Дунаевский признавали, что рецензент дал немало поводов для того, чтобы считать их работу далекой от совершенства. Резкую критику в свой адрес со стороны Н.А. Троицкого они объясняли не столько его стремлением к установлению истины, сколько желанием представить себя в качестве «истины в последней инстанции».

Большинство замечаний рецензента историки считали несостоятельными и выдвинули против них свои контраргументы. При этом они обвинили его в «фальсификации не только истории Отечественной войны 1812 года, но и других событий не столь отдаленного прошлого...», использовании «приемов недостойных ученого». Более того, Н.А. Троицкому инкриминировалась попытка «скомпрометировать авторов монографии в глазах научной общественности» приемами «из печально памятных годов» сталинского правления.

Ознакомившись с ответом на свою рецензию, Н.А. Троицкий посчитал для себя «неприличным полемизировать с такими оппонентами и по тону, который они задали, и

* См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Пусть судит читатель... Авторы книги о войне 1812 года не согласны с оценками рецензента // Отечественная история. 1992. № 6. С. 188–192.

по существу...». Поэтому он отказался от дальнейшей дискуссии, ограничившись коротким письмом в редакцию, в котором выразил свое негативное отношение к характеру публикации Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского.

Желая разобраться в создавшейся конфликтной ситуации, редакция журнала «Отечественная история» предложила известному исследователю Отечественной войны 1812 г., московскому историку В.М. Безотосному выступить в качестве независимого арбитра в разгоревшейся полемике, который согласился принять участие в научной дискуссии. Свое отношение к творчеству и исторической концепции Н.А. Троицкого он выразил в развернутой рецензии на его историографическую работу «Отечественная война 1812 года: История темы»*.

Рецензент не отрицал наличия прогрессивных подходов исследователя к освещению темы 1812 г., высоко оценив научную значимость и литературные достоинства трудов Николая Алексеевича. По определению В.М. Безотосного, без этих работ сегодня «уже не обойдется ни один исследователь 12-го года, так как они стали своеобразной вехой в нашей науке».

Подобным образом отмечались необходимость и важность анализируемого сочинения, которое выгодно отличалось от традиционных, скучных и описательных историографических обзоров и представляло собой определенный итог научного творчества ученого по истории похода Наполеона в Россию. В этом отношении критик ставил книгу «Отечественная война 1812 года: История темы» выше подобной монографии Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского.

* Безотосный В. М. [Рецензия]// Отечественная история. 1993. № 2. С. 203 – 207. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: История темы. Изд-во Саратовского ун-та, 1991.

Рецензент констатировал способность автора монографии успешно решать поставленные перед ним научные задачи, приветствовал стремление Н.А. Троицкого развеять сложившиеся в отечественной историографии субъективистские суждения и утверждать собственную точку зрения на спорные вопросы.

Но узкие рамки используемой Н.А. Троицким методологии, как это отмечалось в статье, все же ограничили новаторское рассмотрение поднятых аспектов. Подчеркивалось, что автор рецензируемого труда сам до конца не освободился от стереотипного мышления. Под таким углом зрения оппонент подверг сомнению правомерность выводов, представляющих классиков марксизма-ленинизма как крупных специалистов в военно-исторической науке. Определенные нарекания были высказаны по поводу приверженности Н.А. Троицкого к общепринятой классификации отечественной историографии по социально-классовому признаку господствовавших концепций.

В рецензии критиковались и некоторые другие положения книги. Например, высказывались сомнения в правильности применения понятия «контрнаступление» к боевым действиям русской армии на заключительном этапе войны. Подчеркивалось, что, как и в предшествующих трудах, Н.А. Троицкий предвзято оценил роль классов и сословий в достижении победы над Наполеоном.

Указав на ряд спорных моментов фактического порядка, в завершение своего разбора В.М. Безотосный отметил, что в сочинении имеется база для кардинального пересмотра общих представлений об эпохе 1812 г., скрепленных мощными авторитетами и долголетней традицией. Главная же заслуга Н.А. Троицкого представлялась критику в его попытках «очистить» марксистское направление в

историографии 1812 г. от накопившихся пороков. Вместе с тем оппонент склонялся к бесперспективности дальнейшего развития указанной научной школы в историографии 1812 г. «Приведенные в книге факты, — подчеркивал В.М. Безотосный, — помимо авторской воли, зачастую выносят приговор марксистскому объяснению истории».

В общем ряду полемичных статей, появлявшихся в печати в тот период, рецензия В.М. Безотосного выгодно отличалась корректностью, обстоятельностью, взвешенностью и продуманностью сделанных в ней суждений и выводов. В личном послании к автору настоящей статьи Н.А. Троицкий особо выделил эту статью среди ряда других критических отзывов о его научном творчестве, на которые он не отвечал, полагая недостойным для себя «опуститься до уровня своих оппонентов». Как и в случае с рецензией В.М. Безотосного, маститый историк посчитал, что «отвечать на неё не было смысла», ибо «настолько разные методологические позиции... в самом подходе к нашей теме», делали такую полемику принципиально невозможной. «Если я (как мне кажется) отчасти понимаю его (В.М. Безотосного. — *И.Ш.*), то он меня понять не сможет», — отмечал Н.А. Троицкий*.

Анализ содержания очередной монографии Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты», вышедшей в свет в 2002 г., указывает на то, что историк корректировал или отстаивал свои взгляды под влиянием рецензии В.М. Безотосного**. Например, он отошел от категоричных оценок историографии по социально-классовому типу, сти-

* Письмо Н.А. Троицкого И.А. Шеину от 18 ноября 2002 года. (Из личного архива автора).

** См.: Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002. С. 16, 21, 252–253.

листически подчеркивая условность принятого деления литературы на дворянскую и либерально-буржуазную. Прямым следствием публикации упомянутой рецензии является полемика с В.М. Безотосным, которую исследователь развил в своей работе по вопросу о применении термина «контрнаступление». В данном случае историк отметил, что «...здесь нет проблемы, а спор о терминологии схоластичен».

Обилие противоречивых суждений в советской беллетристике о войне 1812 г. подтолкнуло Н.А. Троицкого к критическому обзору литературных сочинений В.С. Пикуля, О.Н. Михайлова, Н.А. Задонского, С.П. Алексеева. В новой статье, исправляя фактические ошибки литераторов, историк в очередной раз разоблачал субъективизм исторического мышления, сформированного на базе научных догм*.

Критика Н.А. Троицкого вызвала очередные резкие выражения со стороны «обруганных», на этот раз, писателей. Редакция журнала здесь же поместила ответ О.Н. Михайлова, возмущенного требованием соблюдения исторической достоверности в художественных произведениях**. Основной контраргумент литератора свелся к традиционному для дискуссий романистов и ученых суждению о свободе литературного творчества, допускающего отход от изображения реальных событий.

Полемика литератора с историком обозначила серьезную проблему, связанную с идейно-нравственной направленностью концепции 1812 г. Как следует из анализа дискуссии, попытки Н.А. Троицкого пересмотреть основные концептуальные положения темы воспринимались в

* См.: Троицкий Н.А. Небываемое бывает? Война 1812 года в изображении советских писателей // Родина. 1994. № 9. С. 68–72.

** См.: Михайлов О. В чужом монастыре // Родина. 1994. № 9. С. 74.

ортодоксально настроенных общественных кругах чем-то вроде идеологической диверсии. В контексте критической публикации литератора отчетливо прослеживается идея о необходимости политизации истории 1812 года в интересах патриотического воспитания народа. Поэтому «гротескно-патриотические» тезисы, трактующие войну с Наполеоном исключительно «в нашу пользу», им не только не отрицались, а, наоборот, воспринимались как важные идеологические ориентиры, указывающие путь к решению конкретных воспитательных задач. В рамках такого мировоззрения О.Н. Михайлов обвинил Н.А. Троцкого в попытках «с помощью либерального террора отвергнуть все и вся, отбросить все прежние ценности, не давая, по сути, взамен ничего, кроме отрицания». При этом ученый в очередной раз уличался в космополитизме и безыдейности, которые, по мнению писателя, выразились в «крайне удивительном раздражении» и «ловле блох по мелочам».

Высказанное О.Н. Михайловым отношение к отечественной истории вряд ли можно признать оправданным. Позиция литератора рассчитана на успех в исторически неподготовленной читательской аудитории. У образованного, вдумчивого читателя далекое от исторической правды литературное произведение в лучшем случае вызовет чувство снисхождения к научной эрудиции ее сочинителя. Скорее всего, подобными книжками можно добиться лишь отрицательных эмоций, основанных на убеждении преднамеренного подлога. Напомним, что даже «смелые парадоксы» IV тома «Войны и мира» заставляли специалистов неоднократно браться за перо, чтобы развенчать созданные Л.Н. Толстым «самые превратные понятия, как о военном деле, так и об исторических событиях 1812 года».

Свои взгляды на историю войны 1812 г. Н.А. Троицкий утверждал в исторической науке еще двумя монографиями. Одна из них «Александр I и Наполеон» представляла опыт сравнительного жизнеописания двух Императоров*. Свое обращение к «вечной» наполеоновской проблематике, насчитывающей к моменту написания книги около 400 тыс. научных трудов, автор объяснял в большей мере изменением «нашего видения мировой истории». Под таким углом зрения исследователю представлялось важным на уровне современных знаний «оценить... смысл, возможные альтернативы и, главное, уроки противоборства тех сил... которые сделали революционного генерала Бонапарта поработителем Европы, а крепостника-самодержца Александра ее «освободителем»».

В соответствии с авторским замыслом главная сюжетная линия книги направлялась на преодоление субъективистских оценок об основных действующих лицах произведения. Например, историк считал, что к личности Александра I большинство биографов и исследователей его социально-политической деятельности подходили с заниженными мерками. «Судить об Александре I надо целой октавой выше, как это сделал А.З. Манфред в книге о Наполеоне...», — такая мысль заключала работу.

Общность своих героев историк выводил из их деспотической сущности. Ученый подчеркивал наличие в военно-политической деятельности Наполеона деструктивных элементов деспотизма и агрессивности, дискредитирующих его прогрессивные начинания внутри Франции и в ее внешней политике.

Но при всех недостатках французского Императора ис-

* См.: Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

торик видел в Наполеоне прогрессивного буржуазного политика. Поэтому в своем сравнительном анализе автор книги все же более благосклонно относился к Наполеону, чем к Александру I. Историк всячески подчеркивал гениальность Бонапарта, раздвинувшую до бесконечности то, «что до него считалось крайними пределами человеческого ума и человеческой энергии».

Касаясь причин и хода войны 1812 г., Н.А. Троицкий кратко повторил основные положения своей обобщающей монографии, не добавив по существу этой работы ничего нового.

Критика в целом приветствовала выход в свет новой книги популярного историка. В печати отмечалась оригинальность, без подражательности, авторского замысла, изобилие малоизвестных российскому читателю фактов, живость и увлекательность изложения. Вместе с тем указывалось на некоторые фактические неточности и чрезмерную доверчивость автора новой книги к тем легендам, которые подвергались критике даже во французской историографии*.

В центре исследовательской деятельности Н.А. Троицкого в 90-х гг. прошедшего столетия оказалась личность и полководческая деятельность М.И. Кутузова. В упомянутой монографии «Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты», изданной в 1996 г., историк выступил против «вульгарной идеализации» известного полководца.

Проанализировав сочинения известных дореволюционных и советских историков и писателей, Н.А. Троицкий пришел к заключению, что «польза наша» долгое время довлела над истиной в изображении образа М.И. Кутузова,

* См.: Егоров А. [Рецензия] // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 226 – 227. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

особенно в советской литературе конца 40-х — 80-х гг., придавая его личности «мифические размеры непогрешимого, полубожественного Спасителя...». По мнению Н.А. Троицкого, это достигалось выпячиванием и приукрашиванием фактов, выгодно характеризовавших знаменитого военачальника. Одновременно замалчивались отрицательные стороны его биографии, измышлялись версии и даже мифы с заведомой целью поднять образ М.И. Кутузова «выше ... его истинного и без того высокого уровня».

Рассуждая подобным образом, исследователь считал важным отказаться от традиционного славословия в адрес известного полководца. Н.А. Троицкий подчеркивал, что он не ставил своей задачей развенчать М.И. Кутузова как национального героя. Но, как полагал историк, истинный масштаб его заслуг в борьбе с Наполеоном требовал уточнений. Поэтому в своих работах исследователь попытался скорректировать господствующие в литературе суждения, высвободить их из-под «камуфляжа умолчания, преувеличений и домыслов». Он проинтерпретировал уже известные факты своими собственными выводами. В конечном итоге Н.А. Троицкий высказал мнение о том, что «истинный масштаб личности М.И. Кутузова меньше той видимости, которую он обретает (благодаря совокупным усилиям наших историков и писателей) как главнокомандующий над всеми русскими армиями на завершающем триумфальном победоносном этапе Отечественной войны 1812 года».

Критическая публикация Н.А. Троицкого о М.И. Кутузове сразу же вызвала очередной резонанс в ученом мире. Принципиальное несогласие по основным положениям, изложенным в статье, высказал научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и

войск связи (ВИМАИВ и ВС) Ю.Н. Гуляев, которого «обескуражили своей необъективностью» оценки личностных качеств и полководческих способностей Кутузова*.

В ответной статье Ю.Н. Гуляеву Н.А. Троицкий привел свои контраргументы, отстаивающие ранее высказанную им точку зрения**. Он обвинил своего оппонента в дилетантстве, слабом знании основополагающих источников и неумении владеть методикой исторического исследования. По его мнению, труды, подобные статье Ю.Н. Гуляева, нельзя оставлять без ответа, поскольку они «хороши лишь в качестве примеров того, как не надо писать историю».

Применительно к этой острой дискуссии можно отметить более убедительную аргументацию Троицкого, что делает его позицию гораздо обоснованней, чем у Ю.Н. Гуляева. Как представляется, конечный вывод о полководческой роли М.И. Кутузова в войне с Наполеоном следует делать с уточнениями и оговорками, не допускающими его противопоставления М.Б. Барклаю де Толли в решении их общей задачи.

В начале XXI столетия в условиях динамичного и противоречивого развития российской исторической науки творческая деятельность Н.А. Троицкого продолжала оставаться активной. Его острые, полемичные работы и выступления (и не только по проблеме Отечественной войны 1812 г.) привлекали внимание научной общественности к дискуссионным аспектам нашей истории. Иногда позиция ученого вызывала неудовольствие не только среди науч-

* См.: Гуляев Ю.Н. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Правда и домыслы // От Москвы до Парижа (1812–1814 гг.): 185 лет Малоярославецкому сражению. Вып. 2. Малоярославец, 1998. С. 46–57.

** См.: Троицкий Н.А. Домыслы вместо правды (ответ Ю.Н. Гуляеву) // Там же. С. 58–64.

ных оппонентов, но и в кругах власть предержащих, и тогда события приобретали неожиданный оборот, выходя за область научных споров.

Так, например, в духе самых худших традиций сталинских времен нешуточные страсти разыгрались по поводу критической статьи Н.А. Троицкого «"Обер-вешатель" на пьедестале почета», в которой он решительно выступил против установления в центре г. Саратова памятника П.А. Столыпину и разоблачал отлаженный в области механизм получения ученых степеней и званий высокими должностными лицами. Статья «задела за живое» не только историков, но и местных саратовских политиков — почитателей известного русского реформатора начала XX в. В результате, как это следует из публикаций местной печати*, вице-губернатор Саратовской области В. Марон предъявил ректору СГУ Л. Трубецкому требование «уволить Троицкого в три дня», «расформировать кафедру» и даже разогнать исторический факультет, соединив его с... филологическим. В своей переписке с автором настоящей статьи Н.А. Троицкий высказывал, и не без основания, серьезные опасения за свою безопасность в связи со сложившейся вокруг его имени ситуацией**. Конфликт был разрешен без серьезных последствий для ученого лишь благодаря кампании протеста, которую развернула саратовская общественность в его защиту от произвола высших чиновников правительства области, устроивших травлю известного историка.

Приняв на себя неблагоприятную и необходимую роль «дезинфицирующего начала» в современной историогра-

* См.: Чернышев Ю. Доколе? (Историкам — столыпинский галстук?)// Грани. 2002. 5 июня.

** Письмо Н.А. Троицкого И.А. Шеину от 18 ноября 2002 года.

фии, Н.А. Троицкий, как он сам это отмечал в одном из своих выступлений*, рисковал увеличивать количество своих недругов не только со стороны, но и обзаводиться ими из числа бывших друзей. Он сознательно шел на это не ради удовлетворения собственных амбиций, а ради чистоты нашей исторической науки. И хотя это сулило многие неудобства и даже потери, жизнь и научное творчество Н.А. Троицкого не дают повода усомниться в его самооценке, согласно которой «...выбрав однажды, в самом начале жизни, и навсегда путь историка, я ни разу не пожалел о сделанном выборе, хотя на этом пути терний оказалось больше, чем лавров»**.

В контексте подобных жизненных установок, с учетом новых особенностей в изучении темы Отечественной войны 1812 г., четко обозначившихся в историографии последнего десятилетия, Н.А. Троицкий стал готовить к повторному изданию свой главный труд о борьбе русского народа с наполеоновской агрессией — «1812. Великий год России».

По замыслу ученого, новая книга не должна была быть простым переложением уже известного широкому читателю материала, а органически впитать в себя те идеи, которые он высказывал в своих научных трудах и публикациях, изданных после 1988 г. В процессе работы историк исправлял те суждения и факты, которые не выдержали проверку временем. Некоторые положения авторской концепции подвергались уточнению. Но, главным образом, «1812 год»

* См.: Троицкий Н.А. Современная историография Отечественной войны 1812 г.: Новое в научной полемике и этике // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г.: Материалы Всероссийской научной конференции 30 мая — 1 июня 2002 г. Саратов, 2002. С. 87.

** Троицкий Н. А. Глагол времен. С. 28.

был существенным образом *дополнен и расширен* преимущественно за счет критического анализа современных дискуссионных аспектов темы с привлечением нового фактического материала.

Двадцать лет спустя после первого издания монографии Н.А. Троицкий *основную цель второго издания* видел в необходимости «обобщить данные источников и результаты исследований всех сторон эпопеи 1812 г. на современном уровне исторической науки» (с. 92). При этом автор книги, вновь не претендуя на последнее слово по каждому из вопросов темы, поставил перед собой *главную задачу*: «не только обобщить на уровне современных требований достигнутые к началу XXI в. результаты изучения наполеоновского нашествия на Россию, но и попытаться самостоятельно решить еще не решенные или спорные ее вопросы» (с. 93).

Такие целевые установки, фактически дословно взятые из первого издания книги, актуализировались результатом авторского *анализа современной отечественной и зарубежной историографии проблемы*, а также характеристикой ее *источниковой базы*.

Н.А. Троицкий признал определенные *научные достижения в изучении наполеоновской эпохи*, которые нашли отражение в трудах нового поколения российских исследователей (В.Н. Земцова, А.А. Васильева, В.П. Тотфалушина, В.М. Безотосного, А.И. Сапожникова, А.А. Смирнова, А.И. Ульянова и некоторых других). По мнению ученого, событием в историографии темы стали подготовка совместными усилиями историков из разных регионов России под руководством В.М. Безотосного и А.А. Смирнова и издание в 2004 г. первой отечественной энциклопедии, посвященной истории «Двенадцатого года».

Вместе с тем, как это подчеркивалось в историографическом введении, в постсоветской России до 2005 г. г. не было подготовлено обобщающей монографии об Отечественной войне 1812 г. Историки сосредоточивались преимущественно на частных аспектах проблемы. Основные направления исследований определялись изучением биографий и полководческого искусства М.И. Кутузова и М.Б. Барклая де Толли, хронологии и военного искусства противоборствующих сторон в Бородинском и Малоярославецком сражениях, наполеоновской тематики, состояния разведки России и Франции в 1812 г., комплектования и численного состава русских войск и другой научной проблематикой.

Проведенный Н.А. Троицким историографический анализ современной литературы подводит читателя к выводу о том, что значительная часть авторов новейших работ не вышла «из плена старых, царско-советских, апологетических... мифологем» (с. 81). Как это следует из содержания раздела, наиболее ярко приверженность старым взглядам и традициям проявлялась в сочинениях, посвященных М.И. Кутузову.

Оставляющими «убогое впечатление» определил Н.А. Троицкий появившиеся в 2005 г. две обобщающие книги по теме «Двенадцатого года»: «Битвы великих империй. Слава и горечь 1812 года» А.В. Шишова, вышедшей под рубрикой «Военные тайны России», и «Да, были люди в наше время...» Б.П. Фролова. Такая нелицеприятная оценка обосновывалась аналитическим разбором данных научно-популярных трудов, указывающим на недостаточную научную компетенцию и определенную исследовательскую недобросовестность их авторов.

Н.А. Троицкий принципиально не изменил своего отношения к *зарубежной историографии*, подчеркивая наличие в ней субъективистских подходов при объяснении

освободительного характера войны, значимости русской победы и анализе причин поражения Великой армии. Как и в первом издании, ученый выделил наиболее объективные труды широко известных зарубежных историков — А. Жомини, Ж. Шамбре, Ж. Тири, Д. Чандлера и Р. Делдерфилда, К. Клаузевица, а также указал на обстоятельность, хотя и не бесспорность, новых исследований, подготовленных Р. Рьеном (США) и П. Остиным (Англия).

Практически не изменилась *источниковая база работы*. Как и в прежнем издании, её основу составили опубликованные официальные документы русских государственных, военных, дипломатических, карательных, финансовых учреждений и должностных лиц. С точки зрения историка, за двадцатилетний период, прошедший со времени первого издания книги, некоторые из перечисленных документов так и не нашли должного использования в научных трудах. При этом особо подчеркивалось, что значительная часть документальных источников, хранящихся в фондах пяти ведущих архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга, ранее неизвестных исследователям, была впервые введена в научный оборот.

Самостоятельную группу составили источники личного происхождения: эпистолярное наследие, дневники, воспоминания и мемуары участников войны, которые позволили автору «1812 года» анализировать события, используя впечатления непосредственных свидетелей происходившего.

Н.А. Троицкий для достижения большей объективности своих суждений также широко использовал русские публикации и зарубежные издания иностранных документов и мемуаров. Вместе с тем следует признать потерявшим на сегодняшний день актуальность авторское утверждение (со ссылкой на Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского) о том,

что «в нашей литературе по истории 1812 г. «весьма редко привлекаются» (за небольшими исключениями) иностранные источники» (с. 92).

На слабое привлечение в советских исследованиях документов французского происхождения указывали не только Б.С. Абалихин, В.А. Дунаевский и Н.А. Троицкий, но В.М. Безотосный, который связывал такой недостаток с трудностями в преодолении языкового барьера*. Поэтому он признал в качестве первоочередной задачи необходимость активного выявления и вовлечения в научный оборот многочисленной трофейной документации, сосредоточенной в отечественных архивах, а также документального массива, опубликованного во Франции.

На тот период такие выводы были своевременны и актуальны. Ситуация принципиально стала меняться в конце 90-х гг. прошедшего столетия. Сегодня иностранная проблематика является предметом особого внимания со стороны современных российских ученых. Она четко определилась в самостоятельное, наиболее перспективное и активно развивающееся направление историографии «Двенадцатого года». С одной стороны, были предприняты собственные попытки всестороннего анализа зарубежной историографии и источниковой базы**. С другой стороны, с учетом иностранных источников и исследований стала восстанавливаться

* См.: Безотосный В. М. Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года // История СССР. 1990. № 3. С. 212—219.

** См.: Попов А. И. Немецкие источники о сражении у Малоярославца // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994. С. 11—25; Васильев А. А. Обзор французских документов-трофеев Отечественной войны 1812 г., хранящихся в фонде и коллекциях Военно-ученого архива // Документальные реликвии российской истории. 200-летие Военно-ученого архива. М., 1998. С. 123—134; Земцов В.Н. Французская историография Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999. С. 53—73 и другие.

объективная картина войны. Сфера приложения научных интересов историков, касающаяся участия Франции и ее союзников в войне 1812 г., сегодня значительно расширена. Она захватывает наиболее общие вопросы военного строительства*, реконструкцию по иностранным источникам хода Бородинского сражения**. На иностранной и на новой отечественной источниковой базе уточняются детали пребывания наполеоновских войск в Москве***, эпизоды отступления французов из России****, участь французских военнопленных***** и другие вопросы. Общественный

* См.: Соколов О. Армия Наполеона. СПб., 1999; Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 года. Хроника событий. Grande Armée. Состав армии при Бородине. М., 2002.

** См.: Земцов В.Н. Французская армия 6 сентября 1812 года: Подготовка к Бородинской битве // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино. 1998. С. 67–88; Его же. Битва при Москве-реке: Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999; Попов А.И. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995; Его же. Межд двух вулканов. Боевые действия в центре Бородинского поля. Харьков, 1997; Его же. Великая армия в России: Погоня за миражом. Самара, 2002; Васильев А.А. Французский офицер Гийом Бонне — участник Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2001. и др.

*** См.: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон: заключительный период кампании 1812 года // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1998. С. 3–24; Васильев А.А. Французская пехота в Москве. Отчеты о состоянии трех полков корпуса маршала Даву на 27 сентября 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2000. С. 43–50 и др.

**** См.: Васильев А.А. Императорское «Ура». Бой казаков с конвоем и свитой Наполеона под Городней 13 (25) октября 1812 года глазами очевидцев // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994. С. 25–34; Его же. Французские карабинеры в бою при Винково 13 октября 1812 года // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1998. С. 51–64.; Груцко Реконструкция эпизода переправы войск Наполеона через реку Березину на базе документальных и вещественных источников // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2001. С. 86–93 и др.

***** См.: Бессонов В.А. Военнопленные 1812 года в городе Калуге // Калужс-

интерес к зарубежной историографии отразился в выпуске переводных изданий*. Для специалистов, освещающих действия неприятеля и русских войск, характерен вдумчивый, конструктивный, беспристрастный анализ первоисточников. Написанные преимущественно на зарубежных документальных материалах аналитические статьи, монографии и диссертационные исследования А.А. Васильева, В.Н. Земцова А.И. Попова, В.А. Бессонова и других историков выгодно отличают убедительность и аргументированность авторских суждений. Содержание этих работ позволяет констатировать возрождение в отечественной историографии провозглашенного еще в начале XX столетия основополагающего принципа изучения истории наполеоновского нашествия на Россию без «квазипатриотического...издевательства» и «шовинистических излияний» над французами**.

Завершая анализ источниковой базы второго издания монографии Н.А. Троицкого, отметим, что использование разнообразных и разнохарактерных по своему содержанию источников, в том числе и иностранного происхождения, обеспечило её автору высокую степень доказательности и, как следствие, основательность и убедительность его во многом оригинальных мнений, идей и утверждений.

кая губерния в Отечественной войне 1812 года. С. 97—112; Его же. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): Дис. канд. ист. наук. Самара, 2001; Иванов К.В. Французы-казаки // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997. С. 91—95; Тихомиров С.А. Отношение российских властей к иностранным военнопленным наполеоновской эпохи // Проблемы военного плена: История и современность. Вологда, 1997. Ч. I. С. 162—165; Шведов С.В. Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 55—75 и др.

* См.: Кирхейзен Ф. Наполеон 1. Его жизнь и его время. В 2 т. М., 1997; Чандлер Д. Военные кампании Наполеона: Триумф и трагедии завоевателя. М., 1999; Вейдер Б. Триумф и загадочная смерть Наполеона. М., 2000 и др.

** См.: От редакции // 1812—1912. Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 1. С. IV—V.

Н.А. Троицкий остался верен выбранному ранее методологическому подходу, ориентированному на оценочные суждения классиков марксизма-ленинизма. Здесь в духе времени вносились необходимые коррективы. Так, если в первом издании его автор считал, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин «оставили нам ряд ...*основополагающих* высказываний о войне 1812 г. (курсив мой. — *И.Ш.*)» (с. 5), то во втором издании, по существу не отказываясь от данного утверждения, Н.А. Троицкий, опустив слово «нам» и изменив «основополагающих» на «оценочных», тем самым снизил степень значимости идей классиков марксизма-ленинизма для изучения темы (с. 74). Об этом же свидетельствует купюра текста, связанная с разъяснением марксистско-ленинских положений о взаимосвязи внутренней и внешней политики государства, а также о связи целей войны с тем политическим строем, из которого война вытекает (ср. первое издание, с. 17; второе издание, с. 101).

Вместе с тем историк продолжал считаться с научным авторитетом основоположников, либо непосредственно ссылаясь на их суждения, либо давая их идеи в собственной интерпритации (ср.: первое издание, с. 20, 21, 27 и др.; второе издание. с. 103, 105, 112 и др.).

Соглашаясь с утверждениями о несостоятельности марксизма как универсальной теории исторического познания, все же нельзя отрицать в нем и рациональное начало, во многом также применимое к рассматриваемой теме. В этом отношении методологический подход Н.А. Троицкого вполне приемлем и правомерен, поскольку позволяет давать объективные оценки исторической реальности, и аргументирован всесторонним анализом самых разнообразных источников.

Даже самое беглое знакомство с новым трудом позволяет сделать вывод о том, что общий замысел работы не

претерпел значительных трансформаций. Об этом свидетельствует сравнительный анализ оглавления первого и второго издания книг. Названия глав и параграфов остались в прежней редакции, тем не менее в структуру второго издания были внесены правки. Так, в первоначальном варианте книги Бородинское сражение рассматривалось в отдельной (четвертой) главе. Теперь это центральное событие Отечественной войны 1812 г. включено в главу «Отступление». При кажущейся незначительности авторского исправления оно все же имеет существенное значение. Данной перекомпоновкой структурных элементов монографии ее автор продемонстрировал новый подход к периодизации войны, подчеркнув, что Бородинское сражение не стало, как это утверждали некоторые советские историки, переломным в ходе военных действий и русская армия продолжила стратегическое отступление в глубь страны. Эта идея высказывалась автором и в содержании книги.

Практически без изменений остались основные концептуальные положения Н.А. Троицкого, объяснявшие *генезис войны России и Франции*. Он вполне аргументированно доказал, что «столкновение гегемонистских стремлений наполеоновской Франции и царской России вело к тому, что война между ними становилась вероятной. Сделал же эту войну неизбежной, породил ее, стал главной ее причиной конфликт между Францией и Россией из-за континентальной блокады» (с. 114).

Вместе с тем в содержании соответствующей главы второго издания («Пролог») было усилено критическое отношение к советской историографии. С этой целью, например, высказывается мысль о том, что советские историки в своем одностороннем стремлении доказать реакционный характер политики Наполеона «помалкивали об ужасах кре-

постного режима тогдашней России, которые не стеснялась обличать даже царская пресса» (с. 98).

Соответствующим образом подвергся критике широко распространенный в советской историографии (а также поддержанный значительной частью современных историков) тезис о стремлении Наполеона к мировому господству. В подтверждение этой точки зрения автор книги справедливо заметил: «О господстве над Соединенными Штатами Америки или над Японией и Китаем Наполеон не помышлял — речь могла идти в 1805—1807 гг. о господстве именно в Европе» (с. 101). Сообразуясь с данной точкой зрения, Н.А. Троицкий в другом сюжете отказался от своего прежнего утверждения, согласно которому «в 1812 г. путь к мировому господству преграждали Наполеону Англия и Россия» (первое издание, с. 28). В новом издании утверждалось, что к 1812 г. «...Наполеон посчитал возможным обеспечить для Франции... господство в Европе» (второе издание с. 51). В новое издание не вошло «ставшее лишним» и, как надо полагать, не вписавшееся в общую авторскую схему высказывание Наполеона, в котором он заявлял о своей готовности «обеспечить за Францией господство над всем светом» (первое издание, с. 28). В данном случае уместно также напомнить об используемом в литературе (со ссылкой на французские источники) свидетельстве французского посланника в Варшаве аббата Д. Прадта, согласно которому перед вторжением в Россию Наполеон заявил: «Через пять лет я буду господином мира: остается одна Россия, но я раздавлю ее»*. По всей видимости, Н.А. Троицкому все же следовало бы пояснить данные изречения французского Императора, которые закладывались в основу доказательства наполеоновских планов мирового господства.

* См.: Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 116.

Без каких-либо принципиальных правок и дополнений остались параграфы книги, связанные с началом вторжения Наполеона в Россию, подготовкой вооруженных сил к войне, планами сторон и ходом военных действий до Бородинского сражения. Лишь в отдельных случаях усилены авторские точки зрения. В частности, автор развил критику советских и современных историков, объяснявших спасительный марш 2-й армии только «большим воинским мастерством», «искусным маневрированием» Багратиона. Ссылаясь на собственные высказывания главнокомандующего 2-й армии: «Дураки (французы. — *И.Ш.*) меня выпустили», Н.А. Троицкий полагал, что от верной гибели армию Багратиона спасло лишь безответственное отношение к организации боевых действий Жерома Бонапарта, на которого возлагалась задача замкнуть кольцо окружения русских войск у г. Несвижа (с. 203).

Вместе с тем в общей оценке действий Багратиона в ходе его самостоятельного отступления от границы следует признать правильность принимаемых им в критических ситуациях решений (отказ вопреки приказу царя от прорыва на Минск, действия под Салтановкой), которые обеспечили выполнение общей стратегической задачи соединения русских армий в Смоленске.

Более подробно, чем в первом издании, Н.А. Троицкий остановился на назначении М.И. Кутузова главнокомандующим действующей армии, уточнив список возможных претендентов на эту должность и обстоятельнее проанализировав причины такого решения (с. 240—243). В этой связи автор книги счел необходимым усилить негативные характеристики личных качеств русского полководца (с. 244), а также акцентировать внимание на критике тех историков, которые «вновь и вновь повторяют верноподданничес-

кий домысел А.И. Михайловского-Данилевского о том, что Кутузов был назначен главнокомандующим в «кризисный момент войны» в период наибольшей, смертельной опасности» для России» (с. 249).

Наиболее существенные дополнения и изменения Н.А. Троицкий внес в содержание глав, относящихся к рассмотрению Бородинского сражения, пребывания русской армии в Тарутинском лагере и отступлению французской армии из России.

Оценивая соотношение сил и средств противоборствующих сторон накануне генерального сражения, замыслы полководцев, ход сражения, руководство действиями войск, потери русской и французской армий, а также итоги сражения, ученый учитывал новые факты и суждения, получившие распространение в современной историографии.

Н.А. Троицкий не внес изменений в описание боя за Шевардинский редут, правильно указывая, что данный редут «вначале служил частью позиции русского левого фланга, а после того как левый фланг был отодвинут назад, стал отдельной передовой позицией» (с. 253). Вместе с тем, как представляется, было бы правильно более подробно остановиться на обстоятельствах, приведших к бою за Шевардинский редут и на оценках историков, расходящихся в своих мнениях о месте и роли этого инженерного сооружения в общем замысле русского командования. В частности, можно было упомянуть о проводимой 23 августа (4 сентября) М.И. Кутузовым рекогносцировке в районе дислокации 2-й Западной армии. Именно в ходе ее проведения выяснилось, что русские войска, первоначально занимавшие позиции вдоль реки Колоча, оказались расположены своим левым флангом к фронту наступления противника и,

кроме того, могут быть легко обойдены по Старой Смоленской дороге. Поэтому и было решено отвести левый фланг к д. Семеновской.

В отечественной историографии по-разному оцениваются место и роль редута в общем замысле русского командования на Бородинское сражение. Очень часто он представляется *заранее подготовленной* (но недостроенной) передовой позицией русских войск, что не совсем соответствует действительному положению дел. Более того, как показывает сравнительный анализ боевых донесений и мемуаров участников событий, место и роль Шевардинского редута в общем замысле сражения стали изначально фальсифицироваться непосредственно в штабе Кутузова.

Анализируя с учетом последних подсчетов историков общую численность русской и французской армий перед Бородинским сражением, Н.А. Троицкий сделал обобщающий вывод: «В любом случае оказывается, что численный перевес под Бородином был на стороне россиян» (с. 258). Следовательно, как справедливо подчеркнуто в новом издании, русское командование уже к Бородинской битве сумело изменить соотношение сил в свою пользу. В свою очередь, к этому можно добавить, что разработанная перед войной М.И. Барклаем де Толли стратегия отступления русской армии в глубь страны полностью себя оправдала.

Н.А. Троицкий попытался ответить на закономерный возникающий из такого вывода вопрос: «Почему при численном превосходстве М.И. Кутузов вел оборонительное сражение?». В данном случае характер военных действий определялся, по мнению историка, исходя из тех сведений, которыми располагали штабы противоборствующих сторон. Как отмечается в книге: «Если Кутузов несколько преувеличивал силы своего противника, то Наполеон

примерно в той же пропорции их преуменьшал... Поэтому вполне оправдан наступательный характер сражения со стороны Наполеона и оборонительный — со стороны Кутузова (с. 251).

В соответствии с первым изданием в новой книге дается анализ замыслов полководцев на сражение. Как и раньше, Н.А. Троицкий с пониманием отнесся к той особой заботе, которую М.И. Кутузов проявлял к своему правому флангу. Теперь историк отказался от дискуссионности вопроса о том, чей вариант боевого порядка (Кутузова или Барклая) был рациональнее и прямо указал на просчет в действиях русского полководца, не принявшего предложение о перегруппировке части сил с правого на левый фланг. (ср. первое издание, с. 143—144, второе издание, с. 260).

Во втором издании значительные изменения внесены в описание хода Бородинского сражения. В целом Н.А. Троицкий, хотя и с оговорками, принял точку зрения Л.Л. Ивченко и А.А. Васильева, которые в начале 90-х гг. прошедшего столетия на основании скрупулезного анализа документов выявили нестыковки в общепринятой хронологии боевых действий. По этой причине историк отказался от своей прежней версии, по которой французы предпринимали восемь атак на Богратионовы флеши и смогли овладеть ими только к 12 часам дня (ср. первое издание, с. 148—152; второе издание, с. 267—270). Соответствующим образом с учетом новых взглядов им внесены необходимые коррективы и в другие сюжеты описания генерального сражения. Однако можно говорить об определенной непоследовательности историка при его ссылках на «восемь французских атак» при рассмотрении вопроса о роли пехотного корпуса Тучкова в замыслах Кутузова (с.261).

При доработке первого издания книги Н.А. Троицкий учел ранее высказанные рецензентами замечания о неопределенности авторских выводов о том, кто же владел общей инициативой — Наполеон или Кутузов? Вновь проанализировав с привлечением новых и старых источников и литературы ход сражения, ученый категорично заявил, что Кутузов как главнокомандующий не проявлял должной оперативности (с. 300), и что «примеров мастерства как «хозяина битвы» даже самые ортодоксальные его почитатели найти до сих пор не могут, кроме одного-двух» (с. 277).

Н.А. Троицкий признал в качестве единственного, действительно серьезного примера личного вмешательства Кутузова в руководство битвой рейд русской конницы во фланг Наполеону (с. 277)*. Тем не менее он по-прежнему считал, что этот маневр в наполеоновский тыл не оказал решительного влияния на ход сражения. В данном случае полагаем нецелесообразным повторять уже приводимые нами соображения, которые дают основание усомниться в объективности такой точки зрения. Обратим внимание на тот факт, что в новом издании удалены, без каких-либо объяснений, все ссылки на приказ Наполеона «двинуть в огонь часть своего отборного резерва — дивизию Молодой гвардии» (первое издание, с. 166), и на отмену этого приказа после рейда русской кавалерии (ср. первое издание, с. 166, 167 ; второе издание, с. 278, 279). Но ведь именно эта взаимосвязь, ранее признаваемая автором, в первую очередь свидетельствует в пользу серьезного влияния рейда Уварова—Платова на последующий ход и итоги сражения.

Анализируя соотношение людских потерь, историк в очередной раз подверг критике стремление советских и

* Ранее этот факт оценивался Н.А. Троицким в качестве примера мастерства Кутузова как «хозяина битвы». (Первое издание, с. 166).

современных исследователей подсчитать их «в нашу пользу» (с. 295–298). Всесторонне рассмотрев данный вопрос, Н.А. Троицкий подтвердил свою прежнюю цифру русских потерь — 45,6 тыс. человек убитыми и ранеными. В новом издании уточнен официальный минимум французских потерь — 28,1 тыс. солдат и офицеров. При этом замечено, что «обороняющаяся русская сторона понесла больший урон, чем сторона наступающая» и высказано авторское мнение по данному поводу (с. 298–299).

Н.А. Троицкий попытался объективно оценить общие итоги Бородина, усилив при этом критику архипатриотических представлений о Бородинском сражении как о «стратегической и тактической победе» Кутузова. Авторская точка зрения сводилась к тому, что формально, и стратегически и тактически, сражение выиграл Наполеон (с. 303). Но, по мнению историка, «мы вправе говорить и о русской победе при Бородине — победе нравственной» (с. 304).

В дальнейшем изложении войны 1812 г. историк сделал некоторые фактические дополнения о происходивших событиях. Так, в частности, с новыми деталями освещен ход совещания, проводимого Кутузовым по вопросу сдачи Москвы (с. 314–317). Более подробно проанализированы отношения среди русского генералитета в Тарутинском лагере (с. 329–336). Обстоятельнее, чем прежде, описано пребывание Александра I в армии в декабре 1812 — январе 1813 г. (с. 368–372).

В новом издании уточнены потери реликвий Кремля, боеприпасов, оружия и материальных средств, оставленных в Москве при отступлении русской армии (с. 324). Н.А. Троицкий привел, правда, без ссылок на источники, новые сведения о численности регулярных русских войск

(130 тыс. вместо 120 тыс. человек) в Тарутинском лагере (ср. первое издание, с. 242; второе издание, с. 384). Уточнены силы и потери противоборствующих сторон в Малоярославецком сражении (с. 400), а также некоторые другие данные.

В целях реализации ранее поставленной задачи «не опровергнуть бытующее у нас представление о Кутузове как о национальном герое, а скорректировать его... уточнить *истинный масштаб* личности фельдмаршала»*, Н.А. Троицкий продолжил развитие критического анализа личностных качеств и полководческого мастерства М.И. Кутузова. Собственную точку зрения автор «1812 года» высказывал в контексте критики советской и современной историографии.

В частности, в новом издании акцентируется внимание читателя на деморализованном состоянии русского полководца сразу после сдачи французам первопрестольной. Углубляя представления о Кутузове как о царедворце, Н.А. Троицкий объяснял инертность и апатию фельдмаршала не только потрясением, «которое он пережил, будучи *вынужденным* оставить Москву, но и тревогой перед тем, как отреагирует на это царь» (с. 318).

Критика личных качеств полководца обосновывалась анализом кутузовских донесений Александру I. Так, сообщая Императору о сдаче Москвы, Кутузов, как следует из авторского анализа документа, вводил Императора в заблуждение, докладывая, что из столицы эвакуированы все кремлевские сокровища, материальные ценности и имущество обывателей. «В действительности, — замечает Н.А. Троицкий, — почти все сокровища, арсенал и «все

* Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. С. 4.

почти имущества» остались в зажженном городе» (с. 326). Подобным же образом, со ссылкой на донесение царю от 25 октября 1812 г. о результатах Малоярославецкого сражения, указывается, что светлейший «*фальсифицировал* результаты битвы, объявив, что Малоярославец 24 октября остался у русских и что Наполеон... совершил отступление к Боровску и Верее» (с. 402).

Отрицательное отношение Н.А. Троицкого к Кутузову проявляется в прямом обвинении главнокомандующего (вместе с Ростопчиным, но независимо от него) в сожжении первопрестольной и гибели в горящем городе 22,5 тыс. русских раненых солдат и офицеров. Как «более чем верх цинизма, не только воинское преступление, но и ... преступление против человечности» оценил автор книги поручение обреченных на гибель раненых «человеколюбию» неприятеля (с. 325–326). Это обвинение историк подтвердил ранее замалчиваемым советскими и постсоветскими биографами Кутузова фактом, согласно которому на пути от Бородина к Москве, в Можайске, было оставлено от 10 до 17 тыс. (по разным источникам) русских раненых. Как полагал ученый, они «гибли тоже в огне, зажженном самими россиянами, т.е., должно быть, по Кутузовскому приказу» (с. 326).

Ссылаясь на свидетельства современников, находившихся в Главной квартире главнокомандующего, Н.А. Троицкий представляет Кутузова как дряхлеющего бездеятельного военачальника, окруженного «сонмищем помощников», среди которых оказывались «пролазы» и которым «светлейший чересчур доверял» (с. 340). В данном случае главнокомандующий охарактеризован как мастер интриги, который сумел последовательно выжить из армии двух своих наиболее «опасных соперников по славе...» — А.А. Беннигсена и М.Б. Барклая де Толли (с. 341).

Не менее категоричны авторские оценки Кутузова как полководца. «Отсутствие должной оперативности» и даже «невероятное воздержание» у светлейшего отмечались автором нового издания не только в Бородинском сражении, но и в бою на реке Чернишня 18 октября 1812 г. (с. 342), под Малоярославцем и Вязьмой (с. 423), в трехдневных боях под Красным (с. 443), на р. Березине (с. 461—462).

Вместе с тем автор с определенным одобрением отнесся к такой тактике «мудрого деятельного бездействия», при которой исключался любой риск и не форсировались боевые действия в надежде «истребить врага» посредством неустанных ударов по его «хвосту», с учетом воздействия на врага физико-географических факторов (с. 446). Давалось и новое объяснение такому характеру боевых действий, при котором успех достигался с минимальными потерями для преследующей стороны. В данном случае высказывалось предположение о том, что «к такому способу действий толкало его (М.И. Кутузова — *И.Ш.*) сознание своей вины за гибели раненых русских воинов, десятками тысяч брошенных в огне Можайска и Москвы» (с. 443).

Оценивая характер действий русской армии в последнем периоде войны, Н.А. Троицкий не отказался от термина «контрнаступление» и подтвердил ранее выделенные в нем этапы. При этом он в очередной раз откликнулся на получившую развитие в российской историографии дискуссию о приемлемости этого термина к действиям Главной армии*. В новой книге её автор повторил свои ранние суждения**, о том, что «проблемы здесь нет, а спор о терминологии схоластичен» (с. 352).

* Подробнее см.: Шеин И.А. О контрнаступлении М.И. Кутузова в 1812 году // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 156—160.

** См.: Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. С. 252.

Не повторяя пройденного по данному вопросу, отметим два момента. *Во-первых*, замысел на проведение стратегического контрнаступления силами войск самого Кутузова, а также П.В. Чичагова и П.Х. Витгенштейна у русского командования действительно существовал и был разработан задолго до оставления Наполеоном Москвы. Об этом свидетельствует план Александра I, доставленный Кутузову в с. Красная Пахра А.И. Чернышевым (с. 353—354). *Во-вторых*, о «хорошо подготовленном контрнаступлении», при помощи которого Кутузов «загубил Наполеона и его армию», судя по содержанию «1812 года» Н.А. Троицкого, говорить не приходится. Действительно, трудно связать хорошо подготовленное контрнаступление с управлением войсками без «должной оперативности» и с «мудрым деятельным бездействием».

Параллельно с уточнением личностных качеств и полководческого мастерства фельдмаршала Н. А. Троицкий выявлял истинный масштаб заслуг Барклая де Толли и Александра I, в очередной раз, высвобождая их «из-под камуфляжа» умолчания, домыслов и фальсификаций. (с. 343—345, 352—354, 356—358 и др.).

Делая заключение, историк в целом повторил свои прежние выводы. Вместе с тем он обратил внимание на цену победы, подчеркнув что «победоносная русская армия, преследуя Наполеона, понесла потери немногим меньше, чем побежденная и чуть ли не «полностью истребленная» французская армия (с. 475), и критически, чем в предыдущем издании, охарактеризовал цели и итоги заграничного похода (с. 481).

Таким образом, новый «1812 год» Николая Алексеевича Троицкого, несомненно, в очередной раз станет заметным явлением в историографии «Двенадцатого года». Прове-

денный нами историографический анализ книги позволяет сделать вывод о том, что общая авторская концепция истории наполеоновского нашествия на Россию, разработанная более двадцати лет назад, не потеряла своей актуальности и в настоящее время. Это дает основание выразить уверенность в том, что в год 195-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. новая публикация вызовет живой интерес у российского читателя и будет способствовать повышению научной активности в изучении этого героического периода нашей истории.

Введение

течественная война 1812 г. — одна из самых героических страниц истории нашей Родины. Победа русского народа над завоевателем, который считался величайшим военным гением мира и к моменту нападения на Россию был увенчан ореолом всемогущества и непобедимости, поразила воображение современников и поныне волнует их потомков, служит для одних предметом гордости, для других — неразгаданной загадкой, а для третьих — грозным предостережением: «Не ходи на Москву!». Поэтому «гроза двенадцатого года» вновь и вновь привлекает к себе внимание исследователей, оставаясь в числе вечных тем исторической науки. «Русской Илиадой» называли ее современники. Ей посвящено наибольшее число исследований по сравнению с любым другим событием в тысячелетней истории дореволюционной России. Специально о войне 1812 г. написано более 10 тыс. книг и статей, не считая великого множества разделов в мировой литературе о Наполеоне, которая еще к 1908 г. включала 200 тыс. названий¹ и с тех пор значительно выросла.

* * *

*Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?*

В этих строках А.С. Пушкина (28. Т. 4. С. 178)* отражены все основные концепции историков «грозы двенадцатого года», выделяющих как главный источник русской победы либо народную войну, либо действия армии, либо суровый климат России, либо, наконец, «промысел божий».

Русская *официально-дворянская* историография (главные ее представители: Д.П. Бутурлин, А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович, все трое — генералы) давала преимущественно внешнее описание военных событий, без выяснения их социально-экономической и политической обусловленности. При этом она восхваляла «единение сословий вокруг престола» (6. Ч. 2. С. 344), заслоняла народ дворянством, а на первый план как спасителей России выпячивала царскую персону (1812 год — это «бессмертный памятник» Царю, «гимн во славу его»: 24. Т. 1. С. XIII), географические условия страны и «всевышний промысел» (3. Т. 3. С. 408). Серьезно обесценивает труды дворянских историков обилие всякого рода домыслов. Недаром самого авторитетного из них, А.И. Михайловского-Данилевского (бывшего в 1812 г. адъютантом М.И. Кутузова), хотя он и слыл в официальных кругах чуть ли не гением, в лице которого Россия «имеет своего Гомера»², современники называли первым после Крылова «русским баснописцем»³.

Либерально-буржуазные исследователи (А.Н. Попов,

* В скобках даны ссылки на список основных источников и литературы (с. 311).
Первая цифра (курсивом) означает порядковый номер по списку.

К.А. Военский, В.И. Харкевич и др.) осудили верноподданническую фальшь и субъективизм дворянской историографии, отвергли ее коренные тезисы о единении народа вокруг трона и о решающей роли Царя в войне. Они выдвинули на передний план экономический фактор, заговорили даже о классовой борьбе в России 1812 г., но выказали другие слабости, недооценив патриотизм народных масс и преувеличив роль буржуазного, прогрессивного начала в борьбе Наполеона с феодальной Россией.

Крупнейшим достижением либерально-буржуазной и вообще всей русской дореволюционной историографии 1812 г. стал коллективный труд «Отечественная война и русское общество» в 7-ми томах под редакцией А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты, изданный в 1911–1912 гг. к 100-летию войны. Здесь исчерпывающе проявились как сильные, так и слабые стороны буржуазной концепции, в частности, тот объективистский (с претензией на абсолютную истину) метод исследования, о котором К.А. Военский не без гордости писал: «Перед лицом беспристрастной истории не должно быть ни своих, ни чужих, а лишь то, что дороже, выше и прекраснее всего на свете, — правда»⁴.

Самое прогрессивное направление в отечественной историографии всегда рассматривало феномен 1812 г. как народную войну: «Прежде воевал Наполеон только с правительствами... теперь воюет он с народом» (Ф.Н. Глинка) и как «начало свободомыслия в России» (А.А. Бестужев). Истоки этого направления восходят от декабристов и А.С. Пушкина к Н.Г. Чернышевскому и Н.А. Добролюбову (11. С. 191; 28. Т. 1. С. 271–272)⁵. Советская историография использовала научное наследие дворянских и разночинских революционеров, но главной своей опорой сочла марксистско-ленинскую методологию.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин действительно оставили ряд конкретных работ⁶ и оценочных высказываний о войне 1812 г. — ее происхождении, событиях и людях, последствиях и значении⁷. Однако советские (особенно военные) историки зачастую лишь декорировали свои труды цитатами из классиков марксизма, утрируя одни их высказывания и замалчивая другие. Хуже того, иные из таких историков плохо знали и скандально путали сказанное классиками: приписывали (по примеру И.В. Сталина) совместную работу Маркса и Энгельса о М.Б. Барклае де Толли одному Энгельсу⁸, а статью Энгельса «Бородино» и его знаменитое письмо к И.Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г. — Марксу (2. С. 42)⁹; использовали статью «Аустерлиц», будто бы написанную Энгельсом¹⁰, хотя давно было установлено, что Энгельс не писал такой статьи¹¹; без тени сомнения утверждали, что «К. Марксом и Ф. Энгельсом совместно написана статья «Политическая и военная жизнь Наполеона»»¹², тогда как это не статья, а 5-томная монография, и главное, ни Маркс, ни Энгельс (ни совместно, ни порознь) ее не писали, а написал ее (индивидуально) А. Жомини (17). При такой путанице в обращении с трудами канонизированных авторитетов оказывались возможными резюме о том, что «К. Маркс и Ф. Энгельс не считали Наполеона прогрессивным деятелем» (2. С. 41), хотя и Маркс, и Энгельс многократно и обстоятельно разъясняли прогрессивную сторону деятельности Наполеона¹³.

В советской историографии 1812 г. можно выделить три этапа, хронологически совпадающих с главными этапами развития нашей исторической науки вообще: 1) с 1917 до середины 1930-х годов; 2) со второй половины 1930-х до конца 1950-х годов и 3) с конца 1950-х годов.

На первом этапе господствовала точка зрения акаде-

мика М.Н. Покровского, который талантливо разоблачал предвзятость дворянских и буржуазных схем, но впал в другую крайность: счел «совершенно праздным» вопрос о виновниках войны, оправдывал агрессию Наполеона как спровоцированный «акт необходимой самообороны» и отрицал народный характер войны со стороны России; по его мнению, война велась исключительно в интересах дворянской верхушки, а патриотизм русского народа был местным, домашним, всего лишь ради «защиты своего очага от мародеров»¹⁴.

Точка зрения М.Н. Покровского на войну 1812 г. проводилась тогда и в общих курсах русской истории (Н.А. Рожкова, С.А. Пионтковского, Н.Н. Ванага), и в сводных военно-исторических трудах (А. И. Верховского, А.А. Свечина, В.Г. Сухова), и в исследованиях на смежные темы (как, например, «Александр I» А.Е. Преснякова). Специальных же работ о 1812 г. в советской историографии до середины 1930-х годов не было.

После известных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1934—1936 гг. о преподавании истории война 1812 г. стала исследоваться более конкретно. К тому же надвигавшаяся тогда военная опасность усилила и патриотически заострила интерес советских людей к событиям 1812 г. В 1938 г. академик Е.В. Тарле первым из историков СССР вернул в употребление применительно к войне 1812 г. термин «Отечественная»¹⁵, который до тех пор с 1917 г. не применялся.

Самым выдающимся достижением советской историографии 1812 г. на втором ее этапе стала монография Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», впервые опубликованная в 1937 г. Здесь глубоко и ярко раскрыты все особенности войны 1812 г. и прежде всего (как никог-

да ранее) ее народный характер. Годом ранее вышла книга Е.В. Тарле «Наполеон» — одна из лучших в мире биографий Наполеона I, где с той же силой и выразительностью показан русский народ как главный герой 1812 г.

Есть в исследованиях Е.В. Тарле 1936—1937 гг. и недостатки: умаление остроты социальных противоречий и классовой борьбы в России 1812 г., переоценка роли «естественных факторов» (географических пространств, голода, холода) в разгроме Наполеона, влияние буржуазной концепции «золотого моста», который будто бы Кутузов строил для Наполеона на пути от Москвы к Неману.

В канун и после Великой Отечественной войны, до конца 1950-х годов, был издан еще целый ряд специальных работ о 1812 г. — книги М.С. Свечникова (31), Н.А. Левицкого (23), С.Н. Дурылина, П.А. Жилина, Л.Г. Бескровного, Н.Ф. Гарнича, Л.Н. Бычкова¹⁶, статьи А.И. Молока, Н.Г. Павленко, И.С. Звавича, П.Г. Рындзюнского, И.И. Полосина, А.В. Предтеченского¹⁷ и др. К сожалению, многие из них несли на себе печать конъюнктуры, порожденной культом личности И.В. Сталина. После того как в 1947 г. Сталин заявил, что «наш гениальный полководец Кутузов... загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления»¹⁸, советская историография войны 1812 г. стала концентрироваться исключительно вокруг личности Кутузова. Наиболее показательны в этом смысле книги П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного, а в особенности сочинение Н.Ф. Гарнича, заслуженно высмеянное журналом «Крокодил»¹⁹.

С конца 1950-х годов, после XX съезда КПСС, началось более объективное и творческое изучение Отечественной войны 1812 г., стимулированное ее 150-летним юбилеем, который широко отмечался в 1962 г. К 1990-м годам были

обстоятельно исследованы такие аспекты темы, как подготовка России к войне и ее армия перед войной²⁰, Россия и континентальная блокада²¹, ход военных действий, их планирование и руководство ими²²; партизаны²³ и народное ополчение²⁴, классовая борьба в России 1812 г.²⁵, война 1812 г. и народы России²⁶. Изданы разные по объему и значению биографии²⁷, среди которых выделяется блестящий труд А.З. Манфреда (22). Очень ценен ряд превосходных работ А.Г. Тартаковского на стыке историографии, источниковедения и конкретной истории 1812 г. (33)²⁸. Историография темы все чаще становилась предметом специальных исследований, из которых надо выделить совместную работу Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского²⁹. К числу достижений советской историографии 1812 г. на последнем ее этапе наряду с монографиями можно отнести и статьи, более значимые, чем иные книги³⁰, а также ряд диссертаций, к сожалению, так и не опубликованных (И.О. Максимова, В.Н. Сперанского, Ю.Л. Епанчина).

Из трудов обобщающего характера, опубликованных в последние три десятилетия Советской власти, наиболее известны два — Л.Г. Бескровного (2) и П.А. Жилина (16). Оба они имеют очевидные достоинства и недостатки. Так, в книге Л.Г. Бескровного с наибольшей в советской литературе обстоятельностью рассмотрены историография темы и военно-экономический потенциал России (отчасти и Франции) к 1812 г. Но эта книга изобилует и необоснованными выводами. Утверждается, например, что Наполеон выигрывал войны, лишь «пока он имел дело с феодальными армиями Австрии и Пруссии» (2. С. 597), словно при Аустерлице и Фридланде он не «имел дела» с армиями России; что русская армия в 1812 г. ни в чем не уступала противнику, ибо в основе ее организации, устройства и пр. якобы

«были новые буржуазные отношения» (Там же. С. 182); что «Бородинское сражение явилось последним актом оборонительного периода войны, после него начинается период контрнаступления» (Там же. С. 398), и т.д. (подробно об этом речь пойдет в соответствующих главах).

П.А. Жилин справедливо оспаривал тезис Л.Г. Бескровного о начале русского контрнаступления сразу после Бородина, но в остальном соглашался с ним и даже шел дальше по пути идеализации всего отечественного, хотя бы и феодального, особенно же личности М.И. Кутузова. Подняв знаменитого фельдмаршала на недостижимую высоту, П.А. Жилин не допускал, чтобы тот мог совершать ошибки: на 860 страницах его книг «М.И. Кутузов» и «Отечественная война 1812 года» нет ни одного критического замечания по поводу каких-либо действий Кутузова.

П.А. Жилин и Л.Г. Бескровный заложили в советской историографии 1812 г. особую, квазипатриотическую традицию, смысл которой в том, чтобы возвеличить и приукрасить все «наше», русское (с Кутузовым как надклассовым и непогрешимым феноменом во главе), а все «чужое», враждебное, в данном случае особенно французское, разоблачить и принизить. В результате феодально-крепостническая Россия представляла из сочинений советских историков, включая даже поздние труды Жилина и Бескровного, державой, которая «шла по пути прогрессивного развития» и отстаивала «независимость», «неприкосновенность» других держав в борьбе против буржуазной Франции с ее «жесточайшим режимом», «наполеоновской тиранией» (2. С. 593—594; 16, С. 27, 333).

В 1987—1989 гг., к 175-летию войны 1812 г., хлынула на книжный рынок юбилейная литература. Это, в первую очередь, изданная 100-тысячным тиражом монография

О.В. Орлик³¹ — первой и пока единственной в отечественной историографии женщины, дерзнувшей написать специально обобщающее исследование о войне. Монография сориентирована строго «по Жилину», хотя и обставлена внешними приметами горбачевской «перестройки»: Орлик открыла и закрыла ее цитатами из решений «перестроечного» XXVII съезда КПСС, а в указатель имен между М.Б. Барклаем де Толли и М.И. Кутузовым поместила М.С. Горбачева. В старом, «жилинском» ключе выдержаны брошюра И.И. Ростунова³² и особенно пространное (почти 40 с.) послесловие Н.И. Рязанова к сборнику писем и записок Кутузова³³. Рязанов даже отступил от Жилина к Н.Ф. Гарничу, которого он часто (вперемежку с Лениным и Жилиным) цитирует и вслед за которым повторяет небывлицы о том, что Кутузов при Бородине «одержал полную стратегическую и тактическую победу» и гнал Наполеона 11 верст прочь от Бородина (С. 554). Сегодня это сравнительно недавнее сочинение Рязанова выглядит анахронизмом.

Впрочем, как анахронизм воспринимаются и переизданные в 1988 г. (посмертно) две последние книги П.А. Жилина³⁴, поскольку они повторяют — часто вопреки фактам и документам — все сказанное Жилиным ранее: мол, русская армия к 1812 г. была «значительно выше армий Западной Европы», включая французскую; Кутузов как полководец — выше Наполеона, а военное искусство феодальной России — самое передовое в мире и т.д.³⁵

Отчасти переходный характер в юбилейной литературе о 1812 г. носят обобщающие труды В.Г. Сироткина и творческого дуэта Б.С. Абалихин — В.А. Дунаевский. В первом из них³⁶ уже нет «патриотических» гипербола и подлогов, столь характерных для Жилина или Гарничу, но шокируют читателя фактические несообразности³⁷, и главное, «по-

жилински» идеализируется Кутузов (С. 169, 185, 232 и др.). Что касается книги Абалихина и Дунаевского — по теме и названию очень масштабной³⁸, то она, при всем желании авторов протиснуться сквозь толщу догматических наслоений к научной критике, сохраняет на себе печать сталинской школы. Таковы их попытки представить доказанное (Москву сожгли россияне) спорным, а недоказуемое (Кутузов как полководец «превосходил Наполеона») — доказанным (С. 79, 112–113)³⁹.

В постсоветской России об Отечественной войне 1812 г. историки не забывают. Правда, обобщающего исследования о войне в целом после распада СССР и до 2005 г. не было. Зато вышел в свет ряд биографий М.И. Кутузова, где 1812 г., естественно, отводится центральное место. Самую подробную из них составили Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев⁴⁰. В ней есть приметы нового, более научного подхода к теме по сравнению с трудами П.А. Жилина и К^о: отвергнут жилинский вымысел о «конфликте между Кутузовым и царским правительством», без «патриотических» извращений рассмотрены итоги Бородина и причины пожара Москвы, разысканы новые данные о самом Кутузове и его времени. Но большей частью Гуляев и Соглаев повторяют официально-советскую (отчасти даже царскую) трактовку темы с характерными для нее прикрасами, умолчаниями и домыслами. Кутузов и здесь идеализируется как «Спаситель Отечества» (это его титул вынесено в название основной главы о войне 1812 г.), а критические высказывания о нем его соратников и современников, включая генералиссимуса А.В. Суворова и канцлера А.А. Безбородко, адмирала А.С. Шишкова, генералов П.И. Багратиона и Н.Н. Раевского, объясняются в основном «недопониманием масштабности» Кутузова (С. 255).

Не вышли из плена старых, царско-советских, апологетических по отношению к Кутузову мифологем и две последние по времени его биографии⁴¹. Если И.А. Андрианова сумела при этом рассказать о Кутузове (учащимся школ, гимназий, лицеев) по-своему, интересно, то А.В. Шишов изготовил всего лишь скучную компиляцию из сочинений П.А. Жилина и Ю.Н. Гуляева—В.Т. Соглаева. Выпуск в свет книги Шишова под названием «Неизвестный Кутузов» с подзаголовком «Новое прочтение биографии» и с эмблемой на обложке «Архив» — это циничный вызов специалистам. В ней нет ничего *нового*, ничего *неизвестного*, а что касается ссылок на архивы, то их Шишов сделал три, и все они *списаны* из книги Гуляева и Соглаева⁴². Кстати, даже названия всех глав в труде Шишова тоже списаны у Гуляева и Соглаева, а заодно и значительная часть текста. В двух авторитетных изданиях тут же появились коллективные рецензии о «шишовском» «Кутузове». Вывод всех рецензентов был однозначен: Алексей Васильевич Шишов — плагиатор и мародер⁴³.

Изданный в Калмыкии (посмертно) сборник статей Б.С. Абалихина⁴⁴ повторяет все прежние, вплоть до курьезных, попытки автора доказать, что «Кутузов как полководец превзошел Наполеона», с опорой на А.И. Михайловского-Данилевского, П.А. Жилина и даже на брошюру ЦК ВКП(б) о Кутузове (С. 10, 58—59, 114, 115 и др.).

По старинке, словно бросая клич «Назад, к Жилину!», трактуют события 1812 г. и особенно ход Бородинской битвы некоторые из современных военных историков⁴⁵.

Нельзя признать удачной книгу В.Г. Сироткина «Наполеон и Россия» (М., 2000) с претензией на едва ли не глобальные обобщения⁴⁶. Автор явно не сориентировался в теме, полагая, будто из «всемирной историографии», от-

носящейся к Наполеону, «странным образом выпала (?! — *Н.Т.*) одна из ключевых тем — «Наполеон и Россия»» (С. 3). Очень портят книгу (при наличии в ней ценных фактов и выводов) поверхностные суждения, небрежность в подаче материала и еще больше, чем в предыдущем его труде, обилие фактических ошибок.

Что же касается последней книги В.Г Сироткина «Наполеон и Александр I» (М., 2003), то она — не более чем воспроизведение *всех* шести глав стародавней монографии того же автора «Дуэль двух дипломатий» (М., 1966) с добавлением одной, кстати, очень слабой 7-й главы. А вот предисловие сочинено заново с рекламной целью поднять собственный рейтинг и, главное, унижить своих оппонентов, по адресу которых Сироткин выдал бранный до неприличия набор эпитетов⁴⁷.

Амбициозно (но дилетантски) звучит в новейшей историографии «Двенадцатого года» голосок Лидии Ивченко. Она печатает страдальчески-апологетические статьи о М.И. Кутузове, в которых преклоняется перед фельдмаршалом до абсурда: всю свою жизнь, начиная со 2-го класса школы, Ивченко восхищается тем, как ее кумир произносит с телеэкрана слово «г...о». Это слово в устах Кутузова Ивченко восприняла для себя раз и навсегда как «глоток свободы»⁴⁸. «Ивченковский» Кутузов напрочь лишен каких-либо недостатков: критиковать его могли только завистливые «недоброжелатели» (вроде генералиссимуса А.В. Суворова и канцлера А.А. Безбородко, генералов П.И. Багратиона и Н.Н. Раевского, М.А. Милорадовича и Д.С. Дохтурова, не говоря уже об Императоре Александре I), а я, по разумению Ивченко, так и не смог найти у Кутузова никаких недостатков и попросту их выдумал⁴⁹.

К сожалению, в новейшей литературе много и заста-

релых, и новоявленных (оценочных и фактических) оплошностей такого рода: Кутузов-де — «любимый ученик» Суворова и к 1812 г. «пользовался репутацией непобедимого полководца»⁵⁰; Багратион — «друг Кутузова»⁵¹, а генерал-адъютант Наполеона Л. Нарбонн-Лара — «внебрачный сын Людовика XV»⁵². А вот и вариация на вечную тему «Слон и Моська»: А.И. Попов считает, что великий российский историк Е.В. Тарле творил всего лишь «на "лубочном" уровне мышления»⁵³. Копилку курьезов напоминает раздел о войне 1812 г. в любом из трех школьных учебников по истории России XIX века — А.Н. Баханова, П.Н. Зырянова, А.А. Левандовского.

Но как бы то ни было, почти за два десятилетия со времени первого издания моего «1812 года» накоплено много творческих достижений. И.А. Шеин подготовил в качестве докторской диссертации и опубликовал как монографию самое обстоятельное из всех существующих исследование историографии «Двенадцатого года»⁵⁴. Новаторскими и строго документированными выглядят монографии В.Н. Земцова о Бородинском и А.А. Васильева о Малоярославском сражениях, В.П. Тотфалушина и А.Г. Тартаковского о М.Б. Барклае де Толли, В.М. Безотосного о разведке России и Франции в 1812 г., С.В. Шведова о комплектовании и численном составе русских войск⁵⁵.

Плодотворно работают над изучением частных вопросов истории 1812 г. В.А. Бессонов, С.А. Малышкин, А.И. Сапожников, А.А. Смирнов, А.И. Ульянов. Издан ряд содержательных биографий (В.М. Безотосного и А.И. Сапожникова о М.И. Платове, Е.П. Иванова о П.П. Коновницыне, о А.И. Кутайсове, Л.К. Розеншильд-Паулин о Я.П. Кульнев, М.В. Горностаева и А.А. Кондратенко о Ф.В. Ростопчине) — правда, с неизбежными преувеличениями. Так, генерал Кульнев

поставлен в один ряд с К.З. Мининым, Д.М. Пожарским и А.А. Суворовым⁵⁶.

Совместными усилиями историков из разных регионов России составлена энциклопедия «Отечественная война 1812 года» (М., 2004. Руководитель авторского коллектива — В.М. Безотосный). Ее издание стало событием в историографии «Двенадцатого года». Но, к сожалению, энциклопедия изобилует пробелами и ошибками. В ней есть статьи «Фитиль», «Шомпол», «Юбка» (с пояснением: «часть мундира ниже талии»), но нет статей о многих историках (покойных, разумеется) — авторах монографий о войне 1812 г.: М.С. Свечникове, П.А. Ниве, Л. Мадлене, Х. Беллоке, Л. Страховском и др.

В обзорно-обобщающей статье В.М. Безотосного, которая открывает энциклопедию, заявлено, что термин «Отечественная» применительно к войне 1812 г. «закрепился» в историографии «после выхода в 1816 г. работы Ф.Н. Глинки "О необходимости иметь историю отечественной войны 1812"» (С. 6). Между тем каждому специалисту должно быть ведомо, что высказанное в 1816 г. предложение Глинки долгое время оставалось «гласом вопиющего в пустыне». В первых специальных исследованиях о войне (после 1816 г.!) Д.И. Ахшарумова, А.А. Писарева, Н.А. Окунева и даже в официальном («по Высочайшему повелению») 2-томнике Д.П. Бутурлина не употреблялся термин «Отечественная», и только с выходом в свет 4-томника А.И. Михайловского-Данилевского (1839 г.) этот термин закрепился и стал общепринятым донине, исключая 1917–1937 гг., когда он на 20 лет был изъят из употребления.

Тот же В.М. Безотосный на с. 11 энциклопедии и Г.И. Герасимова на с. 116 ставят в заслугу феодальным монархам — победителям Наполеона то, что «установленный

Венским конгрессом политический порядок позволил Европе сохранить мир в течение почти сорока лет», но молчат о другом: почти все эти годы против этого порядка вспыхивали и сотрясали Европу *революции* (в Испании, Португалии, Неаполе 1820 г., в Пьемонте и Греции 1821 г., во Франции и Бельгии 1830 г., вновь в Испании 1834—1843 гг. и в Португалии 1836 г., снова во Франции 1848 г., в Австрии, Венгрии, Германии, Италии 1848—1849 гг.)*.

Вопреки общеизвестным фактам утверждается все в той же обзорной статье, будто на совете в Филях «большинство участников» высказались за оставление Москвы (С. 8), а ряд легковесных статей А.И. Попова⁵⁷ о партизанском движении 1812 г. с претензией на пересмотр всего и вся из того, что выявили его предшественники, вообще не энциклопедичен.

Итак, к 2005 г. назрела потребность в создании новой обобщающей монографии о войне 1812 г. И появились в этом году сразу две такие монографии, но, к глубочайшему огорчению специалистов, ни одну из них нельзя признать научной в подлинном смысле слова. Одна из них имеет вычурное название («Битва великих империй. Слава и горечь 1812 г.») под рубрикой «Военные тайны России», хотя ни одной тайны и вообще ни одного нового слова в книге нет. Автор ее — А.В. Шишов, репутация которого как плагиатора, «мародера от истории» уже настораживает читателя. И не зря. В книге нет научного аппарата, но есть рекомендательный список литературы, где значится «Неизвестный Кутузов» самого Шишова — тот самый, большей частью списанный у Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева. Естественно, в «Битве великих империй» Шишов «жилинизирует» исто-

* Добавлю к этому перечню восстание декабристов в России 1825 г.

рию 1812 г. так же, как он это делал в «Неизвестном Кутузове». Франция у него готовится к нападению на Россию, а Россия — только к обороне (С. 10, 27). Кутузов и все «наше», русское, идеализируются (ни слова о феодально-крепостнической системе в России, о роли Кутузова в сожжении Москвы и вообще о каких-либо его ошибках и недостатках). Даже цитируется по Жилину извращенный перевод высказывания Наполеона о том, что из всех его сражений (включая Лейпциг и Ватерлоо!) «наименьший успех» он имел при Бородине (С. 260).

Вторая монография, изданная тоже в 2005 г., называется: «Да, были люди в наше время...» Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии» с несколько странным грифом: «По благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II». Автор ее — Б.П. Фролов, ранее в историографии «Двенадцатого года» не замеченный.

Книга Фролова оставляет столь же убогое впечатление, как и «Битва великих империй» Шишова. Правда, Фролов снабдил свой труд научным аппаратом, но абсолютно игнорировал ВСЮ «послежилинскую» отечественную и ВСЮ, кроме русских переводов К. Клаузевица и А. Жomini, зарубежную историографию. В результате книга представила собой архаичный гибрид творений А.И. Михайловского-Данилевского и П.А. Жилина (кстати, полдесятка приложений к книге даны «по материалам» этих двух официозов — царского и советского). Причины войны, соотношение сил и планы сторон, ход военных действий, конкретные факты, события, люди характеризуются, как правило, в аномально-официозном, царско-советском духе.

Зарубежная историография издавна и поныне, за редким

исключением, умаляет освободительный характер войны 1812 г. со стороны России и значимость русской победы. «Винновниками» разгрома наполеоновских полчищ объявляются либо иностранные советники Александра I и М.И. Кутузова (так считали, например, немцы Т. Бернгарди, А. Грубе, отчасти К. Клаузевиц (18. С. 82, 112)⁵⁸), либо — чаще всего — стихийные факторы, вроде географических пространств России и холода. Версию о «русской зиме» как первопричине всех бед французов выдвинул сам Наполеон в 29-м бюллетене своей «Великой армии» (38. С. 157), а подхватили ее почти все французские историки, даже такие серьезные, как Э. Лависс и А. Рамбо, А. Вандаль (7. Т. 3. С. 547)⁵⁹, ряд немецких, английских, американских⁶⁰.

Наиболее объективны в зарубежной историографии 1812 г. труды А. Жомини (17), Ж. Шамбре (39), Ж. Тири (Франция), Д. Чандлера и Р. Делдерфилда (Англия) и, безусловно, К. Клаузевица, который освещал войну 1812 г., хотя и не без ошибок, но в целом на уровне своей репутации как одного из величайших военных историков и, пожалуй, самого авторитетного (наряду с А. Жомини) знатока наполеоновских войн. Все они признавали главными причинами гибели «Великой армии» Наполеона в России не столько стихийные факторы, сколько просчеты завоевателей и патриотизм, «самоотвержение, мужественный дух» россиян, их готовность к «войне на истребление», а также «железное упрямство» Императора Александра I (17. С. 353; 18. С. 154 — 155)⁶¹. Обстоятельны, хотя и отчасти спорны исследования Р. Рьена (США) и более писателя, чем историка, П. Остина (Англия)⁶².

Правда, русское военное искусство полководцев России зарубежные историки обычно недооценивают. Приятными для нас исключениями являются две изданные в Англии

биографии М.И. Кутузова и М.Б. Баркляя де Толли. Р. Паркинсон в книге под названием «Лисица Севера. Жизнь Кутузова, генерала войны и мира»⁶³ осудил бытующее на Западе принижение роли и личности русского фельдмаршала и поставил его как стратега выше Наполеона (Р. 235). Супруги М. и Д. Джоссельсон, со своей стороны, написали книгу «Командующий: жизнь Баркляя де Толли»⁶⁴, как они сами объясняют, в противовес характерному для советской историографии принижению Баркляя (Р. VIII), который, по их мнению, был лучшим из русских полководцев эпохи наполеоновских войн.

* * *

Круг источников, относящихся к 1812 г., почти необозрим. Здесь будут кратко охарактеризованы только использованные материалы. В первую очередь это публикации официальных документов русских государственных, военных, дипломатических, карательных, финансовых учреждений и должностных лиц (5; 9; 20; 26; 27; 30)⁶⁵. Иные из них, включая очень ценные, доньше почти или совсем не использовались. Таковы, например, документы из публикации Н.Ф. Дубровина, наглядно воссоздающие жизнь, быт и военную подготовку русской армии к 1812 г.; большая часть 3-томных «Актов» К.А. Военского; ряд бумаг М.И. Кутузова (к примеру, об его участии в подавлении крестьянских волнений 1812 г. (5. Т. 8. С. 314; 26. Т. 19. С. 126; 27. С. 118), которые отсутствуют в 5-томном сборнике «М.И. Кутузов» (М., 1950—1956).

Следующая, тоже обширная группа русских источников — мемуары⁶⁶, опубликованные в специальных сборниках (4; 10; 37 и др.), периодических изданиях⁶⁷ и отдельными книгами⁶⁸. Ценные факты и суждения, относящиеся к 1812 г., содержатся в мемуарно-исторической

записке М.Б. Барклая де Толли (1) и воспоминаниях более чем 20 декабристов — участников войны: С.Г. Волконского, Ф.Н. Глинки, М.Ф. Орлова, И.Д. Якушкина, Н.И. Тургенева, А.Н. и Н.Н. Муравьевых, М.И. Муравьева-Апостола, М.А. Фонвизина, П.Х. Граббе, В.Ф. Раевского, В.И. Штейнгейля, В.С. Норова, А.П. Беляева, Н.И. Лорера, Ф.В. Акинфова, В.А. Перовского, И.И. Пущина, А.Я. Мирковича, П.И. Фаленберга, О.В. Грабе-Горского⁶⁹, а также в рассказах рядовых солдат и крестьян⁷⁰.

Очень важна и такая группа источников, как письма и дневники русских деятелей той эпохи. Некоторые из них (включая письма Александра I, П.П. Коновницына, К.Ф. Толля, Ф.В. Ростопчина) опубликованы в различных сборниках, вместе с воспоминаниями (4; 5; 37 и др.), бо́льшая же часть издана специально, в том числе ценнейшие письма М.И. Кутузова, М.Б. Барклая де Толли, П.И. Багратиона, Н.Н. Раевского, Д.С. Дохтурова, А.П. Ермолова, Л.Л. Беннигсена, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, переписка Александра I с вел. кн. Екатериной Павловной и кн. А. Чарторыйским, дневники А.В. Чичерина и А.Н. Гончарова (тестя А.С. Пушкина).

Широко привлечены русские публикации иностранных источников, относящихся к 1812 г. Это прежде всего 3-томник «Французы в России» (35), странным образом остающийся, как правило, вне поля зрения специалистов, а также известные мемуары А. Коленкура, Ш. Талейрана, Ц. Ложье, Д. де Ла Флиза, Г. Рооса, А. Бургоня, Ж. Пеле, М. Пюибюска и почти совершенно непривлекающиеся — Стендаля (великого писателя Франции, участника войны), Л. д'Абрантес, А. Тириона, Т. Леглера, Д. Хлаповского, К. Колачковского, Я. Вейссенгофа, Ф. фон Лоссберга, записка Ж. де Местра о войне 1812 г.

Что касается зарубежных изданий документов 1812 г., то из них, пожалуй, наиболее ценным является подготовленный Генеральным штабом Франции под редакцией Г. Фабри сборник военно-оперативных бумаг наполеоновской армии в 5-ти томах «Русская кампания» (41), который позволяет проследить действия войск Наполеона изо дня в день с 12 (24) июня по 7 (19) августа 1812 г. Несколько меньший по объему (3 тома) и значению сборник «Война в России» под редакцией А. Шюке содержит, кроме специальных документов французского командования, биографические справки и комментарии⁷¹. Ни один из томов этих двух капитальных изданий ни в одном из советских обобщающих трудов по истории войны 1812 г. не использовался.

Вообще, как справедливо заметили Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский, в нашей литературе по истории 1812 г. «весьма редко привлекаются» (за небольшими исключениями) иностранные источники⁷². Это можно сказать и о многотомной переписке Наполеона (43), и об изданиях его знаменитых (хотя и крайне тенденциозных) бюллетеней (38) и высказываний⁷³, и об интереснейших мемуарах Ф.-П. Сегюра (на русский язык они переведены не полностью), А. Фэна, П. Денье, Д. Ларрея, Л.-Г. Сен-Сира, М. Дюма, Е. Богарне, Ж. Рашпа, Р. Савари, Ж.-Э. Макдональда, Р. Солтыка, Л. Боссе, Р. Фезензака, Ж. Марбо, К. Меттерниха и др.

При всем обилии опубликованных источников очень много их еще остается в архивах. Здесь впервые вводятся в научный оборот хранящиеся в фондах РГВИА (фонды Военно-ученого архива, Канцелярии военного министерства, М.Б. Барклая де Толли, А.А. Аракчеева, Ф.Ф. Эртеля, П.В. Чичагова и др.) ведомости, инструкции, рапорты с данными о соотношении сил перед войной и потерях сторон в боях 1812 г., о составе, действиях и роли 2-го русского

резервного корпуса Ф.Ф. Эртеля, о борьбе крестьян против захватчиков и собственных помещиков, колоритная и взыскательная «Характеристика полководцев 1812 г., составленная А.П. Ермоловым»⁷⁴. (Кстати, бумаги Барклая де Толли 1812—1815 гг., исходящие и входящие⁷⁵, доказывают, что написание его фамилии через дефисы, как это делается почти во всей нашей литературе, а также в энциклопедиях и учебниках, неправильно.)

Ряд ценных материалов извлечен из фондов РО РГБ (главным образом К.А. Военского и Н.К. Шильдера): приказы, донесения, письма Н.Н. Раевского, Ф.Ф. Эртеля, Ф.Ф. Винценгероде, А.Б. Фока, Наполеона, Жерома Бонапарта, Л.-А. Бертье, «Записка о 1812 г.» английского фельдмаршала А. Веллингтона, неопубликованные воспоминания Р.М. Цебрикова (отца декабриста), И.И. Дидерихса, Н.М. Коншина, Ф. Гржималы, П. Вороненко, материалы к исследованиям К.А. Военского, Г.С. Габаева, В.А. Афанасьева, Л.В. Ларионова.

В фондах РО РГБ (А.А. Аракчеева, А.С. Норова, С.А. Белокурова, Н.П. Вишнякова, И.И. Полосина) обнаружены черновики рескриптов и писем Александра I, М.Б. Барклая де Толли, П.И. Багратиона, А.П. Ермолова, не публиковавшиеся мемуары Н.Ф. Котова, материалы исследований о пожаре в Москве.

В других архивах находок по нашей теме было меньше, но среди них оказались и существенные. Так, в РГИА удалось разыскать новые военно-оперативные документы М.Б. Барклая де Толли, А.П. Ермолова, Ф.П. Уварова, деловые бумаги государственного секретаря А.С. Шишкова и министра финансов Е.Ф. Канкрин, материалы к истории 1812 г., собранные И.П. Липранди. В ГА РФ найдены полицейские дела об антикрепостнических настроениях и «буйствах» русских крестьян в 1812 г., а в РГАДА — переписка Барклая с

Александром I, позволившая установить (впервые в историографии 1812 г.) судьбу 1-го резервного корпуса Е. И. Меллера-Закомельского (ф. 1261). Наконец, в архиве СПб ИРИ РАН обнаружены неизвестные приказы Наполеона и приговоры его военных судов по делам о мародерстве.

Несмотря на обилие трудов о войне 1812 г., ее история далеко еще не исчерпана, тем более что круг источников, вводимых в научный оборот, постоянно расширяется. Длинный ряд вопросов остается неразрешенным (таких, например, как влияние социально-политического строя Франции и России на их соперничество, связь внешней политики царизма перед 1812 г. с его внутренней политикой, царизм и народ в 1812 г.) или спорным (периодизация войны, стратегия Наполеона, М.Б. Барклая де Толли и М.И. Кутузова в 1812 г., причины знаменитого московского пожара, итоги Березинской операции, соотношение сил и потери сторон под Бородином и в других сражениях и т. д.)

Пришло время обобщить данные источников и результаты исследований всех сторон эпопеи 1812 г. на современном уровне исторической науки. В моей книге предпринят опыт такого обобщения, не претендующий, однако, на последнее слово по каждому из вопросов темы. Советские исследователи — авторы монографий о войне 1812 г. — рассматривали тему, как правило, под специальным военно-историческим углом зрения, с акцентом на таких вопросах, как вооружение сторон, их стратегия и тактика, оперативное искусство, и с меньшим, явно недостаточным вниманием к вопросам классовой борьбы, внутренней политики, идеологии, культуры, личных судеб. Наиболее гармоничной в освещении всех этих вопросов остается книга Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», но она была издана еще в 1937 г. и с тех пор переиздавалась без изменений.

Творческий опыт Е.В. Тарле, конечно, надо учитывать, но уже на более широкой по сравнению с 1937 г. историографической и документальной основе. Говорят, «нет отечественной историографии без любви к отечеству»⁷⁶. Это верно. Но истинный патриотизм, как подчеркивал В.Г. Белинский, «обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему... во всяком отечестве»⁷⁷. Наигранное или ложно понятое, односторонне (порой до курьеза, а то и до конфуза) заостренное патриотическое чувство уводит исследователей с научных позиций к националистической либо шовинистической чванливости, к заведомому искажению правды, к историографическому очковитирательству. Характерный не только для научной, но и для учебной литературы неопикуемый разноречивостью в цифрах, иллюстрирующих соотношение сил и потери сторон в 1812 г., объясняется не в последнюю очередь псевдопатриотическим стремлением подсчитать любую цифру «в нашу» пользу.

Сегодня, когда мы так ценим в науке «момент истины», следует подчеркнуть, что если, с одной стороны, затушевывается варварская сущность феодального строя в России, замазываются его экономические, социальные, политические и военные изъяны (хозяйственное головоустройство, сословные барьеры, казнокрадство, рекрутчина, палочная муштра, ошибки царских военачальников), а с другой стороны, принижается социально-экономический, политический и военный потенциал буржуазной Франции, то все это отнюдь не возвышает, а, наоборот, умаляет подвиг русского народа в 1812 г. Кроме того, подобный подход к освещению 1812 г. дает повод нашим зарубежным оппонентам ставить под сомнение и другие научно обоснованные оценки российских историков⁷⁸.

Итак, «гроза двенадцатого года» как исследовательская проблема нуждается в обновлении и углублении. Поэтому я вижу свою задачу в том, чтобы не только обобщить на уровне современных требований достигнутые к началу XXI века результаты изучения темы, но и попытаться самостоятельно решить еще не решенные или спорные ее вопросы, а также исправить (или уточнить) хотя бы наиболее характерные из накопившихся в литературе концепционных несообразностей, оценочных заблуждений, фактических ошибок. Хотелось при этом (естественно, по возможности) сделать книгу интересной для массового читателя, выйти в ней, как выражается австрийский историк Ф. Шахермайр, «за рамки общепринятого научного косноязычия»⁷⁹.

Глава I

Пролог

*Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.*

А. С. ПУШКИН

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

 1789 г. начинается предыстория «грозы двенадцатого года». Великая французская революция разрушила феодализм в самой Франции и поставила под угрозу его господство в других странах. Поэтому вся феодальная Европа вместе с буржуазной, но консервативной Англией ополчилась тогда против революционной Франции. Россия как самая крупная и авторитетная в мире феодальная держава, одна из двух (наряду с Турцией) «самых варварских в Европе деспотий» во главе с монархами, которые «являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых» (по выражению В.И. Ленина)¹, естественно, возглавила борьбу общеевропейской реакции против французской революции. Правда, до воцарения Александра I царизм не успел проявить себя на этом поприще в полную силу, хотя правительства Екатерины II и Павла I посылали армии против Польши, где с 1791 г. под влиянием французской революции развернулось национально-освободительное движение, и против самой Франции². Гораздо активнее царизм стал действовать при Александре I — во главе 3-й и 4-й европейских коалиций.

К тому времени, когда русский царизм организовал 3-ю антифранцузскую коалицию (две предыдущие были разгромлены в 1797 и 1800 гг.), политический режим Франции и характер войн с ее стороны существенно изменились. Все эти перемены были связаны с именем Наполеона Бонапарта, который в 1799 г. стал первым консулом Французской республики, а в 1804 г. объявил себя императором Франции.

Наполеон в нашей литературе обычно изображается односторонне — как агрессор и авантюрист, деятельность которого была лишена каких-либо прогрессивных начал (2. С. 41, 11, 51, 16; 16. С. 23—26)³. При этом, клеймя «жесточайший режим» самой передовой в начале XIX в. страны — Франции (16. С. 74—75, 333), советские историки помакивали об ужасах крепостного режима тогдашней России, которые не стеснялась обличать даже царская пресса⁴.

Наполеон действительно, с одной стороны, был деспот и завоеватель. Но такой исторический феномен, каким он себя проявил, нельзя рассматривать односторонне. Лучшие умы человечества отмечали в деятельности Наполеона и другую, прогрессивную сторону. Он создал знаменитый Гражданский кодекс 1804 г. — *кодекс Наполеона* (Code Napoleon), как его принято называть, поныне действующий не только во Франции, но и в других странах классической демократии (в Италии, Бельгии, Голландии, Швейцарии). Кодекс Наполеона гарантировал французам больше гражданских прав, чем где бы то ни было из тех стран (включая Англию), которые боролись против наполеоновской «тирании». Вторгаясь с войсками в другие страны, разоряя их контрибуциями, Наполеон уничтожал в них и феодальную рухлядь — разрушал средневековые режимы, отменял дворянские и церковные привилегии, освобождал крестьян от

пут крепостничества, вводил свой Гражданский кодекс. В этом смысле он имел некоторое основание заявить в 1804 г. о себе: «Я — французская революция» (22. С. 444).

А.С. Пушкин нашел для исторической роли Наполеона точное определение: «мятежной вольности наследник и убийца» (28. Т. 1. С. 331). Не просто убийца, но и наследник. Задушив революцию, Наполеон унаследовал и сохранил ее важнейшие завоевания: отмену феодальных привилегий, свободу развития буржуазного производства, гражданское равенство населения.

К тому же в представлении и Пушкина и М.Ю. Лермонтова Наполеон был «гений, колосс, хоть и тиран», «зидатель истории»⁵: «И в десять лет он подвинул нас целым веком вперед»⁶. Точно так же оценивали историческую роль Наполеона А.И. Герцен и В.Г. Белинский, И.С. Тургенев и Н.Г. Чернышевский, П.И. Пестель и Д.В. Давыдов, А.В. Суворов и Ф.И. Шаляпин, И. Гёте и Д. Байрон, В. Гюго и О. Бальзак, А. Мицкевич и Г. Гейне, Л. Бетховен и Н. Паганини, Г. Гегель и Д. Гарибальди. Все они ставили Наполеона в первый ряд величайших полководцев мира (как правило, на 1-е место) и вообще самых крупных фигур в истории человечества, усматривая в нем наиболее характерный пример «гениального человека» (Чернышевский) и даже увлекаясь им до таких преувеличений: «небывалый гений» (Гегель), «лучший отпрыск Земли» (Байрон), «квинтэссенция человечества» (Гёте), «божество с головы до пят» (Гейне) и т.д.⁷

Кумиры советской историографии К. Маркс и Ф. Энгельс, считавшиеся в СССР непогрешимыми, тоже высоко ценили «блестящий гений» Наполеона, относили его к «великим историческим явлениям», называя «великим Наполеоном» и «Наполеоном Великим»⁸. Не закрывая гла-

за на деспотизм Наполеона, основоположники марксизма подчеркивали, что он действовал «наполовину не так деспотически, как имели обычай поступать те князья и дворяне, которых он пустил по миру», да и «легче переносить деспотизм гения, чем деспотизм идиота»⁹.

Непревзойденный полководец, «первый солдат веков и мира», по словам Дениса Давыдова (13. С. 308), Наполеон был велик и как государственный деятель, законодатель, администратор, дипломат. Но этот гигант, который чрезвычайно расширил обычные представления о человеческих возможностях, был уникально противоречив, соединяя в себе гения и тирана, героя и грабителя. Такое сочетание придавало ему многоликость, не умаляя его масштабности. Антинаполеоновский памфлет 1814 г., изданный в Москве, гласит: «Многие мнили видеть в нем Бога, немногие — сатану, но все почитали его великим»¹⁰.

Итак, с приходом к власти Наполеона характер войн в Европе со стороны Франции меняется: из оборонительных, национально-освободительных они превращаются в завоевательные. В.И. Ленин как-то заметил (вполне справедливо), что при Наполеоне «из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона»¹¹. Приняв это замечание к методологическому руководству, советские историки изображали все войны против Наполеона справедливыми, а феодальные коалиции 1805–1807 гг. аттестовали как «оборонительные союзы европейских государств», которые, мол, противостояли «экспансии Франции» и стремились чуть ли не к созданию в Европе системы коллективной безопасности, «такой системы государств, которая помешала бы новым завоеваниям Наполеона»¹². Такие оценки, быв-

шие в ходу еще у русских придворных историков¹³ и повторяемые доселе (12. С. 190—191)¹⁴, односторонни, а потому не обоснованны.

Разумеется, войны 1805—1807 гг. со стороны наполеоновской Франции носили захватнический, несправедливый характер: Наполеон стремился к европейской гегемонии, намереваясь поставить национальные государства Европы в политическую зависимость от Франции. Эта сторона вопроса о характере войн 1805—1807 гг. ясна и неоспорима, хотя избитый тезис наших историков о стремлении Наполеона к *мировому* господству утрирован (о господстве над Соединенными Штатами Америки или над Японией и Китаем Наполеон не помышлял) — речь могла идти в 1805—1807 гг. о господстве именно в Европе.

Но ведь всякая война — процесс *двусторонний*, и если с научных позиций подойти к оценке войн 1805—1807 гг. со стороны антинаполеоновских коалиций, то легко понять, что все эти коалиции вели с Наполеоном отнюдь не освободительную, а вполне «империалистскую» войну в тех же экспансионистских целях, что и Наполеон, плюс их стремление вытравить исходящую из Франции (разными путями, даже на штыках войск Наполеона!) революционную, якобинскую «заразу».

Правда, официальные документы коалиций полны фраз о намерении правительств участвовавших в них стран освободить Францию «от цепей» Наполеона, а другие страны — «от ига» Франции, обеспечить «мир», «безопасность», «свободу» европейских народов и всего «страдающего человечества» (5. Т. 2. С. 146—149, 368, 407, 430; Т. 3. С. 562, 578). Но разве можно принимать всерьез такие фразы в таком источнике? Вся эта гуманная фразеология коалиционных правительств — не более чем фиговый листок. Настоящую

реальность ее легко выявить частью по тем же, а частью по другим, тоже вполне доступным сегодня, документам 3-й и 4-й коалиций. В них противники Франции, связанные империалистскими и антиякобинскими интересами, формулировали задачи, которые можно объединить в два стержневых направления: 1) территориальное расширение, захват и грабеж новых земель — как минимум и господство в Европе — как максимум; 2) сохранение уцелевших на континенте феодальных режимов и восстановление свергнутых.

В русско-английской, русско-австрийской и русско-прусских (Потсдамской и Бартенштейнской) декларациях 1804—1807 гг. уже был набросан эскиз той программы раздела Европы, которую в 1815 г. узаконит Венский конгресс (5. Т. 2. С. 182, 370, 372, 374, 617, 621; Т. 3. С. 562—563). Царская Россия в таких декларациях о многих своих притязаниях умалчивала, чтобы не рассориться с партнерами по коалициям, но если не на авансцене дипломатии, то за ее кулисами она настойчиво преследовала свои традиционные цели, которые обозначились еще при Екатерине II: присоединение Польши, захват Константинополя, раздел Германии, завоевание Финляндии.

Не афишируя в 1805—1807 гг. идею присоединения Польши, царизм продолжал вынашивать ее, готовясь реализовать в удобный момент (об этом свидетельствует переписка Александра I с А. Чарторыйским¹⁵). С 1809 г. он вновь начал готовить конкретный проект «восстановления Польши», т. е. именно ее присоединения к России (3. Т. 6. С. 57)¹⁶, а в феврале 1811 г. решил, что настал момент действовать, и уже готов был приступить к реализации этого проекта, когда нашествие Наполеона отвлекло Россию от польских дел (9. Т. 6. С. 58, 353—354)¹⁷.

Точно так же до осени 1806 г. петербургский двор считал допустимым «отложить применение решительных мер» к Турции (Александр I — Н. Н. Новосильцеву 23 сентября 1804 г.*: 9, Т 2. С. 154. Курсив мой. — Н. Т.), пока она оставалась послушной России, но на будущее Александр I уже в 1804 г. предлагал английскому правительству «договориться... каким образом лучше устроить судьбу... различных частей» Турции (Там же. С. 149), т. е. разделить ее. И как только обнаружилось (с осени 1806 г.), что Турция склоняется на сторону Франции, царизм вновь поставил Константинополь в порядок дня (Там же. Т 6. С. 288, 731)¹⁸.

Зато Германию (которая была тогда раздроблена почти на 300 «государств») царизм, как явствует из инструкций Александра I его дипломатам в 1801—1806 гг., последовательно и безотлагательно стремился превратить в объект раздела (между Россией, Пруссией и Австрией с передачей львиной доли России: 3. Т. 1. С. 51, 89, 462—466; Т. 2. С. 149, 153)¹⁹, проводя по отношению к Германии политику не менее агрессивную и еще более реакционную, чем политика Наполеона, поскольку самодержавный Петербург добивался не просто верховенства над мелкими германскими государствами, но и увековечения в них феодальных порядков.

Наконец давно запланированную (еще при Екатерине II) аннексию Финляндии царизм не снимал с порядка дня, пока не осуществил ее — после Тильзита, с согласия Наполеона — в итоге русско-шведской войны 1808—1809 гг. В.И. Ленин так оценил исход и характер этой войны: «...Финляндию аннексировали русские цари по сделкам с душителем французской революции, Наполеоном...»²⁰.

* Здесь и далее все даты приводятся по новому стилю.

Эту оценку подтверждают опубликованные еще в конце XIX в. документы²¹, и ее не может опровергнуть широко бытующий тезис: «...присоединение Финляндии... не было результатом сделки с Наполеоном, как утверждают некоторые...»²².

Таким образом, царизм, выполняя социальный заказ русских феодалов-помещиков (и отчасти купцов), боролся с Наполеоном в коалиционных войнах 1805—1807 гг. (как и другие участники 3-й и 4-й коалиций) не за «свободу» и «безопасность» европейских народов, а за «верховенство» над ними, грабеж и раздел чужих стран. Здесь важно подчеркнуть, что никогда, ни раньше, ни позже, царизм не был так воинствен, как в 1805—1812 гг. Считается, что «беспрецедентным уровнем военной активности, равного которому не было места за всю историю русского государства», отмечена последняя треть XVIII в., когда Россия в течение 30 лет вела 7 войн²³. Но ведь с 1805 по 1812 г., т. е. всего за 8 лет, царизм провел 8 войн: в 1805, 1806—1807 и 1812 гг. — с Францией, в 1806—1812 гг. — с Турцией, в 1806—1813 гг. — с Ираном, в 1807—1812 гг. — с Англией, в 1808—1809 гг. — со Швецией, в 1809 г. — с Австрией (последние *пять* войн — *одновременно!*).

Вторым направлением в дипломатии и войнах антинаполеоновских коалиций была защита феодально-крепостнических порядков на континенте. «Поддержание законных правительств, которые до сего времени избежали косы революции», и восстановление свергнутых феодальных режимов Александр I провозгласил задачей Российской империи в первых же инструкциях своим послам: А.И. Моркову в Париже, С.Р. Воронцову в Лондоне, А.К. Разумовскому в Вене, А.И. Крюденеру в Берлине (9. Т. 1. С. 51, 53, 89, 91)²⁴. Та же задача указана в программной инструкции Царя Н.Н. Но-

восильцеву (9, Т. 2. С. 147). «Восстановление свергнутых государей в их прежних владениях» как один из основополагающих принципов внешней политики коалиционных держав предусматривается и в русско-австрийской от 6 ноября 1804 г., и в англо-русской от 11 апреля 1805 г., и в русско-прусской от 26 апреля 1807 г. декларациях (9, Т. 2. С. 182, 374; Т. 3. С. 562, 563).

Царизм — хозяин крупнейшей феодальной державы мира — оказался, как и следовало ожидать, самым пылким рыцарем этого принципа. Именно он энергичнее всех выступал в 1801—1803 гг. за «индемнизацию» князей Священной Римской империи, т.е. за возмещение их территориальных потерь в борьбе с Францией (9, Т. 1. С. 121—125), выделял ежегодно пособие 75 тыс. руб. сардинскому королю²⁵, держал у себя в чести и славе многих «зубров» бежавшего из Франции контрреволюционного охвостья — герцогов В.-Ф. Брольи (которого сделал российским фельдмаршалом), А.-Э. Ришелье, М. Лаваля де Монморанси и А.-Ж. Полиньяка, маркизов И. Траверсе (назначенного военно-морским министром России) и Ж. д'Отишана, графов Э. д'Антрэга, М.-Г. Шуазеля-Гуфье, К.О. Ламберта, А.Ф. Ланжерона, Л.П. Рошешуара, Э.Ф. Сен-При и десятки других, менее крупных, а их патриарха, будущего короля Франции Людовика XVIII, изгнанного в 1801 г. Павлом I из России (где он жил с 1797 г., получая по 200 тыс. руб. в год), Александр I вернул и содержал его придворный штат из 80 человек за счет русского народа (9, Т. 1. С. 220—221)²⁶. В марте 1807 г., отправляясь на войну против Наполеона, Царь посетил Людовика и заявил ему, что «день, когда он водворит его во Франции, будет счастливейшим днем его (Александра I. — *Н. Т.*) жизни»²⁷.

Начиная войну 1805 г., Александр I призвал русские вой-

ска «потщиться возвысить еще более приобретенную и поддержанную ими славу»²⁸, но не объяснил, во имя чего. Оно и понятно. Ни русскому, ни французскому, ни другим народам Европы войны 1805—1807 гг. не были нужны. Эти войны вели правительства, используя свои народы как «пушечное мясо» и как орудие для порабощения других народов. Поэтому нельзя расценить их иначе как несправедливые, разбойничьи с обеих сторон. Диалектика истории такова, что действия каждой стороны в этих разбойничьих войнах имели объективно и прогрессивные последствия: коалиции противоборствовали гегемонизму Наполеона, а Наполеон разрушал феодальные устои Европы. В целом же войны 1805—1807 гг. — примеры таких войн, когда несколько разбойников послабее объединяются и нападают на разбойника посильнее, тоже изготавившегося к нападению, чтобы переделать границы и режимы разбойных владений по усмотрению победителя.

3-я антифранцузская коалиция сформировалась из России, Англии, Австрии, Швеции, Дании и Королевства обеих Сицилий (9. Т. 2. С. 722—723). Деньги дала главным образом Англия, «пушечное мясо» — Россия и Австрия. Судьбу коалиции решила битва при Аустерлице 2 декабря 1805 г. — одна из крупнейших в мировой истории, «битва трех императоров», как ее называют. Это был «решающий поединок нового и старого миров» (22. С. 478) — только что утвердившегося буржуазного и обветшавшего феодального. Наполеон одержал здесь самую блестящую из своих более чем 50 побед. Имея 73 тыс. солдат, он подверг 85-тысячную коалиционную армию (70 тыс. русских и 15 тыс. австрийцев) сокрушительному разгрому: союзники потеряли 27 тыс. человек (21 тыс. русских и 6 тыс. австрийцев) против 8—9 тыс. убитых и раненых французов и 155 ору-

дий (130 русских и 25 австрийских). Главнокомандующий союзной армией М.И. Кутузов был ранен и едва не попал в плен. «Император всея Руси» Александр I ускакал с поля боя, дрожа от страха и заливаясь слезами. Австрийский император Франц I бежал еще раньше Александра.

Господствующий класс России воспринял этот разгром тем больнее, что русская армия более 100 лет, после Нарвской битвы 1700 г., никому не проигрывала генеральных сражений и что при Аустерлице, опять-таки впервые со времен Петра I, русскую армию возглавлял сам Царь.

Аустерлиц положил конец существованию 3-й коалиции. Франц I принес Наполеону повинную, и Австрия вышла из войны. Однако Англия (несмотря на то, что ее премьер-министр У. Питт, узнав об Аустерлице, от горя потерял рассудок и вскоре умер²⁹) и Россия не сложили оружия. В следующем, 1806 г. они составили новую, 4-ю коалицию против Наполеона, в которой место вышедшей из строя Австрии заняла Пруссия.

Участие Пруссии не усилило коалицию. Прусская армия, воспитанная и как бы законсервированная в устарелых догмах Фридриха II, отличалась низкой боеспособностью, а ее генералитет — феноменальной бездарностью и немощью (19 высших генералов в 1806 г. вместе имели за плечами 1300 лет жизни). Зато королевский двор Пруссии петушился, как при «великом Фридрихе». И министры, и король Фридрих-Вильгельм III, «один из величайших олухов, когда-либо служивших украшением престола»³⁰, и даже умница-королева Луиза требовали начинать войну с Наполеоном до подхода союзных войск, чтобы не делить с ними лавров победы. И война началась 8 октября 1806 г., а 14 октября, когда еще не все пруссаки узнали о начале войны, она фактически уже кончилась. Почти все вооруженные силы Пруссии, скон-

центрированные в двух армиях во главе с королем и четырьмя фельдмаршалами, были уничтожены в один и тот же день, 14 октября, сразу в двух генеральных сражениях — под Иеной и Ауэрштедтом. По словам Генриха Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию, и ее не стало». В поверженном Берлине Наполеон 21 ноября 1806 г. подписал знаменитый декрет о континентальной блокаде (43. Т. 13. С. 555—557). Завоеватель понимал, что, пока он не сокрушит Англию, его борьба с коалициями будет подобна борьбе с многоглавой гидрой, у которой вместо каждой отрубленной головы тут же вырастает новая. Покорить Англию силой оружия он не мог — для этого нужен был мощный флот, которого Наполеон не имел (к 1806 г. флот Англии насчитывал 250 военных судов, Франции — 19). И он решил задушить Англию экономически, взять ее, как крепость, осадой. Его декрет объявлял Британские острова блокированными и запрещал всем странам, зависимым от Франции (а к ним относилась уже почти вся Европа), какие бы то ни было, даже почтовые, сношения с Англией.

В ответ на это снова вступила в войну с Наполеоном Россия. Так как Пруссия уже вышла из строя, Швеция еще не собралась с силами, а государство-толстосум Англия, как и ранее, ограничилась миллионными субсидиями³¹, русской армии теперь пришлось сражаться с французами почти один на один (помогал русским только отдельный прусский корпус А.В. Лестока). Русский главнокомандующий Л.Л. Беннигсен (один из убийц Павла I), бывший сослуживцем А.В. Суворова, при всей скромности своих полководческих дарований сумел, благодаря исключительной стойкости русских солдат, выстоять в двух крупных сражениях с наполеоновскими войсками. Фигурально говоря, он сыграл вничью 26 декабря 1806 г. при Пултуске с лучшим из военачальни-

ков Наполеона, маршалом Ж. Ланном, а 8 февраля 1807 г. под Прейсиш-Эйлау — с самим Наполеоном³². Но 14 июня 1807 г. у Фридланда 60-тысячная русская армия в генеральном сражении с численно превосходящей (85 тыс. человек) армией Наполеона была вновь разгромлена, потеряв не менее 10 тыс. человек (по другим данным, 18—20 тыс.), хотя и врагу нанесла тяжелый урон (по разным источникам, от 4,5 до 8,5 тыс.)³³. «Государь! — заявил после Фридланда Александру I его брат, вел. кн. Константин Павлович, бывший, в отличие от Александра, мужем отнюдь не робкого десятка (участвовал в итальянском и швейцарском походах Суворова). — Если вы не желаете заключить мира с Францией, то дайте каждому вашему солдату хорошо заряженный пистолет и прикажите им выстрелить в себя. В таком случае вы получите тот же результат, какой вам дало бы новое и последнее сражение»³⁴.

Царизм вынужден был пойти на мир с Францией. 7 июля 1807 г. в Тильзите Наполеон и Александр I подписали исторический договор (его текст см.: 10. Т. 3. С. 631—646). Два главных его условия Наполеон навязал Александру как победитель. Во-первых, Россия признавала все завоевания Наполеона, а его самого — императором и вступала в союз с Францией. Во-вторых, Россия обязалась порвать с Англией и присоединиться к континентальной блокаде. Если первое условие задевало престиж России и самолюбие Царя, который ранее официально именовал Наполеона «узурпатором и тираном» (русская церковь — даже «антихристом»: 9. Т. 2. С. 382, Т. 3. С. 367, 581), а теперь вынужден был обращаться к нему по форме, принятой у монархов: «государь, брат мой», то второе условие ударило по жизненным интересам России, разрывая ее традиционные взаимовыгодные экономические связи с Англией.

Правда, Тильзитский договор предоставлял России свободу действий против Турции и Швеции, причем Наполеон даже подзадоривал Александра к войне со Швецией — союзницей Англии (7. Т. 1. С. 322)³⁵. Вообще оба императора отвели Западную Европу в сферу влияния Франции, Восточную — России, как бы заключив тем самым «союз... для раздела мира: Наполеону — Запад, Александру — Восток!»³⁶.

Итак, в Тильзите Наполеон осуществил идею союза с Россией, которая, по мнению ряда авторитетов — от А. Вандаля до А.З. Манфреда, была «ведущей идеей» его внешней политики (22. С. 550). Сама по себе такая идея отвечала и русским интересам не менее, чем французским, но дело в том, что Наполеон в союзе с Россией хотел играть роль старшего партнера, который мог бы при случае диктовать младшему свою волю, а такое распределение ролей не могло устроить Россию.

Что касается Александра I, то он, учитывая, с одной стороны, военное преимущество Франции перед Россией, а с другой — оппозицию российского дворянства союзу с Францией, рассматривал Тильзитский договор как вынужденную необходимость «примкнуть на некоторое время» к врагу в качестве союзника и рассчитывал под прикрытием договора заняться «вооружениями и приготовлениями» к новой борьбе при более выгодном для России соотношении сил³⁷. Так объяснял Царь свою позицию в откровенном письме к матери в сентябре 1808 г., и этот его взгляд разделяли самые авторитетные из близких к нему деятелей — канцлер Н.П. Румянцев, государственный секретарь М.М. Сперанский, бывший президент Коллегии иностранных дел, а с 1808 г. посол в Париже А.Б. Куракин³⁸.

Внешне обе стороны обставляли свой союз (особенно личные встречи Наполеона и Александра в Тильзите,

затем осенью 1808 г. в Эрфурте) с небывалой помпезностью. Французский посол А. Коленкур был в Петербурге «первейшею особою, едва не считавшею себя наравне с Александром I»³⁹. Наполеон, желая укрепить союз, в 1808 г. посватался к вел. кн. Екатерине Павловне, а после того как она заявила: «Я скорее пойду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца»⁴⁰ — и была выдана за Георга Ольденбургского (Коленкур писал о нем Наполеону: «Принц безобразен, жалок, весь в прыщах, с трудом изъясняется»⁴¹), Наполеон сделал предложение другой сестре Царя — Анне Павловне. Царь, однако, любезнейшим образом уклонился от положительного ответа и на это сватовство.

Главное же, мало удавались Наполеону его попытки втянуть Россию (следуя букве Тильзитского договора) в войну с Англией и — в 1809 г., когда началась австро-французская война, — с Австрией. Царизм воздерживался от активных действий и против Англии, и против Австрии, усматривая в них потенциальных союзников. Более того, прислушиваясь к голосу российского дворянства и купечества, Александр I позволял им то и дело нарушать континентальную систему, в то время как Наполеон, понимавший, что «достаточно одной трещины, чтобы в нее провалилась вся система»⁴², требовал неукоснительного ее соблюдения.

Таким образом, Тильзитский договор был подобен мине замедленного действия, заложенной в русско-французские отношения. Хотя он дал обеим сторонам взаимные выгоды (Франции — гораздо большие), а России, кроме того, известный выигрыш времени для военных приготовлений, его главные условия оказались невыполнимыми для России и чреватými новой войной, неизбежность которой с каждым годом становилась все более очевидной. Хотя война нача-

лась в 1812 г., она, как метко выразился Ж. де Местр, «уже была объявлена договором о мире и союзе в Тильзите»⁴³.

ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ВОЙНЫ 1812 г.

Русская дворянская историография объясняла войну 1812 г. по следующей схеме: «В самом Наполеоне, в алчности его к завоеваниям должно искать причины к войне с Россиею»; все время после Тильзита Наполеон готовился «к нападению» на Россию, а царизм — «к обороне» (3. Т. 1. С. 39; 6. Ч. 1. С. 17, 79; 24. Т. 1. С. 36). Эта схема налицо донине в трудах не только большинства советских, но и некоторых уже постсоветских ученых (12. С. 278—282; 16. С. 71—84, 90—93)⁴⁴. Французские историки большей частью (от А. Тьера до Л. Мадлена) развивают противоположную точку зрения, а именно: нашествие Наполеона на Россию представляло собой вынужденный акт самозащиты.

И тот и другой подход к вопросу о причинах войны 1812 г. упрощает действительный ход истории, диалектику и специфику наполеоновских войн, которые сочетали в себе завоевательные и освободительные, реакционные и прогрессивные явления.

Завоевательная «алчность» Наполеона — это очевидная, но далеко не единственная причина войны 1812 г., сплетенная с рядом других причин, включая «алчность» царизма. К 1812 г. Наполеон успел разгромить очередную, 5-ю антифранцузскую коалицию в составе Англии, Испании, Австрии и был в зените могущества и славы. «Делатель и разделыватель королей», «сюзерен 7 вассальных королевств и 30 государей»⁴⁵, он повелевал почти всей Европой и тасовал европейские троны, как игральные карты (три из них он передал своим братьям, два — сестрам). «Кто не жил во время Наполеона, — вспоминал А.И. Михайловс-

кий-Данилевский, — тот не может вообразить себе степени его нравственного могущества, действовавшего на умы современников. Имя его было известно каждому и заключало в себе какое-то безотчетное понятие о силе без всяких границ» (24. Т. 1. С. 153). Мир не знал другого примера столь головокружительной карьеры. Генерал М. Фуа, соратник Наполеона, сказал о нем: «Подобно богам Гомера, он, сделав три шага, был уже на краю света» (13. С. 174).

С высоты достигнутого к 1812 г. величия Наполеон считал возможным обеспечить для Франции уже в скором будущем господство в Европе. Путь к этой цели преграждали Англия и Россия. Все остальные европейские державы были либо повержены Наполеоном, либо близки к этому. Русский посол в Париже А.Б. Куракин 18 февраля 1811 г. написал Александру I: «От Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива — все сплошь Франция»⁴⁶. Когда он писал эти слова, угроза вторжения Наполеона уже нависла, как дамоклов меч, над Россией.

Царская Россия, однако, вовсе не была тогда лишь объектом и жертвой наполеоновской агрессии. Она тоже стремилась, как и Франция, к европейской гегемонии и приложила для этого много усилий в коалиционных войнах 1799—1807 гг. Проиграв эти войны, подписав унижительный для себя Тильзитский мир, царизм никогда не оставлял мысли о реванше. Перед войной 1812 г. и затем в ходе ее он предпринимал усилия по формированию 6-й антинаполеоновской коалиции, чтобы вновь учинить «своего рода крестовый поход» против Франции с той же, что и в 1799—1807 гг., целью защиты «всех тронов», «всех корон», «восстановления в Европе» дореволюционного «равновесия», «возврата к старым (т. е. феодальным. — Н. Т.) правилам» международных отношений (9. Т. 6. С. 373, 425, 426). Из офи-

циальных документов царизма явствует, что в 1811—1812 гг. он планировал на западных границах, в противовес французским захватам, восстановить Королевство Польское с последующим присоединением к России. Для ослабления союзной Наполеону Австрийской империи Александр выдвигал идею произвести «сильную диверсию на правом крыле французских владений». В этих целях ставилась задача разжечь недовольство «венгерцев», а также обратить «к нашей стороне» славянские народы Балкан: «сербов, босняков, далматов, черногорцев, бокесцов, кроатов, иллирийцев». Чтобы «возвысить дух славянских народов для направления оного к... цели», рекомендовалось обещать им независимость и даже «установление славянского царства» (Там же. С. 56—59, 363—364, 372)⁴⁷.

Все эти планы вуалировались более чем либеральной фразеологией. 13 марта 1812 г., досадуя на то, что Пруссия вдруг отказалась поддержать Россию, уже изготавившуюся к походу на Францию, Александр I, этот рабовладелец, имевший 10 млн рабов, написал Фридриху-Вильгельму III — рабовладельцу, имевшему 3 млн рабов: «Лучше все-таки славный конец, чем жизнь в рабстве» (9. Т. 6. С. 306).

Итак, столкновение гегемонистских стремлений наполеоновской Франции и царской России вело к тому, что война между ними становилась вероятной. Сделал же эту войну неизбежной, породил ее, стал главной ее причиной конфликт между Францией и Россией из-за континентальной блокады.

Участие России в континентальной блокаде Англии имело пагубные последствия для русской экономики. Из-за того, что были разорваны традиционные связи с Англией, внешняя торговля России за 1808—1812 гг. сократилась на 43%⁴⁸. Новая союзница, Франция, не могла компенсировать

этого ущерба, поскольку экономические связи России с Францией были поверхностными.

Нарушая внешнеторговый оборот России, континентальная блокада расстраивала ее финансовую систему. Уже в 1809 г. бюджетный дефицит вырос по сравнению с 1801 г. с 12,2 млн до 157,5 млн руб., т. е. почти в 13 раз; «дело шло к финансовому краху»⁴⁹. Русская экономика в условиях континентальной блокады стала походить на человека, задыхающегося в остром приступе астмы. Помещики и купцы не могли примириться с этим: они жаловались, роптали, называли Александра I «приказчиком Наполеона» и угрожали ему исподтишка участием Павла I, убитого в 1801 г. отчасти тоже за разрыв с Англией. А. Коленкур записал такие разговоры в петербургских салонах: «Надо постричь императора в монахи... А Румянцева (канцлера империи. — *Н.Т.*) послать квасом торговать»⁵⁰. Царизм, учитывая волю господствующих классов, потворствовал контрабандной торговле с Англией, а 31 декабря 1810 г., дабы нормализовать внешнеторговый оборот России, ввел самый запретительный за всю историю XVIII—XIX вв. таможенный тариф, особенно на товары, «ввозимые по суше». Этот тариф, ударивший главным образом по французским товарам, историки почти единодушно расценили как «объявление таможенной войны Франции» (7. Т. 2. С. 551; 12. С. 279; 31. С. 8; 32. Т. 3. С. 363, 502)⁵¹.

Наполеон, избравший континентальную блокаду единственно верным средством одоления своего главного врага и потому считавший ее «одним из важнейших дел, великой мыслью его царствования» (32. Т. 3. С. 497), ревниво следил за соблюдением блокады каждым из своих сателлитов и союзников. Тем болезненнее воспринял он русский тариф 1810 г., поднесенный ему в качестве новогоднего «презен-

та», как предательский удар со стороны главного союзника (9. Т. 6. С. 92)⁵², хотя, конечно же, дело здесь не в предательстве царизма, а в экономической необходимости, которой царизм вынужден был подчиниться.

Если экономический конфликт между Россией и Францией из-за континентальной блокады породил войну 1812 г., то ускорили развязывание войны русско-французские противоречия в конкретных политических вопросах.

Самым острым из них был польский вопрос. По Тильзитскому договору Наполеон создал из польских земель, принадлежавших Пруссии, так называемое Великое герцогство Варшавское — в качестве своего плацдарма на случай войны с Россией. После этого всякий раз, когда требовалось осадить Александра I, Наполеон угрожающе напоминал, что он может восстановить Польшу в границах 1772 г., т. е. до начала ее разделов между Россией, Австрией и Пруссией (7. Т. 2. С. 400, 520; Т. 3. С. 91, 217)⁵³. Такие угрозы нервировали Царя и обостряли напряженность в русско-французских отношениях, тем более что царизм замышлял присоединить к себе не только Варшавское герцогство — этот, по выражению А. Вандаля, «авангард Франции... отточенное острие ее копья, прикасавшееся к телу России и грозившее вонзиться в него» (7. Т. 3. С. 3), — но и вообще все польские земли (Александр I — А. Чарторыйскому 12 февраля 1811 г.: 9. Т. 6. С. 56—59).

Другим вопросом, углубившим конфликт между Францией и Россией к 1812 г., был германский вопрос. В декабре 1810 г. Наполеон, следуя своему правилу «уметь ошипать курицу, прежде чем она успеет закудахтать», присоединил к Франции герцогство Ольденбургское под тем предлогом, что его «берега благоприятствовали английской контрабанде»⁵⁴. Тем самым Наполеон грубо нарушил ст. 12

Тильзитского договора, в которой признавался суверенитет герцогства. К тому же захват Ольденбурга больно ущемил и династические интересы царизма, ибо герцог Петр Ольденбургский был дядей Александра I, а сын герцога, Георг, — мужем любимой сестры Царя Екатерины Павловны. Поэтому Александр I заявил 20 февраля 1811 г. официальный протест Наполеону (3. Т. 6. С. 69—71, 93) и повел с ним упорную дипломатическую борьбу из-за Ольденбурга.

Наконец к 1812 г. остро столкнулись русско-французские интересы на Ближнем Востоке. Царизм стремился к захвату Константинополя, а Наполеон, желавший сохранить Турцию как устойчивый противовес России, препятствовал этому (7. Т. 1. С. 291, 294—296, 301; 9. Т. 4. С. 561; Т. 6. С. 751. Прим. 442)⁵⁵, хотя Александр I в обмен на согласие французов «уступить» русским Константинополь даже предлагал Наполеону «армию для похода в Индию»⁵⁶.

Итак, война 1812 г. явилась продуктом империалистских противоречий между буржуазной Францией и феодальной Россией. Главным узлом этих противоречий была континентальная блокада, а самым острым их пунктом — стремление Наполеона к господству в Европе. Со стороны Наполеона война 1812 г. носила агрессивный, грабительский характер. Правда, утверждения, будто Наполеон ставил целью «захватить» Россию, «расчленив и уничтожить» ее, даже «стереть с лица Земли», «превратить русский народ в своих рабов» (2. С. 152, 593; 16. С. 72, 89)⁵⁷, надуманны и несерьезны. Наполеон, конечно же, не ставил перед собой столь нереальные задачи. Дело не в этом.

Дело в том, что Наполеон в 1812 г. хотел разгромить вооруженные силы России на русской земле, «наказать» таким образом Россию за несоблюдение континентальной блокады и заставить ее идти в фарватере его политики, как

младший партнер идет за старшим. Сам он выразился так: «Я принудил бы Россию заключить мир, отвечающий интересам Франции»³⁸. Крупнейшие в СССР знатоки нашей темы Е.В. Тарле и А.З. Манфред доказали, что Наполеон «строил все планы, все расчеты на последующем соглашении с Царем»; он потому и не отменил крепостное право в России, не попытался даже поднять против царизма нерусские народы, не стал восстанавливать Польшу, что «хотел исключить все, что сделало бы невозможным последующее примирение с русской монархией» (22. С. 665, 667—668; 32. Т. 7. С. 257, 440).

Как бы то ни было, нашествие Наполеона угрожало не только престижу, но и суверенитету России, несло ей и унижение, и разорение, и подчинение ее интересов интересам Франции. Известно, что перед самым нашествием Наполеон делился со своим генерал-адъютантом Л. Нарбонном мыслью о совместном походе французских и русских войск на Индию. «Представьте себе, — говорил он Нарбонну, — что Москва взята, Россия сломлена, с Царем заключен мир или же он пал жертвой дворцового заговора... и скажите мне, разве есть средство закрыть отправленной из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам путь к Гангу?..» (7. Т. 3. С. 347).

Здесь нужно подчеркнуть диалектическое своеобразие войны 1812 г., которое у нас обычно недооценивается. Дело в том, что такой отсталой и реакционной державе, как царская, феодальная Россия, одна из «самых варварских в Европе деспотий», противоборствовала в 1812 г. буржуазная Франция — страна, которая унаследовала завоевания Великой революции XVIII в. и в результате стала самой передовой из всех стран Европы. Это обстоятельство любят выделять, в отличие от наших историков, зарубежные ав-

торы, но при этом они закрывают глаза на другую сторону: передовая Франция напала на отсталую Россию.

Именно с того дня (24 июня 1812 г.), когда войска Наполеона вторглись в Россию, вопрос о характере войны решается однозначно, ибо если в дипломатии и войнах 1805—1811 гг. единоборствовали российское дворянство и французская буржуазия (народные массы использовались с обеих сторон лишь как «пушечное мясо»), то в 1812 г. борьба между теми же противниками, вопреки их желанию, выдвинула на первый план как самостоятельную и решающую силу русский народ. Он не был ответствен за отсталость и реакционность царившего тогда в России режима, не имел, в отличие от своих хозяев, ни агрессивных, ни реставраторских намерений и не собирался нападать на чужие страны, но уж коль чужеземцы пришли с мечом топтать русскую землю, он поднялся на защиту *отечества* и повел с захватчиками справедливую, *освободительную* войну.

Поскольку господствующий класс России тоже боролся за отечество против Наполеона — общего врага и крепостников, и крепостных, война 1812 г. со стороны русских людей сразу приобрела национальный характер. Но в этой национальной, освободительной, справедливой войне «верхи» и «низы» России защищали от общего врага не одно и то же отечество: «верхи» боролись за отечество самодержавно-крепостническое, за свои богатства и привилегии, за монопольное право на эксплуатацию собственного народа, за сохранение в стране феодального режима; «низы» — за отечество, свободное от самодержавно-крепостнического гнета, т.е. не только за национальное, но и за социальное освобождение, против феодализма. Словом, война 1812 г. не была исключением из правила, сформули-

рованного К. Марксом: «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности...»⁵⁹. По мнению К. Маркса, «нигде эта двойственность не проявлялась так ярко, как в Испании». Что касается России, то здесь национальный подъем «низов» отодвинул на второй план и как бы заслонил собою корыстные расчеты «верхов» и по крайней мере с 24 июня по 14 декабря 1812 г., т. е. с того дня, когда французы вошли в Россию, и до того, как вышли из нее, «дух возрождения» как отличительная черта Отечественной войны 1812 г. решительно преобладал над «духом реакционности».

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Готовиться к войне обе стороны начали с февраля — марта 1810 г. К тому времени противоречия между ними приобрели уже чрезвычайно острый характер, а решение Наполеона жениться на дочери австрийского императора Франца I Марии-Луизе (принятое 6 февраля, через два дня после того, как ему отказали в руке сестры Александра I Анны Павловны) было воспринято обеими сторонами как сигнал к началу военных приготовлений.

«Новость сия (об австрийском браке Наполеона. — *Н.Т.*), — свидетельствовал находившийся тогда в Петербурге Жозеф де Местр, — повергла все умы в ужас: и действительно, я не представляю более страшного удара для России» (23. С. 134). Для политических «умов» не только России и Франции, но и всей Европы было ясно, что «новость сия» означает поворот внешнеполитического курса Франции с России на Австрию, начало конца франко-русского союза. Именно так (союз с Россией — «непрочный и близящийся к концу») оценил русско-французские отно-

шения министр иностранных дел Наполеона Ж.-Б. Шампаньи в докладе от 16 марта 1810 г., где впервые после 1807 г. был заявлен курс Франции на войну с Россией⁶⁰.

Готовясь к войне против России, Наполеон «хорошо знал слабые стороны своего противника: давящий гнет крепостного права, антагонизм сословий, неповоротливость бюрократического аппарата, наконец, отсталую систему рекрутского набора, лишавшую армию обученных резервов»⁶¹. Учитывал он и опыт многочисленных дворцовых переворотов в России XVIII в., резонно заключая отсюда, что власть в Петербурге неустойчива (7. Т. 3. С. 528). Тем не менее он понимал, что предстоящая война будет самой трудной и рискованной из всех его войн.

Во-первых, выступая против России, Наполеон оставлял в тылу непокоренную Испанию, которая отвлекала на себя 300 тыс. его солдат, так что начиная с 1808 г. он «всегда мог бороться лишь одной рукой» (32. Т. 7. С. 464). Во-вторых, такие близкие к Наполеону лица, как его брат Жером (король Вестфалии), маршал Л.-Н. Даву, генерал Ж. Рапп, предупреждали его, что в случае войны с Россией подневольная Европа «станет очагом широкого восстания» против Франции (7. Т. 3. С. 458)⁶². Архиканцлер империи Ж. Камбасерес, любимец Наполеона обер-гофмаршал М.-Ж. Дюрок, доверенные лица императора А. Коленкур, Л. Сегюр и др. считали войну с Россией в таких условиях слишком опасной (7. Т. 3. С. 458—459; 18. С. 237), и Наполеон, прислушиваясь к их мнению, колебался. Наконец, учитывал он и пространства России (равные почти 50 Испаниям), тяготы ее климата, бездорожья, социального варварства (крепостного права). Уже перед отъездом в армию он признался своему министру полиции, бывшему послу в России Р. Савари: «Тот, кто освободил бы меня от этой войны, оказал бы мне большую услугу» (22. С. 661).

Сохранение мира и тем более союза между Францией и Россией было бы в интересах русского, французского и всех вообще народов Европы. Однако ни французская буржуазия, ни российские феодалы не желали ставить интересы народов выше своих классовых счетов. Поскольку же из-за противоречий между господствующими классами обеих стран война становилась неизбежной, Наполеон развернул такие приготовления к ней, каких он, по его словам, «никогда еще до сих пор не делал» (19. С. 64)⁶³.

Военный бюджет Франции рос таким образом: 1810 г. — 389 млн франков, 1811 г. — 506 млн, 1812 г. — 556 млн⁶⁴. В те же годы Наполеон призвал под ружье небывалое ранее число новобранцев: в 1810 г. — 110 тыс., в 1811 и 1812 гг. — по 120 тыс.⁶⁵. 7 мая 1811 г. он прямо заявил в Париже А. Б. Куракину: «Я выступлю против вас с 400 тыс. человек; соберу их, если нужно, и больше»⁶⁶. Общая же численность его войск, разбросанных по всей Европе, к концу 1811 г. достигла (без польских соединений) 986,5 тыс. человек (26. Т. 2. С. 116; Т. 6. С. 2—42).

Мобилизуя свои силы, Наполеон с помощью дипломатии и разведки старался проникнуть в тайны военных приготовлений России. Его посол в Петербурге Ж.-А. Лористон изготовил (не ранее февраля 1812 г.) своеобразное досье на 60 русских генералов с краткими и довольно точными характеристиками их достоинств и недостатков⁶⁷. Другой дипломат, граф Л. Нарбонн, — военный министр Франции в 1791—1792 гг., а с 1810 г. генерал-адъютант Наполеона — был прислан к Александру I перед самым нашествием, официально для переговоров (с 18 по 20 мая 1812 г. он был в Вильно, где имел три беседы с Царем), но, главное, с разведывательной целью: выяснить численность и дислокацию русских войск, настроение жителей польско-литовских окраин России⁶⁸.

Военной разведкой в России ведало специальное бюро при Главном штабе Франции во главе с генералом М. Сокольниковым. Оно было создано по инструкции Наполеона его министру иностранных дел Г.-Б. Маре от 20 декабря 1811 г. (43. Т. 23. С. 95, 97) и занималось главным образом вербовкой и рассылкой шпионов в Литву, Лифляндию, Курляндию, на Украину и на пути в Центральную Россию⁶⁹. Засылались даже разведчики-квартирьеры, одной из задач которых было обследование «путей в Индию»⁷⁰.

Важным условием победы над Россией Наполеон считал ее политическую изоляцию. Он стремился «перевернуть идею коалиций наизнанку» (22. С. 661), лишить Россию союзников, а самому заполучить их как можно больше. Его расчет строился на том, что России придется вести борьбу одновременно на трех фронтах против пяти государств: на севере — против Швеции, на западе — против Франции, Австрии и Пруссии, на юге — против Турции.

Такой расчет казался верным. Пруссию и Австрию, недавно разгромленные, Наполеон заставил вступить с ним в союз против России: 24 февраля 1812 г. он заключил договор с Пруссией, а 14 марта — с Австрией. Пруссия обязалась дать ему 20 тыс. солдат, Австрия — 30 тыс.⁷¹. Что же касается Швеции и Турции, то они, по мысли Наполеона, должны были помочь ему в войне с Россией добровольно: Турция — потому, что она с 1806 г. сама воевала с Россией из-за Крыма, а Швеция — потому, что, во-первых, точила зубы на Россию из-за Финляндии, отнятой у нее в 1809 г., а во-вторых, фактическим правителем Швеции с 1810 г. стал избранный в угоду Наполеону наследником шведского престола его родственник (шурин его старшего брата Жозефа) маршал Ж.-Б. Бернадот.

В случае если бы этот замысел Наполеона осуществил-

ся, Россия оказалась бы в катастрофическом положении. Но Наполеон и на этом не останавливался. У самых границ России он готов был в любой момент поднять против нее герцогство Варшавское, армия которого к марту 1811 г. насчитывала 60 тыс. человек (26. Т. 2. С. 116). Наконец, «благодаря искусной политике, давшей ряд торговых привилегий и допустившей ряд изъятий из своего торгового законодательства в пользу американцев» (32. Т. 7. С. 250), Наполеон способствовал тому, что на другом краю света Соединенные Штаты Америки 18 июня 1812 г., за неделю до французского вторжения в Россию, объявили войну Англии — главному врагу Наполеона, затруднив, естественно, ее борьбу с Францией и содействие России.

Не забывал Наполеон и об идеологической подготовке войны с Россией⁷². Стремясь представить свой поход против нее как превентивную меру защиты от ее «притязаний на мировое господство», он инспирировал перед самым походом издание книги Ш. Лезюра «Возрастание русско-го могущества от его возникновения до начала XIX в.»⁷³. Здесь впервые было названо и «цитировано» подложное «Завещание» Петра I, которое якобы нацеливало Россию на завоевание господства во всем мире (оно было опубликовано в 1836 г. и затем переиздавалось на Западе всякий раз, когда требовалось мобилизовать общественное мнение против России, — во время Крымской, русско-турецкой 1877–1878 гг. и Первой мировой войн, перед гитлеровским нашествием 1941 г.)⁷⁴.

Русское правительство следило за военными приготовлениями Наполеона с напряженным вниманием и уже к началу 1812 г. считало войну не только неминуемой, но и близкой. Александр I 22 ноября 1811 г. написал сестре Екатерине Павловне: «Военные действия могут начаться

с минуты на минуту»⁷⁵. К тому времени и царизм в своих приготовлениях вышел на грань войны.

Александр I тоже не хотел войны с Францией, опасаясь после Аустерлица и Фридланда главным образом самого Наполеона. 25 марта 1811 г. он так и написал Наполеону: «Величайший военный гений, который я признаю за Вашим Величеством, не оставляет мне никаких иллюзий относительно трудностей борьбы, которая может возникнуть между нами»⁷⁶. Но уступить Наполеону, склониться под ярмо континентальной блокады (хотя Россия и обязалась сделать это в Тильзите) Александр не мог, если бы даже захотел. Он понимал, что российское дворянство, плоть от плоти которого он был сам, ориентируется на Англию против Франции и не позволит ему переориентировать Россию, как не позволило этого Павлу I. Значит, войны с Наполеоном не избежать.

Непосредственную подготовку к войне Россия начала тоже с февраля — марта 1810 г., когда стало известно о женитьбе Наполеона на Марии-Луизе Австрийской⁷⁷, ибо царизм усмотрел в этой женитьбе акцию, более чреватую войной между Францией и Россией, чем континентальная блокада и что бы то ни было. Очень кстати для царизма оказались реваншистские настроения в дворянских и особенно военных кругах после Аустерлица и Фридланда. «Военная молодежь находилась в радостном исступлении, — вспоминал Ф.Я. Миркович (брат декабриста А.Я. Мирковича). — Всякий офицер вострил свой меч... Воинственный энтузиазм доходил до высшей степени»⁷⁸. Такие же свидетельства оставили многие современники, в частности П.С. Кайсаров (с 1812 г. ближайший помощник М.И. Кутузова), декабристы С.Г. Волконский, А.Н. Муравьев и др. (29. С. 32—33, 35)⁷⁹.

М.Б. Барклай де Толли, назначенный 1 февраля 1810 г. военным министром (вместо А.А. Аракчеева), возглавил всю подготовку к войне и повел ее энергично и планомерно. С 1810 г. резко пошла вверх кривая военных расходов России: 1807 г. — 43 млн руб., 1808 г. — 53 млн, 1809 г. — 64,7 млн, 1810 г. — 92 млн, 1811 г. — 113,7 млн руб. только на сухопутные войска⁸⁰. Такими же темпами росла и численность войск. «Армия усилилась почти вдвое», — писал позже Барклай о 1810—1812 гг.⁸¹. К 1812 г. он довел численный состав вооруженных сил, включая занятые в войнах с Ираном и Турцией, а также гарнизоны по всей стране, до 975 тыс. человек⁸², в то же время царизм с небывалой активностью использовал военную разведку и дипломатию. Русская разведка в 1810—1812 гг. часто брала верх над французской. Агенты, приставленные к Л. Нарбонну, сумели выкрасть у него шкатулку, в которой хранилась инструкция Наполеона, переписали текст инструкции и вручили его Александру I⁸³. Засылавшиеся в Россию под видом торговцев, артистов, землемеров, монахов французские шпионы уже в приграничье попадали под «строгое наблюдение» русских военных властей⁸⁴. Глубоко внедриться им не удалось, потому что русских людей трудно было склонить к предательству. Французские историки признают, что именно «патриотизм русских» помешал Наполеону создать в России достаточно широкую и надежную шпионскую сеть⁸⁵.

Разрушая замыслы французской разведки, русская разведка успешно реализовывала свои. М.Б. Барклай де Толли учредил при посольствах России за границей службу военных атташе с дипломатическим иммунитетом. В Вене таковым был полковник барон Ф. Тейль фон Сераскеркен, в Берлине — подполковник Р.Е. Ренни, в Дрездене — майор В.А. Прендель, в Мюнхене — поручик П.Х. Граббе (буду-

щий декабрист) и т.д. Барклай вменил им в обязанность добывать карты и планы военных операций, данные о численности, дислокации и перемещениях войск. «Употребляйте, — наставлял их Барклай, — всевозможные старания к приисканию и доставлению ко мне сих редкостей какою бы то ни было ценою» (26. Т. 1. Ч. 1. С. 94). Агенты доставляли Барклаю «редкости» чрезвычайной цены: Тейль — общую роспись австрийской армии, Ренни — прусской, Прендель — саксонской и польской, Граббе — баварской (26. Т. 1. Ч. 2. С. 143, 278—283; Т. 2. С. 116; Т. 6. С. 262—272; Т. 10. С. 87, 88). Самые же ценные сведения поступали из Парижа от полковника А.И. Чернышева, назначенного в январе 1810 г. «состоять постоянно при Наполеоне»⁸⁶.

Флигель-адъютант Александра I Чернышев — племянник екатерининского фаворита А.Д. Ланского, придворный фат и дамский угодник — вкрался в доверие к лицам из ближайшего окружения Наполеона (сестра императора, красавица Полина Боргезе, по некоторым сведениям, «далеко не была равнодушна к его ухаживаниям»: 7. Т. 3. С. 43) и сумел понравиться даже самому императору. Хотя он начал шпионить в Париже уже после того, как был подкуплен и задействован в качестве русского резидента (под кличками Кузен Анри и Анна Ивановна) бывший министр иностранных дел Франции кн. Ш.-М. Талейран, деятельность Чернышева несколько от этого не теряла, ибо «он узнавал такое, что Талейрану и присниться не могло» (32. Т. 11. С. 97): например, мобилизационные планы Наполеона, а главное, «*tableau général*» (общую роспись) войск Франции и ее союзников по всей Европе с обозначением численности каждого полка — «секретнейший и наисвященнейший документ, в котором хранилось военное счастье Франции» (7. Т. 3. С. 319; 26. Т. 1. Ч. 2. С. 182—240; Т. 2. С. 300—357; Т. 6.

С. 2—42; Т. 8. С. 2—21). Подкупив писца французского военного министерства М. Мишеля, Чернышев получал от него копии «*tableau général*» раньше, чем подлинник доставлялся Наполеону (подробно об этом и о судьбе Мишеля см.: 7. Т. 3. С. 315—322, 382—386, 398).

Разведывательная деятельность А.И. Чернышева, безусловно, была полезной для России. Однако, расточая хвалу по адресу «замечательного разведчика» и «блестящего офицера русской гвардии» Александра Чернышева⁸⁷, нельзя забывать о том «нравственном омерзении», которое он возбуждал в окружающих как царский холуй, «величайший подлец и негодяй» (73. С. 491; 32. Т. 7. С. 457)⁸⁸, и о его дальнейшей карьере как палача декабристов, садистски распоряжавшегося казнью их вождей⁸⁹.

Не менее успешно, чем разведка, действовала в преддверии войны 1812 г. русская дипломатия. Она выведала, что Швеция предпочитает ориентироваться на соседнюю Россию, а не на далекую Францию. Граница с Россией была для Швеции единственной континентальной границей. Со всех других сторон ее защищали от французов море и английский флот. Потерю же Финляндии Швеция предполагала компенсировать захватом Норвегии, на что соглашалась Россия. Что же касается Бернадота, то он с давних пор, еще когда служил под наполеоновскими знаменами, ненавидел Наполеона (хотя получил от него все: маршальский жезл, княжеский титул, даже шведский престол), так как сам метил в «наполеоны», а Наполеона не прочь был бы сделать своим Бернадотом. Используя все это и льстя Бернадоту как «единственному человеку», способному сравниться с Наполеоном и «превзойти его военную славу» (5. Т. 6. С. 503), царизм добился заключения 5 апреля 1812 г. русско-шведского союзного договора, по которому Шве-

ция обязалась помогать России в борьбе с Францией, а Россия — «обеспечить присоединение Норвегии к Швеции» (Там же. С. 324 — 325, 548 — 550).

Почти одновременно с этой дипломатической викторией на севере царизм одержал еще более важную победу на юге. В затянувшейся войне с Турцией русская армия под командованием М.И. Кутузова 4 июля 1811 г. выиграла сражение под Рущуком, а 14 октября — у Слободзеи. Турки вынуждены были пойти на мирные переговоры, но тянули время, зная, что Наполеон готовится напасть на Россию. В середине мая 1812 г., когда они все еще торговались об условиях, к Александру I приехал граф Л. Нарбонн. Кутузов тут же изобразил перед турецким султаном вояж Нарбонна как миссию дружбы и убедил султана в том, что если уж непобедимый Наполеон ищет дружбы с Россией, то ему, побежденному султану, сам аллах велит делать то же (32. Т. 7. С. 466). Султан согласился и 28 мая приказал своему верховному визирю подписать с Кутузовым Бухарестский мирный договор (9. Т. 6. С. 412—417), благодаря которому Россия высвободила для борьбы с Наполеоном 52-тысячную Дунайскую армию и еще приобрела Бессарабию.

Таким образом, замысел Наполеона об изоляции России и одновременном ударе на нее с трех сторон силами пяти держав был сорван. Русская дипломатия перед самым нашествием сумела обезвредить двух из пяти предполагавшихся противников. Фланги свои Россия успела обезопасить.

Столь выдающаяся двойная победа русской дипломатии — и на севере, и на юге — превзошла все ожидания царизма. Александр I на радостях спешил «торжественно принести благодарение» не дипломатам своим, не Кутузову, а «Творцу всех благ» — Господу Богу (14. С. 7).

Зато Наполеон был вне себя от досады и гнева, посчи-

тав случившееся (для него тоже помимо всех ожиданий) противоестественным. «Неслыханная вещь! — восклицал он. — Две державы, которые должны потребовать все обратно у русских, становятся их союзниками как раз тогда, когда представляется прекрасный случай вновь завоевать потерянное» (19. С. 121). Особенно негодовал он на турок, по адресу которых «истощил весь словарь французских ругательств» (32. Т. 7. С. 780).

Но борьба между Францией и Россией за союзников на этом не закончилась. Феодалы Австрия и Пруссия были втянуты в союз с буржуазной Францией насильно и помогали Наполеону чуть ли не из-под палки, готовые в первый же удобный момент переметнуться на сторону феодальной России (что они в конце концов и сделали). Посланец Австрии граф Л. Лебцельгерн уже в июне 1812 г. приезжал к Александру I в Вильно, дабы заверить его в том, что и численность, и действия австрийского вспомогательного корпуса «по возможности будут ограничены» и что в любом случае «Австрия навсегда останется другом России» (9. Т. 6. С. 757). Король Пруссии Фридрих-Вильгельм III прислал Царю аналогичные заверения: «Если война вспыхнет, мы будем вредить друг другу только в крайних случаях. Сохраним всегда в памяти, что мы друзья и что придет время быть опять союзниками» (24. Т. 1. С. 77).

Готовясь к войне, царизм, естественно, укрепил оборону страны на случай, если Наполеон нападет первым. Строились укрепленные линии по Двине и Днепру, превращались в крепости Рига, Динабург (ныне Даугавпилс), Дрисса (Верхнедвинск), Бобруйск, Мозырь, Борисов, Киев, Житомир, но из-за бесхозяйственности, порожденной условиями крепостничества, оборонительные работы продвигались медленно и к началу войны не были завершены⁹⁰.

В то же время царизм готовился и к наступательной войне, надеясь «сразить чудовище», как выражался Александр I, имея в виду Наполеона (9. Т. 6. С. 503), превентивным ударом. С начала 1811 г. ряд военных деятелей России, в том числе такие авторитеты, как герцог А. Вюртембергский, князь П.И. Багратион и барон Л.Л. Беннигсен, представили Царю планы наступления на Варшаву и Данциг (26. Т. 2. С. 83—93; Т. 5. С. 75—77; Т. 10. С. 253—275). Сам Царь, как явствует из его письма к А. Чарторыйскому от 6 января 1811 г., планировал начать войну с захвата и присоединения Польши к России⁹¹. 25 февраля того же года в инструкции своему посланнику при австрийском дворе Г.О. Штакельбергу Александр I подчеркнул, что Россия «непременно должна» овладеть Польшей, и только за то, чтобы Австрия не мешала этому, предложил ей Валахию и Молдавию⁹². Этот план был сорван из-за того, что лидер польских националистов кн. Ю. Понятовский (бывший соратник Т. Костюшко и будущий маршал Франции), которого Чарторыйский попытался было привлечь на сторону России, информировал о русских приготовлениях Наполеона (7. Т. 3. С. 140—142).

Тогда к осени 1811 г. царизм договорился о совместном выступлении с Пруссией так, чтобы русские войска «старались бы дойти до Вислы раньше, чем неприятель утвердится на ней» (9. Т. 6. С. 200). 24, 27 и 29 октября 1811 г. последовали «высочайшие повеления» командующим пятью корпусами на западной границе (П.И. Багратиону, Д.С. Дохтурову, П.Х. Витгенштейну, И.Н. Эссену и К.Ф. Багговуту) приготовиться к походу (26. Т. 5. С. 268—270, 302—304, 313—315). Россия могла начать войну со дня на день⁹³.

Вероломство Пруссии, в последний момент отказавшейся поддержать Россию, помешало царизму выступить первым —

Наполеон опередил его. Но агрессивные планы у царизма в то время были. Встречающиеся в нашей литературе заверения, будто «подобных планов у русского правительства не было и не могло (?! — Я. Т.) быть»⁹⁴, и попытки опереться на материалы сборника «Внешняя политика России XIX и начала XX века», которые якобы «опровергают утверждение А. Вандаля» о захватнических планах царизма 1811 г.⁹⁵) выглядят наивно. Дело ведь не в «утверждении А. Вандаля», а в подлинных, официальных документах царизма, таких, как письмо Александра I к А. Чарторыйскому от 6 января, инструкция Г.О. Штакельбергу от 25 февраля и «высочайшие повеления» пяти генералам от 24—29 октября 1811 г. Из того, что эти документы не включили в названный сборник, вовсе не следует, что они перестали существовать, тем более что они уже давно бытуют в литературе разных стран (З. Т. З. С. 140—145)⁹⁶.

Вместе с тем не выдерживает критики и точка зрения М.Н. Покровского, заключившего, что после опубликования переписки Александра I с А. Чарторыйским в 1811 г. «совершенно невозможно говорить о “нашествии” Наполеона на Россию», оказавшемся-де всего лишь «актом необходимой самообороны»⁹⁷. Если бы царизм в 1811 г. начал войну, тогда было бы невозможно говорить о нашествии Наполеона. Но дело обернулось иначе: пока царизм планировал, Наполеон осуществил нападение.

Александр I выехал к армии (из Петербурга в Вильно) раньше Наполеона — 21 апреля 1812 г. Наполеон, узнав об этом, 9 мая оставил Париж (З. Т. З. С. 250, 461), промчался через всю Европу, по пути устроил грандиозную антирусскую демонстрацию в Дрездене, куда съехались к нему на поклон вассальные монархи, и (в то время как Александр I медлил в Вильно) устремился дальше на восток вслед за своими войсками, которые шли и шли к р. Неман, к западной границе России.

Глава II

Нашествие

*...Шли... племена,
Бегой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..*

А.С. ПУШКИН

НАЧАЛО ВОЙНЫ

 пережая свои войска, стремившиеся к Неману, 22 июня 1812 г. Наполеон прибыл в м. Вильковышки, близ г. Ковно. Здесь на биваке он написал воззвание: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая кончилась Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась хранить военный союз с Францией и бороться против Англии. Теперь она нарушила свои клятвы... Россия увлечена роком — да свершится судьба ее!.. Пойдем вперед, перейдем Неман, внесем войну в пределы России. Вторая польская война будет столь же славной для французского оружия, как и первая. Но мир, который мы заключим, будет прочным. Он положит конец тому гибельному влиянию, которое Россия вот уже 50 лет оказывает на дела Европы» (43. Т. 23. С. 528—529).

«Это воззвание, — читаем у Е.В. Тарле, — и было объявлением войны России: никакого другого объявления войны Наполеон не сделал» (32. Т. 7. С. 475). Другие историки вплоть до наших дней утверждают, что Наполеон вторгся в пределы России вообще «без объявления войны» (24. Т. 1. С. 160; 34. С. 72)¹. Оба этих утверждения неверны. Воззвание Наполе-

она от 22 июня не было объявлением войны. Оно адресовалось не правителям России, а солдатам Франции — с целью оправдать перед ними начало войны и поднять их моральный дух. Объявление войны Наполеон сделал в тот же день, 22 июня, через своего посла в Петербурге Ж.-А. Лористона, который вручил управляющему Министерством иностранных дел России А. Н. Салтыкову надлежащую ноту. «...Моя миссия окончилась, — уведомлял посол официальную Россию, — поскольку просьба князя Куракина о выдаче ему паспортов² означала разрыв, и его императорское и королевское величество с этого времени считает себя в состоянии войны с Россией» (9. Т. 6. С. 756).

Весь следующий день, 23 июня, французские войска подтягивались к Неману в районе Ковно. Главный военный инженер Наполеона генерал Ж.-Б. Эбле за день навел через Неман три новых моста в дополнение к старому. В ночь на 24 июня Наполеон приказал начать переправу.

Четыре ночи и четыре дня, с 24 по 27 июня, четырьмя бесконечными потоками по четырем мостам шли через Неман чуть выше Ковно с польской на русскую землю войска 1-го корпуса маршала Л.-Н. Даву, 2-го — маршала Н.-Ш. Удино, 3-го — маршала М. Нея, 1-го и 2-го кавалерийских корпусов (генералы Э.-М. Нансути и Л.-П. Монбрен) под общим командованием маршала И. Мюрата. Замыкали это грозное шествие полки Старой и Молодой гвардии во главе с маршалами Ф.-Ж. Лефевром, Ж.-Б. Бессьером, Э.-А. Мортье³.

Сам Наполеон с начальником своего Главного штаба маршалом Л.-А. Бертье и неизменной, теперь особо подтянутой и взволнованной свитой наблюдал за прохождением войск с высокого холма на западном берегу Немана. Он мог быть доволен. Его армия шла на войну, как на парад, — сомкнутыми рядами, с развернутыми знаменами, в образцо-

вом, до автоматизма, порядке, мерной поступью конских копыт и солдатских сапог. Усачи-гренадеры в медвежьих шапках с красными султанами, богатыри-кирасиры в нагрудных латах, нарядные гусары в алых ментиках, строгие драгуны в касках с конскими хвостами, артиллеристы, понтонеры, музыканты шли мимо своего императора и восторженно его приветствовали. Они верили в его звезду, привыкнув к тому, что там, где Наполеон, — всегда победа, и отправлялись в очередной поход с воодушевлением и самоуверенностью, как это запечатлел Ф. И. Тютчев:

*Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...*

Пока Наполеон переправлялся у Ковно, его 10-й корпус под командованием маршала Ж.-Э. Макдональда перешел Неман в районе Тильзита. 30 июня вторглись на русский берег Немана у Гродно 5-й корпус генерала кн. Ю. Понятовского, 7-й корпус генерала Ж.-Л. Ренье, 8-й корпус генерала Д. Вандама и 4-й кавалерийский корпус генерала М.-В. Латур-Мобура, а у Пилон — 4-й корпус вице-короля Италии генерала Е. Богарне, 6-й корпус генерала Л.-Г. Сен-Сира и 3-й кавалерийский корпус генерала Э. Груши¹.

Численность наполеоновской армии вторжения различные источники определяют по-разному: от 375 до 500 тыс. Наиболее достоверна подробная роспись вторгшихся

войск, которую сделал Жорж Шамбре по данным военного министерства Франции. Из нее следует, что с 24 июня по 1 июля перешли русскую границу 448 083 завоевателя (включая 34-тысячный австрийский корпус генерала К.Ф. Шварценберга). Позднее к ним присоединились 9-й корпус маршала К. Виктора (33,5 тыс. человек в сентябре) и другие подкрепления общей численностью 199 075 человек. Всего, таким образом, Наполеон бросил на войну против России 647 158 человек и 1372 орудия (39. Т. 1. Прил. 2). С такой тьмой врагов Русь не сталкивалась и во времена монголо-татарского нашествия. Да и вообще никогда ни один завоеватель — даже Ксеркс и Атилл — не вел за собой таких полчищ.

Какова же была первая реакция государственных и военных руководителей России на вторжение Наполеона? Вечером 24 июня, когда Наполеон переходил Неман, Александр I веселился на балу у генерала Л.Л. Беннигсена (одного из убийц своего отца) в его имении Закрет под Вильно. Здесь Царь и получил из Ковно сообщение о начале войны. Он не выказал никаких эмоций и даже не сразу ушел с бала. Такое его хладнокровие было рассчитано на публику. В душе Царь не мог не содрогнуться. Больше 100 лет, со времени нашествия Карла XII, внешний враг не ступал на русскую землю, и вот теперь он снова вторгся в пределы России — враг, на этот раз более могучий, чем когда-либо.

Александр I, представлявший собой, по выражению К. Меттерниха, «странное сочетание мужских достоинств и женских слабостей»⁵, никогда не отличался героизмом. «Под Австерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал...» — пристрастно высмеивал его А.С. Пушкин. Не испытывал Царь и патриотического горения. «С Россией у него не было никакой связи — ни нравственной, ни даже

этнографической: внук немца из Голштинии и немки из Ангальт-Цербста, он родился от принцессы из Вюртемберга, вскормлен немкой из Лифляндии, воспитан вольтерьянцем из Швейцарии»⁶. По свидетельству современников, Александр I «до конца жизни не мог вести по-русски обстоятельного разговора о каком-нибудь сложном деле»⁷, хотя по-французски изъяснялся не хуже Наполеона.

Зато Царь был силен классовым чутьем. Он знал, что «благородное российское дворянство» горой стоит за Англию против Франции. Воспоминание о судьбе отца, павшего жертвой дворцового заговора, когда он повернул от союза с Англией к союзу с Наполеоном, стучалось в сознание Александра как постоянное *memento mori*.

Александр уже давно понял, что его война с Наполеоном неизбежна и если он не нападет на Наполеона, то Наполеон нападет на него. Царю были заранее известны и время, и место наполеоновского вторжения, и силы его. То, что сообщил ему гонец из Ковно на балу у Беннигсена, грозило многими опасностями, но не заключало в себе ничего неожиданного.

Еще А.И. Михайловский-Данилевский с документами в руках опроверг «укоренившееся ложное мнение», будто Наполеон застал русскую армию «врасплох» (24. Т. 1. С. 168). Тем не менее иные советские историки отстаивали это мнение (2. С. 272; 16. С. 104; 21. С. 13). В 1969 г. А.Г. Тартаковский подтвердил старые и привел новые доказательства его ложности⁸: оказывается, М.Б. Барклай де Толли уже с 13 июня уведомлял литовского военного губернатора и корпусных командиров о готовящемся вторжении врага, а с 17 июня — и о предполагаемых местах его переправы через Неман. 23 июня командующий 1-м корпусом П.Х. Витгенштейн доложил Барклаю, что французы «хотят

делать переправу» 24-го. Не позднее середины дня 24-го (Царь в Закрете только собирался на бал к Беннигсену) Барклай в Вильно написал, а уже с утра 25-го разослал в отпечатанном виде приказ по войскам с призывом отразить нашествие «легионов врагов», «твердо противостать дерзости и насилиям» их⁹.

Ошибочно и мнение, будто Александр I и Барклай де Толли не знали или «явно преуменьшали» (2. С 272; 16. С. 141; 32. Т. 7. С 486) численность наполеоновской армии. Документы говорят о том, что русское командование еще в апреле 1812 г. имело роспись войск Наполеона, «предназначенных для войны с Россией», — 490 998 человек (26. Т. 11. С. 18–21). Эту и (с начала 1811 г.) подобные ей росписи доставлял царю А.И. Чернышев. Его информацию подтверждали другие источники. Так, 25 февраля 1812 г. А.Б. Куракин — Н.П. Румянцеву, а 17 июня А.П. Тормасов — Барклаю сообщали, что Наполеон ведет на Россию 400 тыс. человек (26. Т. 9. С. 146; Т. 13. С. 40). По авторитетному в данном случае свидетельству Л.Л. Беннигсена, Царь задолго до перехода французов через Неман «был прекрасно осведомлен... о численности каждого корпуса, о постепенном их приближении к нашим границам и т. д.»¹⁰.

М.Б. Барклай де Толли имел основания позднее заявить: «Все было предвидено, и на все взяты были меры»¹¹. Другое дело — каковы были эти меры и как они были «взяты».

25 июня Александр I вслед за приказом Барклая де Толли отдал по армии свой приказ, текст которого был написан А.С. Шишковым¹²: «Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные... Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойст-

вия. Французский император нападение на войска наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь... всемогущего творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских... Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог» (9. Т. 6. С. 442—443).

В тот же день Царь подписал манифест о начале войны с Францией (тоже сочиненный А.С. Шишковым). В нем впечатляла эффектная концовка: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем»¹³.

В 10 часов вечера 25 июня Александр I вызвал к себе министра полиции А.Д. Балашова и приказал ему готовиться ехать с письмом к Наполеону. Балашов выехал во 2-м часу ночи. С рассветом 26-го он был уже на французских аванпостах в м. Россиены. Сначала его принял очень любезно И. Мюрат, потом — холодно и подозрительно — Л.-Н. Даву (тем временем французские войска шли вперед), а к Наполеону он был препровожден только 30 июня, уже в Вильно. Французский император пригласил Балашова в свой кабинет — тот самый, из которого четыре дня назад Балашов был отправлен русским Императором: «Ничто в нем не изменилось, исключая хозяина» (7. Т. 3. С. 525).

Миссия Балашова заключала в себе, по всей видимости, троякий смысл. Письмо Александра I к Наполеону, которое доставил Балашов, весьма учтивое по форме («Государь, брат мой, вчера я узнал, что, несмотря на добросовестность, с которой я выполнял мои обязательства по отношению к В[ашему] в[еличест]ву, Ваши войска перешли границы России...»), содержало следующее предложение: «Если Вы согласны вывести свои войска с русской территории, я буду

считать, что все происшедшее не имело места, и достижение договоренности между нами будет еще возможно»¹⁴. Сам Царь не верил в то, что Наполеон, уже перебросивший в Россию полмиллиона солдат, теперь вернет их обратно ради «достижения договоренности». Но для Александра I было важно в столь критический для него момент продемонстрировать перед Европой «кротость и миролюбие». «Хотя, между нами сказать, я и не ожидаю от сей посылки прекращения войны, — признался он Балашову, — но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем ее не мы» (14. С. 15).

Думается, Александр I посылал Балашова к Наполеону и с тем, чтобы под видом мирных переговоров выиграть время для военных действий. Наконец, была у миссии Балашова третья сторона, которую впервые раскрыл в 1962 г. А.Г. Тартаковский¹⁵. Оказывается, к Балашову был прикомандирован состоявший при штабе Барклай де Толли военный разведчик поручик Михаил Федорович Орлов (впоследствии генерал, видный декабрист). Он в ходе миссии собрал важные сведения о продовольственных трудностях, фактах начавшегося упадка дисциплины и даже о стратегических планах неприятеля.

Что же касается бесед Балашова с Наполеоном, то о них подробнее всех рассказал сам Балашов (14. С. 14–31), а ему доверять без оговорок нельзя. «Придворный интриган и ловкий карьерист¹⁶... привыкший очень свободно обходиться с истиной» (32. Т. 7. С. 478), Балашов не мог не приукрасить себя и свое поведение на страницах собственных мемуаров. Так, по его рассказу, Наполеон будто бы задал ему наивный вопрос: «Какая дорога ведет к Москве?», а он ответил: «Карл XII шел через Полтаву». Далее Наполеон якобы сказал с той же наивностью: «В наше время рели-

гиозных людей нет», а Балашов отпарировал: «В Испании и России народ религиозен». Е.В. Тарле первый пришел к выводу, что Балашов «присочинил эти свои героические намеки уже позднее», на досуге (32. Т. 7. С. 256). Таково же мнение А.Г. Тартаковского. Большею же частью истории, как отечественные, так и зарубежные, от А.И. Михайловского-Данилевского до П.А. Жилина и от А. Тьера до Э. Терзена (16. С. 89; 24. Т. 1. С. 230)¹⁷, доверились Балашову полностью.

Бесспорно одно: в ответ на письмо Александра I Наполеон предложил: «Будем договариваться сейчас же, здесь, в самом Вильно... Поставим свои подписи, и я вернусь за Неман» (42. Т. I. С. 190. Ср.: 14. С. 26). Согласиться на это предложение, унижительное для национального достоинства России, Царь, конечно, не мог.

Более того, Наполеон в письме к Александру I, которое он отправил 5 июля с Балашовым, снисходительно поучал Царя, ущемляя его монаршую гордость: «Если бы Вы не переменились с 1810 г., если бы Вы, пожелав внести изменения в Тильзитский договор, вступили бы в прямые, откровенные переговоры, Вам принадлежало бы одно из самых прекрасных царствований в России... Вы испортили все свое будущее» (43. Т. 24. С. 3). И менторский тон этого послания, и в особенности тот апломб, с которым Наполеон, вторгшийся на русскую землю, заранее перечеркивал «все будущее» Александра I, болезненно ранили самолюбие Царя. С той минуты, когда Царь прочел это письмо, он стал считать Наполеона своим личным врагом. «Наполеон или я, он или я, но вместе мы существовать не можем!» — вырвалось у него в разговоре с флигель-адъютантом А.Ф. Мишо¹⁸. В условиях войны, которая должна была решить судьбу России, личное чувство Царя оказалось полезным для стра-

ны, поскольку оно соединяло волю и власть монарха с патриотическим настроением и мощью всей нации.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ

К 1812 г. Наполеон имел под ружьем 1 046 567 человек (26. Т. 6. С. 2—42: «tableau général» французских войск на 1 ноября 1811 г.). Из них 395 345 человек дрались в Испании, почти 250 тыс. стояли гарнизонами в различных концах Европы. Тем не менее Наполеон подготовил для войны с Россией армию небывалой до тех пор численности за всю историю войн — так называемую «La Grande Armée».

Российские историки переводят это название по-разному: одни (Е.В. Тарле, А.З. Манфред, П.А. Жилин) — как «Великая армия», другие (М.Н. Покровский, С.Б. Окунь, Л.Г. Бескровный) — как «Большая». Французские источники говорят, что «La Grande Armée» Наполеона родилась еще в 1805 г.: «Так называли, ввиду чрезвычайной в то время *значимости* кадрового состава, ту армию, которую Наполеон сосредоточил в Булонском лагере»¹⁹. Следовательно, по-русски «La Grande Armée» — именно «Великая армия», а не просто «Большая».

Систему комплектования армии Наполеон унаследовал от Великой французской революции. Это была самая передовая для того времени система всеобщей воинской повинности. Ее декретировал в 1793 г. революционный Конвент, а в 1798 г. она была несколько сужена и стала действовать в форме так называемой конскрипции (от лат. *conscriptio* — запись)²⁰. По закону 1798 г. все французы от 20 до 25 лет записывались на военную службу. Из них Наполеон каждый год призывал нужное ему число новобранцев. Срок действительной военной службы составлял 6 лет.

Революция обусловила и уровень материального снабже-

ния французской армии, более высокий, чем у ее противников, как следствие действительно революционной расправы с отжившим феодализмом. Специальные исследования показали, что «за время правления Наполеона, главным образом за его первые годы, французская промышленность, несомненно, сделала крупный шаг вперед»²¹. Кроме того, Наполеон мобилизовал для войны с Россией экономические и финансовые ресурсы ряда вассальных государств (Италии, Неаполитанского королевства, Голландии, Саксонии, Вестфалии, Гессена, Вюртемберга, Баварии, герцогства Варшавского), а отчасти и «союзных» Австрии и Пруссии. Поэтому «Великая армия» не имела недостатка ни в вооружении, ни в боеприпасах. Решена была (несмотря на неурожай 1811 г.) — в значительной мере за счет вассальных и союзнических поставок — и задача снабжения войск продовольствием. Эту задачу Наполеон и его сподвижники всегда ставили вровень с чисто военными. Не зря маршал Даву сказал однажды своему квартирохозяину Людвигу фон Вестфалену (будущему тестю К. Маркса): «Храбрость зависит от желудка»²².

И все же французская армия превосходила тогда русскую (как, впрочем, и любую из армий того времени) не столько в материальном, сколько в социальном отношении. То была массовая армия буржуазного типа. Она не знала ни кастовых барьеров между солдатами и офицерами, ни бессмысленной муштры, ни палочной дисциплины, зато была сильна сознанием равенства гражданских прав и возможностей. «Последний крестьянский сын совершенно так же, как и дворянин из древнейшего рода, мог достигнуть в ней высших чинов»²³. Наполеон любил говорить, что каждый его солдат «носит в своем ранце маршальский жезл». Это не просто красивая фраза. Почти все лучшие маршалы Наполеона (Ж. Ланн, А. Массена, М. Ней, И. Мюрат, Ж.-Б. Бес-

сьер, Ф.-Ж. Лефевр, А.-Г. Сюше, Н.-Ш. Удино, Н.-Ж. Сульт, К. Виктор, Ж.-Б. Журдан и др.) вышли из простолюдинов: например, Ланн был сыном конюха, Ней — бочара, Лефевр — пахаря. Службу они начинали солдатами. В царской России, конечно же, ничего подобного не было и быть не могло. Российскому дворянину трудно было даже представить себе, что солдат может свободно, без подобострастия, вести разговор с генералом. «Тон у них в армии такой, — с удивлением рассказывал о французах ветеран 1812 г. Н.Ф. Котов, — что рядовой солдат к генералу почти неуважителен, а не своего почти в глаза ругает»²⁴.

По боевым качествам «Великая армия» не была однородной. Выделялся в ней воинским духом, обученностью и выправкой 1-й корпус маршала Даву, который и численно (72 тыс. человек) в 1,5—2 раза превышал любой из других корпусов. Но главной ударной силой Наполеона была его императорская гвардия — Старая (с 1805 г.) и Молодая (с 1809 г.). Она комплектовалась только из ветеранов, за плечами которых было не менее 10 лет армейской службы и четырех походов, а главное, которые проявили себя как самые храбрые, стойкие, надежные воины²⁵. Наполеон знал чуть ли не каждого из них в лицо, многих — по именам, шуточно называл их «ворчунами» (за их привычку открыто высказываться по любому случаю), а они его — «маленьким капралом»: это прозвище Наполеон получил от солдат своей Итальянской армии в 1796 г., после битвы при Лоди²⁶. «Маленький капрал» всегда мог положиться на своих «ворчунов». Г. Гейне свидетельствовал, что они шли за Наполеоном в Россию «с такою жуткой преданностью, с такою горделивою готовностью к смерти», которая заставляла вспомнить античное приветствие гладиаторов: «Те, Caesar, morituri salutant!» («Идущие на смерть приветству-

ют тебя, Цезарь!»)»²⁷. О трогательном проявлении этой преданности рассказывал Адам Мицкевич. Когда он спросил старого солдата наполеоновской гвардии, вернувшегося из России: «Как в ваши годы решились вы идти так далеко?» — тот ответил: «Мы не могли отпустить *его* одного» (25. Т. 6. С. 203)

Боевая подготовка «Великой армии» считалась к 1812 г. образцовой. Французская пехота со времен революции использовала новый способ боя, основанный на сочетании рассыпанных в цепи стрелков с колоннами. Этот способ пришел на смену линейной тактике, которая господствовала ранее: она помогала офицерам контролировать поведение солдат в бою, но зато связывала всю армию «подобно смиренной рубашке»²⁸. Элементы новой тактики колонн и рассыпного строя иногда применялись и в феодальных армиях (например, в походах П.А. Румянцева и А.В. Суворова), но возобладали она лишь с победой американской войны за независимость и особенно французской революции. Дело в том, что для новой тактики требовалось изменение «солдатского материала», а именно комплектование армии из свободных граждан, которые были бы сознательны, инициативны и полностью (от солдата до генерала) доверяли бы друг другу. Такой «солдатский материал» впервые подготовила для войны отчасти американская, а главным образом французская революция.

Наполеон довел новый способ боя до высшей степени совершенства. Он изобретательно и расчетливо, как никто до него, умел организовать боевое взаимодействие всех родов войск. «Полную перемену» произвел он в тактическом использовании кавалерии: ввел атаку колоннами, первым стал формировать конницу в отдельные соединения из нескольких дивизий, т. е. в кавалерийские корпуса, которые

отличались небывалым ранее сочетанием мощи и маневренности.

Еще большие перемены Наполеон произвел в артиллерии. Сам он, как известно, был артиллеристом. Используя более легкий лафет для полевых орудий, изобретенный еще генералом Людовика XVI Ж.-Б. Грибовалем, но до революции 1789 г. почти не применявшийся, Наполеон сделал артиллерию оружием неслыханной до тех пор маневренности и силы. Чуть ли не во всех его сражениях до 1812 г. (в наибольшей степени под Фридландом и Ваграмом) успех решающим образом зависел от того, что он умел особенно искусно располагать и применять свои орудия.

Командный состав «Великой армии» к 1812 г. считался лучшим в мире. Ни одна армия не имела такого созвездия военных талантов, каждый из которых выдвинулся в генералы и маршалы исключительно благодаря своим дарованиям и независимо от происхождения, родства, протекции или монаршего каприза. Из 18 маршалов Наполеона, которые к 1812 г. еще оставались в строю, 11 пошли с ним в поход на Россию.

Самым выдающимся из них был Луи-Никола Даву (1770—1823), герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, командующий образцовым 1-м корпусом «Великой армии», замечательный стратег и военный администратор, тот самый Даву, который 14 октября 1806 г. в битве под Ауэрштедтом уничтожил половину прусской армии, пока сам Наполеон в другой битве, под Иеной, уничтожал другую ее половину.

Разносторонне одаренный, соединявший в себе крупного военачальника с тонким государственным и политическим деятелем («...Великий человек, еще не оцененный по достоинству», — писал о нем в 1818 г. Стендаль²⁹), Даву,

хотя и был безгранично предан Наполеону, отличался республиканской честностью, прямотой и редким для маршала империи бескорыстием³⁰. Сам Наполеон, будучи уже на острове Св. Елены, оценил Даву таким образом: «Это один из самых славных и чистых героев Франции»³¹.

Даву был требователен к себе и другим, в любых условиях железной рукой держал порядок и дисциплину (одна из лучших его биографий так и называется: «Железный маршал»³²). Поэтому в армии его «недолюбливали» (20. С. 253). Здесь, по-видимому, Лев Толстой и усмотрел какие-то основания для того, чтобы изобразить Даву на страницах «Войны и мира» «Аракчеевым» императора Наполеона³³. На деле же, кроме личной суровости (тоже, впрочем, несоизмеримой: Даву был предельно строг, Аракчеев же — патологически жесток), между «железным маршалом» Франции и «неистовым тираном» России³⁴ не было ничего общего.

Рядом с Даву, уступая ему как стратег, но превосходя его как тактик, стоял в 1812 г. командующий 3-м корпусом «Великой армии» Мишель Ней (1769—1815), герцог Эльхингенский (и «князь Московский» — этого титула он был удостоен за доблесть в Бородинской битве), герой всех кампаний Наполеона, исключительно популярный в армии. «Это бог Марс, — вспоминал о нем барон П. Денье, — его вид, взгляд, уверенность могут воодушевить самых робких» (40. С. 46).

Воин рыцарского характера и неукротимого темперамента, «огнедышащий Ней»³⁵ был живым олицетворением боевого духа «Великой армии». Не зря именно он получил от Наполеона характеристику, которую армия ставила выше всех его титулов: «храбрейший из храбрых»³⁶.

Третьим по значению и самым популярным из маршалов «Великой армии» 1812 г. был Иоахим Мюрат (1767—

1815) — трактирный слуга (по-русски — половой), ставший имперским принцем, великим герцогом Бергским и королем Неаполитанским (кстати, и мужем сестры Наполеона Каролины), прославленный начальник всей кавалерии Наполеона и вообще один из лучших кавалерийских военачальников Запада.

Мюрат не был ни политиком, ни стратегом. Наполеон говорил о нем в 1812 г. А. Коленкуру: «У него так мало в голове!» (19. С. 294)³⁷. Зато как предводитель конницы, виртуоз атаки и преследования он, по мнению Наполеона, был «лучшим в мире»³⁸. Коронованный сорвиголова, Мюрат удалью и отвагой не уступал самому Нею. Всегда в авангарде, всегда там, где была наибольшая опасность и требовалось высочайшее мужество, он ободрял сражающихся выпренне-грубоватой речью («Славно, дети! Опрокиньте эту сволочь! Вы стреляете, как ангелы!») и в критический момент лично вел в атаку свои кавалерийские лавы — голубоглазый атлет и красавец с кудрями до плеч, разодетый в шелка, бархат, страусовые перья, со всеми регалиями и с одним хлыстом в руке, причем ни разу после сабельного удара под Абукиром в 1799 г. не был ранен.

Талантливы были, каждый по-своему, и другие маршалы «Великой армии»: начальник Старой гвардии Франсуа-Жозеф Лефевр (1755—1820) — волонтер революции прямо от сохи, получивший от Наполеона маршальский жезл и титул герцога Данцигского, малограмотный, но зато сильный природным умом, крестьянской смекалкой и солдатской доблестью; командующий гвардейской кавалерией Жан-Батист Бессьер (1768—1813) — рядовой солдат 1792 г., герцог Истрийский, военачальник, который совмещал в себе энергию Мюрата и выдержку Лефевра, гражданин античного склада, любимец солдатской массы³⁹; командую-

щий 2-м корпусом Никола-Шарль Удино (1767—1847), герцог Реджио, о личной храбрости которого свидетельствовали его 32 раны; начальник штаба «Великой армии» Луи-Александр Бертье (1753—1815), герцог Валанженский, князь Невшательский и Ваграмский, который служил штабным офицером в войнах двух революций — американской и французской, а при Наполеоне с 1807 до 1814 г. бессменно и во многом образцово руководил Главным штабом, самый старший по возрасту из сподвижников Наполеона в русском походе⁴⁰.

Вровень с маршалами по значению и даже несколько выше их (кроме Мюрата) по своему титулу стоял командующий 4-м корпусом Евгений Богарне (1781—1824) — вице-король Италии⁴¹, пасынок Наполеона⁴², заметно выделявшийся среди многолюдной родни императора военными дарованиями и благородством характера.

Из генералов «Великой армии» 1812 г. нужно отметить в первую очередь двух корпусных начальников, вскоре ставших маршалами. Один из них — командующий 5-м корпусом князь Юзеф Понятовский (1763—1813), племянник последнего короля Польши, сподвижник Т. Костюшко, «польский Баярд», как называли его в Европе, — отличался талантами государственного и военного деятеля, личным мужеством и обаянием, а среди поляков к тому же и головокружительной популярностью, перераставшей в культ его личности⁴³. Другой — командующий 6-м корпусом граф Лоран-Гувион Сен-Сир (1764—1830), умный стратег и хитрый тактик, — считался едва ли не лучшим после Даву администратором «Великой армии».

Среди кандидатов в маршалы Франции блистали в 1812 г. и два отважных кавалерийских генерала: Луи-Пьер Монбрен (1770—1812) — герой знаменитой, «фантастической»⁴⁴

атаки на горную позицию испанцев у Сомо-Сиерра 30 ноября 1808 г. и Огюст Коленкур (1777—1812) — младший брат А. Коленкура, — который «участвовал в большем числе сражений, чем прожил лет»⁴⁵.

Медицинскую службу «Великой армии» возглавлял ученый с мировым именем, один из основоположников военно-полевой хирургии, впоследствии президент Парижской академии наук Доминик-Жан Ларрей (1766—1842). Он прошел с Наполеоном весь его полководческий путь от Тулона до Ватерлоо.

Силы «Великой армии» выглядели особенно грозными оттого, что их вел на Россию сам Наполеон, которого современники (включая и феодальных монархов во главе с Александром I) почти единодушно признавали гениальнейшим полководцем всех времен и народов⁴⁶.

Однако армия Наполеона в 1812 г. имела уже и серьезные слабости. Так, пагубно влиял на нее разношерстный, многоплеменный состав. Французов в ней было меньше половины. Большинство же составляли поляки, итальянцы, баварцы, пруссаки, саксонцы, вестфальцы, голландцы, датчане, испанцы, португальцы, швейцарцы и лица других национальностей. В гвардии Наполеона был даже эскадрон арабов. «Шестнадцать иноплеменных народов, томящихся под железным скипетром его властолюбия, — писал о Наполеоне М.Б. Барклай де Толли, — привел он на брань против России» (цит. по: 32. Т. 7. С. 476). В числе офицеров «Великой армии» шли на Россию Анри Бейль (ставший позднее классиком мировой литературы под псевдонимом Стендаль), Юзеф Бем (будущий герой польского восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848—1849 гг.), Георг Людвиг Гегель (родной брат философа), Ф.В. Булгарин (впоследствии литературный холоп царизма).

Многие, особенно испанцы, ненавидели Наполеона как поработителя их отечества и шли за ним на войну только по принуждению. Воевали они нехотя и часто дезертировали. В корпусе Даву, например, был полк из ганзейских немцев, который почти весь разбежался еще до перехода через русскую границу (31. С. 13). Самые решительные переходили на сторону России, повернув оружие против французов (из 15 тыс. испанцев и португальцев «Великой армии» так поступили 4 тыс.⁴⁷). Вполне надежны были из «инородцев» лишь итальянцы и поляки — «французы Севера», как называли их солдаты французских частей.

Вообще дисциплина у захватчиков (исключая гвардию) на этот раз очень страдала и мало походила на ту идеальную воинскую дисциплину, которой всегда славилась наполеоновская армия. Кроме дезертирства, разлагали «Великую армию» грабежи и мародерство, процветавшие особенно в немецких (главным образом вестфальских) частях.

Таким образом, «забота Наполеона о количестве солдат «Великой армии» повредила ее качеству» (32. Т. 7. С. 511).

Значительно изменился к 1812 г. — в худшую сторону — и высший командный состав «Великой армии». Так, в числе соратников Наполеона по русскому походу уже не было двух самых выдающихся его маршалов. Один из них, правая рука и главная надежда Наполеона, его сверстник и лучший друг Жан Ланн, тот самый, о ком Наполеон сказал, что «нашел его пигмеем, а потерял гигантом»⁴⁸, погиб в битве с австрийцами под Асперном в 1809 г. Другой — искуснейший и опытнейший военачальник Андре Массена — был оставлен во Франции по немилости. Этот маршал был всем хорош (именно он в 1799 г. не пустил А.В. Суворова во Францию), но «имел злосчастную склонность к воровс-

тву»⁴⁹, а когда Наполеон обругал его: «Вы самый большой грабитель в мире!», он вдруг возразил, почтительно кланяясь: «После вас, государь»⁵⁰. За такую дерзость Массена был наказан опалой. Видные полководцы Наполеона Л.-Г. Сюше, Ж.-Б. Журдан и Н.-Ж. Сульт сражались в 1812 г. в Испании, а Ж.-Б. Бернадот был уже в стане врагов. Тех же, кто принял участие в русском походе, Наполеон не без оснований называл «теньями Ланна» (25. Т. 3. С. 57).

Но главное даже не в том, что Наполеон пошел на Россию, недосчитавшись полудесятка своих лучших маршалов, а в том, что все его маршалы к 1812 г. уже страдали от последствий того перерождения, которое подтачивало всю «Великую армию», начиная именно с ее командного состава.

Слов нет, маршалы Наполеона — это исторический феномен, впервые в истории ставший возможным благодаря Великой французской революции. Никогда ранее мир не видел столь блестящей плеяды военачальников, поднявшихся из народных низов. Но все эти бывшие пахари, конюхи, бочары, половые, бывшие солдаты и сержанты стали не просто маршалами, а графами и баронами, герцогами и князьями, принцами и королями, сами превратились в аристократов, вроде тех, кого они в своей революционной молодости призывали вешать на фонарях. Бернадот, ставший королем Швеции, не мог стереть с груди юношескую татуировку «Смерть королям!», но стыдился ее (22. С. 663). Наделенные титулами и орденами, поместьями и деньгами, маршалы «больше не хотели ни воевать, ни служить... Они жаждали воспользоваться плодами приобретенного» (Там же. С. 588). Конечно, они еще повиновались Наполеону (все чаще ворча за его спиной) и могли, как встарь, блеснуть в сражении с любым противником, но уже без былого энтузиазма.

Самой слабой из всех слабых сторон наполеоновской армии в 1812 г., ее ахиллесовой пятой и был прогрессирующий упадок морального духа. В своих первых походах Наполеон возглавлял солдат, среди которых еще живы были республиканские традиции. Но с каждой новой войной моральный дух его армии заметно падал. Стендаль, долго служивший под началом Наполеона, констатировал: «Из республиканской, героической... она (армия. — Н. Т.) становилась все более эгоистической и монархической. По мере того как шитье на мундирах делалось все богаче, а орденов на них все прибавлялось, сердца, бывшие под ними, черствели»⁵¹. Солдатам становились чужды те причины, которые приводили к войнам, и те цели, которые в них преследовались.

В 1812 г. все это проявилось с особой силой. Уже в июле пленные солдаты «Великой армии» свидетельствовали: «Французы все почти недовольны этою войною, и большой ропот в армии» (26. Т. 13. С. 317). Даже близкие к Наполеону лица забили тревогу. Статс-секретарь граф П. Дарю (кузен Стендаля) прямо заявил своему повелителю в Витебске: «Не только ваши войска, государь, но и мы сами тоже не понимаем ни смысла, ни необходимости этой войны» (44. Т. 1. С. 208). Возможно, тот факт, что его солдаты не понимали, для чего затеяна война, мало беспокоил Наполеона. Став монархом, он вполне мог разделять мысль Фридриха II: «Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны»⁵². Наполеон едва ли рассердился бы на своих солдат, если бы они шли вперед, не задумываясь над тем, куда и зачем идут, как тот новобранец, который написал домой из России: «Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света» (25. Т. 3. С. 48). Но «большой ропот в армии», снижение дисциплины, упадок морального

духа, безусловно, тревожили Наполеона, ибо он хорошо понимал и еще в 1808 г. сформулировал истину, оказавшуюся для него в 1812 г. роковой: «На войне три четверти успеха зависят от моральных факторов и только одна четверть от материальных сил»⁵³.

Разумеется, речь идет о падении морального духа наполеоновской армии в принципе, в целом, что не исключало в ней отдельных всплеск энтузиазма, как, например, при переходе через Неман или вступлении в Москву.

Россия в начале войны смогла противопоставить 448-тысячной армии Наполеона 317 тыс. человек, которые были разделены на три армии и три отдельных корпуса.

Численность русских войск к началу войны указывается в нашей литературе, как правило, без ссылок на документы и с поразительным разноречием. Н.А. Левицкий насчитывал в 1-й армии 110 тыс. человек, а во 2-й — 50 тыс. (21. С. 8—9); Е.В. Тарле — соответственно 118 тыс. и 35 тыс. (32. Т. 7. С. 487); А.В. Шишов — 127 тыс. и 39 тыс.⁵⁴; П. А. Жилин — 127 тыс. и 45—48 тыс. (16. С. 97); С. В. Шведов — 127,8 тыс. и 52 тыс.⁵⁵; Л.Г. Бескровный — 130 тыс. и 45—50 тыс. (2. С. 178). Резервные же корпуса историки обычно даже не называют, а если и упоминают, то без данных об их численности и в общую сумму русских войск не включают.

Между тем в РГВИА хранятся рапорты М.Б. Баркляя де Толли и П.И. Багратиона о численности 1-й и 2-й армий в начале войны, а такие же рапорты командующих 3-й армией и резервными корпусами даже опубликованы еще в начале XX в. Эти документы позволяют уточнить численность русских войск к началу войны 1812 г.

Итак, 1-я Западная армия насчитывала 120 210 человек и 580 орудий⁵⁶. Она дислоцировалась в районе Вильно и прикрывала Петербургское направление. Командовал ею

военный министр генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли. 2-я Западная армия (49 423 человека и 180 орудий⁵⁷) располагалась возле Белостока и прикрывала Московское направление. Ею командовал генерал от инфантерии кн. П.И. Багратион. 3-я Западная армия (44 180 человек и 168 орудий⁵⁸) под командованием генерала от кавалерии А.П. Тормасова была сосредоточена у Луцка и прикрывала Киевское направление.

Кроме трех армий на первой линии отпора французам стоял под Ригой отдельный корпус генерал-лейтенанта И.Н. Эссена (38 077 человек⁵⁹), а вторую линию составляли два резервных корпуса: 1-й — генерал-адъютанта Е.И. Меллера-Закомельского (27 473 человека⁶⁰) — у Торопца, 2-й — генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля (37 539 человек⁶¹) — у Мозыря.

Фланги западной группировки русских войск прикрывали: с севера — корпус генерал-губернатора Финляндии генерал-лейтенанта барона Ф.Ф. Штейнгейля (19 тыс. человек⁶²), располагавшийся на границе с Финляндией, и с юга — Дунайская армия адмирала П.В. Чичагова (57 526 человек⁶³), дислоцированная в Валахии. Эти войска в начале войны бездействовали. Чичагов выступил на Волынь для соединения с Тормасовым 1 августа, а Штейнгейль перебросил свой корпус в Ригу и Ревель только к 8 сентября (2. С. 336—337)⁶⁴.

Всего к 1812 г. Россия имела под ружьем немногим меньше, чем Франция, — 975 тыс. человек⁶⁵. Но русские войска были рассредоточены еще больше, чем французские: едва успела освободиться от войны с Турцией Дунайская армия, продолжалась война с Ираном, целые корпуса стояли в Грузии и на Кавказской линии, несколько дивизий несли гарнизонную службу в Одессе и Крыму, в Зауралье и Сибири, отдельный корпус внутренней стражи был рас-

пределен полубатальонами по всем губерниям для борьбы с крестьянскими волнениями (26. Т. 17. С. 42—44). Поэтому русские численно и уступали французам в зоне вторжения почти в полтора раза.

Впрочем, главная беда русской армии заключалась тогда не в малочисленности, а в *феодальной* системе ее комплектования, содержания, обучения и управления. Комплектовалась она путем ненавистных для народа рекрутских наборов при тяжелейшем, тоже ненавистном, 25-летнем сроке военной службы. Солдатскую массу и командный состав разделяла непроходимая пропасть. Царский указ от 28 апреля 1798 г. запретил представлять унтер-офицеров не из дворян в офицеры⁶⁶. «Командир полка или ротный, — читаем у Н.Ф. Дубровина, — были, в сущности, помещики своей части... и, смотря на солдат, как на своих крестьян, считали себя вправе распоряжаться ими, как своею вещью и собственностью»⁶⁷. Офицеры издевались над солдатами, нещадно били их, за любые провинности гоняли сквозь строй — как тогда говорили, «по зеленой улице»⁶⁸.

М.Б. Барклай де Толли, заняв в 1810 г. пост военного министра, с беспокойством констатировал «закоренелое в войсках наших *обыкновение*: всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании»⁶⁹. Он попытался было умерить разгул палочной дисциплины, неоднократно (вплоть до февраля 1812 г.) писал Царю, что солдатам необходимо «лучшее обращение, то есть чтобы их считали людьми, наделенными чувствами и патриотизмом, если этот последний не угас в результате плохого обращения и палочных ударов» (9. Т. 6. С. 270). Но Царь даже не отвечал на доводы своего министра, которые так и остались «историческими памятниками благих намерений... не осуществившихся на деле»⁷⁰.

Виктор Гюго едва ли преувеличивал, говоря, что солдатская служба в России «более тягостна, чем каторга в других странах»⁷¹. Сами русские солдаты сочинили об этом незадолго до 1812 г. сатирическую оду под названием «Солдатская жизнь», где были такие строки:

*Я отечеству — защита,
А спина моя избита.
Я отечеству — ограда,
В тычках, палках — вся награда...
Лучше в свете не родиться,
Чем в солдатах находиться,
Этой жизни хуже нет, —
Изойди весь белый свет*⁷².

Командный состав русской армии, как и положено при феодализме, комплектовался не по способностям, а по сословному принципу — исключительно из дворян. Были среди них талантливые, конечно, но больше бесталанных, невежественных, чванливых: «многие офицеры гордились тем, что, кроме полковых приказов, ничего не читали»⁷³. Уже в разгар борьбы с нашествием Наполеона, 21 августа 1812 г., Барклай де Толли откровенно писал Царю: «Значительная часть штаб-офицеров и в общем почти все обер-офицеры, умеющие лишь в малой степени заслужить доверие солдата, далеко ниже его в отношении представляемой им надежности» (36. 1903. № 11. С. 257).

Российский генералитет в 1812 г. был отягощен не столько доморощенными бездарностями из дворянской знати вроде П.А. Шувалова или И.В. Васильчикова, сколько иностранцами — и обрусевшими, и новоявленными; иные из них даже не знали русского языка (как, например,

К.Л. Фуль и Ф.Ф. Винценгероде). Высокие командные посты занимали Л.Л. Беннигсен и П.Х. Витгенштейн, Ф.О. Пауллуччи и К.Ф. Багговут, Ф.Ф. Эртель и П.П. Пален, И.Н. Эссен и П.К. Эссен, Ф.Ф. Штейнгель и Ф.В. фон дер Остен-Сакен, А.Ф. Ланжерон и К.Ф. Левенштерн, Ф.К. Корф и К.А. Крейц, К.О. Ламберт и Э.Ф. Сен-При, О.И. Бухгольц и К.К. Сиверс, И.И. Траверсе и Е.Ф. Канкрин, Е.Х. Ферстер и Х.И. Трузсон, принцы Евгений Вюртембергский и Карл Мекленбургский, не говоря уже о тех, кто был в меньших (но тоже генеральских) чинах, как И.И. Дибич, К.И. Опперман, О.Ф. Кнорринг, А.Х. Бенкендорф, Г.М. Берг, Б.Б. Гельфрейх, К. Ф. Ольдекоп, А.Б. Фок и др.

Александр I доверял генералам с иностранными фамилиями больше, чем русским, но не ставил высоко ни тех, ни других. «В России прекрасные солдаты, но бездарные генералы», — заявил он в феврале 1812 г. шведскому атташе⁷⁴. После Аустерлицкого конфуза он и о себе как о военачальнике, похоже, стал думать более критически и, скорее всего, именно поэтому еще в 1811 г. хотел пригласить для командования русской армией Ж.-В. Моро из США, а в 1812 г. — А. Веллингтона из Англии и Ж.-Б. Бернадота из Швеции⁷⁵. По той же причине, когда варианты с приглашением Моро, Веллингтона и Бернадота отпали, Царь долго колебался, боясь, что любое из двух возможных его решений (взять ли главное командование на себя или назначить главнокомандующим кого-то другого: Барклая, Кутузова, Беннигсена...) не приведет к добру. Так русская армия в самое трудное время войны надолго оказалась вообще без главнокомандующего.

Пороки феодально-крепостнического режима сказались и в боевой подготовке русских войск. С 1796 до 1812 г. сохраняли силу воинские уставы Павла I. Солдат готовили

не столько к войне, сколько к парадом. Муштра и палочная дисциплина, основанная на принципе «двух забей — третьего выучи», унижали человеческое достоинство русских солдат, душили в них воинскую инициативу. Неслучайно даже любимый солдатами П.И. Багратион в 1812 г. призывал их доказать свой патриотизм «слепым повиновением начальству»⁷⁶.

Передовая для того времени тактика рассыпного строя «была чужда самой природе» крепостничества⁷⁷ с характерным для него взглядом на солдата как на «механизм, артикулом предусмотренный». Новаторские традиции А.В. Суворова, который умел преодолевать косность феодального мышления и ориентировал свою «Науку побеждать» на солдатскую инициативу («Каждый воин должен понимать свой маневр!»), — эти традиции изживались. Войскам предписывались каноны неуклюжей линейной тактики, а к рассыпному строю русские солдаты прибегали лишь в тех случаях, когда они, повинувшись творчески мыслящему командиру, действовали «не по правилам»⁷⁸.

Наконец, и материальное обеспечение русской армии в 1812 г. страдало недостатками, производными от феодальной системы. Самым острым был недостаток вооружения — и по количеству, и по качеству. Слабость промышленной базы, неповоротливость казенных ведомств, безалаберность частных заводчиков срывали выполнение военных нарядов. К 1808 г. русская армия была вооружена «разнообразнейшими ружьями всех времен, начиная с петровских, и всех стран и народов»⁷⁹. Подсчитано, что эти ружья имели 28 различных калибров⁸⁰. А.А. Аракчеев, назначенный в 1808 г. военным министром, с 1809 г. начал перевооружение армии новым оружием единого калибра. Барклай де Толли продолжил это начинание (именно он 21 октября 1811 г.

изъял из полков средневековые алебарды), но закончить его к 1812 г. не успел⁸¹. Хуже того, и старорядовских разнокалиберных ружей в 1812 г. не хватало: Россия вынуждена была закупить ружья в Англии (50 тыс. штук) и в Австрии, причем 7 тыс. австрийских ружей, собранных в Киевском арсенале, «оказались совершенно негодными»⁸². Если даже регулярные войска терпели недостаток в ружьях, то ополчение — тем более: на 230 тыс. ополченцев было отпущено в 1812 г. 37 349 ружей⁸³.

Русская артиллерия почти не уступала французской ни количественно (1102 орудия на западной границе против 1372 у Наполеона), ни качественно, но это было достигнуто крайним напряжением сил и средств, с вопиющими издержками. Достаточно сказать, что в 1811 г. из 60 орудий, отлитых на Гороблагодатских заводах, 57 «были забракованы прямо на месте»⁸⁴.

Зато обеспечить армию продовольствием царизм не смог, несмотря ни на какие издержки, главным образом по причине такого неизбежного для феодальной России бедствия, как всеобъемлющее и неистребимое казнокрадство. «Интендантская часть была поставлена из рук вон плохо, — писал о России 1812 г. Е.В. Тарле. — Воровство царило неопишное» (32. Т. 7. С. 505). Характерный пример такого воровства приводил А.П. Ермолов. Летом 1812 г. в Поречье провиантский комиссионер доложил Барклаю де Толли, будто он сжег все оплаченное казной продовольствие для 1-й армии, чтобы не оставлять его французам. В действительности же он ничего даже не заготовил — просто сжег пустые склады (магазины), а деньги из казны положил себе в карман. Ермолов, узнав об этом, сказал Барклаю: «За столь наглое грабительство достойно бы, вместе с магазином, сжечь самого комиссионера» (15. С. 148). «Столь наглое

грабительство» было тем более нетерпимо, что армейские кассы и без того хронически страдали от безденежья. 13 апреля 1812 г. Барклай писал Царю: «Не имею при армии ни копейки денег» (26. Т. 6. С. 2).

В организации русских войск и в управлении ими до 1806 г. тоже господствовала старая феодальная система, которую называют павловской или фридриховской, поскольку Павел I заимствовал ее у Фридриха II. «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?» — возмущался в 1797 г. А.В. Суворов⁸⁵. Только после Аустерлица царизм отказался от фридриховской системы, однако ударился в другую крайность, занявшись не только переустройством, но даже переодеванием русской армии на французский лад. «Мы здесь все перефранцузили, не телом, а одеждой — что ни день, то что-нибудь новое», — писал в декабре 1807 г. из Петербурга генерал Н.Н. Раевский⁸⁶. В январе 1808 г. посол Франции при русском дворе А. Коленкур доносил Наполеону: «Все на французский образец — шитье у генералов, эполеты у офицеров... ученье тоже французское» (7, Т. 1. С. 213). Злые языки «по поводу эполет с насмешкой говорили, что теперь Наполеон сидит на плечах у всех русских офицеров»⁸⁷. Главное, у Наполеона была заимствована организационная структура армии с разделением ее на корпуса, дивизии, бригады, причем каждая дивизия включала в себя части всех родов войск. Поскольку французская система военной организации была тогда лучшей в мире, такое заимствование оказалось полезным для русской армии.

Новая система была закреплена в так называемом «Учреждении для управления большой действующей армией» от 8 февраля 1812 г. Этот документ, выработанный комиссией под председательством М.Б. Барклая де Толли, как никогда в России, усиливал власть главнокомандующего.

Он гласил, что отныне главнокомандующий «представляет лицо Императора и облачается властью его Величества», и только присутствие в армии самого «Величества» слагало с главнокомандующего начальство над армией, если высочайше не объявлялось, что «главнокомандующий оставляется в полном его действии»⁸⁸. Тем самым в русской армии учреждалось почти такое же единоначалие, как и в армии Наполеона.

Перенимался с 1806 до 1812 г. и боевой опыт Наполеона. Летом 1810 г. было разослано по войскам «Наставление в день сражения его императорско-королевского величества Наполеона I», которое поощряло воинскую инициативу генералов, офицеров и солдат, их умение «действовать по обстоятельствам каждому». «Наставление это перечитывалось и изучалось в войсках», — отмечал Н.Ф. Дубровин⁸⁹. Перед самой войной Барклай де Толли начал вводить и собственные новые правила и наставления («Воинский устав о пехотной службе», «Общие правила для артиллерии в полевом сражении», «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения»)⁹⁰, которые если и не заменяли полностью павловские уставы, то дополняли их наполеоновскими, а точнее даже, суворовскими требованиями. Ведь опыт Наполеона потому так легко усваивался на русской почве, что многое в нем (с точки зрения «науки побеждать») как бы воскрешало заветы Суворова.

Конечно, усвоение наполеоновского опыта к 1812 г. сделало русскую армию значительно сильнее, но главные источники ее силы заключались не в каких бы то ни было заимствованиях со стороны, а в ней самой. Уступая противнику в одних компонентах, русская армия в других была равна ему или даже превосходила его. Во-первых, она имела не меньший боевой опыт. Ее костяк составляли

еще «чудо-богатыри» Суворова, ветераны войн с Францией (1805—1807 гг.), Турцией (1806—1812 гг.), Швецией (1808—1809 гг.). Боевые качества русского солдата извечно были выше всяких похвал. Барклай де Толли со всей определенностью заявил Царю 21 августа 1812 г.: «Рядовой солдат армии Вашего Императорского Величества, несомненно, лучший в мире»⁹¹. К такому же мнению склонялись француз А.Ф. Ланжерон, перешедший на русскую службу, и английский генерал Р. Вильсон — автор книги о русской армии, где, в частности, подмечено: «Русский солдат хотя и родился в рабстве, но дух его не унижен»⁹². Эту книгу Вильсона Наполеон, между прочим, взял с собой в поход на Россию⁹³.

Русский солдат всегда отличался храбростью, стойкостью, выносливостью и, в чем он привык быть сильнее любого врага, мощью штыкового удара. Герой Бородина унтер-офицер Тихонов говорил: «Француз храбр. Под ядрами стоит хорошо, на картечь идет смело, против кавалерии держится браво, а в стрелках ему равного не сыщешь. А вот на штыки, нет, не горазд»⁹⁴.

Русский командный состав, хотя в целом он и уступал наполеоновскому, был представлен к началу войны 1812 г. не только высокородными и чужеземными посредственностями, но и талантливыми генералами, которые могли поспорить с маршалами Наполеона. Первыми в ряду таких генералов (не считая оказавшегося в начале войны не у дел М.И. Кутузова) стояли Барклай де Толли и Багратион.

Командующий 1-й армией Михаил Богданович Барклай де Толли (1761—1818) — потомок шотландских дворян, эмигрировавших в XVII в. в Лифляндию, сын бедного армейского поручика — не имел ни помещичьих капиталов⁹⁵, ни придворных связей, а достиг высших генеральских чинов и

должности военного министра благодаря своим дарованиям, трудолюбию и (с 1807 г.) доверию, которое неожиданно возымел к нему и сохранял вплоть до 1812 г. лицемерный по натуре Александр I.

«Мужественный и хладнокровный до невероятия» воин (13, С. 529), дальновидный и осмотрительный стратег, «человек с самым благородным, независимым характером... в высшей степени честный и бескорыстный»⁹⁶, хотя внешне слишком холодный и замкнутый, «великий муж во всех отношениях», как отзывался о нем декабрист А.Н. Муравьев⁹⁷, Барклай, однако, слыл в представлении многих современников, а также историков и «нерешительным», и «ограниченным» (16. С. 119, 132, 209–210; 18. С. 81)⁹⁸. Но, несмотря на все метаморфозы его прижизненной и посмертной славы, он еще в XIX в. заслужил признание величайших умов России и Запада. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, Барклай де Толли «был бесспорно лучший генерал Александра»⁹⁹; а на взгляд А.С. Пушкина, «стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории» (28. Т. 10. С. 217).

Военачальником совсем иного склада ума, характера, темперамента, происхождения был командующий 2-й армией князь Петр Иванович Багратион (1765–1812) — отпрыск царской династии Багратионов в Грузии, потомок Давида Строителя, правнук царя Вахтанга VI, любимый ученик и сподвижник Суворова — «генерал по образу и подобию Суворова», как его называли (26. Т. 16. С. 28). Стремительный и неустрашимый, с открытой, пылкой и щедрой душой, он к 1812 г. был самым популярным из русских генералов не только в России, но и за границей. «Краса русских войск», — говорили о нем его офицеры¹⁰⁰. Г.Р. Державин многозначительно «уточнил» его фамилию:

«Бог-рати-он»¹⁰¹. Наполеон в разговоре с А.Д. Балашовым заявил, что из русских полководцев «лучше всех Багратион» (14. С. 31).

Недостаток образования и, может быть, избыток темперамента помешали Багратиону стать крупным стратегом. Даже его почитатель Денис Давыдов признавал, что он «был весьма мало сведущ в правилах высшей военной науки»¹⁰². Зато в России 1812 г. он не имел себе равных как тактик, мастер атаки и маневра, кумир солдат, воин до мозга костей: за 30 лет он отличился в 20 походах и 150 боях.

Отдельными соединениями в армиях Барклая де Толли и Багратиона командовали генералы, уже отменно проявившие себя в многочисленных войнах трех последних царствований.

Командир 7-го корпуса генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский (1771—1829) импонирует нам прежде всего удивительным переплетением своих родственных уз: внучатый племянник Г.А. Потемкина, женатый на внучке М.В. Ломоносова, он был единоутробным братом декабриста В.А. Давыдова, тестем еще двух декабристов — генералов М.Ф. Орлова и С.Г. Волконского, отцом «декабристки» Марии Волконской, последовавшей за мужем в Сибирь и воспетой А.С. Пушкиным и Н.А. Некрасовым¹⁰³. Два сына Раевского тоже были связаны с декабристами.

«Герой, слава русского войска» (28. Т. 9. С. 76), Раевский отличался «красотой характера», редким подбором таких качеств, как благородство, скромность, бескорыстие, доброта (Там же)¹⁰⁴, и передовыми взглядами, которые сближали его с декабристами и отдалили от царского двора. Предприимчивый и отважный, любимый солдатами, он стал одним из самых выдающихся героев 1812 г. Наполеон говорил о нем: «Этот русский генерал сделан из материа-

ла, из которого делаются маршалы»¹⁰⁵. В память о том, что Раевский сыграл решающую роль в боях с французами в 1812 г. под Смоленском и в 1814 г. под Парижем, его надгробие отмечено такой эпитафией: «Он был в Смоленске щит, в Париже — меч России»¹⁰⁶.

В первом ряду героев 1812 г., кумиров русской армии, должен быть назван и командир 6-го корпуса генерал от инфантерии Дмитрий Сергеевич Дохтуров (1759—1816) — живое воплощение воинского долга, само вдохновение и натиск при успехе, сама выдержка и стойкость при неудаче. Это он в несчастном сражении под Аустерлицем, когда его попросили уйти из опасного места, напомнив ему о жене и детях, заявил: «Здесь жена моя — честь, дети же мои — войска, мне вверенные!» (25. Т. 3. С. 99). «Про Дохтурова у нас говорили, — вспоминал унтер-офицер Тихонов, — что, коли он где станет, надобно туда команду с рычагами посылать, а так его не сковырнешь»¹⁰⁷.

Популярнейшим героем 1812 г. стал командир Отдельного казачьего корпуса генерал от кавалерии Матвей Иванович Платов (1751—1818) — легендарный атаман Войска Донского, «вихорь-атаман» и «русский Мюрат», как его называли, дерзкий, напористый, неутомимый. Казак-рубака, без всякого образования, «гунн», по выражению современника¹⁰⁸ (получивший, впрочем, от Оксфордского университета почетный диплом доктора прав), он с того дня, когда на совете перед штурмом Измаила первый сказал Суворову: «Штурмовать!»¹⁰⁹, только и делал, что подтверждал свою репутацию удальца, рожденного для атаки и преследования.

Уже в 1812 г. громко заявил о себе как военачальник, хотя он и занимал почти всю войну только штабные должности, генерал-майор Алексей Петрович Ермолов (1777—

1861) — будущий «проконсул» Кавказа, друг и покровитель А.С. Грибоедова и многих декабристов, человек блестящей одаренности, в котором все было крупно — рост, фигура («голова тигра на геркулесовом торсе»: 28. Т. 7. С. 298), ум, память, дар слова, темперамент, сила характера; в одном лице вольнодумец, мудрец, хитрец и храбрец, отказавшийся (как и Н.Н. Раевский) от высочайше пожалованного графского титула¹¹⁰.

Из дивизионных командиров, пожалуй, самым замечательным был в 1812 г. генерал-лейтенант Петр Петрович Коновницын (1764—1822), дивизию которого (3-ю пехотную) Царь перед самой войной назвал «примером целой армии» (26. Т. 12. С. 135). Сам Коновницын впечатляюще сочетал в себе хладнокровие, бесстрашие и скромность, это был один из «тех коренных русских, которые с виду кажутся простаками, а на деле являются героями» (11. С. 36). В том, что два его сына стали декабристами, а дочь (Е.П. Нарышкина) — «декабристкой», не могло не сказаться отцовское влияние.

Были в русской армии 1812 г. и другие незаурядные военачальники: энергичный, хотя и несколько легкомысленный, генерал от инфантерии Михаил Андреевич Милорадович (1771—1825), которому Кутузов говорил: «Ты ходишь скорее, чем летают ангелы» (24. Т. 3. С. 322); упорный и прямодушный генерал-лейтенант Александр Иванович Остерман-Толстой (1770—1857), нравственные достоинства которого ценили Ф.И. Тютчев, А.И. Полежаев, А.И. Герцен; герой суворовской школы и чуть ли не всех войн России своего времени генерал-майор Яков Петрович Кульнев (1763—1812), говаривавший: «Люблю нашу матушку Россию за то, что у нас всегда где-нибудь да дерутся!»¹¹¹, и столь же доблестный, но более уравновешенный,

буквально царивший в сердцах солдат генерал-лейтенант Дмитрий Петрович Неверовский (1771—1813); великолепный, с феноменальными способностями, артиллерист и разносторонне талантливый человек (знал шесть языков, писал стихи, рисовал) генерал-майор Александр Иванович Кутайсов (1784—1812); пять родных братьев-генералов Тучковых, из которых двое пали при Бородине, третий, тяжело раненный, был взят в плен под Лубино, четвертый больше 10 лет безвинно страдал под следствием¹¹² и только один (дед Н.А. Тучковой-Огаревой) прожил относительно спокойную жизнь.

Все они (включая тех, кто держался передовых взглядов, как Раевский, Ермолов, Остерман-Толстой) были феодалами, помещиками. Атаман Платов, это вольнолюбивое «дитя природы», тоже имел крепостных, в числе которых значился и Егор Михайлович Чехов — дед Антона Павловича. В 1812 г., перед лицом врага, вторгшегося на русскую землю, они пережили небывалый патриотический подъем, который позволил им в наивысшей степени и с наибольшей пользой для отечества проявить все их способности. Разумеется, речь идет о генералах, для которых Россия была отечеством. Один из них, А.И. Остерман-Толстой, так и сказал маркизу Ф.О. Пауллуччи, подвизавшемуся на русской службе в ряду титулованных чужеземцев: «Для вас Россия — мундир, вы его надели и снимете, когда хотите, а для меня Россия — кожа»¹¹³.

Общенациональный патриотический подъем воодушевил в 1812 г. и русское офицерство, которое, кстати, перед войной несколько изменилось в лучшую сторону и по составу — за счет выпускников новых военно-учебных заведений (Дворянского полка, Главного инженерного училища и др.). В ряды офицеров влились сотни молодых и образо-

ванных людей с гуманными воззрениями, среди них — десятки будущих декабристов.

Итак, по боевому опыту и качеству высшего командного состава русская армия в 1812 г. почти не уступала наполеоновской. В двух отношениях она, безусловно, превосходила противника. Во-первых, она была *национальной* армией, более однородной и сплоченной, чем разноплеменное войско Наполеона, а во-вторых, ее отличал несравненно более высокий моральный дух: солдатская масса одушевлялась патриотическим настроением, ненавистью к захватчикам и желанием освободить от них свою Родину, победить или умереть. Г.Р. Державин отразил это настроение в проникновенных строках, обращенных к России:

Скорей ты ляжешь трупом зрима.

*Чем будешь кем побеждена!*¹¹⁴.

В общем русская армия в 1812 г. при всех ее недостатках имела и большие достоинства. Как заметил Ф. Энгельс, она несла на себе «печать института, обогнавшего общий уровень развития цивилизации в стране»¹¹⁵. Но армия Наполеона была сильнее. При том соотношении вооруженных сил между Россией и Францией, которое сложилось к 1812 г., Наполеон мог рассчитывать на успех. Все чисто военные факторы он предусмотрел. Не учел он одного входящего обстоятельства, которое, собственно, и решило исход войны, а именно — что вместе с армией поднимется на борьбу с нашествием весь русский *народ*.

ПЛАНЫ СТОРОН

Каков был план действий Наполеона в начале войны 1812 г.?

Прежде всего надо отбросить ходячую версию, будто Наполеон «всегда (и в 1812 г. тоже. — Н. Т.) стремился ре-

шать исход войны в *одном генеральном сражении*», отличаясь тем самым от Кутузова, который полагал, что «исход войны решается не одним, а *несколькими сражениями*» (2. С. 597; 16. С. 146–147)¹¹⁶. Надуманность этой версии настолько очевидна, что доверие к ней сонма историков кажется невероятным. Дело в том, что и до 1812 г. Наполеон *никогда* не решал исхода какой бы то ни было из своих войн в одном сражении, и в 1812 г. такой оборот дела заведомо исключался хотя бы потому, что перед Наполеоном (ему это было известно) стояли вразброс на 850 км три русские армии, и при всем желании он не мог планировать победу над ними в одном генеральном сражении.

Судя по новым данным, ошибочна и другая, столь же обиходная версия, будто Наполеон с самого начала войны предполагал идти на Москву (2. С. 158; 16. С. 89)¹¹⁷. Эта версия строится на том, что обычно «Наполеон наносил удар в сердце тех государств, против которых он воевал»¹¹⁸. До 1812 г. «оперативный план его войн, — писал о Наполеоне К. Клаузевиц, — заключался в том, чтобы разбить боевые силы противника... овладеть столицей государства, загнать его правительство в самый отдаленный угол страны и затем, используя минуты колебания, добиться мира» (18. С. 154). Все это верно. Но в России такой план сулил меньше удачи, чем где бы то ни было: мешали два препятствия — «огромное протяжение страны» и «наличие двух далеко отстоящих друг от друга столиц» (Там же). Наполеон это понимал.

А.З. Манфред первым установил: «Ни в одном из официальных документов французского командования начала войны нельзя найти никаких упоминаний о Москве. Мысль о глубоком вторжении, о проникновении в глубь Российской империи первоначально исключалась Наполеоном» (22. С. 664). К такому же выводу пришли Б.С. Абалихин и

В.А. Дунаевский, которые заметили, что в переписке Наполеона мысль о походе на Москву впервые была высказана лишь 9 июля, т. е. на 15-й день войны, и еще не в форме приказа, а как одно из предположений, наряду с мыслью о походе на Петербург¹¹⁹. Многодневные остановки Наполеона в Вильно (больше двух недель), Витебске и Смоленске, его колебания в этих городах — остановиться или идти дальше — говорят о том, что в начале войны поход на Москву он не планировал.

В связи с этим особую значимость приобретает свидетельство К. Меттерниха о его беседе с Наполеоном в мае 1812 г. Тогда, в Дрездене, уже на пути к Неману Наполеон, по словам Меттерниха, так изложил ему свой операционный план: «Я открою кампанию переходом через Неман. Закончу ее в Смоленске и Минске. Там я остановлюсь. Укреплю эти два пункта и займусь в Вильно, где будет моя главная квартира, организацией Литовского государства... Мы увидим, кто из нас двоих устанет первый: я — содержать свою армию за счет России или Александр — кормить мою армию за счет своей страны»¹²⁰. Ни Наполеону хитрить перед Меттернихом (в то время союзником), ни Меттерниху извращать сказанное Наполеоном не было нужды. Главное же, такие намерения Наполеона подтверждаются его разговорами с генералом О. Себастиани в Вильно и с маршалом Л.-Н. Даву в Смоленске (44. Т. 1. С. 264, 265). Поэтому свидетельство Меттерниха заслужило доверие таких авторитетов, как К. Маркс и Ф. Энгельс¹²¹, приняла его историки А.К. Дживелегов и А.З. Манфред (22. С. 664; 25. Т. 3. С. 145).

Поставив перед собой цель принудить Царя к миру, выгодному для Франции, Наполеон полагал, что царская власть в Петербурге после стольких дворцовых переворотов XVIII в. не может быть прочной. В самом начале войны он рассчитывал даже на оптимальный вариант своего плана, согласно ко-

торому первый же решительный удар «Великой армии» мог привести к тому, что Александр I из страха, с одной стороны, перед французским нашествием, а с другой — перед угрозой нового дворцового переворота начал бы переговоры о мире. У берегов Немана Наполеон заявил А. Коленкуру: «Меньше чем через два месяца Россия запросит мира» (19. С. 86). В расчете на скоротечную войну и были сгруппированы еще до перехода через Неман все силы армии вторжения.

Чтобы разобщить и разгромить по частям русские войска, Наполеон осуществил клинообразное выдвижение от Немана на восток трех больших групп «Великой армии»: одну (220 тыс. человек) он повел сам против М.Б. Барклая де Толли, другую (65 тыс.) — под командованием вестфальского короля Жерома Бонапарта — направил против П.И. Багратиона, а вице-король Италии Евгений Богарне во главе третьей группы войск (70 тыс.) «должен был броситься между этими двумя армиями (Барклай и Багратиона. — *Н. Т.*), чтобы не допустить их соединения» (17. С. 274). На север, против корпуса И.Н. Эссена, был выдвинут корпус Ж.-Э. Макдональда; на юг, против армии А.П. Тормасова, — корпуса Ж.-Л. Ренье и К.Ф. Шварценберга. Начиная эту операцию, которая получила название Виленской, Наполеон «думал, что самолюбие русских не позволит им очистить Литву, не дав генерального сражения» (Там же. С. 241). Он же со своей стороны рассчитывал принудить 1-ю и 2-ю русские армии к сражению порознь, не дав им соединиться. «Теперь, — объявил он перед началом Виленской операции, — Багратион с Барклаем уже более не увидятся»¹²².

Мы еще вернемся к Виленской операции в следующей главе. Здесь же рассмотрим, когда и почему Наполеон взял курс на Москву. По мере того как выяснялось, что русские уклоняются от сражения и что разбить их армии поодиноч-

ке не удастся, он вынужден был менять первоначальный план. Уже в Вильно он будто бы сказал А. Коленкуру: «Мир я подпишу в Москве» (19. С. 90), но это было скорее бахвальство, чем продуманное решение. Решил он идти на Москву не в Вильно и даже не в Витебске, а в Смоленске, после того как Барклай и Багратион соединились и пошли дальше, к *Москве*. Наполеон уже не мог остановиться ни в Минске, ни в Смоленске, как предполагал вначале, поскольку война принимала неопределенно-затяжной характер, он в ней больше терял, чем приобретал, и боялся, что в подвластных ему странах, а также в самой Франции поднимут головы недовольные его режимом. «...Находясь уже на такой головокружительной высоте и при том непрочном фундаменте, на который он опирался, — писал об этом Ф. Энгельс, — Наполеон уже *не мог* решиться на затяжные кампании. Ему необходимы были быстрые успехи, блистательные победы, завоеванные штурмом мирные договора...»¹²³.

Вопрос о том, почему из Смоленска Наполеон пошел именно на Москву, решается просто¹²⁴. Во-первых, к Москве отступали главные силы русских, а Наполеон всегда держался такого правила: «Я вижу только одно — массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что все остальное рухнет вместе с ними»¹²⁵. Именно эту мысль Наполеона заимствовал К. Клаузевиц в своем тезисе: «Лучший ключ к стране находится в неприятельском войске» (В.И. Ленин так оценил этот тезис: «Остроумно и умно!»¹²⁶). Во-вторых, Наполеон, конечно, учитывал и значение Москвы как исторического центра России. «Если бы я пошел на Петербург, то взял бы Россию за голову, — говорил он, — если бы пошел на Киев, схватил бы ее за ноги, а если пойду на Москву, то поражу империю в самое сердце»¹²⁷.

Итак, стратегический расчет Наполеона в начале войны заключался в том, чтобы разгромить разобщенные русские армии в приграничных сражениях, не дав им сосредоточиться. Такой расчет мог бы осуществиться, если бы русские армии действовали по тому плану, который составил для борьбы с Наполеоном главный военный советник Александра I, его «духовник по военной части»¹²⁸ прусский генерал Карл Людвиг Август Фуль.

Типичный пруссак из эпигонов Фридриха II, эрудированный и чванливый догматик, помесь «рака с зайцем», по выражению злоязычного гр. Г.М. Армфельда (7, Т. 3. С. 498), Фуль за шесть лет службы в России не выучил ни одного русского слова, тогда как его малограмотный денщик украинец Федор Владыко бойко говорил по-немецки (18. С. 29—30). Таким же бездарным, как сам Фуль, был его план¹²⁹: 1-я армия должна была занять укрепленный лагерь в г. Дриссе, между двух столбовых дорог — на Петербург и на Москву, закрыть таким образом от Наполеона и Петербургское и Московское направления и принять его удар на себя, а тем временем 2-й армии предписано было действовать во фланг и в тыл французам. Фуль догматически скопировал здесь идею Бунцельвицкого лагеря Фридриха II в Силезии в 1761 г. и главным образом линий Торрес—Ведрас А. Веллингтона в Португалии в 1810 г. По этому поводу Франц Меринг заметил: «Лагерю на Дриссе недоставало всего того, что сделало непобедимыми линии Торрес—Ведрас: лишь незначительного превосходства противника, моря как опорного пункта и находящегося на море флота в виде резерва»¹³⁰.

В какой мере русские армии руководствовались планом Фуля? На этот вопрос историки отвечают по-разному. Одни считают, что русские «были обречены действовать» по этому плану¹³¹, другие — что «план Фуля по существу не ока-

зал никакого влияния на русские военные приготовления» (2. С. 167—168)¹³². Думается, вторая точка зрения ближе к истине, хотя она и чрезмерно категорична. Все-таки план Фуля был «высочайше» утвержден и отвергнут только по прибытии 1-й армии в Дрисский лагерь, заблаговременно воздвигнутый, кстати сказать, по этому плану. Но план Фуля не был ни единственным, ни главным.

Всего в России только в 1811 г. было выработано до 20 планов войны с Наполеоном¹³³. Составлялись они и в 1810, и в 1812 гг. Первый и самый обстоятельный план изложил М.Б. Барклай де Толли в записке «О защите западных пределов России», которая была представлена царю 14 марта 1810 г. (26. Т. 1. Ч. 2. С. 1—6). Этот план развивал идею, которую Барклай впервые высказал еще весной 1807 г. в беседе с немецким историком Б. Нибуrom: «В случае вторжения его (Наполеона. — Я. Т.) в Россию следует искусным отступлением заставить неприятеля удалиться от операционного базиса, утомить его мелкими предприятиями и завлечь вовнутрь страны, а затем с сохраненными войсками и с помощью климата подготовить ему, хотя бы за Москвой, новую Полтаву». Нибур запомнил эти слова и в 1812 г., когда Барклай стал главнокомандующим, сообщил их генерал-интенданту «Великой армии» М. Дюма, а тот — Л.-А. Бертье, для передачи Наполеону¹³⁴.

По плану Барклая 1810 г. началось укрепление «западных пределов» России: приводились в боевое состояние крепости на Западной Двине, Березине и Днепре — от Риги до Киева. Когда же к началу 1811 г. для России открылась возможность привлечь на свою сторону Польшу и Пруссию, к Царю посыпались, как мы видели, планы наступательной войны с Наполеоном (Л.Л. Беннигсена, П.И. Багратиона, Э.Ф. Сен-При, Александра Вюртембергского). Желание наступать преоб-

ладало в русской армии сверху донизу вплоть до самого вторжения Наполеона (15. С. 123—124; 29. С. 32—33)¹³⁵. Багратион, в мае 1812 г. представивший Царю план удара силами двух армий сразу на Варшаву и Данциг¹³⁶, 20 июня (за 4 дня до войны!) убеждал Александра I: «Неприятель, собранный на разных пунктах, есть сущая сволочь... Прикажи, помолясь Богу, наступать... Военная система, по-моему, та: кто рано встал и палку в руки взял, тот и капрал» (14. С. 9). Но, как подметил А.Н. Попов, «в этом-то и ошибся князь Багратион: «маленький капрал» раньше нашего встал, палку в руки взял» и — напал на Россию¹³⁷.

Большинство лиц, близких к трону, после того, как выяснилось, что Пруссия и Польша будут не с Россией против Наполеона, а с Наполеоном против России, побуждали Царя к оборонительной войне. «Ваша империя, — писал ему 23 июня 1812 г. Ф.В. Ростопчин, — имеет двух могущественных защитников в ее обширности и климате... Император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске»¹³⁸. Русский посол во Франции А.Б. Куракин, царский разведчик А.И. Чернышев, новый союзник России Ж.-Б. Бернадот подсказывали Царю спасительную идею затяжной войны, которая позволила бы «повторить над Наполеоном участь Красса в стране парфян»¹³⁹.

Считая возможной и наступательную, и оборонительную войну, Барклай де Толли разработал новый стратегический план, который был утвержден не позднее марта 1812 г., т.е. еще до отъезда Барклая в армию¹⁴⁰. Вариант «А» этого плана («когда война с нашей стороны откроется наступательною») предписывал «отрезать, окружить и обезоружить войска неприятельские, в герцогстве Варшавском и в королевстве Прусском находящиеся», и затем идти вперед

навстречу главным силам Наполеона. Вариант «Б» (оборонительный) гласил: «Продлить войну по возможности» и «при отступлении нашем всегда оставлять за собою опустошенный край», вплоть до перехода в контрнаступление (26. Т. 13. С. 409, 414).

Все это доказывает, сколь наивны суждения мэтра, французского наполеоноведения Ж. Тюлара о том, что отступление россиян в 1812 г. «не было преднамеренным» и что «русские генералы отступали не по заранее намеченному маршруту, а в страхе перед Наполеоном и реальностью его победы»¹⁴¹.

Александр I, утвердив план Барклая, не стал отменять и план Фуля, очевидно, потому, что не видел между ними принципиальной разницы: ведь план Фуля тоже предусматривал как следствие Дрисской операции переход в контрнаступление. Но главным считался план Барклая. Именно он был разослан не позднее мая 1812 г. в войска, тогда как план Фуля Царь держал при себе как бы в запасе и даже не знакомил с ним своих генералов.

Итак, русская сторона до самого дня наполеоновского вторжения не имела единого плана, а главное, долго не могла определить направление основного удара Наполеона (отсюда — разброс армий для одновременного прикрытия трех направлений) и вообще ставила свои действия в зависимость от действий противника. Нерешительность Царя, переизбыток его советников и разнобой в их мнениях, отсутствие полновластного главнокомандующего затрудняли подготовку к войне и усугубляли опасность надвигавшейся на Россию грозы.

Глава III

Отступление

Вы помните: текла за ратью рать...

А.С. ПУШКИН

ОТ НЕМАНА ДО СМОЛЕНСКА

Тремя группами корпусов «Великая армия» Наполеона устремилась от Немана на восток. Основную группу — дорогой на Вильно против армии М.Б. Барклая де Толли — вел сам Наполеон.

Идут — их силе нет препоны,

Все рушат, все свергают в прах...

Так писал о тех днях А.С. Пушкин.

Русские армии не сразу пришли в ответное движение. Александр I уже 25 июня отбыл в Свенцяны, но Барклай оставался в Вильно еще три дня. Он уточнял численность войск противника, прежде чем решиться на отступление, затем определил пути отхода своих корпусов и 27 июня отправил курьера к П.И. Багратиону с директивой: отступать на Минск для взаимодействия с 1-й армией (26. Т. 13. С. 156). Только 28-го, когда французский авангард уже подступил к Вильно, Барклай вывел из города свои главные силы и сам покинул город, всем своим видом подчеркивая при этом, что он ничего не боится и никуда не торопится: «Остано-

вился на крыльце, посмотрел направо и налево... потом, не спеша, вынул часы, взглянул на них, а засим, не торопясь, сошел с крыльца, сел в карету»¹.

Буквально через час после того, как вышел из Вильно русский арьергард, вошел в город авангард французов. Наполеон из демагогических соображений доверил честь первым вступить в древнюю столицу Ягеллонов полку польских улан под командованием кн. Д. Радзивилла. В тот же день въехал в Вильно и сам император. Жители города встретили его «с меньшим энтузиазмом, чем он того ожидал»². Собственно, «энтузиазм и радость», по воспоминаниям Ф. Гржималы, проявляли только шляхтичи, которые ждали от Наполеона восстановления Польши и, глядя на него с наивным восторгом, думали: «Как прекрасно призвание человека, идущего освобождать поработленную нацию»³.

28 июня Наполеон мог уже подвести итоги Виленской операции. За 3 дня он продвинулся на 100 км, занял огромную (и в глубину, и по фронту) территорию. Его гвардейцы хвастались, что 15 августа (день рождения императора) они отпразднуют в Петербурге⁴. Император, однако, досадовал на то, что свою главную задачу — разбить Барклая и Багратиона в приграничных сражениях — он не решил. Багратион уходил из-под удара войск Жерома Бонапарта, а Барклай уклонился от сражения с самим Наполеоном.

«Потерять надежду на большое сражение под Вильно было для него все равно, что нож в сердце», — писал о Наполеоне А. Коленкур (19. С. 88). Впрочем, даже теряя надежду, Наполеон не терял головы. Он выработал новый план с хорошими видами на разгром армий Барклая и Багратиона порознь. Против Барклая, который отступал через Свенцяны к Дриссе, Наполеон 29 июня послал кавалерийские

корпуса Э.-М. Нансути и Л.-П. Монбрена под общим командованием И. Мюрата, пехотные корпуса Н.-Ш. Удино и М. Нея и две дивизии из корпуса Л.-Н. Даву. Эти войска должны были настигнуть армию Барклая и сковать ее действия своей активностью, пока не подспеют и не решат исход операции главные силы Наполеона. В то же время Даву с тремя пехотными дивизиями и кавалерийским корпусом Э. Груши получил приказ идти на Минск, преграждая Багратиону с севера путь к соединению с Барклаем, а Жером Бонапарт с корпусами Ю. Понятовского, Ж.-Л. Ренье и Д. Вандама должен был ударить по Багратиону с юга и взять таким образом его армию в клещи (43. Т. 23. С. 545, 547–548). Для успеха этой операции Наполеон 30 июня потребовал от Жерома действовать «с величайшей активностью» (41. Т. 1. С. 73).

Сам Наполеон надолго (до 16 июля) задержался в Вильно. Здесь он не только создавал органы управления Литвой, решал политические, социальные, хозяйственные дела своей империи, но и координировал отсюда действия всех соединений «Великой армии», будучи уверен, что русские не уйдут, по крайней мере без существенного урона (7. Т. 3. С. 515).

1-я русская армия 11 июля сосредоточилась в Дрисском лагере (26. Т. 15. С. 9). Она сохраняла высокую боеспособность, но в руководстве ею обозначились неурядицы. Александр I, приехав в армию, не объявил, что «главнокомандующий оставляется в полном его действии», и, таким образом, как предписывало на этот случай «Учреждение для управления большой действующей армией», фактически сам стал главнокомандующим. Он и говорил своему статс-секретарю еще в октябре 1811 г., что «в случае войны намерен предводительствовать армиями»⁵. Однако война

началась так, что Царь усомнился, надо ли ему и сможет ли он «предводительствовать». Поэтому он повел себя двойственно: «выставлял как главнокомандующего» Барклая, доверив ему «делать все распоряжения от своего имени», но «в случаях, не терпящих отлагательства», распоряжался сам⁶. Хуже того, многочисленные советники Царя, заведовавшие его Главной квартиры, которые, по выражению Л.Н. Толстого, «ловили рубли, кресты, чины и в этом ловлении следили только за направлением флюгера царской милости»⁷, тоже вмешивались в дела командования.

Барклай де Толли относился к императорской Главной квартире неуважительно. «Я нахожусь при войсках в виду неприятеля, — писал он жене 8 июля, — и в Главной квартире почти не бываю, потому что это настоящий вертеп интриг и кабалы»⁸. Как главнокомандующий Барклай игнорировал не только царских советников. Он позволил себе «обвинить» (как выразился Александр I) и самого Царя, когда тот заменил одного командира корпуса другим без ведома Барклая⁹. Главное же, именно Барклай наиболее энергично и авторитетно выступил против дрисской затеи Фуля (2. С. 288—289)¹⁰.

В самой Дриссе, прямо на месте действия, нетрудно было понять, что при сравнительной малочисленности 1-й русской армии и слабости дрисских укреплений лагерь Фуля мог стать для нее только ловушкой и могилой. К тому же Барклай получил известие, что Багратион оттеснен войсками Даву на юг от Минска и что, таким образом, взаимодействие 1-й и 2-й армий (как необходимый компонент плана Фуля) на какое-то время исключается¹¹.

Тем временем 9 июля Александр I отдал было приказ по армии быть готовой к наступлению — с патриотической ссылкой на годовщину Полтавской битвы 1709 г. («нынешний

день ознаменован Полтавскою победою»), — чтобы, следуя плану Фуля, ударить по врагу и «принудить его склониться к миру, который увенчает славу российского оружия»¹². Однако, выслушав доводы Барклая, Царь увидел вздорность и гибельность плана Фуля, а на самого Фуля, с которым раньше не разлучался, и смотреть перестал (32. Т. 7. С. 486).

14 июля 1-я армия оставила Дриссу (26. Т. 15. С. 10) — и очень своевременно. Наполеон приготовился было зайти к ней под левый фланг со стороны Полоцка и заставить ее сражаться с перевернутым фронтом, но не успел осуществить этот маневр. По его признанию, он не ожидал, что русская армия «не останется более трех дней в лагере, устройство которого стоило нескольких месяцев работы и огромных издержек» (17. С. 290).

Барклай де Толли и за три дня пребывания в Дриссе успел сделать для русской армии много полезного. Он убедил Царя заменить новыми людьми начальника штаба Ф.О. Паулуччи, энергичного, но не обладавшего «одним качеством, необходимым для начальника штаба русской армии: он не говорил по-русски», и генерал-квартирмейстера С.А. Мухина, который был лишь «хорошим чертежником», а в остальном — «мокрой курицей»¹³. Вместо Паулуччи был назначен А.П. Ермолов, вместо Мухина — К.Ф. Толь. Здесь же, в Дриссе, Барклай организовал при своем штабе походную типографию под руководством профессоров Дерптского университета А.С. Кайсарова и Ф.Э. Рамбаха (подробно о ней см.: 33. Гл. 1). Кроме приказов и официальных «Известий», типография сразу начала печатать разнообразную агитационную литературу. Уже с 11 июля Барклай стал рассылать командирам корпусов прокламации, адресованные солдатам Наполеона, с поручением «раскидать по всем дорогам... при встречах с неприятелем и стычках с оным» (26.

Т. 17. С. 128, 139). Наконец в Дриссе при участии Барклая был фактически решен и наболевший вопрос о том, как выпроводить из армии (разумеется, деликатно и верноподданно) Александра I.

Царь всем мешал (Барклаю в особенности), все и вся путал, но мог ли кто сказать ему об этом прямо? Государственный секретарь А.С. Шишков сговорился с А.А. Аракчеевым и А.Д. Балашовым и сочинил от имени всех троих письмо на имя Царя, смысл которого сводился к тому, что Царь будет более полезен отечеству как правитель в столице, нежели как военачальник в походе¹⁴. Правда, Аракчеев при этом воскликнул: «Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли Государь, оставаясь долее при армии?» Шишков ему ответил: «Конечно, ибо, если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с Государем? А если он победит Барклая, то беда еще невелика!»¹⁵. После этого письмо было подписано и 13 июля вручено Царю. Александр I, поколебавшись, в ночь с 18 на 19 июля уже на пути из Дриссы в Полоцке оставил армию. Очевидец сцены прощания Царя с Барклаем В.И. Левенштерн слышал, как царь, садясь в коляску, сказал: «Поручаю вам свою армию. Не забудьте, что второй у меня нет»¹⁶.

Из Полоцка Царь отправился в Москву, а Барклай повел 1-ю армию к Витебску на соединение с Багратионом.

Тем временем Багратион оказался в критическом положении. 7 июля он получил приказ Царя идти через Минск к Витебску (26. Т. 17. С. 274). Но уже 8 июля маршал Даву взял Минск и отрезал Багратиону путь на север. С юга наперерез Багратиону шел Жером Бонапарт, который должен был замкнуть кольцо окружения вокруг 2-й армии у г. Несвижа. Корпус Даву (без двух дивизий, выделенных против Барклая) насчитывал 40 тыс. человек, у Жерома в трех корпусах

его группы было 70 тыс. (39. Т. 1. С. 199—200. Прил. 2). Багратион же имел не более 49 тыс. человек. Ему грозила верная гибель. «Куда ни сунусь, везде неприятель, — писал он на марше 15 июля А.П. Ермолову. — Что делать? Сзади неприятель, сбоку неприятель... Минск занят... и Пинск занят»¹⁷.

Вестфальский король Жером Бонапарт («король Ерема», как прозвали его русские офицеры¹⁸), «наиболее бездарный из всех бездарных братьев Наполеона» (32. Т. 7. С. 513), в 1812 г. впервые был на войне¹⁹. Молодой (27 лет), легкомысленный, празднотлюбивый, он и в походе, несмотря на то, что Наполеон требовал от него «величайшей активности», больше отдыхал, чем действовал: 4 дня «отгулял» в Гродно и далее шел к Несвижу такой поступью, что Э. Лависс и А. Рамбо могли только воскликнуть на страницах своей «Истории»: «Он сделал 20 миль в 7 дней!»²⁰. В результате Жером, хотя он имел преимущество перед Багратионом на пути к Несвижу в два перехода, опоздал сомкнуть вокруг русской армии французские клещи. Багратион ушел.

Наполеон был в ярости. «Все плоды моих маневров и прекраснейший случай, какой только мог представиться на войне, — отчитывал он Жерома, — потеряны вследствие этого странного забвения элементарных правил войны» (43. Т. 24. С. 20). Действительно, «король Ерема» презрел одно из главных правил Наполеона: «Сила армии, как в механике, измеряется массой, умноженной на скорость»²¹. (Таков же, кстати, смысл и суворовского правила: «Победа зависит от ног, а руки — только орудие победы»²².)

С досады Наполеон подчинил короля Жерома маршалу Даву, который был «только» герцогом. Жером, обидевшись на это, остановил все свои войска (потеряв при этом еще более суток) и 16 июля уехал к себе в Вестфалию (41. Т. 1. С. 239, 477).

«Насилу вырвался из аду, — написал Багратион Ермолову 19 июля. — Дураки меня выпустили»²³.

Наши историки — от П.А. Жилина до Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева — объясняют спасительный марш 2-й армии только «большим воинским мастерством», «искусным маневрированием» Багратиона (12. С. 284; 16. С. 107–108)²⁴. Между тем сам Багратион понимал, что если бы не гродненский «загул» Жерома («дураки меня выпустили!»), никакое искусство маневра не спасло бы 2-ю армию от гибели.

Впрочем, положение 2-й армии все еще оставалось опасным. Она шла через Несвиж и Бобруйск к Могилеву истинно суворовскими маршами, делая по 45, 50 и даже 70 км в сутки²⁵. «Быстроте маршей 2-й армии... и великий Суворов удивился бы», — не без гордости писал Багратион Александру I 22 июля на пути к Могилеву (26. Т. 14. С. 81). Но ни Наполеон, ни Даву, который теперь руководил действиями всех войск, отряженных против Багратиона, не теряли надежды окружить и уничтожить 2-ю армию. С тыла ее настойчиво преследовал 4-й кавалерийский корпус Латур-Мобура. Отдельные его части дважды (9–10 июля под Миром и 14 июля у Романова) настигали арьергард Багратиона, но оба раза были отбиты. «Мой хвост всякий день теперь в драке», — извещал в те дни Багратион А.А. Аракчеева (26. Т. 16. С. 216).

Главная же опасность для 2-й армии исходила с левого фланга, от Даву. «Железный маршал» расчетливо перекрывал с севера все пути к соединению Багратиона с Барклайем. Как ни спешил Багратион прорваться к Могилеву, Даву опередил его и 20 июля занял город.

Багратион, узнав от своих казаков-разведчиков, что в Могилеве находится не весь корпус Даву, а только какая-то часть его, решил идти на прорыв. «Не остается мне ничего

более, — доложил он Царю 22 июля, — как, собрав силы вверенной мне армии и призвав на помощь всевышнего, атаковать их и непременно вытеснить из Могилева» (26. Т. 14. С. 81). Утром 23 июля начал атаку 7-й корпус Н.Н. Раевского.

Даву занял позицию в 11 км южнее Могилева, у д. Салтановка. Он имел пока 20 тыс. штыков и сабель и 60 орудий против 16,5 тыс. бойцов и 108 орудий у Раевского²⁶. Но его разведка донесла ему, что на Могилев идет вся армия Багратиона численностью 50 тыс. человек, и Даву уже подтягивал к себе все свои силы (41. Т. 2. С. 107).

Такого ожесточенного боя, как под Салтановкой, с начала войны еще не было. Русские солдаты рвались вперед «без страха и сомненья». Офицеры не уступали им в героизме. «Я сам свидетель, — доносил Раевский Багратиону, — как многие штаб-, обер- и унтер-офицеры, получа по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир... Все были герои»²⁷. Именно под Салтановкой родилась легенда, поныне живущая и в художественной и в научной литературе (16. С. 115)²⁸, о том, что Раевский, взяв за руки двух своих сыновей — 17 и 10 лет, бросился с ними под огонь, увлекая за собой солдат²⁹. Сам Раевский отвергал эту легенду («Весь анекдот сочинен в Петербурге», — говорил он своему адъютанту, поэту К.Н. Батюшкову³⁰), но признавал, что он был в том бою впереди своих солдат, «ободрял их» и что сыновья его тоже были недалеко.

Даву отбил все атаки Раевского и продолжал подтягивать войска своего корпуса. К концу дня 23 июля Багратион, видя, что пробиться к Могилеву нельзя, приказал Раевскому отвести 7-й корпус к д. Дашковке и оставаться там до тех пор, пока другие корпуса 2-й армии не перейдут Днепр у Нового Быхова курсом на Смоленск³¹. Весь следующий день, 24 июля, корпус

Раевского оставался у Дашковки, как бы готовясь возобновить сражение. Даву со своей стороны в ожидании атак теперь уже всей армии Багратиона готовился к их отражению. А между тем основные силы 2-й армии и обоз перешли Днепр и двинулись к Смоленску. 25 июля следом за ними ушел и корпус Раевского (26. Т. 14. С. 119).

Данные о потерях сторон под Салтановкой в литературе разноречивы, хотя русские потери зафиксированы документально в особой ведомости: 2504 человека (20. Ч. 2. С. 711). Что касается потерь французов, то Л.-Н. Даву определял их в 900 человек (41. Т. 2. С. 145), В.И. Харкевич — в 1000³², а П.А. Жилин — более чем в 5000 (16. С. 115).

Кто же и что именно выиграл в бою под Салтановкой? Маршал Даву мог быть доволен тем, что он вновь (как и в Минске) не позволил Багратиону прорваться на соединение с Барклаем де Толли и заставил его отступать кружным путем к Смоленску. Тем самым Даву облегчал Наполеону решение его главной задачи — разгромить армию Барклая. Зато Багратион вырвался из-под нависшей над ним угрозы окружения и открыл себе хотя и окольный, дальний, но уже сравнительно безопасный путь к соединению с Барклаем — путь на Смоленск. Отныне можно было считать, что 2-я армия спасена.

Вернемся теперь к армии Барклая, которую мы оставили на пути от Полоцка к Витебску.

После отъезда Царя Барклай де Толли «остался единоличным распорядителем судеб 1-й армии» (32. Т. 7. С. 493) — самой крупной и сильной из всех русских армий, которая защищала пути к обеим столицам России и против которой вел свои главные силы Наполеон. Более того, как военный министр Барклай был вправе от своего имени или даже от имени Царя давать указания командующим другими арми-

ями. Все это ставило Барклая де Толли в исключительное положение как главного деятеля Отечественной войны, от которого больше, чем от кого-либо, зависели судьбы воинства, народа и государства Российского.

С первых же недель войны Барклай подчеркивал (в обращениях к Александру I, П.И. Багратиону, Ф.В. Ростопчину), что он считает своей «важнейшей задачей» сохранить армию, пока в помощь ей не будут собраны «сильные резервы» и «ополчения» (26. Т. 17. С. 179)³³. Уклоняясь от генерального сражения с Наполеоном, он делал все возможное для того, чтобы поддержать оптимальную боеспособность армии. Так, несмотря на все трудности тысячеверстных отступательных маневров, он удовлетворительно обеспечивал ее продовольственное снабжение. Генерал-интендант 1-й армии, известный впоследствии министр финансов Е.Ф. Канкрин утверждал, что армия почти не теряла провиантских запасов³⁴. Это неверно. Кроме того что часть продовольствия и фуража разворовывали собственные интенданты (15. С. 148), приходилось и уничтожать магазины, чтобы они не достались врагу; «в особенности чувствительна была потеря большого магазина в Колтынянах, где уничтожено было провианта на 1 млн руб.» (3. Т. 1. С. 150). Тем не менее хотя бы скромный достаток продовольствия 1-я армия, по наблюдениям К. Клаузевица, имела всегда (18. С. 104). Даже такой критик Барклая, как А.П. Ермолов, жалуясь царю 21 августа на разлад армии с ее главнокомандующим, признавал: «Продовольствие армии доселе не совсем еще худо»³⁵. Во всяком случае таких затруднений, как во 2-й армии («Пехота и кавалерия без воды и без продовольствия, что хуже всякого сражения», — писал Багратион Барклаю 30 июля³⁶), 1-я армия не знала.

Разумно сочетая строгость и заботливость, Барклай

старался держать в армии железную дисциплину. Мародерство он пресекал в корне. В одном из приказов угрожал «расстрелять каждого, у кого в лагере найдутся незаконно присвоенные вещи» (29. С. 49), и действительно в Облонье по его приказу были расстреляны 12 мародеров³⁷. Кстати, и Багратион в приказах по 2-й армии требовал, «чтоб военные чины под смертною казнию нигде и никакого грабительства не делали»³⁸. Зато Барклай, как и Багратион, заботился о здоровье солдат, благодарил командиров «за благоразумное отступление со сбережением людей» и сам отдавал благоразумные приказы, вроде следующего (от 20 июля): «Предписывается в жаркое время на марше нижним чинам галстухи снимать, мундиры расстегивать, грудь не стеснена, легче солдату, несколько манерок с водою можно иметь в руках»³⁹. Русские солдаты, издревле отличавшиеся неприхотливостью, но чуткие к вниманию «сверху», благодарно выполняли такие приказы и не считались ни с какими лишениями. «Сапожные подметки, правда, в грязи оставляли, но в лапти переобувались и еще вольготнее шли», — писал о них генерал А.М. Зайончковский⁴⁰.

Не все удавалось Барклаю де Толли. Не смог он, в частности, поставить вровень с продовольственным снабжением медицинское обеспечение войск, хотя ему помогал самый авторитетный тогда в России военный врач, лейб-хирург Павла I и Александра I, президент Медико-хирургической академии Я.В. Виллие, занимавший пост главного военно-медицинского инспектора Российской империи. Беда заключалась в том, что «врачей было ничтожное количество, да и те были плохи» (32. Т. 7. С. 505). Как бы то ни было, все заботы Барклая были подчинены одной, главной задаче — обеспечить отступление армии в наибольшем порядке и с наименьшими потерями. И русские и французс-

кие источники свидетельствуют, что 1-я армия отступала образцово. Барклай «на пути своем не оставил позади не только ни одной пушки, но даже и ни одной телеги», — вспоминал А.П. Бутенев⁴¹. И «ни одного раненого», — добавляет А. Коленкур (19. С. 120).

Тем не менее с каждым днем вынужденного, прямо-таки спасительного и превосходно организованного отступления росло недовольство против Барклая де Толли в собственной его армии, а также в армии Багратиона и по всей стране. Первоисточником его был неблагоприятный для России, уязвлявший национальную гордость ход войны. Со времен П.А. Румянцева и А.В. Суворова, вспоминал очевидец, «слово *retirada*... заключало в себе нечто предосудительное» (29. С. 37). На уме и на устах каждого патриота было суворовское речение: «Русак — не рак, задом ходить не умеет». П.И. Багратион, сам вынужденный отступать со своей маленькой армией, считал, что виноват в этом Барклай, который, располагая армией, почти вдвое большей, не хочет или боится пойти вперед и вместе с ним, Багратионом, ударить по врагу. «Русские не должны бежать, — внушал Багратион в июльские дни А.А. Аракчееву. — Это хуже пруссаков мы стали» (26. Т. 16. С. 216). «Я не понимаю ваших мудрых маневров, — сердился он в письме к А.П. Ермолову 19 июля. — Мой маневр — искать и бить!»⁴². «Наступайте! — призывал он в другом письме к Ермолову. — Ей Богу... шапками их закидаем!»⁴³.

Так же «шапкозакидательски» были настроены и другие (из числа самых авторитетных) генералы. «Боже милостивый, что с русскими армиями делается! — возмущался, например, М.И. Платов. — Не побиты, а бежим!»⁴⁴. Начальник штаба 1-й армии А.П. Ермолов, как и Багратион, считал, что надо переходить в наступление, а Барклая, поскольку он

этого не хочет, сменить, считал так и писал об этом не единожды Царю (26. Т. 14. С. 260–261)⁴⁵. Но главный и самый опасный для Барклая де Толли очаг оппозиции гнезвился рядом с ним, в императорской Главной квартире, которую Царь, уезжая из армии, оставил при Барклае. Лица, составлявшие эту квартиру (принцы Георгий Голштинский, Александр Вюртембергский, Август Ольденбургский, граф Г.М. Армфельд, барон Л.Л. Беннигсен), группировались вокруг вел. кн. Константина Павловича, который формально был всего лишь командиром 5-го (гвардейского) корпуса, но фактически, как член царской семьи, родной брат Царя, значил гораздо больше. Все они «дела никакого не делали, но болтали и критиковали действия главнокомандующего»⁴⁶, интриговали против него и жаловались Царю. Особенно раздражал Барклая Константин Павлович, который «не только своей надменной курносой физиономией, но и нелепостью мышления напоминал отца, Павла Петровича» (32. Т. 7. С. 501).

Со временем (мы это еще увидим) Барклай примет радикальные меры против оппозиции из Главной квартиры. Пока же он попытался ее нейтрализовать: «распорядился, чтобы Главная квартира всегда находилась на один переход впереди армии. Таким образом, она оказалась включенной в категорию тяжелого обоза...» (18, С. 50).

В такой обстановке Барклай де Толли отводил 1-ю армию от Полоцка к Витебску. Он понимал, что, если будет отступать к Москве, Наполеон пойдет за ним, а не на Петербург. Но на всякий случай Барклай 17 июля выделил из своей армии целый корпус (1-й, под командованием генерал-лейтенанта гр. П.Х. Витгенштейна) для защиты Петербургского направления. Вероятно, Барклай при этом учитывал, что царский двор, вся царская фамилия и сам

Царь были тогда в страхе за судьбу «града Петрова». Столичные тузы «не знали, что предпринять, куда деваться... — свидетельствовал Р.М. Цебриков (отец декабриста). — Все дворцовое и казенное начали отсюда вывозить... Всяк помышлял о своем отсюда удалении»⁴⁷. Александр I в день своего отъезда из армии (18 июля) отправил председателю Государственного совета Н.И. Салтыкову паническое письмо: «Нужно вывозить из Петербурга: Совет. — Сенат. — Синод. — Департаменты министерские. — Банки. — Монетный двор... — Арсенал», «лучшие картины Эрмитажа», обе статуи Петра I, «богатства Александроневской лавры», даже домик Петра велел «разобрать» и «увезти», а императорскую фамилию подготовить к эвакуации в Казань (26. Т. 18. С. 204—205).

Барклай и Багратион, их генералы, офицеры, солдаты жили в те дни другими заботами. 23 июля 1-я армия, преодолев за трое суток более 118 км (111 верст: 31. С. 40), подошла к Витебску. Здесь Барклай решил подождать Багратиона, который спешил на соединение с ним через Могилев. Но ни Даву Багратиону, ни Наполеон Барклаю не давали оторваться от преследования. 24 июля конница Мюрата уже появилась у м. Бешенковичи (в 35 км от Витебска), а за ней из м. Глубокое шла гвардия Наполеона. Чтобы задержать французов, пока не подойдет 2-я армия, Барклай де Толли в ночь с 24 на 25 июля выдвинул к Бешенковичам 4-й пехотный корпус А.И. Остермана-Толстого, который принял бой с 1-м кавалерийским корпусом генерала Э.-М. Нансути у м. Островно (в 20 км от Витебска).

Бой у Островно был еще более кровопролитным, чем под Салтановкой. Несколько часов кавалерийские части Нансути безуспешно атаковали пехотные каре Остермана. В середине дня 25 июля к месту боя прибыл Мюрат, кото-

рый лично возглавил атаки корпуса Нансути. Получил он и подкрепление — дивизию А. Дельзона из корпуса Е. Богарне, что дало ему почти двойной перевес в силах. Мюрат расстреливал русские каре из артиллерии, а затем попеременно бросал против них в атаку кавалерию и пехоту. Полки Остермана в буквальном смысле стояли насмерть. Когда Остерману доложили, что корпус несет громадные потери, и осведомились, что прикажет он делать, Остерман отвечал: «Ничего не делать, стоять и умирать!»⁴⁸.

К утру 26 июля пришло и к Остерману подкрепление от Барклая — 3-я образцовая дивизия П.П. Коновницына. Она сражалась весь день 26-го так же героически, как накануне — корпус Остермана. «Я целый день держал самого Наполеона, который хотел обедать в Витебске, но не попал и на ночь», — написал об этом Коновницын жене (37. Вып. 2. С. 225).

Русские потеряли под Островно только «нижних чинов» 3764⁴⁹, но задержали французов на двое суток. Потери французов едва ли были меньшими, хотя 10-й бюллетень «Великой армии» исчислял их всего в 1100 человек (38. С. 32). Л.Г. Бескровный указывал без ссылки на источник, что французы потеряли здесь 3704 человека (2. С. 297).

Тем временем Барклай де Толли изучал обстановку. Он знал, что к вечеру 26 июля у Витебска действительно появился во главе Старой гвардии сам Наполеон. Но Барклай учитывал и другое: Наполеон еще не собрал все свои силы, его корпуса подходили к нему по частям, а корпус Даву — лучший, сильнейший из всех — был рассредоточен далеко к югу. В то же время буквально с часу на час ожидалась весть о прорыве Багратиона через Могилев к Витебску. Барклай все взвесил и в конце дня 26-го написал Царю: «Я взял позицию и решился дать Наполеону генеральное сра-

жение» (26. Т. 14. С. 127). Ночь прошла в приготовлениях к битве, а к утру 27 июля в лагерь Барклая примчался адъютант Багратиона кн. А.С. Меншиков (потомок знаменитого петровского Алексашки): Багратион извещал, что ему не удалось пробиться через Могилев и что он узнал о движении войск Даву к Смоленску⁵⁰.

Теперь обстановка резко изменилась. Барклай уже не мог рассчитывать под Витебском на Багратиона. Между тем к Наполеону подходили все новые и новые силы. Опять возникла угроза разъединения русских армий и окружения одной из них. Надо было отвести эту угрозу и успеть к Смоленску раньше Даву. «Поэтому, — пишет Барклай Царю 27 июля, — я принужден был против собственной воли сего числа оставить Витебск» (26. Т. 14. С. 136—137).

Наполеон, едва подступив к Витебску, сразу понял (по тому, как упорно сопротивлялись русские в арьергардных боях под Островно и как в самом Витебске и вокруг него сосредоточивалась вся 1-я армия), что Барклай решился на генеральное сражение. Чтобы не спугнуть Барклая, Наполеон не стал беспокоить его 27-го, дав ему возможность собраться с силами, но подтянув при этом и свои силы. Огни в русском лагере горели до поздней ночи. Глядя на них, Наполеон проследил за тем, как расположилась на ночь «Великая армия», и, «прощаясь с Мюратом, сказал, что завтра в 5 часов утра он начнет генеральное сражение» (32. Т. 7. С. 521).

Перед рассветом ординарец Мюрата разбудил Наполеона: Барклай ушел! Оставив на месте биваков огромные костры, которые до утра вводили французов в заблуждение, Барклай ночью тихо тремя колоннами увел свою армию к Смоленску.

Наполеон был не просто разочарован. Впервые с нача-

ла войны он усомнился в том, что сможет выиграть ее, не заходя в глубь России. Конечно, он понимал, что по всем правилам войны, которые он сам устанавливал, нужно без промедления идти в погоню за Барклаем, настигнуть его, не дать ему соединиться с Багратионом и разбить, пока Даву преследует Багратиона. Но «Великая армия» была уже настолько утомлена форсированными маршами, что Наполеон решил «дать ей несколько дней для отдыха» (43. Т. 24. С. 107).

Здесь, в Витебске, Наполеон подвел итоги первого месяца войны и задумался: не пора ли ему остановиться? За этот месяц он столкнулся с такими трудностями, каких не встречал нигде — ни в Египте, ни в Испании, а иные не мог и предвидеть, как ни готовился он к нашествию. С первого дня войны «Великая армия», преследуя русских, вынуждена была делать непривычно большие переходы. Даже ее ветераны, исходившие всю Европу, «с удивлением смотрели на страну, которой нет конца и где все так похоже одно на другое...» (7. Т. 3. С. 495). «Россия, — писал А. Вандаль, — засасывала наши колонны в свои бездонные пучины» (Там же). Тяготы бесконечных переходов усугубляла скверна русских дорог, хуже которых французы еще не видели. «Все наши транспорты, — сокрушался А. Коленкур, — были приспособлены для шоассированных дорог», на русских же дорогах «они отнюдь не годились» (19. С. 103). Марш-маневры по таким дорогам были тем изнурительнее, что весь июль стояла необычная, удушливая жара, «такая, что побывавшие в Египте и Сирии старослуживые утешали молодых только тем, что в Египте еще жарче» (32. Т. 7. С. 258).

Все это утомляло и русских солдат, но они были все-таки привычнее к таким переходам, дорогам, зною и, в массе своей выносливее, а главное, они шли по родной земле,

были у себя дома. Самая страшная беда для французов заключалась в том, что они каждодневно ощущали вокруг себя враждебную среду. Правда, повсеместное народное сопротивление они стали встречать главным образом после Смоленска, когда вступили в исконно русские земли. Но уже и до Витебска им приходилось страдать из-за того, что русские войска уничтожали за собой, если не успевали вывезти, местные запасы продовольствия⁵¹. Население же — русские, украинские, белорусские, литовские крестьяне и горожане — сопротивлялось захватчикам. С приближением французов массы людей оставляли родные места, уводя за собой все живое, а «чего не могли забрать, то истребляли сами с сими словами: «Пускай не достается врагу нашему!»⁵². «Лошади и скот — все исчезало вместе с людьми, и мы, — вспоминал А. Коленкур, — находились как бы среди пустыни» (19. С. 104; см. также: 35. Т. 1. С. 78).

Богатейшие склады, которые Наполеон приготовил к началу войны, не успевали за «Великой армией» в ее небывало больших переходах по невиданно плохим дорогам. Но ведь Наполеон и рассчитывал не столько на подвоз собственных, сколько на реквизицию местных ресурсов, следуя своему правилу: «Война должна кормить войну»⁵³. Пример Испании показывал, что на чужой земле добиться этого нелегко, но все же легче, чем возить за собой все свое. «Каковы бы ни были потери и бедствия, которые терпела французская армия, благодаря этой системе, — отмечал А. Веллингтон, — мертвые не жаловались, а переживавшие их утешались победами»⁵⁴. В России с ее пространствами и бездорожьем такая система представлялась тем более необходимой. Однако правило русского командования, а вскоре (от Смоленска) и всего народа России — «Не доставайся злодею!»⁵⁵ — подрывало ее под корень.

Все, о чем здесь сказано, приводило к росту болезней, которые косили ряды «Великой армии» сильнее, чем все виды неприятельского оружия. А.Н. Попов подсчитал, что от Немана до Витебска Наполеон потерял больше 150 тыс. человек. «Число убитых и раненых и взятых в плен в сражениях составляло самую незначительную долю этой огромной потери: до 15 тыс. Куда же девались остальные 135 тыс.?» По мнению А.Н. Попова, дезертировали⁵⁶. П.О. Смоленский более резонно (с цифрами в руках) доказывал, что большей частью эти 135 тыс. отстали по болезни⁵⁷.

Как бы то ни было, боеспособность «Великой армии» с каждым новым переходом в глубь «страны, которой нет конца» (С.М. Соловьев потом назовет ее «океаном земли»), снижалась. Под Островно генерал Э.-М. Нансути так ответил И. Мюрату на упрек в недостаточной мощи кавалерийских атак: «Люди могут идти без хлеба, но лошади без овса — не в состоянии. Их не поддерживает в этом любовь к отечеству»⁵⁸. В Витебске Наполеон недосчитался уже половины лошадей, с которыми он начал войну (19. С. 99).

Страдая от голода и жажды, досадуя на непокорность местного населения, солдаты «Великой армии» (надо признать, главным образом не французских частей, в первую очередь немецких: вестфальских, баварских и пр.) чинили грабежи и насилия, мародерствовали. 14 июля генерал А. Дюронель, который вскоре будет назначен военным комендантом Москвы, почтительно доносил Наполеону, что весь район от Воронцова до Лиды «разграблен войсками его величества короля Вестфальского», т. е. Жерома Бонапарта (41. Т. 5. С. 76). О бесчинствах вестфальских солдат говорят и русские документы. Так, 28 июля отряд вестфальцев с 11 часов вечера почти до самого утра грабил м. Щучин, убив при этом троих, ранив двоих, избив или даже изуве-

чив множество жителей⁵⁹. В целом по «Великой армии» масштабы мародерства в 1812 г. были неслыханными для наполеоновских войн. Даже такой поклонник Наполеона, как гр. Р. Солтык, признавал, что еще до Смоленска в «Великой армии» было 50 тыс. мародеров, которые «грабили и разоряли все вокруг»⁶⁰.

Наполеон сразу понял, сколь губительно отражается на моральном духе войск мародерство, и пытался искоренить его суровыми мерами. Уже 3 июля в Вильно он приказал судить военным судом всех уличенных в мародерстве, которые тем самым «позорят имя француза», и казнить их в 24 часа (39. Т. 1. С. 374—375). Архив СПб ИРИ РАН хранит подлинные экземпляры приказов Наполеона и смертных приговоров военного суда от 8, 9, 11 июля, согласно которым расстреливались порознь и партиями солдаты и чиновники за грабежи и «грубое обращение» с местными жителями⁶¹. Однако даже такие крайние меры не давали желаемого эффекта, ибо применялись не везде и не всегда. Гвардия не грабила, потому что ни в чем не нуждалась. Из армейских же корпусов только 1-й корпус Даву сохранял примерную дисциплину: «беспощадный маршал не допускал мародерства, и его расправа была коротка»⁶². Другие корпуса — одни в меньшей, другие в большей степени — мародерствовали.

Нуждам войны и «Великой армии» Наполеон подчинял все, включая и тот режим, который он устанавливал на занятой территории. В Литве местная (особенно польская) шляхта приветствовала его, надеясь восстановить его руками Речь Посполитую. («И повторяют все с восторгом умиленным: «С Наполеоном Бог, и мы с Наполеоном!»») — так писал о настроениях польско-литовского дворянства в 1812 г. Адам Мицкевич⁶³.) Наполеон

подогревал эти настроения, поскольку нуждался в польско-литовском «пушечном мясе», но не спешил ни с восстановлением Польши, ни с присоединением к ней Литвы, стремясь соблюсти декорум перед союзными Австрией и Пруссией (участниками разделов Польши) и, главное, сохранить возможность мирного соглашения с царизмом (22. С. 665; 32. Т. 7. С. 507).

Достигнув Витебска, Наполеон еще мог быть спокойным за свой тыл, хотя и полагал, что все сфабрикованные им на местах (в Литве, Латвии, Белоруссии) «правительства» и «правления» могли бы дать ему больше людей, хлеба и денег (19. С. 121). Двойственное впечатление (относительной надежности, но малой активности) оставляли действия флангов «Великой армии».

Левый фланг сначала обеспечивал 32-тысячный 10-й корпус маршала Ж.-Э. Макдональда. Старый противник А.В. Суворова по Итальянской кампании 1799 г., уступивший «русскому Марсу» в трехдневной битве на р. Треббия, Макдональд в 1812 г. был срочно вызван для похода в Россию из Испании, где он страдал тогда от приступа подагры и ходил на костылях. С готовностью откликнулся он на зов Наполеона, «покинул свое кресло в крепости Фигьер, оставил один костыль в Париже, а другой в Берлине»⁶⁴ и 24 июня, в числе первых, перешел со своим корпусом Неман. Дальше, однако, все его действия как бы застопорились. Правда, 1 августа Макдональд взял Динабург, но потом застрял между Динабургом и Ригой, которую должен был и мог бы взять с ходу, но даже не попытался этого сделать⁶⁵. Отныне и до конца войны он пребывал в бездействии, потому что не верил войскам собственного корпуса, половину которых составляли пруссаки, а другую половину — поляки, баварцы и вестфальцы; французским был только штаб⁶⁶.

Когда Барклай де Толли выдвинул на Петербургское направление 25-тысячный корпус П.Х. Витгенштейна, Наполеон сразу отделил от «Великой армии» корпус Н.Ш. Удино — маршала более решительного, чем Макдональд, и с более надежными войсками в 28 тыс. человек. Удино должен был взаимодействовать с Макдональдом, вместе с ним разбить Витгенштейна и наступать на Петербург (Наполеон — Удино 23 июля 1812 г.: 43. Т. 24. С. 97). Но Макдональд медлил, хотя и бранил за медлительность подчиненного ему прусского генерала Ю. Граверта: «Ползет, как гусеница»⁶⁷. Пока он подбирался к Динабургу, Удино и Витгенштейн 30—31 июля и 1 августа обменялись ударами.

30 июля под Клястицами арьергард Витгенштейна под командованием одного из лучших кавалерийских военачальников России генерала Я.П. Кульнева атаковал и разбил выдвинувшуюся вперед часть войск Удино, захватил даже личный обоз маршала и 900 пленных (32. Т. 7. С. 504). Но на следующий день Кульнев, устремившийся с 12 тыс. штыков и сабель в погоню за разбитым противником, натолкнулся у Боярщины на превосходящие силы Удино, который успел подтянуть к себе подкрепления. Кульнев был разбит и сам, первым из русских генералов 1812 г., пал в бою. По традиционной версии, французское ядро оторвало ему обе ноги, когда он отступал в последних рядах отряда⁶⁸. Есть и другая версия, исходящая от французского очевидца Ж. Марбо: Кульнев был сражен сабельным ударом в грудь⁶⁹. Теперь уже маршал Удино попытался было развить свой успех, но у с. Головщина был отбит и отошел к Полоцку.

Наполеон, следивший из Витебска за ходом дел на своем левом фланге, оценил по достоинству и пассивность Макдональда, и активность Витгенштейна, которого к тому же

в любой момент могли поддержать корпуса И.Н. Эссена и Ф.Ф. Штейнгейля. Поэтому Наполеон подкрепил силы Удино 6-м корпусом генерала Л.-Г. Сен-Сира. Тем самым он, хотя и обезопасил свой левый фланг, еще больше ослабил центр «Великой армии».

Не добился Наполеон решающего успеха и на своем правом фланге. Здесь 27 июля под Кобрином две русские дивизии (К.О. Ламберта и Е.И. Чаплица) из 3-й армии окружили бригаду генерала Кленгеля из 7-го, саксонского, корпуса и заставили ее сложить оружие. Больше 1000 саксонцев были убиты, а сам Кленгель, 2320 его солдат и офицеров, 8 орудий и 4 знамени стали трофеями этой *первой* в 1812 г. русской победы (26. Т. 16. С. 32).

Наполеон был раздосадован и встревожен. 2 августа, узнав о Кобрине, он приказал К.Ф. Шварценбергу, чтобы тот «с двумя корпусами (австрийским и саксонским. — *Н.Т.*) пошел на Тормасова и Каменского⁷⁰, дал им сражение и преследовал бы их повсюду до тех пор, пока не разобьет их» (43. Т. 24. С. 116). Под впечатлением Кобрина Наполеон изменил свое намерение (согласованное с императором Австрии) включить корпус Шварценберга в центральную группу войск и оставил австрийцев вместе с саксонцами против 3-й армии (Там же. С. 117—118). Таким образом, Наполеон признал, что он ошибся в расчете нейтрализовать армию А.П. Тормасова силами одного корпуса Ж.-Л. Ренье. Теперь, исправляя эту ошибку, он обрекал себя на то, что позднее, при Бородине, недосчитается «тех 30-ти (по крайней мере) тысяч солдат, которых мог привести к нему еще в Витебске князь Шварценберг» (32. Т. 7. С. 525). Более того, часть сил Шварценберга и целую дивизию польского генерала Я.Г. Домбровского Наполеон вынужден был отрядить против русского 2-го резервного корпуса Ф.Ф. Эртеля,

который 8 августа формально был подчинен Тормасову, но фактически действовал самостоятельно, закрепившись в районе Мозыря (30. Т. 10. С. 282—293)⁷¹.

Уходя из Витебска 12 августа, Наполеон не знал, что именно в тот день Шварценберг и Ренье выполнили его приказ и стабилизировали правый фланг «Великой армии». У м. Городечна их корпуса (38 тыс. человек: 41. Т. 4. С. 101) атаковали Тормасова, который опрометчиво разослал в наступательные рейды больше половины своей армии и остался с 18 тыс. человек (3. Т. 1. С. 327—333; 41. Т. 4. С. 76—124). Атаки вел главным образом 13-тысячный корпус Ренье. Шварценберг, располагавший 25 тыс., помогал своему союзнику нехотя, главным образом артиллерийской канонадой. Тормасов отразил все атаки, но тяжелые потери (от 3 до 4 тыс. человек: 6. Ч. 1. С. 407; 41. Т. 4. С. 104)⁷² и видимое превосходство неприятеля в силах заставили его ночью после боя отступить за р. Стырь и далее к Луцку, где он укрепился.

Бой у Городечны нельзя признать решительной победой Шварценберга и Ренье. Но инициативу они здесь у Тормасова, безусловно, перехватили, и Наполеон был так доволен этим, что исходатайствовал у австрийского императора Франца I фельдмаршальский жезл для Шварценберга (43. Т. 24. С. 178). Впрочем, Наполеон не обольщался ни успехом у Городечны, ни самим Шварценбергом, сказав о нем позднее: «Я сделал его фельдмаршалом, но не мог сделать из него генерала»⁷³.

Итак, в Витебске Наполеон подвел неутешительные для себя итоги первых пяти недель войны: разгромить Барклая де Толли и Багратиона ему не удалось, положение на флангах и в тылу «Великой армии» оставляло желать лучшего, а снабжение войск повсюду было хуже всяких ожиданий, и

как следствие боеспособность их падала. Мало того, именно в Витебске Наполеон узнал о ратификации мирного договора между Турцией и Россией и получил копию с договора о союзе России и Швеции. Он понял, что теперь Россия высвободила для борьбы с ним еще две армии — Дунайскую и Финляндскую. Все это так озаботило Наполеона, что он впервые после битвы при Кастильоне (1796 г.) созвал военный совет (17. С. 300—301).

Вечером 28 июля Наполеон пригласил к себе трех самых титулованных и близких соратников: неаполитанского короля И. Мюрата (своего зятя), вице-короля Италии Е. Богарне (своего пасынка) и начальника Главного штаба Л.-А. Бертье. Он поделился с ними тревогой по поводу того, что русские, видимо, унаследовали от скифов, которые когда-то здесь жили, не только территорию, но и военную тактику — заманивание врага в глубь бескрайних и пустынных земель, и объявил о своем намерении остановиться в Витебске, укрепиться здесь и ждать, когда Александр I запросит мира. «Кампания 1812 г. окончена!» — провозгласил император (44. Т. 1. С. 194).

Соратники не возражали. Но сам Наполеон с каждым днем пребывания в Витебске все больше задумывался над принятым решением и все меньше удовлетворялся им. Он понимал, как опасно затягивать войну в России, имея в тылу непокоренную, борющуюся Испанию. Между тем, если Барклай и Багратион соединятся у Смоленска, уже в пределах исконной, «святой Руси», они могут и должны, наконец, по логике событий дать ему сражение! Оно бы и кончило войну (19. С. 105).

Новое решение — идти на Смоленск — Наполеон объявил в присутствии Бертье, Мюрата, государственно-го секретаря П. Дарю, обер-гофмаршала М.-Ж. Дюрока,

генерал-адъютантов А. Коленкура и Ж. Мутона. Мюрат был «за», но все остальные высказались против наступления, приводя те же доводы, которые недавно выдвигал сам Наполеон. Наиболее решительно возражал Дарю. Восемь часов подряд он убеждал императора остановиться, подчеркивая, что дальше, за Витебском, начнется уже коренная Россия, где «Великая армия» встретит еще более враждебную среду и гораздо большее сопротивление (44. Т. 1. С. 206—212).

Наполеон выслушал все возражения, разумность которых он не мог отрицать, прекратил спор и отпустил Дарю. Несколько дней он медлил, не отдавая приказа ни об окончании, ни о продолжении кампании. Наконец, еще раз взвесив все «за» и «против», Наполеон, по своему обыкновению, выбрал самый радикальный вариант: настигнуть русских и втянуть их в сражение под Смоленском, где, как он думал, должно же было разыграть их национальное самолюбие. «Отдавая мне Смоленск, один из своих священных городов, русские генералы обесчестят свое оружие в глазах своих солдат», — говорил он с уверенностью в том, что русские не пойдут на бесчестье (19. С. 113). Жребий был брошен. 12 августа «Великая армия» покинула Витебск и опять двинулась на восток — к Смоленску.

СМОЛЕНСК

Наполеон не ошибся, рассудив, что русские сочтут защиту Смоленска делом своей чести. «Солдаты наши желали, просили боя! — вспоминал Ф.Н. Глинка. — Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим *бороды наших отцов!* Пора драться!» (11. С. 28). 1 августа М.Б. Барклай де Толли обратился к ним с приказом, в котором приветствовал их «единодушное желание» сражаться за Смоленск: «Нам

надлежит встать на защиту его и пути в столицу»⁷⁴. В тот же день 1-я армия пришла в Смоленск.

2 августа, на сутки опередив свою армию, в Смоленск, к дому военного губернатора, где остановился Барклай, прибыл во главе блестящей кавалькады П.И. Багратион. С ним были корпусные начальники 2-й армии Н.Н. Раевский и М.М. Бороздин, командиры дивизий М.С. Воронцов, И.Ф. Паскевич, И.В. Васильчиков. Барклай де Толли в парадной форме, при шпаге, сняв шляпу, «поспешил встретить Багратиона в дверях залы, выходивших на лестницу, со словами, что он сам отправлялся к нему навстречу»⁷⁵. Очевидец этой сцены Н.М. Коншин (ординарец Барклая) вспоминал, что Барклай даже «заклучил его (Багратиона. — *Н.Т.*) в объятия»⁷⁶. На следующий день Барклай написал Царю: «Отношения мои с князем Багратионом наилучшие... Я объяснился с ним относительно положения дел, и мы пришли к полному соглашению в отношении мер, которые надлежит принять» (36. 1903. № 11. С. 250).

Меры в тот момент могли быть только наступательными. 3 августа в Смоленске две главные русские армии наконец соединились (26. Т. 15. С. 14) вопреки всем стараниям Наполеона разбить их порознь. Это был выдающийся успех русского оружия. Александр I, к тому времени потерявший было надежду на такой успех, позднее напишет Барклаю, что соединение армий в Смоленске произошло «противно всякому вероятию» (20. Ч. 1. С. 475). Боевой дух обеих армий был теперь выше «всякого вероятия». В таком положении отступать за Смоленск без боя было политически невыносимо, какова бы ни была стратегическая обстановка.

Между тем русские войска получили теперь и небывалые с начала войны стратегические выгоды. Соединенные армии насчитывали 130 тыс. человек (90,5 тыс. — в 1-й, око-

ло 40 тыс. — во 2-й)⁷⁷. От своей разведки Барклай де Толли узнал, что Наполеон ведет на Смоленск не более 150 тыс. человек (З. Т. 1. С. 221), причем силы его рассредоточены: 3 августа Наполеон с гвардией был еще в Витебске, кавалерия И. Мюрата и корпус М. Нея — около Рудни, корпус Е. Богарне — у Велижа, корпуса Л.-Н. Даву и Ж.-А. Жюно⁷⁸ — в Орше, корпус Ю. Понятовского — в Могилеве. Генерал-квартирмейстер 1-й армии К.Ф. Толь спланировал наступательную операцию соединенных армий: ударить на Рудню—Витебск, прорвать центральную группировку Наполеона и, не давая разбросанным корпусам сосредоточиться, бить их по частям⁷⁹.

Барклай де Толли воспринял этот план скептически, понимая, что Наполеон хотя и действительно разбросал свои силы, но, как обычно, на расстояния, позволяющие в кратчайший срок стянуть их все (может быть, кроме войск Понятовского) в центр или к одному из флангов. Поскольку же Багратион и вел. кн. Константин Павлович поддержали план Толя, Барклай 6 августа созвал военный совет.

На совет были приглашены П.И. Багратион, начальники штабов 1-й и 2-й армий А.П. Ермолов и Э.Ф. Сен-При, генерал-квартирмейстеры К.Ф. Толь и М.С. Вистицкий, вел. кн. Константин и флигель-адъютант Л.А. Вольцоген. Все они, кроме Вольцогена, высказались за безотлагательное наступление по плану Толя. Барклай принял мнение совета, но «с условием отнюдь не отходить от Смоленска более трех переходов» (З. Т. 1. С. 13) на случай, если Наполеон попытается отрезать русские войска от Смоленска.

7 августа обе русские армии пошли в наступление. «Отдохнувшие солдаты бодро и весело, с песнями, в первый раз шли воевать не на восток, а на запад»⁸⁰. Но едва армии сделали один переход, как Барклай получил разведыватель-

ные данные о сосредоточении войск Наполеона у Поречья и решил, что Наполеон готовится обойти его справа. Поэтому Барклай выдвинул 1-ю армию к Поречью, а Багратиону предложил занять место 1-й армии на Руднинской дороге у д. Приказ-Выдра. Таким образом, русские армии фактически перешли к обороне, заняв две основные дороги от Витебска на Смоленск — через Поречье и через Рудню. На третью, окольную дорогу — через Красный — решением военного совета от 6 августа, по инициативе Барклая, был выслан наблюдательный отряд — 27-я дивизия Д.П. Неверовского (1. С. 13; 26. Т. 17. С. 158, 159)⁸¹.

Три дня, с 10 по 12 августа, русские армии простояли в ожидании противника на Пореченской и Руднинской дорогах (26. Т. 15. С. 15). Тем временем штаб Барклая установил, что сведения о концентрации французов у Поречья ошибочны и что в действительности Наполеон собирает силы у Бабиновичей. Под угрозой оказывался не правый, а левый фланг русских. Барклай решил соединить обе армии в один мощный кулак у д. Волокова на Руднинской дороге. 13 августа полки 1-й армии потянулись назад. Теперь солдаты шли уже без песен, понуро и ворчливо, не видя смысла в маневрах Барклая. По названию д. Шеломец, часто встречавшемуся в диспозиции, они прозвали эти маневры «ошеломелыми»⁸².

Недовольны были и офицеры, и генералы обеих русских армий. В те дни большое впечатление и на русских, и на французов произвела лихая атака казачьих полков атамана М.И. Платова 8 августа у д. Молево Болото против кавалерийской дивизии генерала О. Себастиани, когда казаки смяли противника, захватили 310 пленных и портфель Себастиани с важными бумагами (3. Т. 1. С. 233—234). Этот частный успех горячие головы восприняли как сигнал к

решительным атакующим действиям против Наполеона всеми силами обеих русских армий. Против Барклая де Толли вновь подняла голову оппозиция, группировавшаяся по-прежнему вокруг вел. кн. Константина Павловича.

Руднинские маневры Барклая не нашли понимания ни у современников, ни у историков. «Я первый раз в жизни не одобрял его образа действий», — признавался адъютант Барклая В.И. Левенштерн⁸³. «13-го и 14-го (августа. — *Н. Т.*) его армия, — писал о Барклае Е.В. Тарле, — бесполезно «дергалась» то в Рудню, то из Рудни» (32. Т. 7. С. 533). Л.Г. Бескровный и П.А. Жилин сочли, что вообще с 8 по 14 августа по вине Барклая «войска совершали бесплодные передвижения и теряли драгоценное время» (2. С. 308; 16. С. 149–120).

Между тем все эти «передвижения» оказались не бесполезными. Барклай, один из всех русских генералов, заподозрил скрытый смысл в продвижении Наполеона от Витебска к Смоленску. Правда, он не сразу понял, какой именно смысл. «Движение неприятеля к Днепру и на левый берег оно, коим оставляет он почти все пространство между Двиною и Днепром, — озадаченно писал он Царю 15 августа, — дает большой повод к удивлению» (30. Т. 14. Ч. 1. С. 33). Но стратегическая интуиция и осмотрительность Барклая, побуждавшие его не удаляться от Смоленска больше чем на три перехода, и выставить наблюдательный отряд к Красному, оказали на последующий ход событий важное и выгодное для России влияние.

Дело в том, что Наполеон задумал осуществить маневр, подобный тому «гениальнейшему из всех наполеоновских маневров»⁸⁴, который блестяще удался ему в 1809 г. у Абенсберга и Экмюля⁸⁵, а именно стремительным броском через Днепр у Расасны и далее по Красненской дороге к Смоленс-

ку выйти в тыл русским, взять Смоленск, отрезать Барклаю и Багратиону путь отступления в глубь России, навстречу резервам и подкреплениям, и принудить их к решительному сражению с перевернутым фронтом. Пока 1-я русская армия сосредоточивалась у Волоковой, а 2-я (без корпуса Н.Н. Раевского, который задержался в Смоленске и должен был подойти сутками позже) — у Надвы, Наполеон к утру 14 августа моментально соединил всю, казавшуюся разбросанной, центральную группировку «Великой армии» (182 608 человек⁸⁶), с фантастической быстротой переправил ее у Расасны на левый берег Днепра и бросил на Смоленск. Впереди шел И. Мюрат с тремя кавалерийскими корпусами (Э.-М. Нансути, Л.-П. Монбрена и Э. Груши) в 15 тыс. сабель. Он и наткнулся у Красного на отряд Д.П. Неверовского, имевшего 7,2 тыс. человек и 14 орудий (2. С. 309).

Мюрат первой же атакой с ходу ворвался в Красный, выбил оттуда русских на Смоленский тракт и захватил 9 из 14 их орудий. Неверовский остался фактически без артиллерии. К Мюрату же присоединились пехотные полки из корпусов М. Нея и Е. Богарне. Неверовский построил свою дивизию в два каре и стал отходить к Смоленску, атакованный, как он вспоминал об этом, «40 полками кавалерии и 7-ю — пехоты под предводительством двух королей»⁸⁷.

Самоуверенный Мюрат, опьяненный первым успехом, пренебрег советом Нея использовать подоспевшие в Красный 60 французских орудий и пытался разгромить пехоту Неверовского в конном строю, предприняв за полдня 14 августа 40 атак. Русские солдаты встречали атакующих прицельным огнем и штыками, а на предложение сдаться отвечали: «Умрем, а не сдадимся!»⁸⁸. Отразив все атаки и устлав Красненскую дорогу телами 1,5 тыс. своих героев, павших в этом бою⁸⁹, Неверовский задержал французов почти на сутки.

Подвиг дивизии Неверовского под Красным — один из самых героических эпизодов войны 1812 г. «Неверовский отступал, как лев», — уважительно засвидетельствовал Ф.-П. Сегюр (44. Т. 1. С. 234). Сам Мюрат заявил окружающим: «Никогда не видел большего мужества со стороны неприятеля» (41. Т. 4. С. 281). Все русские воины были воодушевлены подвигом 27-й дивизии. «Я помню, какими глазами мы увидели эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, — восхищался Денис Давыдов. — Каждый штык ее горел лучом бессмертия!»⁹⁰. «Примера такой храбрости, — писал в те дни П.И. Багратион Александру I, — ни в какой армии показать нельзя» (30. Т. 14. Ч. 1. С. 62).

«День 2-го (14-го по н. ст. — *Н.Т.*) августа принадлежит Неверовскому. Он внес его в историю» — это заключение П. Х. Граббе⁹¹ справедливо. Дивизия Неверовского не позволила армии Наполеона пройти к Смоленску и взять его с ходу, без боя. Барклай и Багратион, узнав в тот же день о появлении французов под Красным, оба поспешили к Смоленску. Багратион послал нарочного к Н.Н. Раевскому (корпус которого шел от Смоленска к Надве) с приказом вернуться в Смоленск и поддержать Неверовского⁹².

По счастливой случайности Раевский успел отойти от Смоленска всего на 12 км. Впереди его корпуса должна была идти 2-я гренадерская дивизия, но она задержалась сама и задержала весь корпус на 3 часа, потому что ее начальник принц К. Мекленбургский после кутежа в ночь на 14 августа «был пьян, проспался на другой день поздно и тогда только мог дать приказ о выступлении дивизии». Этот проступок, за который принца следовало бы расстрелять (если бы он не был родственником царя), неожиданно обернулся для русского оружия «важнейшею пользою» (15. С. 163). К полудню 15 августа в 6 км западнее Смоленска

корпус Раевского соединился с обескровленной дивизией Неверовского.

Теперь у Раевского стало 15 тыс. бойцов и 76 орудий. Он отступил в Смоленск под защиту его каменных стен и решил защищать город до подхода главных сил Багратиона любой ценой, хотя бы против всей «Великой армии»⁹³.

Тем временем в 17 часов 15 августа Мюрат и Ней подступили к Смоленску. Узнав, что город уже занят какими-то силами русских войск, они не рискнули атаковать его, а расположились перед ним на ночь лагерем в ожидании поддержки. Пока к французам подходили новые и новые силы, Раевский перед рассветом 16 августа получил от Багратиона записку: «Друг мой, я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы соединиться с тобою. Держись, Бог тебе помощник!»⁹⁴.

Смоленск тогда был плохо подготовлен к обороне. Правда, его опоясывала каменная стена XVI—XVII вв. длиной 6,5 км, высотой до 19 м и толщиной более 5 м, с 17 башнями⁹⁵. Но сам город за этими мощными стенами был почти сплошь деревянный, а потому уязвимый для артиллерийского огня и пожаров. Местные власти не приняли никаких мер для защиты города. «В Смоленске было величайшее смятение, — вспоминал А.П. Ермолов. — Губернатор барон Аш уехал первый, не сделав ни о чем распоряжения... Все побежало! Исчезли власти, не стало порядка!»⁹⁶.

Раевскому, прежде чем оборонять город, пришлось наводить в нем порядок. Помогали ему простые жители. Они кормили и поили солдат, укрепляли стены, а главное, шли и шли в ополчение: не менее 6 тыс. ратников приняли участие в обороне Смоленска вместе с воинами Раевского⁹⁷.

Сражение под Смоленском началось в 6 часов утра 16 августа. Маршал Ней под прикрытием артиллерийского огня

повел на приступ свою пехоту. Русские отбили первую, а затем и вторую его атаку.

К 9 часам на место сражения прибыл Наполеон. Он отложил генеральный штурм Смоленска до подхода главных сил «Великой армии», которые собрались к вечеру. Однако вечером третья (вновь неудачная) попытка овладеть городом была предпринята опять-таки силами одного корпуса Нея.

Защитники Смоленска удивлялись тому, что 16 августа, когда в городе был только корпус Раевского, Наполеон «не напирал сильно». «Несомненно, — считал И.П. Липранди, — что если бы Наполеон сделал для завладения Смоленском 4 августа (16-го по н. ст. — *Н.Т.*) то же усилие, которое он употребил 5-го (17-го), то город был бы взят» (37. Вып. 2. С. 8). Такого же мнения был и сам Раевский⁹⁸. Но, как это объяснили историки от М.И. Богдановича (3. Т. 1. С. 257) до Л.Г. Бескровного (2. С. 314), Наполеону было нужно не столько взять Смоленск, сколько втянуть из-за него русские армии в решительное сражение. Именно поэтому он, увидев с холма под Смоленском уже к концу дня 16 августа «в облаке пыли длинные черные колонны и сверкающие массы оружия» обеих русских армий, которые спешили к городу, не огорчился, а обрадовался, воскликнув: «Накопец-то, теперь они в моих руках!» (44. Т. 1. С. 240).

С рассветом 17 августа Наполеон начал губительную бомбардировку Смоленска, как бы вызывая русские армии выйти для генерального сражения под стены города. Но Барклай де Толли именно этого хотел избежать, полагая, что теперь, когда войска Наполеона сосредоточены, их численный перевес сулит им успех. Ему было важно удержать Смоленск до тех пор, пока не будет обеспечена безопасность Московской дороги для отхода русских армий к

Дорогобужу⁹⁹. Поэтому он договорился с Багратионом, что 2-я армия выйдет на Московскую дорогу и прикроет ее от возможного маневра Наполеона в обход русского левого фланга¹⁰⁰, а тем временем Барклай сменил поредевший корпус Раевского корпусом Д.С. Дохтурова и дивизией П.П. Коновницына, оставил в городе дивизию Д.П. Неверовского, затем прислал еще дивизию принца Е. Вюртембергского и следил за ходом боя, удерживая в стороне, на северной (заднепровской) окраине Смоленска, главные силы 1-й армии. Багратион же, как явствует из его донесения Царю от 17 августа, считал, что Барклай вообще «удержит Смоленск»; «а я, — писал он здесь о себе, — в случае покушения неприятеля пройти далее на Московскую дорогу, буду отражать его» (цит. по: З. Т. 1. С. 259).

Весь день 17 августа войска Дохтурова и Неверовского, Коновницына и принца Вюртембергского защищали Смоленск от такого огня и таких атак, каких его древние стены еще не знали. В середине дня Наполеон получил донесение, что 2-я армия уходит от Смоленска. Он понял, что русские и на этот раз уклонились от генерального сражения, но чтобы вновь не упустить их, надо взять Смоленск как можно скорее. С 3 часов пополудни он дал знак к общему штурму города. Ней ворвался в Красненское предместье, Понятовский — в Никольское, Даву штурмовал Молоховские ворота. К 6 часам вечера французы овладели всеми предместьями города, кроме Петербургского (29. С. 111). Казалось, Смоленск падет в считанные минуты. Но в этот день он устоял.

Все защитники города, от генералов до рядовых, были живым олицетворением воинской доблести. «Оба дня в Смоленске ходил я сам на штыки, — вспоминал генерал Д.П. Неверовский. — Бог меня спас: только тремя пулями

сюртук мой расстрелян»¹⁰¹! Героически сражались за Смоленск молодые офицеры — будущие декабристы: М.С. Лунин, М.Ф. Орлов, Ф.Н. Глинка, М.А. Фонвизин, П.Х. Граббе, А.В. Ентальцев, И.С. Повало-Швейковский¹⁰². Но главным героем смоленской обороны был *русский солдат*. Офицеры и генералы, по их собственному признанию, были «не в силах удержать порыва» своих солдат, которые бросались в штыки «без всякой команды» (37. Вып. 2. С. 11), понимая, что они «заслоняли тут собой *порог* Москвы — в Россию *двери*» (11. С. 287).

Ожесточение смоленского боя сами его участники называли «невыразимым» (37. Вып. 2. С. 15—16). Именно после Смоленска 13-й бюллетень «Великой армии» засвидетельствовал: «Никогда французская армия не выказывала большей отваги, чем в этой кампании» (38. С. 64). «Французы, — писал об их атаках 17 августа Ф.Н. Глинка, — в бешеном иступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы...» (11. С. 149). Но кончилось тем, что к концу дня русские выбили их из всех предместий.

Досадуя на неудачу общего штурма, Наполеон приказал открыть огонь по городу из 300 орудий. «Тучи бомб, гранат и чиненых ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви, — вспоминал Ф.Н. Глинка, — все, что может гореть, запылало» (Там же). Оборонять пылающий город было и опасно, и уже нецелесообразно, поскольку 2-я армия вышла на Московскую дорогу. В ночь на 18 августа Барклай де Толли приказал Дохтурову оставить Смоленск.

Весь высший генералитет 1-й армии был против отступления и попытался воздействовать на Барклая, чтобы он защищал город, несмотря ни на что. «Граф Кутайсов... любимый всеми и главнокомандующим, на дар слова которого надеялись, принял на себя передать ему желания и надеж-

ды первых лиц армии, — читаем в записках П.Х. Граббе. — Барклай де Толли выслушал его внимательно и с кроткою ласкою отвечал ему: «Пусть каждый делает свое дело, а я сделаю свое»¹⁰³.

В 4 часа утра 18 августа маршал Даву вступил в город, напоминавший собою, по свидетельству самих французов, «извержение Везувия», «огромный костер, покрытый трупами и ранеными», «пылающий ад» (35. Т. 1. С. 92, 104; 38. С. 63). Смоленск горел так, что в нем из 2250 жилых домов уцелело не более 350¹⁰⁴, а почти все его 15 тыс. жителей ушли вместе с армией — не осталось и одной тысячи (32. Т. 7. С. 540). Захватив горящий и обезлюдевший город, французы бросились его грабить, причем Наполеон, вопреки своему обыкновению, смотрел на это сквозь пальцы. «Трудно было избавить от грабежа город, взятый, можно сказать, на копье и брошенный жителями» — так пытался он оправдать разграбление Смоленска (17. С. 308)¹⁰⁵.

Сражение под Смоленском — второе по масштабам за весь 1812 г. после Бородина — стоило обеим сторонам тяжелых потерь: французам — в основном от бесплодных атак, русским — от артиллерийских бомбардировок, пожаров и разрушений. Русские потери в отечественной литературе исчисляются по-разному — от 4 до 10 тыс. человек, не более (2. С. 317; 6. Ч. 1. С. 226; 16. С. 123; 24. Т. 2. С. 121). Между тем В.И. Вяликов в 1947 г. по данным полковых ведомостей 1812 г. подсчитал, что русские потеряли под Смоленском 11 620 человек¹⁰⁶, а С.В. Шведов, спустя 40 лет, уточнил эти подсчеты: 15,8 тыс.¹⁰⁷. Кстати, французы называют близкие к этому цифры русских потерь — от 12 до 13 тыс. человек (35. Т. 1 С. 95)¹⁰⁸.

Потери французов почти все русские и советские историки определяют в 20 тыс. человек (2. С. 317; 16. С. 723)¹⁰⁹,

заимствовав эту цифру у Д.П. Бутурлина (6. Ч. 1. С. 226), который, однако, ни на чем ее не основывал, вызвав удивление А. Тьера)¹¹⁰. Французские источники большей частью называют 6—7 тыс. (44. Т. 1. С. 264)¹¹¹, П. Денье и Ж. Шамбре — 12 тыс. (39. Т. 1. С. 330; 40. С. 52). Ф.В. Ростопчин по документам, захваченным у французов, насчитал 14 041 человека¹¹².

Заключительным аккордом Смоленского сражения стал бой у Лубино (или при Валутиной Горе) 19 августа. Наполеон рассчитал, что в 15 км за Смоленском, где скрещивались у д. Лубино дороги на Москву и Петербург, он сможет упредить армию Барклая и отрезать ее от 2-й армии. Именно сюда он еще до начала Смоленской битвы послал в обход Смоленска 8-й корпус генерала Ж.-А. Жюно (44. Т. 1. С. 272—273). Тем временем 3-й корпус маршала М. Нея преследовал арьергард Барклая по Московской дороге. У д. Валутина Гора его надолго (с 10 до 15 часов) задержал 3-тысячный отряд генерала П.А. Тучкова, прикрывавший отход колонн 1-й армии к Лубино. Около 16 часов Тучков вынужден был отступить за р. Строгань и лично доложил Барклаю, находившемуся в последней колонне, что больше не может сдержать натиск противника. Барклай отослал его назад, к месту боя со словами: «Если вы вернетесь живым, я прикажу вас расстрелять!»¹¹³.

Бой на пути к Лубино возобновился. Барклай прислал на помощь Тучкову пехотную дивизию П.П. Коновницына, конный корпус В.В. Орлова-Денисова и сам какое-то время наблюдал за ходом боя. Ней по-прежнему имел численный перевес. К нему присоединилась лучшая дивизия 1-го корпуса под командованием гр. Ш.-Э. Гюдена, генерала столь выдающегося, что он, по словам Наполеона, «давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти

жезлы всем, кто их заслуживал» (17. С. 319). Бой при Лубино был одним из самых кровопролитных за всю войну. Здесь отличился и получил Георгиевский крест будущий декабрист поручик П.Х. Граббе. Штабс-капитана А.С. Фигнера (знаменитого впоследствии партизана) Барклай де Толли прямо на поле боя произвел в капитаны (29. С. 122–123). Гр. Гюден в этом бою был убит, а генерал Тучков тяжело ранен и взят в плен.

Между тем, по расчетам Наполеона, корпус Жюно должен был выйти к скрещению дорог у Лубино раньше главных сил Барклая. Однако Жюно не спешил. Мюрат, кавалерия которого была далеко позади, лично примчался к Жюно и в резких выражениях торопил его. Жюно, не доверявший, как и Ж.-Э. Макдональд, своим войскам, обиделся: «ему дали Вестфальский корпус, толпу солдат-свинопасов, розовых, как ветчинные окорока, и таких же жирных, и уверяют, будто зажирел он сам»¹¹⁴. «Ты обижаешься, — говорил ему Мюрат, — что ты не маршал. Вот прекрасный случай. Воспользуйся им! Ты наверняка получишь жезл» (19. С. 116)¹¹⁵. Но когда Жюно наконец вышел к Лубино на Московскую дорогу, было уже поздно: Барклай ушел.

Наполеон разгневался на Жюно не меньше, чем ранее на Жерома (короля именно этих вестфальцев). «Жюно упустил русских. Из-за него я теряю кампанию!» — негодовал император (19. С. 116). Он хотел сместить Жюно и назначил было на его место Ж. Раппа¹¹⁶, но давняя привязанность к соратнику с 1793 г. побудила его смягчить удар. Он только сделал Жюно гневный выговор через Мюрата, который еще добавил от себя: «Вы недостойны быть в армии Наполеона последним драгуном!» (32. Т. 7. С. 543–544). Все это надломило и карьеру, и жизнь генерала Жюно: через несколько месяцев он сошел с ума и вскоре покончил с собой, так и не

став маршалом, хотя наши историки и романисты дружно величают его таковым (12. С. 309; 16. С. 253; 34. С. 115)¹¹⁷.

Бой при Лубино закончился таким же, как и под Смоленском, планомерным отступлением Барклая де Толли и еще раз показал, с одной стороны, исключительную стойкость русских войск, а с другой — недостаточную оперативность разноплеменного воинства захватчиков. «В их (русских. — *Н.Т.*) поражении было почти столько же славы, сколько в нашей победе», — признавал Ф.-П. Сегюр (44. Т. 1. С. 270). После сомнительной победы в Смоленске Наполеон болезненно воспринял тяжелые потери французов при Лубино (8—9 тыс. человек против 6 тыс. русских¹¹⁸), смерть Ш.-Э. Гюдена и, главное, неудачу очередной попытки отрезать и разгромить хотя бы одну русскую армию. Вновь и еще более озабоченно, чем в Витебске, он стал обдумывать результаты и перспективы кампании.

Бытующий в нашей литературе вывод о том, что к Смоленску «результат стратегических замыслов Наполеона оказался равным нулю» (16. С. 116)¹¹⁹, принять нельзя. Наполеон занял огромную территорию (больше полудесятка губерний), проник в глубь России на 600 км, создал угрозу обеим ее столицам. За Смоленском русские войска до самой Москвы не имели больше опорного пункта. «Ключ к Москве взят» — так оценил падение Смоленска М.И. Кутузов¹²⁰. Однако Наполеон понимал, что «была побеждена только местность, но не люди» (44. Т. 1. С. 195). Главное, к чему он стремился и что должно было, по его расчетам, быстро кончить войну (т. е. разгром вооруженных сил противника), ему в Смоленске не удалось, как не удавалось ранее ни в Вильно, ни в Витебске. Призрак решающей победы, второго Аустерлица, за которым Наполеон тщетно гнался от самой границы, и на этот раз ускользнул от него.

Стратегия Барклая де Толли приводила к тому, что война затягивалась, а этого Наполеон боялся больше всего. Растягивались его коммуникации, росли потери в боях, от дезертирства, болезней и мародерства, отставали обозы, а возможность использовать местные ресурсы сводилась к минимуму, почти к нулю, сопротивлением народа, возмущавшим с тех пор, как французы вступили в коренную Россию, буквально день ото дня.

Наполеон начал опасаться, что ему «предстояла новая Испания, но Испания без границ...» (17. С. 308). Между тем не только его собственный, но и русский штаб «по удостоверению пленных» знал, что силы «Великой армии» уже «крайне изнурены и повсеместно нуждаются в продовольствии»¹²¹.

В таком положении Наполеон обсудил с ближайшими соратниками кардинальный вопрос: идти на Москву или остановиться? На этот раз и сорвиголова Мюрат был против дальнейшего наступления. Он даже бросился на колени перед Наполеоном со словами: «Москва нас погубит!» (44. Т. 1. С. 245—246). Наполеон решился закончить «первую русскую кампанию» в Смоленске. «Мы отдохнем, опираясь на этот пункт, — объяснил он свой план, — организуем страну и тогда посмотрим, каково будет Александру... Я поставлю под ружье Польшу, а потом решу, если будет нужно, идти ли на Москву или на Петербург» (19. С. 113).

Шесть дней размышлял Наполеон в Смоленске и вынужден был оставить этот план. Выяснилось, что зимовать в Смоленске нельзя, так как прокормиться за счет местных ресурсов армия не могла, а подвоз продовольствия из Европы сулил чрезмерные расходы и трудности. Тут приходилось думать о прекращении уже не одной кампании, а войны вообще.

Именно в Смоленске Наполеон впервые попытался вступить с Александром I в переговоры о мире через пленного генерала П.А. Тучкова. «Мы уже довольно сожгли порохову, и довольно пролито крови, и когда-нибудь надобно же кончить», — заявил он своему пленнику¹²². Предлагая «заключить мир», он угрожал на случай отказа: Москва непременно будет занята, а это обесчестит русских, ибо «занятая неприятелем столица похожа на девку, потерявшую честь. Что хочешь после делай, но чести возвратить уже невозможно»¹²³. Александр I на это предложение (как и на все последующие) ничего не ответил.

В ночь с 24 на 25 августа Наполеон неожиданно для своих маршалов приказал выступать из Смоленска на Москву, в погоню за русскими армиями. Может быть, таким образом он хотел подтолкнуть Александра I к согласию на мирные переговоры, тем более что П.А. Тучков выразил сомнение в том, что Царь согласится на это. Идти вперед побуждали Наполеона и утешительные известия с флангов: на юге К.Ф. Шварценберг и Ж.-Л. Ренье по крайней мере сковали действия А.П. Тормасова и Ф.Ф. Эртеля (П.В. Чичагов вообще пока о себе не заявлял), а на севере один из лучших генералов «Великой армии», Л.-Г. Сен-Сир, присоединивший к своему 6-му корпусу 2-й корпус маршала Н.-Ш. Удино, накануне раненного, в двухдневном сражении, 17–18 августа, у Полоцка взял верх над корпусом П.Х. Витгенштейна и отбросил его за р. Дриссу с большими потерями (5,5 тыс. человек), сам потеряв при этом 3 тыс.¹²⁴ Правда, развить свой успех Сен-Сир не сумел, но инициативу у Витгенштейна он вырвал. Довольный Наполеон 27 августа произвел Сен-Сира в маршалы¹²⁵.

Главное же, что заставило Наполеона вновь, как и в Витебске, отвергнуть собственный план двух русских кам-

паний и наступать без остановки дальше, к Москве, — это его уверенность в том, что если русские сражались так отчаянно за Смоленск, то ради Москвы они обязательно пойдут на генеральное сражение и тем самым предоставят ему возможность кончить войну славной, как Аустерлиц или Фридланд, победой. «Мы, — вспоминал А. Коленкур, — все еще гнались за славой или, вернее, за роком, который упорно мешал императору следовать своим собственным здравым намерениям и мудрым планам» (19. С. 118).

ОТ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА

Русские армии отступали от Смоленска с тяжелым чувством. «Наши солдаты очень приуныли, — свидетельствовал очевидец. — Шли, повесив головы... Каждый шел и думал: что-то будет?» (29. С. 125, 128). Они и раньше рвались в бой, не желая отдавать врагу ни Литву, ни Белоруссию, ибо и белорусские, и литовские земли были неотделимой частью единой Российской державы. Теперь же, когда они шли по исконно русской земле, уступая ее шаг за шагом тому же врагу, уклоняться от боя было еще мучительнее. Оставление Смоленска ранило их национальное самолюбие, тем более что именно в Смоленске, как нигде, они доказали свою способность противоборствовать врагу и защитить от него Родину. «Все в один голос роптали: «Когда бы нас разбили — другое дело, а то даром отдают Россию»», — вспоминал другой очевидец¹²⁶. Все — от высших генералов до «нижних чинов» — были недовольны и вымещали свое недовольство на Барклае де Толли, которого считали виноватым во всем, и прежде всего в том, что он сдал Смоленск, а теперь отдает врагу город за городом («даром»!), Россию; «на него наклепывали измену»¹²⁷.

П.И. Багратион после соединения армий примирился

было с Барклаем и добровольно подчинился ему как военному министру (30. Т. 14. Ч. 1. С. 48), сохранив за собой командование 2-й армией (его называли «2-м главнокомандующим»). Теперь же, после Смоленска, он обрушился на Барклая с критикой, еще более резкой, чем ранее. В письмах к А.П. Ермолову, Ф.В. Ростопчину, А.А. Аракчееву (явно для Царя) он обвинял Барклая в падении Смоленска («...Подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию»: 14. С. 96) и, главное, в гибельной для России бездарности («...Генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества»: 26. Т. 16. С. 225–226). Осудив Барклая как главнокомандующего, Багратион противопоставлял ему себя: «Ежели бы я один командовал обеими армиями, пусть меня расстреляют, если я его (Наполеона. — *Н.Т.*) в пух не расчешу» (14. С. 96).

Багратион совершенно искренне (ему казалось, в интересах дела и отечества) стремился «открыть глаза» на Барклая царскому окружению, но не бесчестил «1-го главнокомандующего» в глазах подчиненных и с самим Барклаем держался корректно, если не считать их ссоры в Гавриках, когда даже невозмутимый Барклай отвечал на выпады пылкого Багратиона отнюдь не деликатно, а Ермолов сторожил у дверей и спрашивал «всех, кто близко подходил, со словами: «Главномандующие очень заняты и совещаются между собою»¹²⁸. Зато лица из императорской Главной квартиры во главе с вел. кн. Константином Павловичем изводили Барклая интригами и сплетнями, намеренно мешали ему, пытались его дискредитировать. Великий князь мог подъехать к фронту солдат и «утешать» их такими словами: «Что делать, друзья! Мы не виноваты... Не русская кровь течет в том, кто нами командует!»¹²⁹. Вско-

ре после Смоленска, в Дорогобуже, Константин Павлович при адъютантах (своем и Барклая) заявил главнокомандующему в лицо: «Немец... изменник, подлец, ты предаешь Россию!...»¹³⁰.

Против Барклая были настроены фактически все генералы как 1-й, так и 2-й армий, и среди них — Д.С. Дохтуров (считавший Барклая «глупым и мерзким человеком»¹³¹), Л.А. Беннигсен, Н.Н. Раевский, А.П. Ермолов, М.И. Платов (будто бы объявивший Барклаю после Смоленска, что не наденет больше русский мундир, «потому что он сделался позорным»¹³²), а что касается офицеров, то они вслед за своими генералами исподтишка бранили главнокомандующего и высмеивали его в каламбурах, эпиграммах, песнях, вроде следующей, которую они сочинили и распевали... по-французски: «*Les ennemis s'avancent a grand pas. Adieu, Smolensk et la Russie! Barclay évite les combats et tourne ses pas en Sibérie*»¹³³ (Враги очень быстро идут. Прощайте, Смоленск и Россия! Барклай не вступает в борьбу и шествует прямо в Сибирь).

Тяжелее всего для Барклая было знать, что не имел к нему «доверенности» (по выражению Ермолова из его письма к Царю от 21 августа¹³⁴) русский солдат, которого он, Барклай, искренне считал лучшим в мире. Давно переименовавшие фамилию Барклая де Толли в «Болтай-да-и-только»¹³⁵, солдаты после Смоленска рассудили, что «он, немец, подкуплен Бонапартом и изменяет России»¹³⁶. «Под Дорогобужем, когда главнокомандующий в темноте проезжал с небольшой свитой мимо полков, которые шли по большой дороге, из толпы солдат раздался голос: «Смотрите, смотрите, вот едет изменщик!»»¹³⁷. Отношение солдат к Барклаю как к «изменщику» было стихийно устойчивым, поскольку все «видели» неопровержимые «доказательства» его измены: Барклай «отдает Россию», а сам он «немец», значит —

«изменщик». Один из ветеранов 1812 г. много лет спустя на вопрос, за что в русской армии не любили Барклая, так и ответил бесхитростно: «Во-первых, за то, что в 12-м году назывался он Барклаем де Толли, а не Кутузовым или Багратионом»¹³⁸.

Зловещая молва о Барклае расползалась не только в армии, но и в обществе по всей России. «Не можешь вообразить, — писала 27 августа из Тамбова в Петербург М.А. Волкова, — как все и везде презирают Барклая»¹³⁹. Царский двор третировал Барклая с досады на то, что он так быстро продвигался по службе, «не имея никакой опоры в близких к престолу лицах»¹⁴⁰, Аракчеев его ненавидел¹⁴¹, а сам Царь, хотя и доверял Барклаю, тоже был недоволен его «отступательными движениями» («...С прискорбностью должен был видеть, что сии движения продолжались до Смоленска») и требовал наступать («Я с нетерпением ожидаю известий о ваших наступательных движениях»)¹⁴². Понимали и поддерживали стратегию Барклая лишь единицы, главным образом из числа офицеров (среди них были прославленные партизаны Денис Давыдов и Александр Сеславин, будущие декабристы Ф.Н. Глинка, А.Н. Муравьев, П.Х. Граббе, М.А. Фонвизин), которые, однако, не могли противостоять слишком широкой оппозиции.

Первым оценил трагизм положения Барклая де Толли в 1812 г. А.С. Пушкин, уже после смерти Барклая низко поклонившийся его тени в гениальном стихотворении «Полководец» (28. Т. 2. С. 272)¹⁴³:

*О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой...
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.*

Три четверти века спустя профессор Академии Генштаба А.Н. Витмер вновь привлек внимание современников к тому, что должен был пережить в 1812 г. Барклай, «зная, что ни один человек из всей 100-тысячной армии ему не сочувствует, что почти все, за редкими исключениями, считают его преступником, изменником». «Я, по крайней мере, — заключал А.Н. Витмер, — не знаю положения более трагического, более достойного пера Шекспира»¹⁴⁴.

В самом деле, что давало Барклаю силы неуклонно, вопреки всем и вся, осуществлять свой стратегический план? Прежде всего уверенность в собственной правоте. Он лучше, чем кто-либо до назначения главнокомандующим М.И. Кутузова, понимал, что отступление в глубь страны, пока враг сохраняет большой перевес в силах, спасительно для русской армии и России. Его «скифская» стратегия позволила сорвать первоначальные замыслы Наполеона, сохранить живую силу русской армии в самое трудное для нее время и тем самым предрешила благоприятный для России исход войны. Поэтому такой знаток «грозы двенадцатого года», как В.В. Верещагин, полагал, что Барклай де Толли — «истинный спаситель России»¹⁴⁵, хотя, конечно, дело не столько в Барклае (или в Кутузове), сколько в совокупности сил армии и народа, мобилизацию которых начал Барклай, а продолжил и завершил Кутузов. Во всяком случае Барклай де Толли, уезжая из армии (уже после оставления Москвы), имел основания заявить: «Я ввез экипаж на гору, а вниз он скатится сам при малом руководстве»¹⁴⁶.

Распространенные в нашей литературе, суждения о том, что Барклай де Толли «не понимал сущности условий войны 1812 г.», а потому мог только отступать и отступать чуть ли не «на авось», даже не планируя контрнаступления, не организуя ни народной войны («созерцал всенародную

войну в роли наблюдателя»), ни партизанских действий, ибо, мол, все это «оказалось по силам» только Кутузову (16. С. 254; 20. Ч. 1. С. IX)¹⁴⁷, — такие суждения кричаще противоречат фактам. Именно Барклай первым, еще до начала августа, призвал «россиян, в местах, французами занятых, обитающих», а затем и «обывателей всех близких к неприятелю мест» к народной войне с захватчиками (26. Т. 17. С. 158). В те же дни он предписал М.И. Платову внушать жителям повсеместно, что «теперь дело идет об отечестве... о собственном имени, о спасении жен и детей» (Там же. С. 155—156). Особо с призывом развернуть вооруженную борьбу против вражеского нашествия Барклай обратился к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губерний¹⁴⁸. Текст этого обращения, по 220 экземпляров которого получил каждый из трех губернаторов, читался повсюду в церквах¹⁴⁹.

2 августа в Смоленске Барклай де Толли выделил под командование генерал-майора Ф.Ф. Винценгероде один драгунский и 4 казачьих полка с заданием действовать на коммуникациях противника (26. Т. 17. С. 155, 157). Это и был первый в России 1812 г. армейский партизанский отряд. Деятельность его подробно описана двумя офицерами отряда, жизненные пути которых после 1812 г. диаметрально разошлись, — декабристом С.Г. Волконским и шефом жандармов А.Х. Бенкендорфом¹⁵⁰. Документы Барклая, Волконского, Бенкендорфа и самого Винценгероде опубликованы еще в начале XX в., но советские историки, как правило, вопреки им продолжали утверждать, будто «самый первый армейский партизанский отряд» был создан Кутузовым под командованием Дениса Давыдова (2. С. 479; 16. С. 254)¹⁵¹, т. е. 3 сентября 1812 г.

Десятки документов, включая распоряжения, запросы,

рапорты самого Барклая де Толли свидетельствуют, что Барклай, отступая перед превосходящими силами врага, планировал и готовил контрнаступление. Понимая, что «надобно вести войну общими движениями не на одном пространстве, где находятся 1-я и 2-я армии, но на всем театре войны» (26. Т. 17. С. 179), он старался мобилизовать резервы и активизировать действия фланговых группировок. Еще 24 июля Барклай убеждал Царя: «Безопасность государства требует... сильных резервов, формирование которых должно вестись со всевозможною деятельностью» (36. 1903. № 11. С. 242—243). В августе он неоднократно просил Царя направить к нему резервный корпус М.А. Милорадовича (Там же. С. 257); ускорить набор еще одного резервного корпуса, «который мог бы служить подкреплением и опорой на Московской дороге» (Там же. С. 259); подкрепить корпус П.Х. Витгенштейна «резервными войсками, в Твери находящимися»¹³². Ф.В. Ростопчина он побуждал «спешить приготовлением сколь можно скорее московской военной силы» (14. С. 89), а военное министерство обязывал максимально задействовать ополчения и рекрутские депо. Когда М.И. Кутузов, став главнокомандующим, затребовал у кн. Ал. И. Горчакова, управлявшего военным министерством, сведения о войсках, формирующихся внутри империи, и о рекрутских депо, тот ответил: «...подробнейшее по сим предметам сведение есть у г. военного министра, ибо многие по сей части распоряжения делаемы были прямо от него...» (20. Ч. 1. С. 80).

Отступая и готовясь к контрнаступлению, Барклай де Толли верил в скорую победу России. По словам его адъютанта В.И. Левенштерна, которому поручалось писать от имени главнокомандующего Царю, Барклай с первых дней войны «успокаивал Государя» и «ручался головою

(в июне месяце), что к ноябрю французские войска будут вынуждены покинуть Россию более поспешно, нежели вступили туда»¹⁵³. Вскоре после Смоленска, получив в Дорогобуже подкрепление из 10 тыс. смоленских ратников¹⁵⁴ и узнав, что Милорадович уже ведет к нему еще 15 тыс., Барклай стал готовиться к генеральному сражению. Он знал «по расспросам от пленных», что французов уже «немного больше», чем русских (20. Ч. 1. С. 88). Наполеон 25 августа имел в центральной группе 155 675 человек (39. Т. 2. С. 18–19), а обе русские армии, по данным на 29 августа, — 100 453 человека, не считая 10 тыс. ополченцев и больше 11 тыс. казаков¹⁵⁵, т. е. всего 121,5 тыс.

Уже 24 августа Барклай вместе с Багратионом обследовал позицию у Дорогобужа, рекомендованную К.Ф. Толем, но счел ее невыгодной и к 29 августа отвел войска на другую позицию — у с. Царево-Займище, где и решил дать сражение, тем более что 30-го прибыл Милорадович во главе 15,5 тыс. бойцов (20. Ч. 1. С. 94). Позднее Барклай напишет об этом Царю: «Когда я почти довел до конца... [свой] план и был готов дать решительное сражение, князь Кутузов принял командование армией» (36. 1904. № 1. С. 238).

*И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко... —*

так писал о Барклае А.С. Пушкин (28. Т. 2. С. 272).

Более того, еще до прибытия в Царево-Займище Барклай успел разбить оппозицию вельмож Главной квартиры. Он выпроводил из армии нескольких царских флигель-адъютантов и принца Августа Ольденбургского, затем Л.Л. Беннигсена, а «по зрелом размышлении решил одним ударом

отрубить голову гидре и удалить великого князя Константина»¹⁵⁶. Через два-три часа после скандальной сцены, которую великий князь устроил ему в Дорогобуже, Барклай приказал вручить брату Царя конверт с предписанием «немедленно отправиться в С.-Петербург, о чем он имел счастье донести Государю Императору»¹⁵⁷. Командовать 5-м корпусом Барклай назначил генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова. После этого военно-придворная оппозиция притихла.

Однако боевые генералы и офицеры, потерявшие всякое доверие к Барклаю, не хотели мириться с ним. Еще более непримиримо была настроена солдатская масса, которая отнюдь не утешалась тем, что по приказу Барклая перед ней «были заранее свозимы с дороги» верстовые столбы — указатели числа верст до Москвы¹⁵⁸. Всеобщее раздражение против Барклая поддерживал своим авторитетом Багратион. В таких условиях, когда армия фактически стала единой, а командующих оставалось двое, распря между Багратионом и Барклаем как нельзя лучше иллюстрировала парадокс Наполеона: «Один плохой главнокомандующий лучше, чем два хороших» (43. Т. 1. С. 279). Перед армией и страной остро встал вопрос о едином главнокомандующем.

Дело не в том, что Барклаю де Толли, как полагает часть историков, «дальнейшее стратегическое руководство войной было не под силу» (34. С. 6). Мы видели, что под силу. Дело вообще было не в самом Барклае, а в отношении к нему, в отсутствии доверия к его личности и к «чуждому звуку» его имени. Нужен был главнокомандующий, облеченный доверием нации, и притом с русским именем, ибо, как заявил Царю управляющий военным министерством кн. Ал. И. Горчаков, «в отечественную войну приличнее быть настоящему русскому главнокомандующим»¹⁵⁹.

Дворянские круги обеих столиц в один голос называли Михаила Илларионовича Кутузова. Еще 28 июля «московское благородное дворянство» избрало его начальником Московского ополчения, но не успел Кутузов узнать об этом, как его избрало (29 июля) начальником своего ополчения «петербургское благородное дворянство». Царь, по его признанию, сам видел, что в Петербурге «решительно все» за назначение Кутузова главнокомандующим, а Ф.В. Ростопчин 17 августа сообщил ему, что и «вся Москва желает, чтобы командовал Кутузов»¹⁶⁰. Разумеется, под всеми и Ростопчин и Царь понимали «благородных дворян», а не крепостной люд, не народ, хотя иные историки и утверждают, будто Кутузов был назначен главнокомандующим «по требованию народа» (16. С. 137)¹⁶¹. Сам Александр I после Аустерлица питал неприязнь к Кутузову за то, что тот не уберег тогда своего Государя от конфуза перед отечеством и Европой. Однако мнение господствующего класса Царь должен был учитывать. Поэтому он доверил выбор кандидата на пост главнокомандующего чрезвычайному комитету «из важнейших сановников империи» (20, Ч. 1. С. 475).

В комитет вошли председатель Государственного совета генерал-фельдмаршал гр. Н.И. Салтыков, члены Государственного совета кн. П.В. Лопухин и гр. В.П. Кочубей, петербургский генерал-губернатор С.К. Вязмитинов и министр полиции А.Д. Балашов. Председателем комитета был назначен Салтыков. В его доме 17 августа с 19 до 22 с половиной часов (как раз в те часы, когда Барклай де Толли принимал решение оставить Смоленск) комитет провел свое первое и последнее историческое заседание. Как *alter ego* Царя в заседании принял участие А.А. Аракчеев. Именно по его докладу было вынесено решение, которое Аракчеев и подписал вместе с членами комитета (Там же. С. 71–73)¹⁶².

Перед Чрезвычайным комитетом, как и перед Царем, стоял трудный выбор. Все было бы проще, если бы не скоропостижная смерть в мае 1811 г. графа Н.М. Каменского, который, по мнению компетентных современников, «непременно был бы назначен» (будь он жив) главнокомандующим в 1812 г.¹⁶³ Герой 1812 г., ближайший соратник Кутузова П.П. Коновницын считал, что если бы жив был и граф Ф.Ф. Буксгевден (умерший в августе 1811 г.), «то, вероятно, ему, а не Кутузову, поручено было бы предводительствовать армиями в Отечественную войну»¹⁶⁴. Теперь же в дворянских кругах Петербурга и Москвы говорили о Кутузове как о возможном «избавителе»¹⁶⁵. Вельможи Чрезвычайного комитета и сам Царь оказывались в затруднении. Они видели, что повторяется ситуация 1806 г. с назначением на пост главнокомандующего фельдмаршала М.Ф. Каменского. Современники свидетельствовали, что «в 1806 г. общий голос в пользу графа Каменского, тогда 69-летнего (правильно: 68-летнего. — *Н.Т.*) старца, был почти столь же единодушен, как в двенадцатом году в пользу Кутузова»¹⁶⁶. Александр I Каменского не любил и не ценил, но, уступив общественному мнению, назначил его главнокомандующим, что обернулось конфузом для фельдмаршала, Царя и России. Теперь та же «публика» требовала назначить Кутузова, 67-летнего старца (как и Каменский, «екатерининского орла»), не любимого и должным образом не ценимого Императором.

«Комитет начал с имен Беннигсена, Багратиона, Тормасова и бывшего уже в отставке Палена», — вспоминал государственный секретарь А.С. Шишков, осведомленный о подробностях работы комитета¹⁶⁷.

Заметим, что двое из этой четверки кандидатов в «избавители» России (первый и последний) были убийцами рос-

сийского Императора Павла I. Возможно, рассматривалась и кандидатура Д.С. Дохтурова (16. С. 135)¹⁶⁸. Непонятно, на каком основании В.Г. Сироткин добавляет к ним Ф.В. Ростопчина¹⁶⁹, который вообще никогда, ни на какой войне не командовал войсками. Поскольку для главнокомандующего в первую очередь требовалось старшинство в чине, речь шла только о «полных» генералах. Поэтому даже не обсуждалась кандидатура генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна, хотя он, как «спаситель Петрополя» (еще не проигравший Л.-Г. Сен-Сиру бой при Полоцке), котиrowался тогда «выше всех генералов, которым вверены были армии» (24. Т. 1. С. 425)¹⁷⁰. С другой стороны, заведомо отпадали кандидатуры фельдмаршалов. Их тогда в России было двое, и ни один из них уже не мог командовать войсками: 76-летний Н.И. Салтыков председательствовал в разных советах, а 70-летний И.В. Гудович был уже в отставке.

«Имя Кутузова было произнесено последнее, — свидетельствовал придворный историк эпохи, — но зато, как только его выговорили, прекратились прения» (24. Т. 2. С. 183). Как самый старший по возрасту и по службе из всех «полных» генералов, «сей остальной из стаи славной екатерининских орлов» (28. Т. 2. С. 204), сподвижник П.А. Румянцева и А.В. Суворова, исконно русский барин, род которого уходил корнями в XIII в., Кутузов имел очевидное преимущество перед другими кандидатами в главнокомандующие. Было ему тогда уже 67 лет (и жить оставалось всего 8 месяцев). Его боевой опыт исчислялся в полвека. Генералом он стал в 1784 г., раньше, чем Наполеон — лейтенантом. Много раз смерть смотрела ему в глаза. В молодости ему дважды прострелили голову, но оба раза он, к удивлению русских и европейских медиков, выжил. Его правый глаз выбила турецкая пуля в битве под Алуштой, когда ему было 28 лет.

После этого Кутузов отличился не в одном десятке походов, осад, сражений, штурмов, особенно в знаменитом штурме Измаила 22 декабря 1790 г. «Он шел у меня на левом крыле, — написал тогда о Кутузове Суворов, — но был моей правой рукой»¹⁷¹. К 1812 г. Кутузов прочно зарекомендовал себя как мудрый стратег и блистательный дипломат («Хитер, хитер! Умен, умен! Никто его не обманет», — говорил о нем Суворов: 32. Т. 7. С. 555), а воспоминания о давней катастрофе под Аустерлицем компенсировались впечатлениями от его недавних побед под Рущуком и Слободзеей. «Грандам» чрезвычайного комитета должна была импонировать и феодальная состоятельность Кутузова в отличие от худородного Барклая, который даже не имел крепостных крестьян.

Возможно, сказались в какой-то степени и масонские связи Кутузова с членами комитета, хотя категорические утверждения историков масонства, будто «не подлежит сомнению, что сила сплоченного масонского братства способствовала назначению Кутузова предводителем наших вооруженных сил»¹⁷², — такие утверждения не доказаны. А.Г. Тартаковский был прав, полагая, что они «нуждаются в тщательной проверке»¹⁷³.

Зато, по обоснованному мнению В.М. Безотосного, важную роль сыграл здесь синдром «титуляризации». Указ Александра I 20 июля 1812 г. о пожаловании Кутузову княжеского достоинства с присвоением ему титула светлости в известной мере предопределил выбор Чрезвычайного комитета. «Новый главнокомандующий, помимо того, что он был самым старшим из всех дееспособных полных генералов империи, единственный имел титул светлейшего князя. Его титулование не только отличало из всех генералов, но и усиливало старшинство»¹⁷⁴.

Что касается личной антипатии Царя, то комитет не усмотрел в ней серьезного препятствия, тем более что Аракчеев поддержал кандидатуру Кутузова. Действительно, Александр I, ознакомившись с решением комитета, 20 августа назначил Кутузова главнокомандующим, хотя и скрепя сердце. «Я не мог поступить иначе, — объяснил он сестре Екатерине Павловне, — как выбрать из трех генералов, одинаково мало способных быть главнокомандующими (Царь имел в виду Барклая де Толли, Багратиона и Кутузова. — *Н.Т.*), того, на которого указывал общий голос»¹⁷⁵. Своему генерал-адъютанту Е.Ф. Комаровскому Царь сказал еще откровеннее: «Публика желала его назначения, я его назначил. Что же касается меня, то я умываю руки...»¹⁷⁶.

Не эти ли слова Александра I послужили основанием для бытующей у нас версии о конфликте Кутузова с царизмом? «...Конфликт между Кутузовым и царским правительством, — пишет П.А. Жилин, — возник еще при Екатерине II. Наибольшую остроту он приобрел в царствование Павла I... и достиг своего предела при Александре I» (16. С. 33). Нет, однако, ни одного факта, удостоверяющего хотя бы только видимость конфликта между Кутузовым и царским правительством. Напротив, многочисленные факты говорят, что Кутузов (не в пример тому же Барклаю или Суворову) был столь же удачливым, «первенствующим», сколь и даровитым, «величайшим» царедворцем. Так судили о нем очень разные, но близко знавшие его люди: А.А. Безбородко и М.А. Милорадович, А.И. Михайловский-Данилевский и А.Ф. Ланжерон, А.С. Шишков и А.П. Ермолов (15. С. 276)¹⁷⁷. Известно, что лишь единицы из «екатерининских орлов» пользовались доверием Павла I, который терпеть не мог любимцев своей ненавистой родительницы. Кутузов — чуть ли не единственное лицо, снискавшее в равной

степени милость и Екатерины, и Павла. Как Екатерина, так и Павел жаловали Кутузова постоянным вниманием, щедро дарили ему чины, ордена, тысячи крепостных душ¹⁷⁸. Екатерина II любовно называла его «мой Кутузов», а Павел I говорил о нем: «С таким генералом можно ручаться за спокойствие империи»¹⁷⁹. Не случайно Кутузов провел последние вечера и с Екатериной (перед смертью ее), и с Павлом (за полтора часа до его убийства)¹⁸⁰.

Впрочем, Кутузов угождал не только царям. В 1795 г. он, заслуженный, уже 50-летний боевой генерал, собственноручно готовил по утрам и подавал в постель 27-летнему фавориту Екатерины Платону Зубову горячий кофе¹⁸¹. А.С. Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века» называл «*кофейник Кутузова*» в ряду символов придворного раболепия (28. Т. 7. С. 275—276). Советские же и постсоветские биографы Кутузова об этом его «кофейнике» дружно молчат.

Личная же неприязнь между Кутузовым и Александром I не была так глубока, как считают некоторые историки, и во всяком случае никогда не вырастала до конфликта. Кутузов в 1812 г. выражал свою почтительность к Царю, как никто из боевых генералов: «с благоговением повергаю себя к стопам Вашего Императорского Величества», «вы... изволите меня вызывать именем отечества, которое я, конечно, люблю всеми чувствами, но где имя ваше, государь, там не надобно мне гласа отечества» (30. Т. 10. С. 68)¹⁸². Царь со своей стороны никаким гонениям Кутузова не подвергал, зато трижды (в 1805, 1811 и 1812 гг.) назначал главнокомандующим и осыпал наградами: графский титул в 1811 г., княжеское достоинство в 1812 г. за победу над турками, фельдмаршальский жезл и 100 тыс. рублей за Бородино, золотая шпага с алмазами за Тарутино, титул светлейшего князя Смоленского за пресле-

дование Наполеона, орден св. Георгия I класса за окончание войны 1812 г. 30 октября 1812 г. Царь писал Кутузову: «Слава России нераздельна с Вашей собственной» (20. Ч. 2. С. 118). Конечно, Александр I награждал и славил Кутузова не от чистого сердца. Но нельзя же в этом усматривать «конфликт между Кутузовым и царским правительством»!

Русский генералитет, который хорошо знал Кутузова не только как военачальника, но и как опытного царедворца, встретил его назначение главнокомандующим по-разному. Барклай де Толли, хотя и был задет этим назначением больше, чем кто-либо, воспринял его благородно. «Счастливы ли это выбор, только Богу известно, — написал он 28 августа жене. — Что касается меня, то патриотизм исключает всякое чувство оскорбления»¹⁸³.

Зато Багратион не скрывал своего недовольства. Он еще в сентябре 1811 г., перед угрозой нашествия Наполеона, говоря о Кутузове, обращал внимание военного министра на то, что «его высокопре[восходитель]ство имеет особенный талант драться неудачно» (26. Т. 5. С. 74). Назначение же Кутузова главнокомандующим Багратион прокомментировал в письме к Ф.В. Ростопчину от 28 августа 1812 г. таким образом: «Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет (Наполеона. — *Н.Т.*) к вам, как и Барклай... Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги» (14. С. 101). Для Багратиона Кутузов был вторым Барклаем. «Руки связаны, как прежде, так и теперь», — жаловался он Ростопчину 3 сентября с Бородинского поля (Там же. С. 109)¹⁸⁴.

Неодобрительно судили в 1812 г. о Кутузове такие герои войны, как М.А. Милорадович, считавший его «низким царедворцем»¹⁸⁵; Д.С. Дохтуров, относивший Кутузова к

«малодушным людям»¹⁸⁶, Н.Н. Раевский, полагавший, что Кутузов «ни в духе, ни в талантах» не выше «ничтожества»¹⁸⁷.

Офицерство и особенно солдатская масса встретили Кутузова-главнокомандующего с ликованием. Не по требованию народа был назначен Кутузов, но его назначение отвечало интересам народа, прежде всего той его части, которая была одета в солдатские мундиры. Солдаты не знали Кутузова-царедворца, но Кутузов-военачальник, мудрый, заботливый, с русским именем, был им хорошо знаком и симпатичен. Поэтому известие о назначении Кутузова порадовало их «не менее выигранного сражения», «произвело всеобщее воскресение духа в войсках» (11. С. 28–29, 155; 29. С. 131)¹⁸⁸. С приездом Кутузова в армию сразу родилась частушка:

*Барклая де Толли
Не будет уж боле.
Приехал Кутузов
Бить французов.*

Впрочем, не только армия, но и вся Россия воодушевилась надеждой на переход от затянувшегося отступления к контрнаступлению. Кутузов со своей стороны поощрял эту надежду. При первой же встрече с армией в Цареве-Займище 29 августа он воскликнул (в присутствии Барклая де Толли): «Ну, как можно отступать с такими молодцами!» (3. Т. 2. С. 125). На следующий день был отдан приказ... продолжать отступление.

В рукописи стихотворения А.С. Пушкина «Полководец» есть строки о Барклае де Толли, которые из цензурных соображений не вошли в печатный текст:

*Соперник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей...¹⁸⁹.*

Строки эти можно понять так, будто Пушкин упрекал Кутузова в том, что он заимствовал, чуть ли не похитил у Барклая идею отступления с последующим переходом в контрнаступление. Думается, однако, что мысль Пушкина глубже. Действительно, Кутузов, заменив Барклая, продолжал его стратегию, но не потому, что воспользовался ею, не сумев придумать ничего собственного, а потому, что она была единственно правильной, и Кутузов понимал это не хуже, чем Барклай.

Назначение Кутузова главнокомандующим было и стратегически, и политически оправданно, потому что Барклай, будь он хоть трижды прав, не имел доверия к себе ни в армии, ни в народе, что, конечно же, в условиях, когда война приобретала все более народный характер, вредило не столько самому Барклаю, сколько делу руководства народной войной. «Подвиг Барклая де Толли велик, участь его трагически печальна и способна возбудить негодование в великом поэте, — писал В.Г. Белинский, — но мыслитель, благословляя память Барклая де Толли и благоговей перед его священным подвигом, не может обвинять и его современников, видя в этом явлении (в замене Барклая Кутузовым. — Н.Т.) разумную и непреложную необходимость»¹⁹⁰.

В нашей литературе до недавнего времени заслуги Барклая де Толли недооценивались: их либо замалчивали, либо приплюсовывали к и без того великим заслугам Кутузова, особенно с 1947 г., когда И.В. Сталин заявил: «Кутузов как полководец был, бесспорно, двумя головами выше Барклая де Толли»¹⁹¹. Только теперь усилиями, в первую очередь, та-

ких исследователей, как А.Г. Тартаковский и В.П. Тотфалушин, утвердилась в отечественной историографии оценка роли Барклая, однажды (при Пушкине) уже принятая, но потом надолго забытая. (В 1837 г. перед Казанским собором в Петербурге, где похоронен Кутузов, были установлены рядом памятники и Кутузову, и Барклаю де Толли, глядя на которые еще в мастерской скульптора Б.И. Орловского Пушкин точно, не возвеличивая кого-либо одного в ущерб другому, определил место обоих полководцев в истории 1812 г.: «Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов»: 28. Т. 2. С. 291.)

Итак, с 20 августа 1812 г. главным действующим лицом войны 1812 г. стал М.И. Кутузов. Его назначение главнокомандующим русскими армиями обрадовало почти всех, даже Наполеона, который, кстати, был высокого мнения о своем новом противнике (19. С. 128). «Узнав о прибытии Кутузова, он, — вспоминал о Наполеоне А. Коленкур, — тотчас же с довольным видом сделал отсюда вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление: он, наверное, даст нам бой...» (Там же. С. 127).

Кутузов действительно понимал (как уже понял это и Барклай де Толли), что пришло время дать решительный бой противнику. Кстати, советские и постсоветские историки, дабы подчеркнуть исключительную, воистину мессианскую роль Кутузова, вновь и вновь повторяют верноподданнический домысел А.И. Михайловского-Данилевского о том, что Кутузов был назначен главнокомандующим в «кризисный момент войны», в период наибольшей, «смертельной опасности» для России (24. Т. 2. С. 201; 16. С. 137)¹⁹². Домысел этот совершенно неоснователен. Еще К.Ф. Толь (кстати, ревностный почитатель Кутузова), возражая Михайловскому-Данилевскому, резонно доказывал, что самое

трудное время войны к тому моменту было уже позади: с армией в Цареве-Займище «Россия имела гораздо более данных на успех, чем когда Главная квартира была при Вильне»¹⁹³. Действительно, любой непредубежденный специалист понимает: после того как расчет Наполеона выиграть войну в приграничных сражениях с разрозненными русскими армиями провалился и армии Барклая де Толли и Багратиона, не дав разбить себя порознь, соединились в Смоленске, — после этого шансы Наполеона на победу в войне сильно упали, а шансы России значительно возросли. Вместе с тем до перелома в ходе войны было еще далеко. Требовалось мобилизовать и объединить все силы армии и народа.

Продолжая стратегический курс Барклая де Толли, Кутузов немедленно, еще по дороге из Петербурга в армию, отправил директивы П.В. Чичагову и А.П. Тормасову действовать на правый фланг неприятеля, а П.Х. Витгенштейну — продолжать «похвальные действия» в защиту Петербурга (20. Ч. 1. С. 81, 83—84). В то же время он рассылал запросы и требования управляющему военным министерством кн. Ал. И. Горчакову, генерал-губернатору Москвы гр. Ф.В. Ростопчину, начальнику Московского ополчения И.И. Маркову, командиру резервного корпуса М.А. Милорадовичу, генералам Д.И. Лобанову-Ростовскому и А.А. Клейнмихелю, формировавшим резервные войска, о скорейшей отправке резервов в действующую армию (Там же. С. 79—81, 90—92, 101). При этом Кутузов особо рассчитывал на отряды народного ополчения, которые начали создаваться в ряде мест Смоленщины самочинно, еще до того, как Александр I 18 июля из Полоцка обратился к России с манифестом о созыве ополчения. Барклай де Толли располагал 10 тыс. смоленских ополченцев. Начиная с августа

ополчения формировались повсеместно, и Кутузов торопил прибытие из Москвы местного ополчения, которое, по данным на 31 августа, составляло 25 834 человека (4. С. 35).

Безусловно, Кутузов ехал в армию с твердым намерением дать Наполеону генеральное сражение в защиту Москвы. Близкая к Царю графиня Р.С. Эдлинг (урожденная Стурдза) свидетельствовала: «Прощаясь с Государем, генерал Кутузов уверял его, что он скорее ляжет костью, чем допустит неприятеля к Москве». Это свидетельство подтверждают документы самого Кутузова. В день прибытия в армию (30 августа) он написал Ростопчину: «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России» (20. Ч. 1. С. 90). Отступив 30-го из Царева-Займища в поисках лучшей позиции и «для еще удобнейшего укомплектования» за счет ополченцев Москвы (Там же. С. 96), Кутузов уже на следующий день письменно заверил генерал-фельдмаршала Н.И. Салтыкова и самого Царя в том, что он сразится с Наполеоном «для спасения Москвы» (Там же. С. 97, 106).

Действия Кутузова от Царева-Займища до Бородина объяснялись историками по-разному. Сегодня уже нельзя принять всерьез заключение М.Н. Покровского: «Став во главе армии, Кутузов сообразил, что и ему придется отступать. Но в то же время ему хотелось удовлетворить и тех, которые требовали сражения. В этом желании убить двух зайцев, бегущих в разные стороны, сказалась натура истинно русского генерала»¹⁹⁴. Трудно согласиться и с позицией П.А. Жилина, который, полагая (справедливо), что Кутузов предпринял Бородинское сражение «по собственной инициативе», отвергал как несостоятельные все, кроме внутреннего убеждения самого Кутузова, объяснения этой инициативы (16. С. 149). Между тем по крайней мере два из них настолько очевидны, что оспорить их невозможно.

Во-первых, Кутузов просто обязан был считаться с общественным мнением — сражения требовали Царь и дворянство, армия и народ, вся Россия. Во-вторых, Наполеон, предвкушая скорый захват Москвы, усилил, как нельзя более, преследование русской армии, фактически не выпуская ее из боя. С 30 августа до 6 сентября арьергарды М.И. Платова и П.П. Коновницына «ежедневно, с утра до позднего вечера, а иногда и ночью, задерживали стремительный натиск французского авангарда»¹⁹⁵. Так, под Гжатском 1 сентября арьергард Коновницына выдержал 13-часовой бой, сменив на протяжении 17 км 8 позиций, а 4 сентября у с. Гриднево 10 часов отбивал атаки врага, останавливаясь в 5 позициях¹⁹⁶. Н.П. Поликарпов, обстоятельно, по архивным источникам исследовавший все эти бои, отметил, что даже дотошный М.И. Богданович почти ничего о них не сказал. П.А. Жилин, Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев ни об одном из них вообще не упоминают. А ведь они были существенно значимы, ибо так сближали враждебные армии, что генеральное сражение становилось неизбежным, если бы даже Кутузов не планировал его «по собственной инициативе».

Вечером 4 сентября Наполеон и его штаб увидели, что вся русская армия закрепляется на позиции возле большого селения в 110 км перед Москвой. Наполеон спросил, как называется это селение. Ему ответили: Бородино.

Глава IV

Бородино

И равен был неравный спор.

А.С. ПУШКИН

НАКАНУНЕ

И. Кутузов доносил Царю 4 сентября: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородино... одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством» (4. С. 64).

Выбор позиции для генерального сражения всегда считался важным условием победы. Наполеон говорил, что вообще «война — это мастерство позиции»¹. Русскую позицию у Бородина специалисты (начиная с участников Бородинской битвы) расценивали по-разному: например, генералы П.И. Багратион и А.П. Ермолов и такие авторитеты, как К. Маркс и Ф. Энгельс, критиковали ее (15. С. 191–193)², советские и постсоветские военные историки большей частью хвалят (2. С. 368–370; 12. С. 299; 16. С. 151–152)³.

Здесь нет ничего удивительного. Как подметил еще К. Клаузевиц (из советских историков — Е.В. Тарле и А.Н. Кочетков, в последнее время — В.Н. Земцов), «эта позиция имела свои и выгодные, и невыгодные сторо-

ны» (18. С. 85—88; 32. Т. 7. С. 563)⁴, тем более что долго выбирать ее под натиском французов не было времени. В тот самый день (3 сентября), когда русская армия занимала Бородинскую позицию, П.И. Багратион написал Ф.В. Ростопчину: «Все выбираем места и все хуже находим» (14. С. 109; ср.: 4. С. 331).

Сам Кутузов в донесении Царю хотя и назвал позицию у Бородина «одной из наилучших», но с оговоркой («на плоских местах») и прямо указал на ее «слабое место». Тем не менее в целом позиция отвечала главным требованиям предстоявшей битвы. Во-первых, она изобиловала естественными укреплениями. Ее фронт справа и в центре был прикрыт высоким (более 20 м) берегом Колочи, правый фланг упирался в Москву-реку, а левый — в труднопроходимый Утицкий лес. Главное же, позиция позволила русской армии «оседлать» обе дороги, ведущие к Москве, — Старую Смоленскую и Новую Смоленскую.

Слабость русской позиции заключалась прежде всего в том, что ее левый фланг был открыт для фронтального удара. Поэтому Кутузов распорядился прикрыть его инженерными сооружениями (флешами) на высоте у д. Семеновская, а потом и «загнуть оный» к флешам (4. С. 86). Таким образом, к началу битвы левый фланг был укреплен, но зато преломилась боевая линия русской позиции, образуя в центре, у Курганной высоты, исходящий угол, что дало французам «выгоду продольных рикошетных выстрелов»: их батареи, действовавшие против русского левого фланга, «поражали в тыл войска центра и правого фланга» (15. С. 192—193)⁵.

Заняв такую (с очевидными плюсами и минусами) позицию, Кутузов рассчитывал принять на ней и отразить лобовой удар противника, но сохранял за собой и возможность

уклониться от боя в случае, если бы Наполеон попытался его обойти. «Желаю, — доносил он Царю 4 сентября, — чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что, может быть, должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся» (4. С. 64). В любом случае Кутузов считал своей главной задачей не пустить врага к Москве. «Как бы то ни было, — писал он Царю перед битвой с Бородинского поля, — Москву защищать должно» (Там же). В те же дни он заверял П.В. Чичагова, Ф.В. Ростопчина и начальника Московского ополчения И.И. Маркова: «Настоящий мой предмет есть спасение Москвы» (Там же. С. 40, 55)⁶.

При этом русский главнокомандующий учитывал возможность и успеха, и неудачи в сражении. «При счастливом отпоре неприятельских сил, — писал он в диспозиции 5 сентября, — дам собственные повеления на преследование его... На случай неудачного дела... несколько дорог открыто, которые сообщены будут гг. главнокомандующим (Барклаю де Толли и Багратиону. — *Н.Т.*) и по коим армии должны будут отступить» (4. С. 83).

С утра 5 сентября, когда русская позиция слева еще не была оборудована, французы подступили к ней. Чтобы выиграть время для инженерных работ, Кутузов приказал задержать противника у д. Шевардино. Здесь к полудню 5-го еще не успели воздвигнуть пятиугольный редут с 12 орудиями, который вначале служил частью позиции русского левого фланга, а после того, как левый фланг был отодвинут назад, стал отдельной передовой позицией. Наполеон, как только он увидел перед собой (в 3-м часу дня 5 сентября) Шевардинский редут, приказал взять его — редут мешал

французской армии развернуться. Три отборные дивизии из корпуса Даву и польская кавалерия Понятовского пошли на приступ⁷.

Редут и подступы к нему защищали легендарная 27-я дивизия Д.П. Неверовского, ополченцы и несколько кавалерийских полков под общим командованием генерал-лейтенанта кн. Ан. И. Горчакова. Племянник А.В. Суворова, отличившийся в итальянском и швейцарском походах своего великого дяди, в 21 год уже генерал, Андрей Иванович Горчаков пережил здесь свой «звездный час». Он имел всего 18 тыс. бойцов. Наполеон бросил на редут 36 тыс. Однако весь день и вечер, почти до полуночи, защитники редута отражали бешеные атаки врага. Уже затемно на помощь Понятовскому пришли кирасиры Мюрата. Когда они под прикрытием темноты устремились в решительную атаку и уже слышен был топот тяжелых кавалерийских масс, Горчаков, у которого в резерве оставался один батальон, а кирасирская дивизия находилась в глубине позиции, пошел на хитрость. Он приказал резервному батальону «ударить поход и кричать «ура», не трогаясь с места», а тем временем «чтобы кирасиры неслись на рысях» к редуту (5. Т. 3. С. 7—8). Французы, услышав внезапное «ура» под бой барабанов, приостановились, потеряли темп, а русские кирасиры успели на всем скаку вступить в бой и отбить атаку.

Только в 11-м часу ночи дивизия Ж.-Д. Компана из корпуса Даву после ужасной резни в ночном мраке и пороховом дыму ворвалась на валы редута. «Мы вошли в редут, сам не знаю как, — вспоминал об этой атаке герой рассказа П. Мериме «Взятие редута». — Там мы дрались врукопашную среди такого густого дыма, что не видели противника»⁸. Лишь близко к полуночи Горчаков оставил редут, выиграв нужное время, и «кончился этот бой, настолько

неравный, что французы понять не могли, как он мог так долго продолжаться» (32. Т. 7. С. 565).

Шевардинский бой стал своеобразным прологом Бородинской битвы, наподобие поединков богатырей перед битвами средневековья. Каждая сторона могла быть довольной итогами этого боя и в то же время оценить силу противника. С одной стороны, Кутузов успел дооборудовать свою позицию и определить наиболее вероятное направление главного удара французов — по левому крылу русских, но и ощутил, сколь мощным будет наполеоновский удар в генеральном сражении «Вчерась, — написал он жене 6 сентября, — на моем левом фланге было дело адское» (4. С. 87). С другой стороны, Наполеон, взяв Шевардинский редут, получил возможность развернуть свою армию перед фронтом противника и занять выгодный плацдарм для атаки русского левого фланга. При этом, однако, он увидел, какова перед генеральным сражением мощь обороны и возможного контрудара русских.

Весь следующий день — 6 сентября — обе стороны готовились к генеральной битве. Посмотрим, каковы были силы и боевые порядки сторон на Бородинском поле.

Сведения о численности армий под Бородином крайне разноречивы. Советские историки чаще всего насчитывают в русской армии к началу сражения 120 тыс. человек (включая сюда регулярные войска, казаков и ополченцев) и 640 орудий. Эти же цифры называли почти все русские дореволюционные и некоторые зарубежные авторы (Ф.-П. Сегюр, К. Клаузевиц, К. Грюнвальд). Но приводят-ся и другие данные: 126 тыс. (А.Г. Бескровный), 127 800 (Е.В. Тарле), 130 тыс. (А.П. Богданов), 132 тыс. (Д.П. Бутурлин), 133 тыс. (К. Даффи), 133 500 (Ж. Тири). Между тем столь авторитетные, совокупно еще не мобилизованные

источники, как строевые рапорты, позволяют уточнить все эти подсчеты.

1-я армия по ведомости от 5 сентября насчитывала (без казаков и ополченцев) 75 541 человека (4. С. 75). По 2-й армии есть данные на 29 августа (Там же. С. 27): 34 925 человек (тоже без ополченцев и казаков). 31 августа 2-я армия получила 4976 человек пополнения (Там же. С. 32), а в арьергардных боях 1—4 сентября (от Гжатска до Шевардина) потеряла 140 солдат и офицеров (20. Ч. 2. С. 712—713). Таким образом, к 5 сентября в ней было 39 761 человек. Итого регулярных войск к началу Бородинской битвы⁹ Кутузов имел 115 302 человека.

Численность казаков все отечественные (и дореволюционные, и советские) исследователи определяют в 7 тыс. человек. Эта цифра была взята на веру из «Описания сражения при селе Бородине» К.Ф. Толя (4. С. 320) еще дворянскими историками и некритически заимствуется до сих пор, хотя «Описание» Толя не заслуживает такого доверия, поскольку оно грешит явными ошибками в цифрах (например, армия Наполеона увеличена в нем до 185 тыс. человек и 1000 орудий, а русские потери уменьшены до 25 тыс. человек). Зато вполне надежен такой документ, как составленное по войсковым ведомостям расписание русских армий на 7 сентября 1812 г. с точным указанием численности казаков: в 1-й армии — Отдельный казачий корпус атамана М.И. Платова в 5 тыс. человек и «правый наблюдательно-охранительный отряд» полковника М.Г. Власова — еще 2 тыс. сабель; во 2-й армии — «левый наблюдательно-охранительный отряд» генерал-майора А.А. Карпова в 4 тыс. человек¹⁰. Выходит, казаков под Бородином было 11 тыс.

Остается выяснить, какова была численность народного ополчения. Почти все русские (как дореволюционные, так

и советские) историки — от Д.П. Бутурлина до П.А. Жилина — называют одни и те же цифры: 7 тыс. ратников Московского ополчения и 3 тыс. — Смоленского, всего 10 тыс. ополченцев. Эти цифры почерпнуты все из того же «Описания» К.Ф. Толя. Между тем, согласно «Ведомости Московской военной силы», только московских ополченцев при Бородине было 20 748 человек, из которых «в расход» (на боевые позиции) пошли 18 124 рядовых, 303 офицера и 11 генералов¹¹. Из Смоленского ополчения, как это засвидетельствовал еще герой 1812 г. Ф.Н. Глинка, а в 1962 г. исследовательски подтвердил В.И. Бабкин¹², приняли участие в Бородинской битве не менее 10 тыс. ратников. Всего, таким образом, сражались при Бородине 28,5 тыс. ополченцев.

Подытожим полученные данные. Регулярных войск — 115 302 человека, казаков — 11 тыс., ополченцев — 28,5 тыс. человек. Сложив эти цифры, мы определим общую численность русской армии на Бородинском поле: 154,8 тыс. человек. Она имела 640 орудий (эту цифру можно считать общепринятой).

С 1987 г. и другие историки занялись пересмотром ранее «неприкасаемых» данных о численности русских войск при Бородине: С.В. Шведов насчитал по совокупности разных ведомостей 157 тыс. человек¹³, А.А. Васильев и А.А. Елисеев, В.Н. Земцов — около 150 тыс¹⁴. По сравнению с их выкладками приверженность Ю.Н. Гуляева, В.Т. Соглаева, Б.С. Абахилина, А.В. Шишова старой «бутурлинско-жилинской» цифири (12. С. 306)¹⁵ сегодня выглядит архаично.

Французская армия, по мнению советских историков, имела при Бородине 130—135 тыс. человек (не более)¹⁶ и 587 орудий. Русские дореволюционные исследователи были такого же мнения. Французские и некоторые другие зарубежные авторы (Ф.-П. Сегюр, А. Фэн, Ж. Пеле, Ж. Ти-

ри, Ф. Меринг, В. Скотт) чаще называют 120—126 тыс. Наиболее достоверны опубликованные Ж. Шамбре данные переключки «Великой армии» за 2 сентября с указанием численности каждого корпуса, включая части, откомандированные в тот день от армии, но присоединившиеся к ней 7 сентября: 133 819 человек и 587 орудий (39. Т. 3. С. 33)¹⁷. В.Н. Земцов полагает, что данные Шамбре надо скорректировать за счет прибывших и выбывших между 2 и 7 сентября, после чего останется цифра 126—127 тыс. бойцов¹⁸. Возможно, он прав. В любом случае оказывается, что численный перевес под Бородином был на стороне россиян. Таким образом, уточненные подсчеты свидетельствуют, что в ходе войны 1812 г. русское командование уже к Бородинской битве сумело изменить соотношение сил в свою пользу. Здесь важно подчеркнуть, что и артиллерия россиян количественно превосходила французскую: 640 орудий против 587.

Правда, регулярных войск у Кутузова было лишь 115,3 тыс., тогда как все 134 тыс. (или даже 126—127 тыс.) солдат Наполеона кадровые, регулярные войска. Но вся гвардия Наполеона (по разным источникам, 18,9 тыс. (39. Т. 2. С. 33)¹⁹ или 21 тыс.²⁰ лучших, отборных солдат) не участвовала в битве²¹.

Кутузов, по данным своей разведки и «по расспросам пленных», насчитывал у Наполеона 165 тыс. человек, находя, впрочем, эти данные «несколько увеличенными» (20. Ч. 1. С. 99)²². Мог он учитывать и более достоверные данные, которыми еще 20 августа располагал П.И. Багратион: «Неприятельские силы <...> должны составлять 120 или 150 тысяч. Количества сего мы не имеем вовсе причины страшиться» (14. С. 88)²³. Если Кутузов несколько преувеличивал силы своего противника, то Наполеон примерно в

той же пропорции их преуменьшал: 120—130 тыс. человек (38. С. 100)²⁴. Поэтому вполне оправдан наступательный характер сражения со стороны Наполеона и оборонительный — со стороны Кутузова.

Перед сражением русские войска расположились в таком порядке. Правый фланг и центр позиции — от места впадения р. Колочи в Москву-реку и до Курганной высоты включительно заняла 1-я армия под общим командованием М.Б. Барклая де Толли. Центром непосредственно командовал Д.С. Дохтуров, а правым крылом — М.А. Милорадович. Левое крыло позиции — от Курганной высоты до Утицкого леса — заняла 2-я армия под командованием П.И. Багратиона. По традиции Барклай все еще именовался «1-м главнокомандующим», Багратион — «2-м главнокомандующим». Каждому из них Кутузов предоставил инициативу руководства сражением. «Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, — писал он в диспозиции 5 сентября, — полагаюсь на известную опытность гг. главнокомандующих армиями и потому представляю им делать соображения действий на поражение неприятеля» (4. С. 83).

Издавна и поныне в нашей литературе бытует версия о том, что Кутузов намеренно сосредоточил на правом фланге большие силы, а на левом (куда последовал главный удар Наполеона) — меньшие. Тем самым он будто бы заманивал врага в «тактическую ловушку», «подставляя» ему Багратиона, менее сильного, но якобы более надежного, чем Барклай, и соблазняя французов атаковать именно левый фланг русской позиции²⁵. Эту надуманную версию еще в 1963 г. убедительно опроверг А.Н. Кочетков. Первым из советских историков он подметил, что в начале XIX в. боевой порядок армии («ордер баталии», или «кор де баталь») был

понятием стабильным: правое и левое крыло, авангард и арьергард организационно закреплялись на долгое время. Армия Багратиона как шла от Смоленска правым крылом, так и заняла при Бородине, повернувшись к противнику, левое крыло позиции. Кстати, таким же образом предполагалось расположить армии Барклая и Багратиона на позиции у Царева-Займища.

«Конечно, М.И. Кутузов не собирался намеренно ослаблять левый фланг... Плохую услугу полководцу оказывают те, кто приписывает ему подобное легкомыслие», — справедливо возмущался А.Н. Кочетков²⁶. Просто Кутузов считал главным именно правый фланг своей позиции, так как он прикрывал «столбовую» Новую Смоленскую дорогу — кратчайший путь к Москве. Прорыв французов на эту дорогу отрезал бы русскую армию от Москвы и грозил бы ей гибелью. Поэтому Кутузов даже после Шевардинского боя, когда определилось наиболее вероятное направление главного удара Наполеона, не стал менять расположение войск (хотя Барклай предлагал перегруппировать их справа налево: 4. С. 332)²⁷ и лишь выдвинул в резерв левого фланга 3-й корпус Н.А. Тучкова из армии Барклая.

Ход сражения показал, что идея Барклая была многообещающей, а Кутузов, отвергнув ее, допустил первый из своих бородинских просчетов.

Что касается 3-го корпуса, то Кутузов поставил его скрытно, в Утицком лесу, намереваясь, если верить офицеру-квартирмейстеру А.А. Щербинину, в удобный момент ударить «во фланг и тыл» Наполеону (37. Вып. 1. С. 15). Л.Л. Беннигсен, однако, перед началом битвы выдвинул корпус из укрытия вперед. Тем самым он, как часто пишут об этом, будто бы сорвал замысел Кутузова поразить неприятеля во фланг и тыл из засады (2. С. 381—382; 16. С. 156; 32.

Т. 12. С. 430—431; 34. С. 110—111)²⁸. На деле же такой замысел, если он и был у Кутузова (что еще не доказано), не мог быть реализован. Наполеон с первых же минут битвы обрушил на русское левое крыло удар такой силы, что Багратион уже перед третьей из восьми французских атак взял у Тучкова на подкрепление дивизию П.П. Коновницына, а кроме того, в обход Багратиона пошел и неминуемо столкнулся бы с Тучковым, если бы даже тот стоял в засаде, целый корпус Понятовского. Все это в 1963 г. отметил А.Н. Кочетков²⁹, но еще полувеком ранее А.Н. Витмер иронизировал над верой некоторых историков «в благотворное влияние на бой наполеоновской эпохи засад в том смысле, как это было во времена печенегов», и резонно вопрошал: «Что мог сделать этот (Тучкова. — *Н.Т.*) корпус в смысле засады, когда по [Старой] Смоленской дороге шел на него Понятовский?»³⁰.

Протяженность всей русской позиции составляла 8 км. Во всю ее длину двумя линиями с интервалом между ними не более 200 м стояли пехотные корпуса, за ними в 300—400 м, тоже двумя линиями, — кавалерия, еще дальше, до 1000 м в глубину, — линия резервов. Такое построение войск для решающего боя имело свои плюсы и минусы³¹. С одной стороны, сравнительно короткий фронт с близкими резервами обеспечивал Кутузову оперативность маневра как для обороны, так и для возможного контрудара. Но с другой стороны, большая плотность и малая глубина боевого порядка русской армии ставили ее под губительное действие неприятельского огня: артиллерия Наполеона поражала все четыре русские линии, вплоть до резервов (3. Т. 2. С. 224; 16. С. 174; 18. С. 90).

Главными опорными пунктами русской позиции были с. Бородино справа, Курганная высота в центре и д. Семеновская слева. Высоты у Бородина заняли 4 батареи на 32 орудия.

У Семеновской были воздвигнуты три флешы (от французского *fleche* — стрела: насыпные валы углом вперед к противнику) с 52 орудиями (34. С. 121—122). Их сразу называли Багратионовыми — ведь здесь начальствовал П.И. Багратион. На Курганной высоте за ночь с 6 на 7 сентября 800 ополченцев соорудили люнет (полевое укрепление, открытое с тыла, но защищенное рвом и двойным палисадом с фронта и флангов) для 18-пушечной батареи. Русские солдаты называли ее «батареей Раевского», поскольку она была выделена из 7-го корпуса, которым командовал Н.Н. Раевский. Он, кстати, сам проследил за сооружением люнета и, когда все было готово, сказал: «Император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость» (4. С. 338).

Наполеон почти весь день 6 сентября тщательно, «с величайшей подробностью» изучал систему укреплений и боевой порядок русских войск вплоть до сторожевых постов; он даже привлек к себе их внимание — «сделано было по нем несколько картечных выстрелов» (3. Т. 2. С. 165; 19. С. 131)³², Наполеон понял, что русский правый фланг почти неприступен, зато левый — уязвим. План его был прост: смять левое крыло русских, прорвать их центр, отбросить их в «мешок» при слиянии Колочи с Москвой-рекой и разгромить (17. С. 333; 39. Т. 2. С. 58—59)³³.

Ночь накануне сражения враждебные армии провели по-разному. Наполеон обратился к войскам с приказом, который начинался словами: «Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Теперь победа зависит от вас!» Император подбадривал своих воинов, суля им в случае победы «изобилие, хорошие зимние квартиры, скорое возвращение на родину». Он искусно распалял их воинское тщеславие: «Пусть самое отдаленное потомство с гордостью вспомнит о вашей доблести в этот день! Пусть о каждом из вас ска-

жут: «Он был в великой битве под стенами Москвы!»» (43. Т. 24. С. 207). Завоеватели, обрадованные возможностью сразиться наконец с врагом, который так долго уклонялся от боя, до полуночи веселились и пели (11. С. 46, 159; 44. Т. 1. С. 347). Едва ли кто из них сомневался в победе.

С 2 часов ночи и до рассвета Наполеон скрытно перевел большую часть своих войск на правый берег Колочи вплотную к позиции русского левого фланга.

Этот маневр, засвидетельствованный не только французскими, но и русскими дореволюционными источниками (3. Т. 2. С. 170; 39. Т. 2. С. 46; 42. Т. 2. С. 16–17)³⁴, а также К. Клаузевицем (18. С. 91), почему-то замалчивается в трудах советских и даже постсоветских (Ю.Н. Гуляев, В.Т. Соглаев, А.В. Шишов) историков. Между тем он существенно повлиял на ход сражения: Наполеон смог атаковать русское левое крыло в упор, а Багратион, отбиваясь от атак, не успевал получать подкрепления.

К началу сражения «Великая армия» расположилась таким образом: справа — корпус Понятовского, далее к центру — корпуса Даву, Нея и Жюно, кавалерия Нансути, Монбрена и Латур-Мобура под общим командованием Мюрата; слева остались за Колочей корпус Богарне и кавалерия Груши, в резерве — Старая и Молодая гвардия. Боевой порядок французов напоминал молот, обращенный ударной частью против левого фланга русской позиции.

Пока французские солдаты настраивались на битву как на праздник, сам Наполеон нервничал. Он верил в свою звезду, считал гарантированной победу, но боялся, что русские вновь увильнут от решающего сражения. Всю ночь он почти не спал, несколько раз спрашивал адъютантов, не ушел ли Кутузов, и часто сам выходил из палатки удостовериться, что огни в русском лагере горят (44. Т. 1. С. 352).

Когда маршал Даву предложил ему обойти за ночь русское левое крыло крупными силами (до 40 тыс.) через лес со стороны Утицы, Наполеон счел эту мысль «превосходной» (17. С. 333)³⁵, но, подумав, шутливо упрекнул Даву («Вы всегда хотите все окружать») и отклонил его предложение именно потому, что боялся «спугнуть Кутузова» (32. Т. 7. С. 264).

В русском лагере всю ночь перед битвой царили тишина и величавое спокойствие. Кутузов не обращался к войскам с приказом. «Не время было витийствовать», — заметил его адъютант А.И. Михайловский-Данилевский (24. Т. 2. С. 212). Незачем было и подбадривать русских солдат. Все они сознавали, что на карту поставлены не «изобилие» и «хорошие зимние квартиры», что вопрос стоит так: «Быть или не быть Москве и России» — и решение этого вопроса зависит от них. Вся армия готовилась стоять насмерть. Солдаты и офицеры облачались в чистое белье, отказывались, вопреки обычаю, пить водку (11. С. 45, 46).

В ночь перед сражением по лагерю пронесли икону «покровительницы России» — Смоленской божьей матери, за которой шел с обнаженной головой и со слезами на глазах сам Кутузов впереди всего русского штаба. «Сама собою, по влечению сердца, — вспоминал очевидец этой торжественной сцены, будущий декабрист Федор Глинка, — 100-тысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью»; «это живо напоминало приуготовление к битве Куликовской»³⁶. Французы, которым было видно и даже, отчасти, слышно это «приуготовление», иронизировали над ним: им казалось, что русский военачальник мог говорить своим солдатам только «о небе, единственном убежище, что остается рабам. Во имя религии и равенства он призывал этих закрепощенных защищать имущество их господ»³⁷.

В 5 часов утра задремавшего Наполеона разбудил адъютант маршала Нея. Маршал просил разрешения атаковать русских. Наполеон вышел из палатки с возгласом: «Наконец они попались! Идем открывать ворота Москвы!» В это время над русским лагерем засветились первые лучи солнца. «Вот солнце Аустерлица!» — воскликнул Наполеон (44. Т. 1. С. 355, 356), вспомнив о самой блестящей из своих побед. Но он ошибся. На этот раз всходило солнце Бородина.

ДЕНЬ БОРОДИНА

К 5 часам 7 сентября вся французская армия уже изготавилась к атаке. Появление Наполеона на его командном пункте перед Шевардинским редутом она встретила громовым (почти в полтораста тысяч глоток) кличем «Vive l'empereur!»³⁸. Так она приветствовала своего вождя перед каждым сражением, предвкушая победу. «“Vive l'empereur!”, этот клич, достигая другой стороны, как положительно свидетельствуют наши участники войн того времени, — читаем в одном из юбилейных изданий 1912 г., — вызывал мороз по коже у людей, даже весьма неробких, а у многих открывалась медвежья болезнь»³⁹. Но под Бородином «другая сторона» не испугалась ни этого клича, ни того, что за ним последовало. Французы, кстати, в ответ на русское «Ура!», которое слышалось как «Au rat» («На крысу!»), кричали: «Au chat!» («На кошку!»)⁴⁰.

«С невероятною быстротою»⁴¹ французы атаковали не левое, как предполагал штаб Кутузова, а правое крыло русской позиции. 106-й полк из дивизии генерала А.-Ж. Дельзона (корпус Е. Богарне) ворвался в Бородино. Стоявший здесь русский полк гвардейских егерей не был застигнут врасплох. Разгорелся «наикровопролитнейший бой»⁴². В 7-м часу утра французы овладели Бородином, хотя их

106-й полк потерял три четверти состава. Погиб здесь и бригадный генерал Л.-О. Плезонн, открыв собою длинный реестр французских генералов, павших у Бородина.

Казалось, сражение пойдет так, как изначально предполагал Кутузов, — главным образом, на его правом фланге. Но Богарне, закрепившись на Бородинских высотах и выставив здесь батарею из 38 орудий с заданием вести огонь по центру русской позиции, стал ждать, как развернутся события на левом крыле русских. Дело в том, что со стороны Наполеона взятие Бородина было не столько ударом, сколько маневром, который должен был отвлечь внимание противника от направления главного удара.

А главный удар был направлен на Багратионовы флеши. Здесь с 5 часов 30 минут утра закипела небывалая по ожесточению битва. Три лучших маршала Наполеона — Даву, Ней, Мюрат — порознь и вместе бросали громаду своих войск против Багратиона, между тем как Понятовский пытался обойти флеши справа.

Честь первой атаки флешей была доверена командиру дивизии из корпуса Даву генералу Компану — тому, который накануне взял Шевардинский редут. Его удар приняла на себя дивизия генерал-майора М.С. Воронцова (будущего фельдмаршала) при поддержке дивизии Д.П. Неверовского. Компан повел свои полки в атаку со стороны Утицкого леса под прикрытием огня 50 орудий, но был отбит. Даву подкрепил его дивизией Ж.-М. Дессе и приказал повторить атаку. Компан вновь пошел вперед во главе атакующих колонн, но был тяжело ранен. Сменивший его Дессе тут же разделил участь Компана, а вслед за Дессе получил свою 22-ю за время боевой службы рану и выбыл из строя генерал-адъютант Наполеона Ж. Рапп, присланный от самого императора (35. Т. 1. С. 123). Французы заколебались. Видя

это, маршал Даву сам повел свой любимый 57-й полк на приступ и ворвался в левую флешь, но был контужен, сбит с лошади и потерял сознание. Наполеону «успели» даже сообщить о смерти маршала⁴³. Тем временем русские выбили французов из левой флешки.

Историки до сих пор не могут согласно определить, сколько раз в тот день флешки переходили из рук в руки. Традиционное мнение таково, что французы взяли их в результате 8-й атаки примерно к 12 часам, когда и был смертельно ранен Багратион. В 1992 г. А.А. Васильев и Л.Л. Ивченко попытались опровергнуть традицию. Опираясь главным образом на дневник начальника штаба 2-й армии генерал-адъютанта графа Э.Ф. Сен-При, раненого одновременно с Багратионом, они пришли к небезосновательному (хотя и небесспорному) выводу, что Багратион выбыл из строя еще до 9 часов утра, а флешки окончательно пали к 10 часам, в итоге не 8-й, а 3-й атаки⁴⁴.

Наполеон мог бы взять флешки и сломить русское левое крыло еще раньше, если бы ему удалось осуществить маневр, уже позволивший ему в прошлом победить при Ваграме, а впоследствии — при Линьи⁴⁵. Только что Понятовский атаковал Тучкова возле Утицы, а Богарне взял (оказалось, ненадолго) Курганную высоту и уже открыл с нее фланкирующий огонь по флешам, Наполеон сразу усилил фронтальный обстрел позиции Багратиона, вдвойне губительный в сочетании с артиллерийской атакой Богарне, и предпринял новый штурм флешек силами Даву и Нея, а Жюно направил в обход между флешками и Утицей для удара по Багратиону с фланга, когда Даву и Ней атакуют его в лоб.

Однако этот маневр, который должен был, по мысли Наполеона, решить исход сражения, не удался. Две дивизии

Жюно неожиданно для французов натолкнулись возле Утицы на 2-й корпус К.Ф. Багговута, который в начале битвы занимал правое крыло русской позиции и перемещение которого справа налево Наполеон просмотрел.

Кто и когда направил Багговута с правого на левый фланг? Одни исследователи считают — Кутузов (2. С. 384 — 385; 6. Ч. 1. С. 296; 12. С. 309; 16. С. 158; 39. Т. 2. С. 65)⁴⁶, другие — Барклай (3. Т. 2. С. 182)⁴⁷. Сам Багговут доносил после сражения Кутузову: «Когда неприятель повел атаку на наш левой [фланг], я по приказанию главнокомандующего 1-й Западной армией пошел с пехотными полками 2-го корпуса на подкрепление одного». Оригинал донесения хранится в РГВИА⁴⁸.

Мало того, давно опубликован рапорт Багговута Барклаю де Толли о том же: «Когда неприятель повел атаку на наш левый фланг, я *по приказанию Вашего Высокопревосходительства* пошел с пехотными полками 2-го корпуса на подкрепление одного» (4. С. 184). Эти документы решают вопрос: корпус Багговута был послан на левое крыло Барклаем де Толли, который в данном случае и в ходе всего сражения действовал согласно диспозиции Кутузова, предоставившей главнокомандующим армиями инициативу решений.

Итак, Жюно был отброшен войсками Багговута к Утицкому лесу. Понятовский же, хотя и нейтрализовал Тучкова, сам тоже был им нейтрализован. Теперь Наполеон мог рассчитывать только на особую мощь фронтального удара по флешам. Штурмующие колонны Даву и Нея устремились вперед словно по приказу: «Теперь или никогда!» Впереди колонны Даву шли гренадеры 57-го полка. Молча, с ружьями наперевес, не отстреливаясь, они бросились прямо на русские пушки. Сам Багратион, глядя на них, воскликнул: «Браво!»

(4. С. 377; 13. С. 527). В этот момент он был сражен осколком ядра, который раздробил ему голень левой ноги⁴⁹.

Несколько мгновений Багратион силился превозмочь страшную боль и скрыть свою рану от войск, чтобы не расстроить их, но, ослабев от потери крови, теряя сознание, стал падать с коня. Его успели подхватить, положили на землю. «В мгновение пронесся слух о его смерти, — вспоминал А.П. Ермолов, — и войска невозможно удержать от замешательства... Одно общее чувство — отчаяние» (15. С. 195).

Временно (как старший в чине на левом фланге) заменил Багратиона П.П. Коновницын. Он с боем отводил войска к д. Семеновской до прибытия Д.С. Дохтурова, который по приказу Кутузова принял командование левым флангом русской армии. Приказ Кутузова Дохтурову гласил: «Рекомендую вам держаться до тех пор, пока от меня не последует повеление к отступлению» (4. С. 93). Обозрев позицию, Дохтуров сел на барабан и заявил: «За нами Москва! Умирать всем, но ни шагу назад!»⁵⁰.

По наблюдению Барклая де Толли, 2-я армия, потеряв Багратиона, «была опрокинута в величайшем расстройстве» (1. С. 28). Это засвидетельствовали и Дохтуров («по прибытии туда нашел я все в большом смятении»⁵¹), и Ермолов (15. С. 189, 190). Между тем французы ломились вперед, пытаясь довершить разгром русского левого фланга. Барклай спешил переместить справа налево 4-й корпус генерал-лейтенанта графа А.И. Остермана-Толстого, укрепляя таким образом стык левого фланга с центром⁵². Тем временем три свежих гвардейских полка (Литовский, Измайловский, Финляндский), которые прислал из резерва 1-й армии сам Кутузов, героически отражали атаки французской конницы, давая возможность Дохтурову привести

расстроженные войска в порядок. Правда, дивизия генерала Л. Фриана из корпуса Даву все же овладела Семеновской, но Дохтуров, отступив за Семеновскую не далее 1 км, закрепился на новом рубеже.

Мюрат, Ней и Даву, силы которых тоже были истощены, обратились к Наполеону за подкреплением для завершающего удара. Наполеон отказал. Он решил, что левое крыло русских уже непоправимо расстроено, и начал готовить решающую атаку Курганной высоты, чтобы прорвать центр русской позиции.

Ожесточение битвы росло с каждым часом. «Еще не было случая, чтобы неприятельские позиции подвергались таким яростным и таким планомерным атакам и чтобы их отстаивали с таким упорством», — признавал А. Коленкур (19. С. 136). Ветеран наполеоновских войн генерал Ж. Рапп выразился с солдатской прямоотой: «Мне еще не доводилось видеть такой резни»⁵³. «На всей нашей линии кипело ужасное побоище, — вспоминал адъютант Баркляя де Толли, будущий декабрист А.Н. Муравьев. — Бой пехотный, ручной, на штыках, кавалерийские атаки, артиллерийский непрерывный огонь... так что выстрелы из орудий не прекращались во весь день ни на минуту. Убитые и раненые падали с обеих сторон, по ним скакали орудия и кавалерия и давили раненых; груды, горы убитых лежали на пространстве четырех верст» (4. С. 376).

Не мудрено, что в таком сражении и та, и другая сторона несли ужасающие потери. Гибли целые соединения. «Дивизии моей почти нет... — напишет 8 сентября П.П. Коновницын. — Едва ли тысячу человек сочтут» (5. Т. 8. С. 110). М.С. Воронцов увидит, что его дивизия «совершенно уничтожена»: из 4 тыс. человек в ней останется «менее 300» (4. С. 342). Н.Н. Раевский из двух дивизий своего корпуса после битвы «едва мог собрать 700 человек»⁵⁴!

Напор французов все нарастал, но соответственно возрастала и стойкость защиты русских. Солдаты обеих армий показывали образцы воинской доблести. «Никогда и никакие войска не сражались столь мужественно, как сии две храбрые армии», — подчеркивал Барклай де Толли (14. С. 293). Нужно отдать должное солдатам Наполеона: движимые преданностью своему кумиру, сознанием воинского долга, жаждой славы, побед и скорого возвращения домой, они дрались в тот день не хуже, чем в любом из 50 триумфальных наполеоновских сражений. Но русские устояли перед ними. «Другие войска были бы разбиты и, может быть, уничтожены до полудня, — резонно утверждал генерал Ж. Пеле. — Эта (русская. — *Н.Т.*) армия заслужила величайшие похвалы»⁵⁵. «Одни только русские могли устоять», — убежденно заявлял Ф.Н. Глинка (11. С. 161).

Русские солдаты сражались под Бородином не ради славы и не столько за веру и царя, сколько за отечество. Именно желание защитить родную землю, Москву и всю Россию, воодушевляло русских воинов, делая их непобедимыми. Один из рядовых героев 1812 г. так ответил на вопрос, почему при Бородине сражались столь храбро: «Оттого, сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: «Хоть все беги, я буду стоять! Хоть все сдайся, я умру, а не сдамся!» Оттого все стояли и умирали!» (Там же. С. 111). Оттого и являлись «примеры изумляющей неустрашимости» (15. С. 192). Тарнопольский полк 27-й дивизии Д.П. Неверовского шел в контратаку на флешу колонной с музыкой и песней, «что я, — вспоминал участник многих войн Н.И. Андреев, — в первый и последний раз видел»⁵⁶.

Наградные документы русского штаба сохранили для нас имена рядовых героев Бородина. Артиллеристы Ефрем

Сосулин, Ян Мац, Иван Желтухин были представлены к награждению Георгиевскими крестами за то, что встретили ворвавшегося на их батарею неприятеля в палаши и отстояли все свои орудия (4. С. 298). Георгиевскими кавалерами стали драгуны Тарас Харченко, Сидор Шило, Петр Милешко, Никита Власенко, Василий Хабенко, Корней Косененко: «Сии первые вскочили на неприятельскую батарею с унтер-офицером своим и, изрубив канонир, обратили орудие на неприятеля» (Там же. С. 268). К той же награде были представлены кирасиры Иван Седов, Григорий Ковалев, Игнат Филонов, Матвей Криворучка. «Врубившись в неприятельскую кавалерию, — читаем о них в наградном списке, — положили двух офицеров и несколько нижних чинов на месте и, отбивши из рук неприятельских полковника другого полка, возвратились во фронт» (Там же. С. 256).

Русские офицеры и генералы были достойны своих солдат. В тех же наградных списках названы десятки героев-офицеров, таких, как штабс-капитан Щепотьев, который, «командуя батареею из 6 орудий, находился один против многих неприятельских батарей, и когда весь огонь устремлен был на него, то он, потерявши всех людей... не оставил своего места, несколько раз опрокинул неприятельские колонны» (Там же. С. 246). Патриотическое чувство, как никогда, спланивало русских воинов — и солдат, и офицеров. Полковник Ф. Ф. Монахтин, дважды раненный, перед тем как пасть с третьей, смертельной раной, успел воскликнуть, указывая солдатам на батарею Раевского: «Ребята, представьте себе, что это — Россия, и отстаивайте ее грудью!» (32. Т. 7. С. 575).

Офицерами сражались под Бородином 65 будущих декабристов⁵⁷. Семеро из них (П.И. Пестель, М.С. Лунин,

В.Ф. Раевский, М.Ф. Митьков, А.Ф. Бригген, А.А. Кавелин, П.Н. Семенов) получили после сражения золотые шпаги с надписью «За храбрость», а боевых орденов были удостоены очень многие, в том числе И.Д. Якушкин, М.А. Фонвизин, В.Л. Давыдов, П.Х. Граббе, И.С. Повало-Швейковский (единственный из декабристов, награжденный в войнах с Наполеоном двумя золотыми шпагами «За храбрость»)⁵⁸. Геройски проявили себя в Бородинской битве поэты В.А. Жуковский и П.А. Вяземский, первый в России Георгиевский кавалер Е.И. Митюхин⁵⁹, первая русская женщина-офицер, вообще единственная женщина из 288 тыс. участников битвы, «кавалерист-девица» и «русская амазонка», как ее называли, Н.А. Дурова; 19-летний прапорщик М.М. Ковалевский — будущий губернский предводитель дворянства, отец академика М.М. Ковалевского.

Генералы русской армии не уступали в ратной доблести своим солдатам и офицерам. М.Б. Барклай де Толли в полной парадной форме, при всех орденах и звездах и в шляпе с султаном лично водил полки в атаки и контратаки. «С ледяным хладнокровием, которого не мог растопить и зной битвы, — вспоминал о нем Ф.Н. Глинка, — втеснялся он в самые опасные места» (11. С. 85). Пять лошадей были убиты в тот день под Барклаем, погибли или вышли из строя ранеными 9 из 12 его адъютантов⁶⁰. «У него не иначе как жизнь в запасе!» — воскликнул, наблюдая за ним, М.А. Милорадович. Впрочем, сам Милорадович тоже сражался при Бородине, «не щадя живота своего», как не щадили себя П.И. Багратион и Д.С. Дохтуров, Н.Н. Раевский и П.П. Коновницын, А.П. Ермолов и А.И. Остерман-Толстой. Командир 3-го корпуса Н.А. Тучков пал, смертельно раненный, находясь во главе атакующей колонны своих стрелков. Его брат бригадный генерал А.А. Тучков был сражен картечью,

когда он со знаменем в руках поднял солдат в контратаку (11. С. 82). В пылу одной из русских контратак погиб начальник артиллерии 28-летний генерал А.И. Кутайсов. Лошадь его вернулась назад с окровавленным седлом, тело Кутайсова не могли разыскать⁶¹.

Охваченные патриотическим энтузиазмом, руководимые столь доблестными офицерами и генералами, русские войска не только не бежали, чего добивался и был уверен, что добьется, Наполеон, они, если говорить точно, даже не отступали, а лишь несколько отодвигались то с одной, то с другой позиции и продолжали стоять несокрушимой стеной.

Эта стена буквально мозолила глаза Наполеону, который наблюдал за ходом битвы из своей ставки на холме у Шевардинского редута (примерно в километре от Багратионовых флешей). Отсюда обозревалась вся русская позиция. «Ни с какого другого пункта Наполеон не мог бы видеть совокупность и подробности сражения»⁶². Здесь он и провел большую часть дня, иногда отлучаясь на ответственные участки (выезжал на флеши, как только они были взяты; побывал на своем левом фланге в момент атаки Ф.П. Уварова и М.И. Платова; к 17 часам прибыл на батарею Раевского)⁶³. Впереди блестящей, нарядно одетой свиты из офицеров, генералов и маршалов, сиявших радужными цветами орденских лент и звезд, золотом эполет, галунов, аксельбантов, Наполеон в серой шинели без всяких знаков отличия, в простой треугольной шляпе либо расхаживал по холму, либо садился на походный стул (как увековечил его на известной картине В.В. Верещагин), часто и подолгу глядя в подзорную трубу на поле сражения и непрерывно рассылая во все стороны адъютантов. За императорской свитой стоял резерв «Великой армии». «Мы были выстро-

ены в боевой порядок, оставаясь в бездействии и выжидая приказаний, — вспоминал очевидец. — Полковые оркестры разыгрывали военные марши, напоминавшие о первых походах революции: «Allons, enfants de la Patrie!» («Марсельезу». — *Н.Т.*), когда дрались за свободу. Тут же эти звуки не одушевляли воинов, а некоторые старшие офицеры посмеивались, сравнивая обе эпохи»⁶⁴.

Тем временем на всех участках сражения солдаты Наполеона дрались за победу, как львы. Его лучшие маршалы (Даву, Мюрат и особенно Ней, рыжая голова которого стала черной от пороха) не выходили из огня, организуя и возглавляя атаку за атакой. Но время шло, а желанной победы все не было.

Сам Наполеон с каждым часом битвы мрачнел, приказания отдавал раздраженно. Он был нездоров, его мучила простуда. Иные зарубежные историки полагают, что насморк императора и лишил французов должной оперативности, а русских спас от неминуемой гибели. Во всяком случае из-за болезни Наполеон якобы действовал при Бородине менее искусно и «был ниже своей репутации» (39. Т. 2. С. 77)⁶⁵.

Думается, все было не так просто. Конечно, болезнь мешала Наполеону (простой насморк может ослабить энергию ума и воли). Но руководил он битвой, несмотря на недомогание, мастерски: взяв Бородино, обезопасил себя от возможного удара русских с правого фланга, утренними атаками Курганной высоты сковал активность русского центра, а на левое крыло противника обрушил столь мощные и стремительные атаки, сочетая их с отвлекающими маневрами, что русское командование не успевало перебрасывать резервы к самым опасным участкам битвы. Лев Толстой верно заметил, что Наполеон под Бородином был «тот же» и войска его «были те

же, генералы те же, те же были приготовления... даже враг был тот же, как под Аустерлицем и Фридландом; но страшный размах руки падал волшеббно-бессильно»⁶⁶. Вот отчего Наполеон был угрюм — не столько от нездоровья, сколько от того, что ход сражения складывался не так, как он предполагал. Причины же столь мало желательного для французов хода сражения заключались в патриотизме и ратной доблести русских воинов, а также в руководстве битвой со стороны Багратиона, Барклая де Толли и, разумеется, Кутузова.

Под пером иностранных и отчасти русских дореволюционных историков Кутузов на Бородинском поле выглядит как «абстрактный авторитет», который от старости и от лени будто бы не был способен активно управлять войсками. Карл Клаузевиц считал, что под Бородином роль Кутузова равнялась «почти нулю» (18. С. 80; см также: 3. Т. 2. С. 177). Понятно, почему и Лев Толстой, не имея конкретных данных о том, как Кутузов руководил битвой, пришел к выводу, что Михаил Илларионович вообще «не делал распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему»; внешне был пассивен и безразличен («с трудом жевал жареную курицу» и даже «задремывал»), но проявлял свой «долголетний военный опыт» и «старческий ум» в том, что следил за «духом войск» и руководил им, «насколько то было в его власти»⁶⁷. Во всем этом есть большая доля правды, хотя и не вся правда.

Главная квартира Кутузова размещалась в д. Татариново, примерно в километре за второй линией центра русской позиции, но большую часть дня главнокомандующий провел у д. Горки на правом фланге, так его беспокоившем (между тем как битва шла главным образом на левом фланге). Ни из Горок, ни из Татаринова Кутузов не мог видеть, как сражаются его войска (15. С. 194)⁶⁸.

Жозеф де Местр заметил по этому поводу: «Кутузов находился в трех верстах от поля битвы. Конечно, главнокомандующий — это не простой гренадер, но все-таки надобно знать меру»: 23. С. 237 (вспомним, откуда руководил битвой и что мог видеть Наполеон!).

Разумеется, Кутузов, как и Наполеон, чуть ли не ежеминутно получал информацию от адъютантов — своих и чужих, а кроме того, полагался на инициативу Барклая де Толли и Багратиона. Сидя на деревянной скамейке, которую возил за ним конвойный казак, Михаил Илларионович в простом сюртуке без эполет (*à la* Наполеон), в фуражке без козырька, с неизменной казачьей нагайкой в руках или на плече, окруженный множеством офицеров и генералов, выслушивал донесения и отдавал приказы. «Он спокоен, совершенно спокоен, *видит одним глазом, а глядит в оба*, хозяйственно распоряжается битвою», — так описывал его при Бородине Федор Глинка (11. С. 57).

Примеров мастерства Кутузова как «хозяина битвы» даже самые ортодоксальные его почитатели найти до сих пор не могут, кроме одного-двух. Б.С. Абалихин, за неимением лучшего, приводил даже такой пример: Кутузов «не побоялся» заменить только что назначенного командующим войсками левого фланга генерал-майора принца Евгения Вюртембергского (племянника императрицы Марии Федоровны) Дохтуровым. На этом основании Абалихин здесь заключил, что Кутузов вообще не был царедворцем⁶⁹. В действительности Михаил Илларионович послал на левый фланг не Евгения, который в чине генерал-майора не мог командовать всем флангом, а его дядю, брата Марии Федоровны, генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского. Заменив же его по необходимости Дохтуровым, Кутузов объяснился с герцогом вполне царедвор-

чески: «Начал в самых учтивых выражениях просить его, чтобы он от него во время сражения не отъезжал, потому что советы Его Высочества были для него необходимы»⁷⁰.

Единственный, действительно серьезный пример личного вмешательства Кутузова в руководство битвой — это рейд русской конницы во фланг Наполеону. Было примерно 11 часов. Наполеон только что взял флеши, отбросил за Семеновскую левое крыло русской армии и нацеливал основные силы на Курганную высоту, чтобы прорвать русский центр. Момент для Кутузова был критический. Ему грозил второй Аустерлиц. И в этот момент Кутузов направил в обход левого крыла французов кавалерийский резерв Ф.П. Уварова и казаков М.И. Платова.

Советские историки большей частью оценивали рейд Уварова и Платова восторженно, как «гениально задуманную и блестяще выполненную» операцию, «особенно важный» эпизод всей Бородинской битвы, ее «решающее мероприятие» (16. С. 390; 32. Т. 12. С. 443)⁷¹. В постсоветской историографии высоко, хотя и с меньшим восторгом, оценили рейд Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев, А.В. Шишов и Б.П. Фролов (12. С. 312)⁷². Самый факт рейда так восхитил их, что они не только не анализировали его результаты, но и закрывали глаза на критические мнения о нем К.Ф. Толя, А.П. Ермолова, М.Б. Баркляя де Толли (1. С. 32; 15. С. 200)⁷³ и самого Кутузова, который очень холодно встретил вернувшегося из рейда Уварова («Я все знаю — Бог тебя простит»), а после сражения не представил к награде из всех своих генералов только Уварова и Платова, прямо объяснив в ответ на запрос Царя, что они не заслужили награду (10. С. 68; 20. Ч. 1 С. 197—206).

Рейд Уварова и Платова был предпринят малыми силами (4,5 тыс. сабель), а главное, без должной энергии. У д. Без-

зубово русская конница была остановлена войсками генерала Ф.-А. Орнано⁷⁴ и вернулась назад. Обходный маневр и удар по левому флангу Наполеона, на что рассчитывал Кутузов в надежде перехватить инициативу боя, не удались. Поэтому исследователи, желающие прославить Кутузова, ставят его (и себя) в неловкое положение, ибо превозносят как «гениальный» и «решающий» тот его маневр, который он сам признал неудавшимся⁷⁵.

Разумеется, неудача «диверсии» Уварова и Платова была относительной. По меткому определению А.И. Попова, «диверсия принесла больше пользы русской армии, чем нанесла вреда французской»⁷⁶. Она отвлекла внимание Наполеона (император сам помчался к д. Беззубово узнать, в чем дело) и заставила его на два часа приостановить штурм Курганной высоты (17. С. 345). Хотя высота после этого все равно пала, тем временем Барклай де Толли заменил в центре остатки корпуса Раевского последним свежим корпусом Остермана-Толстого (6. С. 174), а Дохтуров привел в относительный порядок расстроенное левое крыло.

Только к 14 часам французы начали общий штурм Курганной высоты, которую с утра они уже занимали, но были выбиты оттуда. Вот как это произошло⁷⁷. Около 9 или 10 часов вице-король Италии Е. Богарне атаковал высоту силами приданной ему дивизии генерала Ш.-А. Морана из корпуса маршала Даву. Впереди этой дивизии шла бригада генерала Ш.-О. Бонами, которая и ворвалась на батарею Раевского. Но не успели французы закрепиться на высоте, как генерал-майор А.П. Ермолов неожиданно и для Наполеона, и для Кутузова организовал блестящую контратаку. Он проезжал мимо с поручением от Кутузова во 2-ю армию и увидел беспорядочный отход русских от Курганной высоты, только что занятой французами. Ермолов обнажил

саблю, остановил бегущих, взял из резерва четыре полка и лично, на коне, повел их в штыковую атаку, причем, по его рассказу, «имел в руке пук Георгиевских лент со знаками отличия военного ордена, бросал вперед по несколько из них, и множество стремились за ними» (15. С. 192). Рядом с Ермоловым в этой атаке участвовали его адъютант поручик П.Х. Граббе (будущий декабрист, граф, «полный» генерал) и начальник русской артиллерии 28-летний генерал-майор граф А.И. Кутайсов, который здесь погиб (лошадь его вернулась назад с окровавленным седлом, тело Кутайсова не могли разыскать): 11. С. 126—127; 15. С. 194—195)⁷⁸. Сам Ермолов был ранен.

В «Записках» Ермолова лишь упомянуто, а в исследовании В.Н. Земцова, по данным разных источников, сказано о том, что одновременно с Ермоловым атаковали французов и отбили у них Курганную высоту пехотные полки генерал-майоров И.Ф. Паскевича (будущего фельдмаршала, светлейшего князя) и кн. И.В. Васильчикова из 7-го корпуса Раевского, а также два кавалерийских полка генерал-майора барона Ф.К. Корфа, которых прислал Барклай де Толли (15. С. 192—193)⁷⁹.

Генерал Бонами, отчаянно дравшийся врукопашную, был взят в плен. Полуживой от более чем 20 ран, едва не поднятый на штыки, он, чтобы спастись, назвал себя Мюратом, и русские солдаты, «изумленные такою храбростью» удальца в генеральском мундире, поверили ему (11. С. 59—60). Кутузов, которому доложили о «пленении Мюрата» раньше, чем принесли на носилках пленного, усомнился, так ли это, но, чтобы поднять дух войск, использовал доложенное. Хорошо представлена эта сцена в пьесе К.А. Тренева «Полководец»: «Кутузов: Ну какой там Мюрат... Мюраты в плен не сдаются. (Кайсарову)⁸⁰. Объявить по фронту, что маршал Мюрат взят в плен»⁸¹.

Итак, к 14 часам французы начали решающий штурм Курганной высоты. Наполеон рассчитывал не просто взять высоту, но и прорвать здесь, в центре, русский боевой порядок. Ураганный огонь по высоте открыли 200 французских орудий — не только с фронта, но и с обоих флангов, т.е. со стороны Бородина и Семеновской, буквально засыпая ядрами стоявшие на высоте и вокруг нее полки 4-го корпуса, дивизий П.Г. Лихачева и П.М. Капцевича из 6-го корпуса, 2-го (Ф.К. Корфа) и 3-го (К.А. Крейца) кавалерийских корпусов, конногвардейцев, кавалергардов, преображенцев, семеновцев. Все они под опустошительным перекрестным огнем врага несли тяжелейшие потери. «Казалось, — вспоминал Барклай де Толли, — что Наполеон решился уничтожить нас артиллериею» (1. С. 30). «Самое пылкое воображение не в состоянии представить сокрушительного действия происходившей здесь канонады», — читаем у А.И. Михайловского-Данилевского, однако «чугун дробил, но не колебал груди русских!» (24. Т. 2. С. 260). Защитники Курганной высоты были движимы одной мыслью: выстоять, сознавая, что здесь — «ключ всей нашей позиции» (Барклай де Толли — Кутузову 8 октября 1812 г.: 4. С. 174).

Под прикрытием столь мощной канонады Богарне повел на штурм высоты три пехотные дивизии — Брусье, Морана и М.-Э. Жерара (будущего маршала Франции). В этот момент Наполеон приказал генералу О. Коленкуру, который только что заменил сраженного русским ядром командующего 2-м кавалерийским корпусом «Великой армии» Л.-П. Монбрена, немедленно атаковать высоту с правого фланга. Коленкур обещал: «Я буду там сей же час — живой или мертвый!» (44. Т. 1. С. 374). Он встал во главе дивизии своих кирасир — «gens de fer» («железных людей»),

как называл их Наполеон, — помчался вправо от высоты, как бы с намерением атаковать там русскую кавалерию, но затем, внезапно повернув влево, галопом устремился на высоту, к батарее Раевского. В сверкающих кирасах и латах, словно железный смерч, «gens de fer» Коленкура через ров и бруствер ворвались на батарею по трупам своих товарищей и были встречены здесь в штыки. «Казалось, что вся возвышенность... обратилась в движущуюся железную гору, — вспоминал участник битвы Е. Лабом. — Блеск оружия, касок и панцирей, освещенных солнечными лучами, смешивался с огнем орудий, которые, неся смерть со всех сторон, делали редут похожим на вулкан в центре армии» (35. Т. 1. С. 131; ср.: 11. С. 105—106).

Одновременно с фланговой атакой Коленкура атаковали батарею Раевского в лоб и прорвались к ней пехотные батальоны Жерара. Ценой невообразимых усилий и потерь французы овладели батареей, причем генерал Коленкур был убит. Он сдержал слово, данное Наполеону: живым ворвался на батарею, взял ее и остался на ней мертвым. Никто из защитников батареи не бежал от врага. Они разили французов штыками, прикладами, тесаками, дрались банниками, рычагами. Их генерал П.Г. Лихачев, весь израненный, ободрял солдат: «Помните, ребята, деремся за Москву!», а когда почти все они погибли, «расстегнул грудь догола» и пошел на вражеские штыки (11. С. 106). Еле живой от ран, он был взят в плен.

Курганная высота к 15 часам, когда ее заняли французы, представляла собой «зрелище, превосходившее по ужасу все, что только можно было вообразить. Подходы, рвы, внутренняя часть укреплений — все это исчезло под искусственным холмом из мертвых и умирающих, средняя высота которого равнялась 6—8 человекам, наваленным

друг на друга» (35. Т. 1. С. 152—153). «Погибшая тут почти целиком дивизия Лихачева, казалось, и мертвая охраняла свой редут»⁸².

Атака «gens de fer» Огюста Коленкура, безусловно, самый блестящий маневр и самый большой успех французов в Бородинском бою, более эффектный внешне, чем даже «фантастическая» атака Л.-П. Монбрена при Сомо-Сиерра в 1808 г. Можно понять тот восторг, с которым сами французы относят атаку Коленкура к замечательнейшим подвигам «в военных летописях народов» (35. Т. 1. С. 135). Понятна и выпренность их слов о гибели Коленкура. Виктор Гюго называл эту потерю в ряду самых тяжких потерь Наполеона («И Коленкур сражен в редуте под Москвой»)⁸³.

Все это можно понять. Но нельзя забывать другое. Что выиграл Наполеон ценой гибели таких людей, как Монбрен и Коленкур, ценой крови тысяч и тысяч своих «gens de fer», чего он добился, овладев Курганной высотой? Да, он захватил ключ, главный опорный пункт русской позиции. А что дальше? Ничего. Прорвать центр боевого порядка русских, обратить их в бегство Наполеон, как ни старался, не смог. Один из его лучших офицеров, получивший из рук императора два почетных креста, друг Стендаля граф Андреа Корнер около 16 часов воскликнул в простодушном недоумении: «Будет ли, черт возьми, конец этой битве?»⁸⁴.

Оставив Курганную высоту, русская пехота отходила за Горечкий овраг (в 800 м от высоты). Барклай де Толли приводил ее в порядок. Два кавалерийских корпуса французов — Латур-Мобура и Груши — пытались развить успех и прорвать столь, казалось бы, истощенную русскую оборону. Русские пехотинцы держались, а тем временем Барклай стянул к Горечькому оврагу свою кавалерию — корпуса Ф.К. Корфа и К.А. Крейца. Началась ожесточенная кав-

лерийская сеча, в ходе которой обе стороны попеременно опрокидывали друг друга (4. С. 335). Французы потеряли здесь (ранеными) и Груши, и Латур-Мобура, но не смогли взять верх над русскими. Барклай лично участвовал в этом бою, а главное, умело руководил им. Обороняясь и контратакуя, его полки отвратили угрозу прорыва от русского центра. Тем самым Барклай оправдал надежды Багратиона, который, будучи уже раненым, просил: «Скажите генералу Барклаю, что участь армии и ее спасение зависят от него»⁸⁵.

Около 17 часов Наполеон прибыл на Курганную высоту и оттуда обозрел центр русской позиции. Отступив к высотам у д. Горки, русские дивизии стояли хотя и поредевшие, но не сломленные, готовые отражать новые атаки. Наполеон знал, что и левое крыло русских, оттесненное за Семеновскую, уже приведено в боевой порядок. Понятовский не сумел его обойти; он занял д. Утицу и Утицкий курган, но здесь и остался, не имея сил для новых атак. Что касается русского правого фланга, то он был надежно прикрыт высоким берегом Колочи и огнем с батарей на Горецких высотах.

Наполеон был мрачнее тучи, глядя на грозную стену русской армии. После стольких побед, одержанных им на своем веку чуть ли не над всеми армиями Европы, после того, как он страстно жаждал этого сражения, дождался его и твердо верил в победу, — после всего этого невесело было ему видеть, что на этот раз желанной победы он не одержал. Не могло быть и речи не только о бегстве русской армии, но даже о ее отступлении: в конце сражения она стояла так же непоколебимо, как и в начале.

О чем в те минуты думал Наполеон? Вероятно, о том, что у него осталось нетронутым ударное ядро его армии —

гвардия, 19 тыс. лучших солдат. Маршалы Даву, Ней и Мюрат умоляли императора двинуть гвардию в бой и таким образом «довершить разгром русских» (40. С. 78; 44. Т. 1 С. 369)⁸⁶. Некоторые историки — например, классик марксизма Ф. Энгельс и постсоветский исследователь В.В. Бешанов — полагают, что, если бы Наполеон ввел в сражение гвардию, русская армия «была бы наверняка уничтожена»⁸⁷. Сам Наполеон не был в этом уверен. «Успех дня достигнут, — заявил он в ответ на просьбы маршалов, — но я должен заботиться об успехе всей кампании и для этого берегу мои резервы»⁸⁸. Такие авторитеты, как А. Жomini и К. Клаузевиц, оправдывали это решение императора. «Победа была в его руках, — читаем у Клаузевица, — Москву он рассчитывал и так занять; выдвигать более крупную цель, поставив на карту последние силы, по его мнению, не вызывалось требованиями ни необходимости, ни разума» (18. С. 100. Ср.: 17. С. 348, 354).

Русские ждали атаку наполеоновской гвардии и готовились к ней. Но противник больше не атаковал. Только в отдельных местах происходили стычки конницы да гремела с обеих сторон до 20 часов артиллерийская канонада. Начинало темнеть. «Что русские?» — спросил Наполеон. «Стоят на месте, ваше величество!» — ответили ему. «Им, значит, еще хочется, всыпьте им еще!» — в таких выражениях Наполеон приказывал усилить огонь⁸⁹.

Постепенно бой затихал. Слишком велико было взаимное напряжение и истощение сил борющихся сторон. Лев Толстой так написал об этом: «Тот, кто посмотрел бы на расстроенные зады русской армии, сказал бы, что французам стоит сделать еще одно маленькое усилие, и русская армия исчезнет; и тот, кто посмотрел бы на зады французов, сказал бы, что русским стоит сделать еще одно маленькое

усилие, и французы погибли. Но ни французы, ни русские не делали этого усилия, и пламя сражения медленно догорало»⁹⁰.

Кутузов в эти вечерние часы 7 сентября выглядел удовлетворенным. Он видел, что русские уже выстояли; интуитивно, благодаря своему полувековому опыту, ощущал их силу духа и готовность противостоять новым атакам врага — хотя бы и самой гвардии Наполеона. Правда, Кутузов отовсюду получал сведения о громадных потерях русской армии, но ему думалось, что французы потеряли не меньше, что их наступательный порыв иссяк и что едва ли они теперь, на исходе такого дня, возобновят атаки.

Больше всего беспокоил Кутузова вопрос о резервах. Он не хуже Наполеона умел ценить и беречь резервы и особо подчеркнул в диспозиции перед битвой: «Резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден»: (4. С. 83). (Наполеон-то свои резервы сберег!). Битва, однако, сложилась так, что Кутузову (а в ряде случаев и Багратиону, и Барклаю де Толли по их собственной инициативе) пришлось ввести в дело все резервные части. Утверждения ряда историков о том, что Кутузов сохранил к концу битвы какой-то (иногда называют даже 20-тысячный: больше, чем было у Наполеона!)⁹¹ резерв, противоречат авторитетнейшим свидетельствам Барклая и самого Кутузова: «Все резервы были уже в деле» (1. С. 28).

Кутузов прямо называл в ряду причин, побудивших его отступить от Бородина к Москве, «то, что вся Наполеонова гвардия была сбережена и в дело не употребилась», а русские ввели в бой всё «до последнего резерва, даже к вечеру и гвардию» (4. С. 144—145; 20. Ч. 1. С. 243)⁹². Но в самый вечер битвы, соображаясь с патриотическим воодушевле-

нием своих войск, он «сгоряча»⁹³ решился было возобновить ее утром, даже без резервов. Когда флигель-адъютант Л.А. Вольцоген, присланный к нему от Барклая за распоряжениями, стал говорить, что «сражение проиграно» (только что пала Курганная высота), Кутузов резко возразил: «Что касается до сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах, завтра погоним его из священной земли русской» (3. Т.2. С. 220).

М.И. Богданович еще 150 лет назад установил, что Вольцоген при этом «увлекся пылкостью воображения и донес главнокомандующему совершенно противное тому, что поручено было ему Барклаем» (3. Т. 2. С. 547—548). Действительно, все поведение Барклая в день битвы доказывает, как далек он был от пораженческих настроений. Когда, уже к полуночи, он получил от Кутузова записку с приказом отступать, то вспылал и «в пылу негодования» даже «изорвал бумагу»⁹⁴. Тем не менее наши историки и писатели продолжают уверять нас, что Барклай де Толли еще до окончания битвы счел ее проигранной («воля его сдала») и поручил Вольцогену убедить в этом Кутузова (12. С. 313; 16. С. 168)⁹⁵.

Вскоре после сцены с Вольцогеном Кутузов послал Барклаю де Толли и Дохтурову записки одинакового содержания: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сем сражении, и потому, завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем <...>» (4. С. 95, 96).

«Сгоряча» ли отдавал Кутузов к ночи 7 сентября такие распоряжения или же (по мнению его ординарца князя А.Б. Голицына) «из одной политики», а сам «никогда не полагал дать

сражение на другой день»⁹⁶, но русские воины встретили весть о том, что завтра они атакуют, «с восторгом» (15. С. 196)⁹⁷.

*Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...*

Тем временем Наполеон отвел часть своих войск с батареи Раевского и Багратионовых флешей на исходные позиции. Ряд наших историков повторяет давнюю версию А.И. Михайловского-Данилевского, будто французы отступили за Колочу (24. Т. 2. С. 283. О том же: 16. С. 169; 21. С. 25)⁹⁸. Все французские источники свидетельствуют, что «Великая армия» ночевала на поле сражения (35. Т. 1. С. 133, 136, 150, 163; 39. V. 2. Р. 82; 40. Р. 80; 44. V. 1. Р. 382)⁹⁹. Поэтому такие общепризнанные авторитеты российской военной историографии, как генерал от инфантерии А.Н. Скугаревский и профессор Академии Генерального штаба генерал-майор А.Н. Витмер, заключили, что ночной отход французов от главных пунктов кровопролития означал всего лишь намерение отдохнуть не на трупах, густо усеявших эти пункты, а в стороне от них¹⁰⁰. Во всяком случае Наполеон располагался на ночлег, не мешая Кутузову сделать то же самое.

Кутузов, однако, узнал, что русские потери гораздо больше, чем предполагалось, и около полуночи дал приказ отступать. Еще до рассвета 8 сентября русская армия оставила поле Бородина и выступила к Москве. «...Когда дело идет не о славах выигранных только батальей, — писал Кутузов Царю перед отходом с Бородинской позиции, — но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить...» (4. С. 102; 20. Ч. 1. С. 154).

ИТОГИ

Современники Бородинской битвы единодушно и справедливо признали ее одной из самых¹⁰¹ кровопролитных в истории войн. Но людские потери в ней обеих сторон с тех пор и поныне определяются еще более разноречиво, чем даже соотношение сил перед битвой. При этом советские историки в большинстве своем (отчасти и постсоветские тоже) очень старались подсчитать потери обеих сторон «в нашу пользу», т.е. чтобы французов погибло как можно больше, а русских как можно меньше, и *победа* Кутузова выглядела бы особенно впечатляющей.

По ведомостям из архива Военного министерства Франции, Наполеон потерял при Бородине 6567 человек убитыми и 21 519 ранеными, всего — 28 086 (40. С. 80). Эти данные для французских историков наиболее авторитетны¹⁰². Приводятся также во французской и прочей зарубежной литературе другие цифры, но, как правило, — в пределах от 20 до 30 тыс. (18. С. 174; 42. Т. 2. С. 21)¹⁰³. Русские данные о потерях французов имеют первоисточником цифру Ф.В. Ростопчина со ссылкой на документы, «оставленные неприятелем»: 50 876 «нижних чинов», а всего — 52 482 чел.¹⁰⁴ Этой цифры держались, при случае округляя ее, почти все русские дореволюционные (3. Т. 2. С. 223; 24. Т. 2. С. 254; 25. Т. 4. С. 26)¹⁰⁵ и советские историки (31. С. 88; 32. Т. 7. С. 579)¹⁰⁶ до 1941 г., когда Б.Л. Кац, ссылаясь на подсчеты В.А. Афанасьева, определил потери французов в 58 478 чел.¹⁰⁷ Теперь все (за редким исключением) наши историки стали называть цифру Каца (2. С. 397)¹⁰⁸, округляя ее до 60 тыс.¹⁰⁹ При этом *никто* из них не указывает первоисточник этой цифры и не интересуется ее происхождением. Между тем она держится на вымысле.

Сам Б.Л. Кац так объяснил происхождение своих дан-

ных: «О потерях французской армии в Бородинском сражении нам сообщил В.А. Афанасьев, который на основании французских документов, опубликованных в 1813 г., сделал *самые точные подсчеты* (эти документы были захвачены русскими при бегстве французов и озаглавлены: «Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, выступившую в поход против России в 1812 г., с приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании до вступления в Москву»)»¹¹⁰.

Итак, цифра Б.Л. Каца получена от В.А. Афанасьева, а тот сделал свои «самые точные подсчеты» на основании тех же документов, которые опубликовал в 1813 г. Ф.В. Ростопчин. Но ведь по документам Ростопчина насчитать 58 478 (а тем более 60 тыс.) французов, павших при Бородине, никак нельзя, — получается именно 52 482, т.е. изначальная ростопчинская цифра. Главное же, «Подробный список...» Ростопчина вовсе не заслуживает того доверия, которым прониклись к нему В.А. Афанасьев и Б.Л. Кац, а следом за ними и другие историки, вплоть до наших дней. Он был сочинен для Ростопчина французским перебежчиком майором А. Шмидтом, который, по-видимому, из желания услужить россиянам щедро «фаршировал» свой опус преувеличениями¹¹¹. Так, численность французской армии при Бородине поднята в «Подробном списке...» до 180,5 тыс. человек¹¹², а в состав ее на Бородинском поле включен 10-й корпус под командованием А. Монсея¹¹³, действовавший за сотни верст от Бородина, под Ригой, причем командовал им не Монсей (который вообще не участвовал в походе на Россию), а Ж.-Э. Макдональд. Вдвое преувеличена в «Подробном списке...» и численность гвардии Наполеона при Бородине: 40 тыс. человек¹¹⁴. Потери французов Шмидт тоже, естественно, преувеличил.

Что касается официальных данных Военного министерства Франции, опубликованных П. Денье, то их (а заодно и мои подсчеты) недавно попытался дискредитировать Б.С. Абалихин. Он заявил: «Такие цифры фигурировали в наполеоновских бюллетенях», а «в русском обществе даже ходила пословица: «лжешь, как бюллетень»»¹¹⁵. Либо Абалихин не заглядывал ни к Денье, ни в «бюллетени», либо он все перепутал (трудно сказать, что хуже), но цифры там *разные*: у Денье — 28 086, в 18-м «Бюллетене» — 8—10 тыс. чел¹¹⁶.

Если французские потери *растут* в подсчетах наших историков с 28 до 60 тыс. человек, то русские — примерно в той же пропорции *сокращаются*, дабы *наша* (во главе с Кутузовым) победа при Бородине выглядела эффектнее. Почти все русские дореволюционные авторы (6. Ч. 1. С. 298; 24. Т. 2. С. 275; 25. Т. 4. С. 26)¹¹⁷, большинство зарубежных¹¹⁸ и — до 1954 г. — советских историков (21. С. 25—26; 31. С. 88; 32. Т. 7. С. 579)¹¹⁹ определяли потери россиян под Бородином в пределах от 50 до 60 тыс. человек. После того как в 1954 г. были опубликованы сводные ведомости потерь 1-й и 2-й Западных армий (20. Ч. 1. С. 210—218), и Л.Г. Бескровный, сославшись на них, объявил, что теперь «вопрос о потерях русской армии в Бородинском сражении можно считать решенным» (2. С. 397), советские историки дружно стали называть число русских потерь по этим ведомостям 38,5 тыс. человек¹²⁰. Однако ни эти ведомости, ни заключение Бескровного не верны. Во-первых, никто из специалистов, включая Бескровного, не заметил, что ведомости, о которых идет речь, были опубликованы еще в 1872 г.¹²¹, а главное, странным образом никто не обратил внимания на их неполноту: они не учитывают потери ополчения и казаков (это сразу бросается в глаза), а также, как недавно установил С.В. Шведов, 32 эскадронов кавалерии, 6 пехотных батальонов, 11 артил-

лерийских рот и ряда других частей. Восстановив пробелы в публикациях ведомостей 1872 и 1954 гг., С.В. Шведов заключил, что русская армия потеряла при Бородине «около 53 тыс. человек», т.е. фактически вернулся к исходным русским данным¹²². Однако Ю.Н. Гуляев, В.Т. Соглаев, А.В. Шишов держатся цифры 42 тыс. (12. С. 315)¹²³.

Заслуживает внимания и хранящийся в РГВИА документ, который был составлен Военно-ученым архивом Главного штаба Российской империи и назван так: «Списки убитым, раненым и награжденным воинским чином 1812—1814 гг.» В нем поименно названы все убитые и раненые при Бородине генералы и офицеры (633 чел.) и подсчитано общее число выживших из строя «нижних чинов» (45 тыс.), всего — 45,6 тыс. человек¹²⁴. Это и есть официально признанный минимум русских потерь, как 28,1 тыс. убитых и раненых по ведомостям архива Военного министерства Франции есть официально признанный минимум потерь французских.

Тот факт, что обороняющаяся русская сторона понесла больший урон, чем сторона наступающая, объясняется совокупностью, по крайней мере, трех факторов. Во-первых, Наполеон при Бородине (как и в других сражениях с разными противниками) более искусно и продуктивно использовал артиллерию, тем более что начальник всей русской артиллерии граф А.И. Кутайсов в начале битвы погиб. Сам Кутайсов признавал, что если решить свои задачи ему не удалось, «тому причиною была смерть Кутайсова» (3. Т. 2. С. 199)¹²⁵. Во-вторых, по ходу битвы, когда опорные пункты русской позиции (флешы Багратиона и батарея Раевского) несколько раз переходили из рук в руки, обороняющаяся сторона превращалась в наступающую и обратно. Наконец, в-третьих, сказалось при Бородине сакраментальное русское правило «за ценой не постоим!» («уж мы пойдем ломить стеною...»),

о чем свидетельствуют и чрезмерная плотность боевого порядка, и недостаточная маневренность на поле боя, и в дальнейшем десятки тысяч раненых, брошенных в Можайске, а затем в Москве (сожжение Москвы, разумеется, тоже). Все это не делает чести Кутузову, но, может быть, учитывалось им, когда он, как бы в искупление своей вины, осторожничал сверх меры на заключительном этапе войны.

Вернемся теперь к потерям сторон при Бородине. Беспримерными в истории войн оказались здесь потери в командном составе. Французы потеряли 49 генералов (а не 43 и не 47, как обычно считают: 16. С. 170; 32. Т. 7. С. 579)¹²⁶ — 10 убитыми и 39 ранеными, все они названы у П. Денье (40. С. 186 — 188). Для французов особенно тяжелой была потеря их лучшего, после Мюрата, кавалерийского генерала, одного из первых кандидатов в маршалы Франции Л.-П. Монбрена и едва ли не главного (с французской стороны) героя битвы О. Коленкура. В числе других погиб и начальник штаба 1-го корпуса генерал Л. де Ромеф — тот самый, кто 22 июня 1791 г., будучи адъютантом генерала Ж. Лафайета, арестовал в г. Варенн пытавшегося бежать из революционной Франции Людовика XVI¹²⁷. Кстати, факт (обнародованный 5 марта 1984 г. в газете «Известия» и затем использованный в моей книге «1812. Великий год России»), будто советские археологи нашли останки Ромефа во рву Багратионовых флешей, оказался мифом: генерал Ромеф умер в «главном амбулансе» «Великой армии» через день после битвы¹²⁸.

А.П. Скугаревский правомерно усмотрел в генеральских потерях «Великой армии» «поучительный пример доблести старших начальников, не повторявшийся в последующих войнах всех армий»¹²⁹. Добавлю, что такого примера не знали и предыдущие войны и что в Бородинской битве его показали обе армии.

Генералов русские потеряли под Бородином почти вдвое меньше, чем французы, но гораздо больше, чем в любом другом сражении за всю историю России, — 29 (6 убитыми и 23 ранеными)¹³⁰. Самой тяжелой утратой для русской армии была гибель «2-го главнокомандующего» кн. П.И. Багратиона. Погиб и начальник всей артиллерии граф А.И. Кутайсов. Сложили головы на Бородинском поле два брата — генералы Н.А. и А.А. Тучковы (напомню, что их третий брат — генерал П.А. Тучков — был взят в плен под Смоленском). Вдова Александра Тучкова Маргарита Михайловна (родная сестра декабриста М.М. Нарышкина) основала на месте гибели мужа и в память о нем Спасо-Бородинский монастырь, где провела всю свою оставшуюся жизнь в качестве игуменьи; похоронена в Спасской церкви монастыря весной 1852 г.¹³¹.

По числу потерь той и другой стороны Бородинское сражение называют не только генеральным, но и генеральским «кровопусканием». Зато трофеи с обеих сторон были одинаково ничтожны: русские взяли 13 пушек и 1000 пленных, среди которых был один израненный генерал — Ш.-О. Бонами; французы захватили 15 пушек и тоже 1000 пленных, в числе которых также оказался один израненный генерал — П.Г. Лихачев (24. Т. 2. С. 276). Ни та ни другая сторона не оставила противнику ни одного знамени.

Как же следует оценить итоги Бородина? К чести Кутузова (а главным образом к чести российского солдата), он *выстоял* при Бородине в генеральном сражении с Наполеоном, не дал себя разбить, обратиться в бегство. Большинству наших историков, вплоть до новейших, этого мало. Они подают Бородинскую битву так, что Кутузов в ней одержал «стратегическую и тактическую победу», нанес «решающее поражение» Наполеону¹³². Это значит, что Ку-

тузов оставил древнюю столицу Отечества побежденному врагу после решающей победы над ним! Мало сказать, что такого казуса мировая история войн еще не знала. Таких казусов вообще не бывает.

Наши историки тем не менее уверовали в этот казус и, чтобы обосновать его, дружно прибегли к двум капитальным подлогам. Во-первых, представить Бородино победой Кутузова крайне мешает историкам... сам Кутузов. Ведь он, напомню, четко определил свою задачу при Бородине: *«Спасение Москвы»*. Поскольку Москву он не спас и, стало быть, задачу свою не решил, как можно представить Бородино его победой? Наши ученые придумали такой ход: закрыв глаза на то, что сам Кутузов считал своей задачей, они приписывают ему свою версию (*«максимальное нанесение потерь противнику»*, т.е. идут на подлог, чтобы подогнать задачу Кутузова под искомый результат¹³³. Если Кутузов ставил задачей всего лишь нанести противнику как можно больший урон, то он свою задачу решил и, значит, битву выиграл, ибо потери французов при Бородине были действительно тяжкими. Оставалось лишь подсчитать бородинские потери обеих сторон «в нашу пользу», что отечественные историки и старательно делают.

В качестве другого подлога используется *«добровольное признание»* Наполеона. Почти в каждом советском издании о войне 1812 г. и в новейших биографиях Кутузова цитируется фраза, будто бы сказанная Наполеоном на острове Святой Елены: «Из 50 сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех»¹³⁴. Так читателю внушается мысль, что Наполеон даже после Лейпцига и Ватерлоо считал «наименьшим» для себя результат Бородина. В действительности же, как явствует из первоисточника, он сказал следующее: «Битва на Москве-

реке была одной из тех (une de celles) битв, где проявлен максимум достоинств и достигнут минимум результатов»¹³⁵.

Развивая версию о победе Кутузова при Бородине, советские историки стали утверждать, что в Бородинском сражении «был развеян миф о непобедимости наполеоновской армии»¹³⁶. Читая такие утверждения, испытываешь чувство неловкости за наших историков — академиков и генералов. Ведь Наполеон и до 1812 г. не все сражения выигрывал (Сен-Жан д'Акр, Прейсиш-Эйлау), а одно из них — под Асперном 22 мая 1809 г. — проиграл, уступив поле битвы. Каким же образом был развеян миф о непобедимости Наполеона именно в Бородинском бою, после которого он сохранил свои и захватил русские позиции, а затем и вступил в Москву?

Дальше — больше. «Бородинское сражение, — утверждает Л.Г. Бескровный, — явилось последним актом оборонительного периода войны, после него начинается период контрнаступления» (2. С. 398). Выходит, по Бескровному, оставление Москвы французам было актом русского контрнаступления!

Архипатриотическое представление о Бородине как о «стратегической и тактической победе» Кутузова внедрилось в нашу историографию так глубоко, что иные, даже мотивированные и авторитетные представления отвергались с негодованием. Вот как реагировал на них П.А. Жилин: «В буржуазной историографии высказывается уже не взгляд, а имеет место *грубая фальсификация* — стремление представить Бородино как победу Наполеона, результатом чего *будто бы* и явилось занятие Москвы»¹³⁷. Столь гневный пассаж историка-сталиниста тем удивительнее, что, кроме ненавистных ему «буржуазных» историков (вроде А. Жомини, К. Клаузевица, Вальтера Скотта, Г. Дельбрюка, М. Кукеля, Д. Чандлера и многих-многих других), «Бо-

родино как победу Наполеона» представляли Карл Маркс, Фридрих Энгельс, редколлегия ленинской «Правды»¹³⁸. Не знал ли об этом Жилин или в гневе забыл?

Формально, и стратегически и тактически Наполеон, конечно же, выиграл Бородинскую битву: он занял все основные пункты русской позиции (Багратионовы флеши, батарею Раевского, с. Бородино и д. Семеновскую), после чего россияне, потеряв гораздо больше людей, чем французы, отступили с поля сражения, а затем и оставили Москву. Столь разные «эксперты», как Жозеф де Местр и В.В. Верещагин, рассуждали просто: *«Побеждать это значит идти вперед, отступить — быть побежденным. Москва отдана, сим все сказано»* (23. С. 224)¹³⁹.

Вместе с тем Наполеон, хотя и добился стратегического, тактического и материального успеха, главной своей задачи — разгромить русскую армию — при Бородине не решил. Он сам и все его войско, от маршалов до солдат, после битвы были разочарованы. Французские источники признают, что столь «ужасная бойня» без привычных для Наполеона атрибутов победы (массы пленных, трофеев, бегущих врагов) вызвала у завоевателей нечто вроде «столбняка» и повергла их в уныние (39. Т. 2. С. 82; 44. Т. 1. С. 379)¹⁴⁰.

Зато русские воины по окончании битвы в массе своей отнюдь не унывали. Были, конечно, сомнения в том, кто выиграл битву. Сохранились свидетельства офицеров и генералов, полагавших, что россияне ее проиграли¹⁴¹. Генерал А.П. Ермолов, офицеры И.Т. Радожицкий и А.А. Щербинин считали, что Наполеон при Бородине «одержал победу, не соответствующую его ожиданиям» (15. С. 197; 29. С. 159)¹⁴². Поэтому нельзя утверждать, что «никто в русской армии не считал сражение проигранным»¹⁴³. Но определяющим боевой дух россиян было сознание, что они *выстояли*, — отсю-

да и тот восторг, с которым они приняли весть о намерении Кутузова «заутра бой затеять новый».

Вот почему мы вправе говорить и о русской победе при Бородине — о победе нравственной. Знаменательно, что сам Наполеон склонялся к такому заключению. «Французы в нем, — сказал он о Бородинском сражении, — показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми»¹⁴⁴.

Нравственная победа русских войск под Бородином столь велика, что не нуждается в искусственном подтягивании до уровня победы материальной, которая и после Бородина оставалась еще для россиян делом будущего, теперь уже — недалекого. Более того, для истории полезнее не замалчивать и, тем паче, не оправдывать, а критически оценить просчеты русского командования в Бородинской битве, которые не только не позволили россиянам добиться лучшего, но и могли привести их к худшему.

Широко бытует мнение, что «не Наполеон, а Кутузов диктовал условия» Бородинской битвы, причем Кутузову ставится в заслугу даже тот факт, что он почти весь день Бородина провел на одном месте, за линией своих резервов, тогда как Наполеон именно потому, что «стремился лично обозревать поле сражения и в критические моменты сам направлялся к месту возникновения опасности», якобы «терял инициативу», «подчинялся направляющей сражение воле Кутузова» (2. С. 405; 16. С. 400)¹⁴⁵.

Факты говорят о другом: Наполеон диктовал ход сражения, атакуя все, что хотел и как хотел, а Кутузов только отбивался от его атак, перебрасывая свои войска из тех мест, где пока не было прямой опасности, в те места, которые подвергались атакам. При этом не всегда дивизии и целые корпуса успевали из центра, а тем более с правого

крыла (за 5—6 км) подкрепить левое крыло русской позиции. «Корпуса Багговута, Остермана и Корфа, — подметил еще один из первых русских историков 1812 г. генерал Н.А. Окунев, — приходили по одному на решительные точки и вступали в дело один после другого, и потому действия их были *поправочные* и принесли пользу только *отрицательную*»¹⁴⁶, т.е. оттянули, но не предотвратили падение ни Багратионовых флешей, ни батареи Раевского. Гениальный художник-баталист В.В. Верещагин, который знал толк в военном деле, резонно критиковал это «*перебеганье* чуть не половины армии под выстрелами»¹⁴⁷.

В результате Бородинская битва возымела поразительную особенность, на что первым обратил внимание тот же Н.А. Окунев и о чем все советские и постсоветские исследователи, кроме А.Н. Кочеткова, молчат. Располагая меньшими силами, Наполеон *на всех* пунктах атаки (Шевардинский редут, Бородино, флеша Багратиона, батарея Раевского, Семеновская, Утица) создавал «превосходство, доходящее до подавляющего», и в пехоте, и в коннице, и в артиллерии¹⁴⁸. Мы восхищаемся героизмом защитников флешей и батареи Раевского, отражавших атаки в 2—2,5 раза превосходящих сил врага, но не задумываемся над тем, что русское командование могло и обязано было не допустить на решающих участках битвы такого и вообще какого бы то ни было превосходства неприятеля в силах, тем более что россияне при Бородине численно превосходили французов.

Все дело в том, что Кутузов проявил чрезмерное (хотя и понятное) опасение за свой правый фланг, сосредоточив там главные силы, которым уже по ходу битвы пришлось то и дело «перебегать» справа налево, а кроме того, русские уступали французам в быстроте маневра. Поскольку Кутузов как главнокомандующий не проявлял должной опера-

тивности, Барклай де Толли время от времени, к счастью для россиян, брал руководство битвой на себя и успевал предотвратить прорыв то левого фланга русской позиции (вовремя подкрепив его корпусом К.Ф. Багговута), то ее центра, стянув сюда корпуса Ф.К. Корфа и К.А. Крейца. Поэтому Барклай не без оснований судил о себе: «Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни»¹⁴⁹. Однако и Барклай де Толли не мог исправить всех последствий «правого уклона» в размещении русских войск, хотя он пытался сделать это еще перед битвой.

Главное же, французы превосходили россиян в маневренности и мощи артиллерийского огня, хотя количественно и даже по калибру орудий русская артиллерия была сильнее французской. Искусно маневрируя своими орудиями, Наполеон сумел и в количественном отношении создать артиллерийское превосходство на левом крыле русской позиции (400 орудий против 300), а после захвата флешей взять русский центр под перекрестный огонь с обоих флангов. Наполеон «обставил все высоты ужасным количеством артиллерии, — вспоминал Ф.Н. Глинка. — Пальба его могла вредить более нашей: он как зачинщик действовал откуда и как хотел, и действовал *концентрически* (сосредоточенно); мы как ответчики действовали, как позволяло местоположение, и потому часто разобщенно, *эксцентрически*» (11. С. 64).

Русская артиллерия, разумеется, давала врагу достойный отпор, но по недостатку маневра все же на всех решающих участках битвы уступала ему количественно и позиционно; как признавали сами участники Бородина, «действовала по частям и без связи» (10. С. 68; 37. Вып. 1. С. 233)¹⁵⁰ — во многом из-за ранней гибели А.И. Кутайсо-

ва. Всего, по данным Н.Г. Павленко, она выпустила 60 тыс. снарядов против 90 тыс. французских (П.Х. Граббе насчитывал 60 тыс. снарядов, выпущенных французами, и 20 тыс. — русскими)¹⁵¹.

Итак, роль Кутузова в руководстве Бородинской битвой, начиная с размещения войск и кончая их взаимодействием, была настолько инертной, что Н.Н. Раевский выразился даже таким образом: «Нами никто не командовал»¹⁵².

Все недостатки руководства битвой со стороны Кутузова, о которых идет речь, не имели губительных последствий отчасти потому, что и Наполеон допускал просчеты. Захватив Бородино, он прекратил активные действия против русского правого фланга, что позволило Кутузову и Барклаю де Толли безбоязненно перебрасывать свои войска справа налево. На левом фланге русских он сначала переоценил возможность обходного маневра Ю. Понятовского, а после того как были взяты Багратионовы флеши и Семеновская, не закрепил этот успех, обратив свои усилия против русского центра. Наконец ошибкой Наполеона, как полагает ряд военных авторитетов (Ж. Шамбре, Д.П. Бутурлин, А.Н. Витмер, Д. Чандлер), было то, что после взятия Курганной высоты он не ввел в дело гвардию для решающего прорыва в центре (6. Ч. 1. С. 300—301; 39. Т. 2. С. 78)¹⁵³.

Впрочем, если бы даже Кутузов допустил под Бородином еще больше ошибок, а Наполеон действовал безошибочно, все равно французы вряд ли могли рассчитывать на лучший для них исход, ибо дело здесь не столько в Кутузове и Наполеоне, сколько в русском солдате. *Русский солдат*, плоть от плоти своего народа, — вот главный герой *Бородина*. Именно его беспримерная стойкость искупила все промахи русского командования и сорвала все расчеты Наполеона. Кутузов это видел и понял. Свое донесение

Царю о Бородинской битве он закончил такими словами: «Французская армия под предводительством самого Наполеона... не превозмогла твердости духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнь за свое отечество» (4. С. 141).

По масштабам и значению Бородинское сражение сразу встало в ряд величайших до того времени битв, таких, как битвы при Гавгамелах и Каннах, на Куликовом и Католаунских полях, у Грюнвальда и Аустерлица. Бородино — национальная гордость России, символ ее непобедимости, один из самых знаменитых и дорогих нам памятников русской воинской славы.

Все это неоспоримо. Но не следует преувеличивать и без того великое значение Бородинского сражения. Оно не привело к перелому в ходе войны, поскольку еще требовалось время для того, чтобы восполнить бородинские потери, подтянуть резервы, обеспечить армию боеприпасами и продовольствием, опереться на массовый подъем народа и таким образом подготовиться к переходу в контрнаступление. Но психологически, нравственно перелом обозначился (не в ходе войны, а в сознании ее участников) уже на Бородинском поле. Русская армия от Бородина по-прежнему отступала, французская, как и прежде, ее преследовала, однако в моральном отношении это были уже *иные*, чем до Бородина, армии. Русские, только что доказавшие свою способность успешно противостоять врагу, еще сильнее уверовали в окончательную победу над ним, а французы, потрясенные тем, что их расчет завершить войну победоносным генеральным сражением не удался, начали терять уверенность и в конечной победе.

Глава V

Перелом

Померкни, солнце Австерлица!

Пылай, великая Москва!

А.С. ПУШКИН

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

М И. Кутузов отступал от Бородина к Москве, за-
веряя изо дня в день и своих генералов, и мос-
ковского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина
в том, что он даст новое сражение для «спасения Москвы»
(15. С. 206; 20. Ч. 1. С. 158—159, 184, 191—192). В те же дни он
запрашивал и надеялся получить у Москвы подкрепления
(20. Ч. 1. С. 158—159, 161, 170—171, 176, 179—180). Однако они
не были присланы. Вместо них Кутузов получил фельдмар-
шалский жезл и 100 тыс. руб. (плюс по 5 руб. на каждого
«нижнего чина») за Бородинскую битву (Там же. С. 193).
Тем не менее, даже узнав из царского рескрипта, получен-
ного 11 сентября, что подкреплений до Москвы не будет, он
продолжал уверять окружающих: под Москвой «должно
быть сражение, решающее успехи кампании и участь госу-
дарства» (10. С. 69; 15. С. 198—199; 20. Ч. 1. С. 138—139, 192).

Трудно сказать, верил ли сам Кутузов в то, что он гово-
рил, или только поддерживал такими заверениями боевой
дух армии, или же просто был в затруднении, не зная, на
что решиться, и таким образом побуждая своих соратни-
ков к возражениям. По словам А.П. Ермолова, который, по-

жалуй, лучше, чем кто-либо, разбирался в тайниках души свежее испеченного фельдмаршала, Кутузов «желал только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя» (15. С. 200). Когда Ермолов утром 13 сентября высказал сомнения в том, что на позиции, уже избранной под Москвой, можно удержаться, Кутузов «в присутствии окружавших его генералов» «ощупал пульс [Ермолова] и сказал: «Здоров ли ты?»». Когда же Барклай де Толли к вечеру того дня стал убеждать Кутузова в необходимости «оставить Москву», Михаил Илларионович, «внимательно выслушав, не мог скрыть восхищения своего, что не ему присвоена будет мысль об отступлении, и желая сколько возможно отклонить от себя упреки, приказал к 8-ми часам вечера созвать гг. генералов на совет» (15. С. 203).

Итак, вечером 13 сентября избу крестьянина Михаила Фролова в подмосковной деревне Фили (ныне Киевский район Москвы), где поместился Кутузов, заполнили вышшие чины армии¹: четыре «полных» генерала (М.Б. Барклай де Толли, Л. А. Беннигсен, Д.С. Дохтуров, М.И. Платов), столько же генерал-лейтенантов (Н.Н. Раевский, П.П. Коновницын, А.И. Остерман-Толстой, Ф.П. Уваров), начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов, генерал-квартирмейстер (в чине полковника) К.Ф. Толь. Из «полных» генералов не было только М.А. Милорадовича: он не мог отлучиться из арьергарда. Иногда называют среди участников совета генерал-интенданта В.С. Ланского, который, однако, по свидетельству кутузовского ординарца А.Б. Голицына, был приглашен не на совет, а на совещание с Кутузовым сразу после совета². Зато полковник П.С. Кайсаров, участие которого в совете В.П. Тотфалушин ставит под сомнение³, скорее всего там был (24. Т. 2. С. 285)⁴, не только потому,

что он после Бородина исполнял должность дежурного генерала при штабе армии, но и потому, что пользовался, к удивлению окружающих, невообразимым расположением Кутузова (1. С. 24)⁵.

Обсуждался на совете один вопрос: сдать Москву Наполеону или не отдавать, хотя бы пришлось всем лечь костями под ее стенами. Прения были жаркие. Сугубую остроту придал им Беннигсен, открыв совещание (по старшинству лет, чина и должности начальника Главного штаба) демагогическим приемом: «Я спросил, может ли общество поверить, что мы выиграли, как это обнародовано, сражение Бородинское, если оно не будет иметь других последствий, кроме потери Москвы, и не будем ли мы вынуждены сознаться, что мы его проиграли?..»⁶ Кутузов недовольно прервал Беннигсена, указав на «неправильность подобной постановки вопроса». Он «описал все неудобства позиции» для битвы за Москву и предложил обсудить вопрос в такой формулировке: «Прилично ли ожидать нападения на неудобной позиции или оставить Москву неприятелю?» (1. С. 36).

Первым выступил в прениях Барклай де Толли. Он подверг основательной критике позицию под Москвой (кстати, избранную Беннигсеном) и предложил отступать. «Сохранив Москву, — говорил он, — Россия не сохраняется от войны, жестокой, разорительной. Но сберегши армию, еще не уничтожаются надежды Отечества, и война <...> может продолжаться с удобством: успеют присоединиться в разных местах за Москвой приготовляемые войска» (15. С. 203). Ермолов потом вспоминал: «Все сказанное Барклаем на военном совете в Филях заслуживает того, чтобы быть отпечатано золотыми буквами»⁷. Хотя почти все генералы перед советом были настроены сражаться за Москву,

Барклай логикой своих рассуждений склонил часть из них (Остермана, Раевского, Толя) на свою сторону: «употребил все средства, чтобы склонить совет» к решению — оставить Москву⁸. Шестеро из 11 участников совета (Беннигсен, Дохтуров, Платов, Коновницын, Уваров и Ермолов) высказались за сражение⁹.

Поскольку один из шестерых (Беннигсен) был бароном, о совете в Филях у нас стали писать так: «Особенно воинственно были настроены служившие в русской армии немецкие бароны <...> Они не считались с национальными интересами России, не жалели крови русских солдат»¹⁰. Был в Филях и еще один «немецкий барон» (Толь), однако он высказался за отступление.

О позиции Кайсарова источники не говорят, но он мог выступить только в смысле, желательном для Кутузова и противном для Беннигсена, т.е. в данном случае за отступление.

Итак, взяв на себя ответственность первого и смело мотивированного предложения оставить Москву, Барклай де Толли не просто облегчил Кутузову тяжесть решения, которое тот должен был принять, но и во многом predetermined именно такое решение. Наблюдательный Ермолов заметил, что Кутузов при этом «не мог скрыть удовольствия» (15. С. 205). Выслушав всех, фельдмаршал так заключил прения (между прочим, по-французски)¹¹: «Знаю, что ответственность падет на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступить!»¹². Он подчеркнул (повторив доводы Барклая де Толли), что «с потеряннием Москвы не потеряна еще Россия», необходимо «сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление» (20. С. 228). «Наполеон — бурный поток, который мы еще не можем остановить, — говорил Кутузов». — Москва будет губкой, которая его всосет» (10. С. 70).

Здесь, вслед за мифом о назначении Кутузова главнокомандующим якобы в критический, наиболее опасный для России момент войны, самое время развеять и миф, изначально рожденный поэтическим гением А.С. Пушкина, но подхваченный и утрированный советскими историками, — миф о том, что «один Кутузов мог решиться отдать Москву неприятелю». От сталинских времен и доселе совет в Филях изображается в нашей литературе, как правило (не без исключений, конечно), с заветным желанием преувеличить роль Кутузова: дескать, выслушав разноречивые речи своих генералов (Барклай де Толли при этом зачастую даже не упоминается), Кутузов произнес «свою знаменитую», «полную глубокого смысла и в то же время трагизма речь» о том, что ради спасения России надо пожертвовать Москвой (12. С. 319)¹³. «Решение Кутузова оставить Москву без сражения — свидетельство большого мужества и силы воли полководца. На такой шаг мог решиться только человек, обладавший качествами крупного государственного деятеля, твердо веривший в правильность своего стратегического замысла», — так писал о Кутузове П.А. Жилин (16. С. 185), не допуская, что таким человеком был и Барклай. «На такое тяжелое решение мог пойти только Кутузов», — вторят Жилину уже в наши дни Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев (12. С. 319).

А ведь документы свидетельствуют, что Барклай де Толли и до совета в Филях изложил Кутузову «причины, по коим полагал он отступление необходимым» (15. С. 202), и на самом совете ответственно аргументировал их, после чего фельдмаршалу оставалось только присоединиться к аргументам Барклая, и вся «знаменитая», «полная смысла, трагизма...» и т.д. речь Кутузова была лишь повторением того, что высказал и в чем убеждал генералов (часть из них и убедил) Барклай.

Между тем генералы, настроенные сражаться за Москву, пришли в ужас от принятого решения («От сего у нас волосы стали дыбом», — вспоминал Коновницын: 37. Вып. 1. С. 128) и расходились после совета с тяжелым чувством, как с похорон. Переживали, конечно, все участники совета, но, пожалуй, больше всех — сам Кутузов. Он не хуже любого из своих генералов понимал, что значит Москва для России. Давно ли он прямо говорил (и писал) Ростопчину и самому Царю, что считает своим долгом «спасение Москвы», что «с потерей Москвы соединена потеря России»! Теперь же, оставленный без подкреплений, он, как и Барклай де Толли, видел, что спасти Россию можно, только пожертвовав Москвой, и глубоко переживал тяжесть такой жертвы: «несколько раз за эту ночь слышали, что он плачет» (24. Т. 2. С. 293; 32. Т. 7. С. 587).

14 сентября русская армия оставила Москву. То был самый горестный для россиян день 1812 г. Ведь они считали тогда своей «подлинной столицей» именно Москву¹⁴. Сам Царь в июле 1812 г. провозгласил, что «она всегда была главою прочих городов российских»¹⁵. Более того, по отзывам современников, «в глазах каждого русского Москва была священным городом, который он любовно называл матушкой»¹⁶. Поэтому русская армия восприняла решение оставить Москву болезненно. «Какой ужас!.. Какой позор!.. Какой стыд для русских!» — сокрушался генерал Д.С. Дохтуров¹⁷. «Вечным стыдом» назвал сдачу Москвы поэт-ополченец П.А. Вяземский¹⁸. По свидетельству капитана П.С. Пущина (будущего генерала, декабриста), весть об оставлении Москвы вызвала в армии «всеобщее негодование и ропот»¹⁹. Начальник канцелярии Кутузова С.И. Маевский вспоминал: «Многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после поносного уступления Москвы. Мой гене-

рал Бороздин (командующий 8-м корпусом. — *Н.Т.*) решительно почел приказ сей изменническим»²⁰.

Солдаты плакали (29. С. 170)²¹, ворчали: «Лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву!» — и досадовали на Кутузова: «Куда он нас завел?»²². «Войска в упадке духа», — меланхолически констатировал в те дни доблестный Н.Н. Раевский²³.

В столь драматичный момент «грозы двенадцатого года» Кутузов выглядел деморализованным и, главное, вел себя, как выглядел. Кн. А.Б. Голицын, служивший у него тогда ординарцем и бывший при нем безотлучно, рассказывал, как фельдмаршал попросил утром 14 сентября проводить его из Москвы «так, чтоб, сколько можно, ни с кем не встретились», и уезжал одиноко, без свиты, не вмешиваясь в руководство армией (10. С. 70; 37. Вып. 1. С. 29). Такая инертность фельдмаршала объяснялась не только потрясением, которое он пережил, будучи *вынужденным* оставить Москву, но и тревогой перед тем, какотреагирует на это Царь. Наконец и ропот войск (они «в первый раз, видя его, не кричали «Ура!»»: 37. Вып. 2. С. 192) — ропот, тоже для него небывалый, должно быть, удручал светлейшего. Даже спустя два дня, утром 16 сентября, капитан Д.Н. Болговский, посланный к Кутузову от Милорадовича, застал фельдмаршала «у перевоза через Москву-реку по Рязанской дороге» в придорожной избе: «Он сидел одинокий, с поникшею головою, и казался удрученным» (37. Вып. 1. С. 29).

Зато Барклай де Толли, не обремененный тревогами главнокомандующего и царедворца и привыкший к ропоту войск, сохранял в день оставления Москвы обычное для него присутствие духа. Именно он распоряжался эвакуацией: разослал во все части города своих адъютантов для наблюдения за порядком и сам «пробыл 18 часов, не сходя

с лошади», чтобы лично инспектировать вывод войск из города и пресечь возможные беспорядки²⁴. «Через Москву шли мы, — вспоминал С.И. Маевский, — под конвоем кавалерии, которая, сгустивши цепь свою, сторожила целостность наших рядов и первого, вышедшего из них, должна была изрубить в куски, несмотря на чин и лицо...»²⁵.

Очень помог Барклаю М.А. Милорадович, который послал к начальнику французского авангарда И. Мюрату парламентаря, штаб-ротмистра Ф.В. Акинфова (будущего декабриста), с предложением дать русским войскам, «не наступая сильно», выйти из города: «иначе генерал Милорадович перед Москвой и в Москве будет драться до последнего человека и, вместо Москвы, оставит развалины». Мюрат согласился «с тем только, чтобы Москва занята была французами в тот же день» (37. Вып. 1. С. 206, 208; см. также 18. С. 108). Французы действительно не вступали в бой с русскими, но теснили их так, что Мюрат оказался даже в цепи русского арьергарда и мирно поговорил с казачками²⁶.

Вместе с армией уходили и жители города. Ф.В. Ростопчин еще 11 сентября сообщал в Петербург: «Женщины, купцы и ученая *тварь* едут из Москвы» (14. С. 102). Простой люд попытался было встать на защиту своей «матушки белокаменной». 12 сентября, по рассказу очевидца, «народ в числе нескольких десятков тысяч... на пространстве 4 или 5 верст квадратных, с восхождения солнца до захождения не расходился в ожидании графа Ростопчина, [так] как он сам обещал предводительствовать ими. Но полководец не явился, и все с горестным унынием разошлись по домам»²⁷. Эвакуация войск вызвала в народе ропот: «Как можно было допустить до этого!.. Не хватило войска — позови народ! Все бы пошли»²⁸. Как и солдаты, жители уходили из Моск-

вы со слезами: «просто стон стоял в народе»²⁹. Несметные толпы беженцев запрудили «всю дорогу от Москвы до Владимира»³⁰. Уходили почти все: из 275 547 жителей осталось в городе чуть больше 6 тыс.³¹.

Не успели русские со слезами горечи выйти из Москвы через Рязанскую заставу в сторону Боровского перевоза, как со стороны Арбата в нее вступили французы, тоже со слезами, но от радости³². Вся армия завоевателей, «хлопая в ладоши, повторяла с восторгом: «Москва! Москва!», как моряки кричат «Земля! Земля!» в конце долгого и трудного плавания» (44. Т. 2. С. 30—31). Общее настроение французов было такое, что война фактически уже кончилась и что подписание перемирия, а затем и мира — вопрос дней (32. Т. 7. С. 599).

Сам Наполеон, въехав со свитой к 14 часам 14 сентября на Поклонную гору и увидев всю распахнувшуюся перед ним Москву, не мог сдержать торжествующего возгласа: «Вот, наконец, этот знаменитый город!», а его маршалы, «опьяненные энтузиазмом славы», бросились к нему с поздравлениями (44. Т. 2. С. 32—33). Но уже в следующий час выпало Наполеону первое разочарование: как ни ждал он депутацию «бояр» с ключами от города, ни депутатов, ни ключей не оказалось. Адъютанты принесли ему весть, казавшуюся невероятной, дикой: Москва пуста! Наполеон подумал даже (и сказал об этом свите), что, «может быть, московские жители не знают, как надо сдаваться?» (Там же. С. 35).

Столиц, в которые входили победителями войска Наполеона, было полтора десятка: Берлин и Вена, Рим и Варшава, Венеция и Неаполь, Милан и Флоренция, Мадрид и Лиссабон, Амстердам и Триест, Каир и Яффа. Везде были депутации, ключи и церемонии сдачи городов, любопыт-

ствующее многолюдье. Теперь впервые Наполеон вступал в столицу, покинутую жителями. Он проехал от Дорогомиловской заставы через весь Арбат до Кремля, «не увидя ни единого почти жителя»³³ (те, кто остался, попрятались). «И некому было слушать нашу музыку, игравшую «Победа за нами!» — сокрушался бравый сержант А.-Ж. Бургонь³⁴.

Правда, как только французы разместились в Москве, их настроение опять поднялось. Они обнаружили огромные запасы товаров и продовольствия: «сахарные заводы, особые склады съестных припасов... калужскую муку, водку и вино со всей страны, суконные, полотняные и меховые магазины» и пр.³⁵. То, что сулил им Наполеон перед Бородинской битвой («изобилие, хорошие зимние квартиры»), стало явью. Казалось, Наполеон «совершил кампанию с успехом, какого только мог желать»³⁶. Он знал, что падение Москвы эхом отзовется во всем мире как еще одна, может быть, самая главная его победа.

Но, едва успев разместиться и возрадоваться богатствам Москвы, французы подверглись в буквальном смысле испытанию огнем — в тот же день, 14 сентября, начался грандиозный московский пожар, который бушевал непрерывно целую неделю, до 20-го.

Пожар Москвы 1812 г. до сих пор вызывает споры³⁷, хотя в них давно уже пришло время поставить точку. П.А. Жилин сводил их к «двум основным тенденциям: русские историки и писатели доказывали, что Москву сожгли Наполеон, солдаты французской армии; французы обвиняли в этом русских...» (16. С. 189). Такое представление о спорах вокруг пожара Москвы донельзя упрощает и, главное, искажает их смысл. Правда, Александр I, Ф.В. Ростопчин, Святейший Синод, некоторые придворные историки, вроде А.И. Михайловского-Данилевского, и публицисты, вроде

протоиерея И.С. Машкова, действительно обвиняли в поджоге Москвы Наполеона, французов. Такова была в царской России официальная версия³⁸. Из советских историков ее поддержали все те же Н.Ф. Гарнич, Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин и ряд других. В наши дни за ними следуют уже немногие³⁹, удивляясь, кстати, тому, что Александр I «даже не потребовал с Франции денег за пожар Москвы», хотя ему «ничего не стоило <...> приказать в отместку за Москву сжечь дотла» Париж⁴⁰.

Это все было и есть. Но ведь такие авторитетнейшие русские историки и писатели, как А.С. Пушкин и Н.М. Карамзин, М.Ю. Лермонтов и А.И. Герцен, В.Г. Белинский и Н.Г. Чернышевский, М.И. Богданович и А.Н. Попов (в советской историографии — академики М.Н. Покровский, Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинин, В.И. Пичета, М.В. Нечкина), такие герои 1812 г., как А.П. Ермолов и Денис Давыдов, И.Т. Радожицкий и кн. Д.М. Волконский, П.Х. Граббе и Федор Глинка, наконец сам Кутузов, вопреки официальной версии со всей определенностью утверждали, что сожгли Москву россияне.

Прежде чем «дать слово» документам, отметим словами Е.В. Тарле (хотя и сказанными по другому поводу) «внутреннюю невероятность, кричащую несообразность» (32. Т. 11. С. 549) версии о поджоге Москвы Наполеоном. «Что же, они были враги себе?» — резонно спрашивает В.М. Холодовский, лучше, чем кто-либо, доказавший, что пожар Москвы был невыгоден французам ни с экономической, ни с политической, ни с военной, ни даже с «мародерско-грабительской» точки зрения: «вместо всех богатств им досталась лишь часть, остальное было уничтожено огнем»⁴¹.

Теперь обратимся к документам. Под утро 14 сентября Ростопчин приказал полицейскому приставу П. Воро-

ненко «стараться истреблять все огнем», что Вороненко и делал весь день «в разных местах по мере возможности... до 10 часов вечера». Донесение об этом самого Вороненко в Московскую управу благочиния⁴² было учтено еще в 1876 г. А.Н. Поповым, а позднее — Е.В. Тарле (32. Т. 7. С. 604) и В.М. Холодовским⁴³. Поэтому для тех, кто считает, что сожгли Москву русские, «главным виновником» ее поджога является Ростопчин (3. Т. 2. С. 317; 12. С. 319; 18. С. 114)⁴⁴. Но ведь с прибытием в Москву Кутузова он стал здесь еще «главнее», чем Ростопчин. С.Н. Глинка резонно заметил, что «когда нога Кутузова ступила на землю московскую, тогда не воля Ростопчина, а воля Кутузова была в Москве»⁴⁵. Какова же роль Кутузова в московском пожаре? Документы позволяют ответить на этот вопрос однозначно.

В то же утро, 14 сентября, оставляя город, фельдмаршал приказал сжечь склады и магазины с продовольствием, фуражом, частью боеприпасов. Этот факт, удостоверенный окружением Кутузова, признан и в дореволюционной, и в советской историографии (2. С. 422—423)⁴⁶.

Вместе с тем Кутузов и Ростопчин, независимо друг от друга, распорядились эвакуировать из города противопожарный инвентарь. Ростопчин сам признавался, что он «приказал выехать 2100 пожарникам с 96 пожарными насосами»⁴⁷. Что касается Кутузова, то его («мимо графа Ростопчина») собственноручное предписание московскому обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину вывезти из Москвы «весь огнегасительный снаряд» видел Сергей Глинка⁴⁸. Такая мера, по вескому заключению В.М. Холодовского, «говорит сама за себя: лишить город средств защиты от огня — значило готовить его к сожжению»⁴⁹.

Действительно, Ростопчин и Кутузов придавали такое значение вывозу «огнегасительного снаряда», что заняли под

него и время, и транспорт, бросив при этом громадные арсеналы оружия: 156 орудий, 74 974 ружья, 39 846 сабель, 27 119 артиллерийских снарядов, 108 712 единиц чугунной дробы и многое другое (20. Ч. 2. С. 715—516), а также 608 старинных русских знамен и больше 1000 штандартов, булав и других военных доспехов. «Удивлялись тогда, — писал об этом в 1867 г. И.П. Липранди, — удивляются и теперь и будут всегда удивляться, что эти памятники отечественной славы были оставлены неприятелю»⁵⁰. Оставить оружие и знамена врагу издревле у всех народов считалось позором. Такого же их количества, как в Москве 14 сентября 1812 г., без боя россияне никогда — ни раньше, ни позже — никому не оставляли. По официальным данным, только оружия и боеприпасов осталось в Москве на 2 172 412 руб. (20. Ч. 2. С. 716), а кроме того, утрачены были 3,3 млн аршин холста, 170 тыс. пар сапог, 50 тыс. комплектов обмундирования, снаряжения, амуниции. Общие потери своего военного ведомства в Москве 1812 г. царизм оценил в 4 млн 648 тыс. рублей⁵¹. Трудно было все это вывезти, легче — уничтожить; проще же всего и полезнее было бы раздать москвичам, вооружить народ, но пойти на это царские чиновники и военачальники не рискнули.

Хуже того. Торопясь увезти «огнегасительный снаряд», заняв под него сотни подвод, власть предрежащие оставили в городе, обреченном на сожжение, 22,5 тыс. раненых⁵², из которых очень многие, если не большинство, сгорели. «Душу мою раздирали стон раненых, оставляемых во власти неприятеля, — вспоминал А.П. Ермолов. — <...> С негодованием смотрели на это войска» (15. С. 206)⁵³. Персональную ответственность за это несут и генерал-губернатор Москвы Ростопчин, и Барклай де Толли как главный распорядитель эвакуации войск из Москвы, но в первую очередь, безусловно, генерал-фельдмаршал светлейший князь

Кутузов как главнокомандующий, высшее должностное лицо империи на театре военных действий. Что он чувствовал, оставляя на гибель десятки тысяч раненых, терзал ли его душу их тон — неизвестно. Но, по данным и с русской, и с французской стороны, Кутузов 14 сентября приказал начальнику русского арьергарда М.А. Милорадовичу доставить французам записку, подписанную дежурным генералом П.С. Кайсаровым и адресованную начальнику Главного штаба Наполеона маршалу Л.А. Бертье. Записку доставил и вручил маршалу И. Мюрату (для передачи Бертье) штаб-ротмистр Ф.В. Акинфов⁵⁴ (будущий генерал, декабрист). Французский генерал Ж. Пеле так передает содержание этой записки: «Раненые, остающиеся в Москве, поручаются человеколюбию французских войск»⁵⁵.

Итак, Кутузов (вместе с Ростопчиным, но независимо от него) поджигает Москву, лишает ее «огнегасительного снаряда», бросает в городе, преданном неугасимому огню, — кроме оружия, знамен, бездны памятников отечественной культуры, — 22,5 тыс. своих раненых и ... поручает их «человеколюбию» неприятеля. Как это расценить? По-моему, здесь налицо более чем верх цинизма, не только воинское преступление, но и (по современной терминологии) преступление против человечности⁵⁶.

Добавлю к этому факт, преданный гласности только в 1989 г.: по пути от Бородина к Москве, в Можайске, Кутузов оставил от 10 до 17 тыс. (по разным источникам) своих раненых, которые гибли тоже в огне, зажженном самими россиянами, т.е., должно быть, по кутузовскому приказу⁵⁷. Вот и прецедент для Москвы! Как же объясняют такие действия фельдмаршала его советские и постсоветские биографы? Все они — ВСЕ, КАК ОДИН — хранят об этом гробовое молчание.

Сам Михаил Илларионович, оставив Москву, 16 сентября рапортовал Царю (о раненых — ни слова!): «Все сокровища, арсенал и все почти имущества, как казенные, так и частные, из Москвы вывезены и *ни один дворянин* в ней не остался». Александр I, посчитав *такой* пиетет со стороны фельдмаршала к «благородному» сословию излишним, зачеркнул слово «дворянин» и сверху написал «почти житель» (20. Ч. 1. С. 233), но тогда он еще не знал, что в этой части фельдмаршалского рапорта нет ни слова правды. В действительности, почти все сокровища, арсенал и «все почти имущества» остались в зажженном городе. Оставлены были в нем, среди прочих раненых, и офицеры (т.е. дворяне!), которых, правда, французы успели разместить вместе с собственными ранеными, что и спасло их от гибели в пожаре⁵⁸.

Как после всего этого можно воспринимать последующие (во время бегства французов из России) сентенции Кутузова о том, что он жалеет русских солдат? Одно из двух — либо как блеф (вообще свойственный Михаилу Илларионовичу), либо как попытки искупить свою вину за избыток потерь при Бородине и особенно за гибель раненых в Можайске и Москве.

Таким образом, собственные власти Москву в 1812 г. «просто бросили»⁵⁹. Бросили и — подожгли. Поджечь по приказам Кутузова и Ростопчина даже избранные объекты Москвы при вывозе всего «огнегасительного снаряда» значило обречь деревянный по преимуществу город на грандиозный пожар. Но, кроме того, Москву жгли тогда сами жители — из патриотических побуждений, по принципу «не доставайся злодею!». Многочисленные французские свидетельства об этом (А. Коленкура, Ф.-П. Сегюра, Ц. Ложье, А.-Ж. Бургоня и др.) подтверждаются русскими

источниками. И.П. Липранди видел и слышал, как москвичи «на каждом переходе, начиная от Боровского перевоза <...> до Тарутина даже», являлись в расположение русской армии и рассказывали о «сожжении домов своих»⁶⁰. О том же свидетельствовали Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе, кн. Д.М. Волконский (11. С. 185)⁶¹ и, главное, сам Кутузов.

5 октября 1812 г. Кутузов заявил посланцу Наполеона Ж.-А. Лористону, горячо отводившему от французов обвинения в поджоге Москвы (французы, мол, «не осквернили бы себя такими действиями, даже если бы заняли Лондон»): «Я хорошо знаю, что это сделали русские. Проникнутые любовью к Родине и готовые ради нее на самопожертвование, они гибли в горящем городе»⁶². Это заявление Кутузова опубликовано в официальных известиях его штаба. Правда, есть другой вариант заявления, исходящий от царского двора; Кутузов там говорит Лористону: «Вы разрушали столицу по своей методе — определяли для поджога в дни и назначали части города, которые надлежало зажигать известные часы». Но А.Г. Тартаковский в 1967 г. доказал, что в придворном варианте заявление Кутузова подтасовано, а именно: «вложена в его уста совершенно произвольно, приписана ему задним числом» правительственная версия причин московского пожара (33. С. 147). Тем не менее наши биографы Кутузова и после этого продолжают опираться на фальшивку, разоблаченную Тартаковским⁶³, поскольку в ней фельдмаршал выглядит более симпатичным патриотом, чем в подлиннике.

Не только Кутузов, но и другие герои 1812 г. понимали смысл пожара Москвы как патриотической жертвы. «Собственными нашими руками разнесен пожирающий ее пламень, — писал А.П. Ермолов. — Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь

народа» (15. С. 207). Тем же (включая будущих историков), кто не мог понять этого, Денис Давыдов разъяснял: «Слова *“Москва взята”* заключали в себе какую-то необоримую мысль, что Россия завоевана, и это могло во многих охладить рвение к защите... Но слова *“Москвы нет”* пресекли разом все связи с нею корыстолюбия и заблуждения зреть в ней Россию» (14. С. 536). Как подвиг самопожертвования, показавший силу духа русского народа, оценили пожар Москвы отечественные гении следующих поколений: А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский (28. Т. 4. С. 133)⁶⁴.

А вот Наполеон не мог понять такого самопожертвования. Глядя на зарево московского пожара, он восклицал: «Какое ужасное зрелище! Это они сами жгут. Сколько дворцов! Какое невообразимое решение! Что за люди! Это скифы!» (44. Т. 2. С. 49). Его рациональный ум не постигал бескомпромиссности характера русских людей. «Чтоб причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков», — саркастически говорил он о москвичах (5. Т. 5. С. 149).

Пожар действительно разрушил Москву более чем на три четверти. Из 9158 жилых строений сгорело 6532⁶⁵. Погибли дворцы и храмы (из 329 церквей — 122), европейски знаменитая библиотека гр. Д.П. Бутурлина в Лефортове и библиотека Московского университета (как и само здание университета с пансионом), картины великих мастеров из собрания гр. А.Г. Орлова в Донском монастыре, ценнейшие исторические документы. «Ветер гнал где-нибудь обугленные листы подлинной рукописи *“Слова о полку Игореве”* из богатейшей коллекции Мусина-Пушкина»⁶⁶. Власти не стали вывозить все эти ценности, а простой люд о многих из них даже не знал. Впрочем, москвичи и не думали тог-

да ни о каких сокровищах. Они жгли, уничтожали все, не считаясь ни с чем, чтобы создать врагу невыносимые условия.

Тяжело ударив по экономике, финансам и культуре России, пожар Москвы с политической и военной точки зрения поставил Наполеона прямо-таки в безвыходное положение. Французы не просто лишились в те дни удобств, достатка, покоя — они попали в западню. Сам Наполеон и его свита с невероятным трудом выбрались 16 сентября из кремлевских палат. «Нас окружал океан пламени, — вспоминал Ф.-П. Сегюр. — Мы шли по огненной земле, под огненным небом, между огненных стен» (44. Т. 2. С. 52—53).

Отсидевшись, пока горела Москва, в загородном Петровском замке, Наполеон 20 сентября вернулся в Кремль и попытался нормализовать жизнь «Великой армии», почти целиком расквартированной в столице. Теперь, после пожара, сделать это было очень трудно. Вместо уютных зимних квартир в городе, который всего несколько дней назад поразил всю армию своим величием, французы оказались на пепелище. «Прекрасный, великолепный город Москва больше не существует. Ростопчин его сжег», — писал Наполеон 20 сентября Александру I (43. Т. 24. С. 221). «Один Иван Великий печально возносится над обширной грудой развалин. Только одинокие колокольни и дома с мрачным клеймом пожаров кое-где показываются» — так выглядела тогда Москва, по словам очевидца. Теперь захватчики устраивались не по потребности, как до пожара, а по возможности. «Церкви, менее пострадавшие, чем другие здания... были обращены в казармы и конюшни, — вспоминал Е. Лабом. — Ржание лошадей и ужасное сквернословие солдат заменили здесь священные благозвучные гимны» (35. Т. 2. С. 12).

Вступая в Москву, Наполеон запретил разграбление города⁶⁸. Тотчас было напечатано в два столбца — по-русски и по-французски — и расклеено по городу «Объявление московским обывателям» за подписью Л.-А. Бертье. Русский текст его гласил: «Спокойные жители города Москвы должны быть без никакого сомнения о сохранении их имущества и о собственных их особах» (14. С. 120). Но когда вспыхнул пожар, солдаты предались грабежу под предлогом «спасения имущества от огня», который трудно было оспорить, а тем более проверить. Едва пожар начал стихать, Наполеон (распоряжениями от 19, 20 и 21 сентября) строжайше повелел прекратить грабежи и наказать виновных (3. Т. 2. С. 326)⁶⁹, однако грабежи обрели уже почти такую же стихийную силу, как и пожар. Грабили, надо признать, больше не французские части. «Французы уж, бывало, не обидят даром, — вспоминали москвичи. — ...А от их союзников упаси Боже! Мы их так и прозвали: *беспардонное* войско»⁷⁰. Такое впечатление сложилось у тех, кто мог сравнить французов с баварцами или вестфальцами. Вообще же и французы не стеснялись грабить, о чем свидетельствовали и А. Пион де Лош, и А.-Ж. Бургонь, и Ц. Ложье, и А. Бейль (Стендаль), в дневнике которого зарисованы с натуры сцены грабежа и насилий, чинимых захватчиками⁷¹. В Донском монастыре, к примеру, французы «начали раздевать монахов и требовать золота и серебра»⁷², а в Архангельском соборе Кремля обыскали в поисках сокровищ гробницы царей: «спустились с факелами в подземелье и взрыли, перебудоражили самые гробы и кости почивших»⁷³.

В конце концов Наполеон сумел водворить в городе относительный порядок. Исправно работала французская администрация: генерал-губернатор Москвы маршал

Э.-А. Мортье, командующий гарнизоном генерал А. Дюро-нель, гражданский губернатор Ж.-Б. Лессепс (участник знаменитой экспедиции Ж.-Ф. Лаперуза 1785—1787 гг., бывший комиссар по торговым делам в Петербурге, дядя строителя Суэцкого канала Ф. Лессепса). В помощь им был создан муниципалитет из 67 москвичей, среди которых наряду с помещиками и купцами оказались и двое дворовых⁷⁴. Мэром был назначен 66-летний купец 1-й гильдии П.И. Находкин, который, однако, как и все члены муниципалитета, старался лишь помогать оставшимся в Москве соотечественникам, уклоняясь от сотрудничества с захватчиками⁷⁵.

Французские власти попытались было наладить мирные отношения с жителями Москвы и Подмосковья: поощряли торговлю, разрешали богослужения с молебствиями в честь Александра I (35. Т. 2. С. 65), допускали при случае послабления оккупационного режима. Так, однажды проездом в Петербург из своего подмосковного имения оказалась в Москве графиня Н.А. Зубова (Суворочка). Французы «остановили ее лошадей, окружили карету», учинили допрос, но когда узнали, что перед ними — дочь А.В. Суворова, «немедленно воздали ей воинские почести и пропустили ее экипаж»⁷⁶. Такие примеры чисто французской галантности со стороны завоевателей, как и все их административные, хозяйственные и прочие инициативы, оставались с русской стороны безответными. Русские люди не желали идти ни на какие сделки с врагом, оккупировавшим древнюю столицу России.

Сам Наполеон устраивался (или делал вид перед Россией и Европой, что устраивается) в Москве надолго. Он руководил из Москвы делами своей колоссальной империи, «как если бы находился в Тюильри» (19. С. 165), лично вникал во все детали экономической, политической и культурной

жизни Европы. Именно в Москве он подписал действующий поныне декрет о статуте главного театра Франции «Комеди Франсез» (декрет так и называется «московским»). Для самой Москвы Наполеон возобновил спектакли местной французской труппы, которая развлекала «Великую армию»; «в театр приходили среди ночной темноты по дымящимся развалинам» (35. Т. 2. С. 80).

Между тем положение завоевателей в сожженной Москве становилось все более затруднительным и опасным. Недоставало жилья, медикаментов, а главное — продовольствия: запасы его, казавшиеся неисчислимыми, частью сгорели, а частью были разворованы⁷⁷. Близились дни, когда французы будут есть кошек и стрелять ворон (3. Т. 2. С. 388), а русские — посмеиваться над ними: «Голодный француз и вороне рад». Попытки же наполеоновских фуражиров поживиться за счет ресурсов Подмосковья пресекались казачьими и партизанскими отрядами, число и активность которых росли буквально день ото дня. Вокруг Москвы разгорелось пламя народной войны, а «Великая армия», блокированная в Москве, лишенная доставки продовольствия и фуража, начала разлагаться, терять боеспособность.

Было о чем подумать в те дни Наполеону: он мог считать, что выиграл с начала войны все сражения, занял «священную столицу» России и... оказался в проигрышном положении. Великий Байрон писал, обращаясь к нему:

*Вот башни полудикие Москвы
Перед тобой в венцах из золота
Горят на солнце... Но, увь!
То солнце твоего заката!*⁷⁸.

Здесь, в Московском Кремле, на высшей точке своего величия, как это признавала тогда вся Европа⁷⁹, Наполеон уже мог видеть, что война, которую он затеял, сулит ему неминуемое фиаско. Поэтому он и восклицал на острове Св. Елены в беседах с приближенными: «Я должен был умереть в Москве!»⁸⁰.

Предчувствуя свою гибель, Наполеон возобновил попытки склонить Александра I к мирным переговорам, хотя ему, «привыкшему, чтобы у него просили мира, а не самому просить» (32. Т. 7. С. 796), трудно было пойти на это. Уже 18 сентября он устно, через начальника Московского воспитательного дома генерал-майора И.А. Тутолмина, обратился к Царю с предложением заключить мир⁸¹, а 21 сентября отправил к Александру I со своим личным письмом отставного капитана гвардии И.А. Яковлева (отца А.И. Герцена)⁸². Царь не откликнулся ни на первое, ни на второе обращение. По воспоминаниям декабриста С.Г. Волконского, он «отправил, не распечатавши, письмо Наполеона к Кутузову для возвращения на французские аванпосты», а Яковлева посадил в Петропавловскую крепость (Герцен, однако, со слов отца, утверждал, что Яковлев только «с месяц... оставался арестованным в доме Аракчеева»)⁸³. Тщетно выждав две недели, не начнет ли Александр I переговоры, Наполеон 4 октября предпринял третью, еще более радикальную попытку вступить в диалог с Царем. Он направил своего генерал-адъютанта, бывшего посла в Петербурге гр. Ж.-А. Лористона к М.И. Кутузову за пропуском для проезда в Петербург к Царю. «Мне нужен мир во что бы то ни стало, спасайте только честь!» — так напутствовал он Лористона (44. Т. 2. С. 77).

С Лористонам мы еще встретимся в ставке Кутузова. А теперь обратимся к русской армии после ее эвакуации из Москвы.

ТАРУТИНСКИЙ МАНЕВР

А. Жомини признавал, что в истории войн с античных времен «то отступление, которое совершила русская армия в 1812 г. от Немана до Москвы... не допустив себя расстроить или частично разбить такому неприятелю, как Наполеон... конечно, должно быть поставлено выше всех прочих» не столько по «стратегическим талантам» генералов, сколько «в отношении удивительной уверенности, стойкости и твердости войск»⁸⁴.

Оставив Москву, русские войска отступали почти в таком же порядке, хотя обеспечить его теперь было еще труднее. Сказалось не только их «крайнее расстройство» после Бородинской битвы, что признавал сам Кутузов (20. Ч. 1. С. 233). С потерей Москвы они пережил нравственный шок, который повлек за собою на время упадок морального духа части войск, рост мародерства и дезертирства. Нельзя, разумеется, доверять «свидетельствам» таких недоброжелателей М.И. Кутузова, как Ф.В. Ростопчин («Солдаты уже не составляют армии. Это орда разбойников...»⁸⁵) или Ж. де Местр⁸⁶. Но вот что удостоверил адъютант Кутузова А.И. Михайловский-Данилевский: «Побеги солдат... весьма увеличились после сдачи Москвы... В один день переловили их четыре тысячи»⁸⁷. Главное же, сам Кутузов 18 сентября уведомлял тульского, калужского, владимирского, рязанского и тамбовского губернаторов о том, что «мародерство в армии увеличивается и даже распространилось в губернии от театра войны» (27. С. 19). В тот же день фельдмаршал с тревогой докладывал Царю: «Заботу немалую делает мне мародерство... Принимаются все меры» (Там же. С. 243).

Действительно, меры принимались строжайшие. 7 октября Кутузов приказал «всех нижних чинов», уличенных в мародерстве, «наказывать на месте самыми жестоки-

ми телесными наказаниями» (20. Ч. 1. С. 377—278). Только 21 октября он распорядился 11 мародеров «прогнать шпиц-рутенами каждого через 1000 человек по 3 раза» и еще 14 — «через 500 человек по 3 раза» (27. С. 333). Характерно, что в 6-томном (советском) издании документов «М.И. Кутузов» для этого документа, опубликованного при Николае II, места не нашлось.

В таких условиях, когда приходилось ценой больших усилий поддерживать в армии пошатнувшуюся дисциплину, Кутузов осуществил блистательный Тарутинский марш-маневр.

На совете в Филях главнокомандующий приказал «отступить по Рязанской дороге» (20. Ч. 1. С. 221). С 14 по 17 сентября русская армия так и отступала. Но к вечеру 17-го Кутузов, прикрываясь казачьими отрядами, которые продолжали идти к Рязани, внезапно повернул главные силы армии на запад к Подольску, а затем по Калужской дороге на юг. Его приказ начальнику русского арьергарда М.А. Милорадовичу от 17 сентября гласил: «Казаков один полк оставьте на оставляемых вами высотах, которые (казаки. — Н.Т.) отступить должны, когда неприятель их к тому принудит, и то по *Рязанской дороге*, которые потом могут опять присоединиться к армии тогда, когда неприятель откроет их фальшивое движение; движение всего вашего арьергарда должно быть так скрытно в ночи сделано, чтобы ни малейшего следа на фланговой нашей дороге неприятель не открыл» (20. Ч. 1. С. 339—341). 3 октября русская армия расположилась лагерем у с. Тарутина в 80 км юго-западнее Москвы (20. Ч. 1. С. 339—341).

Весь этот переход с Рязанской на Калужскую дорогу был проделан большей частью в ночные часы, скрытно и так искусно, что французы на 9 дней⁸⁸ потеряли русскую

армию из виду. Их авангарды под командованием И. Мюрата до 22 сентября ничтоже сумняшеся шли за казаками по Рязанской дороге, потом — когда увидели, что обмануты, и Мюрат получил нагоняй от Наполеона, — нервно рыскали по всем окрестным дорогам (взяв на одной из них в плен министра финансов Российской империи Д.А. Гурьева, который ехал из Киева в Петербург)⁸⁹ и лишь 26-го «отыскиали» русскую армию на подходе ее к Тарутину (19. С. 163; 42. Т. 2. С. 96).

Тарутинский маневр Кутузова существенно повлиял на ход войны 1812 г., обозначив собою уже начало перелома. «Сие действие, — писал М.Б. Барклай де Толли, — доставило нам возможность довершить войну совершенным истреблением неприятеля» (1. С. 38). Сам Наполеон назвал этот маневр «прекрасным» (17. С. 363)⁹⁰. Действительно, с одной стороны, Кутузов прикрыл от неприятеля Калугу, где были сосредоточены провиантские запасы, Тулу с ее оружейным заводом, Брянск с литейным двором и плодородные южные губернии⁹¹. С другой стороны, он поставил под угрозу флангового удара основную коммуникацию Наполеона Москва — Смоленск. Более того, Наполеон не мог пойти на Петербург, имея в тылу 100-тысячную русскую армию. Зато Кутузову теперь было удобно взаимодействовать с войсками А.П. Тормасова, П.В. Чичагова, Ф.Ф. Эртеля, мобилизовать резервы, готовить контрнаступление.

Идею флангового марша от Москвы до Калуги «перпендикулярно» к движению противника еще до Бородина высказывал П.И. Багратион, а позднее ее приписывали себе генералы М.Б. Барклай де Толли, Л.Л. Беннигсен, М.С. Вистицкий и полковники К.Ф. Толь, Ж.-Б. Кроссар, А.Ф. Мишо де Боретур⁹². Едва ли все они это выдумали. Если же кто-то из них предложил Кутузову такую идею, тот, естествен-

но, «не мог не одобрить мысли, подходящей к его собственной»⁹³. Главнокомандующим был Кутузов. Он принимал решение, одобряя или отклоняя любые советы. Ему и принадлежит честь Тарутинского маневра.

В Тарутино Кутузов, как видно из его рапорта Царю от 5 октября, привел 87 035 человек при 622 орудиях плюс 28 казачьих полков, т. е. еще примерно 14 тыс. человек, «беспрестанное движение» которых мешало Кутузову подсчитать их с точностью до каждого казака (20. Ч. 1. С. 355—361). Для Тарутинского лагеря была выбрана позиция хотя и довольно тесная, но сильная, с хорошим обзором и естественными укреплениями: фронт ее прикрывала р. Нара, левый фланг — р. Истья, правый фланг и тыл — высоты, леса, овраги. Кроме того, Кутузов укрепил позицию с фронта семью и справа тремя артиллерийскими батареями (2. С. 441; 15. С. 21). Беннигсен попытался было разбить тарутинскую позицию, но Кутузов не стал его слушать: «Вам нравилась ваша позиция под Фридландом, а я доволен этой, и мы на ней останемся, потому что я здесь команду и отвечаю за все» (10. С. 72—73).

Армия заняла Тарутино, а Главная квартира облюбовала Леташевку, 3 км южнее. Леташевка не имела ни помещицкой усадьбы, ни церкви, поэтому высшие чины армии расквартировались более чем скромно: Кутузов — в крестьянском домике, где были оборудованы кабинет, приемная, столовая и спальня; дежурный генерал П.П. Коновницын — по соседству, в курной избе. Комендант Главной квартиры С.Х. Ставраков удовольствовался даже овечьим сараем (37. Вып. 1. С. 34—35).

Весь Тарутинский лагерь «непреступностью своею походил на крепость»⁹⁴. Закрепившись в нем, Кутузов объявил: «Теперь ни шагу назад!» (24. Т. 3. С. 19). Эти слова

главнокомандующего, конечно, стали известны каждому солдату и лучше шпицрутенов поднимали дух войск.

Впрочем, и морально и материально укрепить армию, подготовить ее к наступлению удалось не сразу. Наполеон говорил: «Переход из оборонительного положения в наступательное — одно из самых трудных действий»⁹⁵. Кутузов понимал это не хуже Наполеона. Но ему мешала тьма обычных для феодального режима препятствий, главными из которых были два. Во-первых, недоставало буквально всего: питания и одежды, боеприпасов и снаряжения, а главное, людских резервов. Во-вторых, затрудняли боевую подготовку местнические интриги, буквально захлестнувшие Главную квартиру.

Не зря кн. Багратион, едва узнав о назначении Кутузова главнокомандующим, предсказывал: «Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги». «Бабьими» интригами Кутузов и его окружение особенно злоупотребляли в Тарутинском лагере (до и после Тарутина для интриг не было столько свободного от боев времени). В советской литературе эта сторона трехнедельного тарутинского «сидения» истово замалчивалась⁹⁶. Между тем она засвидетельствована во множестве авторитетных источников. «Интриги были бесконечные, — вспоминал А.П. Ермолов, — пролазы вышались быстро; полного их падения не было замечено» (15. С. 214). «Все идет наыворот, — писал о том же в тарутинские дни Д.С. Дохтуров. — Все, что я вижу, внушает мне полнейшее отвращение»⁹⁷. Такое же впечатление о Главной квартире Кутузова в Тарутине составил Н.Н. Раевский: «Я в Главную квартиру почти не езжу, она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии эгоизм, несмотря на обстоятельства России, о коей никто не заботится» Об «интригах»

и «беспорядках» при штабе Кутузова свидетельствовали также дежурный генерал 2-й Западной армии С.Н. Марин, офицеры А.А. Закревский и А.А. Щербинин⁹⁹.

Судя по совокупности данных, сам Кутузов не проявлял большой активности в тарутинских интригах, но, что тоже не делает ему чести, не был инициативен и в руководстве войсками. Конечно, свидетельства Ф.В. Ростопчина и его секретаря А.Я. Булгакова о том, что *светлейший* «в совершенном бездействии», спит «целыми днями», «солдаты называют его «темнейшим»¹⁰⁰, можно объяснить недоброжелательством свидетелей. Но вот что записал горячий поклонник Кутузова, его генерал-аудитор С.И. Маевский: получив на подпись 20 бумаг, фельдмаршал «утомился на десяти подписях <...> и с большим усилием и кряхтением подписал остальные десять <...>. Для Кутузова написать вместе 10 слов труднее, чем для другого описать кругом 100 листов; сильная хирагра (подагра рук. — Н.Т.), старость и непривычка — вот враги пера его»¹⁰¹. О старческой немощи и бездеятельности Кутузова свидетельствовали также очевидцы Н.Н. Муравьев («Кутузов мало показывался, много спал и ничем не занимался»), А.А. Закревский, Н.Д. Дурново, осведомленнейший А.П. Ермолов (15. С. 213—214)¹⁰².

Собственно, в том, что старый фельдмаршал, которому оставалось уже недолго жить, много спал, нет ничего ущербного для его славы. Важно другое: делал ли он все, что было необходимо, и как это делал? У него было много помощников, и некоторые из них (тот же Маевский, а главным образом фактический начальник штаба П.П. Коновницын и генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь) работали, выбиваясь из сил¹⁰³, и двигали дело по указаниям Кутузова даже в то время, когда сам фельдмаршал спал. Однако в сонмище этих помощников оказывались «пролазы», которым

светлейший «чересчур доверял» и которые имели на него «вредное влияние» (15. С. 214)¹⁰⁴. Среди них выделились полковник П.С. Кайсаров («уже четыре дня подписывает бумаги вместо князя, подделываясь под его почерк»¹⁰⁵), полковник кн. Н.Д. Кудашев (зять Кутузова) и капитан, квартирьер И.Н. Скобелев, известный тем, что впоследствии, будучи уже армейским генерал-полицмейстером, он «составил себе огромное состояние самыми беззаконными способами»¹⁰⁶. Через этих людей («даже через капитана Скобелева», — возмущался Ермолов) отдавались из Главной квартиры высшим чинам приказы столь путанные, что возникла «бестолочь страшная во всех частях» (15. С. 198)¹⁰⁷.

Сам Кутузов среди этой «бестолочи» сумел последовательно выжить из армии двух своих наиболее опасных соперников по славе, двух высших и самых авторитетных после фельдмаршала чинов — начальника Главного штаба Л.А. Беннигсена и бывшего главнокомандующего и военного министра М.Б. Барклая де Толли.

Беннигсен, вероятно, был не меньшим мастером интриги, чем Кутузов. В литературе (не только отечественной) он представлен личностью одиозной. К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что в 1812 г. Беннигсен главным образом «интриговал против Барклая де Толли с целью занять его место»¹⁰⁸, а советский автор Н.Ф. Шахмагонов обвинил Беннигсена (совершенно абсурдно) даже в том, что он, будучи российским генералом, служил... Наполеону¹⁰⁹. Только в последнее время предприняты попытки реабилитировать Беннигсена как честного (с точки зрения воинского долга) и способного российского полководца¹¹⁰.

Впрочем, каков бы ни был Беннигсен, Кутузов устранил его коварно. Все началось с того, что 19 сентября 1812 г. фельдмаршал приказал: «Определяю <...> дежурным ге-

нералом генерал-лейтенанта Коновницына, которого отношения, по власти от меня делаемые, принимать повеления как мои собственные» (20. Ч. 1. С. 248). Таким образом Коновницын, с молодых лет преданный Кутузову, стал фактическим начальником штаба при главнокомандующем. Беннигсен же, хотя и сохранил формально пост начальника Главного штаба армии, был оттерт от руководства штабом и, естественно, уязвлен таким оборотом дела, тем более что он рассчитывал со второй позиции (начальника штаба) «протиснуться на первое место» (18. С. 82). Усугубил его неприязнь к Кутузову Тарутинский бой 18 октября.

В этом бою именно Беннигсен командовал русскими войсками¹¹¹. Кутузов все время боя «оставался при гвардии, собственными глазами ничего не видал» (15. С. 217)¹¹², а главное, отказал Беннигсену в подкреплении и не разрешил преследовать отступавших французов, что могло бы привести к полному их разгрому (ведь в том бою три пехотных и два кавалерийских корпуса россиян атаковали отдельный корпус И. Мюрата!). Даже такой почитатель Кутузова, как А.И. Михайловский-Данилевский, недоумевал: «По непостижимым причинам, в которых он должен будет отдать отчет потомству, останавливал войска и не вводил их в дело»¹¹³. Жозеф де Местр так объяснил это: «Когда Беннигсен стал просить кавалерию для завершения победы, Кутузов, видя, что слава достанется его помощнику и скоро вместо одного фельдмаршала будет два, отказал» (23. С. 239). Разумеется, все было не так просто, но какая-то доля истины в таком объяснении есть. Денис Давыдов добавлял к этому такую деталь: Кутузов, по своей привычке к преувеличениям всего достигнутого при нем как главнокомандующем¹¹⁴, «послал Государю донесение, в котором вместо 19 орудий, взятых у неприятеля, показано было 38. С этого

времени вражда между Беннигсеном и Кутузовым достигла крайних размеров и уже не прекращалась»¹¹⁵, тем более что английский комиссар при штабе Кутузова сэр Р. Вильсон внушал Царю: «Беннигсен — Аннибал в сравнении с Кутузовым» (14. С. 247).

Последней каплей в распре двух ровесников (кстати, бывших когда-то, с 1780-х годов, друзьями) стало письмо Беннигсена к Царю с предложениями о том, как закончить войну поскорее, ибо «наш добрый старик не окончит ее никогда»¹¹⁶. Кутузов, узнав об этом, пресек затянувшуюся распрю своим излюбленным способом: 15 ноября уволил Беннигсена из армии «по болезни» (20. Ч. 2. С. 390—391).

Гораздо больше роняет Кутузова в наших глазах увольнение (по той же сакраментальной причине болезни) Барклая де Толли. В отличие от Кутузова и Беннигсена Барклай в нравственном отношении был безупречен¹¹⁷, никто из современников не мог его упрекнуть в каких-либо интригах. Тем опаснее был он для Кутузова как возможный соперник. Михаил Илларионович «тех, которых он подозревал в разделении славы его, невидимо подъяедали так, как подъяедает червь любимое или ненавистное деревцо»¹¹⁸. Стремление Кутузова «подъесть» репутацию Барклая де Толли ярче всего иллюстрирует рапорт фельдмаршала Александру I об оставлении Москвы. Стремясь переложить хотя бы часть ответственности за сдачу Москвы на Барклая де Толли, Кутузов 28 сентября 1812 г. рапортовал: «Последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал» (20. Ч. 1. С. 234).

Можно представить себе возмущение Барклая такой подтасовкой фактов: ведь Кутузов не хуже его знал, что от Смоленска к Бородину русская армия пришла в полном

порядке, а «расстроенной» оказалась уже после Бородина вне всякой зависимости от Смоленска¹¹⁹. «Весьма трудно истолковать, — недоумевал Барклай де Толли в письме к Александру I, — какую связь между собою могли иметь Смоленск с Москвою, дабы заключать, что занятие неприятелем первого города могло повлечь за собою и взятие последнего» (14. С. 292). Жозеф де Местр по этому поводу резонно заметил: «Оставление Смоленска столь же повлияло на сдачу Москвы, как и переход французов через Неман. Если бы Кутузов взял на себя труд одержать полную победу при Бородине, Москва, несомненно, уцелела бы. У Барклая было куда больше резона сказать: «Оставление Москвы вынуждено было сомнительным исходом Бородинской баталии»» (23. С. 238)¹²⁰.

А.И. Михайловский-Данилевский (панегирист Кутузова! — тем ценнее здесь его свидетельство) заметил, что Кутузов, получив власть главнокомандующего, «не мог скрыть ни торжества своего, ни памяти оскорбления, что ему сначала предпочтен был Барклай де Толли»¹²¹. В Тарутине Михаил Илларионович «подъедал» Михаила Богдановича по принципу «не укусил, так подуськал». Барклай был поставлен в невыносимое положение: с ним в Главной квартире перестали считаться, ему самому или даже через его голову подчиненным ему командирам «пролазы» из окружения Кутузова отдавали бестолковые повеления (15. С. 214)¹²². «Бестолочь» Главной квартиры шокировала педантичного Барклая и, в конце концов, вывела его из себя. 3 октября вместе с заявлением об отставке он откровенно написал Кутузову: «Ваша Светлость начальствуете и даете приказания, но генерал Беннигсен и все те, которые Вас окружают, также дают приказания и отделяют по своему произволу отряды войск, так что тот, кто носит звание главнокоман-

дующего, и его штаб не имеют об этом никаких сведений до такой степени, что в последнее время я должен был за получением сведений о различных войсках, которые были отделены от 1-й армии, обратиться к Вашему дежурному генералу, но и он сам ничего не знал <...>. На этих днях мне был прислан приказ отделить часть кавалерии для подкрепления арьергарда и при этом забыли, что вся кавалерия уже была отделена»¹²³. На следующий день Кутузов отдал приказ об увольнении Барклая «за увеличившеюся в нем болезнью» (20. Ч. 1. С. 332)¹²⁴.

П.А. Жилин и другие историки зачисляли Барклая де Толли в одну с Беннигсеном оппозиционную группу, которая, мол, подвергала Кутузова «несправедливой критике» и была «прямой помехой» наступательным приготовлениям (16. С. 209, 210)¹²⁵. Эта версия строилась исключительно на посылке, что всякая критика Кутузова, от кого бы она ни исходила и в чем бы ни заключалась, несправедлива. Между тем Барклай ни в какую группу не входил. Он видел разнь между Кутузовым и Беннигсеном, но не поддерживал ни того ни другого, равно осуждая обоих — «двух слабых стариков»¹²⁶, один из которых (Кутузов) был в его глазах «бездельником», а другой — «разбойником»¹²⁷. Напомню читателю, что Барклай и Беннигсен враждовали с начала войны все время. Кутузов же занял по отношению к ним позицию «третьего радующегося».

Итак, Барклай де Толли и Беннигсен были устранены из армии «по болезни». Современный историк А.И. Ульянов резонно подметил, что «больные генералы пережили Кутузова и впоследствии занимали видные командные посты в армии»¹²⁸, а драматург К.А. Тренев не без оснований «позволил» Беннигсену так ответить на вопрос Кутузова о состоянии его (Беннигсена) здоровья: «Я имею состояние

своего здоровья лучше, чем вы имеете состояние вашего командования»¹²⁹. Барклай же перед отъездом из армии в разговоре с В.И. Левенштерном объяснил свое (да и Беннигсена) удаление очень просто: «Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изгнания неприятеля со священной земли нашего Отечества»¹³⁰.

4 октября Барклай де Толли уехал из армии. По пути в имение своей жены (м. Бекгоф в Лифляндии) он позволил себе неблагоприятный жест: из Калуги, где толпа забросала камнями его карету с криками: «Изменник!»¹³¹, Барклай, потеряв выдержку, 6 октября написал Царю желчное письмо с нападками на Кутузова и Беннигсена, которые, мол, «не знают другого высшего блага, как только удовлетворение своего самолюбия»¹³². Такова была обстановка, в которой Кутузов готовил армию к контрнаступлению. Сам он так объяснил в рапорте Александру I главную задачу своего тарутинского «сидения»: «При отступлении Главной армии в крепкую тарутинскую позицию поставил я себе за правило, видя приближающуюся зиму, избегать генерального сражения; напротив того, вести беспрестанную *малую войну*, <...> чтобы быть в состоянии отнять у неприятеля все способы» к изысканию продовольствия и фуража (20. Ч. 2. С. 554). Под «малой войной» фельдмаршал разумел здесь постоянные угрозы коммуникациям Наполеона силами отдельных легкоконных отрядов, партизан и ополченцев, пока в Тарутинском лагере укрепляется, численно растет и готовится к переходу в наступление регулярная армия. Кутузов еще 23 сентября, по пути к Тарутину, доложил Государю: «Главная забота, которою теперь занимаемся, есть укомплектование войск» (20. Ч. 1. С. 277).

Фельдмаршал лично контролировал подготовку и отправку в Тарутино резервов. Их готовили Д.И. Лобанов-

Ростовский в Арзамасе, А.А. Клейнмихель в Ярославле, А.С. Кологривов в Муроме (2. С. 452—453). Тем временем повсюду создавалось народное ополчение. Его отряды со всех сторон подступали к Москве.

Как ни трудно было мобилизовать людские резервы (только с Дона в Тарутино прибыли, делая по 60 верст в сутки, 26 казачьих полков общей численностью 15 тыс. сабель: 20. Ч. 1. С. 375), еще труднее оказалось материально их обеспечить. Мало того, что были потеряны снабженческие базы на пути от Немана до Москвы, арсенал и пороховые заводы в Москве, не всегда удавалось использовать и сохранившиеся ресурсы на базах в Риге, Пскове, Твери, Киеве и особенно в Калуге: мешали лихоимство и казнокрадство чиновников, недостаток транспорта, бездорожье. Кутузов вменил материальное снабжение армии в обязанность властям всех близлежащих губерний, постоянно требовал от них боеприпасы, хлеб, сапоги, лапти, полушубки (20. Ч. 1. С. 367, 380—381, 388—389, 398 и др.) — все вплоть до подков с гвоздями, которых, кстати, только из Рязанской губ. поступило в армию 23 тыс. пар¹³³. По ведомости генерал-интенданта Е.Ф. Канкрина, армия с начала контрнаступления получила 60 тыс. полушубков, но большей частью уже за Смоленском¹³⁴.

Пока армия стояла в Тарутине, ей очень ревностно помогали окрестные жители. «Наехали из Калуги и других городов купцы и маркитанты, навезли разных товаров, особенно съестных, — вспоминал очевидец. — Из ближних селений жители привозили... хлеб, масло и яйца... разносили даже пироги и блины»¹³⁵.

Опираясь на самоотверженную поддержку населения, Кутузов сумел обеспечить армию в Тарутинском лагере почти всем необходимым. В частности, к 21 октября армия

уже имела, «сверх отпускаемого на настоящее продовольствие, особый запас провианта на 10 дней» (20. Ч. 1. С. 430; Ч. 2. С. 64—67). Не удалось благоустроить лишь медицинскую часть главным образом из-за недостатка врачей. Еще на пути к Тарутину 24 сентября главный военно-медицинский инспектор русской армии Я.В. Виллие меланхолически констатировал «умножение в армии больных» (14. С. 135). В лагере госпиталей стало побольше, уход за больными — получше. Но и «когда начали преследовать неприятеля, часть госпитальная, — по признанию Е.Ф. Канкрин, — была самая печальная и вместе затруднительная» (20. Ч. 2. С. 708).

Не столь печальной, сколь затруднительной была и часть оружейная. После того как в Москве был оставлен противнику Арсенал, страдали от недостатка ружей даже регулярные войска россиян. Английский комиссар при Главной квартире Кутузова Р. Вильсон 9 октября уведомлял посла Англии в Петербурге лорда В.-Ш. Кэткарта: «Может быть, до 15 000 не имеют еще ружей» (8. С. 175). Закупленные в Англии 30 тыс. ружей поступали в русскую армию до ноября, когда она была уже на Березине (16. С. 225). Что же касается ополченцев, то их в России вооружали опасно и плохо, главным образом пиками, по выражению Ф.В. Ростопчина, «бесполезными и безвредными» (32. Т. 7. С. 550). Полтавское и Черниговское ополчения выглядели так: «Кавалерия не имеет пистолетов, а пехота — без ружей, большая часть без сапогов, без рубах и вскоре будет вовсе без одежды»¹³⁶.

Среди многих забот Кутузова в Тарутинском лагере и даже в его «параллельном марше» за уходившим из России Наполеоном была еще одна, о которой ВСЕ советские и постсоветские биографы фельдмаршала единодушно мол-

чат. Это участие Михаила Илларионовича в карательных акциях против русских крестьян (участие, вовсе не обязательное для него как главнокомандующего регулярными войсками). Тот факт, что русские крестьяне боролись в 1812 г. не только против внешнего врага, но и против собственных угнетателей, феодалов-крепостников, общеизвестен¹³⁷. В октябре-ноябре 1812 г. карательные войска против крестьян Подмосковья и Смоленщины неоднократно посылал Кутузов.

Так, 7 октября в ответ на просьбу московской помещицы Веры Хованской светлейший послал «отряд из тульского ополчения, чтобы усмирить мужиков ее» (26. Т. 19. С. 13, 126). 19 октября он предписал исправнику Боровского уезда Московской губ. подавить крестьянские волнения в с. Тюнино и наказать бунтовщиков «по строгости закона» (27. Т. 2. С. 118), а 9 ноября отправил карательный отряд для расправы с волнением крестьян с. Романово на Смоленщине (5. Т. 8. С. 314).

Как бы то ни было, все в Тарутинском лагере было подчинено главной задаче — накопить силы и подготовиться к наступлению. Пока эта задача не была решена, Кутузов воздерживался от активных действий против Наполеона. Только партизаны да казаки неустанно рейдировали по коммуникациям противника, выводя из строя его живую силу и подрывая материальную базу.

Еще Д.П. Бутурлин подметил, что Кутузов своей кажущейся нерешительностью старался «внушить Наполеону обманчивые надежды» на заключение мира и тем самым задержать его подольше в Москве¹³⁸. Французы с того дня, как они заняли Москву, действительно тешились надеждой на скорый мир и не беспокоили русских. Поддерживали иллюзию близкого мира неоднократные свидания

И. Мюрата с М.А. Милорадовичем. Оба являлись на аванпосты в театральных нарядах, рисовались друг перед другом и обменивались любезностями. «Третьего подобного не было в армиях!» — восклицал А.П. Ермолов, отметив, что Мюрат был в панталонах из парчи, вытканной золотом, а Милорадович — «с тремя шашами ярких цветов, не согласующихся между собою» (15. С. 219). Но если французы буквально жаждали кончить дело миром («Мир — наше самое заветное желание», — записал в дневнике 12 октября Ц. Ложье)¹³⁹, то русские лишь делали вид, что могут согласиться на это, только чтобы выиграть время. Истинное же их настроение выражено в одном из октябрьских писем К.Н. Батюшкова: «Никто не желает мира. Все желают не мира, [а] истребления врагов»¹⁴⁰.

5 октября в ставку Кутузова приехал генерал-адъютант Наполеона гр. Лористон с предложением заключить перемирие и дать ему, Лористону, пропуск для проезда в Петербург на переговоры с Царем от имени Наполеона. Кутузов особо подготовился к этой встрече. Офицер его штаба А.А. Щербинин вспоминал: «Лористон прибыл в сумерки, в крытых дрожках. Кавалергардского полка пор [учик] Михаил Орлов (будущий декабрист. — Н.Т.) сопровождал его. Мы в первый раз увидели Кутузова в мундире и шляпе. Эполеты он попросил у Коновницына: его собственные ему казались недовольно хороши. Но и Петр Петрович был не франт, лучше бы обратиться к Милорадовичу» (37. Вып. 1. С. 36). Чтобы произвести на Лористона выгодное для России впечатление, «армии велено было разложить множество огней. Казалось, что в лагере стояло 200 или более тысяч человек»; для большего эффекта Кутузов приказал «варить кашу с маслом и петь песни... среди шумного веселья войск и бесчисленности огней» (24. Т. 3. С. 76—77).

Беседу с Лористоном Кутузов вел около часа, с глазу на глаз. Содержание ее передают «Официальные известия» штаба Кутузова и донесение самого фельдмаршала Царю от 5 октября. Кутузов отвел упреки Наполеона в том, что русские люди воюют «не по правилам». «...Они войну сию почитают равно как бы нашествие татар, — объяснил фельдмаршал, — и я не в состоянии переменить их воспитание» (20. Ч. 1. С. 368). Заключить перемирие Кутузов отказался: «...Я буду проклят потомством, если во мне будут видеть первопричину какого бы то ни было соглашения; потому что таково теперешнее настроение моего народа» (Там же). Но чтобы совсем не лишать противника иллюзий насчет возможности мира, он обещал Лористону уведомить Царя о мирных предложениях Наполеона (Там же).

Далее, по воспоминаниям Н.Н. Муравьева, Кутузов дал волю своему хитроумию. «Предложения о мирных условиях были посланы в Петербург с курьером, но курьеру приказано было попасться в руки неприятелю, и Наполеон уверился в мирных расположениях Кутузова. Между тем через Ярославль был послан другой курьер к Государю с просьбою не соглашаться ни на какие условия»¹⁴¹.

После встречи Кутузова с Лористоном еще две недели обе армии простояли друг против друга спокойно. Наполеон некоторое время еще ждал, не придет ли из Петербурга ответ на предложение мира, переданное через Лористона, а с 13 октября начал готовить армию к эвакуации из Москвы (44. Т. 2. С. 97—98). Кутузов тем временем завершал подготовку контрнаступления, оставаясь, по выражению А.С. Пушкина, в «мудром, деятельном бездействии» и тем самым «усыпляя Наполеона на пожарище Москвы (28. Т. 6. С. 300. Курсив мой. — Н.Т.). Как тут не вспомнить, что

еще фельдмаршал Н.В. Репнин задолго до событий 1805 и 1812 гг. назвал Кутузова «*Фабием Ларионовичем*»¹⁴²!

План контрнаступления в общих чертах Кутузов вырабатывал еще до прихода в Тарутино. Кстати, самый термин «контрнаступление» некоторые исследователи (активнее других В.М. Безотосный) применительно к действиям русской армии в 1812 г. отрицают, поскольку, мол, он «до 1947 г. (т.е. до И.В. Сталина. — Н.Т.) не употреблялся» и непригоден к употреблению: не было с русской стороны «контрудара, после которого началось контрнаступление»; после боя под Тарутином русская армия «заняла исходные позиции», а после Малоярославца «Кутузов отступил»¹⁴³. По-моему, здесь нет проблемы, а спор о терминологии схоластичен. Контрнаступление, как гласят все русские толковые словари, — это «встречное наступление, являющееся ответом на наступление противника»; оно не предполагает обязательного контрудара, для него достаточно (как это и было в 1812 г.), чтобы сторона, ранее наступавшая, была *вынуждена* отступать, преследуемая с боями стороной, ранее отступавшей.

Итак, еще до прихода в Тарутино Кутузов, судя по его директивам П.В. Чичагову и А.П. Тормасову от 20 сентября, предполагал разгромить «Великую армию» Наполеона концентрическим ударом трех русских армий на линии Днепра, при подходе ее (когда она будет отступать из Москвы) к Смоленску (20. Ч. 1. С. 244—245). Но 8 сентября в ставку Кутузова, которая размещалась тогда в с. Красная Пахра, на пути к Тарутину, приехал от Александра I его флигель-адъютант А.И. Чернышев (впоследствии светлейший князь и военный министр). Он привез составленный в Петербурге план разгрома французов на Березине.

Происхождение петербургского плана до сих пор остается не вполне ясным. Версия дореволюционных историков

о том, что план был «задуман» и «лично начертан» самим Царем (24. Т. 3. С. 28)¹⁴⁴, грешит преувеличением. Е.В. Тарле выражался более осторожно: «план, выработанный военным окружением Царя», и такова же в принципе точка зрения П.А. Жилина (16. С. 271; 32. Т. 7. С. 708). О.В. Орлик, В.Г. Сироткин, Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев о петербургском плане даже не упоминали.

В последнее время историки стали больше интересоваться петербургским планом, пытаясь выявить его разработчиков. А.Г. Тартаковский обнаружил «в архивных материалах военного ведомства и в фонде Аракчеева» (РГ-ВИА) какие-то «указания на причастность к составлению этого плана» светлейшего князя Платона Зубова (одного из главных цареубийц 1801 г.), которого Александр I в 1812 г. «держал при себе в качестве военного советника»¹⁴⁵. Дальше всех продвинулся здесь С.В. Шведов. Учитывая, что план был подписан Александром I уже 31 августа (на следующий день после того как Царь узнал о Бородинской «победе»), но просчитан был, конечно, «не за один день», и что отдельные идеи этого плана высказывали ранее сам Александр I, Барклай де Толли и Чичагов, — учитывая все это, Шведов называет именно их (плюс ближайшего сотрудника Царя кн. П.М. Волконского), авторами плана¹⁴⁶. Можно с ним согласиться.

Смысл петербургского плана был таков: когда «Великая армия», преследуемая главными силами Кутузова, достигнет Березины, Чичагов при поддержке Ф.Ф. Эртеля — с юга¹⁴⁷ и Витгенштейн при поддержке Ф.Ф. Штейнгейля — с севера преградят ей путь в районе Борисова и вместе с главными силами уничтожат ее, чтобы французы были «искоренены до последнего» (20. Ч. 1. С. 463—470). «Если план сей, — писал Александр I Кутузову, — вами признан будет

полезным, то отправьте флигель-адъютанта Чернышева к адмиралу Чичагову» (Там же. С. 194—195). Таким образом, в те дни, когда Наполеон занимал Москву, Александр I уже планировал истребление его армии. Этот факт, который наши историки с 1917 г. до последнего времени недооценивали либо вовсе замалчивали, делает честь Царю.

Кутузов усмотрел лишь «малое различие» между своим планом и царским. Поэтому 22 сентября он доложил Александру I: «<...> оставил я план сей, объясненный мне подробно флигель-адъютантом Чернышевым, в полной его силе» (Там же. С. 268). В тот же день фельдмаршал отправил Чернышева к Чичагову с царским планом. «Поспешаю препроводить оный в списке, дабы вы, — предписывал он адмиралу, — от произведения в действо прежних моих соображений удержались, а приступили к исполнению высочайшей воли (Там же. С. 269).

Советские «фанаты» Кутузова (П.А. Жилин, Б.С. Аба-лихин), которых не устраивало его признание «высочайшей воли», старались представить дело так, что царский план был «ошибочен», «принципиально отличен» и даже «противоположен» безошибочному плану Кутузова, поскольку-де по царскому плану «решающая роль в разгроме врага отводилась не Главной армии», а войскам Чичагова и Витгенштейна. Кутузов, мол, все это «прекрасно понимал» и «хотя внешне (?! — *Н.Т.*) и принял присланный ему план, фактически проводил в жизнь свой («противоположенный»! — *Н.Т.*) план разгрома врага (16. С. 272)¹⁴⁸. Поверить Жилину и Абалихину может только тот, кто не знаком с текстом петербургского плана, ибо в тексте его черным по белому сказано: все «три наши армии соединиться должны», каждая из них обязана действовать «в частых сношениях со всеми другими войсками нашими», а фланговые

войска имеют целью в назначенных местах «предупредить неприятеля, с другой стороны всегда неотступно поражаемого в тыл от главных соединенных армий наших под предводительством князя Кутузова» (20. Ч. 1. С. 464—465, 468, 470). Конкретные детали петербургского плана (даты, маршруты) были по ходу событий, естественно, скорректированы, но, по сути своей, именно этот план (*принятый Кутузовым!*) лег в основу Березинской операции. Впрочем, до Березины было еще далеко...

НАРОДНАЯ ВОЙНА

Вся война 1812 г. со стороны России была народной, ибо она решала судьбу русского народа. Потому и армия сражалась тогда с небывалым подъемом — «так, как сражаются лишь только в народной войне» (32. Т. 7. С. 630). Но понятие «народная война» включает в себя главным образом непосредственное участие самого народа, что в 1812 г. с наибольшей силой проявилось после оставления Москвы.

Российская историография давно уже опровергла тезис дворянских историков о том, что вождем народной войны против Наполеона был господствующий класс России, которым героически руководил «всемогуший» и «лучезарный» самодержец Александр I (6. Ч. 2. С. 344; 24. Т. 4. С. 371)¹⁴⁹. На деле дворянство и сам Царь не столько возглавляли народную войну, сколько боялись и тормозили ее, выказав не меньше испуга, чем героизма.

Правда, Александр I в манифесте от 18 июля призвал Россию дать всенародный отпор врагу: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина!»¹⁵⁰. Манифест льстил дворянству как всегдашнему «спасителю отечества» и обязывал его созвать народное ополчение, но инициати-

ва народа при этом заведомо ограничивалась. Крестьяне и дворовые могли вступать в ополчение только от лица своего помещика, как его пожертвование; добровольчество крепостных без санкции хозяев считалось «незаконным» и приравнялось к побегу¹⁵¹.

11 сентября, в день своих именин, Александр I получил рапорт Кутузова о Бородинской битве. Кутузов не употребил самого слова «победа», но его фраза (близкая к истине): «Кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами» (20. Ч. 1. С. 154)¹⁵² — была воспринята в Петербурге как реляция о победе. Очевидцы свидетельствовали: «Весь город высыпал на улицы <...> Все, поздравляя друг друга с победою, обнимались, лобызались <...> С тех пор как Петербург стоит, не было такого ликования»¹⁵³. Сам Александр I отстоял благодарственный молебен с коленопреклонением в Троицком соборе Александро-Невской лавры.

Тем большим потрясением стала для Царя полученная 19 сентября весть о том, что победоносный Кутузов... сдал побежденному Наполеону Москву. «Голова его, — отметил биограф Александра В.К. Надлер, — седеет в одну ночь после этой страшной вести»¹⁵⁴.

Тот месяц, пока Наполеон был в Москве, стал для Александра I едва ли не самым тяжким месяцем всей его жизни. Общепринятая в советской историографии пушкинская оценка Александра («в двенадцатом году дрожал») требует принципиального уточнения: может быть, и «дрожал», но превозмог дрожь и сполна проявил необходимую в его положении твердость. Ведь царский двор, за малым исключением, и почти вся бюрократия (в том числе мать-императрица Мария Федоровна, вел. кн. Константин Павлович, всемогущий уже тогда А.А. Аракчеев, канцлер империи

Н.П. Румянцев) в панике толкали Царя к миру с Наполеоном (25. Т. 2. С. 142). Александр I был непримирим. «Я отращу себе бороду вот до сих пор, — заявил он в сентябре 1812 г. своему флигель-адъютанту А.Ф. Мишо, указывая на свою грудь, — и буду есть картофель с последним из моих крестьян в глубине Сибири скорее, чем подпишу стыд моего отечества»¹⁵⁵. Ранее, в разговоре с Ж. де Местром, Царь выразил даже готовность отступить на Камчатку и стать «императором камчадалов», но не мириться с Наполеоном¹⁵⁶. Таковую твердость Царя после сдачи Москвы А.К. Дживелегов не без оснований назвал «подвигом, почти сверхъестественным»¹⁵⁷.

Если бы Александр I согласился на мир с Наполеоном, занявшим Москву, то, по резонному заключению К. Клаузевица, «поход 1812 г. стал бы для Наполеона наряду с походами, которые заканчивались Аустерлицем, Фридландом и Ваграмом»¹⁵⁸. Наполеон хорошо это понимал. Именно поэтому он так долго (36 дней!) оставался в Москве, что в конечном счете его и погубило.

Твердость Государя импонировала большинству дворянства и вдохновляла его. Дворянство как класс было настроено в 1812 г., конечно, патриотически, но его патриотизм увязал в корысти. Для подавляющего большинства дворян «слово «Россия» и слова «крепостное право» сливались воедино» (32. Т. 7. С. 593). Они стояли тогда именно за крепостную Россию, за право самим держать в рабстве собственный народ, не делясь этим правом и тем более не уступая его кому бы то ни было, и Наполеону в особенности.

Дело в том, что для феодалов всей Европы, переживших тот идейный циклон, который распространялся повсюду из Франции после 1789 г., Наполеон был самым ненавистным

и страшным врагом. Осыпая его всевозможными ругательствами («антихрист» и «Змей Горыныч», «всемирный бич» и «пугалище света»)¹⁵⁹, русские феодалы больше всего проклинали в нем «воплощение, олицетворение и оцарствование революционного начала»¹⁶⁰. «Революция — пожар, французы — головешки, а Бонапарте — кочерга», — умо-
заключал гр. Ф.В. Ростопчин (25. Т. 2. С. 207).

Отождествив революцию с Францией и Наполеоном, российские дворяне равно их возненавидели. Это и составило квинтэссенцию воинствующе-квасного патриотизма дворян: «Кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский... кто отказался от лафита и принял-ся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски» (28. Т. 5. С. 131). Светские дамы одевались в сарафаны, губернаторы — в ополченские кафтаны¹⁶¹. Все французское, недавно с восторгом употреблявшееся, теперь с гневом отвергалось, как поругание отечества. Сергей Глинка в журнале «Русский вестник» провозглашал: «Лучше класть головы свои на поле ратном», чем прибегать к услугам «французских волосочесателей» (25. Т. 5. С. 135).

Самым предприимчивым выразителем такого (казенного, словно «нарисованный факел»¹⁶²) патриотизма был Ф.В. Ростопчин. Он приспособил бюст Наполеона под ночной горшок, собственного повара-француза велел сечь кнутом¹⁶³, а в пресловутых «Ростопчинских афишах» ухарски подзадоривал соотечественников на легкую победу («Француз не тяжеле снопа ржаного!»), потешался над воинством Наполеона и его планами: «Вить солдаты-та твои карлики да щегольки... Не токмо што Ивана Великого, да и Поклонной во сне не увидишь!»¹⁶⁴. В ростопчинском духе обходилась с французами вся русская официозная публицистика, которую возглавляли тогда журналы «Русский вестник»

С.Н. Глинки и «Сын Отечества» Н.И. Греча. «Литературное улюлюканье» — так определил эту ее сторону Н.А. Бродский¹⁶⁵. С другой стороны, ее отличали высокопарные гимны в честь русских героев-генералов, например:

*О Кутузов! Истребитель
Человечества врагов!
Ты Отечества спаситель!
Богатырь ты всех веков!*

и «гробовое молчание всех поэтов при имени Барклая»¹⁶⁶. Главное же, что противопоставлялось «сатанинскому» прозябанию французов, — это «райская» жизнь всего народа, включая крепостное крестьянство, в России. «Мы в довольстве, мы в приволье, в русском царстве нам раздолье, рай — житье нам в деревнях», — восклицали дворянские пииты от имени крепостного люда¹⁶⁷. А тот же Ростопчин «утешал» крестьян, ставших рекрутами или ополченцами: «Он (Царь, после победы. — Н.Т.) вас опять восстановит по-прежнему, и вы будете припеваючи жить по-старому»¹⁶⁸.

В общем на словах дворяне были пламенными патриотами, на деле же слишком многие из них заботились не о России, а «о своей особе и о своем ларце»¹⁶⁹, чванились, вздорили. «Всякий ищет власть свою поставить выше власти другова, себя очистить, а другова уронить, — писал об этом начальник Новгородского ополчения Н.С. Свечин, — и такое искусство почитается служением усердным к отечеству»¹⁷⁰. Дворянскую спесь афишировал негодующий вопль императрицы Марии Федоровны по поводу того, как «благородных девиц» вывозили из Москвы: «Дочерей лучшего дворянства — на телегах!»¹⁷¹.

Большей частью корыстны были и пожертвования дво-

рян «на нужды отечества». Вел. кн. Константин Павлович за 126 лошадей, «пожертвованных» в армию, взял из казны 28 350 руб., а лошади почти все оказались негодными: 45 из них пришлось застрелить немедленно, «чтобы не заразить других» (32. Т. 7. С. 640). Московские дворяне стгоряча обещали Царю пожертвовать 3 млн руб. (Там же. С. 549), но потом выяснилось, что 500 тыс. из них собрать «в скорости не можно» (5. Т. 5. С. 92); «часть денег вносилась силком еще в 1814 г.»¹⁷². Иные из таких «патриотов» острили: «У меня всего на все 30 000 долгу: приношу их в жертву на алтарь отечества» (28. Т. 5. С. 133).

К ополчению дворяне тоже отнеслись расчетливо. «В ряде губерний почти половина дворян не явилась к своим полкам» (2. С. 457). Недаром А.С. Грибоедов в плане драмы «1812 год» записал: «Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства...)»¹⁷³. Может быть, он имел в виду и тот факт, что дворяне и чиновники Петербурга жили тогда в готовности к бегству за кордон: «Кто мог, держал хотя бы пару лошадей, а прочие имели наготове крытые лодки, которыми запружены были все каналы»¹⁷⁴.

Разумеется, были и среди дворян всех рангов бескорыстные патриоты и герои, понимавшие, что «война теперь не обыкновенная, а национальная» (П.И. Багратион — А.А. Аракчееву 19 августа 1812 г.: 26. Т. 16. С. 225). В войне участвовали 115 будущих декабристов — практически все, кто был тогда способен носить оружие¹⁷⁵ (16-летний Никита Муравьев и тот бежал из родительского дома на войну). Они храбро сражались во всех родах регулярных войск, а некоторые (С.Г. Волконский, М.Ф. Орлов, М.А. Фонвизин, А.Ф. Астафьев) — и в партизанских отрядах. Будущие дворянские революционеры защищали Россию вместе со своими будущими палачами (А.Х. Бенкендор-

фом и А.И. Чернышевым, М.С. Воронцовым и К.Ф. Толем, И.И. Дибичем и И.Ф. Паскевичем), но уже тогда вольнолюбивые идеи, увлекавшие декабристов с юных лет, «придавали особый отпечаток и новую силу традиционному чувству патриотизма»¹⁷⁶. В 1812 г. передовые офицеры мечтали о России, свободной не только от внешнего, но и от внутреннего ига, полагая, что «разумный человек... не может считать разумной власть, подчиняющую его Государю, такому же человеку, как он сам»¹⁷⁷.

Из генералов, чьи портреты мы видим в Военной галерее 1812 г., участником тайного (Южного) общества декабристов был один — С.Г. Волконский. Но у шести генералов — героев Отечественной войны (Н.Н. Раевского, П.П. Коновницына, С.Е. Гангеблова, М.А. Булатова, П.Н. Ивашева, Н.И. Сутгофа) сыновья участвовали в заговоре декабристов или (как двое сыновей Раевского) были причастны к нему. Видимо, по этой причине трое последних из перечисленных генералов не были портретированы для галереи¹⁷⁸.

В военных госпиталях 1812 г. самоотверженно трудились студенты-медики — главным образом, естественно, дворяне. Только Касимовский госпиталь под Рязанью обслуживали 40 московских студентов. Среди них был четверокурсник Медико-хирургической академии (ее московского отделения) Михаил Андреевич Достоевский — отец писателя¹⁷⁹.

Итак, дворяне были разные и вели себя по-разному. Но очень многие из них заслужили оценку С.Г. Волконского, который в октябре 1812 г. на вопрос Царя о том, как проявляет себя дворянство, заявил: «Стыжусь, что принадлежу к нему, — было много слов, а на деле ничего»¹⁸⁰.

Купечество тратило тогда слов меньше, а денег на обо-

рону больше, чем дворянство. Только московские купцы пожертвовали 10 млн руб. (32. Т. 7. С. 635). Но купеческая корысть была не меньше дворянской, ибо купцы поднялись против Наполеона «частью, чтобы избежать разорения, а частью, чтобы обогатиться» (25. Т. 5. С. 116). Жертвуя миллионы, они их вскоре же возвращали, ходко и втридорога сбывая свои товары. Ведь русские патриоты считали тогда долгом чести «покупать только русские товары и только в русских лавках», а французским товарам и лавкам объявляли «патриотический бойкот» (Там же. С. 117, 118). Многие купеческие фирмы (например, знаменитого Ч. Бэрда в Петербурге) так разбогатели на поставках армии, что и «жить пошли после француза» (32. Т. 7. С. 635).

Третье из привилегированных сословий — духовенство — помогало народной войне главным образом «божьем словом», патриотическими молитвами во славу русского оружия и за гибель «антихриста» Наполеона, которого Святейший Синод трижды (в 1806, 1812 и 1815 гг.) предавал анафеме. Не чуждалась церковь и материальных даяний: только в Петербурге к 16 августа 1812 г. она пожертвовала 750 тыс. руб. «на составление ополчения» (14. С. 78–79). Некоторые ее служители участвовали даже в партизанском движении. Но среди духовенства больше, чем в любом другом сословии, оказалось предателей, сознательно — из личной и сословной корысти — переметнувшихся на сторону врага. Святейший Синод констатировал, что «две трети духовенства по могилевской епархии учинили присягу на верность врагу отечества»¹⁸¹. Архиепископ Витебский и Могилевский Варлаам повелел тогда всей епархии величать «впредь... в благодарственных ко всевышнему молебствиях вместо императора Александра французского императора и италийского короля великого Наполеона»¹⁸². Могилевс-

кая епархия не была исключением. В Смоленске духовные отцы города встречали Наполеона с крестом в знак покорности, в Минске епископ служил торжественную обедню в честь завоевателя, а в Подолии и на Волыни священнослужители раздавали своим прихожанам листки с текстом «Отче наш», где «вместо имени бога было вставлено имя императора французов»¹⁸³. Такое отступничество тысяч пастырей от «веры, царя и отечества» рождало, по отзывам современников, «недоверчивость к законному правительству и к армии российской, заставляло слабых людей думать, что Россия пропала»¹⁸⁴. Тем самым церковь в Отечественной войне 1812 г. заметно скомпрометировала себя перед Россией. Хвалебные же труды дореволюционных и постсоветских историков о заслугах ее перед отечеством в 1812 г.¹⁸⁵ необъективны.

На фоне суесловного и корыстного патриотизма привилегированных сословий выделялся своим бескорыстием и действенностью патриотизм народных масс. «Низам» чужды были местнические интриги и распри, подсчеты возможных убытков и прибылей, что так занимало «верхи». Крестьяне (составлявшие тогда почти $\frac{8}{10}$ всего населения страны)¹⁸⁶, дворовые, работные люди поднимались против захватчиков, движимые отнюдь не сословными, а исключительно национальными интересами. «Умирая на поле битвы «за белого царя и пресвятую богородицу», как он говорил, — читаем о русском мужике 1812 г. у А.И. Герцена, — он умирал на самом деле за неприкосновенность русской территории»¹⁸⁷. Патриотизм русских крестьян был тогда тем самоотверженнее, что они жили в своем отечестве под крепостным ярмом. Но для них, в отличие от дворянства или духовенства, *Россия* и *крепостное право* не были синонимами. Они шли в бой «на басурмана» не за

крепостное право, а за Россию, которую хотели избавить и от внешнего, и от внутреннего ярма. После победы над национальным врагом они надеялись получить социальное освобождение из рук «царя божьей милостью» как «награду за их патриотизм»¹⁸⁸, но пока, следуя мудрому правилу: «На Бога надейся, а сам не плошай!», продолжали и в 1812 г. наряду с борьбой против «басурмана» борьбу со своими помещиками.

Дворянские историки лгали, превознося «единение сословий вокруг престола» в 1812 г. Даже внутри самого дворянства и духовенства не было, как мы видели, должного единения. Что же касается крестьян, то их классовая борьба с феодалами именно в тот год обрела размах, небывалый ни раньше, ни позже за всю первую четверть XIX в.

Собственно, дворяне именно потому плохо вооружали тогда народ для борьбы с нашествием, что боялись, как бы он не обратил оружие против них. Ф.В. Ростопчин осторожничал: «Мы еще не знаем, как повернется русский народ»¹⁸⁹, а сенаторы пугали Царя: «Крестьяне выжидают только первого знака к бунту»¹⁹⁰. Оказалось — пугали не зря. Антикрепостнические бунты крестьян охватили в 1812 г. 32 губернии¹⁹¹. Если за 1801—1811 гг. произошло 204 таких выступления, т. е. в среднем по 19 в год¹⁹², то в 1812 г. — 67, причем как минимум в 20 случаях они были подавлены лишь с помощью войск¹⁹³. Такого числа активных выступлений крестьян не было в первой четверти XIX в.; годы наивысшего подъема крестьянского движения той эпохи — 1818 и 1822 — дали соответственно лишь 40 и 46 волнений¹⁹⁴.

Это объясняется рядом причин¹⁹⁵. Обычные для крепостной России бедствия трудящихся (крестьян продавали, как скот, а обращались с ними хуже, чем со скотом: секли насмерть, держали в рогатках и на цепи, физически и мо-

рально калечили их¹⁹⁶) усугубила война с ее разорением и ростом налогов более чем в 2 раза. Феодалный гнет становился невыносимым, а ряд обстоятельств, связанных с войной, стимулировал антикрепостническую активность крестьян. Ведь крестьяне массами собирались тогда по стране и организовывались в ополчения, партизанские отряды, дружины самообороны и т. д., вооружались, приобретали военные навыки. Патриотическая, хотя и казенная, пропаганда тоже возбуждала их (неожиданно для властей) против помещиков, ибо «часто употреблявшиеся слова «свобода», «освобождение» и т.п. порождали... иллюзию о ликвидации крепостной зависимости»¹⁹⁷.

Волновались, восставали против своих господ крестьяне и в губерниях, охваченных войной (Смоленской, Витебской, Могилевской, Минской, Московской), и в отдаленных (Вологодской, Пермской, Тамбовской, Саратовской, Оренбургской). Только в Вышневолоцком уезде Тверской губ. вспыхнуло больше 30 волнений¹⁹⁸. «Целыми селами» бунтовали крестьяне Волоколамского уезда Московской губ.¹⁹⁹. Больше 4 тыс. взбунтовавшихся крестьян Ельнинского уезда Смоленской губ. уступили только регулярным войскам (34. С. 167), а яростный бунт крестьян восьми деревень Дорогобужского уезда той же губернии так напугал местные власти, что они в официальных документах наименовали его «революцией»²⁰⁰. Самыми крупными по масштабам были волнения 20 тыс. приписных крестьян в 12 волостях Пермской губ.²⁰¹, а самыми упорными — бои крепостных заводчика А.И. Яковлева в Череповецком и Устюженском уездах Новгородской губ., где бунтари не поддались на уговоры архимандрита Паисия, а затем обратили в бегство регулярный кавалерийский полк²⁰².

Важной особенностью классовой борьбы в России 1812 г.

были восстания ополченцев, т.е. *вооруженного* народа, который, как этого и боялись дворяне, поворачивал оружие против внутреннего врага. Бунтовали осенью 1812 г. московские и саратовские ополченцы²⁰³, но самым грозным был вооруженный бунт трех полков Пензенского ополчения 21 декабря одновременно в трех городах: Инсаре, Саранске и Чембаре. Больше 7 тыс. ратников, возмущенных крепостническими порядками в ополчении, захватили Инсар, посадили в городскую тюрьму своих офицеров и уже строили для них возле тюрьмы три виселицы²⁰⁴. Простой люд Инсара поддержал ратников. «Это не Пугачево: тогда вас не всех перевешали, а нынче уже не вывернетесь!» — заверяли повстанцы «дворян-супостатов»²⁰⁵. Против восставших были двинуты регулярные войска с артиллерией. Десятки ополченцев погибли в бою, а прочих ждала расправа, более страшная, чем смерть на поле боя: только в Инсаре 38 из них были засечены кнутами; в Саранске 8 человек после кнутобойства с вырезанием ноздрей отправлены в Нерчинск на каторгу, 28 — биты шпицрутенами и 91 — палками²⁰⁶.

Вообще расправа с бунтующими крестьянами тогда, по условиям военного времени, была очень жестокой, причем нередко чинили ее боевые генералы, вплоть до самых видных. По приказам П.Х. Витгенштейна каратели расстреливали и вешали «зачинщиков» крестьянских волнений в Псковской, Витебской губ. и в Лифляндии²⁰⁷. М.Б. Барклай де Толли 31 июля приказал подавить бунт крестьян с. Рудня в Смоленской губ., а «зачинщиков бунта, яко изменников веры и отечества, повесить» (26. Т. 17. С. 165). М.И. Кутузов здесь, как мы уже это видели, не был исключением²⁰⁸.

В целом, как отмечает Н.И. Сошин, «впервые после крестьянской войны 1773—1775 гг. страх помещиков перед все-

общим крестьянским восстанием стал государственной проблемой»²⁰⁹, едва ли меньшей, чем отпор внешнему врагу. Показательно, что российские помещики в 1812 г. во многих случаях искали спасения от собственных крестьян у французов. Например, в д. Смолевичи и ряде деревень Борисовского повета Минской губ., на Витебщине и Смоленщине русских крестьян умирjali, по просьбе их помещиков, французские каратели (2. С. 339; 25. Т. 5. С. 89). Выходило, что в разных местах страны одновременно подавляли крестьянское движение войска Александра I и Наполеона.

С другой стороны, солдатская масса «Великой армии» разносила по России антикрепостнические настроения. Сохранились документы о совместных выступлениях русских крестьян и французских солдат против русских помещиков. В Полоцком уезде Витебской губ., в Ельнинском, Сычевском, Поречском и Юхновском уездах Смоленщины, в ряде подмосковных селений с июля по сентябрь местные крестьяне громили барские усадьбы с помощью французов (5. Т. 10. С. 859)²¹⁰ или делали это сами, избивали своих хозяев и везли их связанными на суд и расправу к французам, как было в Поречском и Велижском уездах Смоленской губ. (26. Т. 14. С. 282–283).

Недаром российские феодалы проклинали тогда французских солдат как «сущую заразу» революции, а самого Наполеона ругали «французским Пугачевым» или «братом Емельки Пугачева» (5. Т. 10. С. 363)²¹¹, не напрасно били тревогу о том, что «нашествие Наполеона взволнует крепостное население России» (25. Т. 5. С. 79). Даже генерал Н.Н. Раевский, известный передовыми взглядами, тревожился в июле 1812 г.: «Я боюсь прокламаций, чтоб не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств»²¹².

Историки давно задумываются над тем, почему Наполеон не отменил крепостное право в России и что было бы, если бы он дал свободу крестьянам, как уже сделал это в 1807 г. в Польше, а ранее в целом ряде стран Западной Европы²¹³. Перед нашествием на Россию Наполеон получал от своих агентов заверения, что может рассчитывать на крестьян, «которые будут очень расположены встать на сторону победоносной французской армии», ибо «только и мечтают о свободе»²¹⁴. В мае 1812 г. император предписал министру иностранных дел Г.-Б. Маре «заложить очаги восстания» внутри России усилиями специальных агентов (43. Т. 23. С. 444), которые тут же получили от Маре такую инструкцию: «Необходимо найти среди казаков какого-либо смелого, который бы отважился организовать восстание и повторить историю Пугачева»²¹⁵. 5 августа, находясь в Витебске, Наполеон советовался с Евгением Богарне, «какого рода декрет и прокламацию можно было бы выпустить, чтобы возбудить восстание крестьян в России и привлечь их на свою сторону» (43. Т. 24. С. 123). Подобное же намерение он обсуждал в Москве²¹⁶. Думается, что все это — нечто большее, чем только «социально-демагогическое средство «попугать помещиков»», как обычно считают²¹⁷.

Наполеон хорошо знал, что всего лишь за 36 лет до его нашествия Россия была потрясена грандиозной крестьянской войной, о которой «ему могли рассказать, по личным воспоминаниям, даже и не очень старые люди» (32. Т. 7. С. 276). Он приказал искать в московских архивах документы о Е.И. Пугачеве, чтобы использовать их для возбуждения русских крестьян против русского же дворянства (Там же. С. 274). Видимо, он допускал возможность такой акции, обдумывал ее и колебался. 20 декабря 1812 г. на заседании сената Франции он так объяснил свою позицию:

«Я мог бы поднять против нее (России. — *Н.Т.*) большую часть ее собственного населения, провозгласив освобождение рабов... Но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая обрекла бы множество семейств на смерть, разграбление и самые страшные муки» (43. Т. 24. С. 342). Говоря словами Е.В. Тарле, Наполеон не захотел «разнуздать стихию народного бунта», после чего «не с кем» было бы заключить мирный договор» (32. Т. 7. С. 276). Ради сохранения возможности договориться с Императором Александром император Наполеон после некоторых колебаний отказался от того, на что, не колеблясь, пошел бы генерал Бонапарт.

Дело, конечно, не только в том, что бывший генерал революции стал монархом, названным братом таких китов феодальной реакции, как Александр I, Франц I, Фридрих-Вильгельм III, зятем второго из них и даже родственником Людовика XVI²¹⁸. Польских крестьян освобождал в 1807 г. тоже монарх, а не генерал. Но в России он не ожидал, что «рабы»²¹⁹, лишенные у себя на родине всяких прав, поднимутся против него на Отечественную войну. Просчет Наполеона состоял в том, что он, верно определив как «рабскую» степень юридической и материальной придавленности русских крестьян, преувеличил их духовную, нравственную отсталость, посчитав, что они столь же темны, сколь и бесправны. Это заблуждение Наполеона неудивительно. Так судили на Западе о русских крестьянах и несравненно более передовые умы, например, великий социалист-утопист А. Сен-Симон, полагавший, что «в России крестьяне так же невежественны, как и их лошади»²²⁰.

Крестьянство России в массе своей не ожидало от «басурмана» ничего хорошего. Были, конечно, тогда среди

крестьян и такие, кто еще перед войной и в начале ее ждал и верил: «Придет Бонапарт, нам волю даст» (25. Т. 5. С. 76, 95)²²¹. Но иллюзии немногих быстро рассеялись. По мере того как Бонапарт шел вперед, к Москве, вся Россия убеждалась, что он идет «не разбивать старые цепи, а, напротив, надеть на русский народ сверх старых еще и новые» (32. Т. 7. С. 737).

На защиту отечества народ поднимался в 1812 г., как свидетельствовали очевидцы, «не по распоряжению начальства», а «сам собою»²²² с первых же дней войны, хотя не везде сразу. Требовалось время для того, чтобы весь народ пришел в движение, тем более что средства связи тогда отставали от жизни: так, в Пензе о войне узнали через три недели после ее начала, а в Иркутске — когда Наполеон уже подходил к Москве²²³. После оставления Москвы народ стал вооружаться уже повсеместно. «Ну, слава Богу, вся Россия в поход пошла», — сказал за Москвой И.Д. Якушкину старый солдат²²⁴, точно определив смысл перелома в ходе войны. Даже в рекруты крестьяне, как правило, шли теперь, не в пример прошлому, мало сказать, что охотно — с воодушевлением. «Мы живем против рекрутского присутствия, — писала из Тамбова М.А. Волкова, — каждое утро нас будят тысячи крестьян: они плачут, пока им не забреют лба, а сделавшись рекрутами, начинают петь и плясать»²²⁵.

Поднимала народ на борьбу с нашествием прежде всего любовь к Родине, к земле своих предков — и к национальным святыням, как Москва, «мать городов русских», и к домашнему очагу. В.И. Ленин однажды, читая К. Клаузевица, заметил: «Национальная ненависть — во всякой войне»²²⁶. В войнах против Наполеона это сказалось особо, поскольку «Наполеон попирает ногами у всех народов» их национальное чувство²²⁷. В 1812. г. русский народ ожесточался, видя,

как враг разоряет родную землю, душегубствует, оскверняет храмы, превращая их в конюшни, и т. д. Сдача Москвы только усилила «остервенение народа». «...Из конца в конец по всему царству раздался клич, чтобы выходили и стар и млад заливать вражескою кровью великий пожар московский», — писал о тех днях Тарас Шевченко²²⁸. Разумеется, надежда заслужить в борьбе с национальным врагом социальное освобождение придавала столь мощному патриотическому подъему «низов» еще большую силу. С.Г. Волконский в разговоре с Царем осенью 1812 г. противопоставил корыстно-сословному патриотизму дворянства самоотверженность крестьянских масс: «Каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и вам»²²⁹. Даже французы, из числа самых наблюдательных (Стендаль, Ф.-П. Сегюр), признавали «истинный патриотизм» народа России, отмечая не без удивления, что «русский деспотизм совсем не принизил крестьян духовно»²³⁰.

Авторы обобщающих трудов о 1812 г. обычно сводят участие народных масс в войне к партизанскому движению и ополчениям, тогда как «это были главные, но далеко не единственные формы борьбы народов России с наполеоновским нашествием»²³¹. Еще ждет специального исследования труд крестьян и рабочих людей в тылу, особенно на военных заводах, — труд принудительный, почти каторжный, но в 1812 г. тем не менее патриотически одушевленный, что позволило форсировать темпы военного производства. Тульский оружейный завод, обычно производивший 8 тыс. ружей в месяц, давал в августе и сентябре 1812 г. по 10—12 тыс., а Киевский арсенал дал в 1812 г. продукции в 2 раза больше, чем в 1811 г.²³². В труде на благо отечества блеснули природной смекалкой и сноровкой русские мастера. Один из них — Зотин с Нижне-Исет-

ского завода на Урале — летом 1812 г. изобрел железную пушку, которая разбиралась по частям так, что бомбардиры могли переносить ее на руках, «не требуя лошадей»²³³. Но царские власти не дали ходу этому (как, вероятно, и многим другим) народному изобретению.

Крестьяне, мастеровые, дворовые не только вооружали армию, но и кормили ее, одевали, обували, перевезли для нее на своих подводах миллионы пудов военных грузов. Только в Орловской губ. крестьяне отрядили для армейских перевозок 55 тыс. подвод²³⁴. В то же время трудовой люд России от самой границы, как мы видели, противодействовал снабжению врага, сжигая населенные пункты, уничтожая (если не успевал вывезти) хлеб и фураж, угоняя скот, расправляясь при случае с вражескими квартирными и фуражерами.

Важным, но поныне малоисследованным компонентом народной войны 1812 г. были разнообразные формы самозащиты населения оккупированных и прифронтовых губерний — кордоны, дружины, «охранные войска» в несколько десятков или сот человек, которые ограждали свои села, волости и уезды от мелких отрядов врага (2. С. 484—485, 491—492). Много вреда причинили французам разведчики и проводники из крестьян. В 1812 г. русские крестьяне не один раз повторили подвиг Ивана Сусанина 200-летней давности: не только по принуждению, но и добровольно становились проводниками и, обрекая себя на верную смерть, вели отряды или обозы чужеземцев в непроходимые леса и топи либо в засаду к партизанам²³⁵. Проводник же из крестьян д. Новоселки Смоленской губ. Семен Силаев, которого 3 тыс. французов заставляли вести их на г. Белый, спас город, упершись на том, что дорога к нему непроходима, а сам Белый обороняют русские войска. Он твердил это даже

под дулами ружей врагов, готовых расстрелять его (хотя знал, что к городу легко пройти и русских войск там нет). В конце концов французы поверили ему и ушли в другую сторону²³⁶.

До сих пор не подсчитана, к сожалению, доля народного вклада в общей массе денежных пожертвований 1812 г. «на алтарь отечества». Бесспорно одно: гроши миллионов крестьян складывались в суммы, не уступавшие миллионнорублевым (совокупно) вкладам дворянства, купечества и духовенства. В целом же население страны пожертвовало 100 млн руб., т.е. сумму, равную всем военным расходам империи на 1812 г. по государственному бюджету²³⁷. К.А. Военский подсчитал, что больше всех дала Смоленская губ., первой из коренных русских земель принявшая на себя удар Наполеона, — 9,8 млн руб., за ней следовали Тульская — 4,5 млн, Московская — 4,3 млн, Петербургская — 4 млн руб.²³⁸ Губернии Украины дали больше 9 млн руб.²³⁹. В сборе пожертвований участвовали все народы России, вплоть до жителей отдаленных земель — якутов, бурятов, эвенков²⁴⁰. «В жертвованиях приняли участие даже «индейцы», персияне и хивинцы, поселившиеся навсегда в Астрахани»; они внесли 24 840 руб.²⁴¹.

Если денежный вклад народных масс в борьбу с наполеоновским нашествием подсчитать трудно, то людской (путем записи в ополчение) уже давно подсчитан. Народ не просто откликнулся на царский манифест 18 июля о созыве ополчения, но даже опередил царя: на Смоленщине крестьяне пошли в ополчение еще до манифеста²⁴². Более того, хотя Царь повелел созывать ополчение только в 16 губерниях (еще не объятых войной, но достаточно близких к театру войны), простой люд рвался к оружию буквально повсюду, вплоть до Сибири. Крестьяне Камышовско-

го уезда на Урале «заявили губернскому начальству, что они готовы ополчиться поголовно»²⁴³. Из далекого Тобольска губернатор доносил в Петербург: «Здесьних волостей все вообще способные носить оружие... готовы вступить в ополчение»²⁴⁴. Башкиры сформировали 20 конно-казахских полков²⁴⁵. Во «внеополчающихся» губерниях пришли в ополчение 100 тыс. ратников²⁴⁶. Общая же численность народного ополчения составила, по данным В.И. Бабкина, 420 297 человек. Самым многочисленным оказалось Московское ополчение (34 867 человек), за ним шли Петербургское (16 426), Рязанское (15 918) и т.д. Поволжские губернии дали 71 тыс. ополченцев, украинские — 74 255²⁴⁷. Данные В.И. Бабкина нуждаются в некоторых уточнениях²⁴⁸, но все они документированы.

К организации народного ополчения 1812 г. были причастны лучшие люди из дворян. Московский богач, сын фаворита Екатерины II гр. М.А. Дмитриев-Мамонов на свои деньги сформировал из москвичей-ополченцев целый полк, которому он вручил знамя Дмитрия Пожарского, доставленное из Нижнего Новгорода²⁴⁹. В ополчение вступили тогда поэты В.А. Жуковский и П.А. Вяземский, романисты И.И. Лажечников и М.Н. Загоскин, драматурги А.А. Шаховской и Н.И. Хмельницкий (потомок гетмана Богдана Хмельницкого), порывались вступить, но были удержаны родителями совсем еще юные лицеисты А.А. Дельвиг и В.К. Кюхельбекер²⁵⁰. Вообще же, как читатель мог видеть, дворяне больше сторонились ополчения, чем тянулись к нему. Зато народ по существу весь «превратился в ополчение»²⁵¹.

«Совершенно исключительное зрелище представлял этот народ в походе, — рассказывал очевидец, — эти грозные бороды и нечесанные головы... Эти войны проходили

всюду с песнями. Иногда (это я сам видел) за ними шли их жены и, чтобы помочь мужьям, несли время от времени их оружие»²⁵². Больше 120 тыс. ополченцев присоединились к регулярной армии и начали боевые действия уже в тарутинский период (17. С. 232)²⁵³. Остальные до начала контрнаступления оставались в резерве и выполняли очень важные охранные функции. Тульское, Владимирское и Украинское ополчения защищали свои губернии, Калужское — Брянск с его арсеналами, Ярославское и Тверское — дорогу на Петербург, Рязанское — на Рязань²⁵⁴.

С началом контрнаступления вся ополченская армия вместе с регулярными войсками приняла участие в боях. «Сии добрые люди, — писал тогда об ополченцах русский генерал А.Ф. Ланжерон, — дерутся, как черти»²⁵⁵. Один из лучших маршалов Наполеона, Ж.-Б. Бессьер, уважительно отзывался о героизме русских ополченцев, «едва вооруженных и обмундированных», в битве под Малоярославцем (44. Т. 2. С. 125—126). Другой наполеоновский маршал, Л.-Г. Сен-Сир, отмечал, что в корпусе П.Х. Витгенштейна, который 19 октября штурмовал Полоцк, «с наибольшим ожесточением» сражались «бородатые люди», как называли французы ратников ополчения²⁵⁶. Денис Давыдов считал, что Витгенштейн «обязан был взятием Полоцка ополчению»²⁵⁷.

Еще более активной, чем даже ополчение, самой действенной формой народной войны 1812 г. было партизанское движение. Оно с наибольшей силой воплотило в себе энергию, инициативу, патриотическое «остервенение» русского народа.

Собственно, в 1812 г. было *два* партизанских движения — армейское и крестьянское. Развернулись они почти одновременно и развивались параллельно, взаимодействуя друг с другом.

Первый армейский партизанский отряд генерал-майора Ф.Ф. Винценгероде, созданный по указанию М.Б. Барклая де Толли еще 2 августа в Смоленске, насчитывал 1300 человек (26. Т. 16. С. 84—85). Он действовал в тылу и на флангах противника, разведывал его силы, захватывал фуражиров и мародеров, а после Бородина охранял московско-петербургский тракт²⁵⁸. Тем временем Д.В. Давыдов, тогда подполковник Ахтырского гусарского полка, обдумывал «выгоды партизанской войны». 3 сентября при подходе армии к Бородину (кстати, это село Давыдовым и принадлежало) он получил от М.И. Кутузова отряд в 50 гусар и 80 казаков для разведывательных и диверсионных рейдов по тылам врага (13. С. 317—319). Главным же образом армейские партизанские отряды, называвшиеся еще и «партиями», начали создаваться в Тарутине: первым из них был отряд капитана А.С. Фигнера, вторым — капитана А.Н. Сеславина, адъютанта Барклая де Толли, третьим — полковника кн. Н.Д. Кудашева, зятя Кутузова (15. С. 212). Всего еще до начала контрнаступления Кутузов сформировал в Тарутине 10 таких отрядов: кроме перечисленных, это были отряды генерал-майора И.С. Дорохова, полковников И.Ф. Чернозубова, И.Е. Ефремова и кн. И.М. Вадбольского, майоров С.И. Лесовского и В.А. Пренделя, поручика М.А. Фонвизина (34. С. 176). Самым замечательным из них, не только по своему составу и деятельности, но и по масштабам личности командира, был отряд Дениса Давыдова.

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) — сын екатерининского бригадира²⁵⁹, двоюродный брат Н.Н. Раевского, А.П. Ермолова и декабриста В.Л. Давыдова, разносторонне талантливый и неотразимо обаятельный поэт, мыслитель и воин, воспетый чуть ли не всеми звездами русской поэзии первой трети XIX в. (включая А.С. Пушкина)²⁶⁰ и став-

ший прообразом Василия Денисова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», — был одним из самых популярных в свое время людей России, чьи портреты украшали не только избы русского простонародья, но и, к примеру, кабинет Вальтера Скотта в Абботсфорде²⁶¹. Столбовой дворянин, он тем не менее смолоду отличался передовыми взглядами, еще до 1812 г. писал сатиры на «глухую тварь» Александра I (13. С. 48, 559), а позднее был близок со многими декабристами. Военское призвание обнаружилось в нем с детства, когда ему, девятилетнему сорванцу, оказал «нечаянное внимание» А.В. Суворов, благословив его и предсказав: «Ты выиграешь три сражения!» (Там же. С. 29). С 1806 по 1831 г. Давыдов участвовал в восьми кампаниях и был вправе с гордостью заявить: «Имя мое во всех войнах торчит, как казацкая пика»²⁶², но 1812 г. он ставил вне всяких сравнений: «Я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 г.» (13. С. 281).

Прежде чем возглавить партизанский отряд, Давыдов успел отличиться в регулярных сражениях от Мира до Бородина, но в ряд поистине легендарных героев Отечественной войны он встал именно как партизан, самый выразительный, классически совершенный тип партизанского вожака того времени.

Давыдов подобрал себе в отряде хороших помощников: и умница («образованности европейской») майор С.С. Храповицкий, и удалец («без образования, но с умом точным») поручик Макаров, и запальчивый, неукротимый ротмистр А.Н. Чеченский, и добродушный весельчак поручик Д.А. Бекетов — все они были предприимчивы, сметливы, отважны (Там же. С. 326—327). Сам же Давыдов, кроме всех этих качеств, блистал природным талантом организатора. Кадровый офицер с большим военным опытом, он внес в

партизанскую службу регулярное начало: порядок, дисциплину, ответственность. Вместе с тем отличавшее его сочетание творческого ума, эрудиции и поэтического вдохновения позволило ему выработать, с учетом опыта испанских партизан (герильясов), и самому воплощать в жизнь целую «теорию партизанского действия»²⁶³. Если не на все, то на многие случаи партизанской жизни у него были свои правила, которым он следовал неукоснительно. Вот одно из них: «Лучшая позиция для партии есть непрестанное движение оной... *Убить да уйти* — вот сущность тактической обязанности партизана» (13. С. 336).

Другим правилом для партизанских «партий» Давыдов считал их связь с народом. Он даже стал приноравливать к крестьянам себя и свой отряд и в обычаях, и в одежде. «Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, — читаем в его записках, — вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным» (Там же. С. 320). Крестьяне платили за это Давыдову особым доверием, помогая его отряду стать неутомимым и неуловимым; отряд Давыдова действительно был «вездесущ, как божья кара»²⁶⁴.

Партизаны Давыдова разрушали коммуникации противника, уничтожали его мелкие отряды, фуражиров и мародеров, захватывали транспорты, обозы и пленных, включая ценных «языков». В бою Давыдов был беспощаден, но неоправданную жестокость к безоружному врагу пресекал. Пленных он даже удивлял своей гуманностью, следуя правилу своего кумира Суворова: «С пленными поступать человеколюбиво и стыдиться варварства»²⁶⁵.

Из других партизан 1812 г. ближе всех к Давыдову по характеру действий своего отряда и даже по личным качествам был Александр Никитич Сеславин (1780—1858). Воин

исключительной храбрости, он героически проявил себя еще до 1812 г. (особенно под Фридландом в 1807 г. и под Рущуком в 1811 г.), а в 1812 г. — под Островно и на Бородинском поле, прежде чем стал партизаном. Его могилу, сохранившуюся под Ржевом, украшают строки из «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского²⁶⁶:

*Сеславин — где ни пролетит
С крылатыми полками,
Там брошен в прах и меч, и щит
И устлан путь врагами.*

Удаль бойца сочеталась в характере Сеславина с благородством гражданина. Денис Давыдов ставил его «несравненно выше Фигнера и как воина, и как человека, ибо к военным качествам Фигнера он соединял строжайшую нравственность... Он Ахилл, тот — Улисс»²⁶⁷.

Александр Самойлович Фигнер (1787—1813), о котором Наполеон отзывался так: «...Немецкого происхождения, но в деле настоящий татарин» (17. С. 373), по своим нравственным качествам представлял среди партизан 1812 г. исключение, тем более досадное, что как воин он чуть ли не превосходил всех отвагой, предприимчивостью, «сметливостью сверхъестественной»²⁶⁸. Его «великостию духа» восхищался М.И. Кутузов (20. Ч. 2. С. 253, 258). Однако современники Фигнера, включая его друзей, сурово осуждали в нем «алчность к смертоубийству», «варварство», «бесчеловечие» (13. С. 360—361)²⁶⁹, особенно по отношению к пленным, которых он целыми партиями (иногда сотнями) приказывал убивать, собственноручно расстреливал и даже пытался выпрашивать у Д.В. Давыдова его пленных, чтобы их «растерзать» (5. Т. 7. С. 322—323; 13. С. 360—361; 25. Т. 4. С. 216—217)²⁷⁰.

Давыдов, Сеславин и Фигнер, бесспорно, самые выдающиеся из армейских партизан 1812 г., хотя действовали они по-разному: Давыдов предпочитал скрытные рейды по тылам противника, Сеславин — открытый бой, а Фигнер — хитроумные засады и диверсии. Владея французским, немецким, итальянским и польским языками, Фигнер легко проникал под видом наполеоновского офицера в лагерь врага, собирал там для себя нужные сведения, а французам сообщал ложные и затем устраивал либо засаду, либо набег с богатыми трофеями (29. С. 210)²⁷¹. Он попытался даже пробраться в Кремль и убить там Наполеона, испросив разрешение на такую акцию у Кутузова, но не сумел миновать охраняющих императора «ворчунов» Старой гвардии и едва не погиб сам (29. С. 208)²⁷².

Именно Давыдов, Сеславин и Фигнер вместе осуществили самую крупную за весь 1812 г. партизанскую операцию, окружив 9 ноября под Ляховом целую бригаду генерала Ж.-П. Ожеро²⁷³ из дивизии Л. Барагэ д'Илье²⁷⁴, который оставил своего бригадного генерала без поддержки. Отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера призвали на помощь казачьи полки генерал-майора В.В. Орлова-Денисова и начали операцию силами 3280 человек с артиллерией (2. С. 537). После искусного маневра они заставили противника сложить оружие. В плен были взяты 2 тыс. рядовых, 60 офицеров и сам генерал Ожеро (13. С 361—365). М.И. Кутузов, верный себе, на радостях преувеличил масштаб этой замечательной операции, доложив Царю: «Победа сия тем более знаменита, что при оной в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус сдался нам» (20. Ч. 2. С. 255. Курсив мой. — *Н.Т.*), а наши историки, вместо того, чтобы исправить фельдмаршальский подлог (бригада превращена даже не в дивизию, а в

целый корпус!), как правило, сами пользуются им, радостно утверждая, что россияне «наголову разгромили корпус генерала Ожера» (12. С. 341; 16. С. 305)²⁷⁵. О.В. Орлик при этом спутал а генерала с его братом-маршалом, который в России никогда не был.

Наполеон со своей стороны был так раздосадован событиями под Ляховом, что лишил Барагэ д'Илье командования и отдал его под суд, но тот еще до суда «с отчаяния» умер²⁷⁶.

Другие армейские партизанские отряды тоже проводили наряду с мелкими стычками крупные операции. Самой выдающейся из них надо признать операцию по освобождению Вереи. В ночь на 11 октября отряд генерал-майора И.С. Дорохова пошел на штурм города, занятого вестфальцами. Авангардом отряда командовал поручик М.Ф. Орлов, который первым ворвался в город. Верея была освобождена, а около 400 пленных и знамя Вестфальского полка стали трофеями этой русской победы²⁷⁷.

Кроме будущих декабристов (М.Ф. Орлова, М.А. Фонвизина, С.Г. Волконского, А.Ф. Астафьева), обращают на себя внимание из бойцов партизанских отрядов 1812 г. два корнета — А.А. Алябьев (будущий композитор, автор знаменитого «Соловья») и граф М.Ю. Виельгорский (впоследствии прославленный виолончелист)²⁷⁸.

Урон, который нанесли захватчикам войсковые партизаны, трудно определить в точных цифрах. По подсчетам советских историков, только за время пребывания в Москве французы потеряли от ударов партизан до 30 тыс. человек²⁷⁹. Но в это число, по-видимому, входят потери французов и от крестьянских партизан.

Партизанских отрядов из крестьян было во много раз больше, чем армейских: только на Смоленщине — до 40 общей численностью около 16 тыс. человек²⁸⁰. А ведь они дейс-

твовали по всему театру войны, и иные из них насчитывали тысячи бойцов: отряд Герасима Курина, например, — почти 6 тыс., Ермолая Четвертакова — 4 тыс., Федора Потапова — 3 тыс.²⁸¹. По существу, едва ли не все крестьяне, причем обоего пола, способные носить оружие, становились тогда в зоне военных действий партизанами. Семнадцатилетняя крепостная Васена в драме Я.В. Апушкина «Двенадцатый год» говорит: «У нас одни старухи не воюют, а прочих не удержишь — все бойцы»²⁸². Именно так и было. По рассказам очевидцев, еще в Тарутине крестьянки, «толпами ежедневно» приходившие к солдатам «с гостинцами», говорили: «Только дай нам, батюшко, пики, то и мы пойдем на француза» (29. С. 197). Говорили так, брали если не пики, то вилы и шли «на француза».

Ф. Энгельс определял партизанскую войну как «неуловимое, то прекращающееся, то снова возникающее, но всегда создающее препятствия неприятелю, восстание народа»²⁸³. Именно такое *восстание* подняли против французов в России 1812 г. партизанские отряды крестьян. Еще до начала контрнаступления русской армии пожар народной войны разгорелся вокруг захватчиков повсеместно, обрекая их на верную гибель.

Крестьянское партизанское движение 1812 г. должным образом еще не изучено, хотя мы знаем о десятках отрядов, их делах, участниках, судьбах. Командовали такими отрядами чаще всего «представители сельской администрации — старосты, головы или уполномоченные помещиков — бурмистры, управители, приказчики. Они обладали властью, авторитетом и организационными навыками»²⁸⁴. Но нередко руководили отрядами и даже создавали их простые крестьяне, дворовые и солдаты. Самым крупным из отрядов крестьян был тот, который в начале октября возгла-

вил крепостной с. Павлово Богородского уезда Московской губ. Герасим Матвеевич Курин (1777 – 1850). Сами крестьяне называли его своим «начальником и повелителем»²⁸⁵. Помогал Курину руководить отрядом волостной голова Егор Семенович Стулов. Этот отряд до середины октября дал французам 7 боев и освободил от них Богородск²⁸⁶.

Ермолай Васильевич Четвертаков (Четвертак) из крепостных д. Нефедовка Черниговской губ., рядовой Киевского драгунского полка, 31 августа попал в плен к французам у Царева-Займища «по причине раненой лошади», но на четвертый день, под Гжатском, бежал из плена, собрал отряд крестьян и начал партизанскую борьбу с французами. В бою у д. Скугарево его отряд взял верх над батальоном противника при 2 орудиях. К ноябрю партизаны Четвертакова очистили от французов весь район Гжатска²⁸⁷.

Командир третьего по численности крестьянского отряда Федор Потапов, называвший себя Самусем (видимо, в честь знаменитого предводителя украинской вольницы XVII в.), был, как и Четвертаков, рядовым солдатом (гусаром Елизаветградского полка). Раненный в бою под Лубино, он отстал от своего полка и создал из крестьян партизанский отряд с ударной группой в 200 всадников, одетых в латы французских кирасир²⁸⁸. По отзыву генерала Ф.В. Остен-Сакена, Самусь был «высокий, стройный, сметливый и блистательной храбрости»; крестьяне «любили его, как отца, и боялись, как самого строгого начальника»²⁸⁹. Отряд Самуся тоже не ограничивался набегами и диверсиями, а при случае вступал в бой с отдельными частями врага, истребив больше 3 тыс. захватчиков (2. С. 485).

Менее известен отряд гренадера Московского полка Степана Еременко. Тяжело раненный в Смоленске, этот солдат был спасен жителями города. Выздоровев, он стал

партизаном и начал с того, что, «когда команда (французов. — *Н.Т.*), из 47 человек состоящая, проходила села Млекино и Пользино, он, Степан Еременко, собравши крестьян тех селений и ободрив их собственным примером личной храбрости, 7 французов истребил, а остальных 40, перевязав, отправил с жителями на передовые казачьи посты»²⁹⁰.

Есть сведения и о других отрядах, которыми командовали простые крестьяне Аким Федоров, Филипп Михайлов, Кузьма Кузьмин, Герасим Семенов из Волоколамского уезда Московской губ., Василий Половцов и Федор Анофриев из Массальского уезда Калужской губ.²⁹¹, рядовой лейб-гвардии Преображенского полка Иван Воронин²⁹². В свое время В.В. Верещагин «из устных преданий стариков» узнал о судьбе сельского старосты одной из деревень Красненского уезда Смоленской губ. Семена Архиповича (без фамилии), который собрал партизанскую «партию» из нескольких сот человек. Эта «партия» «отправила на тот свет более 1500, да взяла в плен и сдала начальству около 2000 человек неприятеля»²⁹³. Семен Архипович и два его товарища по оружию были схвачены французами и все трое по личному распоряжению Наполеона расстреляны²⁹⁴. Умирали русские крестьяне так же бесстрашно, как и сражались. «В одной деревне стреляли по французам, — вспоминал француз Ф. Изарн. — Виновные были расстреляны при входе в церковь. Выслушав приговор, они перекрестились и встретили смерть, не моргнув глазом» (35. Т. 2. С. 102).

Иногда руководили крестьянскими отрядами и представители других сословий. Так, еще в начале августа 1812 г. под Смоленском отставной поручик Александр Дмитриевич Лесли (сын екатерининского генерала Д.Е. Лесли) с тремя братьями собрал отряд из 60 «собственных» крес-

стьян и дворовых, который сначала нес «аванпостную службу», а потом присоединился к Смоленскому ополчению²⁹⁵. В конце августа там же, на Смоленщине, сычевский уездный предводитель дворянства Николай Матвеевич Нахимов (двоюродный дядя и воспитанник адмирала П.С. Нахимова) вооружил несколько малых партизанских групп из крестьян, которые, как явствует из рапорта Н.М. Нахимова М.И. Кутузову, только с 22 сентября по 12 октября убили 1098 и взяли в плен 235 французов²⁹⁶. Иными отрядами командовали даже духовные лица: пономарь Алексей Смирягин, дьячки Иван Скобеев и Василий Рагозин.

Рядом с крестьянскими действовали и смешанные по социальному составу отряды партизан. Таков был отряд купца Никиты Минченкова, партизанивший на Смоленщине с августа по декабрь 1812 г. В нем, по списку самого Минченкова, участвовали 63 жителя г. Поречье: 49 мящан, 9 купцов, 2 дворовых и 3 «духовных чина»²⁹⁷.

О русских женщинах-партизанках 1812 г. надо говорить особо. Простые крестьянки, они самоотверженно делили со своими мужьями, отцами, братьями тяготы их партизанской жизни, были верными их помощницами, а то и равноправными товарищами по оружию и даже иногда командирами. Имена их, буквально за единичными исключениями, до нас не дошли. Тем более популярно запечатленное во многих документах и во всех исследованиях по истории 1812 г. имя Василисы Кожиной²⁹⁸.

Жена старосты хутора Горшков Сычевского уезда Смоленской губ., Василиса, после того как французские мародеры зарубили ее мужа у нее на глазах, сама была выбрана старостихой и возглавила местный партизанский отряд в основном из подростков и женщин, но с участием и «мужиков», вооруженных поначалу вилами, косами, топорами, а

потом и французскими карабинами, саблями и пр. Сама Василиса, по рассказу Ф.В. Ростопчина, который видел ее, была «дородной бабой, гордо выступавшей с длинной саблей, повешенной через плечо сверх французской шинели»²⁹⁹. О подвигах Василисы ходили легенды (например, она будто бы своей косой «сорвала головы» 27 французам)³⁰⁰, где трудно отделить быль от небыли.

Василису Кожину мы знаем по имени и фамилии (отчество ее и годы жизни неизвестны), а вот другая героиня 1812 г., кружевница Прасковья из д. Соколово Смоленской губ., «так и осталась для потомства Прасковьей, без фамилии» (32. Т. 7. С. 629), хотя по своим подвигам она едва ли уступала Василисе, а может быть, и превосходила ее³⁰¹. Обороняясь одними вилами от семи французов во главе с полковником, она убила полковника, а его солдат обратила в бегство, после чего в полковничьем мундире и на коне участвовала в боях уже как начальник партизанского отряда: истребляла фуражиров противника, нападала на его транспорты. «О неуловимой предводительнице Прасковье и ее поразительных действиях» французский губернатор Смоленска А. Жомини (знаменитый впоследствии военный историк и теоретик) докладывал самому Наполеону (32. Т. 7. С. 629).

Русское командование высоко оценило подвиги женщины-разведчицы, крепостной крестьянки из д. Погуршино Витебской губ. Федоры Мироновой. Вот как характеризовал ее генерал П.П. Коновницын: «Заслуги этой женщины <...> заключаются в том, что, будучи не один раз посланной в Полоцк для разведки, она, нисколько не жалея своей жизни, руководствуясь любовью к Родине, шла на все опасности, которые угрожали ей смертью, и поставляла оттуда правильные и очень ценные сведения»³⁰².

К сожалению, история народной войны 1812 г. не сохранила более ни одного женского имени, хотя и запечатлела подвиги многих безымянных героинь, вроде той «крестьянской девки», которая «убила древесным суком француза, поранившего ее мать» (11. С. 153).

Общий урон, понесенный французами от партизанских отрядов крестьян, едва ли возможно подсчитать, тем более что дело не только в материальных потерях (людей, лошадей, оружия и т.д.). Дело еще и в моральном факторе: партизаны держали захватчиков в постоянном напряжении, в каждодневном и ежечасном ожидании набега, диверсии, засады, лишая их даже в тылу не только покоя, но и хотя бы относительной безопасности. Недаром Наполеон, когда, по выражению Льва Толстого, «он в правильной позе фехтования остановился в Москве и вместо шпаги противника увидал поднятую над собой дубину»³⁰³, дважды — сначала через генерала Ж.-А. Лористона, а затем, уже оставляя Москву, через маршала Л.-А. Бертье — «жаловался» Кутузову на то, что партизаны не считаются с «установленными правилами» войны. Кутузов 20 октября ответил Бертье: «Трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел, народ, который в продолжение двухсот лет не видел войн на своей земле, народ, готовый жертвовать собою для родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных» (20. Ч. 2. С. 39). По свидетельству А. Коленкура, Наполеон «нашел этот ответ исполненным достоинства» (19. С. 188).

Главное командование русской армии и лично М.И. Кутузов учитывали народную войну в своих стратегических планах и старались руководить ею. Кутузов еще на пути в Тарутино 2 октября писал П.Х. Витгенштейну: «Поелику ныне осеннее время наступает, чрез что движения боль-

шою армиею делаются совершенно затруднительными... то и решился я, избегая генерального боя, вести *малую войну*... и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязме и Смоленску. Кроме сего вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля» (20. Ч. 1. С. 327—328. Курсив мой. — Н.Т.).

Все формирования ополченцев и армейские партизаны как факторы малой войны действовали по указаниям Кутузова или его генералов. Сам фельдмаршал не только создавал партизанские отряды, но и мудро инструктировал их. Получив, например, от И.С. Дорохова известие о том, что его партизаны «окружены неприятелем», Кутузов 25 сентября приказал объявить Дорохову: «...Партизан никогда в сие положение прийти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен партизан делать скрытные, по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим» (Там же. С. 301).

Кутузов ставил конкретные задачи отрядам Д.В. Давыдова и А.Н. Сеславина, А.С. Фигнера и Н.Д. Кудашева, И.М. Вадбольского и А.С. Кожухова, И.Е. Ефремова и С.И. Лесовского (20. Ч. 1. С. 309, 387, 394, 406—407, 409, 429; Ч. 2. С. 8, 36—37, 135 и др.). Поисковую инициативу партизан фельдмаршал поощрял, за успехи часто представлял их к наградам. 13 октября он ходатайствовал перед Царем о производстве Давыдова и Сеславина в полковники, а Фиг-

нера — в подполковники (20. Ч. 1. С. 419); 10 ноября представил Кудашева к награждению орденом св. Владимира 3-й степени, а поручика Н.П. Панкратьева из его отряда — золотой шпагой «За храбрость» (20. Ч. 2. С. 240, 241). Действиями армейских партизан Кутузов был очень доволен. 14 октября он написал своей дочери Е.М. Хитрово, что ведет против Наполеона «малую войну с большим преимуществом» (20. Ч. 1. С. 431).

Что касается партизанских отрядов крестьян, то ни руководить ими, ни координировать их действия так же регулярно, как это было с войсковыми партизанами, штаб Кутузова не мог. Но Кутузов решительно (и в этом его великая заслуга перед Россией) поощрял народную войну, обязывал армейских партизан и собственный штаб «мужиков ободрять подвигами, которые оказали их товарищи в других местах», а главное, «отобранным от неприятеля оружием вооружать крестьян» (20. Ч. 1. С. 406, 407; Ч. 2. С. 442). Разумеется, трофейного оружия на всех не хватало. Большая часть партизан-крестьян вооружалась своими орудиями труда — топорами, косами, вилами (крестьяне тогда говорили: «На француза и вилы — ружье»³⁰⁴) — или самодельными приспособлениями, вроде того, под названием «пыряло с зубом», которое демонстрируется ныне в Музее-панораме «Бородинская битва»: «Пырялом» надо было пырнуть врага, а «зубом» стащить его с лошади. Как бы то ни было, забота главного командования русской армии о вооружении той самой «черни», которая нагоняла на феодальных хозяев России страх не меньший, чем на французских захватчиков, скрепляла патриотическое единство народа с армией.

Русская армия черпала тогда силы в общенародной поддержке, а народ вдохновлялся поддержкой армии. Это и

сделало губительной для французского нашествия «дубину народной войны», которая после сдачи Москвы «поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие»³⁰⁵.

Глава VI

Контрнаступление

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны,
Восстал и стар и млад...*

А. С. ПУШКИН

ОТ ТАРУТИНА ДО МАЛОЯРОСЛАВЦА

В середине октября 1812 г. соотношение сил на всем театре войны резко изменилось в пользу России. Наполеон в Москве имел тогда около 116 тыс. человек (39. Т. 2. С. 315), Кутузов в районе Тарутина — 130 тыс. человек регулярных войск и казаков и как минимум 120 тыс. ополченцев (16. С. 222)¹. Артиллерии у Кутузова тоже было больше, чем у Наполеона: 622 орудия против 569 (20. Ч. 1. С. 361; 39. Т. 2. С. 315). Такого же перевеса в силах русские добились и на флангах. На севере корпус П.Х. Витгенштейна (который с 27 октября, после объединения с корпусом Ф.Ф. Штейнгейля, стал называться армией)², Петербургское и Новгородское ополчения и рижский гарнизон И.Н. Эссена, вместе взятые, располагали 68 тыс. человек против 52 тыс. у Ж.-Э. Макдональда (включая прусский вспомогательный корпус), Н.-Ш. Удино и Л.-Г. Сен-Сира (2. С. 519; 3. Т. 2. С. 426; 26. Т. 17. С. 258, 359, 371; 39. Т. 2. С. 173—174). На юге в результате соединения 3-й Западной и Дунайской армий у П.В. Чичагова стало без малого 83 тыс. человек, что вместе с 12,5-тысячным отдельным корпусом Ф.Ф. Эртеля обеспечивало русским двойной перевес против корпусов

К.Ф. Шварценберга, Ж.-Л. Ренье и отдельной польской дивизии Я.Г. Домбровского общей численностью 46 тыс. человек (26. Т. 17. С. 355—356; 39. Т. 2. С. 190). Даже прибытие в Смоленск 9 октября 30-тысячного резервного 9-го корпуса «Великой армии» под командованием маршала К. Виктора (20. Ч. 2. С. 174), который мог в случае необходимости помочь и северному и южному флангам французов, не меняло соотношения сил, повсеместно определившегося в пользу России.

Кроме того, теперь заявил о себе и русский флот. Вообще при Александре I он был «в забросе»³. Преданы были забвению его славные традиции, отстранены от дел лучшие флотоводцы — Ф.Ф. Ушаков и Д.Н. Сенявин. Корабельным флотом командовал англичанин Е.Е. Тет, гребным — немец А.В. фон Моллер, военно-морское министерство возглавлял француз И.И. Траверсе. В начале войны флот бездействовал, но, как не без оснований полагал Н.Д. Каллистов, его неуязвимость для французов была одной из главных причин, заставивших Наполеона отказаться от наступления на Петербург⁴. В сентябре же и корабельный и гребной флот на Балтике пришел в движение: моряки перевезли из Финляндии корпус Штейнгейля, а 29 сентября освободили Митаву, занятую еще в июле пруссаками из корпуса Макдональда⁵. Тем самым флот тоже подготавливал условия для русского контрнаступления.

При том соотношении сил, которое сложилось к середине октября, переход русских войск в контрнаступление стал вполне назревшей задачей. Важно было определить время и место первого удара. 15 октября генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь предложил план нападения на авангард «Великой армии» под начальством И. Мюрата, который беспечно располагался на р. Чернишне в 6 км от русского лагеря. Мюрат имел всего 20 тыс. человек (3. Т. 2. С. 469; 39.

Т. 2. С. 215), однако штаб Кутузова исчислял его силы «тысяч в 50» (20. Ч. 2. С. 16), поэтому предполагалось окружить и уничтожить их силами почти всей русской армии: семи пехотных и четырех кавалерийских корпусов, казаков и даже партизан (2. С. 496—497). Кутузов одобрил этот план и приказал всем корпусам выступать из Тарутина к Чернишне с 18 часов 16 октября, чтобы за ночь выйти во фланг и в тыл противнику и атаковать его на рассвете 17-го (Там же. С. 494). Но в 20-м часу 16-го Кутузов узнал, что корпусные командиры еще не получили диспозицию к атаке. Рассерженный фельдмаршал отменил атаку и потом вновь назначил ее на 18 октября (20. Ч. 2. С. 9, 12—13).

Главная роль в сражении отводилась трем ударным колоннам правого крыла русской армии под общим командованием барона Л.Л. Беннигсена. Кутузов, согласно диспозиции, должен был находиться на левом крыле (2. С. 496; 20. Ч. 2. С. 5—6). Выступили в полночь. «Палаши были обернуты полотенцами, чтобы не стучали, — вспоминал участник атаки. — Разговаривать и курить было строго запрещено. Таким образом зашли чуть свет в тыл к французам»⁶.

Перед самой атакой выяснилось, что две из трех ударных колонн (К.Ф. Багговута и А.И. Остермана-Толстого) заблудились в лесу и отстали. На месте оказался только В.В. Орлов-Денисов с первой, кавалерийской, колонной из десяти казачьих и пяти гвардейских полков (2. С. 496—497). Он и начал атаку, смяв и обратив в бегство левое крыло Мюрата. Но пока выходили на ударные позиции 2-я и 3-я колонны русских, Мюрат, «собрав все, что только было под руками», встретил их огнем и контратакой (35. Т. 2. С. 95). При этом был убит генерал-лейтенант Багговут, а вскоре контужен Беннигсен. Отбиваясь от атак подходивших к месту боя

свежих русских колонн, Мюрат отступил к с. Спас-Купля (2. С. 498; 32. Т. 7. С. 666—667).

Всего с русской стороны приняли участие в бою, кроме кавалерии Орлова-Денисова три пехотных корпуса (2-й, 3-й и 4-й) и конница левого крыла, которым командовал М.А. Милорадович (20. Ч. 2. С. 18). Этих сил хватило бы для решения задачи — окружить и уничтожить 20-тысячный авангард Мюрата, если бы русские войска действовали более оперативно и согласованно. Но внезапный удар одновременно силами трех колонн правого крыла не удался. Войска же центра и левого крыла, кроме конницы Милорадовича (т.е. 6-й, 7-й и 8-й пехотные корпуса, гвардия и кирасиры), «в огне не были» (Там же). Кутузов остановил их, а на просьбы Беннигсена, Милорадовича и Ермолова о преследовании Мюрата ответил: «Если не умели мы поутру взять Мюрата живым и прийти вовремя на места, то преследование будет бесполезно. Нам нельзя отдаляться от позиции» (24. Т. 3. С. 256—257).

Эти слова Кутузова говорят о том, что он не был удовлетворен результатами операции. Еще более недоволен был Конавницын, заявивший, «что Мюрат должен был истреблен быть, что, напротив того, ему дана возможность отступить в порядке с малою потерей и что никто не заслуживает за это дело награды» (26. Т. 21. С. 225). По сравнению с тем, что планировал штаб Кутузова, успех действительно оказался меньшим. Но сам по себе он был все-таки выдающимся. Во-первых, Мюрат понес отнюдь не малую потерю: 2500 убитых и раненых, 1000 попавших в плен, 38 орудий и штандарт 1-го кирасирского полка (20. Ч. 2. С. 17—18) — первое французское знамя, взятое русскими в качестве трофея за время войны 1812 г. Русские потеряли в Тарутинском бою гораздо меньше: 1204 убитых и раненых (Там же. С. 18)⁷.

Главное же, эта первая в 1812 г. победа русских в наступательном бою была если еще не началом, то уже прологом русского контрнаступления. Она необычайно подняла боевой дух русской армии. Кутузов понимал эту сторону тарутинского успеха и гордился ею. «Не достало еще немножко счастья, и была бы совсем баталия Кремская⁸, — написал он жене. — Первой раз французы потеряли столько пушек и первой раз бежали, как зайцы» (20. Ч. 2. С. 22). С другой стороны, именно Тарутинское сражение «явилось последним, решающим толчком, заставившим Наполеона наконец выйти из Москвы» (32. Т. 7. С. 668).

Поразительный факт: 18 октября грянул Тарутинский бой, а уже на следующее утро Наполеон повел свою более чем 100-тысячную армию из Москвы. Прямая связь между этими двумя событиями очевидна, но ясно также и то, что Наполеон не успел бы за ночь подготовить эвакуацию своего воинства — подготовка была начата задолго до 18 октября.

В Москве Наполеон провел 36 дней, с 14 сентября по 19 октября. Столь долгое сидение на московском пепелище он назовет позднее «величайшей ошибкой» всей своей жизни, рассудив, что не пожар Москвы погубил его, как считали многие, а пятинедельное ожидание мира; пожар, напротив, должен был бы спасти «Великую армию», ибо он доказывал, что «русское правительство и народ не хотят вступать ни в какие переговоры» и что надо было уходить из Москвы сразу, «на другой же день по Калужской дороге» (17. С. 359).

Так рассуждали *post factum* и другие военные авторитеты. Например, А. Веллингтон считал, что, «войдя в Москву, Наполеон должен был бы сделать распоряжение в тот же день об очищении ее»⁹. По мнению Дениса Давыдова,

если бы Наполеон ушел из Москвы хотя бы двумя неделями раньше, он мог бы избежать постигшей его катастрофы. С одной стороны, его армия «не только избегла бы голода, но и прошла бы все расстояние от Москвы до Смоленска путем сухим и погодою ясною», а с другой стороны, русское контрнаступление еще не было бы подготовлено: «Армия наша не успела бы усилиться частью войск, формированных князем Лобановым, в самом лагере учения рекрут не пришли бы к окончанию, с Дону не успели бы прибыть 24 полка казаков, — что с находившимися при армии полками составило более 20 тысяч истинно легкой конницы, причинившей столь много вреда неприятелю во время его отступления, — дух армии не возвысился бы от победы, одержанной над неприятельским авангардом 6 (18-го по н. ст. — Н.Т.) октября, и, наконец, ход продовольствия не успел бы еще вступить в колею навыка...» (13. С. 290—291). Эти суждения человека, имя которого украшает историю войны 1812 г., справедливы. Разумеется, выиграть войну в России Наполеон не мог при любом повороте событий, но понес бы гораздо меньше людских, материальных и моральных потерь, если бы ушел из Москвы на две, а тем более на три-четыре недели раньше, в тот же день, когда занял ее.

Если бы ушел... В том-то и дело, что, заняв Москву, Наполеон, по крайней мере в первые три недели, не мог уйти: он ждал со дня на день от Александра I просьбы о мире, «льстил себя надеждою, что Россия, раненная в самое сердце... должна пойти на переговоры, как это всегда делали другие государства Европы, столицы которых он завоевывал» (19. С. 157)¹⁰. До тех же пор, пока мир не был заключен, ему «необходимо было сохранить позу победителя» (32. Т. 7. С. 653) в глазах всей Европы, ибо он понимал, что «оккупа-

ция этой столицы, поскольку он в нее вступил и так долго здесь остается, производит моральное впечатление... как на Россию, так и на Европу» (19. С. 185)¹¹.

К началу четвертой недели пребывания французов в Москве, когда Ж.-А. Лористон был послан (5 октября) в ставку Кутузова, надежды Наполеона на мир в «позе победителя» обратились в иллюзию, но Кутузов так повел себя с Лористоном, что император еще целую неделю оставался в плену этих, уже иллюзорных, надежд. Только 13 октября он решил уходить: «гвардия, армейские корпуса, хозяйственные части получили приказ быть готовыми к выступлению»; началась эвакуация раненых в Можайск (35. Т. 2. С. 109; 44. Т. 2. С. 97, 98)¹². 17 октября в дневнике лейтенанта Ц. Ложье появилась запись: «Сегодня генеральная раздача по всей армии; раздают кожаную одежду, белье, хлеб и водку»¹³. «18 октября, — читаем у А. Коленкура, — были приняты все меры для того, чтобы 20-го начать движение на Калугу... как вдруг около часу пополудни, когда он (Наполеон. — *Н.Т.*) производил смотр войскам после парада, пришло сообщение о сражении неаполитанского короля с русскими... Император тотчас же решил ускорить свое выступление и назначил его на день раньше, чем предполагалось сначала» (19. С. 189).

С утра 19 октября «Великая армия» потянулась из Москвы восвояси. Она насчитывала в тот день 89 640 пеших и 14 314 конных воинов, 12 тыс. нестроевых, больных и прочих — всего 115 954 человека и 569 орудий (39. Т. 2. С. 315). Армию сопровождал колоссальный обоз: 10—15 тыс. повозок, в которые «были напиханы, как попало, меха, сахар, чай, книги, картины, актрисы Московского театра» (35. Т. 2. С. 118)¹⁴. «Армия Дария по выходе из Вавилона, без сомнения, не везла столько богатств и багажа», — вспоминал

Д. Ларрей¹⁵, а по мнению Ф.-П. Сегюра, французы, отступавшие из Москвы, «походили на татарскую орду после удачного нашествия» (44. Т. 2. С. 102). Русские же люди вскоре сочинят о Наполеоне поговорку: «Был не опален, а из Москвы ушел опален».

Оставляя древнюю столицу России, Наполеон приказал взорвать Кремль — «в отместку Александру за то, что тот не ответил на три мирных предложения» (32. Т. 7. С. 669). Этот приказ — пожалуй, самый варварский из всех приказов Наполеона — осужден даже во французских источниках (39. Т. 2. С. 325). Друг семьи Наполеона герцогиня Л. д'Абрантес (жена генерала Ж.-А. Жюно) возмущалась: взрыв Кремля должен «показать нас варварами, более первобытных скифов»¹⁶. К счастью, дождь подмочил фитили и ослабил мощь подготовленного взрыва, а часть фитилей загасили русские патриоты (5. Т. 5. С. 167). Были повреждены соборы, разрушена часть кремлевских башен, стен и палат, взлетело на воздух здание Арсенала. Иван Великий и Спасские ворота не пострадали (25. Т. 4. С. 192—194).

Итак, 19 октября 1812 г. Наполеон ушел из Москвы. Куда же он повел свою «Великую армию»? Этот вопрос, больше полутора веков почти всеми считавшийся решенным, в 1980-е, годы неожиданно обрел дискуссионность.

Вопрос действительно таит в себе еще не разгаданные загадки. Над тем, что делать — оставаться ли в Москве или уходить из нее, а если идти, то куда, — Наполеон и его приближенные думали много, обсудив едва ли не все возможные варианты. Граф П. Дарю предлагал: «Остаться здесь. Превратить Москву в укрепленный лагерь и зазимовать в нем. Продовольствием и фуражом запастись на всю зиму. Если не хватит домов, разместиться в подвалах. Так продержаться до весны, пока не придут из Литвы подкрепления,

чтобы соединиться с нами и закончить войну победой!» Наполеон тогда воскликнул: «Это совет льва!» — но не последовал «львиному» совету (44. Т. 2. С. 94). Вице-король Италии Е. Богарне вызвался идти во главе своего 45-тысячного корпуса «на Тверь и оттуда на Петербург, между тем как остальная часть армии должна была мешать Кутузову», но Наполеон и его маршалы, наслышанные о «дождях и непроходимых дорогах» за Тверью, отклонили план вице-короля (35. Т. 2. С. 104). «Если бы французская армия обладала энергией, окрылявшей ее в 1794 г., был бы принят именно этот план», — заметил Стендаль. Он тоже считал, что лучше всего было бы, «пользуясь тем, что русская армия... отступила влево от Москвы, фланговым движением двинуться вправо и занять беззащитный Петербург¹⁷, жители которого отнюдь не испытывали желания сжечь город»¹⁸.

Как бы то ни было, ни оставаться в Москве, ни наступать на Петербург Наполеон не захотел. Он оставил Москву и пошел на Калугу. Почему? С какой целью? Традиционная точка зрения от Д.П. Бутурлина до П.А. Жилина и от Ж. Шамбре до Ж. Тири (включая А. Жомини и К. Клаузевица, М.И. Богдановича и А.Н. Попова, Е.В. Тарле и Л.Г. Бескровного) такова. Наполеон уходил из Москвы с намерением отойти к Смоленску, чтобы там, в этом самом важном опорном пункте на главной коммуникации «Великой армии», собраться с силами для зимовки или для дальнейшего отхода в Польшу. Но во-первых, дорога от Москвы на Смоленск через Можайск, по которой французы пришли в Москву, была разорена, а во-вторых, Кутузов в Тарутине был ближе к Смоленску, чем Наполеон в Москве, и мог предупредить французов у Можайска (путь от Москвы до Можайска составлял более 102 км, от Тарутина — 72,5 км). Поэтому Наполеон решил отходить к Смоленску не по ста-

рой, разоренной дотла, а по новой дороге — через Калугу, рассчитывая отбросить Кутузова, если тот преградит ему путь.

Такая точка зрения большинства авторитетных историков капитально документирована. Известны приказы Наполеона от 23 октября маршалу К. Виктору, генералам Ж.-А. Жюно и Ш.-Ж. Эверсу о движении «Великой армии» к Смоленску (39. Т. 2. С. 327). Позднее, на острове Св. Елены, Наполеон прямо говорил Ш. Монтолону, что из Москвы он уходил на Смоленск¹⁹. То же в один голос утверждали самые осведомленные из мемуаристов «Великой армии» — А. Коленкур, А. Фэн, Ф.П. Сегюр (19. С. 198; 42. Т. 2. С. 162—163; 44. Т. 2. С. 97—98) и самые объективные из ее историков — А. Жомини и Ж. Шамбре (39. Т. 2. С. 326), оба, кстати, участники похода в Россию. По свидетельству Жомини, обсуждался и такой вариант, как «отступление на Киев», но был отвергнут из-за недоверия к Австрии, опасностей борьбы с армиями А.П. Тормасова, П.В. Чичагова, Ф.Ф. Эртеля, а также потому, что провиантские базы «Великой армии» находились «в совершенно противоположной стороне» (Смоленск, Минск, Вильно); в результате Наполеон взял курс из Москвы через Калугу на Смоленск (17. С. 367—368, 376).

Подтверждают традиционную точку зрения и другие материалы, еще не использованные в должной мере полностью. Среди них — письма обер-гофмаршала М. Дюрока, самого близкого к Наполеону в 1812 г. лица, и шталмейстера Ш.-Е. Оденарда²⁰, а также специальное исследование Б.А. Никулищева²¹.

В середине 1980-х гг. против традиционной точки зрения выступили Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский. Они попытались доказать, что Наполеон шел из Москвы отнюдь не

к Смоленску, а «через Калугу на Украину»²². Их версия не нова. В свое время ее выдвигали Ф.Н. Глинка, Я. Тихонов, П.А. Ниве и оспаривал Б.А. Никулищев (13. С. 166)²³. Теперь «украинскую» версию настойчиво, но неудачно стал пропагандировать с (в соавторстве с В.А. Дунаевским и отдельно) Б.С. Абалихин. Во-первых, он, как и его соавтор, не смог опровергнуть такие аргументы в пользу «смоленской» версии, как приказы Наполеона Виктору, Жюно и Эверсу, а разговор с Монтолоном на о. Св. Елены (как и свидетельство Жомини) почему-то истолковал в обратном смысле. Далее, он умолчал об аналогичных аргументах Сегюра, Коленкура, Шамбре, Дюрока, Оденарда, Никулищева. Наконец его попытка доказать, будто Кутузов своевременно «разгадал замысел» Наполеона «прорваться в украинские губернии»²⁴, не поддерживает критики.

Кутузов действительно не один раз писал Царю, а также сенатору Д.П. Трошинскому о том, что Наполеон намеревается из Москвы через Калугу «пройти в Малороссию». На эти письма и ссылается Б.С. Абалихин²⁵, не придав значения тому, что так писать Кутузов стал только с 9 ноября²⁶, когда Наполеон был уже в Смоленске. Между тем опубликованы и более ранние письма Кутузова, из которых видно, что по крайней мере до 28 октября он еще не знал, куда пойдет Наполеон. 4 октября фельдмаршал писал Царю: «Неприятель искать будет непременно дорогу, которая еще не разорена, то есть правее или левее Смоленской» (20. Ч. 1. С. 354). 23 октября, за день до Малоярославца, Кутузов обязал М.А. Милорадовича, Н.Д. Кудашева, калужского губернатора П.Н. Каверина принять меры «для узнания его (Наполеона. — Н.Т.) дальнейших намерений» (20. Ч. 2. С. 86—87, 89), а 28 октября, когда Наполеон был в Можайске, доносил Царю: «Хотя и заключить должно, что неприятель, не успев

в своем предприятии на Калугу, возьмет направление чрез Можайск на Смоленск, но, невзирая на то, остаюсь я еще некоторое время на Медынской дороге» (Там же. С. 136).

Заслуга Кутузова не в том, что он якобы заранее разгадал все планы Наполеона, а в том, что он предусматривал возможность практически любого варианта и любому же старался воспрепятствовать. Сделать это было очень не просто, поскольку Наполеон умел планировать и осуществлять свои операции мастерски. Удалось же ему, несмотря на то что вокруг Москвы буквально роились казаки и партизаны, вывести из города 115-тысячное полчище так скрытно, что лишь на четвертый день, 23 октября, казаки из отряда генерал-майора И.Д. Иловайского обнаружили: «Москва пуста!» (20. Ч. 2. С. 139; 32. Т. 7. С. 671), а партизаны А.Н. Сеславина «нашли» «Великую армию» уже на пути к Малоярославцу. И это при том, что, по мнению советских и постсоветских историков, «Кутузову удалось блокировать все дороги из Москвы» (2. С. 487—488; 12. С. 325)²⁷.

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

Уходя из Москвы в направлении Калуги, Наполеон не считал, что он уже отступает. «Армия возвращалась в Смоленск, но это был марш, а не отступление», — объяснял он на острове Св. Елены²⁸. Ф.-П. Сегюр запомнил его восклицание перед выходом из Москвы: «Идем в Калугу! И горе тем, кто станет на моем пути!» (44. Т. 2. С. 100). Калуга была нужна ему не столько для захвата ее богатых складов (по некоторым данным, он взял с собой из Москвы продовольствия на 20 дней)²⁹, сколько для выхода на калужско-смоленский тракт. Конечно, Наполеон предпочел бы овладеть Калугой без боя, но он был готов и к сражению с Кутузовым, чтобы «сперва притянуть, а затем и оттолкнуть осто-

рожного Кутузова, отдалить его от Можайской дороги и выиграть несколько дней»³⁰. Во всяком случае Наполеон не только обеспечил скрытность своего марша, но и попытался дезориентировать русских. На другой день после ухода из Москвы в с. Троицкое он продиктовал письмо от имени Л.-А. Бертье на имя Кутузова и отправил с ним в Тарутино полковника П.-О. Бертеми. На письме была сделана московская помета, чтобы Кутузов «увидел», будто Наполеон еще остается в Москве (39. Т. 2. С. 321; 44. Т. 2. С. 105).

До 23 октября казалось, что задуманный маневр удастся Наполеону. Партизаны и казаки не разобрались в перемещениях его войск. Командир самого крупного из армейских партизанских отрядов И.С. Дорохов 21 октября доложил Кутузову, что в с. Фоминское вступили отряд кавалерии генерала Ф.-А. Орнано (кузена Наполеона) и пехотная дивизия генерала Ж.-Б. Брусье (20. Ч. 2. С. 57). Полагая, что это какие-то отдельные части противника, и не зная, что следом за ними идет вся «Великая армия», Дорохов решил напасть на них и запросил у Кутузова подкреплений. Фельдмаршал в тот же день послал к Фоминскому 6-й корпус Дохтурова с начальником штаба 1-й армии Ермоловым, «дабы на рассвете 11-го числа (23-го по н. ст. — *Н.Т.*) атаковать неприятеля» (Там же. С. 58, 61). В ночь с 22 на 23 октября корпус Дохтурова остановился на несколько часов в с. Аристово (за 20 верст от Летащевки, где размещался штаб Кутузова) и готовился с рассветом атаковать Фоминское, а тем временем, минуя Фоминское, прошли далее к Боровску (курсом на Калугу) главные силы Наполеона.

Уже близилась полночь, когда в Аристово примчался капитан А.Н. Сеславин с перекинутым через седло пленным французским унтер-офицером. Он доложил, что обнаружил у Боровска колонны «Великой армии», видел

даже самого Наполеона, окруженного своими маршалами и гвардией (13. С. 344). Пленник подтвердил его слова: «Уже четыре дня, как мы оставили Москву... Завтра Главная квартира императора — в Боровске. Далее направление на Малоярославец» (15. С. 230). Ермолов сразу все понял и предложил Дохтурову спешить к Малоярославцу. Дохтуров заколебался, поскольку имел приказ Кутузова наступать на Фоминское. Тогда Ермолов как начальник штаба «именем главнокомандующего» приказал Дохтурову вести корпус к Малоярославцу, а сам послал майора Д.Н. Болговского нарочным к Кутузову с просьбой срочно направить туда же всю армию (13. С. 345).

Д.Н. Болговский потом вспоминал, что Кутузов, выслушав его, «прослезился и, обратясь к иконе Спасителя, сказал: «Боже, создатель мой! Наконец, ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена!»» (37. Вып. 1. С. 243). Через считанные часы вся русская армия выступила из Тарутина к Малоярославцу.

Так, благодаря счастливому открытию Сеславина и вне всякой зависимости от того, насколько Кутузов разгадал замысел калужского марша «Великой армии», русские войска получили возможность преградить ей путь на Калугу. «Если бы партизан Сеславин не мог предупредить заблаговременно, — рассуждал Ермолов, — VI-й пехотный корпус и прочие с ним войска при атаке села Фоминское понесли бы неизбежно сильное поражение, и был бы Малоярославец беспрепятственно занят неприятелем» (15. С. 221). Денис Давыдов выступил еще энергичнее: «Извещением Сеславина решилась участь России» (13. С. 347—348). Разумеется, при этом надо учитывать и столь же смелую, сколь мудрую распорядительность Ермолова.

Тем временем корпус Дохтурова, не успевший отдохнуть

в Аристове после изнурительного марша, снялся с места в новый марш и еще до рассвета 24 октября был уже под Малоярославцем — почти одновременно с «малою частию» неприятельского авангарда, которую он и выбил из города атакой с ходу (Д.С. Дохтуров — М.И. Кутузову 26 октября 1812 г.: 20. Ч. 2. С. 107). Вот что рассказывал очевидец. К Фоминскому корпус шел «целый день... по плохой проселочной дороге, по слякоти и под дождем. Поздно уже, при большой темноте, остановился он ночевать у селения Аристово. Бивуака строить было некогда, а потому вся ночь проведена была под дождем и почти без сна. На другой день поднялся до света, шел тоже весь день по грязи и, немного отдохнув, в ночь выступил во время дождя. Перед светом пришел под Малоярославец и без всякого отдыха вступил в бой... Сообразив все это, можно сделать вывод, каковы были тогда наши войска»³¹.

Авангард французов составлял 4-й корпус Евгения Богарне. Бой под Малоярославцем начался утром 24 октября дивизия из этого корпуса под командованием генерала А.-Ж. Дельзона, того самого, который начинал и Бородинскую битву. Дельзон ворвался в город, но сам при этом был убит. Рядом с ним пали его брат и адъютант³². У россиян здесь был тяжело ранен (и после двух лет страданий от этой раны умер) герой-партизан генерал-майор И.С. Дорохов (24. Т. 3. С. 323).

Пока войска Богарне и Дохтурова дрались за Малоярославец с переменным успехом (до середины дня город 4 раза переходил из рук в руки), к месту боя подтягивались главные силы Наполеона и Кутузова. В 14 часов на помощь Дохтурову подоспел 7-й корпус Н.Н. Раевского, а Богарне был поддержан двумя дивизиями из корпуса Л.-Н. Даву (2. С. 510; 19. С. 201). Ни та ни другая сторона не уступала друг

другу в «наижесточайшем» бою (М.И. Кутузов — Александру I 9 февраля 1813 г.: 20. Ч. 2. С. 109).

В середине дня к Малоярославцу прибыл Наполеон. Он еще по выходе из Боровска услышал шум битвы и, как свидетельствует об этом Ф.-П. Сегюр, был крайне удивлен: «Неужели русские его опередили? Разве он проделал свой маневр недостаточно быстро?» (44. Т. 2. С. 107). Обозрев поле боя, Наполеон направил подзорную трубу налево, в сторону с. Спасское, откуда мог появиться Кутузов, и долго всматривался в даль. Там сквозь облака пыли уже поблескивали штыки и ружейные стволы воинских громад; к Малоярославцу спешила армия Кутузова.

Собственно, Кутузов не изнурял армию сверх меры форсированным маршем, рассчитав, что 28 верст (почти 30 км) между Тарутином и Малоярославцем он преодолееет вовремя. В Спасском он дал армии «раستاх» (отдых) и завернул ни с чем гонца от А.П. Ермолова, умолявшего «поспешить». Ермолов тут же прислал второго гонца. Кутузов рассердился: «с негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланному, что тот достал из кармана платок, и было заметно, что лицо его имело большую в нем надобность» (15. С. 233—234). Как бы то ни было, к 16 часам, когда Наполеон еще не подтянул к Малоярославцу часть своих войск, вся армия Кутузова уже закрепились на высотах южнее города.

Бой продолжался с прежним ожесточением, но ни Наполеон, ни Кутузов пока не вводили в дело главных сил. Принц Е. Вюртембергский подсчитал, что в бою приняли участие 20 тыс. русских и 18 тыс. французов³³, а М.И. Богданович — что с каждой стороны сражались по 24 тыс. человек (3. Т. 3. С. 37). Подсчеты А.А. Васильева таковы: 23 тыс. французов против 30 тыс. россиян. К 23 часам город, мно-

гократно (по разным источникам, от 8 до 13 раз) переходивший из рук в руки, остался у французов³⁵. По словам очевидца, он «представлял собою зрелище совершенного разрушения. Направление улиц обозначалось только грудами трупов, которыми они были усеяны <...> Все дома обратились в дымящиеся развалины, под которыми тлели полусожженные кости» (3. Т. 3. С. 38–39). Тем временем Кутузов отвел свои войска на 2,7 км к югу и занял там новую позицию, преграждая французам путь на Калугу (24. Т. 3. С. 326).

Данные о потерях сторон в битве под Малоярославцем (как и в других сражениях 1812 г.) разноречивы. М.И. Богданович исчислял русские потери в 6 тыс. человек, Д.П. Бутурлин и А.И. Михайловский-Данилевский — в 5 тыс., а Л.Г. Бескровный, Н.Ф. Гарнич, П.А. Жилин, В.Г. Сироткин — в 3 тыс. (2. С. 513; 3. Т. 3. С. 38; 6. Ч. 2. С. 44; 16. С. 289; 24. Т. 3. С. 323)³⁶. Между тем в сборнике документов «М.И. Кутузов» (под ред. Л.Г. Бескровного) опубликована ведомость потерь русской армии при Малоярославце: 6665 человек (20. Ч. 2. С. 417). А.А. Васильев, изучив эту ведомость, отметил, что в ней не учтены потери некоторых частей и что общий урон россиян «превышал 7000 человек», а С.В. Шведов указал на отсутствие в ведомости данных о потерях ополченцев (4–5 тыс. человек) и заключил: «В целом, потери русских войск при Малоярославце были гораздо больше 7 тыс. человек»³⁷.

Французские потери сами французы определяли тоже по-разному: от 1500 человек (38. С. 148) до 5 тыс.³⁸. Русские дореволюционные и советские историки почти все (включая Л.Г. Бескровного и П.А. Жилина) называли цифру 5 тыс. А.А. Васильев, однако, полагает, что и урон французов «мог достигать 7000 человек»³⁹.

Как же оценить итоги сражения при Малоярославце? П.А. Жилин, Н.Ф. Гарнич, А.Г. Бескровный заключали безоговорок, что Кутузов здесь победил, даже «разгромил Наполеона», причем все трое умалчивали о том, в чьих руках остался город (16. С. 289–290)⁴⁰. Такова же в принципе позиция О.В. Орлик и В.Г. Сироткина⁴¹. Жилин при этом сетовал: «К сожалению, есть еще за рубежом историки, трактующие сражение под Малоярославцем как победу французской армии» (16. С. 292)⁴². Как победу французов трактовали это сражение не только «за рубежом», но и в России, и даже сами участники, такие герои Малоярославца, как А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский (15. С. 224)⁴³. Они имели в виду победу *тактическую*: ведь Наполеон овладел Малоярославцем, а Кутузов оставил не только город, но и первоначальную позицию за городом, отступив дальше к югу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что зарубежные (не только французские) историки ставят Малоярославец в ряд сражений, выигранных Наполеоном.

Однако битву под Малоярославцем (как и под Бородином) недостаточно оценивать лишь с тактической точки зрения. Здесь важен и стратегический, и даже политический аспект. Добившись, как и при Бородине, тактического успеха, Наполеон вновь ничего не выиграл стратегически, более того, проиграл политически, хотя выяснилось это не сразу после сражения, а в последующие дни.

Кутузов под Малоярославцем не смог разбить Наполеона, но и сам не был разбит. Он только оставил, как при Бородине, исходные позиции и отступил в готовности (даже большей, чем после Бородина) к новому сражению. «Завтра, я полагаю, — написал он Царю в ночь с 24 на 25 октября, — должно быть генеральному сражению, без коего я ни под каким видом в Калугу его (Наполеона. — Н.Т.) не

пушу» (20. Ч. 2. С. 98). Сил у Кутузова в тот момент было больше, чем у Наполеона: 90 тыс. человек и 600 орудий против 70 тыс. при 360 орудиях (3. Т. 3. С. 44—45)⁴⁴. К тому же русская армия могла рассчитывать на поддержку ополченцев и партизан.

Казалось бы, тот факт, что Кутузов хотя и оставил Малоярославец противнику и отступил с поля битвы на юг, все-таки не позволил Наполеону пройти к Калуге, уже делает честь фельдмаршалу и русскому оружию вообще. Однако Михаилу Илларионовичу показалось, что этого мало. Он в первом же донесении Царю от 25 октября 1812 г., а затем в более подробном рапорте от 21 февраля 1813 г. *фальсифицировал* результат битвы, объявив, что Малоярославец 24 октября остался у русских и что Наполеон «в ночь с 12 на 13 (с 24 на 25 по н. ст. — Н.Т.) число совершил отступление к Боровску и Верее» (20. Ч. 2. С. 98, 110). На самом же деле Наполеон, взяв с боем Малоярославец, оставался здесь до 26 октября, пока россияне отходили по дороге на Калугу.

Ночь с 24 на 25 октября Наполеон провел в Городне — маленькой деревушке под Малоярославцем. Он советовался с маршалами: атаковать ли Кутузова, чтобы прорваться в Калугу, или уходить к Смоленску по разоренной дороге через Можайск? Маршалы предлагали и оспаривали то одно, то другое. Так и не приняв решения, Наполеон, едва рассвело, поехал сам с небольшим конвоем на рекогносцировку русской позиции. Его сопровождали маршал Л.А. Бертье, генералы А. Коленкур, А.Ж.Б. Лористон, Ж. Рапп, Ж. Мутон и др. Не успели они выехать из своего лагеря, как на них с криком «ура!» налетел отряд казаков. Императорский конвой был смят. Один казак уже пронзил пикой лошадь Раппа. Другие генералы плотным кольцом окружили Наполеона. Все они, обнажив шпаги, приготовились дорого

отдать свою жизнь. Подоспевший во главе двух эскадронов конной гвардии маршал Ж.Б. Бессьер спас их от неминуемой гибели или плена (19. С. 203; 44. Т. 2. С. 119—120)⁴⁵.

Наполеон в те минуты смертельной для него опасности сохранял внешнее спокойствие и, как только казаки скрылись, провел рекогносцировку, но вечером приказал своему лейб-медику А.-У. Ювану изготовить для него флакон с ядом. «С этого момента император не расставался с флаконом: попасть в плен живым отныне уже более не грозило ему» (32. Т. 7. С. 682)⁴⁶.

После рекогносцировки Наполеон вновь созвал маршалов на совет. Отважный Бессьер решительно высказался против нового сражения, указав на неприступность позиции русских. «В какой позиции и против какого врага! — восклицал он. — Разве мы не видели поля вчерашней битвы, не заметили, с каким иступлением русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?» (44. Т. 2. С. 125—126). Другие маршалы поддержали Бессьера. Наполеон решил повернуть назад и отступить к Смоленску через Можайск.

Так впервые в жизни Наполеон сам отказался от генерального сражения. Впервые в жизни он добровольно повернулся спиной к противнику, перешел из позиции преследователя в позицию преследуемого. Истинное отступление «Великой армии» началось не 19 октября, когда Наполеон вывел ее из Москвы и повел на Калугу, а 25 октября, когда он отказался от Калуги и пошел к Можайску, на Смоленскую дорогу. Это заключение академика Е.В. Тарле (32. Т. 7. С. 681) вполне справедливо.

Парадоксальный, беспримерный в истории войн факт: одновременно с отступлением Наполеона от Малоярославца на север в 5 часов утра 26 октября Кутузов начал от-

ступать на юг, к с. Детчино, за 24,5 км от Малоярославца, и там уже на следующий день, 27-го, получил «известие, что неприятель отступил» (20. Ч. 2. С. 119, 132). «Обе армии отступали одна от другой: французы — к северу, мы — к югу», — вспоминал декабрист В.С. Норов⁴⁷. (Маршал Даву в драме К.А. Тренева «Полководец» резонно замечает: «Случая отступления от отступающего врага не было в жизни ни у одного полководца»⁴⁸.)

Поскольку Кутузов в ночь с 27 на 28 октября отошел еще дальше на юг, к слободе Полотняный Завод, где оставался два дня, до утра 30-го (20. Ч. 2. С. 136, 156)⁴⁹, этот его отступательный марш вызвал споры между отечественными историками: одни (Н.А. Окунев, М.И. Богданович, А.Н. Попов, М.С. Свечников: 3. Т. 3. С. 49—50)⁵⁰ порицают его, другие (А.И. Михайловский-Данилевский, Н.Ф. Гарнич, П.А. Жилин, Л.Г. Бескровный, Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев: 2. С. 515—516; 16. С. 293; 24. Т. 3. С. 343—344)⁵¹ оправдывают. Пожалуй, здесь и те и другие по-своему правы. С одной стороны, после того как Наполеон повернул от Малоярославца к Можайску, стало ясно, что марш Кутузова к Детчину и далее к Полотняному Заводу с двухдневным «раستاхом» был ненужным. Более того, Наполеон в результате получил выигрыш времени в трое суток, возможность оторваться от русской армии и до самой Вязьмы быть вне ее досягаемости. С другой же стороны, до тех пор пока Наполеон не повернул от Малоярославца к Можайску, у Кутузова были все основания опасаться, что противник сможет пройти к Калуге в обход русской позиции — через Медынь, где уже были замечены отряды его кавалерии. Чтобы прикрыть Медыньскую дорогу, фельдмаршал и отвел свои войска в Детчино, а затем на Полотняный Завод (М.И. Кутузов — Александру I 28 октября 1812 г.: 20. Ч. 2. С. 136). Значит, его

марш был ситуационно оправданной предосторожностью, которая лишь после того, как ситуация изменилась, оказалась излишней.

Подытожим сказанное. Битва при Малоярославце была третьей по масштабам за всю войну — после Бородина и Смоленска, а по значению — второй вслед за Бородином. Именно Малоярославец обозначил собой тот рубеж, с которого начался заключительный период войны — период отступления и разгрома «Великой армии», изгнания ее остатков из России. Выстояв под Малоярославцем, не пустив французов на Калужскую дорогу и заставив их отступать по разоренной Смоленской дороге, Кутузов таким образом окончательно вырвал у Наполеона стратегическую инициативу. Отныне и до конца войны французы уже не могли изменить рокового для них поворота событий: на Старой Смоленской дороге им предстояло во всей полноте испытать историческое возмездие за нашествие на Россию — бегство, страдания, гибель под ударами русских войск и народных ополчений, от рук партизан и казаков, от голода и холода.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МАРШ

Отечественная историография еще не имеет общепринятой периодизации русского контрнаступления 1812 г. Из двух основных вариантов такой периодизации один принадлежит Л.Г. Бескровному, другой — П.А. Жилину. Л.Г. Бескровный различал четыре этапа контрнаступления: 1) от Тарутина до Малоярославца, 2) от Малоярославца до Березины, 3) «разгром французской армии на Березине», 4) «истребление и изгнание из страны остатков французских войск» (34. С. 91—94). Здесь очевидны и чрезмерная дробность периодизации в целом, и неосновательность вы-

деления почти каждого (особенно третьего) звена в отдельный этап. Вариант П.А. Жилина проще и убедительнее: 1) «контрнаступление» — от Малоярославца до Березины и 2) «общее наступление» — с «переходом в наступление войск, ранее находившихся на второстепенных участках», — от Березины до конца войны (16. С. 312—313). Однако этот вариант тоже нельзя принять без оговорок.

Дело в том, что русские войска, находившиеся «на второстепенных участках» (т. е. 3-я объединенная армия П.В. Чичагова, корпуса П.Х. Витгенштейна, Ф.Ф. Штейнгейля, Ф.Ф. Эртеля), перешли в наступление задолго до Березины, даже раньше армии Кутузова. Кстати, именно их действия склонны признать *контрнаступлением* те историки (В.М. Безотосный, А.М. Вьялкович), которые отрицают самый термин «контрнаступление» применительно к «параллельному маршу Главной армии»⁵².

На юге отдельный (2-й резервный) корпус Эртеля уже 15 и 16 сентября успешно провел наступательные операции при Глуске и Горбачеве (30. Т. 10. С. 286—289), за что 16 октября Эртель был награжден орденом св. Георгия 3-й степени⁵³. Чичагов же в сентябре отеснил войска К.Ф. Шварценберга и Ж.-Л. Ренье за Буг, а в первой половине октября не только сам продолжал наступление в Белоруссии, заняв Каменец и Высоко-Литовск, но и посылал отряды генерал-майора Н.И. Лидерса и полковника А.И. Чернышева «для поиску над неприятелем» в пределы Великого герцогства Варшавского (П.В. Чичагов — М.И. Кутузову 15 октября 1812 г.: 20. Ч. 2. С. 141—143)⁵⁴.

На севере 1-й корпус Витгенштейна 18 октября (в день боя под Тарутином) атаковал объединенные 2-й и 6-й корпуса французов под командованием Л.-Г. Сен-Сира и после двухдневного сражения 19 октября штурмом взял Полоцк.

Витгенштейн имел здесь 40 тыс. человек против 27 тыс. у Сен-Сира (З. Т. 3. С. 161; 39. Т. 2. С. 173). Правда, значительную часть русского корпуса составляли еще не обстрелянные ополченцы, но они с лихвой восполнили недостаток боевого опыта буквально потрясшим врага героизмом⁵⁵. Так Витгенштейн взял реванш у Сен-Сира за поражение от него под тем же Полоцком, тоже в двухдневном бою — 17—18 августа.

Октябрьский штурм Полоцка встал в ряд самых кровопролитных битв 1812 г. Русские потеряли здесь 8 тыс. человек⁵⁶. Потери французов Ж. Шамбре определял в 6 тыс. (39. Т. 2. С. 180), М.И. Богданович — в 6—7 тыс. (З. Т. 3. С. 177), Л.Г. Бескровный — в 7 тыс. человек (2. С. 520).

Взяв Полоцк, Витгенштейн заставил Сен-Сира уйти за Двину. Эта победа необычайно возвысила его репутацию. г. Р. Державин и В.А. Жуковский прославляли его в стихах, а солдаты 1-го корпуса сложили удалую «Песню о Витгенштейне» с такими строками:

*Мы ж воскликнем все: герой,
Ты Суворов наш второй!*⁵⁷

Наполеон о полоцкой неудаче Сен-Сира узнал в Вязьме, незадолго до того, как армия Кутузова настигла аррьергард «Великой армии». Император был крайне обеспокоен этой неудачей, немедленно послал маршалу К. Виктору «приказ вновь захватить Полоцк» (13. С. 220) и ускорил марш своих войск к Смоленску, чтобы успеть туда раньше Витгенштейна. Опередить Наполеона в Смоленске Витгенштейн не сумел, но и Полоцк не уступил, а главное, уже не выпустил из рук инициативы, тесня и преследуя французов в течение октября до Чашников (20. Ч. 2. С. 283).

Итак, периодизация русского контрнаступления у П.А. Жилина имеет одну слабость — в ней недооцениваются наступательные операции фланговых армий до Березины. Думается, более точным был бы такой вариант периодизации: 1) борьба за стратегическую инициативу — от Тарутина до Малоярославца, 2) контрнаступление русских армий — от Малоярославца до Смоленска, 3) изгнание Наполеона — от Смоленска до Немана. Здесь учитывается прежде всего крах надежд Наполеона остановить русских и зазимовать в районе Смоленска, а также следующее наблюдение Е.В. Тарле: если до Смоленска можно было говорить об *отступлении* французов, то после Смоленска их отступление превратилось в *бегство* (32. Т. 7. С. 681, 694—695). Что касается Березины, то она в предлагаемом варианте периодизации — кульминационный момент третьего этапа, но отнюдь не целый этап.

Вернемся теперь к тому, как развивались события после 30 октября 1812 г., когда М.И. Кутузов из Полотняного Завода повел свою армию вслед за отступавшим Наполеоном. Именно с того дня фельдмаршал приступил к осуществлению своей идеи *параллельного* преследования неприятеля. Эту идею впервые он изложил еще 4 октября в рапорте Царю из Тарутина (20. Ч. 1. С. 352), а более обстоятельно разъяснил в письме к П.В. Чичагову от 15 ноября: «Направление Главной армии большими силами было и будет с левой стороны неприятелю. Сим я сохраняю: первое, сообщение с нашими хлебородными провинциями; второе, коммуникацию, верную с вами, и, наконец, то, что неприятель, видя меня, рядом с собою идущего, не посмеет останавливаться, опасаясь, чтобы я его не обошел» (20. Ч. 2. С. 283). В то время как Наполеон отступал по разоренной Смоленской дороге, Кутузов преследовал его

параллельным маршем по Калужской дороге, на которой русские войска всегда находили продовольствие, фураж, места для отдыха и поддержку населения. «Этот маневр был им замечательно правильно рассчитан, — писал о Кутузове А. Жомини. — С одной стороны, его армия, проходя по менее опустошенной местности, терпела меньше убыли; с другой — он держал французскую армию под постоянной угрозой обогнать ее и отрезать путь отступления. Вследствие последнего обстоятельства французская армия была вынуждена форсировать марш и двигаться без малейшего отдыха» (35. Т. 2. С. 179). При этом авангардные части русских (главным образом казаки) то и дело нападали на арьергарды противника. «Ничего более от вас не требую, — писал Кутузов М.И. Платову 16 ноября, — как только, что всеми вашими силами преследовать его хвост и вредить сколько можно сим способом» (20. Ч. 2. С. 299). Правда, путь от Малоярославца до Вязьмы, с 26 октября до 2 ноября, «Великая армия» прошла сравнительно спокойно. Кроме того что Наполеон сразу выиграл три перехода из-за маневров Кутузова 26—28 октября к Детчину и Полотняному Заводу, Кутузов 30 октября сделал еще один лишний переход. «Не имея скорых и верных известий» о противнике, читаем в его предписании Платову от 31 октября, «армия сделала один марш совсем не в том направлении, как бы ей надлежало», а именно к с. Кременскому, на Гжатск, из-за предположения (оказавшегося ошибочным), что Наполеон пойдет через Белый и Велиж к Витебску (Там же. С. 162). Только 31 октября, когда не осталось никаких сомнений в том, что «Великая армия» идет от Можайска на Смоленск, Кутузов начал свой параллельный марш по Калужской дороге к Вязьме.

Тем временем Наполеон форсированными маршами ухо-

дил к Вязьме по Смоленской дороге. Он торопился миновать пересечение дорог у Вязьмы и прорваться к Смоленску раньше, чем настигнут его и преградят ему путь русские войска — Кутузова ли, Чичагова или Витгенштейна. Кроме того, марш по разоренной дороге с первых же дней ввергнул его полчище в полуголодное состояние. Запас продовольствия, взятый из Москвы, частью был быстро съеден, а большей частью потерян или отбит партизанами и казаками. Поживиться где-нибудь и хоть чем-нибудь на самой дороге и даже на 15–20 км окрест французы не могли. Здесь «все было сожжено, и, что называется, кошки нельзя было сыскать», — свидетельствовал генерал Д.П. Неверовский⁵⁸. «Нам приходилось идти по настоящей пустыне, так как направо и налево от дороги вся местность была вытоптана, обглодана и опустошена», — вспоминали сами французы (19. С. 215; см. также: 35. Т. 2. С. 173)⁵⁹. После Малоярославца они, по собственному их признанию, «питались лишь кониной» (19. С. 217; 35. Т. 2. С. 157, 166, 173–174). Поэтому так спешили они к Смоленску, где ожидали найти чуть ли не изобилие провианта, возможность отдыха, а также подкрепления. «На этот город были с надеждой устремлены глаза всех, — вспоминали ветераны «Великой армии». — Все горели желанием поскорее добраться до него, в полной уверенности, что за его стенами прекратятся все наши бедствия. Слово «Смоленск» переходило из уст в уста» (35. Т. 2. С. 209)⁶⁰.

Разделив армию на четыре колонны, которые шли в полудневном переходе друг от друга (впереди гвардия, далее корпуса Жюно и Понятовского, Нея и Богарне, а в арьергарде корпус Даву), Наполеон продвигался к Смоленску быстро. 27 октября он был уже в Верее, 28-го — в Можайске, 29-го — в Гжатске, 31-го — в Вязьме (19. С. 208, 220;

35. Т. 2. С. 158). Пока, кроме голода, беспокоили французов только партизаны и казаки. «Сзади на нас нападают тучи казаков, — читаем в записках капитана Франсуа о последних днях октября. — Мы не можем сделать и тысячи шагов без того, чтобы не обернуться лицом к неприятелю» (35. Т. 2. С. 169)⁶¹. Беспрестанные набеги казаков на «Великую армию» замедляли ее продвижение и в конечном счете помогли авангарду Кутузова настигнуть арьергард Наполеона у Вязьмы.

Сам Наполеон с гвардией вышел из Вязьмы 1 ноября вслед за корпусом Жюно и перед корпусом Нея. Он еще удивлялся в разговоре с А. Коленкур: «...никак не мог понять тактики Кутузова, оставлявшего нас в полном спокойствии» (19. С. 220). Но уже 2 ноября сводный отряд генерала от инфантерии М.А. Милорадовича вышел на Смоленскую дорогу раньше, чем прошли по ней к Вязьме корпуса Богарне, Понятовского и Даву. Накануне Кутузов сообщил Царю: «Отряд генерала Милорадовича усилен так, что почти составляет половину армии» (20. Ч. 2. С. 176). Действительно, Милорадович имел 3 пехотных (без одной дивизии) и 3 кавалерийских корпуса, 5 казачьих полков и 9 конных рот артиллерии (Там же. С. 223). Тем не менее он предпочел не вступать в бой с тремя неприятельскими корпусами, а первые два из них пропустить к Вязьме, чтобы затем отрезать и уничтожить корпус маршала Даву, который замыкал отступление «Великой армии». На рассвете 3 ноября Милорадович атаковал Даву в лоб, между тем как Платов с казаками и 26-й дивизией генерал-майора И.Ф. Паскевича, преследовавший «железного маршала» от Царева-Займища, ударил на него сзади. Гибель корпуса Даву казалась неминуемой.

В этот момент Богарне и Понятовский, получившие до-

несения о том, что Даву отрезан, повернули свои корпуса назад и пришли к нему на выручку. Милорадовичу пришлось выпустить Даву из русских клещей, но и после того, как все три французских корпуса начали с боем отходить к Вязьме, он продолжал атаковать их всеми силами с тыла и с флангов (2. С. 533; 3. Т. 3. С. 74—75).

Тем временем Кутузов с большей частью Главной армии достиг с. Быкова примерно в 6,5 км юго-западнее Вязьмы и оставался там до утра 5 ноября (20. Ч. 2. С. 185, 190). «Он слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, — свидетельствовал его адъютант В.И. Левенштерн, — но, несмотря на настояния всех значительных лиц Главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя»⁶². Такие же свидетельства оставили А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский, А.Н. Сеславин и М.А. Фонвизин, А.А. Щербинин и принц Е. Вюртембергский. Все они упрекали Кутузова в том, что он не помог Милорадовичу отрезать под Вязьмой как минимум один, а то и два-три корпуса французов (15. С. 231, 232; 26. Т. 21. С. 228)⁶³.

Такие упреки в принципе справедливы. Россияне тогда действительно «пропустили случай отрезать всей армией задний корпус» противника⁶⁴. «Значительные лица Главной квартиры», несомненно, припомнили здесь Кутузову его затянувшийся «растак» в Полотняном Заводе, когда, по воспоминаниям А.А. Щербинина, «Толь вбежал в комнату Коновницына <...> и вскричал: «Петр Петрович, если мы фельдмаршала не подвинем, то мы здесь зазимуем!»»⁶⁵. Более того, еще раньше такое «значительное лицо» (с правом лично информировать о ходе военных действий самого Александра I), как английский комиссар при штабе Кутузова сэр Роберт Вильсон ставил в упрек Кутузову его отступление от Малоярославца, о чем прямо и

объявил фельдмаршалу на совете в его Главной квартире 25 октября. Кутузов в ответ сделал тогда историческое (зафиксированное в дневнике Вильсона) заявление не только военно-тактического, но и политического, даже международного плана: «Меня не интересуют ваши возражения. Лучше построить неприятелю «pont d'or»⁶⁶, как вы изволите выражаться, нежели дать ему «coup de collier»⁶⁷. Кроме того, повторю еще раз: я не уверен, что полное изничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Его место займет не Россия и не какая-нибудь другая континентальная держава, но та, которая уже господствует на морях, и в таковом случае владычество ее будет нетерпимо» (8. С. 273—274).

Слушать все это Вильсону было тем досаднее, что он уже знал (от А.Л. Беннигсена, с которым был в добрых отношениях) сказанное Кутузовым Беннигсену еще до Малоярославца: «Мы никогда, голубчик мой, с тобою не согласимся; ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдет на дно моря, я не охну»⁶⁸. Такая англофобская откровенность фельдмаршала шокировала сэра Роберта и, разумеется, лишь усугубляла его и без того острую неприязнь к Кутузову. Поэтому суждения Вильсона о том, что «Кутузов являл собой поучительный образец неспособности командующего и отсутствия всех (! — *Н.Т.*) тех качеств, кои должны отличать сего последнего» (8. С. 79), нельзя принимать всерьез.

Еще менее серьезной надо признать версию историков масонства о том, что Кутузов как масон просто «оказывал братскую помощь» масону Наполеону, намеренно опаздывая всегда и везде причинить ему слишком большой урон⁶⁹.

Но как же объяснить явные (иной раз даже demonstra-

тивные) промедления и опоздания Кутузова в решающих моментах операций под Вязьмой и особенно далее — под Красным и на Березине? О Красном и Березине речь пойдет особо. Что же касается Вязьмы, то здесь осторожность (всегда отличавшую Михаила Илларионовича), хотя она и казалась излишней, можно понять. Даже А.В. Суворов держался правила: «Скорость нужна, а поспешность вредна»⁷⁰. Для Кутузова это правило еще более характерно. В случае под Вязьмой он видел, как быстро пришли на помощь Даву сразу два корпуса — Богарне и Понятовского. Поэтому он не мог исключить столь же быстрого возвращения самого Наполеона со всеми его силами, если бы вся русская армия ввязалась в бой с Даву, Богарне и Понятовским. Между тем Кутузов понимал, что отступление французов по Старой Смоленской дороге сулит им неисчислимы бедствия и, должно быть, надеялся, что русской армии еще не один раз представится возможность окружить и уничтожить любой неприятельский корпус при более выгодном, чем под Вязьмой, соотношении сил и без напрасного риска.

Бой за Вязьму был недолгим. К вечеру 3 ноября, когда основные силы французов ушли из города, но их части прикрытия еще пытались задержать русских, Милорадович начал штурм Вязьмы. Регулярные полки, казаки, ополченцы и партизаны Сеславина и Фигнера ворвались в город, выбили из него оставшихся французов и преследовали их до наступления темноты за р. Вязьму (2. С. 533—534; 3. Т. 3. С. 78).

Под Вязьмой впервые за всю войну французы потеряли на поле боя людей в несколько раз больше, чем русские: по данным М.И. Богдановича и Ж. Шамбре, 7 тыс. человек, включая 3 тыс. пленными, против 1800 убитых и раненых

с русской стороны (3. Т. 3. С. 79; 39. Т. 2. С. 372). «Но главное было даже не в численных потерях, — справедливо заключает Л.Г. Бескровный, — а в том моральном воздействии, которое произвели на французов решительные и успешные действия русских» (2. С. 534). Бой под Вязьмой показал, что процесс разложения французской армии, начавшийся еще в Москве, растет и пагубно отражается на боеспособности всех ее соединений (кроме гвардии), включая даже корпус Даву. Отныне стало очевидным для обеих сторон, что русские войска по своей боеспособности превосходят французов.

Начиная с Вязьмы Кутузов почти до Березины уже не позволял Наполеону далеко оторваться от преследования. Буквально «облепленная», по выражению Дениса Давыдова, партизанскими и казачьими отрядами, французская армия «не могла сделать шагу потаенно» (13. С. 347). «Как слепни липнут к измученному животному» (25. Т. 4. С. 224), так партизаны и казаки вились вокруг отступавших колонн французов и беспрестанно жалили их стремительными набегами. Французы вынуждены были обратиться к своему египетскому опыту защиты от таких набегов. 2 ноября Л.-А. Бертье от имени Наполеона предписал начальникам корпусов: «Надо делать переходы так, как мы делали их в Египте: обозы в середине и в столько рядов, сколько позволит дорога, полубатальон в замке и несколько батальонов в одну шеренгу по бокам обоза, так, чтобы при повороте во фронт огонь был отовсюду» (13. С. 302)⁷¹. Такой способ движения помогал французам отбиваться от партизан и казаков, но зато сбивал их с темпа и ставил под удар главных сил русской армии, которые часто настигали противника.

Люди и лошади захватчиков все больше страдали от голода и бескормицы. «Ежедневно гибнут тысячи лоша-

дей», — отметил в начале ноября капитан Франсуа (35. Т. 2. С. 173). В первую же морозную ночь под Вязьмой их пало до 3 тыс. (25. Т. 4. С. 185). Массовый падеж лошадей, из которых «ни одна не была подкована так, как этого требовали условия русского климата» (19. С. 228), стал бичом армии. Кавалерия превращалась в пехоту. Из-за недостатка лошадей приходилось бросать пушки. Таким образом, артиллерия тоже превращалась в пехоту. И все терзались муками голода. Сами французы вспоминали о своих товарищах: «Они накидывались на павшую лошадь и, как голодные псы, вырывали друг у друга куски» (35. Т. 2. С. 210, 212). Генерал Н.Н. Раевский 9 ноября писал жене о французах: «Они едят собак»⁷². Впрочем, собаки попадались им редко. Зато русские очевидцы засвидетельствовали еще до Смоленска, что французы даже «трупы своих товарищей жарили и ели»⁷³. «Вчера, — не без удовольствия написал Кутузов жене 9 ноября, — нашли в лесу двух (французов. — Н.Т.), которые жарят и едят третьего своего товарища» (20. Ч. 2. С. 237). Француз А.-Ж. Бургонь сам не видел, но допускал в то время среди солдат «Великой армии» такое каннибальство: «Не нашлось бы человека, мы готовы были съесть хоть самого черта, будь он зажарен»⁷⁴.

После Вязьмы к ужасам голода прибавились для французов ужасы морозов, правда, еще не таких, какие ждали их за Смоленском. В ночь после боя под Вязьмой ударил первый по-настоящему зимний мороз — сразу 18°. Он, по свидетельству очевидца кн. Н.Б. Голицына, «неожиданно установил жестокую зиму, которая после того не прекращалась»⁷⁵. По записям французов, 6 ноября на их пути было 22°, 9-го — 12°, 13-го — 23° мороза (39. Т. 2. С. 426)⁷⁶. Вообще зима 1812 г., как доказал академик М.А. Рыкачев, выдалась необычайно холодной, со средней температурой на 5–8°

ниже нормы впервые за много десятилетий метеорологических наблюдений⁷⁷. Не зря Н.А. Некрасов полвека спустя писал о России:

В 12-м году такие там морозы

Стояли, что француз досель их не забыл⁷⁸.

Мороз, северный ветер, снегопад, засыпавший дороги, с одной стороны, подгоняли голодных французов, но с другой — и обессиливали их, губили. «Великая армия» теряла от голода и холода не только боеспособность, она теряла дисциплину, порядок, армейский вид. Солдаты и офицеры, даже генералы «утеплялись» кто как мог: «зачастую генерал был покрыт плохим одеялом, а солдат — дорогими мехами»⁷⁹. «Они шли по дороге мрачные, и вид у них был дикий. Всадники, лишенные лошадей, закутались в свои лошадиные попоны, сделав в середине отверстие для головы, а на голову надевали каску или кивер или закрывали ее окровавленными лохмотьями» (35. Т. 3. С. 130)⁸⁰.

Морозы, конечно, усугубили бедствия «Великой армии». С.Н. Глинка назвал их «вспомогательным войском» Кутузова⁸¹. Но не в морозах и вообще не в стихийных факторах коренился главный источник постигшей Наполеона катастрофы. От Москвы до Вязьмы было еще тепло и не столь голодно для французов, как у Смоленска, но именно тогда исход войны фактически был уже предрешен, и прежде всего *совокупным* и потому гибельным для врага напряжением сил русских армий и народных масс всей России.

От Вязьмы Кутузов с главными силами «предпринял диагональный марш» кратчайшим путем через Ельню и Красный «с тем, чтобы пресечь путь если не всей неприятельской армии, то хотя бы сильному ее арьергарду» (ра-

порты Кутузова Александру I от 18 и 19 ноября 1812 г.: 20. Ч. 2. С. 307, 322). Тем временем партизаны и казаки, а также наиболее подвижные отряды легкой кавалерии из авангарда М.А. Милорадовича преследовали французов по Смоленской дороге, ежедневно атаковали их арьергард с тыла и с флангов, отсекали отдельные части противника, захватывали обозы, пушки, сотни и тысячи пленных. 7 ноября Милорадович атаковал «хвост» «Великой армии» у Дорогобужа, взял город, 4 орудия и 600 пленных (Там же. С. 225). На следующий день М.И. Платов отрезал часть корпуса Е. Богарне на р. Вопе между Дорогобужем и Духовщиной, захватив 62 орудия и 3500 пленных, в том числе начальника штаба корпуса генерала Н.-А. Сансона (Там же. С. 227). 9 ноября генерал-майор А.А. Юрковский у Соловьевой переправы через Днепр отбил у французов 18 пушек и взял 940 пленных (Там же. С. 248).

Русская кавалерия после Вязмы численно уже в несколько раз превосходила французскую, и далее с каждым днем это соотношение становилось еще более выгодным для русских⁸². Такое преимущество в коннице обеспечивало русским войскам большую подвижность по сравнению с французами. Особенно изводили противника, буквально не давая ему покоя ни днем, ни ночью, казаки, вооруженные пиками, — этим, как полагали французы, «национальным русским оружием»⁸³. Столь же вездесущими были отряды легкой регулярной кавалерии (гусары, уланы) и даже легкоконной артиллерии, которая «перевозилась на санях всюду, где с пользой могла действовать» (35. Т. 3. С. 103).

В результате Наполеон отступал как бы в повседневном сопровождении передовых русских отрядов, казаков и партизан, хотя у главных сил Кутузова он время от времени выигрывал два-три перехода. 9 ноября Наполеон с

гвардией вступил в Смоленск и провел там пять дней, пока растянувшиеся колонны «Великой армии» одна за другой подтягивались к городу.

Кутузов с главными силами в те ноябрьские дни не спешил, раздражая своей «системой медления» не только враждовавших с ним генералов, но и почтительных к нему офицеров. Прапорщик Н.Д. Дурново, служивший тогда при главном штабе Кутузова, изо дня в день фиксировал в своих записях: 5 ноября — «Кутузов вынуждает нас двигаться черепашьям шагом»; 9 ноября — «Кутузов остается в Ельне»; 12 ноября — «Мне кажется, что фельдмаршал нуждается в отдыхе, и Императору следовало бы уволить его в отпуск <...> Мы одни (т.е. именно главные силы. — Н.Т.) остаемся в полном бездействии»⁸⁴. Что же касается генерала Р. Вильсона, то он буквально рвал и метал: «Если французы достигнут границы, не будучи вовсе уничтожены, то фельдмаршал, как ни стар и ни дряхл, заслужит быть расстрелянным» (8. С. 197).

Между тем все французы — от императора до последнего мародера в самом хвосте армии — спешили тогда в Смоленск, как на землю обетованную. Близость Смоленска придавала им силы. Но «в мертвом, полуразрушенном, полусгоревшем городе отступающую армию ждал удар, словивший окончательно дух многих ее частей: в Смоленске почти никаких припасов не оказалось» (32. Т. 7. С. 694).

Собственно, для гвардии припасов хватило. «Приказы-вают снабдить на две недели одну гвардию, — записывал в те дни оберпровиантмейстер «Великой армии» М.-Л. Пюи-бюск. — В таком случае для 1-го и 4-го корпусов останется только по кусочку хлеба на человека, и то не более, как дня на два»⁸⁵. Армейские части были озлоблены на гвардию за ее всегдашние привилегии, но так как вступать в борьбу с

ней, по-прежнему безупречно организованной, вооруженной и спаянной, нечего было и думать, они, презрев всякую дисциплину, толпами бросились на оставшиеся склады и в голодном иступлении разбили и опустошили их (32. Т. 7. С. 696; 44. Т. 2. С. 192—195).

Не оказалось в Смоленске и подкреплений для «Великой армии» — ни людьми, ни лошадьми. Отчаяние слышится в ноябрьском письме Наполеона из Смоленска герцогу Басано (Г.-Б. Маре): «Лошадей, лошадей и еще лошадей!»³⁶. Но хуже всего были дурные вести о положении дел, которые Наполеон получил в Смоленске отовсюду, вплоть до Парижа. Маршал К. Виктор увел свой корпус на помощь Л.-Г. Сен-Сиру, а целая бригада из этого корпуса под командованием генерала Ж.-П. Ожеро, как мы уже знаем, была пленена под Ляховом партизанами и казаками. Наполеон, узнав об этом, был вне себя от гнева. «Со времен Байлена¹⁰⁴⁴, — повторял он, — не было примера такой капитуляции в открытом поле» (19. С. 235) Тем временем ему докладывали, что П.В. Чичагов продвигается к Минску и что 7 ноября П.Х. Витгенштейн занял Витебск, а 8-го М.И. Платов разбил часть корпуса Е. Богарне на р. Вопь (19. С. 230; 20. Ч. 2. С. 376). Таким образом, выяснялось, что Чичагов — с юга, Витгенштейн — с севера, а, главное, Кутузов — с востока подступают к «Великой армии» и грозят окружить ее.

Наполеон понял, что его план «устроить в Смоленске свой главный авангардный пост» для зимовки в междуречье Днепра, Березины и Западной Двины, на рубеже Витебск — Орша — Могилев, — что этот план рушится (19. С. 230). Приходилось отступать дальше с надеждой задержаться в районе Минска и Вильно (Там же. С 235). Впрочем, чрезвычайное событие во Франции побуждало его спешить с уходом из России вообще.

6 ноября Наполеон узнал о заговоре К.-Ф. Мале в Париже⁸⁸. Республиканский генерал Клод-Франсуа Мале во главе группы единомышленников в ночь с 22 на 23 октября попытался осуществить государственный переворот. Распустив слух, что Наполеон 7 октября умер в Москве, и оперируя подложными документами, Мале с полуночи до 9 часов утра успел занять почти весь Париж, арестовал министра полиции Р. Савари, провозгласил Францию республикой, а генерала Ж. Моро (находившегося тогда в Америке) — президентом и готовил ратушу для первого заседания республиканского Временного правительства. Лишь поутру военные и полицейские власти Парижа опомнились, рассудили, что «покойник не умер», и арестовали всех участников заговора — 24 человека. 14 из них вскоре казнили.

Наполеон был крайне встревожен сообщением о заговоре Мале. Он понял, что в самой Франции «вера в устойчивость его власти пошатнулась» (44. Т. 2. С. 176)⁸⁹. «Когда имеешь дело с французами или с женщинами, — зло шутил он в разговоре с А. Коленкуром, — нельзя отлучаться на слишком долгое время» (19. С. 226). Больше всего беспокоило и удручило императора то, с какой легкостью парижане отреклись от его сына. «А Наполеон II! — восклицал он. — О нем и не подумали!» (42. Т. 2. С. 285).

14 ноября Наполеон оставил Смоленск и повел значительно поредевшие, не отдохнувшие, большей частью голодные и деморализованные, но еще достаточно грозные колонны «Великой армии» дальше на запад.

Глава VII

Изгнание

И вспять бежит нагменный галл...

А. С. ПУШКИН

ПО ПЯТАМ ЗА НАПОЛЕОНОМ

В тот день, 14 ноября, когда Наполеон вышел из Смоленска, М.И. Кутузов привел свои главные силы в д. Юрово и здесь дал им «растах» до утра 16-го (20. Ч. 2. С. 273—274, 284). В Юрове фельдмаршал уточнил план дальнейших действий. Его прежний замысел — разгромить «Великую армию» на подходе ее к Смоленску — не удался, частью потому, что сам Кутузов потерял время у Детчина, Полотняного Завода и Вязьмы, а частью потому, что П.Х. Витгенштейн с севера и П.В. Чичагов с юга шли наперерез Наполеону медленно. Теперь Кутузов определил новый рубеж для разгрома наполеоновской армии даже без участия войск Чичагова. «Я полагаю, — писал он 14 ноября Витгенштейну, — что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиною и Двиною, и для того содействие ваше в сем случае необходимо, ибо отдаленность адмирала Чичагова так велика, что он более имеет удобства расстроить Виленскую конфедерацию (марионеточный режим Наполеона в Литве. — *Н.Т.*), нежели участвовать в поражении главной неприятельской армии» (Там же. С. 269).

Едва отправив это письмо Витгенштейну, Кутузов 15 ноября получил рапорт Чичагова, из которого узнал «с несказанным удовольствием», что адмирал рассчитывает 19 ноября быть уже в Минске, и тут же написал ему: «Сие движение ваше решить должно несказанно много при нынешних обстоятельствах» (Там же. С. 282). В тот же день Кутузов переслал копию рапорта Чичагова Витгенштейну, а 16 ноября — Александру I (Там же. С. 280, 291) и, как явствует из рапорта самого Кутузова Царю от 16 ноября все с той же пометой «Юрово», назначил г. Борисов «местом, где предполагается общее соединение всех сил» Главной и фланговых русских армий (Там же. С. 292). Цель этой операции Кутузов определил в предписании Витгенштейну от 15 ноября так: «истребление главной неприятельской армии» (Там же. С. 280).

«Диагональный марш» Кутузова от Вязьмы через Ельню и Юрово на Красный должен был максимально затруднить отход французов в Междуречье. Кутузов учитывал, конечно, растянутость французских колонн и надеялся, как видно из его приказа М.А. Милорадовичу от 17 ноября, отрезать под Красным и «заставить сдаться» хотя бы одну из них (Там же. С. 303).

К вечеру 15 ноября, когда Наполеон с корпусами Ж.-А. Жюно, Ю. Понятовского, гвардией и кавалерией И. Мюрата подошел к Красному, он узнал, что город занят очень сильным (22—23 тыс. человек при 120 орудиях) отрядом гр. А.П. Ожаровского (2. С. 543, 545). В то же время войска Милорадовича (два пехотных корпуса и один кавалерийский: 20. Ч. 2. С. 307) вышли к Смоленской дороге у с. Мерлино, отрезая тем самым от главных сил Наполеона сразу три корпуса — Е. Богарне, Л.-Н. Даву и М. Нея. Сзади неотступно преследовали французов казаки М.И. Плато-

ва. Кутузов с главными силами оставался в Юрове (около 29 км от Красного), а 16 ноября перешел в д. Шилово, не далее 5 км от Красного (Там же. С. 274, 279). Никогда еще за все время войны армия Наполеона не оказывалась в столь опасном положении.

В поисках выхода Наполеон делал почти все возможное, но допустил и промахи. В ночь на 16 ноября стремительной атакой дивизии Молодой гвардии под командованием генерала Ф. Роге он выбил отряд Ожаровского из Красного и расчистил себе путь по Смоленской дороге к м. Ляды (35. Т. 3. С. 61—62, 68; 44. Т. 2 С. 237—238)¹. Отправив туда Жюно и Понятовского, он сам с гвардией простоял весь день 16-го в Красном, поджидая отставшие корпуса. Уже за полночь в Красный пришел корпус Богарне. Наполеон и его отправил к Лядам. Выяснив, что русские не собираются вступать в генеральное сражение, он оставил в Красном маршала Э.-А. Мортье с Молодой гвардией ждать корпуса Даву и Нея, а Старую гвардию и конницу Мюрата повел вслед за Богарне в Ляды (19. С. 242—243).

Между тем Даву и Ней, не получившие от императора точных инструкций, плохо взаимодействовали друг с другом, что поставило первого из них под угрозу окружения, а второго — на край гибели. Собственно, и Богарне пробился к Красному дорогой ценой, потеряв почти всю артиллерию, обозы и 2 тыс. солдат (2. С. 545; 5. Т. 3. С. 119). Не меньший урон понес Даву. Ему, как и Богарне, Мило-радович предлагал сдаться². Даву, по примеру Богарне, 17 ноября с боем прорвался к Красному, теряя обозы, пушки, отставшие части. Среди русских трофеев оказался и личный обоз Даву, а в нем — его маршальский жезл³. Ней же со своим корпусом безнадежно отстал и был окружен русскими со всех сторон.

После Вязьмы Ней шел в арьергарде «Великой армии». В Смоленск он пришел последним и надолго задержался там, чтобы «запасти хлеб для своих солдат» (19. С. 247), ибо Наполеон, занятый обеспечением гвардии, не позаботился об его корпусе. Только в ночь на 17 ноября Ней выступил из Смоленска. Его корпус имел, по французским данным, 6 тыс. бойцов пехоты и 6 орудий, а из кавалерии — только взвод охраны (19. С. 253; 35. Т. 3. С. 107)⁴. Он попытался было пробиться к Красному, но не смог. Русское кольцо вокруг него сжималось. Милорадович прислал к нему парламентаря с предложением сдаться. Ней задержал присланного, чтобы тот не рассказал о бедственном положении корпуса. Тогда от Милорадовича прибыл второй парламентар — «потребовать своего предшественника и сделать маршалу то же предложение» (35. Т. 3. С. 110). Ней задержал и второго парламентаря. Утром 18-го он повернул на север и, отбиваясь от русских, которые атаквали его и с тыла, и с флангов, устремился на прорыв к переправе через Днепр у м. Сырокоренье. Ценой невероятных усилий и тяжелейших потерь Ней сумел вырваться из русского кольца, перешел в ночь с 18 на 19 ноября Днепр по тонкому льду у Сырокоренья и привел к Наполеону в Оршу 800—900 человек — все, что осталось от его корпуса (3. Т. 3. С. 142; 32. Т. 7. С. 705)⁵.

Наполеон считал гибель своего «храбрейшего из храбрых» «почти неизбежной» (19. С. 249). «Я отдал бы 300 миллионов золота, которые хранятся у меня в погребах Тюильри, чтобы спасти его», — говорил он А. Коленкуру (Там же). Когда же Ней предстал перед ним живой и невредимый, император, обнимая маршала, признался ему: «Я больше не рассчитывал на вас» (35. Т. 3. С. 110).

За три дня боев под Красным, с 16 по 18 ноября, французы потеряли, по данным штаба Кутузова, 19,5 тыс. человек

пленными, 209 орудий и 6 знамен (20. Ч. 2. С. 318). Д.П. Бутурлин без ссылки на источник называл такие цифры: 10 тыс. убитых и 26 тыс. пленных (6. Ч. 2. С. 124). М.И. Богданович — тоже 26 тыс. пленных, но 6 тыс. убитых (3. Т. 3. С. 143). В советской историографии Н.Ф. Гарнич оперировал цифрами Бутурлина⁶, а Л.Г. Бескровный и П.А. Жилин заимствовали подсчет убитых французов у Богдановича; число же пленных Л.Г. Бескровный указал «по Кутузову» (2. С. 548), а П.А. Жилин — «по Бутурлину» (16. С. 312). Больше всего потерь у французов насчитал в 1995 г. А.М. Рязанов: 10 тыс. убитыми и ранеными и 30 тыс. пленными⁷.

Русские потери под Красным, как говорят данные Военно-ученого архива, составляли всего 2 тыс. убитыми и ранеными (20. Ч. 2. С. 308).

Значение и даже масштабы боев под Красным оцениваются с 1812 г. и поныне различно. Дворянские историки Д.П. Бутурлин и А.И. Михайловский-Данилевский в трудах, написанных «по высочайшему повелению», ряд советских (Н.Ф. Гарнич, П.А. Жилин, И.И. Ростунов) и постсоветских (А.М. Рязанов, А.В. Шишов, Ю.Н. Гуляев, В.Т. Соглаев) представляют эти бои как генеральное сражение, блистательно выигранное русскими (8. Ч. 2. С. 124; 12. С. 342–343; 24. Т. 4. С. 217)⁸.

«Трехдневное сражение под Красным, — читаем, например, у генерала П.А. Жилина, — закончилось крупнейшим поражением армии Наполеона... В этом сражении Наполеон сам руководил войсками...» (16. С. 312, 313). Такой вывод основывается на письме М.И. Кутузова жене от 19 ноября 1812 г.: «Вот еще победа!.. Бонапарте был сам, и кончилось, что разбит неприятель в пух» (20. Ч. 2. С. 330). Однако при этом не анализируются должным образом ход и результаты боев 16–18 ноября и полностью игнорируются критичес-

кие суждения о действиях Кутузова под Красным не только авторитетных историков от М.И. Богдановича и Ж. Шамбре до Е.В. Тарле и Д. Чандлера, но и прямых участников событий как с французской, так и с русской стороны.

Разумеется, отзыв Ф.-П. Сегюра о Кутузове («Этот старец выполнил лишь наполовину и плохо то, что так мудро задумал»: 44. Т. 2. С. 223) и аналогичные суждения А. Коленкура и Наполеона (19. С. 256—257) сами по себе мало что значат. Но вот один из героев Красного, Н.Н. Раевский, которого Кутузов назвал первым в списке генералов, представленных к награде за отличие в боях 16—18 ноября, критически отнесся к тому, что фельдмаршал «представил (Царю. — *Н.Т.*) дела под Красным как генеральное сражение»⁹. Упрекал за это Кутузова и А.П. Ермолов, утверждавший, что под Красным «сражения корпусов были отдельные, не всеми их силами в совокупности, не в одно время, не по общему соображению» (15. С. 243). Еще строже высказался Денис Давыдов: «Сражение под Красным, носящее у некоторых военных писателей пышное наименование трехдневного боя, может быть по всей справедливости названо лишь трехдневным поиском на голодных, полунагих французов; подобными трофеями могли гордиться ничтожные отряды, вроде моего, но не главная армия» (13. С. 541—542).

Точки зрения Дениса Давыдова и Павла Жилина на бои под Красным — две крайности. Генерального сражения под Красным, конечно же, не было, поскольку главные силы и Наполеона, и Кутузова там не сражались. Сам Наполеон участвовал только в событиях первых двух дней, переправляя свои корпуса из Красного к Лядам (об участии Кутузова речь пойдет особо). Если не считать атаки Ф. Роге, все бои под Красным шли как бы по одному сценарию: русские регулярные войска М.А. Милорадовича, А.П. Тормасова,

Д.В. Голицына, казаки М.И. Платова, партизаны Д.В. Давыдова и А.Н. Сеславина атаковали на марше порознь три корпуса «Великой армии» (Богарне, Даву и Нея), по мере того как они проходили от Смоленска на Красный. Каждый из трех корпусов был на какое-то время отрезан, а корпус Нея даже совершенно окружен, но принудить к сдаче хотя бы один из них не удалось. Однако теряли французы в этих боях не только «голодных, полунагих», хотя таковые, естественно, гибли и попадали в плен в первую очередь. Потери несли и самые боеспособные части французов, вплоть до гвардии, а от 3-го корпуса маршала Нея вообще осталась лишь малая часть.

Мог ли Кутузов под Красным добиться большего? Ближайшие соратники фельдмаршала считали, что мог. Его начальник штаба А.П. Ермолов перед началом боев, 15 ноября, предлагал ему: «Ваша светлость довершите поражение армии (Наполеона. — *Н.Т.*), если завтра прибудет армия наша к Красному... Не откажите, ваша светлость, сего на Красное движения. Завтра успех будет совершенный» (26. Т. 20. С. 30). Кутузов, однако, лишь передвинул свои главные силы из Юрова в Шилово и там остановился. 17 ноября дежурный генерал П.П. Коновницын и генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь, по свидетельству очевидца, «советовали атаковать приближавшегося к Красному неприятеля. Кутузов соглашался на это, если только уверить-ся можно в том, что не сам Наполеон тут командует», и в результате не стал атаковать (37. Вып 1. С. 48). О том, что Кутузов в те дни был озабочен местонахождением Наполеона и его гвардии, говорят собственные документы фельдмаршала. 16 ноября он просил гр. А.П. Ожаровского «употребить все меры... для узнания, где именно находится теперь французская гвардия» (20. Ч. 2. С. 299). В тот же день при-

казано было А.Н. Сеслаину «узнать, что в Красном находится и когда что выступило, ибо без сего фельдмаршал не предполагает неприятеля атаковать» (Там же). Отсюда М.И. Богданович, а затем и М.Н. Покровский заключали, что Кутузов под Красным «действовал нерешительно» главным образом «из опасения встретиться лицом к лицу с гениальным противником» (З. Т. З. С. 144)¹⁰.

Факты и разъяснения самого Кутузова доказывают, что все было не так просто. Кутузов не побоялся встретиться лицом к лицу с Наполеоном при Бородине и Малоярославце. Тем меньше мог он опасаться этого под Красным. Но, убеждаясь с каждым днем после Малоярославца в том, что победа над Наполеоном обеспечена и близка, фельдмаршал стремился победить с наименьшими жертвами. Возможно, к такому способу действий толкало его сознание своей вины за гибель раненых русских воинов, десятками тысяч брошенных в огне Можайска и Москвы. Как бы то ни было, по словам пленного наполеоновского генерала М.-Л. Пюибюска, Кутузов заявил ему перед Березиной: «Я, уверенный в вашей гибели, не хотел жертвовать для сего ни одним из своих солдат... Вот как мы, северные варвары, сохраняем людей!»¹¹. При этом от самого Малоярославца Кутузов видел и, конечно, учитывал разрушительное воздействие на французскую армию таких факторов, как ее моральное разложение, враждебная среда, холод и голод, не говоря уже об ударах партизан, казаков, авангардов русской армии. «Наши молодые и горячие головы, — говорил он под Красным принцу Е. Вюртембергскому, — сердятся на старика за то, что он сдерживает их пыл, а не подумают, что самые обстоятельства делают больше, нежели сколько сделало бы наше оружие. Нельзя же нам прийти на границу с пустыми руками»¹².

Наконец еще один мотив осторожности Кутузова был подмечен А.П. Ермоловым: «Кутузов полагал, что французские войска, в случае совершенного отрезания им пути отступления, возбуждаемые отчаянием, могли дорого продать успех, который, по мнению старого фельдмаршала, и без всяких усилий с нашей стороны не подлежит сомнению»¹³. Эту мысль Ермолова художественно отразил Вальтер Скотт: «Поведение Кутузова по отношению к Наполеону и его армии можно сравнить с действиями гренландских китобоев, которые, вонзив в кита гарпун и видя, что рана смертельна, стараются не приближаться к гигантскому животному, пока оно борется со смертью, так как в этот момент оно чрезвычайно опасно»¹⁴.

С Ермоловым здесь можно было бы согласиться, если бы он вместо «без всяких» сказал «без лишних усилий». Но Ермолов отчасти тоже разделял чрезвычайно распространенную сначала в окружении самого Кутузова, а потом и в литературе, вплоть до советской, версию о том, что фельдмаршал строил «золотой мост» Наполеону для отступления, т. е. будто бы он намеренно не мешал врагу уйти из России. Так полагали, например, Н.Н. Раевский и К.В. Нессельроде, А.А. Щербинин и В.И. Левенштерн (26. Т. 21. С. 228)¹⁵, не считая тех (вроде Л.Л. Беннигсена и Р. Вильсона)¹⁶, кто вообще был настроен против стратегии и самой личности Кутузова.

Концепцию «золотого моста» поддерживал даже Е.В. Тарле (32. Т. 7. С. 676), но затем советские историки надолго от нее отказались. Лишь в последнее время А.М. Рязанов и особенно С.В. Шведов вновь подхватили эту концепцию, причем в одобрительном для Кутузова смысле: «Кутузов оказался прав в том, что «синица в руках лучше, чем журавль в небе». Стратегия «золотого моста» в конечном счете

себя оправдала»¹⁷. Аргументы Шведова, на первый взгляд, убедительны, но кричаще противоречат заявлениям, которые Кутузов настойчиво повторял и в рапортах Царю, и в приказах своим генералам: «Одна и главнейшая цель всех наших действий есть истребление врага до последней черты возможности» (20. Ч. 2. С. 392, а также 306, 385, 429, 555). Конечно, Михаил Илларионович никогда не был образцом искренности, но выставлять его таким воинствующим лицемером, который постоянно декларировал одно, а делал всякий раз другое (даже во вред собственной репутации), все же нет оснований. Собственно, ведь авангарды русской армии, казаки, партизаны *по указанию Кутузова* истребляли врага весьма успешно.

Правда, сам Кутузов после Малоярославца в решающие моменты (под Вязьмой, у Красного, на Березине) оказывался не у дел с главными силами армии¹⁸. Тем самым он давал много поводов для обвинений его в нерешительности, вялости, медлительности. Французский историк (и участник похода в Россию 1812 г.) Жорж Шамбре прямо заявил, что под Красным французы спаслись благодаря именно медлительности Кутузова (39. Т. 2. С. 433, 438).

Русский фельдмаршал действительно медлил, но скорее от избытка осмотрительности, чем от недостатка решимости, — «шел прямо к цели по-своему, не торопясь достигнуть ее, но и не теряя ее из виду» (3. Т. 3. С. 83). И под Вязьмой, и у Красного он, хотя и оставался в стороне от эпицентра боев, контролировал общую ситуацию и был готов ввести в дело главные силы, если бы Наполеон сделал то же самое. Кутузов потому и справлялся о местонахождении Наполеона, что хотел узнать и по возможности обезвредить его маневры, а вовсе не из страха перед своим «гениальным противником». Конечно, он понимал, что

мог добиться большего и под Вязьмой, и под Красным, но, видимо, понимал и другое: нельзя в борьбе с таким противником, как Наполеон, каждый раз выигрывать максимум возможного.

От самого Тарутина и до Немана Кутузов, по существу, варьировал одну и ту же тактику «*мудрого деятельного бездействия*», которая так удалась ему в Тарутинском лагере. Он исключал любой риск, не форсировал боевых действий, но, полагаю, и не строил Наполеону «золотых мостов», а преследовал его с надеждой «*истребить врага*» посредством неустанных ударов по его «хвосту» и при случае окружения отдельных частей, если не всей неприятельской армии (разумеется, учитывалось здесь и воздействие на врага стихийных факторов — пространств, бездорожья, голода, холода). Под Вязьмой и Красным Кутузов не сумел это сделать. Но впереди была еще Березина.

Общим же ходом дел фельдмаршал после Малоярославца мог быть доволен: лучшая армия мира поспешно отступала перед ним, а начиная от Смоленска фактически бежала вон из России; победоносный конец войны с каждым днем приближался, и ему, в глазах его недоброжелателей — дряхлому и ленивому, было, как он признавался в письме к жене от 26 ноября, «сладко гнать пред собою первого в мире полководца» (20. Ч. 2. С. 385)¹⁹.

Из Смоленска Наполеон увел около 50 тыс. бойцов (39. Т. 2. С. 435) и почти столько же «безоружных, слабосильных, негодных к бою людей, только затруднявших движения Наполеона» (32. Т. 7. С. 706). После Красного у него осталось едва ли больше 35 тыс. боеспособных солдат, за которыми тащились оставшиеся неподсчитанными десятки тысяч безоружных и больных (Там же.). Вся эта масса людей растянулась на полтора суточных перехода по Смолен-

ской дороге. После Смоленска дорога представляла собой, как и прежде, разоренную, выжженную дотла, а теперь и промерзшую, занесенную снегом пустыню. Свернуть с нее французам было некуда — всюду их ждала смерть от казаков, партизан, крестьян. С каждым переходом росли потери и лишения французов, таяла и разлагалась вся их армия. Вице-король Италии Е. Богарне писал начальнику Главного штаба маршалу Л.-А. Бертье о войсках своего корпуса: «Дух в солдатах от сильного изнеможения так упал, что я считаю их теперь весьма малоспособными к понесению каких-либо трудов»²⁰.

Собственно, боевой дух и способность «к понесению каких-либо трудов», даже обычную выправку сохраняла только гвардия, которую Наполеон и в самое трудное время отступления из России обеспечивал, за счет других войск, всем необходимым. Вот зарисовка с натуры из воспоминаний Дениса Давыдова о ноябрьских боях под Красным: «Наконец подошла Старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон... Неприятель, увидя шумные толпы наши (партизан и казаков. — *Н.Т.*), взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля... Гвардия с Наполеоном прошла посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками» (13. С. 370—371)²¹.

Все остальные войска «Великой армии», включая даже бывший когда-то образцовым 1-й корпус Даву, после Смоленска и Красного настолько поредели, а частью и разложились, что само название «Великая армия» звучало уже

насмешливо. По выражению А.З. Манфреда, «Великая армия» «перестала быть не только «великой», она переставала быть армией» (22. С. 691). Последние 27 дней войны, от Смоленска до Немана, Е.В. Тарле определил как «агонию наполеоновской армии» (32. Т. 7. С. 695). Ее боевые колонны превращались в голодные и обмерзшие толпы. От голода французы еще до Смоленска начали, как мы уже знаем, есть друг друга. От холода они сжигали себя. По воспоминаниям русского очевидца, они «десятками залезали в самую середину костров и, обгоревшие, оставались в таком положении. Другие, не испустившие еще последнего дыхания, тлели буквально на углях, не выказывая ни малейшего страдания в потухающих глазах»²². «Это заставляет содрогаться человеческую природу», — написал Кутузов 10 ноября дочери о бедствиях врага (20. Ч. 2. С. 243).

Вместе с голодом и холодом и как следствие их косили «Великую армию» болезни, «военный тиф или военная чума»²³. Почти вся армия превратилась в огромную «ходячую инфекцию»²⁴. Все с большим трудом отбивалась она от казаков и партизан. Но самым грозным ее врагом оставались регулярные русские войска. В то время как партизаны и казаки, голод и холод гнали французов по Смоленской дороге, Кутузов с главными силами преследовал их параллельным маршем, а его авангарды почти ежедневно настигали и атаковали отставшие части противника, уничтожали или брали их в плен.

Такое преследование стоило русской армии огромных усилий и потерь не столько в боях, сколько от болезней, холода и материальной нужды. Кутузов и его штаб делали практически все возможное для того, чтобы их солдаты шли в поход здоровыми, сытыми и одетыми, но не все зависело от главнокомандующего при всей чрезвычайности

его полномочий. Местные власти срывали или задерживали выполнение обязательств по военным поставкам. Полушубки, например, в которых армия нуждалась с Вязьмы, были получены большей частью только в Смоленске, Копыси и даже в Вильно²⁵. Ряд частей, включая лейб-гвардии Семеновский полк, вынуждены были обходиться без полушубков и валенок²⁶. По вине армейских провиантмейстеров солдатам приходилось и голодать. «Гвардия уже 12 дней, вся армия целый месяц не получает хлеба», — записывал в дневнике 28 ноября А.В. Чичерин²⁷. Даже Е.Ф. Канкрин в официальном отчете признавал, что хлеба для армии в зимние месяцы 1812 г. «получалось крайне мало» (20. Ч. 2. С. 703). Воровство и разгильдяйство военных и штатских чиновников опустошали армейскую казну. Показателен такой факт: провиантский комиссионер Давыдов потерял (если не украл) в Вильно 370 800 руб. фуражных денег, которые он должен был доставить в армию из Петербурга²⁸.

Сохранилось много свидетельств о том, как бедствовали русские солдаты в конце войны. «Наши так же были почернелы и укутаны в тряпки... Почти у каждого что-нибудь было тронут морозом», — вспоминал И.Т. Радожицкий (29. С. 282—283). Случалось, и замерзали русские воины, даже из числа «гвардейских молодцов»²⁹, а больным и отставшим не было числа. Правда, в отличие от французов, они, как правило, возвращались в строй: 7 декабря Кутузов сообщал Царю, что «догоняют армию... до 16 тыс. выздоровевших», а 19-го — что «таковых прибудет в скорости не менее 20 тыс.» (20. Ч. 2. С. 455, 551).

Разумеется, все эти бедствия не шли ни в какое сравнение с тем, что приходилось тогда терпеть французам. Русские солдаты были все-таки неизмеримо лучше обеспечены по всем материальным статьям, более привычны к русско-

му климату, а главное, воодушевлены готовностью защитить *родную* землю и близостью победы над непобедимым дотоле врагом. Кутузов не смог в должной мере обеспечить своих солдат материально, но их высокий моральный дух он поддерживал по-суворовски. «Настанет зима, вьюга и морозы, — обращался он к ним в приказе от 10 ноября. — Вам ли бояться их, дети Севера?.. Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа» (Там же. С. 239).

Умел Кутузов настроить и голодных, недовольных солдат на самоотверженное довершение победы. Вот рассказ очевидца об одной из встреч Кутузова с войсками: «Подъехав к Измайловскому полку, он спросил: «Есть ли хлеб?» — «Нет, ваша светлость». — «А вино?» — «Нет, ваша светлость». — «А говядина?» — «Тоже нет». Приняв грозный вид, кн. Кутузов сказал: «Я велю повесить провиантских чиновников. Завтра навезут вам хлеба, вина, мяса, и вы будете отдыхать». — «Покорнейше благодарим!» — «Да, вот что, братцы: пока вы станете отдыхать, злодей-то, не дожидаясь вас, уйдет!» В один голос возопили гвардейцы: «Нам ничего не надобно! Без сухарей и вина пойдем его догонять!»» (24. Т. 4. С. 281—282).

Тем временем «злодей» подходил к рубежу, где было уготовано «конечное ему истребление». То была Березина.

БЕРЕЗИНА

Итак, Наполеон подходил к Березине. Именно здесь еще по тому плану, который был прислан от Александра I к М.И. Кутузову в Красную Пахру 20 сентября, предполагалось «совершенное истребление» наполеоновской армии (20. Ч. 1. С. 194, 465). После того как расчеты Кутузова окружить и уничтожить противника перед Смоленском и за

ним не оправдались, фельдмаршал надеялся осуществить это на Березине. 25–26 ноября он с удовлетворением известил П.В. Чичагова, П.Х. Витгенштейна и самого Царя, что Наполеон отступает к Борисову, где заранее, еще в середине ноября, было назначено «общее соединение» всех русских армий (20. Ч. 2. С. 292, 380–381, 384). В рапортах Царю и в предписаниях Чичагову и Витгенштейну Кутузов предрекал «еще до переправы через Березину или, по крайней мере, при переправе» «неминуемое истребление всей французской армии» (Там же. С. 306, 385, 392, 429, 555).

Действительно, по авторитетному мнению К. Клаузевица, «никогда не встречалось столь благоприятного случая, как этот, чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле» (18. С. 127). Во-первых, русских войск на Березине было вдвое больше, чем у Наполеона. Кутузов имел от 45 тыс. (6. Ч. 2. С. 292) до 50 тыс. человек (2. С. 562), Чичагов — 33 тыс. (3. Т. 3. С. 243, 470–471), Витгенштейн — около 40 тыс. (Там же. С. 297), всего — примерно 120 тыс. бойцов. Наполеон, присоединивший к себе корпуса Н.-Ш. Удино³⁰ и К. Виктора, располагал, по данным Ж. Шамбре, 30,7 тыс. (39. Т. 3. С. 52), а по сведениям А. Фэна, 40,7 тыс. боеспособных людей (42. Т. 2. С. 397) и 35–40 тыс. безоружных, отставших и больных (2. С. 568), которые уже давно не помогали армии, а только мешали ей.

Позиционно русские имели перед французами еще большее преимущество, чем даже количественно. Чичагов 21 ноября занял Борисов, выбив из города польскую дивизию Я.Г. Домбровского, и «господствовал совершенно правым берегом реки Березины» (М.И. Кутузов — Александру I 1 декабря 1812 г.: 20. Ч. 2. С. 429). Витгенштейн 25-го прибыл в с. Бараны, не далее одного перехода от Борисова. Таким образом, путь вперед (на запад) Наполеону был от-

резан, а сзади его преследовали авангард русской Главной армии под командованием М.А. Милорадовича и казаки М.И. Платова, за которыми шел и сам Кутузов. Наполеон оказывался в западне.

Соратники Наполеона не видели выхода. «Мы все тут погибнем, — говорил И. Мюрат. — О капитуляции не может быть и речи»³¹. Он предложил Наполеону «спасти себя, пока еще есть время», бежать скрытно с отрядом поляков. Император был разгневан тем, что «посмели думать, будто он покинет свою армию в опасности» (44. Т. 2. С. 314)³². Между тем Чичагов готовился взять Наполеона в плен. Адмирал сообщил даже своим войскам приметы императора, подчеркнув в особенности его «малый рост», а потом распорядился: «Для вящей же надежности ловите и приводите ко мне всех малорослых»³³.

Надо отдать должное Наполеону. Оказавшись впервые за всю свою полководческую карьеру в столь катастрофической ситуации, он сумел извлечь из нее максимум возможного, как шахматный виртуоз в безнадежной, казалось бы, позиции находит единственные ходы к спасению. Он приказал маршалу Виктору сдерживать Витгенштейна, а маршалу Удино — взять Борисов. 23 ноября Удино атаковал перед Борисовом 3-тысячный авангард Чичагова под командованием гр. П.П. Палена и разбил его, ворвался вслед за Паленом в город и чуть не захватил там самого Чичагова. Адмирал спешно увел свои войска на правый берег Березины, оставив в Борисове свой «обед с серебряною посудой, багаж, платье и портфель»³⁴.

Тем временем Наполеон установил, что лучшая переправа через Березину — у с. Ухолоды³⁵, но есть брод и у с. Студенка. Тут же он предпринял искусный маневр. 24-го «300 солдат и несколько сот празднующихся были пос-

ланы к Ухолодам собирать там, как можно с бóльшим шумом, все материалы, необходимые для постройки моста. В той же стороне торжественно продефилировала на виду у неприятеля целая дивизия кирасиров» (44. Т. 2. С. 310). Мало того, Наполеон приказал расспросить местных жителей о глубине реки возле Ухолод и взять с них клятву в молчании — с расчетом на то, что они ее тотчас нарушат и все расскажут русским. Действительно, в ту же ночь трое бежали из Борисова к Чичагову и открыли ему «тайну» Наполеона³⁶. Чичагов, взвесив все увиденное и услышанное, потянулся со своей армией вниз к Ухолодам. У Борисова на всякий случай он оставил лишь 5-тысячный отряд генерал-майора Е.И. Чаплица.

Наполеон между тем начал готовить переправу у Студенки, выше Борисова примерно на 14 км, — там, где в 1709 г., перед Полтавской битвой, прошел навстречу своей гибели Карл XII. Ширина реки достигала здесь 107 м, глубина — 3 м³⁷. Уже было замерзшая, Березина после двухдневной оттепели снова вскрылась, а сильный ледоход мешал строить мосты. Наполеону же надо было спешить — приближался Кутузов, еще ближе был Витгенштейн, да и Чичагов мог вернуться от Ухолод.

С утра 26 ноября главный военный инженер Наполеона генерал Ж.-Б. Эбле (тот самый, который в первый день войны строил мосты через Неман) стал наводить два понтонных моста через Березину. Его 400 понтонеров работали по плечи в воде, среди плавающих льдов. О мужестве этих людей, которые почти все погибли, но свое дело сделали, говорят не только французские, но и русские очевидцы (35. Т. 3. С. 200 — 201)³⁸. К середине дня 26-го был готов первый мост — для пехоты и кавалерии, а к 4 часам пополудни и второй — для обозов и артиллерии (3. Т. 3. С. 265). Пер-

вым Наполеон переправил корпус Удино, который сразу же вступил на правом берегу в бой с подоспевшим отрядом Чаплица. Русский отряд был отброшен от места переправы, и остаток дня 26 ноября, а затем весь день 27-го французы переходили Березину беспрепятственно. Сам Наполеон во главе Старой гвардии переправился в середине дня 27-го (35. Т. 3. С. 201).

Тем временем Витгенштейн с севера, из Баран, и Чичагов, уже разобравшийся в обстановке, с юга, от Ухолод, спешили к Студенке. С востока к Борисову вышли передовые отряды Главной армии русских под начальством М.И. Платова и А.П. Ермолова. Вечером 27-го авангард Витгенштейна, с одной стороны, и корпус Платова — с другой, буквально столкнулись у м. Веселово с целой дивизией из корпуса Виктора, которая перепутала дороги и вместо Студенки пошла к Веселову, «прямо в объятия русских» (19. С. 264). Оказавшись между двух огней, дивизионный генерал А. Партуно и 7 тыс. его бойцов сложили оружие³⁹. Виктор же с другой дивизией пришел в Студенку и медлил там в ожидании Партуно. Витгенштейн решил наутро 28 ноября атаковать Виктора (2. С. 574).

В ночь с 27-го на 28-е к мостам у Студенки собрались десятки тысяч «некомбаттантов» (от французского *combatant* — воин) — безоружных, больных, почти одичавших от лишений людей (19. С. 266)⁴⁰. Весь этот людской муравейник выждал, когда рассветет, а затем ринулся к мостам через Березину. Произошла невероятная сумятица, в которой люди и лошади, равно обезумевшие, давили друг друга. Все смешалось: «вопли бегущих, стоны раненых, задавленных и умирающих, голоса солдат, крики потерявших свои отряды, куча всякой одежды, всякого оружия, повсюду валяющиеся мертвые, гул толпы, грохот возов и всеобщее исступление»⁴¹.

Наполеон пытался навести порядок на переправе, но в этот момент войска Витгенштейна вышли к Студенке и атаковали еще охранявшую левый берег дивизию Виктора, а на правом берегу перешел в наступление Чичагов. Если Виктор сдерживал атаки русских своими силами, то на помощь Удино, который уступал бурному натиску Чичагова, Наполеон вынужден был двинуть корпус Нея и даже гвардию. Жесточайший бой на обоих берегах реки продолжался с утра до поздней ночи (2. С. 575).

Утром 29 ноября наступила развязка. Атакуемый Витгенштейном и Чичаговым и не исключавший скорого появления Кутузова, Наполеон понял, что всю артиллерию и обозы ему не спасти. Он приказал Виктору переходить на правый берег. Солдаты Виктора расчищали себе путь к мостам сквозь толпы нестроевых, пуская в ход оружие против своих же товарищей. В 8 часов 30 минут утра, когда на левом берегу еще оставалась масса «некомбаттантов» больше чем 10 тыс. человек, генерал Эбле по приказу Наполеона и под вопли оставшихся поджег оба моста⁴². Еще через полчаса на всю эту массу беспорядочно толпившихся в пароксизме отчаяния людей налетели казаки и частично изрубили, а большей частью взяли их в плен. Тем временем Наполеон, отбиваясь от Чичагова, уходил с гвардией, остатками кавалерии Мюрата, корпусов Даву, Нея, Богарне, Удино, Виктора, Жюно, Понятовского через Зембин на запад.

Потери французов на Березине были громадными⁴³, едва ли меньшими, чем под Бородином. М.И. Богданович подсчитал, что погибли в бою, утонули и сдались в плен 20–25 тыс. строевых и примерно столько же прочих (3. Т. 3. С. 285). Другие источники называют цифры, близкие к подсчетам Богдановича. Во всяком случае через три дня после Березины Наполеон, по данным Ж. Шамбре, имел

лишь 8800 combattants: гвардия насчитывала 4 тыс. человек, корпус Виктора — 2 тыс., а прочие корпуса — по несколько сот человек. Вся кавалерия состояла из 1800 всадников, в том числе 1200 гвардейских (39. Т. 3. С. 98). Русские, по официальным данным, потеряли на Березине убитыми и ранеными 4 тыс. «нижних чинов» (20. Ч. 2. С. 421). Французы исчисляют потери русских в 14 тыс. человек⁴⁴.

Каковы же итоги Березинской операции? Подобно другим капитальным вопросам истории 1812 г., они вызывают споры. Две крайние точки зрения высказали Жозеф де Местр (всего лишь «несколько громких ударов по хвосту тигра»⁴⁵) и Л.Г. Бескровный (небывалый в истории нового времени пример «окружения и уничтожения армии противника»: 2. С. 579). Думается, истину здесь, как обычно бывает в спорных вопросах, надо искать между двумя крайностями.

В самом деле, Наполеон потерял на Березине столько людей (и, кстати, 22 орудия, 4 знамени: 20. Ч. 2. С. 421), что говорить только об «ударах по хвосту тигра» не приходится. Как никогда за все время войны, потрепан был и сам «тигр». Русские войска добились на Березине выдающегося успеха.

Однако цель Березинской операции не была достигнута. Вспомним, что Александр I и Кутузов планировали истребить на Березине «всю французскую армию» «до последнего» ее солдата, включая Наполеона, разумеется. Между тем сам Наполеон, все 10 его маршалов⁴⁶, все корпусные и даже дивизионные, кроме Партуно, генералы, вся гвардия, больше 2 тыс. офицеров (2. С. 575) и почти 7 тыс. самых боеспособных солдат вырвались из окружения и ушли. «Тигр» был тяжело ранен, но не убит и не пойман, а спасся. Этот факт огорченно признавал сам Кутузов. «Не могу сказать,

чтобы я был весел... — читаем в его письме к жене от 1 декабря. — Грустил, что не взята вся армия неприятельская в полон...» (20. Ч. 2. С. 416—417). В тот же день фельдмаршал рапортовал Царю: «К общему сожалению, сего 15-го числа (27-го по н. ст. — *Н.Т.*) Наполеон... переправился при деревне Студенице» (Там же. С. 430).

Сравнив итоги Березинской операции с тем, каково было положение Наполеона в ее начале, можно понять, почему не только сами французы (А. Коленкур, А. Фэн, А. Жомини), но и ряд авторитетов европейской, русской дореволюционной и советской историографии (К. Клаузевиц, Ф. Меринг, Г. Хатчинсон, Д. Чандлер, М.И. Богданович, Е.В. Тарле) пришли к выводу, что «как военный случай березинская переправа представляет собой замечательное наполеоновское достижение», ибо «честь свою Наполеон здесь спас в полной мере и даже приобрел новую славу» (3. Т. 3. С. 289; см. также: 18. С. 128; 32. Т. 7. С. 284, 707)⁴⁷. Оригинально выразился писатель-юморист Аркадий Аверченко: Наполеон на Березине, «потерпел победу»⁴⁸.

Фактически все историки считают, что россияне на Березине могли бы добиться большего, если бы хоть один из командующих армиями (все трое — тем более) действовал искуснее и решительнее. Сам Кутузов в рапортах Царю всю вину за то, что не удалось истребить армию Наполеона, возлагал на Чичагова, который, мол, совершил «пустой марш» к Ухолодам и «не удержал ретираду неприятеля» (20. Ч. 2. С. 422, 555—556). Жена Кутузова Екатерина Ильинична, статс-дама царского двора, говорила: «Витгенштейн спас Петербург, мой муж — Россию, а Чичагов — Наполеона». Эти ее слова циркулировали даже в Англии, их знал Д. Байрон⁴⁹. Современники большей частью сразу возненавидели Чичагова. «Нельзя изобразить общего на него

негодования, — вспоминал Ф. Ф. Вигель, — все состояния подозревали его в измене»⁵⁰. В.А. Жуковский «выкинул» (по собственному его выражению) весь текст о Чичагове из своего «Певца во стане русских воинов»⁵¹. Г.Р. Державин высмеял «земноводного генерала» в эпиграмме⁵², а И.А. Крылов — в басне «Щука и кот». Уничтожающий взгляд на Чичагова как «ангела-хранителя Наполеона» (по язвительному речению гр. А.Ф. Ланжерона)⁵³ восприняли и позднейшие русские историки, вплоть до современных (2. С. 577—578; 12. С. 346—347; 16. С. 321)⁵⁴.

Между тем еще некоторые участники событий (А.П. Ермолов, В.И. Левенштерн, Д.В. Давыдов), не оправдывая Чичагова полностью, резонно указывали на то, что из трех командующих русскими армиями именно он больше всех мешал французам переправиться через Березину и причинил им наибольший урон. Ермолов прямо доложил Кутузову сразу по окончании Березинской операции: «За исключением положивших оружие⁵⁵ вся потеря неприятеля принадлежит более действию войск адмирала Чичагова» (13. С. 387)⁵⁶. Этот факт признавали и французы⁵⁷. Сам Чичагов негодовал: «Ни Витгенштейн, ни Кутузов не являлись. Они оставляли меня одного с ничтожными силами против Наполеона...»⁵⁸.

Почему же тогда Чичагов стал в России козлом отпущения за русские промахи на Березине для всех, начиная от историков и кончая баснописцами? Этот вопрос отчасти разъяснили еще в XIX в. М.И. Богданович и В.И. Харкевич. Чичагов был выбран в жертву потому, что жертва требовалась, а выбирать для нее, кроме Чичагова, было некого. Витгенштейн импонировал всей России лаврами побед, одержанных до Березины, как «спаситель Петрополя» и «второй Суворов», да и на Березине взял в плен (пусть бла-

годаря чистой случайности) целую дивизию. Кутузов же вообще стоял тогда слишком высоко в глазах России, чтобы кто-то мог упрекнуть его в чем бы то ни было (З. Т. З. С. 289)⁵⁹.

К этому можно добавить еще одну причину, на которую указывали такие разные люди, как Денис Давыдов и Жозеф де Местр, причем де Местр полагал даже (неосновательно), что «здесь и лежит разгадка всего», — а именно личную неприязнь Кутузова к Чичагову. По свидетельству Давыдова, Кутузов «ненавидел [Чичагова] за то, что адмирал обнаружил злоупотребления князя во время его командования Молдавской армией» (13. С. 384), а по мнению де Местра, «Кутузов ненавидел адмирала и как соперника, могущего отнять у него часть славы, и как моряка, сведущего в сухопутной войне. Посему он ничего не упустил, дабы помешать ему и погубить» (23. С. 243). Возможно, в какой-то мере это сказалось на промедлении Кутузова в Березинской операции (не забудем: Кутузов донес Царю, что упустил Наполеона Чичагов), но учтем и другое: ведь фельдмаршал не спешил помочь на Березине и Витгенштейну.

Собственно, Витгенштейна наши историки давно уже не щадят, хотя по традиции продолжают возлагать главную долю вины за относительную неудачу Березинской операции на Чичагова, а Витгенштейну отводят роль второго по значимости виновника. Что же касается Кутузова, то его действия на Березине почти единодушно рассматриваются доселе как безупречные, в полном согласии с А.И. Михайловским-Данилевским, труд которого был издан «по высочайшему повелению» еще в 1839 г.⁶⁰. Между тем начиная с М.И. Богдановича очень многие исследователи — и зарубежные (Ж. Шамбре, К. Клаузевиц, Д. Чандлер), и русские дореволюционные (А.К. Байов, Г.А. Леер, В.И. Харкевич), и

советские (М.Н. Покровский, Е.В. Тарле, А.Н. Кочетков) — научно подтвердили тот засвидетельствованный очевидцами (А.П. Ермоловым, Д.В. Давыдовым, В.С. Норовым и др.) факт, что все события на Березине 26—29 ноября 1812 г. прошли «совершенно без участия Кутузова» (13. С. 382; 15. С. 260, 267—268; 32. Т. 7. С. 714)⁶¹.

Вот что говорят документы. Когда Наполеон начал переправу через Березину (26 ноября), Кутузов с главными силами вторые сутки отдыхал в г. Копысь (20. Ч. 2. С. 379, 385)⁶², почти за 120 км от противника, и плохо ориентировался в обстановке. 29 ноября, получив в местечке Сомры известие о переправе Наполеона, фельдмаршал очень удивился. «Сему я почти верить не могу», — написал он Чичагову (Там же. С. 405). В тот же день, когда Наполеон уже заканчивал переправу, Кутузов все еще из Сомр, «оставаясь до сих пор в неизвестности», приказывал М.А. Милорадовичу «объяснить, остается ли какой неприятель по сию сторону реки Березины» (Там же. С. 406). Наконец, 30 ноября (Наполеон в тот день уходил от Березины на запад, преследуемый Чичаговым) Кутузов уведомлял Чичагова из д. Михневичи за 12—13 км от Березины: «Неизвестность моя все продолжается, переправился ли неприятель на правый берег Березы <...> Доколе не узнаю совершенно о марше неприятеля, не могу я переправиться через Березу, дабы не оставить графа Витгенштейна одного противу всех сил неприятельских» (Там же. С. 411). Между тем Витгенштейн 30 ноября был уже на правом берегу Березины. Кутузов же с Главной армией перешел через Березину у м. Жуковец только 1 декабря — двумя сутками позже Наполеона и на 53 км южнее места его переправы (Там же. С. 428).

Естественно, что Кутузов, пребывая все дни, пока решалась судьба операции, «в неизвестности» о положении дел,

не мог должным образом координировать маневры фланговых армий, а его собственная армия, за исключением передовых отрядов Платова и Ермолова, вообще не участвовала в операции. Это — факт, оспорить который невозможно. Поэтому курьезно надуманным выглядит сделанный уже в наши дни вывод о том, что «анализ действий Кутузова (на Березине. — *Н.Т.*) показывает несостоятельной точку зрения на него как нерешительного или пассивного полководца» (12. С. 347).

Чего не хватало Кутузову в Березинской операции, так это именно активности и решительности. Но почему? Современники (исключая тех, кто, подобно Р. Вильсону, считал, что Кутузов строит «золотой мост» Наполеону) недоумевали. «Никто не может дать себе отчета, почему мы не опередили Наполеона у Березины или не появились там одновременно с французской армией», — записывал в дневнике капитан П.С. Пущин⁶³. «Если бы Наполеон командовал русскими, — ехидничал по этому поводу Ж. де Местр, — то уж, конечно, взял бы в плен самого себя» (23. С. 241).

Историки объясняли «невероятное воздержание» (*l'abstention incrojable*)⁶⁴ Кутузова на Березине по-разному. Тезис о том, что масон Кутузов выручил масона Наполеона, поставив «на его пути через Березину» третьего масона — Чичагова, который «обязан был щадить своего брата» Наполеона и намеренно упустил его⁶⁵, — этот тезис до смешного легковесен. Гораздо серьезнее объяснения В.И. Харкевича, Е.В. Тарле, С.В. Шведова: Кутузов-де «вовсе не хотел и не считал возможным взять в плен Наполеона» (Шведов уточняет: не верил в возможность «переиграть его в военном искусстве» (32. Т. 7. С. 712)⁶⁶, потому и медлил, намеренно и целенаправленно. Доказать теперь, что было у Кутузова

на уме, чего он хотел или не хотел и во что верил или не верил, едва ли возможно. Но, учитывая его рапорты Царю, предписания генералам, письма к жене с предвкушением успеха Березинской операции и сожалением по поводу ее итогов и допуская в этих письмах, рапортах, предписаниях фельдмаршала хоть какую-то долю искренности, надо признать, что он *хотел и верил, но не смог* добиться желаемого: максимум осторожности Кутузов не сумел подкрепить хотя бы минимумом риска и совершенно необходимой для столь важной операции активностью.

Поскольку Кутузов догнать Наполеона у Березины не смог, к «общему соединению» всех русских армий, им же запланированному у Борисова, опоздал, а Витгенштейн и Чичагов тоже действовали на Березине не лучшим образом, Наполеону и удалось спасти все то, что русские особенно старались истребить (гвардию, офицерский корпус, генералитет, всех маршалов и себя самого). Вот почему тезис Л.Г. Бескровного, будто «военная история нового времени не знает случая столь энергично и умело проведенного окружения и уничтожения армии противника» (2. С. 579), нельзя принять всерьез, тем более что военная история нового времени знает «случай» под Седаном, где в 1870 г. была окружена и полностью ликвидирована (уничтожена и пленена) прусскими войсками 120-тысячная французская армия во главе с императором Франции.

Ни масштабы, ни значение Березинской операции 1812 г. не нуждаются в преувеличениях. Они и без того велики. Хотя Наполеон действовал на Березине безошибочно, а из трех командующих русскими армиями никто не избежал ошибок, русские войска, включая казаков, партизан, ополченцев, нанесли французам удар губительной силы. Задача полного истребления армии захватчиков на Березине не

была решена, но Березинская операция — при всей слабости руководства ею со стороны Кутузова — существенно приблизила и облегчила решение этой задачи.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Сразу после Березины, уже 1 декабря, Кутузов сообщил Александру I, Чичагову и Витгенштейну свой новый «генеральный план» с целью «истребить остатки бегущего неприятеля». План предусматривал скоординированное наступление всех русских войск по четырем направлениям: Чичагов должен был преследовать самого Наполеона; Витгенштейн — наступать правее Чичагова и «стараться пресечь Макдональду путь к соединению с Наполеоном»; сам Кутузов с Главной армией — следовать левее Чичагова и «воспрепятствовать соединению Шварценберга с Наполеоном»; М.А. Милорадович — идти между Чичаговым и Кутузовым в готовности «содействовать по обстоятельствам» тому или другому. Кроме того, М.И. Платов с казаками получил задание «стараться, выиграв марш над неприятелем... атаковать его в голове и во фланге колонн» (20. Ч. 2. С. 427—430).

Тем временем неприятель бежал к Вильно. Большая часть его «некомбаттантов», так затруднявших своей хаотичностью движение армии, осталась на Березине. Но и *combattants* таяли с каждым днем, отделяя от себя «новые банды отставших» (19. С. 268). Условия отступления стали еще более губительными для французов. После Березины ударили и уже не прекращались особенно жестокие морозы (кстати, Березина, поглотившая в своих водах десятки тысяч французов, сразу после их переправы замерзла: 25. Т. 4. С. 256).

Россияне усматривали в этом «перст Божий»: «Русский Бог за нас!». По записям очевидцев, 5 декабря в Сморгони было 25° мороза, 7-го в Ошмянах — 27°, 9-го и 10-го в Виль-

но — 27—28° (35. Т. 3. С. 252, 271)⁶⁷. Обессиленные «дети Парижа», пришельцы из дали далее Лазурного берега и солнечного Неаполя гибли от холода и на привалах, и прямо на ходу. «Оставляемый нами бивак походил на поле сражения, — свидетельствовали французы. — Он бывал покрыт трупами так же, как и дороги, по которым мы проходили» (35. Т. 3. С. 245). «Перед Вильно в течение одной ночи замерзла целая бригада неаполитанцев», — вспоминал генерал Д. Хлаповский⁶⁸.

Остановиться, передохнуть, подкрепить силы беглецы не могли. Впереди у них до самого Вильно не было опорных баз. Между тем отовсюду (случалось, даже спереди, в лоб) их атаковали казаки и партизаны, а сзади, следуя «генеральному плану» Кутузова, настигали регулярные полки русской армии. Настигали и уничтожали главным образом «некомбатантов», но били и combattants. 3 декабря у с. Латыголичи Чичагов рассеял арьергард противника, взяв больше 1500 пленных, в числе которых оказался «один генерал, о имени коего, — гласит рапорт Кутузова Царю от 5 декабря, — еще не получил уведомления» (20. Ч. 2. С. 450). 7 декабря под Сморгонью авангард Чичагова захватил еще 3 тыс. пленных и 25 орудий (Там же. С. 490), а с 8 по 13 декабря, по данным штаба Кутузова, русские войска взяли в плен 9730 человек и отбили у противника 168 пушек (Там же. С. 493). «Наполеон, пришедши тигром, бежит зайцем», — писал в те дни Н.М. Карамзин⁶⁹.

Сам Наполеон видел, что кампания безнадежно проиграна, а его «Великая армия» почти уничтожена. Он решил подготовить общественное мнение Франции и Европы к восприятию постигшей его катастрофы. 3 декабря в Молодечно император составил «погребальный», как называли его сами французы⁷⁰, 29-й бюллетень (38. С. 157— 164) — как

бы надгробное слово о «Великой армии». Признав свое поражение, Наполеон объяснил его превратностями русской зимы, а заключил бюллетень фразой, которая шокировала даже его верноподданных: «Здоровье его величества никогда не было лучшим». «Лев получил тяжелые ранения, — читаем у А.З. Манфреда, — но он не мертв, он еще сохранил силы, и он опасен. Берегитесь! В этом был смысл последней фразы 29-го бюллетеня, показавшейся современникам столь мало уместной и странной. То было предостережение» (22. С. 701).

Вечером 5 декабря в м. Сморгонь Наполеон покинул армию. Он торопился в Париж, чтобы опередить толки вокруг 29-го бюллетеня, а главное — собрать новую армию. Для него, по выражению Е.В. Тарле, «русский поход был только проигранной партией. Он был уже поглощен новой, готовившейся партией и обдумывал, как лучше ее выиграть» (32. Т. 7. С. 725). Взяв с собой А. Коленкура, М. Дюрока, Ж. Мутона, А. Фэна, несколько слуг и — только до русской границы — кавалерийский эскорт, Наполеон за 13 дней промчался инкогнито, под именем герцога Виценцкого, через всю Европу, миновал все расставленные для него западни и к полуночи 18 декабря уже был в Париже (19. С. 278—338; 22. С. 701—702).

Впрочем, первая же ночь этого вояжа могла стать для Наполеона роковой. Партизан А.Н. Сеславин, уже прославившийся тем, что он обнаружил марш «Великой армии» из Москвы на Калугу, едва не совершил еще более славный подвиг. Выполняя поручение Кутузова по сбору разведывательной информации⁷¹, он к полуночи 5 декабря, за час до прибытия Наполеона в Ошмяны, ворвался с отрядом гусар и казаков в это местечко, изрубил караул у квартиры, приготовленной для Наполеона, и удалился, не подозревая о

том, что французский император уже подъезжает к Ошмян-
нам. «Будь атака сия часом позже, Наполеон не избежал бы
плена», — заключал Денис Давыдов из описания этой ата-
ки Сеславина (13. С. 308).

Командовать остатками армии Наполеон поручил
И. Мюрату — только потому, что король Неаполя был стар-
шим по монархической иерархии (19. С. 273; 22. С. 701). Тот,
однако, проявил себя в роли главнокомандующего хуже,
чем это мог сделать «капитан вольтижеров», как признал
позже сам Наполеон (19. С. 355), и 17 января самовольно
уехал к себе в Неаполь, сдав командование вице-королю
Италии Е. Богарне⁷². Вообще, пока сам император шел во
главе своих войск, его присутствие «все же поддерживало
хотя бы тень организации, спаивало их в «армию Наполео-
на»... Когда же Наполеон бросил армию, объединяющий ее
центр исчез, а вместе с ним исчез и последний нравствен-
ный ресурс», после чего дезорганизация и деморализация
остатков армии приняли «чудовищные размеры» (25. Т. 4.
С. 260). Только гвардия да еще группы солдат и офицеров,
сплотившихся вокруг своих маршалов, сохраняли досто-
инство и боеспособность. Все остальное воинство бежало
от Сморгони к Вильно в таком беспорядке, что Ф.Н. Глинка
написал в те дни о французах: «Их можно ловить легче ра-
ков» (11. С. 177).

Удивительно, как в таких условиях французы могли вес-
ти с собой русских пленных: всего из Москвы их вывели,
по разным данным, от 2 до 3 тыс. (35. Т. 2. С. 155; 44. Т. 2.
С. 154) и какое-то число, пусть даже крайне малое, довели
до Франции. В этом числе оказались гр. В.А. Перовский —
будущий фаворит Николая I с любопытной родословной
(двоюродный внук морганатического супруга Императри-
цы Елизаветы Петровны А.Г. Разумовского и двоюродный

же дед цареубийцы Софьи Перовской)⁷³ и рядовой Семенов — по семейной легенде предок всемирно известного мастера детективного жанра в литературе Жоржа Сименона⁷⁴.

8 декабря французы вступили в Вильно, где они очень рассчитывали на местные склады продовольствия и фуража. Мюрат, однако, не смог наладить порядок, и многотысячные толпы мародеров, ворвавшись в город, разграбили склады так, что «одни получили все, другие — ничего» (35. Т. 3. С. 286, 297, 304). Пока французы грабили Вильно, 10 декабря к городу подошли казаки М.И. Платова и авангард П.В. Чичагова. Противник бежал из города, бросая награбленную добычу, а 5139 больных и раненых, оставшихся (может быть, еще с лета) в госпиталях, были взяты в плен (20. Ч. 2. С. 500). В их числе оказался бригадный генерал М. Лефевр, сын командующего Старой гвардией маршала Ф.-Ж. Лефевра, герцога Данцигского. Маршал оставил раненого сына и при нем — письмо на имя А.А. Аракчеева с просьбой проявить к раненому «лояльность»⁷⁵. Прибывший в город 11 декабря Кутузов занял комнаты, которые «были вытоплены для Бонапарте» (20. Ч. 2. С. 487).

Три следующих дня остатки «Великой армии» брели от Вильно до Немана. 13 декабря они достигли Ковно. Здесь маршал М. Ней дал русским последний бой, задержав их на несколько часов перед Неманом (32. Т. 7. С. 724; 35. Т. 3. С. 347). К Неману французы вышли в том самом месте, где 24–27 июня гордо и радостно, упиваясь собственной мощью и красотой, вторглась на русскую землю полумиллионная «Великая армия» Наполеона. Теперь, 14 декабря, возвращались через Неман с русской земли несколько тысяч «горемык, одетых в рубище, с опущенными голова-

ми, потухшими взорами, мертвенно-землистыми лицами и длинными, всклокоченными от мороза бородами... Это и была вся «Великая армия!» (44. Т. 2. С. 393).

*То не были бойцы, идущие походом,
То плыли призраки под черным небосводом,
Бредущая во тьме процессия теней*⁷⁶.

О размерах катастрофы, которую Наполеон потерпел в России, легче всего, конечно, судить по цифрам. Численность центральной группировки, которая собралась за Неманом после 14 декабря 1812 г., Ж. Шамбре определял в 14 266 человек (39. Т. 3. С. 162—163), а штаб Кутузова — в 20 тыс.⁷⁷. К ней надо прибавить остатки фланговых войск — Ж.-Э. Макдональда и Ж.-Л. Ренье.

Наполеон еще до начала своего отступления разуверился в своих союзниках. «Австрийцы и пруссаки... — говорил он в Москве А. Коленкуру, — сделаются нашими самыми опасными врагами при малейших наших неудачах» (19. С. 173). Этот мрачный для завоевателя прогноз оправдался. Шварценберг, уклонившись от помощи Наполеону, принял предложение Кутузова о перемирии и увел 24-тысячный австрийский корпус в Галицию⁷⁸, а генерал Г. Иорк, который командовал 19-тысячным прусским корпусом, составлявшим почти $\frac{4}{5}$ корпуса Макдональда, подписал с русскими договор о нейтралитете (9. Т. 6. С. 642—644)⁷⁹. Измена австрийцев и пруссаков усугубила катастрофу «Великой армии». Макдональд остался с одной дивизией в 5 тыс. человек, которую он и вывел из России в район Кенигсберга (18. С. 199; 26. Т. 21. С. 415). От 5 до 7 тыс. человек привел в Польшу Ренье (18. С. 199; 26. Т. 21. С. 416—417). Еще тысяч 5—6 уходили за Неман разрозненно (26. Т. 21. С. 414—417).

Всего из почти 600-тысячной (даже если не считать корпуса Иорка и Шварценберга) «Великой армии» выбрались из России, по данным Ж. Шамбре, 58,2 тыс. человек: 39. Т. 3. С. 163 (М.И. Богданович: насчитывал 81 тыс., Д.П. Бутурлин — 79 тыс., Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев — 70 тыс., П.А. Жилин — 44 тыс., Е.В. Тарле — 30 тыс.: 3. Т. 3. С. 517—518; 6. Ч. 2. С. 458; 12. С. 355; 16. С. 88, 329; 32. Т. 7. С. 726). Кутузов имел все основания рапортовать Царю 19 декабря 1812 г.: «Неприятель почти истреблен» (20. Ч. 2. С. 551)⁸⁰.

По этому случаю А.Г. Бескровный в неумном стремлении приукрасить все, даже выигрышное для России, сделал глобальный вывод, который, кроме предвзятости, страдает и недостатком компетентности, прискорбным для столь авторитетного специалиста, каковым считался Любомир Григорьевич. Цитирую: «Ни одной армии Европы в новое время не удалось достичь таких результатов за такой короткий период, какие были достигнуты русской армией под командованием М.И. Кутузова в 1812 г.»⁸¹. А ведь даже школьники знают, как за шесть лет до 1812 г. Наполеон расправился с прусским королевством. Напомню читателю, что фактически все вооруженные силы Пруссии во главе с Его Величеством королем Фридрихом-Вильгельмом III, тремя Высочествами — племянниками Фридриха Великого и четырьмя фельдмаршалами были уничтожены в *один день* (14 октября 1806 г.) одновременно в двух генеральных сражениях, под Иеной и Ауэрштедтом; «все прусское государство было разбито в один день»⁸². Возможно ли, что доктор исторических наук полковник Бескровный не знал об этом?

Во Франции известие о гибели «Великой армии» вызвало общее потрясение, тем более сильное, что страна не была к нему подготовлена. Казалось, еще недавно француз-

ские газеты прославляли вступление Наполеона в Москву как нечто «выходящее за пределы всего, что давала нам доселе его полная чудес история» (25. Т. 6. С. 13). Правда, отступление из Москвы, как ни приукрашивалось оно в 27-м и 28-м бюллетенях Наполеона, встревожило Францию. «Мы начали пробуждаться от сна», — вспоминала герцогиня Л. д'Абрантес. И все-таки окончательное пробуждение «было ужасно»⁸³. Опубликованный 16 декабря в парижском официозе «Moniteur» 29-й бюллетень ошеломил французов⁸⁴. Одна фраза о том, что-де из-за морозов «армия, столь блестящая еще 6 ноября, 14-го имела уже иной вид, почти без кавалерии, без орудий, без транспорта» (38. С. 158), сказала почти все — остальное дорисовывалось воображением. Вся страна была повергнута в траур. Повсюду, с верхов до самого низа социальной лестницы, начался ропот.

Зато в России каждый день русского контрнаступления стимулировал подъем национального духа. «Всему живо сочувствовалось у нас, — вспоминал о тогдашних настроениях своих товарищей по Царскосельскому лицу «первый друг» А.С. Пушкина И.И. Пущин. — Опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему»⁸⁵. Простой люд страны и в самое трудное для него время чужеземного нашествия не падал духом, но социальные верхи, после того как Наполеон занял Москву, приуныли. «Каза-лося, ну, ниже нельзя сидеть в дыре», — писал о том времени в сатирической «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстой⁸⁶. Тем сильнее был взрыв патриотической радости в сердцах буквально всех русских людей при первом же известии об уходе французов из Москвы, а последующие события — Малоярославец, Вязьма, Красное, Березина — эту радость непрестанно множили. Вот очень характерный штрих: первые слова, ко-

которые выговорила годовалая дочь графа Ф.П. Толстого (художника, будущего вице-президента Академии художеств) Лиза, «были не «папа» и не «мама», а «ура, победа!»⁸⁷.

Талантливыми выразителями патриотических чувств русского народа в 1812 г. были мастера отечественной культуры, особенно литераторы, голос которых слышен был и в начале войны, но все звучнее и весомее становился по ходу русского контрнаступления. Около 30 русских писателей участвовали в войне 1812 г. «не только пером, но и мечом»⁸⁸. Читатель уже знает, что В.А. Жуковский и П.А. Вяземский, И.И. Лажечников и М.Н. Загоскин, А.А. Шаховской и Н.И. Хмельницкий вступили тогда в народное ополчение. Офицерами ушли на войну поэт К.Н. Батюшков, писатель А.А. Перовский (Погорельский), родоначальник новой украинской литературы И.П. Котляревский. А.С. Грибоедов, в свои 17 лет уже окончивший два факультета Московского университета, вступил корнетом в Московский гусарский полк, но был оставлен в резерве, где готовил для армии кавалерийское пополнение⁸⁹.

Из литераторов — участников войны больше всех отличился тогда пером самый популярный в то время русский поэт В.А. Жуковский. В сентябре—октябре 1812 г. он написал знаменитое стихотворение «Певец во стане русских воинов», которое, хотя и страдало верноподданническим суесловием⁹⁰, очень помогло делу защиты отечества, например, такими строками:

*О родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?*⁹¹

Из тех писателей, которые не участвовали в боях, но остряти свое перо, как разящий меч, первым должен быть

назван И.А. Крылов. Он откликнулся на события 1812 г. семью замечательными баснями⁹², лучшие из которых — «Ворона и курица», «Щука и кот» и особенно «Волк на псарне». Текст «Волка», собственноручно написанный, Крылов через жену Кутузова переслал самому фельдмаршалу, а тот после боев под Красным прочел басню собравшимся вокруг него офицерам и при словах: «А я, приятель, сед» снял фуражку и потрянул седой головой⁹³. Басни Крылова на темы 1812 г., умные, доходчивые, глубоко патриотические, были тогда очень популярны. «В армии его басни все читают наизусть, — писал уже в 1813 г. К.Н. Батюшков Н.И. Гнедичу. — Я часто их слышал на биваках»⁹⁴.

Впрочем, вдохновляли русских людей в 1812 г. на «праведную брань» не только признанные корифеи отечественной литературы (среди них, кстати, был и К.Н. Батюшков — поэт и воин, адъютант генерала Н.Н. Раевского, автор пронзительно-задушевного послания «К Д.В. Дашкову»). Это делали и малоизвестные литераторы, как, например, украинский поэт И.А. Кованько, написавший чрезвычайно популярную «Солдатскую песню» с таким началом:

*Хоть Москва в руках французов,
Это, право, не беда!
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть впустил туда*⁹⁵.

Даже криливо-вычурная риторика придворных и околоцерковных пиитов, которых возглавлял и как бы символизировал в своем лице поэт-графоман гр. Д.И. Хвостов (племянник А.В. Суворова), неуклюже воспевавший и Суворова⁹⁶, и Кутузова, — даже эта риторика тогда оказы-

валась полезной, ибо вся поэзия обращалась в «сплошной боевой клич» (25. Т. 5. С. 162).

Театральные спектакли часто приводили тогда к патриотическим манифестациям. Наибольшим успехом пользовались трагедии «Дмитрий Донской» В.А. Озерова и «Всеобщее ополчение» С.И. Висковатого, исторические сюжеты которых живо перекликались со злобой дня. Стоило, например, персонажу из «Дмитрия Донского» сказать о Куликовской битве: «...Победа совершенна! Разбитый хан бежит, Россия освобождена!», как зрители вскакивали с мест, кричали «ура», и весь театр дрожал от рукоплесканий⁹⁷. Даже в балете, по воспоминаниям очевидца, «одно пошевеление знамени с надписью «За отечество» доводило зрителей до исступления» (25. Т. 5. С. 187). Настоящий фурор вызывали концерты знаменитой певицы Е.С. Сандуновой, которая под всеобщий восторг и «радостные слезы» пела «славу» «храброму графу Витгенштейну», «храброму генералу Тормасову», «храброму генералу Кульневу» (Там же. С. 185). «Иные, выходя из театра, на другой день бежали записываться в ополчение» (24. Т. 2. С. 31–32).

Немало способствовала национальному воодушевлению и только что зародившаяся тогда в России политическая карикатура. Ее представляли классик национальной живописи А.Г. Венецианов, которого считают «талантливейшим и первым по времени русским карикатуристом» (Там же. С. 207), И.А. Иванов, И.И. Терещенев, А.О. Орловский. Все они едко высмеивали врага и тем самым усиливали общее чувство морального превосходства над ним, столь необходимое в национальной войне⁹⁸.

Патриотический вклад в общее дело победы над Наполеоном вносили тогда деятели культуры не только русского и украинского, но и других народов России. Студент-медик

Дерптского университета К.М. Бэр, впоследствии ученый с мировым именем, основатель эмбриологии, добровольно пошел на войну лечить русских раненых⁹⁹, а латышский просветитель Г. Меркел вел столь успешную пропаганду среди неприятельских солдат, что русские военные власти приравняли ее к «действиям 20-тысячной армии»¹⁰⁰.

М.И. Кутузов в те декабрьские дни 1812 г., когда вся Россия торжествовала победу, радовался, естественно, более других. «Я почитаю себя щастливейшим из подданных... Вашего Величества», — написал он Александру I 19 декабря (20. Ч. 2. С. 549). В откровенном разговоре с А.П. Ермоловым Кутузов признался: «Голубчик! Если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожу» (15. С. 258)¹⁰¹. Все время, проведенное в Вильно до приезда туда Александра I, т.е. с 11 до 23 декабря, фельдмаршал, по словам того же Ермолова, «покоился на пожатых лаврах», и «ничто до слуха его допускаемо не было, кроме рабственных похвал льстецов, неперенных спутников могущества» (15. С. 259, 260)¹⁰².

Однако Кутузов видел и дорогую цену победы, одержанной, на взгляд со стороны, легко и быстро. Ведь как ни осторожничал «светлейший», руководимая им победоносная русская армия, преследуя Наполеона, понесла потери, немногим меньше, чем побежденная и чуть ли не «полностью истребленная» французская армия. Документы свидетельствуют: армия Наполеона вышла из Москвы численностью 115,9 тыс. человек, получила в пути подкрепления 31 тыс., а на границе от нее осталось 14,2 тыс. человек (39. Т. 2. С. 315; Т. 3. С. 162—163); общие потери — 132,7 тыс. человек¹⁰³. Кутузов вышел из Тарутина во главе 120-тысячной армии (не считая ополчения), получил в пути как минимум 10-тысяч-

ное подкрепление, а привел к Неману 27,5 тыс., человек (20. Ч. 1. С. 361, 440; Ч. 2. С. 552), потери — не менее 120 тыс. человек. «Главная армия, — рапортовал Кутузов Александру I из Вильно, — пришла в такое состояние, что слабость ее в числе людей должно было утаить не только от неприятеля, но и от самих чиновников, в армии служащих (20. Ч. 2. С. 551). Ф. Стендаль был близок к истине, заявив, что «русская армия прибыла в Вильно не в лучшем виде», чем французская¹⁰⁴.

Советские и постсоветские историки либо обходят общую цифрe русских потерь молчанием (Н.Ф. Гарнич, Б.С. Абалихин, В.Г. Сироткин, О.В. Орлик), либо глухо упоминают о ней в контексте разных цифр, либо даже намеренно преуменьшают ее, уверяя нас, что к Неману вышла «половина (?! — Н.Т.) той армии, что стояла у Тарутина»¹⁰⁵, т.е., надо полагать, 60 тыс. человек, не считая ополчения.

Ослабевшая более чем на три четверти «в числе людей», русская армия к тому же «потеряла вид»: она больше походила на крестьянское ополчение, чем на регулярное войско, что и вызвало у вел. кн. Константина Павловича на параде в Вильно крик возмущения: «Эти люди умеют только драться!»¹⁰⁶.

Учитывая состояние Главной армии, Кутузов в рапортах Государю от 13, 14 и 21 декабря настойчиво предлагал дать ей отдых «до двух недель», «ибо, если продолжить дальнейшее наступательное движение, подвергнется она в непродолжительном времени совершенному уничтожению» (20. Ч. 2. С. 495, 502, 582). Отсюда некоторые историки, включая Е.В. Тарле, уже делали вывод о том, что Кутузов будто бы имел целью «выгнать Наполеона из России и — ни шагу далее» (32. Т. 7. С. 709). Главной же опорой для такого вывода служили прямые свидетельства столь разных

людей, как недруг Кутузова английский комиссар при его штабе генерал Р. Вильсон и доброжелатель фельдмаршала государственный секретарь Российской империи адмирал А.С. Шишков — оба они ссылались на свои разговоры с Кутузовым (Там же. С. 678, 729—730). Просто отбрасывать их свидетельства, как это делали Л.Г. Бескровный и П.А. Жилин, нет оснований. Но в главном советские военные историки правы: Кутузов против заграничного похода русских войск официально не возражал.

Фельдмаршал мог, конечно, в частных разговорах с Шишковым и особенно с Вильсоном поворнуть о тяготах и ненужности для России заграничного похода, тем более что непрерывное понукание со стороны Англии, готовой, как тогда говорили, «биться с Наполеоном до последней капли крови... русского солдата», раздражало его. Он даже самому Александру I будто бы сказал при встрече с ним в Вильно: «Ваш обет исполнен, ни одного вооруженного неприятеля не осталось на русской земле. Теперь остается исполнить и вторую половину обета: положить оружие»¹⁰⁷. Сказал, но не настаивал на сказанном. «Когда он, — говорил Кутузов Шишкову о Государе, — доказательств моих оспорить не может, то обнимет меня и поцелует; тут я заплачу и соглашусь с ним»¹⁰⁸. Более того, преследовать врага за Неманом Кутузов планировал еще до прихода французов в Вильно (20. Ч. 2. С. 455, 495—496). Его декабрьские рапорты Царю предусматривали необходимый отдых только для Главной армии, тогда как менее изнуренным войскам Чичагова и Витгенштейна, а также казакам Платова предписывалось безостановочно «следовать за неприятелем до самой Вислы» (Там же. С. 499, 503, 582).

23 декабря в 5 часов пополудни в Вильно прибыл Александр I. Кутузов встречал его у дворцового подъезда во гла-

ве почетного караула от лейб-гвардии Семеновского полка, «в парадной форме со строевым рапортом в руке». Император «прижал к сердцу фельдмаршала», принял от него рапорт и вместе с ним, «рука об руку», вошел во дворец. Уединившись с Кутузовым в своем кабинете, Александр I вел с ним разговор без свидетелей, а по выходе Михаила Илларионовича из царского кабинета обергофмаршал граф Н.А. Толстой «поднес ему на серебряном блюде орден Св. Георгия 1-й степени»¹⁰⁹. Поскольку Кутузов уже имел к тому времени Георгия 2—4-й степеней, он стал первым в России полным Георгиевским кавалером (после него таковыми становились еще три генерал-фельдмаршала: М.Б. Барклай де Толли в 1813 г., И.И. Дибич и И.Ф. Паскевич в 1829 г.).

По впечатлениям графини С. Шуазель-Гуффье, Кутузов в те дни «казалось, изнемогал под бременем оказанных ему почестей и отличий, которые со всех сторон сыпались на него»¹¹⁰. Среди прочего фельдмаршал получил портрет Александра I, украшенный бриллиантами, и золотую шпагу с алмазами, «гирляндой лавра из изумруда» и тоже с бриллиантами ценою 25 тыс. руб. (Михаил Илларионович при этом заметил, что «драгоценные камни слишком малы»)¹¹¹. Жене своей, Екатерине Ильиничне, светлейший князь Смоленский, не дожидаясь царских наград, приготовил в подарок необычный трофей — «великолепный министерский портфель из черного сукна с золотой вышивкой, представлявшей с одной стороны французский герб, с другой — шифр Наполеона»¹¹².

На следующий день по прибытии в Вильно, 24 декабря (то был день рождения Императора) Александр I принял у себя всех генералов и приветствовал их словами: «Вы спасли не одну Россию, Вы спасли Европу»¹¹³. В тот же день

Император дал торжественный обед *в честь Кутузова*, а перед обедом в конфиденциальной беседе с Р. Вильсоном высказался о фельдмаршале так: «Мне известно, что [фельд]маршал не исполнил ничего из того, что должен был сделать. Он избегал, насколько сие оказывалось в его силах, любых действий противу неприятеля. Все его успехи были вынуждены внешнею силою <...> Но московское дворянство стоит за него и желает, дабы он вел нацию к славному завершению сей войны. Посему я должен наградить этого человека орденом Св. Георгия <...> Впрочем, теперь я уже не оставляю мою армию и не допущу несообразностей в распоряжениях [фельд]маршала» (8. С. 283). С этого дня Александр I, по наблюдению А.П. Ермолова, оставил при Кутузове лишь «громкое наименование главнокомандующего и наружный блеск некоторой власти», а «все распоряжения» исходили от самого Императора (15. С. 262, 263). Ермолов здесь преувеличил распорядительность императора, но общий смысл его взаимоотношений с фельдмаршалом определил верно. Начальником Главного штаба всех армий Александр I назначил самого близкого к нему, после А.А. Аракчеева, сановника генерал-адъютанта князя П.М. Волконского, а затем и вернул в армию барона Л.Л. Беннигсена (3. Т. 3. С. 350). При этом император неизменно оказывал сам и требовал от других (включая Р. Вильсона) оказывать Кутузову «подобающее почтение» (8. С. 283).

Не все генералы и офицеры русской армии радовались в те декабрьские дни 1812 г. фейерверку царских наград и выдвижений. Слышались и критические голоса. «Раздают много наград, но лишь некоторые даются не случайно, — писал 13 декабря из Вильно генерал-лейтенант Н.Н. Раевский жене Софье Алексеевне. — <...> Кутузов,

князь Смоленский, грубо солгал о наших последних делах. Он приписал их себе и получил Георгиевскую ленту»¹¹⁴. О Кутузове еще более резко высказался флигель-адъютант полковник А.А. Закревский (будущий граф, генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор и министр внутренних дел): «Надели на Старую Камбалу Георгия 1-го класса. Если спросите, за что, то ответа от меня не дожидетесь»¹¹⁵. «Интриг — пропасть, иному переложили награды, а другому не домерили», — сетовал генерал от инфантерии А.М. Римский-Корсаков в письме к министру внутренних дел академику О.П. Козодавлеву¹¹⁶, а лейб-гвардии полковник (известный в то время поэт-сатирик) С.Н. Марин уточнил ту же мысль: «За одного порядочного производится пять дрянных, чему все свидетели»¹¹⁷.

Как бы то ни было, все в русской армии — от последнего солдата до самодержца Всея Руси — готовились к заграничному походу. Кутузов из Вильно обратился с воззваниями к населению Пруссии и к французским солдатам. Если пруссаки встретили, что называется, «на ура» клич «присоединиться к российским армиям» для борьбы с Наполеоном (9. Т. 6. С. 680), то французы на призыв восстать против «жестокоего рабства», в котором держит их «узурпатор Буонапарт» (Там же. С. 679), не откликнулись. 2 января в приказе по войскам по случаю изгнания врага из России Кутузов так определил их дальнейшую задачу: «Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его» (20. Ч. 2. С. 634).

Александр I, лично убедившись в том, сколь необходимы для победы российских войск отдых и подкрепления, разрешил им отдыхать в Вильно даже не две, как просил Кутузов, а почти четыре недели. Лишь 5 января Главная армия под командованием Кутузова и в присутствии Им-

ператора выступила из Вильно в заграничный поход и 13 января нового 1813 г. перешла Неман (25. Т. 6. С. 23).

В приказе по войскам от 6 января 1813 г. Александр I так объяснил цель их похода в чужие страны: «Вы идете доставить себе спокойствие, а им — свободу и независимость»¹¹⁸. Кутузов, естественно, вторил своему Государю, обещая от его имени в специальном воззвании к «народам германским» «возвращение их свободы и независимости»¹¹⁹. Так думали тогда совершенно искренне российские солдаты и офицеры¹²⁰. Лишь после разгрома империи Наполеона выяснится сакраментальная цель всех семи антинаполеоновских коалиций, а именно возвращение народов Европы из-под наполеоновского диктата в кабалу к собственным феодалам, изгнанным было Французской революцией и Наполеоном, и Священный союз монархов во главе с русским самодержавием закует весь континент в цепи, куда более тяжкие, чем при Наполеоне¹²¹. Это установят со всей непреложностью историки, причем не все, иные из них и в наши дни полагают, что Александр I и Кутузов вели русские войска за рубеж с единственной целью — освободить Европу «от наполеоновской тирании»¹²².

Если у Кутузова были сомнения в том, как рациональнее для России готовить заграничный поход, надо ли с ним спешить и нужен ли он вообще, то Александр I был настроен более чем решительно. Он старался быть не просто во главе, но и на виду у всех. Наблюдая за ним по пути от Плоцка до Калиша, А.И. Михайловский-Данилевский записал в дневнике: «Государь был всегда верхом, одетый щеголем; удовольствие не сходило с прекрасного лица его»¹²³. Кажется, что даже то подчеркнутое внимание, которым Царь окружал в те дни слабеющего от недугов фельдмаршала,

доставляло ему самому удовольствие: Император не устал демонстрировать «всевозможное уважение» к «старцу»¹²⁴.

Теперь мы знаем, что «всевозможное уважение» Императора к фельдмаршалу было чисто показным. Главный штаб уже возглавлял кн. П.М. Волконский. Дежурный генерал и правая рука Кутузова П.П. Коновницын был спроважен «в отпуск»¹²⁵, а на его место назначен полковник царской свиты Н.И. Селявин. Что касается К.Ф. Толя, оставленного в должности генерал-квартирмейстера, то он, естественно, старался услужить монарху еще ревностнее, чем фельдмаршалу. Дело не в том, что Александр I «принимал решения сам» (25. Т. 6. С. 24), а в том, что любые решения, исходившие от Главного штаба или же непосредственно от Кутузова, Царь контролировал и нацеливал их на форсированное наступление вслед за остатками «Великой армии» Наполеона. Кутузов мог только ворчать: «Самое легкое дело — идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови!»¹²⁶.

Как бы то ни было, ворчливый «старец» довел победоносные русские, а с марта 1813 г. и союзные с ними прусские войска почти до Эльбы, но 28 апреля в силезском городке Бунцлау умер — умер на марше, за 4 дня до новой встречи с Наполеоном.

Да, Наполеон к тому времени, «как из-под земли, как в сказке» (22. С. 706), уже собрал новую армию в 200 тыс. человек (32. Т. 7. С. 295) и спешил во главе ее к Эльбе. 2 мая он дал русско-прусской армии сражение при Лютцене. Началась новая военная кампания, в характере которой кричаще сочетались, по выражению К. Маркса, дух возрождения с духом реакционности¹²⁷. Она несла народам Европы, с одной стороны, освобождение от французского диктата, а

с другой — реставрацию феодальных порядков. Русские солдаты в этой войне, лишённые непосредственной поддержки собственного народа, сражались уже с меньшим воодушевлением. В результате Наполеон начал громить русские, прусские и австрийские войска в битве за битвой: под Лютценом, Бауценом, Дрезденом. Хотя теперь против него поднялась фактически вся Европа, он сумел продержаться в борьбе с ней ещё два года, однако восстановить былое, как перед нашествием на Россию, могущество своей империи уже не мог. Поэтому уместно закончить последнюю главу моей книги словами самого выдающегося из отечественных историков 1812 г.: «Агония наполеоновской мировой монархии длилась необычайно долго. Но смертельную рану всемирному завоевателю нанес русский народ в двенадцатом году» (32. Т. 7. С. 732).

Заключение

Великая победа России над Наполеоном, безоговорочная и блистательная, вызвала потрясение умов буквально во всем мире. Причины ее толковали вкривь и вкось. Официальные верхи самой России, не веря в собственный народ, адресовались даже к потусторонним силам. «Зрелище погибели войск его невероятно! — читаем о Наполеоне в манифесте Александра I от 12 января 1813 г. — Кто мог сие сделать?.. Да познаем в великом деле сем промысл Божий!» (26. Т. 21. С. 256). На памятной медали в честь 1812 г. Царь повелел отчеканить: «Не нам, не нам, а имени Твоему!» (3. Т. 3. С. 409). Такое «объяснение» причин разгрома Наполеона не вышло за пределы русской дворянской историографии.

Гораздо более расхожей и живучей, вплоть до нашего времени, оказалась версия о том, что победил Наполеона русский климат, «генерал Зима». Однако даже в западноевропейской историографии эту версию отвергли такие авторитеты, как А. Жомини, К. Клаузевиц, Г. Дельбрюк, Д. Чандлер (17. С. 414; 18. С. 129, 200)¹. В России же она вообще не имела сторонников. Кстати, первым, еще в 1813 г., мотивированно опроверг ее М.Ф. Орлов (будущий декабрист)².

Передовые умы России, не отрицая роли стихийных факторов («мороз, конечно, был тут не лишний»³), отводили им второстепенную роль. «Главнейшими же причинами нашего торжества в 1812 г., — заключил Н.Г. Чернышевский, — должны быть признаваемы твердая решимость Императора Александра Благословенного, патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»⁴. Александр I поставлен здесь на первое место, по-видимому, из цензурных соображений, но вообще назван не зря⁵: его решимость не заключать мира с Наполеоном значила многое — ведь если бы Царь после оставления Смоленска или Москвы принял мирные предложения Наполеона, ход событий был бы иным. Разумеется, другие факторы русской победы в перечне Чернышевского еще более значимы.

В чисто военном отношении, при всем искусстве полководцев России и мужестве ее солдат, Наполеон перед 1812 г. был сильнее. Попытки доказать, что русская армия тогда качественно превосходила французскую, а царские военачальники — Наполеона и его маршалов (2. С. 594—596; 16. С. 400—401)⁶, противоречат и логике истории, и ее фактам. Во-первых, здесь замалчиваются пороки феодальной системы комплектования, обучения, снабжения и управления царскими войсками, сказавшиеся, между прочим, в том, что победоносная русская армия, преследуя Наполеона от Москвы до Немана, понесла урон, немногим меньший, чем побежденная и чуть ли не уничтоженная французская армия. Во-вторых, игнорируется тот факт, что за пределами России, как бы на нейтральном поле, где русская армия не имела поддержки своего народа, Наполеон бил ее и до, и после 1812 г. — под Аустерлицем, Фридландом, Дрезденом, хотя командовали ею те же самые полководцы, включая Кутузова, что и в 1812 г.⁷ Действительный источник мощи

русской армии 1812 г. надо искать не в ее военно-феодальной организации, а в единении армии с народом. Именно общенациональный подъем народных масс, выступивших на защиту Отечества, стал главной причиной победы России в войне 1812 г., а народ русский (включая, естественно, и крестьян, одетых в солдатские мундиры) — главным героем войны. Кутузов это понимал, заявив в ответ на словословия по его адресу: «Я щастлив, предводительствуя русскими. Но какой полководец не поражал врагов, подобно мне, с сим мужественным народом!» (20. Ч. 2. С. 532).

Перед нападением на Россию Наполеон взвесил практически все — ее военный потенциал, способности русских генералов, количество и качество солдат и вооружений, но сражаться ему пришлось со всем русским народом, которого он, прикидывая свои шансы в борьбе с Россией, опрометчиво не принял в расчет. В этом и заключалась его главная, роковая оплошность, тем более непостижимая, что у него уже был прецедент: в Испании именно сопротивление народа мешало ему добиться победы, хотя испанскую армию, во всех отношениях уступавшую русской, сам Наполеон и его маршалы громили многократно.

Современный историк А.А. Орлов, оспаривая неоспоримое мнение о том, что буржуазная Франция была политически и экономически более развитой, чем феодальная Россия, иронизирует: «Непонятно, как страна с отсталой экономикой смогла победить развитое буржуазное государство?»⁸. Именно так, как, например, полуразоренная Советская Россия в 1918—1922 гг. смогла победить белогвардейское воинство, которому помогали США, Англия, Франция, Германия, Япония, Польша, — смогла благодаря беззаветной поддержке собственного НАРОДА.

Значение русской победы в 1812 г. велико и многогран-

но. Дело не только в том, что народные массы России в очередной раз отстаивали свою национальную независимость, сокрушив самого грозного из всех врагов, когда-либо нападавших на Русь. Столь грандиозная победа подняла национальное самосознание русского народа и пробудила лучших его представителей к революционной борьбе, ибо теперь видеть народ, победивший Наполеона, в цепях крепостничества для истинных патриотов становилось невыносимым.

Действительно, многомиллионные массы русских крестьян «вполне справедливо думали, что заслужили себе свободу»⁹. Более того, К. Маркс обратил внимание на тот факт, что им в 1812 г., «хотя и неофициально, но с молчаливого согласия Императора, было обещано освобождение от крепостной зависимости в награду за их патриотизм; с людьми, защитившими святую Русь, нельзя-де дольше обращаться как с рабами»¹⁰. Однако после войны ее главного героя — крепостное крестьянство — вернули в кабалу к помещикам. В царском манифесте от 11 сентября 1814 г., который одаривал все сословия различными милостями и льготами, крестьянству отводилась одна, издевательская строка: «Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду свою от Бога»¹¹.

Разочарование народа было тем большим, что на его плечи лег дополнительный груз ликвидации последствий войны. Значительная часть страны была разорена, оскудели и крестьянские, и помещичьи хозяйства. Многие города лежали в развалинах: Москва почти вся сгорела, в Смоленске из 2250 «обывательских домов» осталось 350¹². Дефицит финансов России за 1812—1815 гг. достиг 530 925 351 руб.¹³. Общая сумма материальных потерь превысила 1 млрд руб.¹⁴. Феодалы же во главе с Царем, торопясь поправить свои дела,

усиливали и без того тяжелейшую эксплуатацию крестьян, включая сотни тысяч ополченцев 1812 г. Все это ожесточало народ, а в передовых кругах русского общества возбуждало настроение, которое В.О. Ключевский метко назвал «патриотической скорбью»¹⁵, т.е. сострадание к народу и решимость помочь ему обрести свободу. Декабрист А.А. Бестужев резонно характеризовал 1812 г. как «начало свободомыслия в России»¹⁶. «Мы были дети 1812 года», — заявил от имени всех декабристов М.И. Муравьев-Апостол¹⁷.

Учитывая исключительную роль «грозы двенадцатого года» в развитии русского национального сознания, достоинства и свободомыслия, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский считали, что «подлинную историю России открывает собой лишь 1812 год; все, что было до того, — только предисловие»¹⁸.

Очень сильно, хотя и неоднозначно, повлиял 1812 год на судьбы всей Европы. Победа России над европейским диктатором вызвала на континенте, особенно в странах, где проходили по пути от Москвы к Парижу русские войска, взрыв ликования. Жители Берлина в апреле 1813 г. встречали русских солдат возгласами: «Слава Богу, мы снова свободны!», на что казаки отвечали им: «Русс, прусс — братья!»¹⁹. Радовались русской победе, как своей собственной, давно истекавшая кровью в борьбе против Наполеона Испания²⁰ и оплатившая золотом уже шесть антинаполеоновских коалиций Англия²¹. Даже в США, воевавших тогда с Англией, говорили о победе России: «Она — словно знамя, вокруг которого могут сплотиться все, кто пронизан духом сопротивления»²².

Действительно, как заметил Ф. Энгельс, поражение Наполеона в России «послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе»²³.

Воодушевленные русской победой, народы Европы, которые ранее трепетали перед Наполеоном, теперь перестали его бояться. Отныне, хотя он и одерживал время от времени победы над коалиционными армиями, его империя не только не усиливалась, а, напротив, неуклонно и необратимо слабела.

Правда, с другой стороны, нельзя забывать, что 6-я антинаполеоновская коалиция 1813—1815 гг. (как и пять предыдущих) ставила своей целью отнюдь не освобождение европейских народов, а возвращение их из-под наполеоновского диктата в рабство к собственным феодалам. Ее война против Наполеона оставалась «в то же время войной против революции, антиякобинской войной», а «победа над Наполеоном была победой европейских монархий над французской революцией, последней фазой которой являлась наполеоновская империя»²⁴. Авторитетный в России министр и сенатор адм. Н.С. Мордвинов выразил настроение всей российской аристократии, поздравляя 8 мая 1814 г. павловского вельможу Н.О. Кутлубицкого «с окончанием французской революции»²⁵.

Но, как бы то ни было, разгром Наполеона в России — это особый урок истории. Г.Р. Державин еще в 1807 г. предостерегающе напоминал:

Был сей, был тот: их нет, а Русь?..

*Всяк, знай, мотай себе на ус!*²⁶

Наполеон, проиграв войну 1812 г., тем самым, по словам одного из первых ее историков, Н.А. Окунева, «навсегда положил преграду всякому покушению Европы победить когда-либо русских на земле их»²⁷. При этом уже современники понимали, что русский народ, придавленный кре-

постным ярмом, не мог выказать своей истинной силы. «Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымет-ся!» — писал Денис Давыдов в 1836 г. (13. С. 458), как бы предвидя сквозь даль времен 1945 год.

Гитлер и его генералы в 1941—1945 гг., хотя и учитывали, что идут «по следам Наполеона», надеялись избежать его «ошибок». Но уже к зиме 1941 г. они «начали пересчитывать мрачный отчет Коленкура о событиях 1812 г.», а после битвы под Москвой «с ужасом вспоминали об участи, постигшей Наполеона перед отступлением из Москвы»²⁸. В наши дни судьбы Наполеона и Гитлера ставят на Западе рядом, если хотят прогнозировать возможное повторение их нашествий на Россию. 30 мая 1962 г. один из крупнейших военных авторитетов Запада, английский фельдмаршал Б. Монтгомери, заявил в палате лордов Великобритании: «Первое правило, начертанное на первой странице книги войны, гласит: «Не ходи на Москву!»²⁹. К чему ведет забвение этого правила, видно на примере и Наполеона, и Гитлера.

ПРИМЕЧАНИЯ

«См. примечания»

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 г. СПб., 1912.
2. *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962.
3. *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1—3. СПб., 1859—1860.
4. Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962.
5. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И. Щукиным. Т. 1—10. М., 1897—1908.
6. *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. 1—2. СПб., 1823—1824.
7. *Вангаль А.* Наполеон и Александр 1. Т. 1—3. СПб., 1911—1913.
8. *Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма. 1812—1813 гг. СПб., 1995.
9. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая (1801—1815 гг.). Т. 1—6. М., 1960—1967.
10. *Военский К.А.* Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911.
11. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1985.
12. *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995.
13. *Давыдов Д.В.* Соч. М., 1962.
14. *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815). СПб., 1882.
15. *Ермолов А.П.* Записки. 1798—1826 гг. М., 1991.

16. Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М., 1988.
17. Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Т. 5. СПб., 1840.
18. Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937.
19. Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
20. Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1–2. М., 1954–1955.
21. Левицкий Н.А. Война 1812 г. М., 1938.
22. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980.
23. Местр де Ж. Петербургские письма 1803–1817 гг. СПб., 1995.
24. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Т. 1–4. СПб., 1839.
25. Отечественная война и русское общество. Юбилейное изд. / Под ред. А.К. Дживелегова и др. Т. 1–7 М., 1911–1912.
26. Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1–22. СПб., 1900–1914.
27. Подробный журнал исходящих бумаг собств. канцелярии главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского в 1812 г. // Труды МО ИРВИО. Т. 2. М., 1912.
28. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981.
29. Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. Ч. 1. М., 1835.
30. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собств. его имп. величества канцелярии. Т. 1–15. СПб., 1876–1917.
31. Свечников М.С. Война 1812 г. Бородино. М., 1937.
32. Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1957–1962.
33. Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967.
34. 1812 год: К 150-летию Отечественной войны: Сб. статей. М., 1962.
35. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Т. 1–3. М., 1912.
36. Харкевич В.И. Переписка имп. Александра и Барклая де Толли в Отечественную войну // Военный сб. 1903. № 11–12; 1904. № 1; 1906. № 3.
37. Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900–1907. Вып. 1–4.
38. Bulletins officiels de la Grande Armée, campagnes de Russie et de Saxe. P., 1821.
39. Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. V. 1–3. P., 1838.
40. Denniée P. Itineraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842.

41. *Fabry L.* Campagne de Russie (1812). V. 1–5. P., 1900–1903.
42. *Fain A.* Manuscrit de l'an 1812. V. 1–2. P., 1827.
43. *Napoléon I.* Correspondance. V. 1–32. P., 1858–1870.
44. *Segur Ph.-P.* Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812. V. 1–2. P., 1842.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- РГАДА — Российский Государственный архив древних актов (Москва)
- РГБ РО — Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки (Москва)
- РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГИА — Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РНБ РО — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- СПб ИРИ РАН — Санкт-Петербургский Институт российской истории РАН
- МО ИРВИО — Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
- РИО — Сборник Русского исторического общества
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ГЛАВАМ

Введение

- 1 *Kirchseisen F.* Bibliographie der Napoleonischen. Bd 1. Berlin, 1908. S. VIII. Подробно об историографии Двенадцатого года см.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов, 1991 (перезд. в США: *The Great Patriotic War of 1812. A History of the Subject* N. Y., 1993); Шеин И.А. Война 1812 г. в отечественной историографии. М., 2002.
- 2 *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 210.
- 3 *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 307; *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М. 1977. С. 225.
- 4 *Военский К.А.* Наполеон и его маршалы в 1812 г. М., 1912. С. 4.
- 5 *Бестужев А.А.* Соч.: В 2 т. Т 2. М., 1981. С. 485; *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С 446—447; *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С 150, 194; *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1948. С. 765; *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. Т 1. М., 1961. С. 296; Т. 2. С. 411.
- 6 В первую очередь это статьи «Барклай-де-Толли» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Бородино» Ф. Энгельса.
- 7 Наиболее важные для истории 1812 года оценки см. в цикле статей К. Маркса «Революционная Испания» (статья 2), в труде Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» и в трех работах В.И. Ленина: «О брошюре Юниуса», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Несчастный мир».

- 8 Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина // *Большевик*. 1947. № 3. С. 7–8; *Жилин П.А.* Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950. С. 28.
- 9 *Бескровный А.Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С. 334.
- 10 *Бескровный А.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 36.
- 11 См. об этом: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. XXVI.
- 12 *Жилин П.А.* Проблемы военной истории. М., 1975. С. 32.
- 13 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 112; Т. 2. С. 563–564; Т. 8. С. 120; Т. 10. С. 466; Т. 17. С. 545; Т. 18. С. 576.
- 14 *Покровский М.Н.* Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 218; он же. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1924. С. 33, 56–57. Подробно см.: *Троицкий Н.А.* М.Н. Покровский – историк Отечественной войны 1812 г. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. трудов. Саратов, 1999. Вып. 3. Ч. 2.
- 15 *Тарле Е.В.* Отечественная война 1812 г. М., 1938. Стеклографированное издание. 8 с. Подробно см.: *Троицкий Н.А.* Е.В. Тарле – историк Отечественной войны 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Проблемы изучения. Персоналии. Памятники. Малоярославец, 1998.
- 16 *Дурылин С.Н.* Русские писатели в Отечественной войне 1812 г. М., 1943; *Жилин П.А.* Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950 (2-е изд. 1953); *Бескровный А.Г.* Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М. 1951; *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. М., 1952 (2-е изд. 1956); *Бычков Л.Н.* Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 г. М., 1954.
- 17 *Молок А.И.* Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Учен. зап. ЛГУ. 1938. № 19. Ч. 4; *Павленко Н.Г.* Некоторые вопросы Бородинского сражения // Военно-ист. журнал. 1941. № 5; *Звавич И.С.* Англия и Отечественная война русского народа // Докл. и сообщения ист. фак-та МГУ. 1947. Вып. 2; *Рындзюнский П.Г.* Кутузов и русская армия в 1812 г. // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 20; *Полосин И.И.* М. И. Кутузов и пожар Москвы // Ист. зап. 1950. Т. 34; *Предтеченский А.В.* Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Там же. Т. 31.
- 18 *Большевик*. 1947. № 3. С. 7–8.
- 19 *Семенов М.Г.* Тайны ремесла // *Крокодил*. 1959. № 7.
- 20 Этот аспект исследовали В.В. Пугачев, В.Н. Сперанский, Л.П. Богданов, В.Г. Сироткин, А.Г. Бескровный, Н.И. Казаков, В.В. Рогинский.

- 21 М.Ф. Злотников, А.А. Нарочницкий, В.К. Яцунский, В.А. Золотов.
- 22 А.Н. Кочетков, Б.С. Абалихин, Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин, Н.Г. Павленко, Л.П. Богданов, А.П. Ларионов.
- 23 П.П. Вершигора, А.Н. Кочетков, Л.Г. Бескровный, И.И. Ростунов, Г.В. Ильин, В.В. Бартошевич.
- 24 В.И. Бабкин, Б.Ф. Ливчак, П.В. Володин, П.Я. Алешкин, В.К. Головников, Б.С. Абалихин.
- 25 Б.С. Абалихин, В.И. Бабкин, Л.Н. Бычков, Б.Ф. Ливчак, И.И. Игнатович, В.С. Годин.
- 26 С.Б. Окунь, А.В. Фадеев, Б.С. Абалихин, В.А. Дунаевский, Е.И. Корнейчик, М.Г. Нерсисян, И.Г. Антелава, Б.И. Дундулис, А.Н. Усманов.
- 27 См.: Жилин П.А. М.И. Кутузов. М., 1979 и 1988; Кочетков А.Н. М.Б. Барклай де Толли. М., 1970; Ростунов И.И. П.И. Багратион. М., 1957 и 1971; Кавтавадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977; Романов Д.М. Полководец Дохтуров. Тула, 1979; Серебряков Г.В. Денис Давыдов. М., 1985, и др.
- 28 Тартаковский А.Г. Указ соч.; Он же. Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Ист. зап. 1973. Т. 92 и др.
- 29 Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Новое в изучении истории Отечественной война 1812 г. М., 1983.
- 30 Дружинин Н.М. Историческое значение Отечественной войны 1812 г. // Вопр. истории. 1962. № 12; Кочетков А.Н. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-ист. журнал. 1963. № 12; Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопр. истории. 1966. № 4, и др.
- 31 Орлик О.В. «Гроза двенадцатого года...». М., 1987. См. об этой кн.: Троицкий Н.А. Кладезь ошибок // В мире книг. 1988. № 4; Почтовая дуэль // Там же. 1988. № 11.
- 32 Ростунов И.И. Отечественная война 1812 г. М., 1987.
- 33 Рязанов Н.И. М.И. Кутузов и его письма // Кутузов М.И. Письма. Записки. М., 1989.
- 34 Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М., 1988; Он же. Фельдмаршал М.И. Кутузов. Жизнь и деятельность. М., 1988.
- 35 Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Повторение пройденного // Вопросы истории. 1989. № 2.
- 36 Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988.
- 37 Автор острокритического разбора этой книги В.Г. Сироткина школьник Иван Емельянов насчитал в ней «более 40 ошибок» (Емельянов И. Как знаем мы войну 1812 г. // Учительская газета. 1991. № 19).

- 38 *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917—1987. М., 1990.
- 39 Подробно см. в моей рец. об этой кн. (Отечественная история. 1992. № 2. С. 195—198) и в реплике «Как спорят историки» (Там же. 1993. № 3).
- 40 *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. М. 1995. Подробно об этой кн. см.: *Троицкий Н.А.* Новая биография М.И. Кутузова // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып. 2; Он же. Домыслы вместо правды (ответ Ю.Н. Гуляеву) // От Москвы до Парижа. 1812—1814. Малоярославец, 1998.
- 41 *Андрианова И.А.* Спаситель Отечества: Жизнеописание М.И. Голенищева-Кутузова. М., Смоленск, 1999; *Шишов А.В.* Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. М., 2001.
- 42 Ср.: *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Указ. соч. С. 106, 245, 251; *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 94, 199, 206.
- 43 Мародер от истории // Родина. 2002. № 8. С. 115; Осторожно — плагиат! // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 170—175.
- 44 *Абалихин Б.С.* 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000.
- 45 *Божедомов Б.А., Гордеев Ю.И.* Особенности военного искусства в Бородинском сражении 1812 г. М., 1995; *Португальский Р.М., Рунов А.В.* Бородино. 1812 г. М., 1999.
- 46 См. мою рец. об этой кн.: Отечественная история. 2001. № 4. С. 181—185.
- 47 См. об этом: *Троицкий Н.А.* «Король-то голый!» (Блеск и нищета Владлена Сироткина) // Родина. 2003. № 10; *Понасенков Е.Н.* Не все коту масленица // Там же.
- 48 *Ивченко Л.Л.* М.И. Кутузов в современной историографии. Приговор истории или произвол историков? // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2004. С. 151—152.
- 49 Там же. С. 157, 158; Спаситель отечества. Кутузов без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9. С. 65—66.
- 50 *Шишов А.В.* «Этот генерал далеко пойдет» // Памятники Отечества. Музеи России. «Славься век, Бородино!» М., 2001. С. 69; *Трубецкой А.С.* Александр I. М., 2003. С. 156.
- 51 *Будко Д.Ю.* К вопросу о ранении и смерти П.И. Багратиона // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002. С. 58.
- 52 *Шишов А.В.* Битва великих империй. Слава и горечь 1812 г. М., 2005. С. 27.

- 53 Попов А.И. Великая армия в России Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 322.
- 54 Шеин И.А. Война 1812 г. в отечественной историографии. М., 2002. 287 с.
- 55 Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1991; Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 г. // Малоярославец, 1992. С. 16—87 (отд. изд.: Малоярославец, 2002. 136 с.); Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г. М., 1996; Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999; Он же. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001; Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. М., 2005; Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в Отечественной войне 1812 г. Дис. канд. ист. наук. Саратов, 2005.
- 56 Розеншильд-Паулин Л.К. Любимец России, или Храбрый Кульнев. М., 2005. С. 3, 258.
- 57 См., напр., его статью о знаменитой партизанке Василисе Кожиной с указанием в библиографии только скандального опуса Н.Ф. Гарнича «1812 год», тогда как специально о Василисе изданы несколько книг.
- 58 Grube A. Napoleons Kriegezug nach Moskau im Jahre 1812. Berlin, 1874. О кн. Бернгарди см.: Тартаковский А.Г. Труд К.Ф. Толя об Отечественной войне 1812 г. // Ист. зап. 1970. Т. 85. С. 372—377.
- 59 Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. М., 1906. Т. 2. С. 175. Наиболее активно развивали эту версию А. Тьер, Э. Дрио, Л. Мадлен, Ж. Кальметт.
- 60 См., напр.: Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 6-е изд. М., 1956. С. 321—322; Strakhofsky L. Alexander I of Russia. The Man who defeated Napoleon. N. Y., 1947. P. 138; Исгейл Ч. Наполеоновские войны. М., 1997. С. 390.
- 61 Thiry J. La campagne de Russie. Paris, 1969. P. 154—155; Чанглер Д. Кампании Наполеона. М., 2000. С. 525; Делгерфилд Р. Наполеон. Изгнание из Москвы. М., 2002. С. 50—51, 98.
- 62 Riehn R. 1812: Napoleon's Russian Campaign. N. Y. 1990; Austin P.B. 1812. Napoleon's invasion of Russia. London, 2001. V. 1—3.
- 63 Parkinson R. Fox of the North. Life of Kutuzov, General of War and Peace. London, 1976.
- 64 Josselson M., Josselson D. The Commander: a Life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980.
- 65 Дипломатические сношения России и Франции по донесени-

- ям послов императоров Александра и Наполеона (1808—1812). СПб., 1905—1908. Т. 1—6; Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. / Под ред. К.А. Военского. СПб., 1909—1912. Т. 1—3; *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX в. // *Русская старина*. 1901. № 10—12; 1902. № 2, 7—12; 1903. № 1; *Листовки Отечественной войны 1812 г.*: Сб. док. М., 1962 и др.
- 66 Перечень 457 опубликованных и рукописных материалов о 1812 г. см.: *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 265—297.
- 67 Из них наиболее интересны записки Н.Н. Раевского, Д.П. Неверовского, П.А. Тучкова, П.В. Чичагова, А.Ф. Ланжерона, Ф.В. Ростопчина, В.И. Левенштерна, С.И. Маевского, И.С. Жиркевича, И.П. Липранди, Я.И. де Санглена, П.А. Вяземского, И.А. Яковлева (отца А.И. Герцена).
- 68 Особенно важны книги воспоминаний А.П. Ермолова, Д.В. Давыдова, И.Т. Раджицкого, Л.А. Беннигсена, А.Е. Чарторыцкого, С.Н. Глинки, А.С. Шишкова, А.С. Норова, Н.Е. Митаревского, Н.Б. Голицына, Н.А. Дуровой, Ф.Ф. Шуберта, Н.И. Греча, Ф.Ф. Вигеля. В 2002 г., наконец, изданы отдельной книгой (800 с.!) мемуары адмирала П.В. Чичагова.
- 69 Записка статского советника О.В. Грабе-Горского // *Девятнадцатый век*. Кн. I. М., 1872. Эти мемуары не учтены даже А.Г. Тартаковским, а сам мемуарист не упомянут в кн. Л.Я. Павловой «Декабристы — участники войн 1805—1814 гг.» (М., 1979), хотя он участвовал и в войне 1812 г., и в заграничных походах: от рук солдат его роты и самого Грабе-Горского пали в разных сражениях три любимца Наполеона — маршал Ж.-Б. Бессьер, обер-гофмаршал М.-Ж. Дюрок, генерал А.-Ж. Дельзон, получил тяжелое ранение генерал М.-В. Латур-Мобур.
- 70 Рассказ Георгиевского кавалера из дивизии Неверовского // *ЧОИДР*. 1872. Кн. 1; Рассказ о Бородинском сражении отдельного унтер-офицера Тихонова // Там же; Рассказ солдата Памфила Назарова // *Русская старина*. 1878. № 8; Рассказы крестьян-очевидцев про французское нашествие // *Вестник Западной России*. 1869. Т. 4. Кн. 12; Рассказы из истории 1812 г. // *Русский архив*. 1868. № 12; *Толычева Т.* [Новосильцева Е.В.] Рассказы очевидцев о 12-м годе. М., 1912.
- 71 *Chuguet A.* 1812: La Guerre de Russie. Notes et documents. V. 1—3. P., 1912.
- 72 *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* Указ. соч. С. 56.

- 73 *Palluel A.* Dictionnaire de l'empereur. P., 1969.
- 74 РГВИА. Ф. 263. Оп. 1. Д. 6.
- 75 Там же. Ф. 103. Оп. 208-а. Св. 0. Д. 107. Ч. 3. Л. 10—19.
- 76 *Клибанов А.И.* Мастера исторической науки // *Черепнин Л.В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 6.
- 77 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 46.
- 78 *Josselson M., Josselson D.* Op. cit. P. VIII.
- 79 *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1986. С. 4.

Глава I. Пролог

- 1 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 5, С. 30; Т. 26. С. 311.
- 2 Подробно см.: *Джеджула К.Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972. Гл. 4.
- 3 *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. М., 1956. С. 16—20; История России. С нач. XVIII до кон. XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 307—308; *Шишов А.В.* Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографий. М., 2001. С. 152, 231.
- 4 См.: Ужасы крепостного права в царствование Александра Благословенного // Русский архив. 1907. № 9. С. 119—135.
- 5 См.: *Реузов Б.Г.* Пушкин и Наполеон // Русская литература. 1966. № 4. С. 53—57.
- 6 *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М., — Л., 1959. Т. 4. С. 15.
- 7 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 139; *Гегель Г.В.* Работы разных лет: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 343; *Байрон Д.Г.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1905. Т. 3. С. 152; *Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 424; *Эккерман И.* Разговоры с Гёте в последние года его жизни. М., 1981. С. 175.
- 8 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 44, 82; Т. 9. С. 4; Т. 10. С. 239, 252, 600; Т. 11. С. 624, 630; Т. 29. С. 229.
- 9 Там же. Т. 2. С. 563; Т. 6. С. 163.
- 10 Сен-Клудский журнал Наполеоновых знаменитых дел... М., 1814. 4. 1. С. 4.
- 11 *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 30. С. 5—6.
- 12 Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С. 197. О том же: *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 23; *Окунь С.Б.* История СССР. Лекции. Л., 1974. 4. 1. С. 164; *Жулин П.А.* О войне и военной истории. М., 1984. С. 457, 503, 504; *Орлик О.В.* «Гроза двенадцатого года...». М., 1987. С. 16; 34, С. 9—10.
- 13 *Кайданов И.К.* Краткое изложение дипломатии российского двора. СПб., 1833. Ч. 2. С. 150; *Шильдер Н.К.* Император Алек-

- сандр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 2. С. 120—121; Три века. Сб. к 300-летию Дома Романовых. М., 1913. Т. 5. С. 184.
- 14 История России. С нач. XVIII до кон. XIX в. С. 307; *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 152—153; *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. М., 2005. С. 12.
- 15 Мемуары князя Адама Чарторыжского и его переписка с Императором Александром I. Т. 2. М., 1913. С. 97—98, 138—139, 147—148, 167, 169—170.
- 16 Беседы и частная переписка между Императором Александром I и кн. А. Чарторыжским. М., 1912. С. 107, 119—123.
- 17 Там же. С. 149, 152.
- 18 Мемуары князя Адама Чарторыжского... Т. 2. С. 61.
- 19 РИО. Т. 70. С. 211; Архив кн. Воронцова. Т. 10. М. 1876. С. 270.
- 20 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 5.
- 21 Наполеон — Александру I 2 февраля 1808 г. (РИО. Т. 88. С. 456); Александр I — Наполеону 5 апреля 1808 г. (Там же. С. 600).
- 22 *Нарочницкий А.Л.* Россия и наполеоновские войны за господство над Европой // *Вопр. истории.* 1979. № 4. С. 77; см. также: *Окунь С.Б.* Указ. соч. С. 184, 188; *Итоги и задачи изучения внешней политики России.* С. 198; *Рогинский В.В.* Швеция и Россия: Союз 1812 г. М., 1978. С. 47; *Кяйвярйнен И.И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России. Петрозаводск, 1965. С. 7, 44.
- 23 *Золотарев В.А.* и др. Во славу отечества Российского. М., 1984. С. 23.
- 24 РИО. Т. 70. С. 202, 216, 222; Архив кн. Воронцова. Т. 10. С. 270, 273.
- 25 *Сироткин В.Г.* Из истории внешней политики России в Средиземноморье в начале XIX в. // *Ист. зап.* 1960. Т. 67. С. 216.
- 26 Людовик XVIII в России // *Русский архив.* 1877. № 9. С. 58, 60.
- 27 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 165.
- 28 ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 105. Л. 69.
- 29 *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX в. М., 1905. Т. 1. С. 67.
- 30 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 567.
- 31 Только с апреля 1805 по июнь 1807 г. Россия получила для борьбы с Наполеоном 1,3 млн ф. ст. безвозвратных английских субсидий (10. Т. 3. С. 657).
- 32 Подробно о кампании 1806—1807 гг. см.: *Леттов-Форбек О.* История войны 1806 и 1807 гг. Т. 1—4. Варшава, 1898.
- 33 Там же. Т. 4. С. 284.
- 34 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных

- Россиею с иностранными державами. Т. 13. СПб., 1902. С. 296.
«В Главной квартире, — вспоминал о тех днях Денис Давыдов, — все были в тревоге, как за полчаса до светопреставления» (Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 238).
- 35 РИО. Т. 88. С. 457.
- 36 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 28.
- 37 Накануне Эрфуртского свидания 1808 г. // Русская старина. 1899. № 4. С. 18–20.
- 38 См.: Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 105–107.
- 39 Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Т. 1. Berlin, 1870. С. 96.
- 40 Тимошук В.В. Брачные проекты вел кн. Екатерины Павловны и Анны Павловны // Русская старина 1911. № 21. С. 522–523.
- 41 Лачинов В.П. Александр I и Наполеон в Эрфурте // Русская старина. 1897. № 6. С. 495.
- 42 Сорель А. Европа и французская революция. Т. 7. СПб., 1908. С. 433.
- 43 Так же считал М.М. Сперанский (см.: Записка М.М. Сперанского о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира // Русская старина. 1900. № 1. С. 57).
- 44 История дипломатии. Т. 1. М., 1959. С. 481–485, Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 57–63; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1968. С. 7–8; Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. М., 1977. С. 322–323; Окунь С.Б. Указ. соч. Ч. 1. С. 210 и др.; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 11–13, 33–34; История России. С нач. XVIII до кон. XIX в. С. 308; Орлик О.В. Указ. соч. С. 16–17; Шишов А.В. Указ. соч. С. 231–235; Фролов Б.П. «Да, были люди в наше время...» Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии. М., 2005. С. 58, 80.
- 45 Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 2. С. 159.
- 46 РИО. Т. 21. С. 331.
- 47 Пять собственноручных писем имп. Александра I в 1812 г. // Русская старина. 1902. № 1. С. 221, 222.
- 48 Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М., — Л., 1966. С. 290–291.
- 49 Там же. С. 339.
- 50 Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов имп. Александра и Наполеона (1808–1812). Т. 6. СПб., 1905. С. 75.

- 51 Покровский М.Н. Избр. произв. В 4 кн. Кн. 2. М., 1965. С. 217; Злотников М.Ф. Указ. соч. С. 331.
- 52 РИО. Т. 21. С. 147.
- 53 Попов А.Н. Отечественная война. 1812 г. Т. 1. М., 1905. С. 94–95.
- 54 Так объяснил причину аннексии Ольденбурга сам Наполеон (Русский архив. 1870. № 1. С. 130).
- 55 Дипломатические сношения России и Франции. Т. 1. С. 202–209, 216–217, 222; *Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inedite (1801–1812)*. P., 1891. P. 365–370.
- 56 Александр I — Наполеону 13 марта 1808 г (*Tatistcheff S.* Op. cit. P. 372).
- 57 Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. С. 35; История России. С нач. XVIII до кон. XIX в. С. 308; Орлик О.В. Указ. соч. С. 15; Фролов Б.П. Указ. соч. С. 550; Костин Б.А. «Гром победы, раздавайся!» СПб., 2001. С. 80.
- 58 O'Meara B. Napoleon in Exile. L., 1822. V. 1. P. 195.
- 59 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 436.
- 60 Секретный доклад, представленный Наполеону министром иностранных дел // Русская старина. 1897. № 3. С. 423–424, 453–455.
- 61 Дружинин Н.М. Историческое значение Отечественной войны 1812 г. // Вопр. истории. 1962. № 12. С. 49.
- 62 Mémoires et correspondance du roi Jérôme. V. 5. P., 1865. P. 247–248; *Rapp J. Mémoires*. P., 1823. P. 161.
- 63 Харкевич В.И. Война 1812 г. От Немана до Смоленска. Вильна, 1901. С. 27.
- 64 Молок А.И. Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Учен. зап. ЛГУ. 1938. № 19. Т. 4. С. 69.
- 65 Там же. С. 66.
- 66 Донесения из Франции кн. А.Б. Куракина имп. Александру Павловичу // Русский архив. 1870. № 1. С. 129.
- 67 Симанский П.Н. Перед войной 1812 г. СПб., 1906.
- 68 Военский К.А. Приезд гр. Нарбонна в Вильну в мае 1812 г. // Русская старина. 1907. № 8.
- 69 *Sokolnicki M. General M. Sokolnicki (1760–1815)*. Krakow, Warszawa, 1912. S. 224–225; *Soltyk R. Napoléon en 1812*. P., 1836. P. 42–43.
- 70 Безотосный В.М. Разведка Наполеона в России 1812 г. // Вопр. истории. 1982. № 10. С. 92.
- 71 История дипломатии. Т. 1. С. 483.
- 72 Подробно см.: Сироткин В.Г. Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1.

- 73 *L[esur]*. Le progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. P., 1812.
- 74 *Павленко Н.И.* Три так называемых завещания Петра I // *Вопр. истории*. 1979. № 2. С. 142—144. Некоторые историки сочли эту фальшивку «изобретением Наполеона I», но большинство полагают, что Наполеон ее только использовал, а изобрел еще в XVIII в. кавалер К. д'Еон — авантюрист типа Д. Казановы и А. Калиостро, 34 года выдававший себя за женщину (Там же. С. 143). С.А. Мезин в новейшем исследовании «Взгляд из Европы» (Саратов, 2003. С. 170—180) считает наиболее вероятным автором фальшивки М. Сокольникового.
- 75 Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 57.
- 76 *Tatistcheff S.* Op. cit. P. 551.
- 77 См.: *Пугачев В.В.* Подготовка России к войне с Наполеоном в 1810—1811 гг. // *Учен. зап. Горьковск ун-та*. 1964. Вып. 72. Ч. 1. С. 93—94.
- 78 *Миркович Ф.Я.* Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам. СПб., 1889. С. 25.
- 79 *Лотман Ю.М. А.С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени*. Тарту, 1958. С. 168; *Волконский С.Г.* Записки. СПб., 1901. С. 147; *Муравьев А.Н.* Автобиографические записки // *Декабристы. Новые материалы*. М., 1955. С. 170—171; [*Чичерин А.В.*] *Дневник Александра Чичерина*. 1812—1813. М., 1966. С. 83; *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX в. // *Русская старина*. 1901. № 12. С. 493.
- 80 См.: *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий... С. 142.
- 81 Военный журнал. 1859. № 1. С. 2.
- 82 Столетие Военного министерства. Т. I. СПб., 1902. С. 203—204.
- 83 *Де Санглен Я.И.* Записки // *Русская старина*. 1883. № 3. С. 544.
- 84 РГВИА. Ф. 103, оп. 209-в, св. 1, д. 2, л. 1—6; св. 2, д. 13. л. 2—6; ГАРФ. Ф. 1165, оп. 2, д. 1, л. 4—4 об.
- 85 *Savant J.* Les espions de Napoléon. P., 1957. P. 263.
- 86 РИО. Т. 122. С. 15.
- 87 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 45—46; *Фролов Б.П.* Указ. соч. С. 73; *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. С. 14—15; *Шишов А.В.* Битва великих империй. М., 2005. С. 30—31.
- 88 Смоленская старина. 1912. Вып. 2. С. 343.
- 89 *Волконский С.Г.* Указ. соч. С. 438, 451; *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 83, 588; *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 196; Мемуары декабристов: Се-

- верное общество. М., 1981. С. 132, 268, 273; Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 50, 232, 233.
- 90 Подробно см.: *Пугачев В.В.* Указ. соч. С. 102–109.
- 91 Беседы и частная переписка между императором Александром I и кн. А. Чарторыжским. С. 147–154.
- 92 *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 79.
- 93 См. свидетельства об этом М.Б. Барклая де Толли (Военный журнал. 1859. № 1. С. 2) и А.П. Ермолова (16. С. 123–124).
- 94 *Федосова Е.И.* Польский вопрос во внешней политике первой империи во Франции. М., 1980. С. 190–191; *Шишов А.В.* Битва великих империй. С. 27.
- 95 *Нарочницкий А.А.* Две тенденции в развитии отношений между СССР и Францией // Новая и новейшая история. 1966. № 5. С. 9.
- 96 *Покровский М.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 217–218; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. Krakow, 1937. S. 24; *Grochulska B.* Ksiestwo Warszawskie. Warszawa, 1966. S. 187.
- 97 *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 217.

Глава II. Нашествие

- 1 *Жилин П.А.* Контрнаступление русской армии в 1812 г. М., 1953. С. 79; *Хвостов В.М.* Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. М., 1977. С. 308; История СССР XIX — начала XX в. / Под ред. И.А. Федосова. М., 1981. С. 40; *Орлик О.В.* «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 18; История России с древности до наших дней / Под ред. М.Н. Зуева. М., 1994. С. 147; *Фролов Б.П.* «Да, были люди в наше время...» Отечественная война 1912 г. и заграничные походы русской армии. М., 2005. С. 92; БСЭ. 3-е изд. Т. 18. С. 611; СВЭ. Т. 6. С. 156.
- 2 Русский посол во Франции кн. А.Б. Куракин затребовал паспорта для себя и всего посольства 11 мая 1812 г. 12 июня министр иностранных дел Франции Г.-Б. Маре, сообщив Куракину о решении Наполеона выдать паспорта, одновременно уведомил его, что император рассматривает это требование как объявление войны (9. Т. 6. С. 755).
- 3 *Thiry J.* La campagne de Russie. P., 1969. P. 7.
- 4 *Ibid.* P. 7, 10.
- 5 *Metternich C.* Mémoires. V. 1. P., 1880. P. 316.
- 6 *Ключевский В.О.* Соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1958. С. 456.
- 7 Там же. С. 210.

- 8 Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX в. М., 1969. С. 306—313.
- 9 Листовки Отечественной войны 1812 г. Сб. док. М., 1962. С. 21.
- 10 Беннигсен А.А. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 28.
- 11 Записка М.Б. Барклая де Толли // Военный сб. 1859. № 1. С. 5.
- 12 Александр Семенович Шишков (1754—1841 гг.), адмирал и академик, в апреле 1812 г. был назначен государственным секретарем вместо М.М. Сперанского, лишённого власти и царской милости.
- 13 ПСЗ. Собр. 1. Т. 32. С. 354.
- 14 *Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inedite (1801—1812).* Р. 1891. Р. 587—588.
- 15 См.: *Тартаковский А.Г.* Бюллетень М.Ф. Орлова о поездке во французскую армию во время войны 1812 г. // *Археогр. ежегодник* за 1961 г. М., 1962. С. 416—438.
- 16 Именно А.Д. Балашов в 1790 г. услужливо доставил Екатерине II книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» на предмет расправы с автором книги (*Запагов В.А.* Державин и Радищев // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1965. Т. 24. Вып. 6. С. 532). Он же в 1812 г. обыскивал и отправлял в ссылку М.М. Сперанского.
- 17 *Thiers A.* Histoire du Consulat et de L'Empire. V. 14. Р., 1856. Р. 58; *Tersen E.* Napoléon. Р., 1959. Р. 339. Повторяется байка А.Д. Балашова и в постсоветской литературе (*Шишов А.В.* Битва великих империй. Слава и горечь 1812 г. М., 2005. С. 95).
- 18 *Военский К.А.* Две беседы полковника А.Ф. Мишо с Императором Александром в 1812 г. СПб., 1904. С. 14.
- 19 *Napoléon Bonaparte.* Oeuvres littéraires et écrits militaires. V. 3. Р., 1968. Р. 259. Тем курьезнее дилетанский апломб А.В. Шишова в его указ. соч. (С. 46): «Ни до 1812 г., ни после наполеоновская армия ни в документах, ни на словах ее героев никогда (! — Н.Т.) не называлась Великой».
- 20 *Prasad D., Smythe T.* Conscription: A World Survey. L., 1968.
- 21 *Волгин В.П.* Социально экономический строй Франции при Наполеоне I // Статьи и выступления. М., 1979. С. 54; *Viennet O.* Napoléon et l'industrie française. Р., 1947.
- 22 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 312.
- 23 *Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л., 1958. С. 408.
- 24 РГБ РО. Ф. 54, оп. 4, д. 8, л. 48. В романе М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 г.» (М., 1983. С. 146) русские солдаты так говорят о себе и французах: «Наш брат не спрашивает, зачем

то, зачем другое? Идет, куда ведут, да и дело с концом, а они так нет — у всякого свой царь в голове».

- 25 *Lachouque H.* The Anatomy of Glory: Napoleon and His Guard. L., 1961.
- 26 *Стенгаль Ф.* Собр. соч. Т. 14. М., Л., 1950. С. 236.
- 27 *Гейне Г.* Собр. соч. Т. 4. С. 424.
- 28 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 36.
- 29 *Стенгаль Ф.* Собр. соч. Т. 14. С. 299.
- 30 Французы в Польше в 1806 — 1808 гг. // Русская старина. 1902. № 2. С. 460; *Военский К.А.* Наполеон и его маршалы в 1812 г. М., 1912. С. 44.
- 31 *Hourtoulle F.* Davout le terrible. P., 1975. P. 3.
- 32 *Gallaher J.* The Iron Marshal. L., 1976.
- 33 *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 6. М., 1951. С. 22.
- 34 *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. М., 1934. С. 89.
- 35 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1953. С. 351.
- 36 Поныне не угасающий в мире интерес к личности Нея подоревается спорами о загадочных подробностях его судьбы. 7 декабря 1815 г. он был расстрелян по приговору королевского суда Бурбонов. Теперь в Париже, на площади Обсерватории, где французы казнили своего «храбрейшего из храбрых», стоит памятник ему. Существует, однако, версия в западной и советской литературе о том, что М. Ней в 1815 г. спасся и уехал в США, где прожил до 1846 г. под именем Питера Стюарта Нея — школьного учителя. Аргументы «за» и «против» этой версии см.: *Натансон Э.А.* Был ли казнен маршал Ней? // Вопр. истории. 1968. № 7.
- 37 У Мюрата «было лишь одно политическое достоинство: он на многое дерзал и храбро дрался» (*Мицкевич А.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1954. С. 200).
- 38 *O'Meara B.* Napoléon en exil. V. 1. Bruxelles, 1822. P. 90.
- 39 См. о нем: *Маркс К.* Бессьер (Т. 14. С. 138—139).
- 40 См. о нем: *Маркс К.* Бертье. (Т. 14. С. 95—98).
- 41 Королем Италии считался сам Наполеон.
- 42 Е. Богарне был сыном первой жены Наполеона Жозефины от ее первого брака с генералом французской революции Александром Богарне. «Незаурядную личность» Евгения высоко ценил И. Гёте (см.: *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981. С. 115). А.И. Попов недавно выступил с забавным предложением «переименовать» соратников Наполеона фонетически ближе к французскому языку: не Иоахим

- Мюрат, а Джоашен Мюра, не Евгений Богарне, а Эжен Боарнэ, но почему-то не предложил называть Париж по-французски — Пари (*Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 26).
- 43 *Askenazy Sz.* Książę Józef Poniatowski. Warszawa, 1974. В Варшаве перед зданием Совета Министров стоит памятник Ю. Понятовскому работы Б. Торвальдсена.
- 44 *La Campagne de Russie.* Napoléon — 1812 P., 1981. P. 170.
- 45 *Ibidem.*
- 46 Даже А.В. Суворов, который мог оценить только первые (до 1800 г.) походы Наполеона, назвал его в числе трех лучших полководцев мира рядом с Цезарем и Ганнибалом (см.: *Осипов К.* А.В. Суворов. М., 1949. С. 251).
- 47 Листовки Отечественной войны. 1812 г. С. 8.
- 48 *Las Cases E.* Esprit du Mémorial de St.-Hélène. V. 1. P., 1823. P. 240.
- 49 *Стенгаль Ф.* Собр. соч. Т. 14. С. 295.
- 50 *Драгомиров М.И.* Очерки. Киев, 1898. С. 156 — 157.
- 51 *Стенгаль Ф.* Собр. соч. Т. 14. С. 103 — 104.
- 52 Эту «умную фразу» цитировал В.И. Ленин (2. Т. 38. С. 50).
- 53 *Palluel A.* Dictionnaire de l'empereur. P., 1969. P. 551.
- 54 *Шишов А.В.* Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. М., 2001. С. 551.
- 55 *Швегов С.В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 125.
- 56 Рапорт М.Б. Барклая де Толли от 10 июля 1812 г. (РГВИА. Ф. 154, оп. 1, д. 84, л. 3 — 6).
- 57 Рапорты П.И. Багратиона и Д.П. Неверовского от 13 июня 1812 г. (РГВИА. Ф. 154, оп. 1, д. 84, л. 13 — 16 об.).
- 58 Рапорт А.П. Тормасова от 22 июня 1812 г. (26. Т. 13. С. 160 — 163)
- 59 Рапорт И.Н. Эссена от 2 июля 1812 г. (РГВИА. ф. ВУА, д. 3520, л. 206 — 207 об.)
- 60 Рапорт Е.И. Меллера-Закомельского от 2 июля 1812 г. (26. Т. 17. С. 352).
- 61 Рапорт Ф.Ф. Эртеля от 22 июня 1812 г. (26. Т. 17. С. 61). Вместе с нестроевыми и денщиками Эртель имел 22 июня только «нижних чинов» 45 630 (Там же. С. 65). До 6 июня 1812 г. корпус Эртеля назывался даже «резервной армией» (РГВИА. Ф. 49, оп. 211, св. 15, д. 216, л. 93).
- 62 РНБ РО. Ф. 993, архив П.К. Сухтелена, л. 323 (корпусная ведомость от 14 августа 1812 г.). Ф.Ф. Штейнгейль — дядя декабриста В.И. Штейнгейля.

- 63 Рапорт П.В. Чичагова Царю от 17 июля 1812 г. (26. Т. 17. С. 352—353).
- 64 *Каллистов Н.Д.* Русский флот и двенадцатый год. СПб., 1912. С. 76—78.
- 65 Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1902. С. 203.
- 66 ПСЗ. Т. 25. С. 213.
- 67 *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 12. С. 475.
- 68 Там же. С. 482.
- 69 Там же. С. 480. Такое «обыкновение» дворяне считали тогда нормальным. В романе Б.Ш. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» (М., 1985. С. 53) отставной генерал Опочинин возражает на похвальбу француза («Во Франции солдат не бьют. Это запрещено»): «У нас без этого нельзя. Иного и надобно. Встречаются такие рожи, что, покуда не ударишь, он понять тебя не сможет».
- 70 *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 481.
- 71 *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. М., 1956. С. 387.
- 72 Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX в. Л., 1970. С. 434—435.
- 73 *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 471.
- 74 Россия и Швеция: Документы и материалы. 1809—1818. М., 1985. С. 100.
- 75 *Маркс К.* Бернадот // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 168; *Пугачев В.В.* Подготовка России к войне с Наполеоном в 1810—1811 гг. // Учен. зап. Горьковского ун-та. 1964. Вып. 72. Ч. 1. С. 97.
- 76 РГВИА. Ф. ВУА, д. 3520, л. 295.
- 77 *Богданов А.П.* Русская армия в 1812 г. М., 1979. С. 8.
- 78 Там же. С. 131.
- 79 *Сперанский В.Н.* Из истории военно-экономической подготовки войны 1812 г. // Учен. зап. Горьковского ун-та. 1966. Вып. 78. Ч. 2. С. 561.
- 80 *Федоров В.Г.* Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 11.
- 81 *Сперанский В.Н.* Указ. соч. С. 580—581.
- 82 *Богданов А.П.* Указ. соч. С. 164.
- 83 Там же. С. 164—165.
- 84 *Сперанский В.Н.* Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812—1814 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Горький, 1968. С. 17.
- 85 А.В. Суворов. Документы. Т. 3. М. 1952. С. 570.
- 86 Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908. С. 66.

- 87 *Шильдер Н.К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1904. С. 216.
- 88 ПСЗ. Т. 32. С. 43, 44.
- 89 *Дубровин И.Ф.* Указ. соч. С. 484—485.
- 90 *Богданов А.П.* Указ. соч. С. 126—131.
- 91 Военный сб. 1903. № 11. С. 257.
- 92 *Вильсон Р.* Краткие замечания о свойствах и составе русского войска. СПб., 1812. С. 14. Ср.: *Ланжерон А.Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 5. С. 199.
- 93 *Chuquet A.* 1812: La Guerre de Russie. Notes et documents. V. 3. P., 1912. P. 3.
- 94 ЧОИДР. 1872. Кн. I. С. 116.
- 95 В прошении на имя Царя об отставке 19 ноября 1812 г. Барклай писал: «Крестьян за собою не имею» (РГИА Ф. 1409, оп. 1, д. 69. ч. 1, л. 12).
- 96 *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982.
- 97 Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 171.
- 98 *Муравьев Н.Н.* Записки // Русский архив. 1885. № 9. С. 81; *Колюбакин Б.М.* 1812 год // Русская старина. 1912. № 6. С. 475; *Ростунов И.И.* П.И. Багратион. М., 1957. С. 220; *Гарнич Н.Ф.* Указ соч. С. 100.
- 99 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 94.
- 100 *Волконский С.Г.* Записки. СПб., 1901. С. 38.
- 101 *Державин Г.Р.* Соч. Т. 2. СПб., 1865. С. 579.
- 102 *Давыдов Д.В.* Соч. Т. 1. СПб., 1893. С. 133.
- 103 Прабабка Ивана Грозного и мать Петра I тоже были из рода Раевских (см.: *Модзалевский Б.А.* Род Раевских. СПб., 1908).
- 104 *Давыдов Д.В.* Соч. Т. 3. С. 109—114.
- 105 Архив декабриста С.Г. Волконского. Т. I Пг., 1918. С. XV.
- 106 [*Орлов М.Ф.*] Некрология генерала от кавалерии Н.Н. Раевского // Военный журнал. 1832. № 4. С. 163.
- 107 ЧОИДР. 1872. Кн. I. С. 117.
- 108 *Свербеев Д.Н.* Записки. Т. I. 1899. С. 154.
- 109 *Смирной Н.Ф.* Жизнь и подвиги гр. М.И. Платова. Ч. 1. М., 1821. С. 26.
- 110 *Карнович Е.П.* Титулы в России // Ист. вестник. 1885. № 4. С. 24.
- 111 Отечественная война 1812 г. Атака у Клястиц. Киев, 1912. С. 21.
- 112 *Тучков П.А.* Мои воспоминания о 1812 г. // Русский архив. 1873. № 10. С. 1967.
- 113 *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 494.
- 114 *Державин Г.Р.* Соч. Т. 2. С. 662.

- 115 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 11. С. 483.
- 116 История военного искусства. Т. 1. М., 1963. С. 179; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. М., 1967. С. 122; Окунь С.Б. История СССР. Лекции. Ч. 2. Л., 1978. С. 6; Жулин П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 501; Шишов А.В. Указ. соч. С. 252.
- 117 История СССР с древнейших времен... Т. 4. С. 121; Фролов Б.П. Указ. соч. С. 13; Шишов А.В. Битва великих империй. М., 2005 С. 31.
- 118 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 11. С. 136.
- 119 Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 г. М., 1983. С. 20.
- 120 Mettermth C. Mémoires. V. 1. P. 122.
- 121 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 575—576.
- 122 Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 85.
- 123 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 30.
- 124 См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 21—22.
- 125 Наполеон. Избранные произв. М., 1956. С. XVI.
- 126 Ленинский сборник. Т. XII. С. 413.
- 127 Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. P., 1940. P. 89.
- 128 Пресняков А.Е. Александр I. Пб., 1924. С. 132.
- 129 Подробно об этом плане см.: Омелянович. План Фуля. СПб., 1898. О самом Фуле: Фрейганг А.В. Барон Карл фон Фуль // Русская старина. 1870. № 4.
- 130 Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 6-е изд. М., 1956. С. 319.
- 131 История СССР с древнейших времен. Т. 4. С. 116; см. также: 16. С. 99.
- 132 Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г. (34. С. 34).
- 133 Богданович М.И. История царствования Императора Александра I и России в его время. Т. 3. СПб., 1869. С. 175.
- 134 Dumas M. Souvenirs. V. 3. P., 1839. P. 416—417.
- 135 Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 183—184.
- 136 Генерал Багратион. Сб. док. и матер. М., 1945. С. 135.
- 137 Попов А.Н. Эпизоды из истории 12-го года // Русский архив. 1892. № 3. С. 345.
- 138 Переписка Имп. Александра Павловича с гр. Ф.В. Ростопчиным (1812—1814 гг.) // Русская старина. 1893. № 1. С. 179.
- 139 РИО. Т. 21. С. 242, 338, 427; Воспоминания герцога Е. Вюртембергского о кампании 1812 г. в России // Военный журнал. 1847. № 3. С. 119.

140 Пугачев В.В. Указ. соч. (34. С. 40—43).

141 Там же. С. 38.

Глава III. Отступление

- 1 Лавринович М. Вильна в 1812 г. // Ист. вестник. 1897. № 12. С. 878.
- 2 Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. P., 1940. P. 103.
- 3 РНБ РО. Ф. 152, оп. 1, д. 292, л. 23, 24.
- 4 Pion des Loches A. Mes campagnes (1792—1815). P., 1889. P. 282.
- 5 Воспоминания К.В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 516.
- 6 Попов А.Н. Эпизоды из истории 12-го года // Русский архив. 1892. № 4. С. 430.
- 7 Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. Т. 6. М., 1951. С. 47.
- 8 В[еймар]н Ф. [В.] Барклай де Толли и Отечественная война 1812 г. // Русская старина. 1912. № 9. С. 312.
- 9 Там же. С. 313.
- 10 Попов А.Н. Указ. соч. С. 444—445.
- 11 Кочетков А.Н. М.Б. Барклай де Толли. М., 1970. С. 22.
- 12 РГАДА. Ф. 1406, оп. 1, д. 1022, л. 3.
- 13 Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1900. № 11. С. 340.
- 14 Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Т. 1. Berlin, 1870. С. 146—147. Полный текст письма впервые опубликован К.М. Ячменихиным (Эпоха 1812 г. Исследования. Источники. Историография. М., 2003. С. 190—194).
- 15 Из записок гр. Е.Ф. Комаровского // Русский архив. 1867. № 5. С. 774.
- 16 Левенштерн В.И. Указ. соч. С. 351.
- 17 ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 193.
- 18 Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 1. С. 228.
- 19 Бонналь А. Виленская операция. СПб., 1909. С. 27.
- 20 Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. Т. 2. М., 1906. С. 163.
- 21 Palluel A. Dictionnaire de l'empereur. P., 1969. P. 85.
- 22 Заветы Суворова. М., 1943. С. 22.
- 23 ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 195.
- 24 Бескровный А.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 100; Фролов Б.П. «Да, были люди в наше время...» М., 2005. С. 133—134.
- 25 Неверовский Д.П. Записка о службе своей в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. № 1. Отд. 5. С. 77; Андреев Н.И. Из воспоминаний // Русский архив. 1879. № 10. С. 181, 182.

- 26 Харкевич В.И. Действия кн. Багратиона в 1812 г. // Военно-ист. сб. 1913. № 3. С. 189, 191.
- 27 Русская старина. 1874. № 4. С. 770.
- 28 Голубов С.Н. Багратион. М., 1943. С. 67—68; Пухов В.В. Денис Давыдов. М., 1984. С. 50; Нестеров Ф.Ф. Связь времен. М., 1987. С. 157; Кошелев В.А. «Отечество того не забыло» // Семья Раевских в истории и культуре XVIII—XIX вв. Кировоград, 2004. С. 23.
- 29 О всех «за» и «против» этой легенды см.: Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908. С. 159—165; Кривицкий А.Ю. Отголоски минувшего // Знамя. 1979. № 6. С. 138—149.
- 30 Батюшков К.Н. Соч. СПб., 1887. С. 388.
- 31 Иностранцев М.А. Отечественная война 1812 г. Операции 2-й Западной армии кн. Багратиона. СПб., 1914. С. 355.
- 32 Военно-ист. сб. 1913. № 4. С. 77.
- 33 Русская старина. 1893. № 11. С. 352; Военный сб. 1903. № 11. С. 242—243.
- 34 РГИА. Ф. 1570, оп. 1, д. 103, л. 7.
- 35 Там же. Ф. 1409, оп. 1, д. 738, л. 2.
- 36 РГБ РО. Ф. 64, п. 71, д. 5, л. 38—38 об.
- 37 Де Санглен Я.И. Записки // Русская старина. 1883. № 3. С. 548.
- 38 Из приказов кн. Багратиона // Военный сб. 1904. № 6. С. 162.
- 39 К истории 1812 г. Приказы Барклая де Толли // Русский архив. 1904. № 2. С. 311. Ср.: Из приказов кн. Багратиона. С. 162.
- 40 РГВИА. Ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 11.
- 41 Бутенев А.П. Воспоминания о 1812 г. М., 1911. С. 22.
- 42 ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 195.
- 43 Там же. С. 194.
- 44 Там же. С. 205. За наступление в июле высказывался и Н.Н. Раевский (Архив Раевских. Т. 1. С. 154).
- 45 РГИА. Ф. 1409, оп. 1, д. 738, л. 4, 4 об.
- 46 Муромцев М.М. Воспоминания // Русский архив. 1890. № 3. С. 368.
- 47 РНБ РО. Ф. 830, д. 1, л. 199 об. — 200. О том же см.: Державин Г.Р. Записки. Избранная проза. М., 1984. С. 246.
- 48 Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 г. СПб., 1819. С. 35—36.
- 49 ГВИА. Ф. 474, оп. 1, д. 96, л. 9.
- 50 Харкевич В.И. Война 1812 г.: От Немана до Смоленска. Вильна, 1901. С. 189.
- 51 Бутенев А.П. Указ. соч. С. 28; Pion des Loches A. Op. cit. P. 284—285, Пюибюск М.-Л. Письма о войне в России 1812 г. М., 1833. С. 29.

- 52 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 45.
- 53 *Palluel A.* Op. cit. P. 553.
- 54 РНБ РО. ф. 859, к. 38, д. 31, л. 8 об. — 9.
- 55 Об этом «русском правиле» Ф.В. Ростопчин в августе 1812 г. писал П.И. Багратиону (26. Т. 16. С. 60).
- 56 *Попов А.Н.* От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. № 11. С. 369.
- 57 *Смоленский П.О.* Предмет и задачи военной гигиены // Военный вестник. 1903. № 11. С. 177.
- 58 *Wilson R.* Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte... L., 1860. P. 133.
- 59 РИО. Т. 128. С. 442.
- 60 *Soltik R.* Napoléon en 1812. P., 1836. P. 52.
- 61 СПб. ИРИ РАН. Ф. 226, оп. 1, д. 365, л. 1, 3; д. 366, л. 1, 2.
- 62 *Колачковский К.* Записки // *Военский К.А.* Ист. очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. С. 221, см. также: *Арнольди К.К.* Французы в Могилеве в 1812 г. // Русская старина. 1873. № 8. С. 236.
- 63 *Мицкевич А.* Стихотворения. Поэмы. М., 1968. С. 649.
- 64 *Macdonald J.* Souvenirs. P., 1892. P. 180.
- 65 См.: *Жамов В.Е.* Отечественная война 1812 г. Операции в направлении Тильзит — Митава — Рига. Рига, 1912. С. 138 — 140.
- 66 *Macdonald J.* Op. cit. P. 180.
- 67 *Жамов В.Е.* Указ. соч. С. 54.
- 68 *Костин Б.* «Для чести и славы отечества...» // Прометей. 1983. Т. 13. С. 57.
- 69 *Marbot J.-B.* Mémoires. V. 3. P., 1892. P. 97.
- 70 С.М. Каменский (генерал от инфантерии, как и А.П. Тормасов) командовал корпусом в армии Тормасова.
- 71 РГВИА. Ф. 49, оп. 211, св. 15, д. 216, л. 119, д. 217, л. 28, 35. Что касается 1-го резервного корпуса (Е.И. Меллера-Закомельского), о котором даже в специальной литературе нет никаких данных, то он по высочайшему повелению от 9 августа 1812 г. был расформирован: часть его вошла в резервный корпус М.А. Милорадовича, а другая часть пополнила Нарвский корпус обороны Петербурга, находившийся с 24 июля под командованием М.И. Кутузова (РГАДА. Ф. 1261, оп. 4, д. 148, л. 28).
- 72 Потери союзников составили по г. Фабри 2131 человек (41. Т. 4. С. 89), а по Д.П. Бутурлину — 5 тыс. (6. Ч. 1. С. 407).
- 73 *Дживелегов А.К.* Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 187.
- 74 См.: *Кочетков А.Н.* М.Б. Барклай де Толли. С. 32.

- 75 Харкевич В.И. Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 2.
- 76 РНБ РО. ф. 369, оп. 1, д. 11, л. 29 об.
- 77 Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 131—132.
- 78 Генерал Ж.-А. Жюно, герцог д'Абрантес, 28 июля вступил в командование 8 м корпусом «Великой армии» вместо Д. Вандама.
- 79 Харкевич В.И. Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. С. 7—8.
- 80 Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 36.
- 81 Вяликов В.И. Первая Смоленская операция русских войск в 1812 г. Дис. канд. ист. наук. М., 1947. С. 465—466.
- 82 Жиркевич И.С. Записки // Русская старина. 1874. № 8. С. 648.
- 83 Левенштерн В.И. Указ. соч. С. 358.
- 84 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 504.
- 85 Сам Наполеон считал эти два маневра одинаково «прекрасными» (*Montholon Ch. Mémoires pour servir a l'histoire de France sous Napoléon*. V. 2. P., 1823. P. 92).
- 86 Роспись «Великой армии» на 14 августа см.: 39. Т. 1. С. 297—298.
- 87 Неверовский Д.П. Указ. соч. С. 78.
- 88 Жизнь и подвиги генерал-лейтенанта Д.П. Неверовского. М., 1912. С. 18.
- 89 Неверовский Д.П. Указ. соч. С. 78.
- 90 Давыдов Д.В. Соч. Т. 3. СПб., 1893. С. 124.
- 91 Граббе П.Х. Из памятных записок. Ч. 2. М., 1873. С. 46.
- 92 Вороновский В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губ. СПб., 1912. С. 100.
- 93 Н.Н. Раевский — М.И. Кутузову 21 декабря 1812 г. (РГВИА. Ф. 103, оп. 208-а, св. 0, д. 1, л. 296—296 об.).
- 94 Архив Раевских. Т. 1. С. 170.
- 95 Смирнов И.А. Смоленск — город русской славы. Смоленск, 1982. С. 38—49.
- 96 Погодин М.А. А.П. Ермолов: Материалы для его биографии. М., 1864. С. 95.
- 97 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 178, 199.
- 98 Раевский Н.Н. Записки // Давыдов Д.В. Замечания на некрологию Н.Н. Раевского... М., 1832. С. 61.
- 99 Рапорт М.Б. Барклая де Толли Царю от 21 августа 1812 г. (РГИА. Ф. 1409, оп. 1, д. 698, ч. 1, л. 35).
- 100 Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 43.

- 101 Неверовский Д.П. Указ. соч. С. 79.
- 102 См.: Павлова Л.Я. Декабристы — участники войн 1805—1814 гг. М., 1979. С. 31—33.
- 103 Граббе А.Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 57.
- 104 Грачев В.И. Смоленск и его губерния в 1812 г. Смоленск, 1912. С. 65.
- 105 Только к Успенскому собору Наполеон «приказал приставить стражу, чем спас его от грабежа» (Смоленск и его предания о 12-м годе // Русский вестник. 1880. № 11. С. 203).
- 106 Вяликов В.И. Указ. соч. С. 279.
- 107 Шведов С.В. Указ. соч. С. 133.
- 108 Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. V. 14. P., 1856. P. 224; Thiry J. La campagne de Russie. P., 1969. P. 95; Де Ла Флиз Д. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 1912. С. 23.
- 109 БСЭ. 3-е изд. Т. 23. С. 621; СВЭ. Т. 7. С. 398.
- 110 Thiers A. Op. cit. V. 14. P. 224.
- 111 Де Ла Флиз Д. Указ. соч. С. 25\$ Thiry J. Op. cit. P. 95; Thiers A. Op. cit. V. 14. P. 224; Larrey D. Mémoires de chirurgie militaire. V. 4. P., 1817. P. 30.
- 112 Ростопчин Ф.В. Соч. СПб., 1853. С. 350.
- 113 Левенштерн В.И. Указ. соч. // Русская старина. 1900. № 12. С. 559.
- 114 Голубов С.Н. Багратион. С. 156.
- 115 Rapp J. Mémoires. P., 1895. P. 201
- 116 Ibid. P. 202.
- 117 Ростунов И.И. П.И. Багратион. М., 1970. С. 102; Михайлов О.Н. Генерал Ермолов. М., 1983. С. 227; Орлик О.В. «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 183. Впрочем, называют маршалами, говоря о 1812 г., и Ю. Понятовского, и Ж.-А. Лористона, и О. Себастиани, и П. Дарю, и Ж. Раппа (32. Т. 7. С. 714; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1968. С. 10; Он же. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 106; Бородино. 1812. М., 1987. С. 243; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 35, 64, 125, 203), хотя Понятовский стал маршалом лишь в 1813 г, Лористон — в 1823, Себастиани — в 1840, а Дарю и Рапп (как и Жюно) вообще не получили этого звания. Обо всех 26 маршалах Наполеона см.: Dunn-Pattison M.A. Napoleon's Marshals. L., 1909; Делгерфилд Р.Ф. Маршалы Наполеона. М., 2001; Шиканов В.Н. Созвездие Наполеона. Маршалы Первой империи. СПб., 2002.
- 118 МО ИРВИО. 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 346—348.

- 119 Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 92.
- 120 Русская старина. 1912. № 7. С. 9.
- 121 РНБ РО. ф. 859, к. 30, д. 30, л. 4 об.
- 122 Тучков П.А. Мои воспоминания о 1812 г. // Русский архив. 1873. № 10. С. 1962.
- 123 Там же. С. 1963.
- 124 Дорман М.А. Оборона путей на Петербург. М., 1912. С. 24—29; *Saint-Syr G. Mémoires...* V. 3. P., 1831. P. 79—99; РГВИА. Ф. 474, оп. 1, д. 96, л. 32.
- 125 *Saint-Syr G.* Op. cit. Т. 3. P. LVII.
- 126 Митаревский Н.Е. Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878. С. 53.
- 127 Из воспоминаний Н.М. Распопова // Русский архив. 1879. № 9. С. 38.
- 128 Жиркевич И.С. Записки. С. 648.
- 129 Там же. С. 651.
- 130 Муравьев А.Н. Автобиограф. записки // Декабристы: Новые материалы. М., 1955. С. 187.
- 131 Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 1. С. 1101. 1118.
- 132 *Wilson R.* Op. cit. P. 114—115.
- 133 Песни славной эпохи 1812—1814 гг., которые пелись русскими офицерами // Русский архив. 1887. № 2. С. 243.
- 134 РГИА. Ф. 1409, оп. 1, д. 738, л. 4 об.
- 135 Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 9. С. 49.
- 136 Митаревский Н.Е. Указ. соч. С. 46—47.
- 137 Там же. С. 47; см. также: *Распопов Н.М.* Указ. соч. С. 38.
- 138 Глебов П.Н. Слово о Барклае де Толли // Современник. 1858. № 1. С. 155; см. также: *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 160.
- 139 Частные письма 1812 г. от М.А. Волковой к В.И. Ланской // Русский архив. 1872. № 12. С. 2394; см. также: *Волконский Д.М.* Дневник // Знамя. 1987. № 8. С. 140.
- 140 Харкевич В.И. Письма Беннигсена Имп. Александру в Отечественную войну // Военный сб. 1904. № 2. С. 59.
- 141 Автобиографическая записка гос. секретаря В.Р. Марченко // Русская старина. 1896. № 3. С. 492.
- 142 Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов... 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 28, 29.
- 143 Специалисты полагают, что и стихотворение М.Ю. Лермонтова «Великий муж! Здесь нет награды...» посвящено Барклау де Толли (см.: *Лермонтовская энциклопедия.* М., 1981. С. 81).

- 144 Витмер А.Н. Бородино // Военно-ист., сб. 1913. № 1. С. 130.
- 145 Верещагин В.В. Избр. письма. М., 1981. С. 205.
- 146 Löwenstern W. Denkwürdigkeiten eines Livländers (1790—1815). Bd 1. Leipzig, 1858. S. 246.
- 147 Колубакин Б.М. 1812 год // Русская старина. 1912. № 6. С. 475; Бычков Л.Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 г. М., 1954. С. 34; Окунь С.Б. История СССР: Лекции. Ч. 2. Л., 1978. С. 16; Гярнич Н.Ф. Указ. соч. С. 101.
- 148 Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 33.
- 149 ГАРФ. Ф. 1165, оп. 1, д. 136, л. 2—3.
- 150 Волконский С.Г. Записки. СПб., 1901. С. 175—182. О действиях отряда генерала Винценгероде см.: 5. Т. 7. С. 249—256; Троицкий Н.А. Первый армейский партизанский отряд в России 1812 г. (отряд Ф.Ф. Винценгероде) // Военно-историч. исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып. 2.
- 151 Бычков Л.И. Указ. соч. С. 46; Окунь С.Б. Указ. соч. С. 23—24; Вершигора П.А. Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 400; Строков А.А. История военного искусства. М., 1965. С. 177; Серебряков Г.В. Денис Давыдов. М., 1985. С. 235; СВЭ. Т. 6. С. 236; БСЭ. 3-е изд. Т. 19. С. 240. Повторяется эта оплошность и ныне: Фролов Б.Л. «Да, были люди в наше время...» М., 2005. С. 372—373.
- 152 РГИА. 1409, оп. 1, д. 698, ч. 1, л. 5.
- 153 Левенштерн В.И. Указ. соч. С. 571.
- 154 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 179.
- 155 РГИА. Ф. 1263, оп. 2, д. 29, л. 270—271. 11 тыс. казаков были под Бородином (МО ИРВИО. 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 502—503, 509, 522—523) после небольших потерь в арьергардных боях с 29 августа до 5 сентября.
- 156 Левенштерн В.И. Указ. соч. С. 555.
- 157 Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 2. С. 68; см. также: Муравьев А.И. Указ. соч. С. 187; Граббе П.Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 68; Де Санглен Я.И. Записки. С. 551.
- 158 Норов А.С. Воспоминания // Русский архив. 1881. № 3. С. 187.
- 159 Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С. 121.
- 160 Переписка Императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87.
- 161 Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955. С. 260; Жилин П.А. М.И. Кутузов. М., 1983. С. 5; Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 143; Орлик О.В. Указ. соч. С. 43; Рязанов Н.И. М.И. Кутузов и его письма // М.И. Кутузов. Письма. Записки. М. 1989. С. 530.

- 162 Показательно, что П.А. Жилин и В.Г. Сироткин, перечисляя участников заседания 17 августа, не называют Аракчеева, чтобы даже таким образом не бросить «тень» на Кутузова.
- 163 *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 207.
- 164 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 313.
- 165 «К чести России». Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 44, 54.
- 166 *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 гг. СПб., 1846. С. 74. О том же: *Давыдов Д.В.* Соч. М., 1962. С. 185; *Жихарев С.П.* Записки современника. Л., 1989. Т. 1. С. 242.
- 167 *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка. Т. 1. С. 154.
- 168 См.: *Романов Д.М.* Полководец Д.С. Дохтуров. Тула, 1979. С. 57.
- 169 *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 76.
- 170 Ср.: *Державин Г.Р.* Соч. Т. 3. СПб., 1870. С. 96; *Жуковский В.А.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1980. С. 132.
- 171 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 3. СПб., 1840. С. 34.
- 172 Массонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. М., 1915. Ч. 2. С. 194—195; *Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1999. С. 261.
- 173 Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9. С. 63—64.
- 174 *Безотосный В.М.* Российский титулованный генералитет в 1812—1815 гг. // От Малоярославца до Парижа (1812—1814). Малоярославец, 1998, С. 33.
- 175 Переписка Императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. С. 87.
- 176 *Шильдер Н.К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1905. С. 98.
- 177 *Шишков А.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 168; Архив кн. Воронцова. Т. 13. М., 1879. С. 315; *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки // Ист. вестник. 1890. № 10. С. 159; *Шильдер Н.К.* Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 6. С. 466—467; *Ланжерон А.Ф.* Записки // Русская старина. 1907. № 9. С. 569. Подробно см.: *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002 (ук. имен).
- 178 Екатерина II в 1793 г. пожаловала Кутузову 2000 крепостных и в 1795 г. — 2667, а Павел I в 1799 г. — еще 1000 (Архив кн. Воронцова. Т. 13. С. 355; *Михайловский-Данилевский А.И.* Александр I и его сподвижники. Т. 3. СПб., 1846. С. 9, 11).

- 179 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. Ч. 3. С. 42; *Михайловский-Данилевский А.И.* Александр I и его сподвижники. Т. 3. С. 5.
- 180 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. Ч. 3. С. 41, 43; Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 170; Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1908. С. 195.
- 181 См.: *Валишевский К.Ф.* Сын Великой Екатерины. Император Павел I. М., 1990. С. 107.
- 182 *Горяинов С.М.* 1812 г.: Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов. СПб., 1912. Ч. 2. С. 30.
- 183 *Русская старина.* 1912. № 12. С. 633.
- 184 Все эти документы опровергают распространенный (хотя и голословный) тезис о Багратионе как «ученике», даже «лучшем ученике» Кутузова (*Полосин И.И.* П.И. Багратион. М., 1948. С. 69; *Ростунов И.И.* П.И. Багратион. М., 1957. С. 3, 123; *Грибанов В.К.* Багратион в Петербурге. Л., 1979. С. 8; *Михайлов О.Н.* Генерал Ермолов. М., 1983. С. 181; СВЭ. Т. 1. С. 358). В действительности Багратион был военачальником иного склада дарований, чем Барклай и Кутузов, со своими сильными сторонами, и «причесывать» его под Кутузова нет нужды.
- 185 *Шильдер Н.К.* Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского. С. 467.
- 186 Письма Д.С. Дохтурова к его супруге. С. 1098.
- 187 1812—1814. Реляции... М., 19912. С. 218, 226. См. также: уничижительный отзыв Н.Н. Раевского о Кутузове в кн.: *Батюшков К.Н.* Соч. СПб., 1887. С. 388.
- 188 *Муравьев Н.Н.* Записки. С. 244.
- 189 *Трофимов И.Т.* Поиски и находки в московских архивах. 3-е изд. М., 1987. С. 88, 90—91.
- 190 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1953. С. 348—349.
- 191 *Большевик.* 1947. № 3. С. 8.
- 192 *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 103; *Рязанов Н.И.* Указ. соч. С. 544; *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 247.
- 193 Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 195.
- 194 *Н.Н.* Война 1812 г. // *Правда* (№ 1—204). 1912. Вып. 4 (№ 80—105). М., 1934. С. 285.
- 195 *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны 1812 г.: По первоисточникам. М., 1911. Вып. 2. С. 3—4.
- 196 Там же. С. 32, 46.

Глава IV. Бородино

- 1 *Palluel A.* Dictionnaire de l'empereur. P., 1969. P. 554.
- 2 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 93, 257.
- 3 *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 89—90; *Шишов А.В.* Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. М., 2001. С. 251.
- 4 *Кочетков А.Н.* О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-историч. журнал. 1963. № 12. С. 37; *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 57.
- 5 *Ратч В.Ф.* Публичные чтения, читанные гг. офицерам гвардейской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1861. № 11. С. 841.
- 6 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 71.
- 7 Самое обстоятельное исследование Шевардинского боя см. в кн.: *Земцов В.Н.* Указ. соч. Гл. 3. § 2.
- 8 *Мериме П.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1963. С. 375.
- 9 Точнее, к началу Шевардинского боя, который можно считать первым (вступительным) актом Бородина.
- 10 МО ИРВИО. 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 502—503, 509, 522—523. Численность регулярных войск и ополченцев в расписании не указана.
- 11 *Володин П.М.* О роли и численности Московского народного ополчения 1812 г. // Ист. зап. 1962. Т. 72. С. 252—253. О числе генералов и офицеров см.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 86—99; 6. С. 35. П.Я. Алешкин и В.Г. Головников насчитали «в расходе» под Бородином даже 19 104 ратника Московского ополчения (Вопр. истории. 1962. № 9. С. 30), но их подсчеты менее убедительны. Вообще данные П.М. Володина, П.Я. Алешкина и В.Г. Головникова не оспариваются, но и не учитываются, когда речь идет о соотношении сил в Бородинской битве.
- 12 *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1987. С. 312; *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 114.
- 13 *Шведов С.В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 134.
- 14 *Васильев Л.А., Елисеев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине 24—26 августа 1812 г. М., 1996. С. 44—46; *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 310.

- 15 Абалихин Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 35; Шишов А.В. Указ. соч. С. 260.
- 16 Только Б.С. Абалихин в его указ. соч. (С. 36) поднимал численность «Великой армии» при Бородине до 150 тыс.
- 17 До 1990-х годов эти данные в нашей литературе странным образом не учитывались.
- 18 Земцов В.Н. Указ. соч. С. 310.
- 19 Эта цифра приводится чаще других.
- 20 Lachouque H. The Anatomy of Glory. Napoleon and his Guard. London. 1961. P. 247.
- 21 «У Наполеона на поле Бородинском были две армии, — писал об этом Сергей Глинка. — Одна сражалась, а другая, состоявшая из блистательной гвардии, была спокойным зрителем битвы» (Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 300).
- 22 Цитируется донесение М.И. Кутузова Александру I от 31 августа 1812 г.
- 23 Судя по всему, Кутузов воспринял данные Багратиона (очень близкие к истине) с недоверием.
- 24 Скорее всего, Наполеон не учитывал численности русского ополчения.
- 25 Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955. С. 218; Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 163; Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г. М., 1979. С. 135; Антелава И.Г. Грузины в Отечественной войне 1812 г. Тбилиси, 1983. С. 32; Жилин П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 495.
- 26 Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 40.
- 27 Как выяснилось по ходу битвы, вариант Барклая «более соответствовал требованиям тактики» (Там же. С. 41). Подробно об этом см.: Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1991. С. 85 — 86.
- 28 Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 151; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 102 — 103; Шишов А.В. Указ. соч. С. 259; Лесин В.И. Бунтари и воины. Ростов н/Д., 1997. С. 303, 310; Абалихин Б.С. Указ. соч. С. 42 — 43.
- 29 Там же. С. 42 — 43.
- 30 Витмер А.Н. Бородино в очерках наших современников // Военно-ист. сб. 1913. № 1. С. 123 — 124.
- 31 Подробно см.: Богданов Л.П. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении (34. С. 97 115).
- 32 Пеле Ж. Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 62.
- 33 Земцов В.Н. Указ. соч. С. 60.
- 34 Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. V. 14. P., 1856. p. 313,

- 319; *Колюбакин Б.М.* Бородинское сражение 26 августа 1812 г. СПб., 1912. С. 15; *Витмер Л.Н.* Указ. соч. С. 117.
- 35 А. Веллингтон тоже считал, что идея Даву сулила французам успех (РНБ РО, ф. 859, к. 38, д. 31, л. 21).
- 36 *Глинка Ф.Н.* Очерки Бородинского сражения. Ч. 2. М., 1839. С. 39.
- 37 Цит. по: *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 319.
- 38 Да здравствует император! (франц.).
- 39 Военно-ист. вестник. 1912. № 4. С. 19.
- 40 *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 228.
- 41 М.И. Кутузов — Александру 1 (сентябрь 1812 г.) // 4. С. 136.
- 42 Там же.
- 43 *Геруа А.В.* Бородино. СПб., 1912. С. 41—42.
- 44 *Васильев А.А., Ивченко Л.Л.* Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // *Родина*. 1992. № 6—7. С. 66—67. Такова же точка зрения В.Н. Земцова (его указ. соч. С. 341) и А.И. Попова (*Попов А.И.* Бородинское сражение. Боевые действия на северном фланге. Самара, 1995. С. 60—61).
- 45 *Жомини А.* Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 2. С. 19.
- 46 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 156; *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 262; *Ивченко Л.Л.* М.М. Кутузов в Бородинском сражении // *Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы*. Бородино, 1997. С. 23.
- 47 *Харкевич В.И.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 26; *Нубе П.А.* Отечественная война. Т. 2. СПб., 1911. С. 282; *Josselson M., Josselson D.* The commander: A Life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980.
- 48 РГВИА. Ф. 103, оп. 208-а, св. 0, д. 1, ч. 1, л. 156.
- 49 *Попов М.Я.* Ранение и смерть Багратиона // *Вопр. истории*. 1975. № 3. Современные медики не считают рану Багратиона смертельной, хотя он и умер от нее 24 сентября 1812 г. Генерал А.Н. Бахметьев был ранен под Бородином тяжелее (ему оторвало ядром левую ногу до колена), но выжил.
- 50 *Романов Д.М.* Полководец Д.С. Дохтуров. Тула, 1979. С. 73.
- 51 Сын отечества. 1817. № 2. С. 79; см. также: 15. С. 195.
- 52 См.: *Тотфалушин В.П.* Указ. соч. С. 89—90.
- 53 *Rapp S.* Mémoires. P., 1895. P. 215.
- 54 *Раевский Н.Н.* Записки // *Давыдов Д.В.* Замечания на некрологию Н.Н. Раевского. М., 1832. С. 68—69. Судя по ведомости, подписанной Н.Н. Раевским, его корпус потерял под Бородином 6316 человек (РГВИА. Ф. 103, оп. 208-а, св. 0, д. 1, л. 296).
- 55 *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 76.

- 56 *Андреев Н.И.* Из воспоминаний // Русский архив. 1879. № 10. С. 191.
- 57 *Федорова Л.* Статистические сведения о декабристах — участниках Отечественной войны 1812 г. // Военно-ист. журнал. 1975. № 12. С. 89.
- 58 *Павлова Л.Я.* Декабристы — участники войн 1805—1814 гг. М., 1979. С. 99—118.
- 59 *Левченко В.Г.* Первый кавалер солдатского Георгия // Памятники Отечества. 1983. № 1.
- 60 Пожар Москвы: По воспоминаниям и запискам современников. М., 1911. Т. 2. С. 68.
- 61 *Граббе П.Х.* Из памятных записок. Ч. 2. М., 1873. С. 77—78.
- 62 *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 78.
- 63 Там же. С. 55.
- 64 *Де Ла Флиз Д.* Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 1912. С. 32.
- 65 Ср.: *Saint-Syr G.* Mémoires... V. 3. P., 1831. P. 268; *Tersen E.* Napoléon. P., 1959. P. 337; *Chandler D.* The Campaigns of Napoléon. L., 1967. P. 807.
- 66 *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 6. М., 1951. С. 249.
- 67 Там же. С. 252.
- 68 *Липранди И.П.* Война 1812 г.: Замечания на книгу... М.М. Богдановича. М., 1869. С. 23.
- 69 *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 60.
- 70 Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 373.
- 71 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч., С. 167; *Прунцов В.В.* Бородинское сражение. М., 1947. С. 58; *Пунин Л.Н.* Фельдмаршал Кутузов. М., 1957. С. 154; *Бескровный Л.Г.* Бородинское сражение. М., 1971. С. 64—65; Герои 1812 г. СПб. — М., 1987. С. 94; *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 115; *Рязанов Н.И.* Указ. соч. С. 551 и мн. др.
- 72 *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 267; *Фролов Б.П.* «Да, были люди в наше время...» М., 2005. С. 286.
- 73 Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 215—217.
- 74 Орнано Филипп-Антуан (1784—1863 гг.) — кузен Наполеона, с 1816 г. муж Марии Валуевской, при Наполеоне III — маршал Франции.
- 75 Нельзя поверить тому, что Кутузов рейдом Уварова—Платова вырвал инициативу у Наполеона (*Бескровный Л.Г.* Бородинское сражение. С. 64), после чего... уступил врагу главную опору своей позиции.

- 76 *Попов А.И.* Указ. соч. С. 98. Здесь дан пока самый подробный и точный анализ рейда Уварова—Платова. О том же: *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 г. М., 1999. С. 78 и (с меньшей объективностью) *Лесин В.И.* Указ. соч. Гл. 7.
- 77 Наиболее подробное описание боя за Курганную высоту («Большой редут») с батареей Н.Н. Раевского см. в указ. соч. В.Н. Земцова (Гл. 3. § 5).
- 78 *Граббе П.Х.* Указ. соч. Ч. 2. С. 77—78.
- 79 *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 126—127.
- 80 Кайсаров Паисий Сергеевич (1783—1844) — при Бородине полковник, адъютант Кутузова, с 1833 г. — генерал от инфантерии.
- 81 *Тренев К.А.* Пьесы. Статьи. Речи. М., 1980. С. 464. Гренадера, пленившего Бонами, Кутузов тут же произвел в унтер-офицеры и наградил Георгиевским крестом (29. С. 145).
- 82 *Ложье Ц.* Дневник офицера «Великой армии» в 1812 г. М., 1912. С. 151.
- 83 *Гюро В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. М., 1956. С. 175.
- 84 *Стенгаль Ф.* Собр. соч. Т. 6. Л., 1933. С. 354.
- 85 *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1900. № 12. С. 547.
- 86 *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 281.
- 87 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 260; *Бешанов В.В.* 60 сражений Наполеона. Минск, 2000. С. 346
- 88 *Dumas M.* Souvenirs. P., 1839. V. 3. P. 440.
- 89 *Thiers A.* Op. cit. V. 14. P. 347.
- 90 *Толстой Л.Н.* Собр. соч. Т. 6. С. 269. Точность этой картины — не в деталях ее («зады» французов представляла свежая гвардия), а в смысле.
- 91 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 183; *Жилин П.А., Ярославцев А.В.* Бородинское сражение. М., 1952. С. 71.
- 92 Попытки Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского опровергнуть Кутузова и доказать, что он, Кутузов (не ведая о том?), сохранил в резерве свою гвардию (Отечественная история. 1992. № 6. С. 190; *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 36—37), несостоятельны. Давно опубликован рапорт командующего гвардейским корпусом Н.И. Лаврова об участии в битве всей русской гвардии (4. С. 144—146).
- 93 *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 660.
- 94 *Граббе П.Х.* Указ. соч. Ч. 2. С. 88; *Глинка С.Н.* Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 52.

- 95 Прунцов В.В. Указ. соч. С. 68; Рубинштейн Л.В. Дорога победы. М. — Л., 1954. С. 444; Брагин М.Г. Кутузов. М., 1975. С. 163, 164; Михайлов О.Н. Генерал Ермолов. М., 1983. С. 232.
- 96 Фельдмаршал Кутузов. Документы... С. 377. Ординарец Кутузова кн. Александр Борисович Голицин (1792—1865) стал впоследствии саратовским губернатором и Владимирским губернским предводителем дворянства.
- 97 Фельдмаршал Кутузов. Документы... С. 376.
- 98 Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 179—180; Лесин В.И. Указ. соч. С. 323; Бескровный Л.Г. Бородинское сражение С. 70.
- 99 Пеле Ж. Указ. соч. С. 88; Larrey D. Mémoires... P., 1817. V. 4. P. 46.
- 100 Скутаревский А.П. Бородино. СПб., 1912. С. 77; Витмер А.Н. Бородинский бой // Военно-историч. сб. 1912. № 3. С. 167.
- 101 Но все-таки она не была «самой кровопролитной» и «величайшей» из битв даже «наполеоновской эпопеи», хотя иногда ее называют таковой, забывая о «битве народов» 1813 г. под Лейпцигом (32. Т. 7. С. 579; Бешанов В.В. Указ. соч. С. 328).
- 102 См., напр.: Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1854. V. 14. P. 349; Thiry J. La campagne de Russie. P., 1969. P. 153; Blond J. La Grande Armée. P., 1979. P. 345.
- 103 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 260; Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 2. Кн. 3. С. 122; Чанглер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 493; Kukiel M. Woina 1812 roku. Krakow, 1937. Т. 2. S. 199; Madelin L. La catastrophe de Russie. P., 1949. P. 199; Quennevat J.-C. Atlas de la Grande Armée. Napoléon et ses campagnes (1803—1815). P. — Bruxelles, 1966. P. 138; La campagne de Russia. Napoléon-1812. P., 1981. P. 170.
- 104 Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, вышедшую в поход против России в 1812 г. С приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании до вступления в Москву // Ростопчин Ф.В. Соч. СПб., 1853. С. 362. Весь «Подробный список...» занимает здесь с. 335—364. Впервые он был опубликован по указанию Ростопчина отдельным изданием в Москве еще в 1813 г. Не ведая обо всем этом, В.Г. Сироткин в 2000 г. вновь перепечатал его с ремаркой: «публикуется впервые» (Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 355—571).
- 105 Геруа А.В. Бородино. СПб., 1912. С. 61; История русской армии и флота. М., 1911. Т. 3. С. 164.
- 106 Сивков К.В. Разгром Наполеона в России в 1812 г. М. — Л., 1941.

- С. 23; *Прегтеченский А.В.* Отечественная война 1812 г. // Историч. журнал. 1941. № 7—8. С. 93.
- 107 *Кац Б.Л.* Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении // Историч. журнал. 1941. № 7—8. С. 125.
- 108 *Прунцов В.В.* Указ. соч. С. 66; *Жилин П.А., Ярославцев А.В.* Указ. соч. С. 76; *Фадеев А.В.* Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 18; *Строков А.А.* История военного искусства. М., 1965. Т. 2. С. 197; *Ростунов И.И.* П.И. Багратион. М., 1970. С. 107; *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 131; *Бурин С.Н.* Наполеон Бонапарт. Смоленск—М., 1999. С. 218; *Андрианова И.А.* Спаситель Отечества. Жизнеописание М.И. Голенищева-Кутузова. Смоленск—М., 1999. С. 241; История России. С нач. XVIII до кон. XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 314.
- 109 *Кожухов С.И.* К вопросу об оценке М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Большевик. 1951. № 15. С. 29; *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 182; *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 69; *Жилин П.А.* О войне и военной истории. М., 1984. С. 496; *Мелентьев В.Д.* Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 149; Недаром помнит вся Россия. М., 1986. С. 78; *Борганов А.П.* На поле Бородинском. М., 1987. С. 49.
- 110 *Кац Б.Л.* Указ. соч. С. 125. Курсив мой. — Н.Т.
- 111 См. об этом: *Троицкий Н.А.* Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине // Вопросы истории. 1990. № 9.
- 112 *Ростолчин Ф.В.* Соч. С. 357.
- 113 Там же. С. 341.
- 114 Там же.
- 115 *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 66, 69.
- 116 *Bulletins officiels de la Grande Armée.* P. 99.
- 117 *Полевой Н.А.* Повесть о великой битве Бородинской. СПб., 1844. С. 89; *Липранди И.П.* Материалы для истории Отечественной войны 1812 г. СПб., 1867. С. 7; *Геруа А.В.* Указ. соч. С. 61; *Скугаревский А.П.* Указ. соч. С. 79; История русской армии и флота. Т. 3. С. 164.
- 118 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 260; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 90; *Thiers A.* Op. cit. V. 14. P. 349; *Thiry J.* Op. cit. P. 154; *Kukiel M.* Op. cit. T. 2. S. 199; *La campagne de Russia. Napoléon-1812.* P. 170; *Castelot A.* Histoire de Napoléon Bonaparte. P., 1969. T. 8. P. 88.
- 119 *Сивков К.В.* Указ. соч. С. 23; *Прегтеченский А.В.* Указ. соч. С. 93.
- 120 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 182; *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 107; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4.

- С. 131; История СССР / Под ред. Н.Е. Артемова. М., 1982. Ч. 1. С. 195; Недаром помнит вся Россия. С. 79.
- 121 Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 45.
- 122 *Швегов С.В.* Численность и потери русской армии в Бородинском сражении // Бородино. Мат-лы науч. конференции 1993 г. Бородино, 1994. С. 113–114.
- 123 *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 271.
- 124 РГВИА. Ф. 474, оп. 1. д. 96, л. 35–46. *Частично* (по копии) документ опубликован: 20. Ч. 1. С. 208–209.
- 125 *Михайловский-Данилевский А.И.* Александр I и его сподвижники. СПб., 1845. Т. 1. Вып. 24. С. 5.
- 126 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 182; *Андрианова И.А.* Указ. соч. С. 241; *Бешанов В.В.* Указ. соч. С. 346; СИЭ. Т. 2. С. 628; БСЭ-3. Т. 3. С. 579.
- 127 См.: *Черкасов П.П.* Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 193.
- 128 См.: *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 425, 544.
- 129 *Скугаревский А.П.* Указ. соч. С. 80.
- 130 РГВИА. Ф. 474, оп. 1. д. 96, л. 35, об. — 39 (все 29 генералов здесь перечислены).
- 131 См. о ней: *Шахова Е.Н.* Памятные записки о жизни игуменьи Марии, основательницы Спасо-Бородинского монастыря, в мире Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной // Странник. 1865. Т. 2. № 5–6.
- 132 *Жилин П.А., Ярославцев А.В.* Указ. соч. С. 79; *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 190–191; *Рязанов Н.И.* Указ. соч. С. 554; *Бескровный А.Г.* Бородинское сражение. С. 72; Полководец Кутузов. Сб. статей. С. 255; *Мухин А.А.* Отечественная война 1812 г. Иркутск, 1962. С. 19; *Мокряков П.Т.* Отечественная война 1812 г. М., 1970. С. 19; *Хвостов В.М.* Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. М., 1977. С. 311; *Окунь С.Б.* История СССР. Лекции. Л., 1978. Ч. 2. С. 35; *Ростунов И.И.* Отечественная война 1812 г. М. 1987. С. 25; *Богданов А.П.* На поле Бородинском. С. 50; *Шишов А.В.* Особенности полководческого искусства ген.-фельдм. М.И. Голенищева-Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 170–171.
- Лишь в 90-е годы некоторые отечественные историки стали признавать, что Бородино — это «победа Наполеона» (А.А. Васильев), хотя он здесь и «не достиг полного успеха» (В.Н. Земцов): Чья победа? // Родина. 1992. № 6–7. С. 72; *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 166.

- 133 Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950. С. 58, 60. О том же, вплоть до наших дней: История военного искусства / Под ред. Е.А. Разина. М. 1956. Т. 1. С. 206, 209; История СССР с древнейших времен... Т. 4. С. 126; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 110; Орлик О.В. «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 47; Ростунов И.И. Отечественная война 1812 г. С. 13; Абалихин Б.С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917—1987. М., 1990. С. 113; Устинов В.И. «Солнце Аустерлица» закатилось в России // Военно-историч. журнал. 1992. № 10. С. 51; Фролов Б.П. Указ. соч. С. 226, 310; Шишов А.В. Указ. статья. С. 170. Вообще, из всех подлогов на тему Бородина рекордным является подлог Н.Ф. Шахмагонова: «Французская армия бежала с поля битвы, оставив там до 50 тыс. трупов» (Дорогами тысячелетий. М., 1989. Кн. 3. С. 214).
- 134 См. указ. соч. П.А. Жилина, Н.Ф. Гарнича, Л.Г. Бескровного, С.Б. Окуня, И.И. Ростунова, В.М. Хвостова, Л.Н. Пунина, Н.И. Рязанова, П.Т. Мокрякова, Ю.Н. Гуляева, В.Т. Соглаева, А.В. Шишова, юбилейную книгу-альбом «Бородино» (М., 1987. С. 125) и др.
- 135 Lai-Cases S. Mémorial de St.-Hélène. P., 1840. Т. 6. Р. 141.
- 136 Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 185; Хвостов В.М. Указ. соч. С. 310; Полководец Кутузов. Сб. статей. С. 248; Бородино. 1812. С. 217; Жилин П.А. О войне и военной истории. С. 523; Шишов А.В. Указ. статья. С. 170—171.
- 137 Жилин П.А. О войне и военной истории. С. 454. Курсив мой. — Н.Т.
- 138 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 93, 260; Правда. 1912. 7 сентября // Правда (№ 1—204). М., 1934. Вып. 4. С. 285.
- 139 Верецагин В.В. Наполеон I в России. Тверь, 1993. С. 119. В парижском Доме инвалидов рядом с гробницей Наполеона Бородино (Moscowa) значится в перечне — золотом по мрамору — не только всех вообще 70 сражений, выигранных Наполеоном, но и 8-ми самых выдающихся его побед. См.: Горицкий В.А. Военная кампания Наполеона 1812 г. в России в памятниках Парижа // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2001, С. 134.
- 140 Ложье Ц. Дневник офицера «Великой армии». С. 149; Thiers A. Op. cit. V. 14. Р. 348.
- 141 Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. Кн. 2. Отд. 5. С. 84; Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 10. С. 261; Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1900. № 12.

- С. 581—582; *Суханин П.А.* Из журнала участника войны 1812 г. // *Русская старина.* 1912. № 2. С. 283; *Винценгероде Ф.Ф.* — *Александру I* 13 сентября 1812 г. (14. С. 136).
- 142 *[Щербинин А.А.]* «Война и мир». Замечания мои на 5-й том // *ЧОИДР.* 1912. Кн. 4. Отд. 2. С. 5.
- 143 *Брагин М.Г.* Кутузов. С. 167.
- 144 *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 56.
- 145 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 140; *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. С. 101; *История СССР с древнейших времен...* Т. 4. С. 131.
- 146 *Окунев Н.А.* Рассуждения о больших военных действиях ... в 1812 г. СПб., 1833. С. 196—197.
- 147 *Верещагин В.В.* Повести. Очерки. Воспоминания. М., 1990. С. 242.
- 148 *Кочетков А.Н.* Указ. соч. С. 41. Ср.: *Окунев Н.А.* Указ. соч. С. 196.
- 149 «К чести России». С. 105.
- 150 *Граббе П.Х.* Указ. соч. Ч. 2. С. 87; *Норов А.С.* Воспоминания // *Русский архив.* 1881. № 3. С. 196.
- 151 *Граббе П.Х.* Указ. соч. Ч. 2. С. 86; *Павленко Н.Г.* Русская артиллерия (1389—1812). М., 1940. С. 134.
- 152 1812—1814. Реяции... М., 1992. С. 218.
- 153 *Витмер А.Н.* Бородино в очерках наших современников. С. 157; *Чандлер Д.* Указ. соч. С. 493.

Глава V. Перелом

- 1 Критический свод данных о составе совета в Филях см. в кн.: *Тотфалушин В.П.* М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1991. С. 102—103. О хозяине «кутузовской избы», которого в разных источниках называют по-разному, см.: *Прохоров М.Ф.* Новые документы о владельцах Кутузовской избы // *Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы.* Бородино, 1997. С. 82—83.
- 2 См.: *Тотфалушин В.П.* Указ. соч. С. 103.
- 3 См. там же.
- 4 *Попов А.Н.* Москва в 1812 г. М., 1876. С. 217; *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 377.
- 5 *Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания.* М., 1995. С. 205, 209, 219, 393.
- 6 *Записки гр. Л.Л. Беннигсена о кампании 1812 г.* // *Русская старина.* 1909. № 9. С. 501.

- 7 Цит. по: *Давыдов Д.В.* Соч. М., 1860. Т. 2. С. 66.
- 8 Записки гр. А.А. Беннигсена... С. 501.
- 9 См. подсчет голосов в указ. соч. В.П. Тотфалушина (С. 104).
- 10 История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 131.
- 11 *Раевский Н.Н.* Записки // *Давыдов Д.В.* Замечания на некрологию Н.Н. Раевского, изданную при Инвалиде 1829 г. с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 г., в коих он участвовал. М., 1832. С. 74. Впрочем, как подметил П.А. Вяземский, «привычка говорить по-французски не мешала генералам нашим драться совершенно по-русски» (*Калаш В.В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 234).
- 12 *Раевский Н.Н.* Записки. С. 74.
- 13 *Бескровный А.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 111; *Абалихин Б.С.* Героическая эпопея народного подвига. М., 1987. С. 33; *Орлик О.В.* «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 54; *Рязанов Н.И.* М.И. Кутузов и его письма // М.И. Кутузов. Письма. Записки. М., 1989. С. 555; *Шишов А.В.* Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографий. М., 2001. С. 277.
- 14 *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 194.
- 15 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 46.
- 16 *Schubert F.* Unter dem Doppeladler... Stuttgart, 1962. S. 250 (Ф.Ф. Шуберт — русский офицер, герой 1812 г., сын акад. Ф.И. Шуберта, дед С.В. Ковалевской). Ср.: *Батюшков К.Н.* Соч. М., 1955. С. 308.
- 17 Русский архив. 1874. № 1. С. 1098, 1099.
- 18 Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 4.
- 19 Дневник Павла Пущина (1812—1814). Л., 1987. С. 62.
- 20 *Маевский С.И.* Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 143.
- 21 *Неверовский Д.П.* Записка о службе своей в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. № 1. С. 79; *Скобелев И.Н.* Переписка и рассказы русского инвалида. СПб., 1841. С. 33; *Ковальский Н.П.* Из записок // Русский вестник. 1871. № 1. С. 94.
- 22 *Дурова Н.А.* Записки кавалерист-девицы. М., 1962. С. 109; *Чичерин А.В.* Дневник. 1812—1813. М., 1966. С. 16; *Глинка С.И.* Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 72.
- 23 1812—1814. Реляции. М., 1992. С. 218.
- 24 *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1901. № 1. С. 106.

- 25 *Маевский С.И.* Указ. соч. С. 143.
- 26 *Попов А.Н.* Французы в Москве. М., 1876. С. 17.
- 27 *Бестужев-Рюмин А.Д.* 1812 год // Русский архив. 1910. № 5. С. 95–96.
- 28 Двенадцатый год: Из семейных воспоминаний // Русская старина. 1882. № 11. С. 345; *Шаховской А.А.* Двенадцатый год: Воспоминания // Русский архив. 1886. № 11. С. 375.
- 29 *Толычева Т. [Новосильцева Е.В.]* Рассказы очевидцев о 12-м годе. М., 1912. С. 120.
- 30 *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород // Сын отечества. 1813. № 36. С. 133.
- 31 *Тартаковский А.Г.* Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Ист. зап. 1973. Т. 92. С. 366, 368.
- 32 *Ложье Ц.* Дневник офицера «Великой армии» в 1812 г. М. 1912. С. 161.
- 33 Пожар Москвы: По воспоминаниям и запискам современников. Т. 1. М., 1911. С. 149.
- 34 *Бургонь А.-Ж.* Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 5.
- 35 *Пасторе А.* Записки о 1812 г. // Русский архив. 1900. № 12. С. 531; см. также: *Бургонь А.-Ж.* Указ. соч. С. 27–28; *Larrey D. Mémoires.* V. 4. P., 1817. P. 77; 20. С. 153; 35 Т. 2. С. 47.
- 36 *Соловьев С. М.* Император Александр I: Политика. Дипломатия. СПб., 1877. С. 230.
- 37 Полагают, что и в ХХI веке «историки продолжают старый спор: кто все же поджег Москву в 1812 г.?» (*Сироткин В.Г.* Наполеон и Россия. М., 2000. С. 341).
- 38 См. статью А.Г. Тартаковского в сб.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 253–257.
- 39 См. напр.: *Гуляев Ю.Н.* Документы РГИА о пожаре Москвы в 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г., Малоярославец. 1998. С. 50; *Шахмагонов Н.Ф.* Тайна московского пожара. М., 1999; История России. С нач. XVIII до кон. XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 315; *Фролов Б.П.* «Да, были люди в наше время...» М., 2005. С. 331.
- 40 *Сироткин В.Г.* Дипломатический финал в Париже // От Москвы до Парижа (1812–1814). Малоярославец, 1998. С. 5, 7.
- 41 *Холодковский В.М.* Наполеон ли поджег Москву? // Вопр. истории. 1966. № 4. С. 33.
- 42 РНБ РО, ф. 152, оп. 1, д. 259.
- 43 *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 36.

- 44 *Горностаев М.В.* Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин. М., 2003. С. 51; *Palmer A.* Napoleon in Russia. New York, 1967. P. 153.
- 45 *Глинка С.Н.* Записки о Москве. М., 1837. С. 39.
- 46 Жизнь, военные и политические деяния Его Светлости генерал-фельдмаршала кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. Ч. 3. С. 108; *Липранди И.П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы // ЧОИДР. 1866. Кн. 3. С. 155; *Попов А.Н.* Французы в Москве. М., 1876. С. 106; *Полосин И.И.* М.И. Кутузов и пожар Москвы // Историч. записки. 1950. Т. 34. С. 147.
- 47 *Ростопчин Ф.В.* Соч. СПб., 1853. С. 211.
- 48 *Глинка С.Н.* Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 66.
- 49 *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 35.
- 50 *Липранди И.П.* Материалы для истории Отечественной войны 1812 г. СПб., 1867. С. 102.
- 51 *Швегов С.В.* О запасах военного имущества в Москве в 1812 г. // Советские архивы, 1987. № 6. С. 73.
- 52 По официальным данным Государственного совета (20. Ч. 1. С. 471). Ф.В. Ростопчин называл 22 тыс. (Русский архив. 1901. № 8. С. 462), К. Клаузевиц — 26 тыс. (18. С. 214).
- 53 «Раненых всех бросили», — сокрушался в те дни Н.Н. Раевский (1812—1814. Реляции... С. 218).
- 54 См.: *Попов А.Н.* Французы в Москве. С. 10—11.
- 55 *Пеле Ж.* Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 90.
- 56 А.А. Смирнов считает такой ход Кутузова естественным, ибо, мол, «аналогично (?! — Н.Т.) поступали и французы» (Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2000. С. 108—109). Возможно ли (в воображении А.А. Смирнова), чтобы французы в 1814 г. зажгли Париж, вывезли из него «огнегасительный снаряд», бросили бы в нем 20 тыс. своих раненых и после этого поручили бы их «человеколюбию» россиян?
- 57 См.: *Куковенко В.И.* Забытая страница войны 1812 г. // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 173—176.
- 58 См. об этом: *Норов А.С.* Война и мир 1805—1812 гг. с исторической точки зрения и по воспоминаниям современников. СПб., 1893. С. 72—74, 81; *Распопов Н.М.* Из воспоминаний // Русский архив. 1879. № 9. С. 40.
- 59 *Верещагин В.В.* Наполеон I в России. Тверь, 1993. С. 29.
- 60 *Липранди И.П.* Война 1812 г. М., 1869. С. 167. См. также: *Попов А.К.* Французы в Москве, С. 106—108.
- 61 *Граббе П.Х.* Из памятных записок. М., 1873. Ч. 2. С. 97; 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 144.

- 62 Листовки Отечественной войны 1812 г. Сб. документов. М., 1962. С. 47.
- 63 См.: Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 183; Гуляев Ю.Н. Генерал-фельдмаршал светлейший кн. М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Правда и домыслы // От Москвы до Парижа (1812—1814). С. 50—51.
- 64 Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., Л., 1959. С. 287; Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 133; Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1947. С. 491—493.
- 65 История Москвы. Т. 3. С. 110.
- 66 Там же. С. 109.; см. также: 25. Т. 4. С. 148.
- 67 Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. СПб., 1820. С. 6.
- 68 Бургонь А.-Ж. Указ. соч. С. 26.
- 69 Кольчугин Г.Н. Записка о 1812 г. // Русский архив. 1879. № 9. С. 49.
- 70 Толычева Т. [Новосильцева Е.В.] Указ. соч. С. 37, 61, 99, 104, 109; Верещагин В.В. Наполеон I в России. СПб., 1899. С. 8.
- 71 Стендаль Ф. Собр. соч. Т. 15. М.; Л., 1949. С. 571—573; Ложье Ц. Указ. соч. С. 169; Бургонь А.-Ж. Указ. соч. С. 26; *Pion des Loches A. Mes campagnes (1792—1815)*. P., 1889. P. 300.
- 72 Русский архив. 1891. № 10. С. 266.
- 73 Верещагин В.В. 1812 год. М., 1895. С. 28.
- 74 Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Русский архив. 1868. № 6. С. 896—899.
- 75 См.: Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 50—51, 60.
- 76 Шумигорский Е.С. Суворочка // Ист. вестник. 1900. № 5. С. 547.
- 77 Попов А.Н. Указ. соч. С. 121—122.
- 78 Вугон G. The Works. V. 5. L., 1901. P. 551; Русский архив. 1885. № 3. С. 416.
- 79 См.: Россия и Швеция: Документы и материалы 1809—1818 гг. М., 1985. С. 200.
- 80 Gourgau G. Journal de Saint-Hélène (1815—1818). V. 1. P., 1947. P. 150; Bertrand A. Cahiers de Saint-Hélène. V. 2. P., 1959. P. 134—135.
- 81 Русский архив. 1900. № 11. С. 460.
- 82 Яковлев И.А. Записка о 1812 г. // Русский архив. 1874. № 4. С. 1062—1069.
- 83 Волконский С.Г. Записки. СПб., 1901. С. 189. Ср.: Герцен А.И. Собр. соч. Т. 8. С. 21.

- 84 Жомини А. Очерки военного искусства. Т. 2. М., 1939. С. 58—59.
- 85 Письма Ф.В. Ростопчина к Императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. № 8. С. 535.
- 86 Деша гр. Ж. де Местра сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 г. // Русский архив. 1912. № 1. С. 50.
- 87 Михайловский-Данилевский А.И. Записки // Ист. вестник. 1890. № 10. С. 153—154.
- 88 «Радуясь» за Кутузова, его почитатели продлевают этот срок до «12 дней» (12. С. 323; Шишов А.В. Указ. соч. С. 282) и даже до «двух недель» (Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. С. 200).
- 89 Военский К.А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. С. 56.
- 90 П.А. Жилин посчитал даже, что вообще «никому из полководцев до Кутузова не приходилось в такой сложной обстановке совершать подобного рода (как достижение военного искусства. — Н.Т.) маневры» (16. С. 195). Это, конечно, преувеличение. Всемирная история войн знает случаи «подобного рода»: например, Ганнибал перед Каннами и Цезарь перед Фарсалом, Наполеон в Италии и Суворов в Швейцарии совершали в обстановке, не менее сложной, маневры, не менее искусные.
- 91 См.: Кутузов — Александру I 16 сентября 1812 г. (20. Ч. 1. С. 233—234).
- 92 См. об этом: Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 6. С. 469; Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Там же. № 7. С. 121.; Тотфалушин В.П. Указ. соч. С. 108.
- 93 Попов А.Н. Движение русских войск... С. 121.
- 94 Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 г. СПб., 1819. С. 130.
- 95 Montholon Ch. M moires... V. 3. P., 1823. P. 179.
- 96 Лишь в наши дни появилась статья, отчасти раскрывающая столь «неудобную» тему: Ульянов А.И. Тарутинский лагерь: «Неудобные факты» // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 г. Малоярославец, 1994.
- 97 Русский архив. 1874. № 1. С. 1100.
- 98 1812—1814. Реляции... С. 128.
- 99 «К чести России». С. 115, 120; Фельдмаршал Кутузов. Документы... С. 393.
- 100 Из писем А.Я. Булгакова к его брату // Русский архив. 1900. № 5. С. 35; Гр. Ф.В. Ростопчин. Письма к супруге в 1812 г. // Там же. 1901. № 8. С. 468.

- 101 *Маевский С.И.* Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 153.
- 102 *Муравьев Н.Н.* Записки // Русский архив. 1885. № 11. С. 363; «К чести России». С. 115; 1812 год. Военные дневники. С. 98.
- 103 «Я жив, но замучен должностью, — писал Коновницын из Тарутина жене. — <...> Иду охотно на ядры, пули, картечи, только чтоб здесь не быть» (5. Т. 8. С. 111).
- 104 Фельдмаршал Кутузов. С. 413; *Чичерин А.В.* Дневник. 1812—1813. М., 1966. С. 21.
- 105 Фельдмаршал Кутузов. С. 209 (Ф.В. Ростопчин — Александру I).
- 106 *Давыдов Д.В.* Соч. М., 1962. С. 509.
- 107 «К чести России». С. 115, 127. Курсив мой. — *Н.Т.*
- 108 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 115—116.
- 109 *Шахмагонов Н.Ф.* Кому служил барон? // Дорогами тысячелетий. М., 1989. Кн. 3. С. 214.
- 110 См.: *Пчелов Е.В.* Генерал от кавалерии Л.А. Беннигсен // Бородино. Материалы науч. конференции 1993 г. Бородино, 1994.
- 111 Это признал сам Кутузов, сказав после боя Беннигсену: «Вы одержали славную победу» (Фельдмаршал Кутузов. С. 411).
- 112 О том же: *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1901. № 1. С. 118.
- 113 Фельдмаршал Кутузов. С. 409.
- 114 Офицер кутузовского штаба Н.Д. Дурново (будущий генерал) записывал в дневнике по поводу трофеев, перечисленных в одном из «бюллетеней» Кутузова: «Цифру нужно *всегда* поделить на три, и оставшееся число будет еще не совсем верным», т.е. завышенным (1812 год. Военные дневники. С. 110. Курсив мой. — *Н.Т.*).
- 115 *Давыдов Д.В.* Соч. М., 1962. С. 539.
- 116 *Пчелов Е.В.* Указ. соч. С. 68, 72.
- 117 «Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, — писал о Барклае А.С. Пушкин, — но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения» (28. Т. 10. С. 217).
- 118 *Маевский С.И.* Указ. соч. С. 154.
- 119 «После сражения того (Бородинского. — *Н.Т.*) армия была приведена в крайнее расстройство», — доносил Кутузов Царю 16 сентября 1812 г. (Фельдмаршал Кутузов. С. 199. Курсив мой. — *Н.Т.*). В донесениях же его от 31 августа и 4 сентября, когда он принял армию от Барклая (см. там же. С. 171—173, 176—177), нет ни слова о ее «расстройстве».

- 120 Сегодня лишь самые пылкие аллилуйщики Кутузова рискуют оправдывать его «подкопы» под Барклая де Толли: *Ивченко Л.А.* М.И. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 13.
- 121 Цит. по: *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль. 1812 г. М., 1996. С. 143.
- 122 «К чести России». С. 115.
- 123 Цит. по: *Попов А.Н.* Движение русских войск... С. 115.
- 124 Полемизируя с теми историками, которые считают, что Кутузов «отправил Барклая из армии», А.Г. Тартаковский в его указ. соч. (С. 140) подчеркивает: «Отъезд Барклая из армии явился следствием его личного решения — об этом надо сказать совершенно прямо, во избежание каких-либо кривотолков». При этом, однако, сам Тартаковский признает, что Кутузов дал Барклаю понять: «При Кутузове он лишний в армии» (Там же. С. 143).
- 125 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 241; 20. Ч. 1. С. 332 (прим. ред. А.Г. Бескровного).
- 126 Кутузову и Беннигсену было тогда по 67 лет, Барклаю де Толли — 50.
- 127 Цит. по: *Попов А.Н.* Движение русских войск... С. 118.
- 128 *Ульянов А.И.* Указ. соч. С. 45.
- 129 *Тренев К.А.* Пьесы. Статьи. Речи. М., 1980. С. 514—515.
- 130 *Левенштерн В.И.* Записки. С. 110.
- 131 *В[еймар]н Ф.[В.]* Барклай де Толли и Отечественная война 1812 г. // Русская старина. 1912. № 12. С. 648.
- 132 *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 118.
- 133 РГВИА. Ф. 103, оп. 210, св. 8, д. 1, л. 80.
- 134 Там же, л. 78.
- 135 *Митаревский Н.Е.* Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878. С. 96.
- 136 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 453.
- 137 См.: *Абалихин Б.С.* Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С. 130.
- 138 *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. // Русская старина. 1894. № 11. С. 194—195.
- 139 *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 199. См. также октябрьское письмо А. Баргаэ д'Илье (Русская старина. 1913. № 5. С. 422).
- 140 *Калаш В.В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 206.
- 141 *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 363.

- 142 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1990. Ч. 3—4. С. 157.
- 143 *Безотосный В.М.* Значение событий под Малоярославцем в 1812 г. // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. Малоярославец, 1993. С. 19, 20.
- 144 *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3. С. 122; *Ниве П.А.* Отечественная война 1812 г. М., 1911. Т. 3. С. 441. Как ни странно, с ним соглашался Л.Г. Бескровный (2. С. 446).
- 145 Чья победа? // Родина. 1992. № 6—7. С. 73.
- 146 *Швегов С.В.* Действия М.И. Кутузова в Березинской операции // II этап Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1997, С. 77—78, 81.
- 147 13 сентября Александр I уведомил Кутузова о своем решении объединить Молдавскую и 3-ю Западную армии под общим командованием П.В. Чичагова, а Тормасова откомандировать в Главную армию «как бы по случаю раны кн. Багратиона» (Фельдмаршал Кутузов. С. 196—197).
- 148 *Абалихин Б.С.* 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 123—124, 134—135.
- 149 *Ахшарумов Д.И.* Указ. соч. С. 293.
- 150 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 15.
- 151 *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 39.
- 152 Для печати текст кутузовского рапорта был отредактирован (изъяты слова «я взял намерение отступить» и др.), но не Александром I, как полагали советские публикаторы текста, а гр. А.А. Аракчеевым. Это доказал Н.П. Поликарпов в своих «Очерках Отечественной войны»: Новая жизнь. 1911. №. 8. С. 142—143.
- 153 «К чести России». С. 91.
- 154 *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 1. С. 17.
- 155 *Военский К.А.* Две беседы полковника А.Ф. Мишо с Императором Александром в 1812 г. СПб., 1904. С. 8.
- 156 *Maistre J. de.* Correspondance diplomatique 1811—1817. V. 1. P., 1860. P. 119.
- 157 *Дживелегов А.К.* Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 207.
- 158 *Клаузевиц К.* О войне. М., 1936. Т. 1. С. 170. Кстати, К. Клаузевиц оценивал действия Наполеона в России («Он действовал здесь так же, как и всегда; лишь этим путем сделался он повелителем Европы»: *Клаузевиц К.* Указ. соч. Т. 2. С. 414) гораздо вернее, чем А.И. Попов, полагающий, что именно несчетные «ошибки Напо-

- леона» («одна за другой») стали главной причиной его поражения: Попов А.И. Великая армия в России. АДД. Самара, 2003. С. 35, 38.
- 159 Подробно см.: Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3.
- 160 Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882. С. 442.
- 161 Вигель Ф.Ф. Записки. Т. 2. М., 1928. С. 21.
- 162 Окуджава Б.Ш. Свидание с Бонапартом. М., 1985. С. 8.
- 163 Рунич Д.П. Из записок // Русская старина. 1901. № 3. С. 600; Воспоминания А.Я. Булгакова // Старина и новизна. 1904. № 7. С. 103.
- 164 Ростопчин Ф.В. Соч. С. 163—165, 175.
- 165 Отечественная война и ее причины и следствия. М., 1912. С. 170.
- 166 Там же. С. 173.
- 167 Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. Ч. 2. М., 1814. С. 235.
- 168 Ростопчин Ф.В. Соч. С. 181.
- 169 Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 13.
- 170 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 345.
- 171 Хроника недавней старины. СПб., 1876. С. 148.
- 172 Верещагин В.В. 1812 год. С. 7.
- 173 Грибоедов А.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1971. С. 367.
- 174 Автобиографическая записка государственного секретаря В.Р. Марченко // Русская старина. 1896. № 3. С. 500.
- 175 Федорова Л. Статистические сведения о декабристах — участниках Отечественной войны 1812 г. // Военно-ист. журнал. 1975. № 12.
- 176 Дружинин Н.М. Историческое значение Отечественной войны 1812 г. // Вопр. истории. 1962. № 12. С. 50.
- 177 Чичерин А.В. Дневник... С. 36.
- 178 См.: Глинка В.М., Помарнацкий В.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. С. 28—29.
- 179 См.: Храпков С.А. Русская интеллигенция в Отечественной войне 1812 г. // Историч. журнал. 1943. № 2. С. 75.
- 180 Волконский С.Г. Записки. С. 193.
- 181 Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. / Под ред. К.А. Военского Т. 3. СПб., 1912. С. 236.
- 182 Там же. С. 170.
- 183 Там же. Т. 1. С. 361; Т. 3. С. XV—XVI; Андриев П.Г. Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 г. Смоленск, 1959. С. 57—58.
- 184 Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Т. 3. С. 11.

- 185 См.: *Военский К.А.* Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. М., 1912; *Студитский И.М.* Русское духовенство в Отечественную войну 1812 г. Кострома, 1912; *Никольский А.И.* Лица «духовного чина» московской епархии в их служении церкви и отечеству в 1812 г. М., 1912.
- 186 По ревизии (переписи мужского населения) 1811 г., дворян в России было 225 тыс., лиц духовного звания — 215 тыс., купцов — 119 тыс., а крестьян — 17 770 тыс. (*Арсеньев К.И.* Начертание статистики Российского государства. Ч. 1. СПб., 1818. С. 63—64).
- 187 *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. 6. С. 213.
- 188 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 699.
- 189 *Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895. С. 255.
- 190 *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. М., 1931. С. 49.
- 191 *Абалихин Б.С.* Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С. 130.
- 192 Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сб. док. М., 1961. С. 18.
- 193 *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 130.
- 194 Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. С. 18.
- 195 Подробно о них см.: *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 111—116.
- 196 См.: Ужасы крепостного права в царствование Александра Благословенного // Русский архив. 1907. № 9. С. 119—135.
- 197 *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 116.
- 198 *Бабкин В.И.* Классовая борьба в период Отечественной войны 1812 г. Иваново, 1984. Деп. в ИНИОН 7.08.1984. № 1778. С. 63.
- 199 Там же. С. 59.
- 200 *Савин Н.И.* Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского уезда Смоленской губ. Дорогобуж, 1926. С. 10, 23.
- 201 *Бабкин В.И.* Классовая борьба... С. 96—97.
- 202 Там же. С. 80—84.
- 203 *Ростопчин Ф.В.* Письма к Императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. № 8. С. 546; *Киреев М.И.* Записки // Русская старина. 1890. № 7. С. 49.
- 204 См.: *Годин В.С.* Антикрепостническое восстание ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. // Краеведческие записки. Пенза, 1963. Вып. I.
- 205 *Шишкин И.* Бунт ополчения в 1812 г. // Бунт военных поселян в 1831 г. СПб., 1870. С. 245.

- 206 *Годин В.С.* Указ. соч. С. 25; *Бабкин В.И.* Классовая борьба... С. 129.
- 207 *Бабкин В.И.* Классовая борьба... С. 42—46.
- 208 Редакция многотомного сборника документов «М.И. Кутузов» не включила в сборник ни одного документа об его участии в расправе с крестьянами.
- 209 *Сошин Н.И.* Советская историческая литература о роли классов и сословий в разгроме наполеоновских войск в России в 1812 г. // Вопросы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Калинин, 1977. С. 137.
- 210 *Ливчак Б.Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России 1806—1856 гг. // Учен. тр. Свердловского юрид. ин-та. 1961. Т. 4. С. 61, 62; *Андреев П.Г.* Указ. соч. С. 99, 100.
- 211 100 лет назад // Русская старина. 1912. № 7. С. 144; [*Тихонов Я.*] Поражение французов на Севере. М., 1814. С. 115.
- 212 Архив Раевских. Т. I. СПб., 1908. С. 152.
- 213 См. об этом: *Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. Т. 4. СПб., 1913. С. 169, 175. Самый авторитетный на Западе российский (эмигрантский) историк Г.В. Вернадский считал даже, что «посредством социальной революции» Наполеон «мог завоевать Россию (по крайней мере, «мог бы властвовать в России» какое-то время): *Вернадский Г.В.* Русская история. М., 1997. С. 204.
- 214 *Тарле Е.В.* Соглядатай Наполеона I о русском обществе 1808 г. // *Тарле Е.В.* Запад и Россия. Пг., 1918. С. 163.
- 215 *Абалихин Б.С.* Особенности классовой борьбы... С. 132.
- 216 Подробно см.: *Тартаковский А.Г.* Из истории одной забытой полемике // История СССР. 1968. № 2. С. 28—29.
- 217 *Сироткин В.Г.* Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1. С. 146 (со ссылками на В.И. Бабкина, А.Г. Бескровного, Э. Терзена).
- 218 Поскольку Мария Луиза Австрийская доводилась племянницей жене Людовика XVI Марии Антуанетте, Наполеон, женившись на Марии Луизе, мог считать себя племянником Людовика XVI.
- 219 В том, что Наполеон называл крепостных в России «рабами», П.А. Жилин усматривал «цинизм» (16. С. 72), не зная сказанного в труде высшего для него авторитета В.И. Ленина «О государстве»: «На практике, как вы все знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства» (ПСС. Т. 39. С. 70. Курсив мой. — Н.Т.).

- 220 Сен-Симон А. Избр. соч. Т. 1. М., Л., 1948. С. 125.
- 221 ГАРФ. Ф. 1165, оп. 1, д. 86, л. 2; д. 90, л. 1.
- 222 Якушкин И.Д. Записки. Статьи. Письма. М., 1951. С. 7; Декабристы: Новые материалы. М., 1955. С. 170.
- 223 Фадеев А.В. Отечественная война 1812 г. и русское общество // История СССР. 1962. № 6. С. 20.
- 224 Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 7.
- 225 Пожар Москвы. Ч. I. С. 54; см. также: 32. Т. 7. С. 622—623.
- 226 Ленинский сборник. Т. XII. С. 401.
- 227 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 421.
- 228 Шевченко Т.Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1965. С. 19.
- 229 Волконский С.Г. Записки. С. 193.
- 230 Цит. по: Фриг Я.В. Анри Бейль в 1812 г. // Французский ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 109; см. также: 44. Т. 2. С. 69.
- 231 Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 г. М., 1983. С. 53.
- 232 История СССР с древнейших времен. Т. 4. С. 136; Абаляхин Б.С. Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России в период Отечественной войны 1812 г. Автореф. дис. д-ра ист. наук (далее: АДД). Саратов, 1979. С. 29.
- 233 Урал в Отечественной войне 1812 г. Свердловск, 1945. С. 126.
- 234 История СССР с древнейших времен... Т. 4. С. 136.
- 235 Вершигора П.П. Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 374—375.
- 236 Там же. С. 374.
- 237 Бабкин В.И. Народное ополчение... С. 107.
- 238 РНБ РО, ф. 52, оп. 1, д. 112, л. 18 об.—19.
- 239 Абаляхин Б.С. АДД. С. 29.
- 240 Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 г. и Сибирь // Вопр. истории. 1983. № 8. С. 101.
- 241 Слухоцкий Л.А. Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 4. С. 276.
- 242 Бабкин В.И. Народное ополчение... С. 60.
- 243 Урал в Отечественной войне 1812 г. С. 7.
- 244 Стрельский В.И. Сибирь в Отечественной войне 1812 г. Омск, 1942. С. 15.
- 245 Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964. С. 56. На вооружении башкир были луки да стрелы. Французы поэтому прозвали их «амурами» (*Marbot J.-B. Mémoires*. V. 3. P., 1892. P. 299).
- 246 Бабкин В.И. Народное ополчение... С. 81.

- 247 Там же. С. 63, 65, 66, 70, 74, 79, 89.
- 248 Например, Б.С. Абалихин установил, что украинское ополчение превышало 75 тыс. человек (*Абалихин Б.С.* АДД. С. 26).
- 249 Поименный список не только людей, но и лошадей этого полка см.: РГВИА. Ф. 1, оп. 1, т. 2, д. 2833, л. 14—47 об.
- 250 См.: *Дурылин С.Н.* Русские писатели в Отечественной войне 1812 г. М., 1943. С. 116.
- 251 *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. 16. С. 255.
- 252 *Фабер Г.* Русские люди в 1812 г. // *Русский архив.* 1902. № 1. С. 31.
- 253 *Бабкин В.И.* Народное ополчение... С. 140.
- 254 Там же. С. 141—152, 161, 178.
- 255 Военно-ист. сб. 1913. № 2. С. 203.
- 256 *Saint-Syr G.* Mémoires. V. 3. P., 1831. P. 170.
- 257 *Давыдов Д.В.* Соч. Ч. 2. М., 1860. С. 122.
- 258 *Волконский С.Г.* Записки. С. 175—177, 181—182.
- 259 Воинский чин при Екатерине II — между полковником и генералом.
- 260 «Ты мой отец и командир», — писал Пушкин в стихотворном послании «Д.В. Давыдову» 1836 г. (28. Т. 2. С. 291).
- 261 Литературное наследство. 1982. Т. 91. С. 274.
- 262 *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1940. С. 9.
- 263 *Давыдов Д.В.* Опыт теории партизанского действия. М., 1822. С. 25.
- 264 *Языков Н.М.* Д.В. Давыдову // *Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма.* М. — Л., 1959. С. 223.
- 265 Заветы Суворова. М., 1943. С. 19.
- 266 См.: *Хатаевич Н.Л.* Партизан А.Н. Сеславин. М., 1973. С. 88.
- 267 *Давыдов Д.В.* Соч. Т. 3. СПб., 1893. С. 175.
- 268 Там же. С. 174; *Муравьев Н.Н.* Записки // *Русский архив.* 1885. № 11. С. 355.
- 269 *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 356; *Граббе П.Х.* Из памятных записок. Ч. 2. М., 1873. С. 97.
- 270 *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 356.
- 271 См.: *Володин П.М.* Партизан Александр Фигнер. М., 1971. С. 27, 36—37.
- 272 *Розанов Н.И.* Замысел Фигнера в 1812 г. // *Русская старина.* 1875. № 7 С. 448—451.
- 273 Младший брат маршала П.-Ф. Ожеро.
- 274 Дивизия Барагэ д'Илье входила в 9-й корпус маршала К. Виктора.

- 275 *Ростунов И.И.* Народные массы России в Отечественной войне 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 11; *Бескровный Л.Г.* Партизаны в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 93; Герои 1812 г. Сб. М., 1987. С. 441; Бородино. 1812. М., 1987. С. 281; *Пушкин В.А., Костин Б.А.* Из единой любви к Отечеству. М., 1988. С. 23; *Орлик О.В.* Указ. соч. С. 101, 185.
- 276 *Chuquet A.* 1812: La guerre de Russie. V. 1. P., 1912. P. 138 – 139.
- 277 *Бескровный Л.Г.* Партизаны в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы истории. 1972. № 1. С. 120.
- 278 См.: *Штейнпресс Б.С.* Страницы из жизни А.А. Алябьева. М., 1956. С. 39.
- 279 *Ростунов И.И.* Народные массы России в Отечественной войне 1812 г. // Военно-ист. журнал. 1962. № 6. С. 10.
- 280 *Рябков Г.Т.* Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества. Смоленск, 1957. С. 25.
- 281 История СССР с древнейших времен... Т. 4. С. 139.
- 282 *Алушкин Я.В.* Театр: Драмы в стихах. М., 1984. С. 466.
- 283 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. С. 203.
- 284 *Кочетков А.Н.* Партизанская война (34. С. 170).
- 285 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 114.
- 286 Там же. С. 115 – 117.
- 287 Там же. С. 191 – 192; *Альбовский Е.* Один из партизанов 1812 г. // Русская старина. 1898. № 7. С. 95 – 102.
- 288 *Бескровный Л.Г.* // Вопр. истории. 1972. № 1. С. 124.
- 289 См.: *Абалихин Б.С.* Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. С. 115.
- 290 Д.С. Дохтуров – М.И. Кутузову 4 ноября 1812 г. (РГВИА. Ф. 103. оп. 208-а, св. 0, д. 1, л. 254).
- 291 *Поликарпов Н.П.* Очерки Отечественной войны // Новая жизнь. 1911. № 8. С. 135; *Вершигора П.П.* Указ. соч. С. 384. Подробно о партизанских подвигах крестьян и дворовых Подмоскovie см.: *Ильин Г.В.* Партизанское движение в 1812 г. к северу от Москвы // Учен. зап. Московского библ. ин-та. 1963. Вып. 10.
- 292 РГВИА. Ф. 103. оп. 208-а, св. 0, д. 2, л. 404.
- 293 *Верещагин В.В.* Наполеон I в России. С. 46.
- 294 Там же. С. 48. Этот факт запечатлен на картине Верещагина «С оружием в руках? – Расстрелять!».
- 295 Рассказы о 1812 г.: Отрывки из дневника А.А. Лесли // Смоленская старина. 1912. Вып. 2. С. 323 – 324.
- 296 Смоленские партизаны в 1812 г. // Там же. С. 73, 159 – 160.

- 297 *Альтшуллер Р.Е., Климова С.В.* Реликвии боевой славы // История СССР. 1963. № 1. С. 231.
- 298 *Лунин В.А.* Старостиха Василиса. М., 1897; *Черемухин В.* Старостиха Василиса и другие героини народной войны 1812 г. М., 1912; *Зарин А.Е.* Женщины-героини в 1812 г. СПб., 1912; *Федоров Е.А.* Повесть о храброй и героической партизанке Василисе. Л., 1941.
- 299 *Шаховской А.А.* Первые дни в сожженной Москве // Русская старина. 1889. № 10. С. 59.
- 300 Женщина-богатырь или старостиха Василиса // Анекдоты достопамятной войны россиян с французами. Ч. 1. СПб., 1814. С. 64–65.
- 301 См.: *Зарин А.Е.* Указ. соч. С. 14–19; Анекдоты достопамятной войны... С. 159–160; *Грачев В.И.* Двенадцатый год: Смоленск и его губерния в 1812 г. Смоленск, 1912. С. 104.
- 302 Цит. по: *Карнейчык Я.* Беларуская гераіня 1812 г. // Беларусь. 1964. № 1. С. 28.
- 303 *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 7. М., 1951. С. 125.
- 304 *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 347.
- 305 *Толстой Л.Н.* Собр. соч. Т. 7. С. 126.

Глава VI. Контрнаступление

- 1 *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 167; *Швегов С.В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 134.
- 2 См.: *Кравченкова О.В.* Войска П.Х. Витгенштейна: корпус или армия? // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск-Терра, 2000. С. 114, 118.
- 3 *Ларионов А.В.* Русский флот в Отечественную войну 1812 г.: Рукопись 1938 г. // РНБ РО, ф. 422, д. 112, л. 5.
- 4 *Каллистов Н.Д.* Русский флот и двенадцатый год. СПб., 1912. С. 34.
- 5 Там же. С. 115, 121–122.
- 6 Из записок ген. Н.П. Ковальского // Русский вестник. 1871. № 1. С. 96.
- 7 Кутузов 19 октября рапортовал Царю, что «наша потеря не превышает 300 человек убитыми и ранеными» (20. Ч. 2. С. 18), но по ведомости значилось таковых 1 генерал, 20 офицеров и 1183 «нижних чинов» (Там же).
- 8 Под г. Кремсом (Австрия) 11 ноября 1805 г. армия М.И. Кутузова разгромила французский корпус маршала Э. Мортье.

- 9 РНБ РО, ф. 859, к. 38, д. 31, л. 22 об.
- 10 См. также: *Стендаль Ф.* Собр. соч. Т. 14. М.; Л. 1950. С. 107; *Bausset L.* Mémoires. V. 2. P., 1827. P. 109.
- 11 См. также: *Gourgaud G.* Journal de Saint-Hélène. V. I P 1947. P. 150; *Bertrand A.* Cahiers de Saint- Hélène. V. 2. P., 1959. P. 134—135.
- 12 *Ложье Ц.* Дневник офицера «Великой армии» в 1812 г. М., 1912. С. 202.
- 13 Там же. С. 203.
- 14 *Пасторе А.* Записки о 1812 г. // Русский архив. 1900. № 12. С. 533.
- 15 *Larrey D.* Mémoires. V. 4. P., 1817. P. 80.
- 16 *Дабрантес Л.* Записки. Т. 15. М., 1837. С. 34.
- 17 Стендаль знал, что П.Х. Витгенштейну, И.Н. Эссену и Ф.Ф. Штейнгейлю противостояли Ж.-Э. Макдональд, Л.-Г. Сеп-Сир и Н.-Ш. Удино.
- 18 *Стендаль Ф.* Указ. соч. С. 107.
- 19 *Montholon Ch.* Mémoires. V. 2. P., 1823. P. 104, 113.
- 20 К истории 1812 г. // Русская старина. 1907. № 9. С. 463, 464.
- 21 *Никулищев Б.А.* Марш-маневр Наполеона I на Малоярославец // Военно-ист. сб. 1911. № 2.
- 22 *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917—1987., М. 1990. С. 211—212; *Абалихин Б.С.* О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 г. // Вопросы истории. 1985. № 2; он же. 1812 год: актуальные вопросы истории. Элиста, 2000. С. 105—108.
- 23 [*Тихонов Я.*] Поражение французов на Севере. Ч. 2. М., 1814. С. 258; *Ниве П.А.* Отечественная война. Т. 3. СПб., 1911. С. 473; *Никулищев Б.А.* Указ. соч. С. 134.
- 24 *Абалихин Б.С.* О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 г. // Вопр. истории. 1985. № 2. С. 66.
- 25 Там же. С. 78—79.
- 26 28 октября по старому стилю, которым пользуется Б.С. Абалихин.
- 27 *Орлик О.В.* «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 68; *Жулин П.В.* Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 210; *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 202. Критический разбор версии Б.С. Абалихина см. у В.М. Безотосного в сб.: События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. Малоярославец, 1993. С. 20—23.
- 28 *Montholon Ch.* Op. cit. V. 2. P. 104.
- 29 Ibid. P. 113.
- 30 *Никулищев Б.А.* Указ. соч. С. 141.

- 31 Митаревский Н.Е. Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878. С. 161.
- 32 См.: Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12 (24) октября 1812 г. Малоярославец, 2002. С. 31. Эта книга А.А. Васильева — самое обстоятельное исследование битвы при Малоярославце.
- 33 Вюртембергский Е. Воспоминания о кампании 1812 г. в России // Военный журнал. 1848. № 3. С. 66 — 67.
- 34 Васильев А.А. Указ. соч. С. 73.
- 35 Этот факт засвидетельствовали все участники боя — и французы, и русские (в том числе А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский, А. Коленкур и Ф.-П. Сегюр).
- 36 Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 262; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 208.
- 37 Васильев А.А. Указ. соч. С. 99; Шведов С.В. О численности и потерях русской армии в сражении при Малоярославце 12 октября 1812 г. // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995. С. 104.
- 38 Де Ла Флиэ Д. Поход Наполеона в Россию. М., 1912. С. 52.
- 39 Васильев А.А. Указ. соч. С. 92 — 93.
- 40 Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 264; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 118 (ранее, в 1962 г., Бескровный признавал, что город остался «в руках противника»: 2. С. 512).
- 41 Орлик О.В. Указ. соч. С. 77; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 208.
- 42 Оригинально сказано у Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева: «Французы не смогли разгромить» россиян (12. С. 336).
- 43 Раевский Н.Н. Записки // Давыдов Д.В. Замечания на некрологию Н.Н. Раевского... М., 1832. С. 77. Ни Д.П. Бутурлин, ни М.И. Богданович в трудах, написанных «по высочайшему повелению», не называли Малоярославец русской победой (3. Т. 3. С. 38 — 39; 6. Т. 2. С. 44 — 46).
- 44 Корпуса Э. Мортье и Ю. Понятовского находились тогда у Верей, Ж.-А. Жюно — в Можайске.
- 45 Rapp J. Mémoires. P., 1895. P. 240 — 241. Подробно об этом см.: Васильев А.А. Императорское «Ура» // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 г. Малоярославец, 1994.
- 46 Именно этим флаконом воспользуется Наполеон при попытке самоубийства после отречения от престола в ночь на 13 апреля 1814 г., но яд к тому времени выдохнется и не подействует.
- 47 Норов В.С. Записки о походах 1812 и 1813 гг. Ч. 1. СПб., 1834. С. 16; см. также: 29. С. 231 — 232; 44. Т. 2. С. 128.
- 48 Тренев К.А. Пьесы. Статьи. Речи. М., 1980. С. 525.

- 49 Владелец Полотняного Завода А.Н. Гончаров (дед жены А.С. Пушкина Натальи Николаевны) 28 октября 1812 г. записал в дневнике, что «весьма хорошо был принят» Кутузовым (Извлечение из дневника А.Н. Гончарова // Изв. Калужской архивн. Комиссии. 1910. Вып. 20. С. 53). В 1830 г. перед свадьбой с А.С. Пушкиным «кутузовские» комнаты на 3-м этаже дома Гончарова (сохранившиеся поныне) занимала Н.Н. Пушкина, а сам Александр Сергеевич жил тогда в комнате на 2-м этаже (*Коган Г.Ф.* Полотняный Завод. М., 1951. С. 46).
- 50 *Окунев Н.А.* Рассуждение о больших военных действиях... в 1812 г. СПб., 1833. С. 231; *Попов А.Н.* От Малоярославца до Березины. СПб., 1877. С. 33; *Свечников М.С.* Война 1812 г. М., 1937. С. 107.
- 51 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 263–264.
- 52 Чья победа? // *Родина.* 1992. № 6–7. С. 75.
- 53 РГВИА. Ф. 49, оп. 211, св. 15, д. 216, л. 130.
- 54 Подробно о контрнаступлении русских войск на юге в 1812 г. см.: *Абалихин Б.С.* Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России в период Отечественной войны 1812 г. С. 258–376.
- 55 *Saint-Syr G.* Mémoires. V. 3. P., 1831. P. 170.
- 56 РГВИА. Ф. 474, оп. 1, д. 96, л. 55.
- 57 1812 год в песнях. М., 1912. С. 21.
- 58 *Неверовский Д.П.* Записка о службе своей в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. № 1. С. 81.
- 59 *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 235, 236.
- 60 См. также: *Бургонь А.-Ж.* Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 97.
- 61 См. также: *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 231, 232; 35. Т. 2. С. 157.
- 62 *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1901. № 1. С. 123.
- 63 Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908. С. 173; *Вюртембергский Е.* Указ. соч. С. 81; *Семевский М.И.* Партизан Сеславин // Отечественные записки. 1860. № 4. С. 49; *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 167.
- 64 Архив Раевских. Т. 1. С. 173.
- 65 Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 419.
- 66 «Золотой мост» (франц.).
- 67 «Сорваться с цепи» (франц.).
- 68 Фельдмаршал Кутузов. С. 413.
- 69 *Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1999. С. 269.
- 70 Заветы Суворова. М., 1943. С. 23.

- 71 См. также: *Беляев В.В.* К истории 1812 г. СПб., 1905. С. 140.
- 72 1812—1814. Реляции... М., 1992. С. 234.
- 73 Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 113.
- 74 *Бургонь А.-Ж.* Указ. соч. С. 92.
- 75 *Голицын Н.Б.* Очерки военных сцен // Русский архив. 1884. № 3. С. 347.
- 76 *Бургонь А.-Ж.* Указ. соч. С. 77; МО ИРВИО. М., 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 50.
- 77 МО ИРВИО. Т. 4. Ч. 1. С. 50—51.
- 78 *Некрасов Н.А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1979. С. 273.
- 79 *Тирион А.* Воспоминания офицера... СПб., 1912. С. 41.
- 80 См. также: *Бургонь А.-Ж.* Указ. соч. С. 277; Записки Т. Леглера о походе 1812 г. // Русский архив. 1907. № 2. С. 239.
- 81 *Глинка С.Н.* Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 188.
- 82 В Смоленске Наполеон имел 5100 кавалеристов (39. Т. 2. С. 435), тогда как у Кутузова одних казаков было примерно 15 тыс. (20. Ч. 2. С. 552, ср.: *М.И Кутузов: Сб. док.* Т. 5. М., 1956. С. 126).
- 83 *Тирион А.* Указ. соч. С. 43.
- 84 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 102.
- 85 *Пюибюск М.-А.* Письма о войне в России 1812 г. М., 1833. С. 114.
- 86 К истории 1812 г. // Русская старина. 1907. № 11. С. 316.
- 87 Под г. Байленом в Испании 22 июля 1808 г. регулярные и партизанские войска испанцев заставили капитулировать французскую дивизию генерала П. Дюпона.
- 88 Подробно о заговоре см.: *Туган-Барановский Д.М.* Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. С. 130—149.
- 89 В русском лагере о заговоре Мале ходили тогда фантастические слухи: «Во Франции революция» и «сею революциею движет императрица Жозефина» (20. Ч. 2. С. 457).

Глава VII. Изгнание

- 1 *Бургонь А.-Ж.* Пожар Москвы и отступление французов. 1812 г. СПб., 1898. С. 139—145.
- 2 *Ложье Ц.* Дневник офицера «Великой армии» в 1812 г. М., 1912. С. 289; *Fezensac R.* Journal de la campagne de Russie en 1812. P., 1850 P. 102.
- 3 *Военский К.А.* Кто захватил жезл Даву? // РНБ РО, ф. 152, оп. 1, д. 81.
- 4 *Fezensac R.* Op. cit. P. 104—105. Советские историки считали, что Ней имел тогда от 7 до 8,5 тыс. бойцов и 12 орудий, не считая 8-тысячной массы безоружных, больных и раненых (2. С. 547; 16. С. 312; 32. Т. 7. С. 704).

- 5 *Fezensac R. Op. cit.* P. 119. По воспоминаниям А. Коленкура, Ней привел «еще 4—5 тысяч отставших» (19. С. 252).
- 6 *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. М., 1956. С. 272.
- 7 События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. Малоярославец, 1995. С. 156.
- 8 *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 272; *Ростунов И.И.* Отечественная война 1812 г. М., 1987. С. 55; События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. С. 150; *Шишов А.В.* Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. М., 2001. С. 301—302.
- 9 Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 183. Рапорт Кутузова Александру I о том, как под Красным был разбит «сам Наполеон», см.: 20. Ч. 2. С. 308.
- 10 *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 60.
- 11 *Пюибюск М.-А.* Письма о войне в России 1812 г. М., 1833. С. 148—149.
- 12 *Вюртембергский Е.* Воспоминания о кампании 1812 г. в России // Военный журнал. 1849. № 3. С. 131.
- 13 РГАДА. Ф. 1406, оп. 1, д. 234, л. 12.
- 14 *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 2. Кн. 3—4. С. 162.
- 15 Архив Раевских. Т. 1. С. 170—171; *Нессельроде К.В.* Воспоминания // Русский архив. 1905. № 8. С. 522; *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 373.
- 16 *Wilson R.* Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte... L., 1860. P. 234, 273.
- 17 *Шведов С.В.* О стратегии «золотого места» М.И. Кутузова // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. Малоярославец, 1995. С. 52—53. См. также: *Рязанов А.М.* М.И. Кутузов в сражении под Красным в ноябре 1812 г. // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995. С. 62, 64. Кстати, А.М. Рязанов «похоронил» под Красным кузена Наполеона Ф.-А. Орнано (С. 60), на самом деле дожившего до 1863 г., а генерала А. Жюно «произвел» в маршалы (С. 62), каковым тот никогда не был.
- 18 Под Красным он держал при себе пять пехотных корпусов (3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 8-й), один (4-й) кавалерийский и две кирасирские дивизии (20. Ч. 2. С. 284).
- 19 Ранее (1 ноября) Кутузов в письмах жене и дочери, Елизавете Михайловне, повторял: «Я мог бы гордиться тем, что я первый

- генерал, перед которым надменный Наполеон бежит» (20. Ч. 2. С. 178; Русская старина. 1874. № 6. С. 370).
- 20 РГИА. Ф. 673, оп. I, д. 86, л. 64 (письмо от 8 ноября 1812 г., перехваченное и переведенное русскими).
- 21 Адмирал П.В. Чичагов 11 декабря 1812 г. написал Александру I, что и на Березине «гвардия его (Наполеона. — Н.Т.) была в очень хорошем состоянии» (Сб-к РИО. 1871. Т. 6. С. 63).
- 22 *Жиркевич И.С.* Записки // Русская старина. 1874. № 8. С. 665.
- 23 *Роос Г.* С Наполеоном в Россию. М., 1912. С. 142.
- 24 *Корнеев В.М., Михайлова Л.В.* Медицинская служба в Отечественной войну 1812 г. Л., 1962. С. 38.
- 25 РГВИА. Ф. 103, оп. 210, св. 8, д. 1, л. 9, 29, 78 (ведомость за подписью генерал-интенданта Е.Ф. Канкрин).
- 26 Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 172; *Митаревский Н.Е.* Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878. С. 175.
- 27 *Чичерин А.В.* Дневник. 1812—1813. М., 1966. С. 63.
- 28 РГВИА. Ф. оп. 1, т. 2, д. 2907, л. 1 и сл.
- 29 *Жиркевич И.С.* Указ. соч. С. 664—665; Из записок генерала Н.П. Ковальского // Русский вестник. 1871. № 1. С. 98; *Левенштерн В.И.* Указ. соч. С. 373; *Каллаш В.В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 222.
- 30 Маршал Удино после ранения Л.-Г. Сен-Сира при Полоцке командовал объединенным (2-м и 6-м) корпусом.
- 31 *Rapp J.* Mémoires. P., 1895. P. 261.
- 32 Ibid.
- 33 Приказ адмирала Чичагова 7 (19) ноября 1812 г. // Русская старина. 1892. № 12. С. 642.
- 34 *Longeron A.* Mémoires. P., 1902. P. 53—54.
- 35 Кутузов в те дни уведомлял Чичагова: «Ниже города Борисова в 8-ми верстах при деревне Ухолоды весьма удобный брод» (20. Ч. 2. С. 380).
- 36 *Военский К.А.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. С. 195—198. Когда Наполеон ушел, Чичагов велел повесить всех троих как изменников, что и было сделано (Там же. С. 198). Так погибли Мовша Энгельгардт, Лейба Бенинсон и «третий, не оставивший в летописях своего имени» (Там же. С. 195).
- 37 *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 319.
- 38 *Норов В.С.* Записки о походах 1812 и 1813 гг. Ч. 1. СПб., 1834. С. 90—91.

- 39 Генерал Л. Партуно однажды уже попадал в плен к русским. В 1799 г. под Нови он сдался А.В. Суворову (*Клаузевиц К.* 1799 год. М., 1938. С. 286).
- 40 *Военский К.А.* Переправа через Березину: Рукопись // РНБ РО, ф. 152, оп. 1, д. 123, л. 13.
- 41 *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 332, см. также: *Бургонь А.-Ж.* Указ. соч. С. 284; *Тирион А.* Воспоминания офицера... СПб., 1912. С. 47; *Фон Лоссберг Ф.* Поход в Россию в 1812 г // Военно-ист. вестник. 1912. № 3. С. 105.
- 42 *Военский К.А.* Указ. рук. Л., 19 об.
- 43 «Березина так переполнена трупами, лошадьми и повозками, что вышла из берегов шагов на 50—60», — свидетельствовали очевидцы (35. Т. 3. С. 210).
- 44 *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX в. Т. 2. М., 1906. С. 176.
- 45 Деша гр. Ж. де Местра сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 г. // Русский архив. 1912. № 1. С. 56.
- 46 Одиннадцатый маршал, Ж.-Э. Макдональд, действовавший севернее основной группировки, тоже благополучно ушел из России.
- 47 *Меринг Ф.* Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956. С. 322; Английский историк русской Отечественной войны 1812 г. СПб., 1905. С. 91.
- 48 Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». Л., 1990. С. 219.
- 49 *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.) // Лит. Наследство. 1982. Т. 91. С. 403.
- 50 *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2. М., 1928. С. 28.
- 51 Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. М., 1895. С. 98.
- 52 *Державин Г.Р.* Соч. Т. 3. СПб., 1866, С. 451.
- 53 *Langeron A.* Op. cit. P. 50.
- 54 *Гярнич Н.Ф.* Указ. соч., С. 278, 280; *Орлик О.В.* «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 104; *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 228, 230; *Абалихин Б.С.* 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 158; *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 305—306.
- 55 Т.е. дивизии Л. Партуно и 10 тыс. нестроевых, плененных Витгенштейном.
- 56 РГАДА. Ф. 1406, оп. 1, д. 227, л. 2; см. также: *Левенштерн В.И.* Указ. соч. С. 374.
- 57 *Saint-Syr G.* Mémoires. V. 3. P., 1831. P. 287.
- 58 Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 430.

- 59 Харкевич В.И. 1812 год. Березина. СПб., 1893. С. 208.
- 60 Ср.: 24. Т. 4. С. 216—217; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 238, 242; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 224—232; Абалихин Б.С. Указ. соч. С. 155—158; Шишов А.В. Указ. соч. С. 305—306. Есть и такое (сенсационно-безосновательное) мнение: виноват в относительной неудаче Березинской операции... Александр I (Ивченко Л.А. Сражение на Березине // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 1999. С. 83).
- 61 Норов В.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 103; Покровский М.Н. Указ. соч. С. 60; Кочетков А.Н. Управление войсками в русской армии в Отечественной войне 1812 г. // Военно-историч. журнал. 1962. № 10. С. 64; Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 510—511.
- 62 Накануне, 25-го, Кутузов устроил в Копыси «молебствие Господу Богу, подателю всех благ», обязав всех генералов «быть при молебствии» (26. Т. 20. С. 230—231).
- 63 Дневник Павла Пущина. 1812—1814. Л., 1987. С. 74.
- 64 Madelin L. La catastrophe de Russie. P., 1949. P. 252.
- 65 Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1999, С. 271.
- 66 Харкевич В.И. Указ. соч. С. 17; Шведов С.В. Действия Кутузова в Березинской операции. С. 76.
- 67 Larrey D. Mémoires... V. 4. P., 1817. P. 104; Труды МО ИРВИО. 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 50.
- 68 Цит. по: Военский К.А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. С. 66.
- 69 Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 167.
- 70 Ложье Ц. Указ. соч. С. 342.
- 71 См.: Хятаевич Н.Л. Партизан А.Н. Сеславин. М., 1973. С. 75—76.
- 72 Военный сборник. 1904. № 2. С. 18.
- 73 См.: Из записок покойного графа В.А. Перовского // Русский архив. 1865. № 1. Эти записки использованы в романах «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Сожженная Москва» Г.П. Данилевского.
- 74 См.: Шрайбер Э.Л. Жорж Сименон. Л., 1983. С. 281—282.
- 75 РГВИА. Ф. 154, оп. 1, т. 2, д. 82, л. 47 (текст письма Ф.Ж. Лефевра). Самым знаменитым из пленных французов стал человек-легенда, лейтенант Ж.-Б. Савен, доживший до 109 лет и умерший в Саратове 29 ноября 1894 г. (новое о нем см.: Тотфалушин В.П. Жизнь и судьба Ж.-Б. Савена в свете новых фактов // Бородино и наполеоновские войны. М., 2003; он же. Новое о легендарном Савене // Эпоха 1812 г. Труды ГИМ. М., 2004. Вып. 12).

- 76 Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. С. 163.
- 77 М.И. Кутузов. Сб. док. Т. 5. М., 1956. С. 127.
- 78 Абаляхин Б.С. Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России в период Отечественной войны 1812 г. Дис. д-ра ист. наук. Саратов, 1979. С. 369.
- 79 В 1813 г. Иорк и Шварценберг уже сражались на стороне антинаполеоновской коалиции, причем Шварценберг командовал всеми ее вооруженными силами.
- 80 «Ура-патриоты» из числа советских и даже постсоветских историков цитируют рапорт Кутузова Царю не по оригиналу («неприятель почти истреблен»), а по тезисам ЦК ВКП(б) о Кутузове 1945 г.: «война окончилась за полным истреблением неприятеля» (2. С. 593; 16. С. 322; Орлик О.В. Указ. соч. С. 106; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 233; Шишов А.В. Указ. соч. С. 307; Фролов Б.П. «Да, были люди в наше время...» Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии. М., 2005. С. 492).
- 81 Бескровный Л.Г. Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 1962. № 10. С. 60.
- 82 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 252.
- 83 Д'Абрантес Л. Записки. Т. 15. М., 1837. С. 5, 6.
- 84 Mémoires du duc de Rovigo. V. 6. P., 1828. P. 47.
- 85 Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1979. С. 44.
- 86 Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1980. С. 266.
- 87 Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 28.
- 88 Дурылин С.Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 г. М., 1943. С. 7.
- 89 Там же. С. 64.
- 90 За это критиковали «Певца» В.Г. Белинский и в особенности В.И. Танеев, который отзывался о «Певце» как о «дикой риторике сентиментального, добродушного и ограниченного холопа» (Танеев В.И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С. 325; Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С. 186).
- 91 Жуковский В.А. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1980. С. 129.
- 92 «Кот и повар», «Раздел», «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица», «Щука и кот», «Крестьянин и змея».
- 93 Жиркевич И.С. Указ. соч. С. 661.
- 94 Батюшков К.Н. Соч. СПб., 1887. С. 480.
- 95 Двенадцатый год: Современные рассказы, письма, анекдоты, стихотворения // Русский архив. 1876. № 7. С. 302–303.
- 96 Умиравший Суворов просил Хвостова с иронией: «А ты, мой

- друг, пожалуйста, одолжи меня: не сочиняй стихов на мою смерть» (*Давыдов Д.В.* Соч. Т. 3. СПб., 1893. С. 205). Тот, однако, сочинил и — напечатал.
- 97 См.: *Каратыгин П.А.* Записки. Л., 1970. С. 37.
- 98 Подробно см.: *Верещагин В.В.* Отечественная война: Русская карикатура. СПб., 1912.
- 99 *Бэр К.М.* Автобиография. М., 1950. С. 154—157.
- 100 *Валескали П.И.* Жизнь и деятельность Г. Меркеля // Изв. АН Латв. ССР. 1969. № 10. С. 53.
- 101 Ермолов подчеркнул здесь, что он передает сказанное Кутузовым «в точных выражениях».
- 102 8 декабря Александр I пожаловал Кутузову титул князя Смоленского за все его «незабвенные заслуги» и особенно за бои «в окрестностях Смоленска» (т.е. под Красным), а не за Березинскую операцию (20. Ч. 2. С. 545).
- 103 Главным образом то были пленные. Подсчитано, что общее число военнопленных к 1 января 1813 г. превысило 216 тыс., т.е. более трети всей «Великой армии» (*Сироткин В.Г.* Наполеон и Россия. М., 2000. С. 185).
- 104 *Стенгаль Ф.* Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 108. Общие потери русских войск за всю войну 1812 г. приближались к 300 тыс. человек (*Швегов С.В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. №4. С. 139).
- 105 *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история. От Екатерины Великой до Александра II. М., 1994. С. 499; История России. С нач. XVIII до кон. XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 317.
- 106 *Тургенев Е.И.* Россия и русские. М., 1907. Ч. 1. С. 25.
- 107 *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 137 (свидетельство А.С. Шишкова).
- 108 Там же.
- 109 Там же. С. 132.
- 110 *Шуазель-Гуффье С.* Исторические мемуары об Императоре Александре и его дворе. М., 1912. С. 98.
- 111 Там же. С. 116.
- 112 Там же. С. 98.
- 113 *Шельдер Н.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 134.
- 114 1812—1814. Реляции... С. 236. «Наши последние дела» — это бои под Красным 16—18 ноября 1812 г.
- 115 *Безотосный В.М.* Российский титулованный генералитет в 1812—1815 гг. // От Москвы до Парижа (1812—1814). Малоярославец, 1998. С. 36.

- 116 Фельдмаршал Кутузов. С. 275.
- 117 *Марин С.Н., Милонов М.В.* Стихотворения. Драматические произведения, сцены и отрывки. Письма. Воронеж, 1983. С. 147.
- 118 Цит. по: Бессмертная эпопея. М., 1988. С. 43.
- 119 М.И. Кутузов. Сб. док. М., 1956. Т. 5. С. 408.
- 120 См.: Бессмертная эпопея. С. 44–45.
- 121 Подробно см.: *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 262–267.
- 122 *Абалихин Б.С.* 1812 год. С. 9; *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. С. 249; *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 307–308; *Фролов Б.П.* Указ. соч. С. 546, 553.
- 123 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 317.
- 124 Там же. С. 324.
- 125 *Михайловский-Данилевский А.И.* Александр I и его сподвижники... СПб., 1845. Вып. 25. С. 9.
- 126 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 142.
- 127 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 10. С. 436.

Заключение

- 1 *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. Л., 1930. С. 431; *Chandler D.* The Campaigns of Napoleon. L., 1967. P. 858.
- 2 Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 128–140.
- 3 Деятнадцатый век. Кн. 2. М., 1872. С. 247.
- 4 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1947. С. 490, 491.
- 5 Наши историки обычно цитировали это высказывание Чернышевского, изъяв из него все относящееся к Царю и даже не обозначив пропуск отточием: *Жилин П.А.* О войне и военной истории. М. 1984. С. 453; Недаром помнит вся Россия. М. 1986. С. 196; Бородино. 1812. М., 1987. С. 86; *Орлик О.В.* «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 107; *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 251.
- 6 *Окунь С.Б.* История СССР. Лекции. Л., 1978. Ч. 2. С. 35; *Золотарев В.А.* и др. Во славу отечества Российского. М., 1984. С. 295, 303; Бородино. 1812. С. 296; *Орлик О.В.* Указ. соч. С. 107; Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 171; *Фролов Б.П.* «Да, были люди в наше время...» М., 2005. С. 552.
- 7 П.А. Жилин и Л.Г. Бескровный уверяли нас, что Наполеон одерживал победы лишь до тех пор, пока он боролся «с малочис-

- ленными отсталыми армиями западноевропейских монархий» (16. С. 375; 2. С. 597). Оба этих историка забыли и Аустерлиц, и Фридланд, и Лютцен, и Бауцен, и Дрезден, и все победы Наполеона над русскими войсками в 1814 г.
- 8 Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005. С. 331.
- 9 Тургенев Н.И. Россия и русские. Ч. 1. М. 1907. С. 23.
- 10 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 699.
- 11 ПСЗ. Т. 32. С. 908.
- 12 Смоленская старина. 1912. Вып. 2. С. 35.
- 13 Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769—1899). Т. 1. Харьков, 1899. С. 62.
- 14 История СССР XIX — нач. XX в. М., 1981. С. 49.
- 15 Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1958. С. 249.
- 16 Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 33.
- 17 Якушкин В.Е. М.И. Муравьев-Апостол // Русская старина. 1886. № 7. С. 159.
- 18 Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 153; см. также: Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1955. С. 156; Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 285.
- 19 Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сб. док. М., 1964. С. 92.
- 20 Додолев М.А. Россия и Испания 1808—1823 гг. М., 1984. С. 46.
- 21 Архив кн. С.Р. Воронцова. Т. 17. М., 1880. С. 254.
- 22 Россия и США: Становление отношений (1765—1815). М., 1980. С. 592.
- 23 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 30.
- 24 Там же. Т. 11. С. 320; Т. 22. С. 32.
- 25 «К чести России». Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 207. Курсив мой. — Н.Т.
- 26 Державин Г.Р. Соч. Т. 2. СПб., 1865. С. 651.
- 27 Окунев Н.А. Рассуждение о больших военных действиях... СПб., 1833. С. 2.
- 28 Лигдел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976. С. 160, 161; Роковые решения. М., 1958. С. 68, 93.
- 29 Цит. по: Хвостов В.М. Указ. соч. С. 304; Jackson W. Seven Roads to Moscow. L., 1957. P. 319.

АЛФАВИТНЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалихин Б.С.** 25, 26,
34—37, 50, 51, 77, 79—
81, 90, 172, 257, 277,
291, 346, 394, 395, 464
Абравтес Л.до 89, 392,
459
Аверченко А.Т. 446
Акинфов Ф.В. 89, 312
Александр I 12, 30,
42, 43, 62, 63, 66, 75,
82, 87, 89, 91, 92, 97,
102—105, 107, 109—
111, 113—117, 120, 122,
124—127, 129—132,
138—143, 152, 160,
166, 174, 178, 183, 186,
188, 190, 193, 194, 197,
208, 210, 215, 225, 235,
238—241, 245, 314,
319, 322, 324, 326, 335,
336, 338, 344—349,
359, 361, 369, 386, 390,
400, 405, 419, 426, 439,
440, 445, 452, 463,
463—470, 475, 476
Алексий II 86
Алябьев А.А. 373
Андреев Н.И. 271
Андреанова И.А. 81
Анна Павловна 111, 120
Апушкин Я.В. 374
Аракчеев А.А. 90, 91, 97,
126, 149, 161, 188, 190,
195, 227, 229, 235, 239,
345, 348, 352, 456, 467
Армафельд Г.М. 176, 196
Астафьев А.Ф. 352, 373
Афанасьев В.А. 91, 289,
290
Ахшарумов Д.И. 84

Бабкин В.И. 366
Багговут В.И. 131, 268,
299, 300, 387
Багратион П.И. 57, 80,
82, 83, 89, 91, 131, 156,
157, 161, 166, 167, 174,
175, 177, 178, 183, 184,
188—191, 193—195,
197, 199, 200, 207, 208,
210, 211, 212, 214, 215,
216, 218, 227, 229, 233,
234, 236, 239, 241, 245,
251—253, 258—260,
262, 263, 267—269,
273, 276, 284, 286, 294,
329, 331, 352, 362, 429
Байов А.К. 448
Байрон Д.Н.Г. 99, 325,
446
Балашов А.Д. 141—143,
167, 188, 235
Бальзак О. 99
Бараг д'Илье Л. 372, 373
Барклай де Толли М.Б.
12, 25, 29, 45, 49, 59,
64, 66, 74, 83, 88—92,
126, 127, 139, 140, 142,
152, 156—167, 174,
175, 177, 179, 183—
188, 192—199, 205,
207—217, 220—239,
241—245, 253, 259,
260, 268, 269, 271, 273,
276—287, 300, 301,
306—311, 317, 329,
333, 335—338, 345,
358, 368, 466
Батюшков К.Н. 89, 191,
342, 460, 461
Безбородко А.А. 51, 80,
82—84, 238, 239, 344,
407
Безотосный В.М. 37—
40, 48
Бейль А. см. **Стендаль**
Ф.
Бекетов Д.А. 369
Белинский В.Г. 93, 99,
243, 315, 479
Беллок Х. 84
Белокуров С.А. 91
Беляев А.П. 89
Бем Ю. 152
Бенкендорф А.Х. 160,
231, 352
Беншигсен Л.А. 64, 89,
108, 131, 138, 139, 140,
160, 177, 196, 228, 233,
236, 260, 306—308,
329, 333—337, 387,
388, 414, 433, 467
Бернарот Ж.-Б. 123,
128, 154, 160, 178
Бернгарди Т. 25, 87
Бертеми П.-О. 397
Бертье Л.А. 91, 136, 151,
177, 208, 318, 323, 379,
397, 403, 436
Бескровный Л.Г. 12,
14, 24—26, 34, 76—78,
144, 156, 198, 213, 217,
255, 291, 296, 315, 393,
401, 402, 405, 406, 416,
429, 445, 451, 458, 465
Бессонов В.А. 53, 83
Бессьер Ж.-Б. 136, 145,
150, 367, 404
Бестужев А.А. 16, 73, 479
Бешанов В.В. 285
Богарне Жозефина см.
Бонапарт Жозефина
Богданов Л.П. 255
Богданович М.И. 72,
217, 287, 315, 336, 393,
401, 405, 408, 415, 429,
430, 432, 444, 446, 447,
448, 458
Болговский Д.Н. 311, 398
Бонами Ш.-О. 279, 280,
294
Бонапарт Жером 57, 91
Бонапарт Полина 127
Боргезе П. см. **Бона-**
парт Полина

- Бороздин М.М. 210, 311
Боссе Л. де 90
Бригген А.Ф. 273
Бродский Н.А. 351
Брольн Ф. 105
Брусье Ж.-Б. 281, 397
Буксгевден Ф.Ф. 236
Булатов М.А. 353
Булгаков А.Я. 332
Булгарин Ф.В. 152
Бургонь А.-Ж. 89, 314, 319, 323, 417
Бутенев А.П. 195
Бутураин Д.П. 72, 84, 221, 255, 257, 301, 321, 341, 393, 429, 458
Бычков А.Н. 76
Бэр К.М. 463
Бэрд Ч. 354
- Вадбольский И.М.** 368, 380
Валевская М. 373
Ванаг Н.Н. 75
Вандаль А. 87, 110, 116, 132, 200
Вандам Д. 137, 185
Васильев А.А. 48, 53, 60, 83, 257, 267, 400, 401
Васильчиков И.В. 159, 210, 280
Вейссенгоф Я. 89
Веллингтон А. 91, 160, 201, 389
Венецианов А.Г. 462
Верещагин В.В. 274, 297, 299, 376
Верховский А.И. 75
Вигель Ф.Ф. 447
Виельгорский М.Ю. 373
Виктор К. 138, 146, 386, 395, 421, 440, 441, 443—445
Виллие Я.В. 194, 340
Вильсон Р. 165, 335, 340, 420, 433, 450, 465, 467
Винценгероде Ф.Ф. 91, 160, 231, 368
Висковатов С.И. 462
- Висмицкий М.С. 329
Витгенштейн П.Х. 66, 131, 139, 160, 196, 205, 225, 232, 237, 245, 358, 367, 379, 385, 407, 408, 411, 421, 425, 426, 440—452, 462, 465
Витмер А.Н. 230, 261, 288, 301
Вишняков Н.П. 91
Власов М.Г. 256
Военский К.А. 73, 88, 91
Волкова М.А. 229, 362
Волконская М.Н. 167
Волконский Д.М. 315, 320
Волконский П.М. 345, 467, 470
Волконский С.Г. 89, 125, 167, 231, 326, 352, 353, 363, 373
Вольцоген Л.А. 211, 287
Вороненко П.И. 91, 316
Воронцов М.С. 104, 210, 266, 270, 353
Вюртембергский герцог Александр 131, 160, 177, 196, 218, 277
Вюртембергский герцог Евгений 277, 400, 413, 432
Вяземский П.А. 310, 366, 460
Вязьмитинов С.К. 235
Вяликов В.И. 220
- Габаев Г.С.** 91
Гангелов С.Е. 353
Гарибальди Д. 99
Гарнич Н.Ф. 12, 14, 76, 315, 401, 402, 405, 429, 464
Гегель Г.-Ф. 99, 152
Гейне Г. 99, 108, 146
Герцен А.И. 99, 169, 315, 321, 355, 479
Гитлер А. 481
Глинка С.Н. 350, 351, 418
Глинка Ф.Н. 73, 84, 89, 209, 219, 229, 257, 264, 271, 273, 277, 300, 315, 316, 320, 395, 455
- Гнедич Н.И. 461
Голицын А.Б. 287, 306, 311
Голицын Д.В. 431
Голицын Н.Б. 417
Гончаров А.Н. 89
Горностаев М.В. 83
Горчаков Ал.И. 232, 234, 245
Горчаков Ан.И. 254
Граббе П.Х. 89, 126, 127, 215, 219, 220, 222, 229, 273, 280, 300
Грабе-Горский О.В. 89
Граверт Ю. 205
Греч Н.И. 351
Гржимала Ф. 91, 184
Грибоваль Ж.-Б. 148
Грибоедов А.С. 169, 352, 460
Грубе А. 87
Груши Э. 137, 185, 214, 263, 283, 284
Грюнвальд К. 255
Гудович И.В. 237
Гуляев Ю.Н. 45, 80, 81, 85, 190, 247, 257, 263, 278, 292, 309, 345, 405, 429, 458
Гурьев Д.А. 329
Гюго В. 99, 159, 283
Гюдэн Ш.-Э. 221—223
- Даву А.-Н.** 121, 136, 141, 145, 146, 148, 149, 153, 173, 185, 186, 188—191, 198—200, 203, 211, 218, 220, 254, 263, 264, 266, 268, 270, 275, 279, 285, 399, 405, 411, 413, 415, 426, 427, 431, 436, 444
Давыдов В.А. 273
Давыдов Д.В. 99, 100, 167, 215, 229, 231, 315, 334, 367, 368, 371, 372, 380, 389, 398, 416, 430,

- 431, 436, 447 – 449,
455, 481
- Дарю П. 155, 208, 392
- Даффи К. 255
- Де Ла Флиз Д. 89
- Делдерфида Р. 50, 87
- Дельбрюк Г. 296, 475
- Дельвиг А.А. 366
- Дельзон А.-Ж. 198, 265,
399
- Денье П. 90, 149, 291,
293
- Державин Г.Р. 166, 171,
408, 480
- Дессе Ж.-М. 266
- Дживелегов А.К. 73,
173, 349
- Джоссельсон М. 88
- Дибич И.И. 160, 353, 466
- Дмитриев-Мамонов
М.А. 366
- Добролюбов Н.А. 73
- Домбровский Я.Г. 206,
386, 440
- Дорохов И.С. 368, 373,
380, 397, 399
- Достоевский Ф.М. 353
- Дохтуров Д.С. 82, 89,
131, 168, 218, 219, 228,
237, 259, 269, 273, 277,
279, 287, 306, 308, 310,
331, 397 – 399
- Дружинин Н.М. 315
- Дубровин Н.Ф. 88, 158,
164
- Дунаевский В.А. 25, 26,
34 – 37, 50, 51, 77, 79,
80, 90, 172, 394, 395
- Дурново Н.Д. 332, 420
- Дурова Н.А. 273
- Дурылин С.Н. 76
- Дюма М. 90, 177
- Дюрок М.-Ж. 121, 208,
394, 395, 454
- Дюронель А. 202, 324
- Екатерина II** 97, 102,
103, 239, 240, 366
- Екатерина Павловна
89, 111, 117, 124, 239
- Елизавета Петровна
455
- Елисеев А.А. 257
- Ентальцев А.В. 219
- Епанчин Ю.Л. 77
- Ермолов А.П. 89, 91,
162, 168, 170, 187, 189,
193, 195, 211, 216, 227,
228, 239, 251, 269, 273,
278 – 280, 297, 305 –
308, 320, 331, 332, 342,
368, 388, 397, 400, 402,
413, 430, 431, 433, 447,
449, 450, 463, 467
- Ефремов И.Е. 368, 380
- Жерар М.-Э.** 281
- Жилин П.А. 12, 18, 22,
34, 76, 77, 78, 80, 81,
86, 143, 144, 156, 190,
192, 213, 239, 246, 247,
257, 296, 297, 309, 314,
315, 337, 345, 346, 393,
401, 402, 405 – 407,
409, 429, 458, 465
- Жомини А.Г. 50, 74, 86,
87, 285, 296, 327, 378,
393 – 395, 410, 446, 475
- Жуковский В.А. 89, 273,
366, 371, 408, 447, 460
- Журдан Ж.Б. 146, 154
- Жюно Ж.-А. 211, 221,
222, 263, 268, 392, 394,
395, 411, 412, 426, 444
- Загоскин М.Н.** 366, 460
- Зайончковский А.М. 194
- Звавич И.С. 76
- Земцов В.Н. 48, 53, 83,
251, 257, 258, 280
- Зубов П.А. 240, 345
- Зубова Н.А. 324
- Зырянов П.Н. 83
- Иванов Е.П.** 83
- Иванов И.А. 462
- Ивашов П.Н. 353
- Ивченко Л.А. 60, 82, 267
- Иловайский И.Д. 396
- Иорк Г. 457, 458
- Кавелин А.А.** 273
- Каверин П.Н. 395
- Казаков Н.И. 14
- Кайсаров А.С. 125, 187,
318, 333
- Кайсаров П.С. 306
- Каллистов Н.Д. 386
- Камбасерес Ж. 121
- Каменский М.Ф. 236
- Каменский Н.М. 236
- Канкрин Е.Ф. 91, 160,
193, 339, 340, 438
- Капцевич П.М. 281
- Карамзин Н.М. 315, 453
- Карл XII 138, 142, 442
- Карпов А.А. 256
- Кац Б.Л. 289, 290
- Клаузевиц К. фон 50,
86, 87, 172, 175, 193,
251, 255, 263, 276, 285,
296, 362, 393, 440, 446,
448, 475
- Клейнмихель А.А. 245,
339
- Ключевский В.О. 479
- Кнорринг О.Ф. 160
- Кованько И.А. 461
- Кожина Василиса 377,
378
- Кожухов А.С. 380
- Козодавлев О.П. 468
- Колачковский К. 89
- Коленкур А. 89, 111, 115,
121, 150, 152, 163, 174,
175, 184, 195, 200, 201,
209, 226, 244, 270, 281,
282, 319, 379, 391, 94,
395, 403, 412, 422, 428,
430, 446, 454, 457, 481
- Коленкур О. 283, 293
- Кологривов А.С. 339
- Комаровский Е.Ф. 239
- Компан Ж.-Д. 254, 266
- Кондратенко А.А. 83
- Коновницын П.П. 83,
89, 169, 198, 218, 221,
236, 247, 261, 269, 270,
273, 306, 308, 310, 330,
332, 334, 342, 353, 378,
431, 470

- Константин Павлович
109, 196, 211, 213, 227,
228, 348, 352, 464
- Коншин Н.М. 91, 210
- Корф Ф.К. 160, 280, 281,
283, 299, 300
- Костюшко Т. 131, 151
- Котляревский И.П. 460
- Котов Н.Ф. 91, 146
- Кочетков А.Н. 13, 14, 16,
259—261, 299, 449
- Кочубей В.П. 235
- Крейц К.А. 160, 281,
283, 300
- Кроссар Ж.Б. 329
- Крылов И.А. 447, 461
- Крюденер А.И. 104
- Кудашев Н.Д. 333, 368,
380, 381, 395
- Кукель М. 296
- Кульнев Я.П. 83, 169,
205, 462
- Куракин А.Б. 110, 113,
122, 136, 140, 178
- Курин Г.М. 374, 375
- Кутайсов А.И. 83, 170,
219, 274, 280, 292, 294,
300
- Кутузов М.И. 12, 13, 15,
25, 29—31, 39, 43—45,
49, 57—66, 76, 78—89,
92, 107, 129, 160, 169,
172, 223, 229—247,
251—255, 258—260,
264, 268, 276—281,
286—300, 305—310,
315, 316, 318—320,
326—338, 340—344,
346, 348, 358, 368, 371,
372, 377, 379—381,
385, 387—389, 393—
398, 400, 402, 403, 405,
406, 409—415, 418,
419, 421, 426—435,
437, 439—441, 443—
458, 463—470, 476, 477
- Кэткарт В.-Ш. 340
- Кюхельбекер В.К. 366
- Лабом Е.** 282, 322
- Лаваль де Монморанки
М. 105
- Лависс Э. 87, 189
- Лавров Н.И. 234
- Лажечников И.И. 366,
460
- Ламберт К.О. 105, 160,
206
- Ланжерон А.Ф. 105, 160,
165, 239, 367, 447
- Ланн Ж. 109, 145, 153
- Ланской В.С. 127, 306
- Ланеруз Ж.-Ф. 324
- Ларионов А.В. 91
- Ларрей Д. 90, 152, 392
- Латур-Мобур М.-В. 137,
190, 263, 283, 284
- Лебцельтен В. 130
- Левандовский А.А. 83
- Левенштерн В.И. 433,
447
- Левенштерн К.Ф. 160,
188, 213, 232, 338, 413
- Левицкий Н.А. 76, 156
- Леглер Т. 89
- Леер Г.А. 448
- Лезюр Ш. 124
- Ленин В.И. 24, 26, 27,
34, 54, 74, 97, 100, 103,
175, 362
- Лермонтов М.Ю. 99,
315, 321
- Лесли А.Д. 376
- Лесовский С.И. 368, 380
- Лессенс Ж.-Б. 324
- Лесток А.В. 108
- Лефевр М. 136, 146, 150,
456
- Лидерс Н.И. 407
- Лиранди И.П. 91, 217,
317, 320
- Лихачев П.Г. 281, 282,
294
- Лобанов-Ростовский
Д.И. 245, 338
- Ложье Ц. 89, 319, 323,
342, 391
- Ломоносов М.В. 167
- Лопухин П.В. 235
- Лорер Н.И. 89
- Лористон Ж.-А. 122,
136, 320, 326, 342, 343,
379, 391, 403
- Лоссберг Ф. фон 89
- Лунин М.С. 219, 272
- Людвик XVIII 105
- Людвик XV 83
- Людвик XVI 293, 361
- Мадлен А.** 84, 112
- Маевский С.И. 310, 312,
332
- Макдональд Ж.-Э. 90,
137, 174, 204, 205, 222,
290, 385, 386, 452, 457
- Максимов И.О. 77
- Мале К.-Ф. 422
- Малышкин С.А. 83
- Манфред А.З. 42, 77,
110, 118, 144, 172, 173,
437, 454
- Марбо Ж. 90, 205
- Маре Г.Б. 123, 360, 421
- Марин С.Н. 332, 468
- Мария-Луиза 120, 125
- Мария Федоровна 277,
348, 351
- Марков И.И. 245, 253
- Маркс К. 24—27, 34, 54,
74, 99, 120, 145, 166,
173, 251, 297, 333, 470,
478
- Массена А. 145, 153, 154
- Мекленбургский гер-
цог Карл 160
- Меллер-Закомельский
Е.И. 92, 157
- Мельгунов С.П. 73
- Меншиков А.С. 199
- Мериме П. 254
- Меринг Ф. 176, 258, 446
- Меркел Г. 463
- Местр Ж. де 89, 112,
120, 277, 297, 334, 336,
349, 445, 448, 450
- Меттерних К. 90, 138,
173
- Милорадович М.А. 82,
169, 232, 233, 239, 241,

- 245, 259, 273, 312, 318, 328, 342, 388, 395, 412, 413, 415, 419, 426, 427, 428, 430, 441, 449, 452
- Миркович А.Я. 89, 125
- Митяков М.Ф. 273
- Митюхин Е.И. 273
- Михайлов О.Н. 40, 41
- Михайловский-Данилевский А.И. 58, 72, 81, 84, 86, 112, 139, 143, 239, 244, 264, 281, 288, 314, 327, 334, 336, 401, 405, 429, 448, 469
- Мицкевич А. 99, 147, 203
- Мишель М. 128
- Мишо де Боремур А.Ф. 143, 349
- Моллер А.В. фон 386
- Молок А.И. 76
- Монахтин Ф.Ф. 272
- Монбрен Л.-П. 136, 151, 185, 214, 263, 281, 283, 293
- Монсей А. 290
- Монтгомери Б. 481
- Монтолон Ш. 394, 395
- Моран Ш.-А. 279, 281
- Морков А.И. 104
- Моро Ж.-В. 422
- Мортье Э.-А. 126, 324, 427
- Муравьев А.Н. 89, 125, 166, 229, 270
- Муравьев Н.Н. 352
- Муравьев Н.Н. 89, 332, 343
- Муравьев-Апостол М.И. 89, 479
- Мутон Ж. 209, 403, 454
- Мухин С.А. 187
- Мюрат И. 136, 141, 145, 149, 150, 185, 197, 198, 199, 202, 208, 209, 211, 214, 215, 216, 222, 224, 254, 263, 266, 270, 275, 285, 312, 318, 329, 334, 341, 342, 386, 387, 388, 426, 427, 441, 444, 455, 456
- Надлер В.К.** 348
- Нансути Э.-М. 136, 185, 197, 198, 202, 214, 263
- Наполеон I 76, 164
- Наполеон II 422
- Нарбонн А. 83, 118, 122, 126, 129
- Нахимов Н.М. 377
- Находкин П.И. 324
- Неверовский Д.П. 170, 212, 215, 216, 218, 254, 266, 271, 411
- Ней М. 136, 145, 149, 150, 185, 211, 214, 216, 221, 263, 265, 266, 268, 270, 275, 285, 411, 412, 426, 428, 431, 444, 456
- Некрасов Н.А. 167, 418
- Нессельроде К.В. 433
- Нечкина М.В. 315
- Нибул Б. 177
- Ниве П.А. 84, 395
- Никулищев Б.А. 394, 395
- Новосильцев Н.Н. 103, 104
- Норов А.С. 91, 449
- Норов В.С. 89, 105
- Оденард Ш.-Е.** 394, 395
- Ожеровский А.П. 426, 431
- Ожеро Ж.-П. 372, 421
- Озеров В.А. 462
- Окунев Н.А. 84, 299, 405, 480
- Окупъ С.Б. 144
- Ольденбургский герцог Август 196
- Ольденбургский герцог Георг 111, 117
- Ольденбургский герцог Петр 117
- Орлик О.В. 18—22, 35, 345, 373, 402, 464
- Орлов А.А. 477
- Орлов А.Г. 321
- Орлов М.Ф. 89, 142, 167, 219, 342, 352, 373, 475
- Орлов-Денисов В.В. 221, 372, 386, 388
- Орловский А.О. 244, 462
- Орнано Ф.-А. 279, 397
- Остен-Сакен Ф.В. фон дер 160, 375
- Остерман-Толстой А.И. 169, 170, 197, 269, 273, 279, 306, 386
- Павел I** 97, 105, 108, 115, 125, 160, 163, 194, 237, 239, 240
- Павленко Н.Г. 76, 301
- Паганини Н. 99
- Пален П.П. 236, 441
- Партуно Л. 443, 445
- Паскевич И.Ф. 210, 280, 353, 412, 466
- Паулуччи Ф.О. 170, 187
- Пеле Ж. 89, 257, 271, 318
- Перовская С.Л. 89, 456
- Перовский (Погорельский) А.А. 460
- Перовский В.А. 455
- Петр I 107, 124
- Пестель П.И. 99, 272
- Пионтовский С.А. 75
- Писарев А.А. 84
- Питт У. 107
- Пичета В.И. 73, 315
- Платов М.И. 31, 83, 168, 170, 195, 212, 228, 231, 247, 256, 274, 278, 279, 306, 308, 410, 412, 419, 421, 426, 431, 441, 443, 450, 452, 456, 465
- Плозонн Л.Р. 266
- Повало-Швейковсий И.С. 219, 273
- Покровский М.Н. 28, 75, 132, 144, 246, 315, 432, 449
- Полежаев А.И. 169
- Поликарпов Н.П. 247
- Полиньяк А.-Ж. 105
- Полосин И.И. 76, 91
- Попов А.И. 53, 83, 85, 279
- Попов А.Н. 72, 178, 202, 315, 316, 393, 405

- Потапов Ф. 374, 375
Потемкин Г.А. 167
Предтеченский А.В. 76
Прендель В.А. 126, 127, 368
Пресняков А.Е. 75
Пугачев Е.И. 359, 360
Пушкин А.С. 72, 73, 89, 97, 99, 135, 138, 166, 167, 183, 229, 233, 240, 242–244, 251, 305, 309, 315, 321, 368, 385, 425, 459
Пушин И.И. 89, 310, 450, 459
Пюибюск М. 89, 420
- Радищев А.Н.** 97
Радожидский И.Т. 297, 315, 438
Раевский В.Ф. 89, 163, 167, 169, 170, 273
Раевский Н.Н. 80, 82, 89, 91, 191, 210, 228, 242, 262, 270, 273, 301, 306, 311, 331, 359, 402, 413, 417, 430, 433, 461, 467
Разин Е.А. 11
Разумовский А.Г. 455
Разумовский А.К. 104
Рамбах Ф.Э. 187
Рамбо А. 87, 189
Рапп Ж. 90, 121, 222, 266, 270, 403
Ренни Р.Е. 126, 127
Ренье Ж.-Л. 137, 174, 185, 206, 207, 225, 386, 457
Римский-Корсаков А.М. 468
Ришелье А.-Э. 105
Роге Ф. 427, 430
Рожков Н.А. 75
Розеншильд-Паулин М.И. 83
Роос Г. 89
Ростопчин Ф.В. 30, 83, 89, 178, 193, 221, 227, 232, 235, 237, 241, 245, 246, 252, 253, 289, 290, 305, 310, 312, 314, 316, 317, 319, 322, 327, 332, 340, 350, 356, 378
Ростунов И.И. 429
Рошешуар Л.П. 105
Румянцев Н.П. 110, 115, 140, 349
Румянцев П.А. 147, 195, 237
Рыкачев М.А. 417
Рындзюнский П.Г. 76
Рязанов А.М. 429, 433
- Савари Р.** 90, 121, 422
Салтыков А.Н. 136
Салтыков Н.И. 197, 235, 237, 246
Сандукова Е.С. 462
Сансон Н.А. 419
Сапожников А.И. 48, 83
Свечин Н.С. 75, 351
Свечников М.С. 76, 84, 405
Себастиани О. 173, 212
Сегюр Ф.-П. 90, 121, 223, 255, 257, 319, 322, 363, 392, 394, 395, 396, 400, 430
Семенов П.Н. 273
Сен-При Э.Ф. 105, 160, 177, 211, 267
Сен-Симон А. 361
Сен-Сир Г.Л. 90, 137, 151, 206, 225, 237, 367, 385, 408, 421
Сенявин Д.Н. 386
Сеславин А.Н. 368, 370, 372, 380, 397, 398, 413, 415, 431, 432, 454
Сиверс К.К. 160
Сименон Ж. 456
Сироткин В.Г. 81, 82, 237, 345, 401, 402, 464
Скобелев И.Н. 333
Скотт В. 258, 296, 369, 433
Скугаревский А.П. 288, 293
Смирнов А.А. 48, 83
- Соглаев В.Т. 80, 81, 85, 190, 247, 257, 263, 278, 292, 309, 345, 405, 458
Сокольников М. 123
Соловьев С.М. 202
Солтык Р. 90, 203
Сошин Н.И. 358
Сперанский В.Н. 77
Сперанский М.М. 110
Ставраков С.Х. 330
Сталин И.В. 11, 13, 14, 17, 19, 34, 74, 76, 243, 344
Стендаль Ф. 89, 148, 155, 323, 363, 393, 464
Суворов А.В. 80, 82–84, 99, 108, 147, 153, 161, 163–166, 168, 195, 204, 237, 238, 254, 369, 415, 461
Сульц Н.-Ж. 146, 154
Сутгоф Н.И. 353
Сухов В.Г. 75
Сюше Л.-Г. 146, 154
- Талейран Ш.-М.** 89, 127
Тарле Е.В. 17, 32, 75, 76, 83, 92, 93, 118, 135, 143, 144, 156, 162, 213, 251, 255, 315, 316, 345, 361, 393, 404, 409, 430, 433, 437, 446, 449, 450, 454, 458, 464
Тартаковский А.Г. 21, 22, 32, 77, 83, 139, 142, 143, 238, 244, 320, 345
Тейль фон Сераскеркен Ф. 126
Теребенев И.И. 462
Тет Е.Е. 386
Тири Ж. 50, 87, 255, 258, 393
Тирион А. 89
Тихомиров М.Н. 315
Толстой А.К. 459
Толстой Л.Н. 41, 149, 186, 275, 276, 285, 369, 379
Толычева Т. см. Ново-сильцева Е.В.

- Толь К.Ф. 89, 187, 211,
256, 257, 278, 329, 332,
353, 386, 431, 470
- Тормасов А.П. 140, 157,
174, 206, 207, 225, 236,
245, 329, 394, 430, 462
- Тотфалушин В.П. 48,
83, 244, 306
- Траверсе И.И. 105, 160,
386
- Тренев К.А. 280, 337, 405
- Трощинский Д.П. 395
- Тургенев Н.И. 89, 99
- Тутолмин И.А. 326
- Тучков А.А. 273, 294
- Тучков Н.А. 260, 273, 294
- Тучков П.А. 221, 225, 294
- Тьер А. 112, 443, 221
- Тюлар Ж. 179
- Тютчев Ф.И. 137, 169
- Уваров Ф.П.** 31, 91, 274,
278, 279, 306, 308
- Удино Н.Ш. 136, 146,
151, 185, 205, 206, 225,
385, 440, 441, 443
- Ульянов А.И. 48, 83, 337
- Фабер Г. 90**
- Фадеев А.В. 13
- Фаленберг П.И. 89
- Фезензак Р. 90
- Фигнер А.С. 222, 368,
371, 372, 415
- Фок А.Б. 91
- Фонвизин М.А. 89, 219,
229, 273, 352, 368, 373,
413
- Франц I 107, 120, 361
- Фриан Л. 270
- Фридрих II 107, 155,
163, 176
- Фридрих-Вильгельм III
107, 114, 130, 361, 458
- Фролов Б.П. 49, 86, 278
- Фуа М. 113
- Фуль К.Л. 160, 176, 177,
179, 186
- Фэн А. 90, 257, 394, 446,
454
- Харкевич В.И.** 72, 192,
447, 448, 450
- Хатчинсон Г. 446
- Хвостов Д.И. 461
- Хитрово Е.М. 381
- Хлаповский Д. 89, 453
- Хмельницкий Н.И. 366,
460
- Холодковский В.М.
315, 316
- Храповицкий С.С. 369
- Цебриков Р.М.** 91, 197
- Чандлер Д.** 50, 87, 296,
301, 430, 446, 448, 475
- Чаплиц Е.И. 206, 442,
443
- Чарторийский (Чар-
торижский) А. 89,
102, 116, 131, 132
- Чернозубов И.Ф. 368
- Чернышев А.И. 66, 127,
128, 140, 178, 344, 346,
353, 407
- Чернышевский Н.Г.
73, 99, 315, 321, 476,
479
- Четвертаков Е.В. 374,
375
- Чехов А.П. 170
- Чехов Е.М. 170
- Чеченский А.Н. 369
- Чичагов П.В. 66, 90, 157,
225, 245, 253, 329, 344,
345, 346, 385, 394, 407,
409, 411, 421, 425, 426,
440—443, 446—453,
456, 465
- Чичерин А.В. 89, 438
- Шаляпин Ф.И.** 99
- Шамбре Ж. 87, 138, 221,
258, 301, 393, 394, 395,
408, 415, 430, 434, 440,
444, 448, 457, 458
- Шампаньи Ж.-Б. 121
- Шаховской А.А. 366,
460
- Шахермайр Ф. 94
- Шварценберг К.Ф. 138,
174, 206, 207, 225, 386,
452, 457, 458
- Шведов С.В. 83, 156,
220, 257, 291, 292, 345,
401, 433, 450
- Шевченко Т.Г. 363
- Шейн И.А. 83
- Шильдер Н.К. 91
- Шишков А.С. 80, 91,
140, 188, 236, 239, 465
- Шишов А.В. 49, 81, 85,
86, 156, 257, 263, 278,
292, 429
- Шмидт А. 290
- Штакельберг Г.О. 132
- Штейнгель В.И. 89, 157,
160, 206, 385, 407
- Штейнгель Ф.Ф. 345
- Шуазель-Гуффье С. 105
- Шувалов П.А. 159
- Шюке А. 90
- Щербинин А.А.** 260, 297,
332, 342, 413, 433, 434
- Эбле Ж.-Б.** 136, 442, 444
- Эверс Ш.-Ж. 394, 395
- Эдлинг Р.С. 246
- Энгельс Ф. 24—27, 34,
54, 74, 99, 166, 171,
173, 175, 251, 285, 297,
333, 374, 479
- Эртель Ф.Ф. 90, 91, 157,
160, 206, 225, 329, 345,
385, 394, 407
- Эссен И.Н. 131, 160, 174,
206, 385
- Эссен П.К. 160
- Юрковский А.А.** 419
- Яковлев И.А.** 326
- Якушкин И.Д. 89, 273,
362

Научно-популярное издание

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТРОИЦКИЙ

1812. ВЕЛИКИЙ ГОД РОССИИ

Ответственный редактор *Георгий Пилиев*

Корректоры *Светлана Ткаченко, Александра Зорова*

Художественный редактор *Анна Царева*

Техническая редакция и верстка *Артура Вардересяна*

Подписано в печать 20.09.2007. Формат 70 x 100 ¹/₁₆. Печ. л. 35.

Бум. писчая. Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Зак. 3112.

ООО «Омега-пресс»,

125252, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 47, стр. 2

ЗАО «Омега», 143964, М.о., г. Реутов, ул. Комсомольская, д. 2.

E-mail: omega-press@mtu-net.ru; www.omega-press.ru

Книжный магазин издательства находится по адресу:

г. Москва, ул. Полярная, д. 33

Телефон для справок: (495) 981-27-93

Отдел продаж: (495) 476-98-08, 476-97-74

E-mail: omega-plus@mtu-net.ru

ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфический комбинат детской литературы имени 50-летия СССР
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46

Император Александр I.
Худ. Дж. Доу

М.И. Кутузов.
Худ. П. Борель

М.Б. Барклай де Толли.
Худ. Дж. Доу

Предполагаемый портрет П.И. Баграциона.
Худ. В.А. Тропинин

А.П. Тормасов.
Худ. К. Рейхель

П.Х. Витгенштейн.
Худ. Дж. Доу

Н.Н. Раевский.
Худ. Дж. Доу

А.П. Ермолов.
Худ. Дж. Доу

П.П. Коновницын.
Худ. Дж. Доу

А.И. Остерман-Толстой.
Худ. Дж. Доу

М.И. Платов.
Худ. А.О. Орловский

Д.В. Давыдов.
Худ. мастерской Дж. Доу

А.Н. Сеславин.
Худ. Дж. Доу

А.С. Фигнер.
Худ. О.А. Кипренский

Ф.В. Ростопчин.
Неизвестный художник

П.И. Пестель.
Худ. Е.И. Пестель

А.А. Перовский.
Худ. К.П. Брюллов

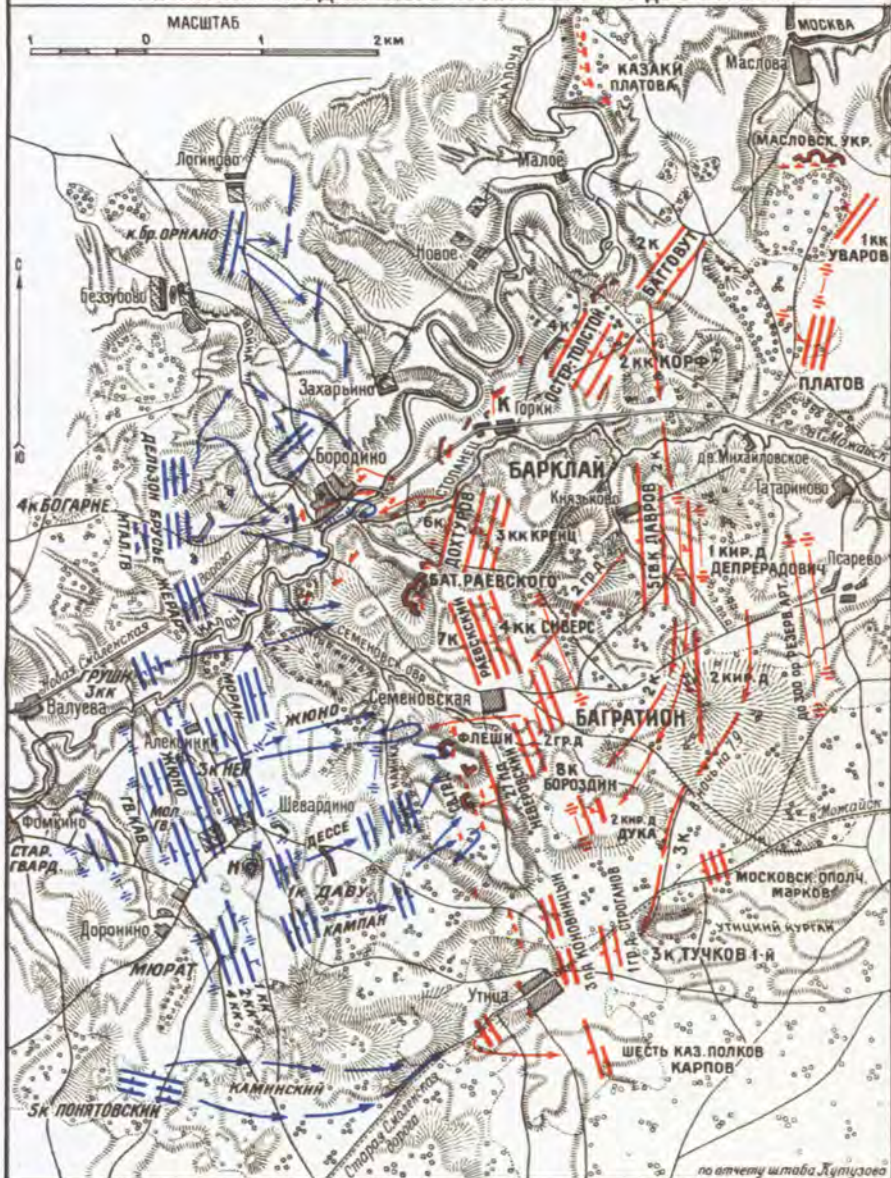
«М. И. Кутузов на
командном пунк-
те в день Бородин-
ского сражения».
Худ. А. Шепелюх

«Военный совет в Филлах». Худ. А.А. Кивиценко

1-й ЭТАП БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ с 5 до 9 ч. 7.9.1812 г.

СИЛЫ СТОРОН

Русские: батальонов 180
эскадронов 164
артиллерийских рот и батарей - 55

Всего: 95.000 чел. и 640 орудий

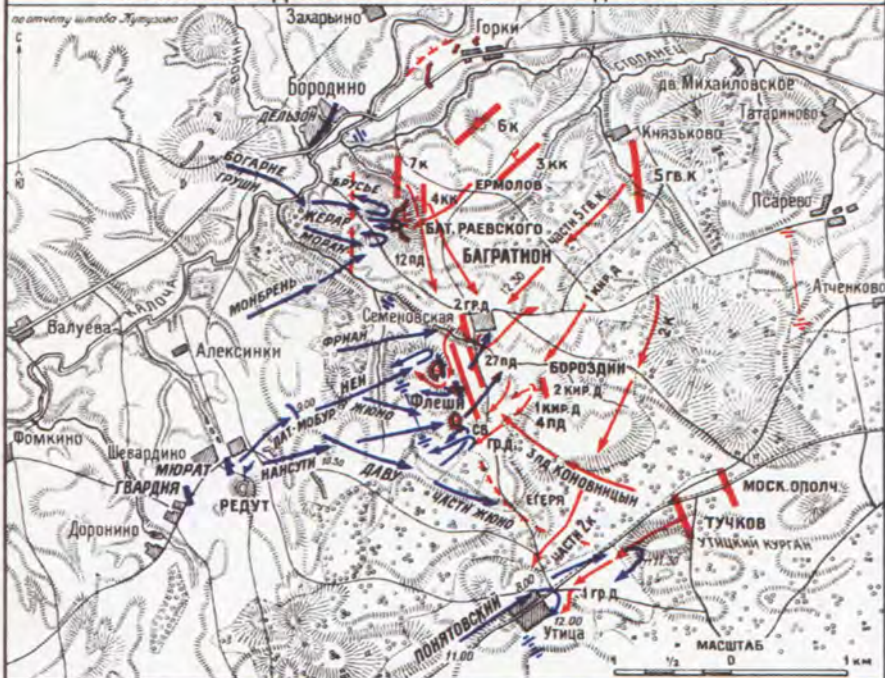
Кроме того 7.000 казаков и 10.000 ратников ополчения

Французы: 86.000 пехоты
28.000 кавалерии
16.000 артиллерии и др.

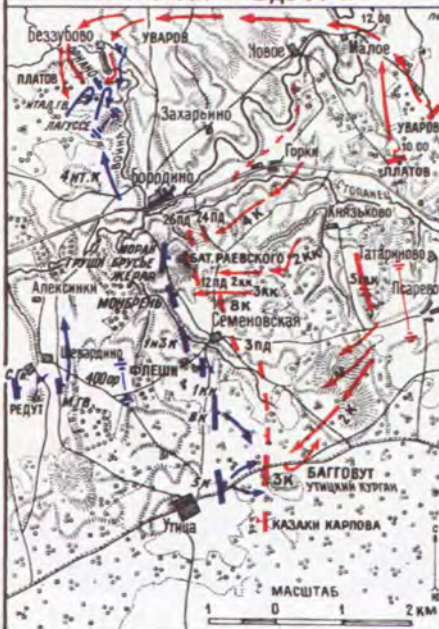
Всего: 130.000 чел. и 587 орудий

ПОТЕРИ: русских убито и ранено 43.000 чел. — французов убито и ранено не менее 58.000 ч.

2-й ЭТАП БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ с 9 до 12 ч. 7.9.1812 г.

3-й ЭТАП с 12 до 14 ч.

4-й ЭТАП с 14 до 18 ч.

Положение сторон к 18 ч.

*«Отказ пленного генерала П.Г. Лихачева принять свою шпагу из рук Наполеона».
Худ. А. Сафонов*

*«Смертельное ранение П.И. Баграциона».
Худ. А.Н. Велхвадзе*

«В штыки! Ура! Ура!»
Худ. В. В. Верещагин

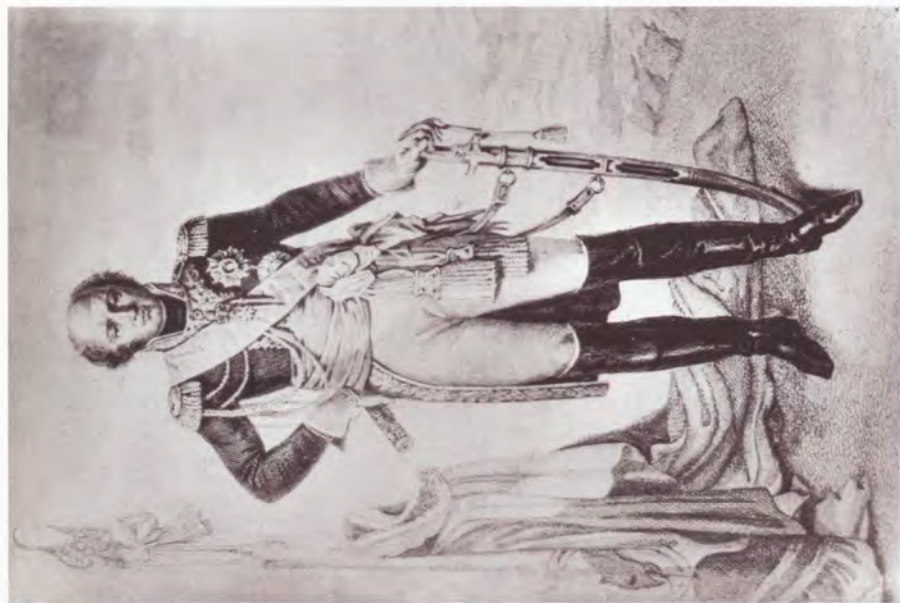

«В 1812 году».
Худ. И.М. Прянишников

Император Наполеон I.
Худ. П. Делярош

А.Н. Давыд,
Худ. Ф. Жерар

М. Ней.
Худ. Ф. Жерар

И. Мюрат.
Литография А. Адама
с портрета Ф. Жерара

Е. Богарне.
Неизвестный художник

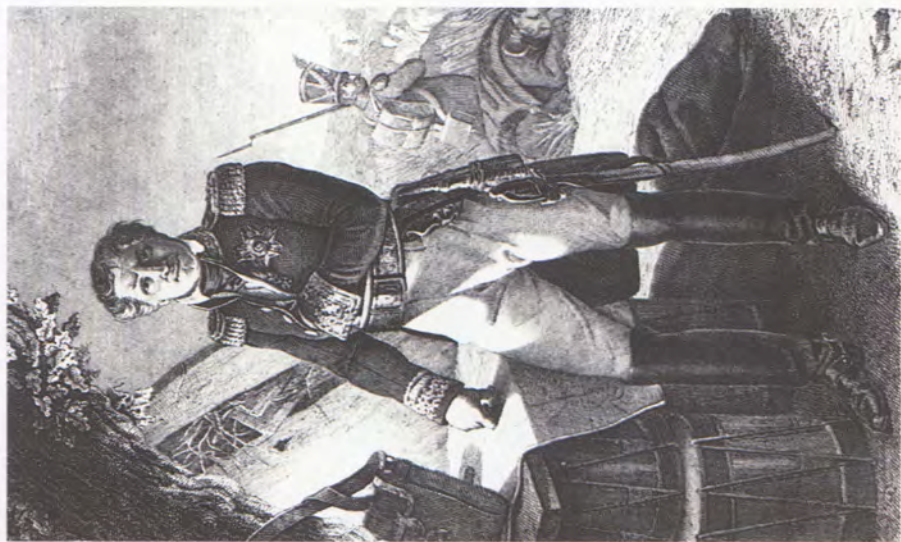

А.А. Бертье.
Худ. А. Зенефельд

Ж.-Б. Бессьер.
Худ. Ф. Жерар

А. Губон Сен-Сир.
Худ. Ф. Жерар

Ю. Понятовский.
Неизвестный худ.

Ж.-Э. Махдоналов.
Худ. Ж.А. Давид

Ф.-Ж. Лефевр.
Худ. А. Дельвиц

Императоры Наполеон I и Александр I и королевская чета Пруссии
(Луиза и Фридрих-Вильгельм III) в Тильзите.
Худ. Ф.А.Н. Госсэ

Grenadiers à pied,
OFFICIER ET SOLDAT (GARDE IMPÉRIALE)

Офицер и солдат французской гвардии.
1812 г.

Французский драгун.
1812 г.

Французский конногвардеец.
1812 г.

«Наполеон на Бородинских высотах». Худ. В.В. Верещагин

«Вечер Бородина. Генерал О. Коленкура, убитого на Курганной высоте, переносят его солдаты». Худ. А. Аля-Азов

«Конец Бородинского сражения». Худ. В.В. Верещагин

«Сквозь пожар (Наполеон в горящей Москве)». Худ. В.В. Верещагин

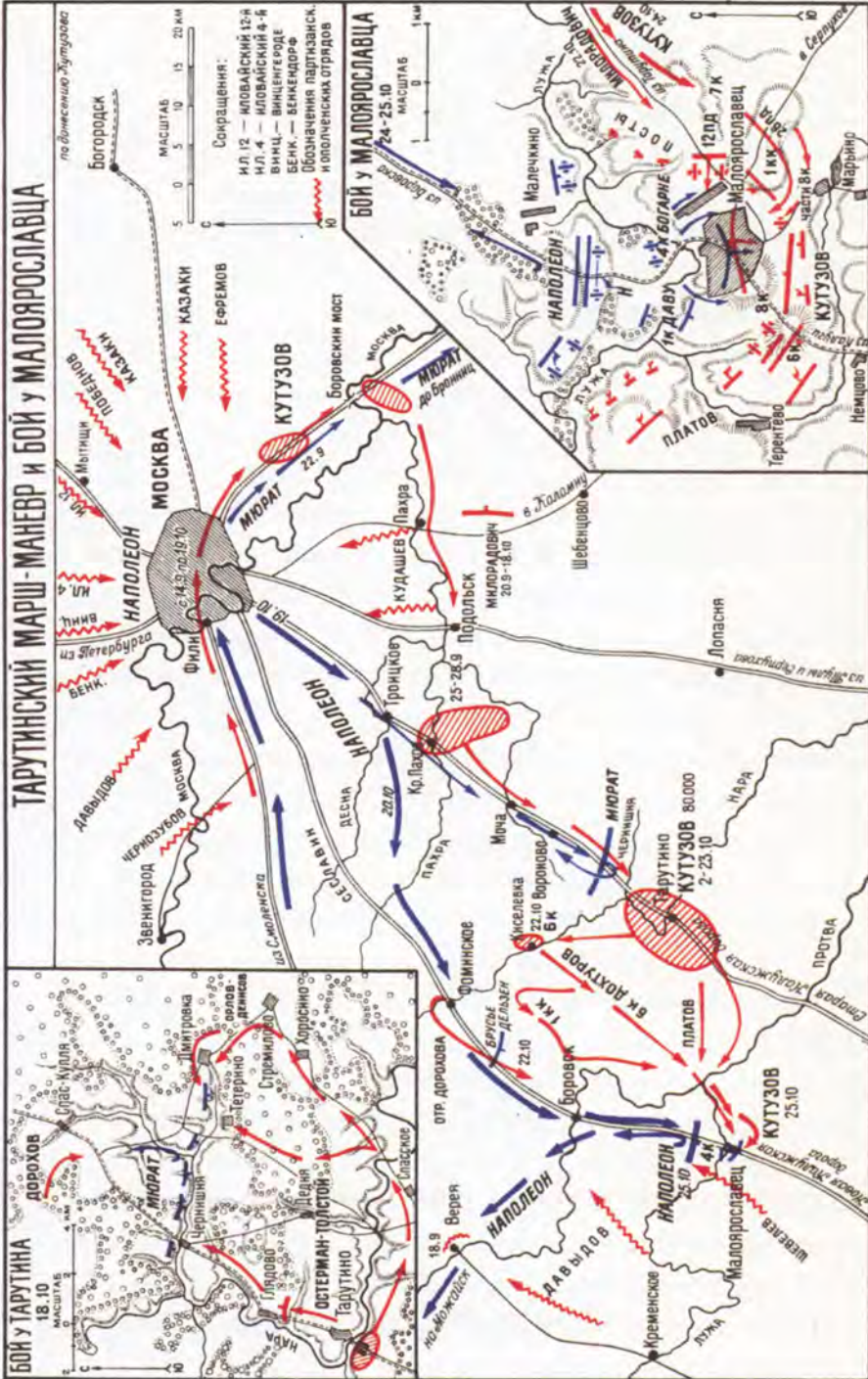

«Расстрел поджигателей». Худ. В.В. Верещагин

БОЙ У ТАРУТИНА 18.10

ТАРУТИНСКИЙ МАРШ-МАНЕВР И БОЙ У МАЛОЯРОСЛАВЦА

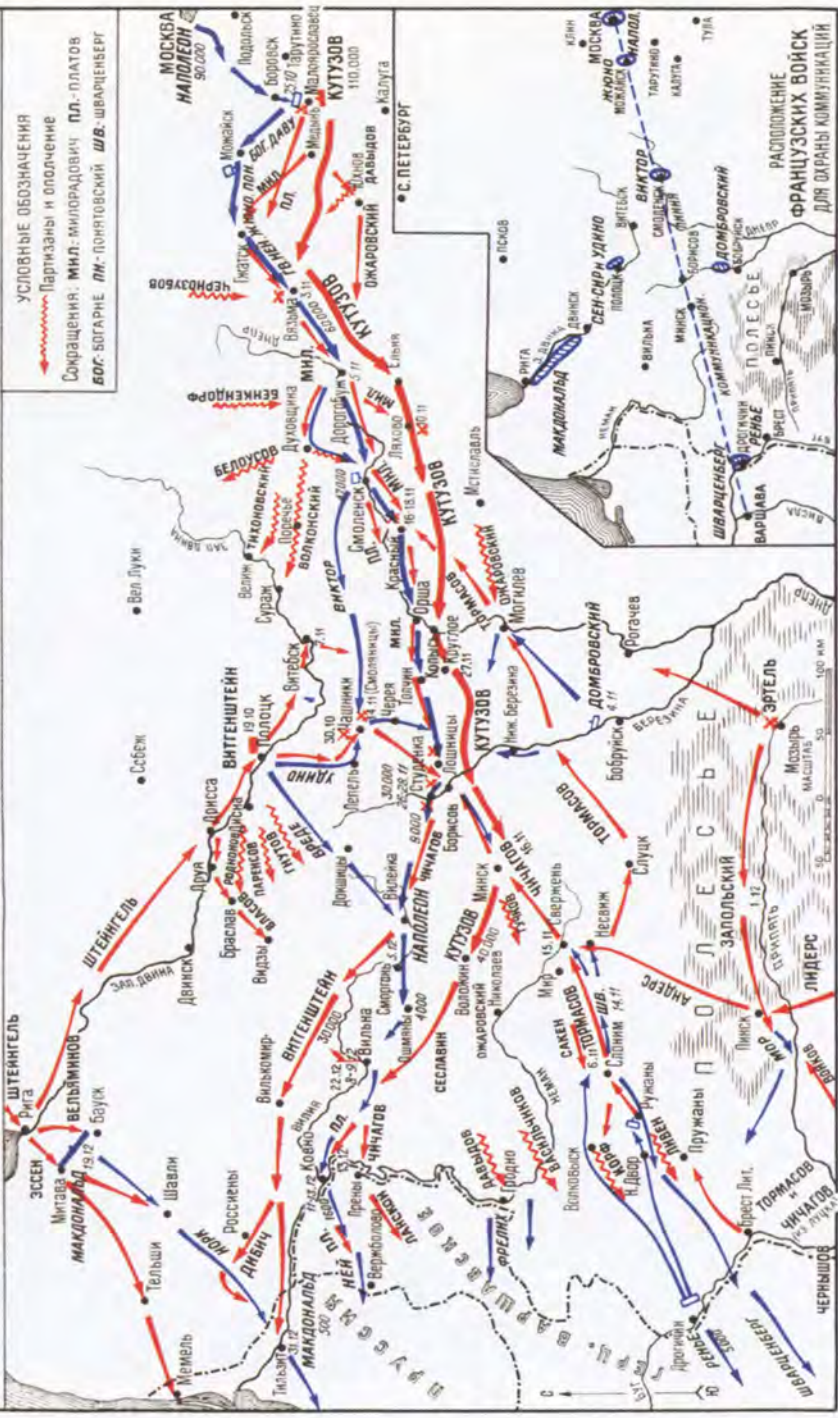
ОТСТУПЛЕНИЕ АРМИИ НАПОЛЕОНА ОТ МОСКВЫ И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕЕ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Партизаны и ополчение

Сокращения: ММЛ - милорадович пл - платов

БООС-БОГАРНЭ ДН-ПОНЯТОВСКИЙ ШВ-ШВАРЦЕНБЕРГ

Николай Алексеевич Троицкий — доктор исторических наук, действительный член Международной академии наук Высшей школы и Академии военных наук, профессор и председатель диссертационного совета Саратовского государственного университета, автор более 400 научных и методических трудов.

В фундаментальном труде Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» впервые предпринят критический пересмотр официозно-советской историографии «Двенадцатого года» с ее псевдопатриотическими штампами и предвзятым истолкованием причин и событий Отечественной войны 1812 года.

«Лучшая из работ ... появившихся ... после замечательных книг Е.В. Тарле» А.Г. Тартаковский

www.omega-press.ru

2007133347